

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
47

Н. Н. ГУРИНА

ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ
МОГИЛЬНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1956

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 47

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956 — ЛЕНИНГРАД

ИЭ
Ж-1016

ИЭ

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 47

Н. Н. ГУРИНА

ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
В. И. РАВДОНИКАСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956 — ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Я. БРЮСОВ

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
НЕУТОМИМОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СЕВЕРА
МАРИИ ЕВГЕНЬЕВНЫ ФОСС*

ОТ АВТОРА

Оленеостровский могильник — это огромный некрополь неолитической эпохи, расположенный в Карело-Финской ССР, на Южном Оленьем острове Онежского озера. Могильник представляет собой уникальный археологический памятник, необычный для лесной полосы европейской части Советского Союза. Раскопки его были произведены в 1936—1938 гг. членом-корреспондентом АН СССР профессором В. И. Равдоникасом. Научное значение Оленеостровского могильника определяется прежде всего обилием погребений, дающих ценный археологический и антропологический материал, а также своеобразием погребального обряда, резко выделяющим его среди известных неолитических могильников и отдельных захоронений в северной и центральной частях СССР. Исключительный интерес представляет также костяной и оригинальный каменный инвентарь, который до сих пор не встречался в таком сочетании ни в одном из многочисленных неолитических поселений севера. Все это делает Оленеостровский могильник ценным источником в изучении древней истории населения Карелии и всей северной территории европейской части СССР.

Сравнивая Оленеостровский могильник как с близлежащими, так и более отдаленными неолитическими поселениями и отдельными захоронениями, сопоставляя его с могильниками, расположенными на далеких территориях Восточной Сибири, Прибалтики и Северного Кавказа, нужно признать, что мы не находим ни одного памятника, с которым он был бы тождествен по материалу или обряду захоронения. Таким образом, Оленеостровский могильник дает возмож-

ность выявить ряд совершенно новых фактов, значительно расширяющих наши представления о материальной и духовной культуре древнего населения Карелии и севера европейской части СССР, свидетельствуя тем самым о значительном разнообразии и сложности исторического процесса развития отдельных племен лесной полосы в неолитическое время.

Вместе с тем уникальный характер Оленеостровского могильника создает особые трудности в определении исторического места данного памятника и усложняет вопрос о его датировке. Согласно современному уровню наших знаний, древнее население, совершавшее захоронения на Оленьем острове, оказывается как бы лишенным предшественников и вместе с тем не имеет и своих потомков. Откуда пришли сюда в то время люди и куда затем удалились? Или они остались жить здесь же, но вследствие каких-то причин перенесли позже место погребения на другой остров, или, быть может, в результате резкого изменения погребального обряда стали хоронить своих умерших сородичей совсем иным способом, от которого до нас не могло сохраниться никаких следов? На эти вопросы в настоящее время невозможно дать точный ответ. Надо надеяться, что Оленеостровский могильник недолго будет оставаться единственным. Его следует рассматривать лишь как одно из звеньев целой цепи памятников, которые несомненно будут еще выявлены усилиями археологов и помогут раскрыть пока не известные науке страницы древней истории нашего севера. В свете новых открытий археологии можно будет получить точные ответы на ряд вопросов,

которые сейчас, на основании материалов лишь одного Оленеостровского могильника, нельзя решить.

В данной работе ставится задача прежде всего возможно полнее ввести в научный оборот вещественный материал Оленеостровского могильника как ценный источник для изучения культуры древних племен, некогда обитавших на севере европейской части Советского Союза. Вместе с тем в работе приводится ряд обобщающих положений и выводов, вытекающих из публикуемого материала и привлекаемых для его исторического освещения вспомогательных этнографических и прочих данных.

Работа состоит из двух основных частей. Первая включает в себя разделы, посвященные истории исследования могильника, характеристике формы обряда захоронения и инвентаря, сопровождавшего погребения, а также вопросам хозяйственной деятельности и датировке памятника. Кроме того, в этой части дается попытка воссоздания отдельных элементов общественного строя древних оленеостровцев и некоторых сторон их мировоззрения. Для более полной публикации вещественного материала, который сможет послужить необходимым источником для исследователей, занимающихся различными проблемами первобытного общества, приводятся описания погребений. Описание каждого из погребений могильника составлено на основании дневниковых данных и полевых чертежей исследователей, производивших раскопки могильника (В. И. Равдоникаса, Г. И. Гроздилова, Н. Н. Чернягина и Н. Б. Эмлер). Приведена также таблица погребений, содержащая предельно краткие главнейшие сведения о них.

Описание погребений, помещенное в «Приложении», сопровождается чертежами, фиксирующими положение костяков, и схематическими зарисовками инвентаря, сопровождавшего захоронения. Помещение этого материала, являющегося фундаментом, на котором строятся многие выводы, в конце, а не в начале книги, как это обычно принято делать, вызвано желанием облегчить чтение. В основном же тексте работы дан раздел «Форма обряда погребения», являющийся обобщением и систематизацией погребений, описанных в «Приложении». Наконец, в этом разделе помещены таблицы определения антропологического материала и фауны

Оленеостровского могильника, выполненные соответствующими специалистами: антропологами Е. В. Жировым, В. П. Якимовым и М. М. Герасимовым и палеозоологом В. В. Карачаровским.

Со временем открытие новых археологических памятников, аналогичных Оленеостровскому могильнику, возможно, заставит внести некоторые изменения и дополнения в выводы автора этой работы, не снизив ценности опубликованного материала.

Предварительные итоги изучения Оленеостровского могильника были в свое время освещены В. И. Равдоникасом. Однако полная публикация всего памятника надолго задержалась. Обилие вещественного материала и наличие большого количества погребений несколько затянули обработку, а наступившая затем Великая Отечественная война, вызвавшая необходимость срочной эвакуации коллекции, в известной мере осложнила последующую работу. Потребовался огромный труд по восстановлению и точному определению (по целому ряду источников) принадлежности вещей к тем или иным комплексам, что не могло не затянуть завершения работы. Однако полностью сохранившаяся полевая документация позволила все же довести до конца этот труд.

Атипичность Оленеостровского могильника, как было уже указано выше, затрудняет в настоящее время решение весьма важных вопросов и приводит исследователей в ряде случаев к резко различным точкам зрения. Как увидит читатель, В. И. Равдоникас в своей вступительной статье и я в данной работе стоим на разных позициях в оценке формы хозяйства и образа жизни древних оленеостровцев и датировке этого памятника. Следует надеяться, что в будущем новые материалы, полученные в результате полевых исследований, помогут окончательно решить, кто из данных авторов стоит ближе к истине.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую признательность В. И. Равдоникасу, как руководителю блестяще проведенных раскопок Оленеостровского могильника, в ходе которых я могла в качестве участника полностью ознакомиться с памятником, а также за предоставление мне полевой документации экспедиции, использованной в настоящей работе.

Н. Гурина.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ЮЖНОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

(Вступительная статья)

Широко развернувшееся в советскую эпоху изучение памятников лесного неолита восточноевропейской части СССР (так называемого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой) привело к весьма важным, обогатившим советскую археологию результатам. Значительный материал, накопленный до революции, получил историческую интерпретацию в свете новых открытий и с помощью новых методов. Открытие и исследование при помощи современной методики огромного количества остатков поселений — стоянок — в различных районах страны, от Балтики до Урала и от Ледовитого океана до лесостепи, дало возможность установить топографию и выяснить общий характер этих древних поселений, изучить конструкцию жилищ (землянок, полуземлянок, наземных летних жилищ), а также их хозяйственно-бытовое содержание и окружение. Собранные на стоянках чрезвычайно обильные вещевые находки (преимущественно орудия из кремня и из мягких пород камня, гораздо реже из кости, керамика, украшения, предметы искусства и т. д.) были для ряда районов хорошо изучены и систематизированы по материалу, форме и функциям. Установлена хронология отдельных групп памятников, в общей своей массе относящихся к III—II тысячелетиям до н. э. Позднейшие из них на севере датируются I тысячелетием до н. э.

В итоге, несмотря на множество спорных и неразрешенных вопросов, наметились основные контуры исторической жизни лесных неолитических племен, обитавших в восточной Европе в указанное время. Была

раскрыта выразительная картина общественного производства этих племен (высокоразвитые — для первобытно-общинной эпохи — рыболовство и охота как основные формы хозяйства, производство орудий производства с помощью неолитической техники, тонкая обработка кости и т. д.). Соответственно этому уровню развития производительных сил общественный строй носителей культуры нашего лесного неолита был охарактеризован как строй родо-племенной, развивающийся от матриархата к патриархату.

Если раньше неолит лесной полосы восточной Европы рассматривался обобщенно, как единая культура (культура ямочно-гребенчатой керамики), то более углубленные исследования позволили выделить по ряду местных признаков (в орнаментации керамики, в формах орудий и т. д.) различающиеся друг от друга территориальные, вероятно, племенные группы памятников (культуры беломорская, карельская, каргопольская, волоховская, балахнинская и др.), что в значительной степени конкретизирует наши представления о лесном неолите. Некоторые шаги вперед были сделаны и в области изучения общественного сознания, особенно религиозных верований неолитических племен. Главной опорой здесь послужили находки предметов изобразительного искусства (разные скульптуры из камня и кости, так называемые кремневые фигурки, изображения на сосудах) и особенно наскальные изображения Онежского озера и Белого моря.

Успехи советской археологии в изучении восточноевропейского лесного неолита очевидны. Однако необходимо сказать, что наши

археологические знания об эпохе неолита основаны главным образом на изучении остатков поселений (стоянок), расположенных в древней береговой полосе рек, озер и морей и оставленных оседлым населением, занимавшимся преимущественно рыболовством, озерным и морским промыслом, а затем и охотой. Что происходило за пределами прибрежной зоны, какие формы хозяйства, быта, вообще общественной жизни существовали в это же самое время в широких таежных, а на севере и тундровых пространствах, об этом мы мало знаем.

Поселения при всем их богатстве и разнообразном содержании не могут все же дать ответ на ряд существенных для историко-археологической науки вопросов, которые получают достаточно освещение при анализе могильных памятников. К числу их относятся вопросы антропологического изучения костных остатков самого человека, как правило, не представленных на поселениях, если они не содержат погребений; изучение религиозных верований, запечатлевающих в погребальной обрядности; некоторые вопросы, касающиеся общественного строя и семейно-брачных отношений (например дифференциация погребений по обрядности и по инвентарю, характер совместных захоронений). Отметим также, что некоторые производственные и бытовые особенности древней жизни иногда полнее и ярче выступают в могильном инвентаре, чем в культурных остатках поселений. Кроме того, в погребениях предметы встречаются обычно в их целостном виде, расположение предметов, особенно украшений, на скелетах дает возможность реконструкции костюма и его убранства и т. д.

Между тем, неолитические погребения в лесной полосе восточной Европы до революции, можно сказать, совсем не были известны. Так называемый «старший Волосовский могильник», где А. С. Уваров раскопал 5 погребений и нашел при каждом из них неорнаментированный сосуд и наконечник стрелы,¹ по нашему мнению, вряд ли является неолитическим. Известные находки на побережье Ладожского озера А. А. Иностранцевым человеческих костей (10 черепов и другие кости) происходят из намывного торфа, где они находились во вторичном

залегании вместе с многочисленными культурными остатками.¹ Это переотложенные остатки разрушенных неолитических погребений, о первоначальной стратиграфии которых, естественно, судить невозможно. Однако следует сказать, что долгое время находки А. А. Иностранцева служили единственным основанием для заключений об антропологическом типе человека эпохи неолита в лесной полосе.

Этим исчерпываются, если не говорить о недостоверных находках, сведения о неолитических погребениях лесной полосы, известных до революции.

Столь существенный пробел в памятниках лесного неолита стал постепенно восполняться в советскую эпоху.

В 1928 и в 1930—1931 гг. М. Е. Фосс открыла на исследованной ею стоянке Кубенино (у озера Лаче, на берегу р. Онеги) человеческие кости. Цельми оказались три погребения, залегавшие на небольшой глубине (0.25—0.40 см от поверхности), под нетронутым культурным слоем стоянки.² Скелеты лежали в вытянутом положении, лицом вниз (!), с ориентировкой в двух погребениях головой к югу, в одном — к северу. Одно из этих погребений, плохо сохранившееся, вещей не содержало, зато в двух остальных был обнаружен весьма интересный инвентарь: изделия из кости — наконечники, резные скульптурные изображения человека (два экземпляра; одна из этих фигурок изображает человека, повидимому, с лосяной ногой, заканчивающейся копытом), подвески и наборы из челюстей животных (резцы бобра, челюсти выдры и куницы), затем кремневые орудия (наконечники, скребки) и любопытные антропоморфные и зооморфные глиняные фигурки. Дно одной из могил было посыпано красной краской (охрой). Погребения датируются по культурному слою стоянки, относимому М. Е. Фосс ко второй половине II тысячелетия до н. э. (1750—1100 гг.).

В 1934—1935 гг. О. Н. Бадер открыл в культурном слое Языковской неолити-

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек на побережье Ладожского озера. СПб., 1882.

² М. Е. Фосс. 1) Погребения на стоянке Кубенино. Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 73 сл.; 2) Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 31 сл.; 3) Неолитические культуры севера европейской части СССР. СА, IX, 1947.

¹ А. С. Уваров. Археология России. М., 1881, стр. 298 сл.

ческой стоянки (Кашинский район Калининской области) 7 скелетов, лежащих в вытянутом положении, на спине, головой к югу.¹ Находки при скелетах (клыки медведя, кремневый скребок и пр.), по заключению исследователя, могли попасть сюда случайно из культурного слоя. По мнению Г. Ф. Дебеца, антропологический тип этих скелетов лапоноидный (короткоголовый, низкорослый).

Более значительный могильник был исследован в 1938—1946 гг. А. Я. Брюсовым на р. Модлоне, в местности под названием Каравайха.² Погребения (несколько десятков) залегали на площади, занятой стоянкой, датируемой исследователем серединой II тысячелетия до н. э. Скелеты лежали в вытянутом положении, на спине (часть в сидячем положении), имея различную ориентировку. Часть погребений была засыпана красной охрой; иногда подсыпка носила характер сплошного заполнения могилы. На скелетах были найдены вещи неолитического времени (например каменное кольцо, желобчатое долото, ножевидные пластины, наконечники стрел, шлифованный топор и т. д.). Однако, как пишет исследователь, определить, какие вещи были положены вместе с покойником и какие попали с засыпкой, можно только в редких случаях. По заключению А. Я. Брюсова, могильник состоит из двух разновременных частей: 1) северный, более древний (начало II тысячелетия до н. э.), и 2) южный, относящийся к середине II тысячелетия до н. э. Скольконибудь точное представление о Каравайском могильнике до более обстоятельной публикации составить трудно. По заключению Г. Ф. Дебеца, население, оставившее Каравайский могильник, имело европеоидный облик с чертами монголоидности.

В 1945 г. И. К. Цветкова, раскапывая Гавриловскую стоянку (Дзержинский район Горьковской области), обнаружила под нарушенным культурным слоем 6 погребений.

¹ О. Н. Бадер. 1) Археологические раскопки у дер. Языково. Антропологич. журн., 1936, № 2; 2) Неолитические погребения на верхней Волге. СА, III, 1937.

² А. Я. Брюсов. 1) Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 17—18. 2) Результаты Вологодской археологической экспедиции в Черозерском районе Вологодской области. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 58.

ний.¹ Скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, ориентированные различно. Вещей в погребениях не оказалось.

Таковы открытые к настоящему времени неолитические погребения лесной полосы, кроме Оленеостровского могильника. Общая особенность этих погребений² заключается в том, что они представляют остатки захоронений в поселениях при очагах и жилищах. Несомненно, это очень древняя форма похорон, ведущая свое начало от палеолита и продолжающая существовать, становясь все более и более исключительной, до эпохи бронзы. Уже в эпоху мезолита наряду с погребениями в поселениях (например, азильско-тарденуазские пещеры, кьеккен-меддинги и пр.) появляются обособленные специальные могильники или кладбища родового типа (Мугель, Тевьек). В дальнейшем погребения в поселениях — при жилищах или в жилищах — становятся исключенными и лишь сопутствуют погребениям массового типа вне поселений — в могильниках, курганах и т. д. Этот факт весьма выразительно засвидетельствован, например, памятниками срубно-хвалынской культуры, где известны редкие случаи скорченных погребений в жилищах при массовом курганном способе захоронений.

Нам кажется, что в неолите лесной полосы погребения на стоянках вряд ли представляют общий, массовый тип захоронений. В противном случае при множестве раскопанных стоянок они встречались бы несравненно чаще. Пока же это лишь единичные случаи, и только Каравайский могильник содержит более или менее значительное количество погребений. В остальных случаях они находятся в явной диспропорции по отношению к численности населения стоянок и тем самым выдают свою исключительность. Так, стоянка Кубенино, продолжительность существования которой, как живого поселения, М. Е. Фосс исчисляет примерно в полтысячелетие, содержала всего лишь 3 погребения.

Массовые погребения лесного прибрежного неолита, повидимому, надо искать где-

¹ И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 70 сл.

² Мы не касаемся здесь недостоверных или совершенно невыразительных находок костей человека на неолитических стоянках (находки В. С. Пердольского в Коломцах, находки на Федоровской стоянке и др.).

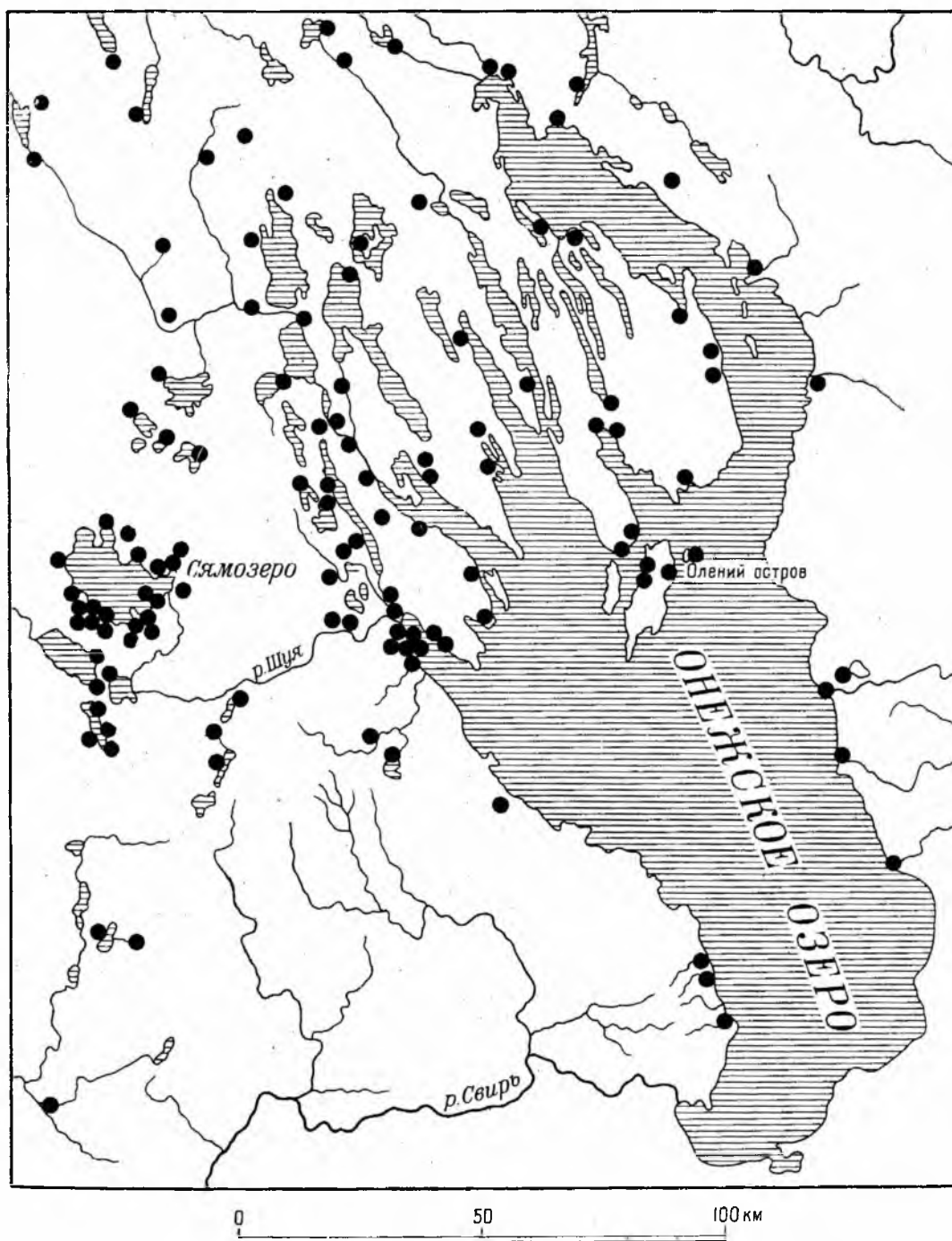

Рис. 1. Географическое положение Оленьего острова и окружающих его археологических памятников (кружками обозначены места древних поселений и случайных находок эпохи неолита).

нибудь вне стоянки, если не верна неоднократно высказанная гипотеза, что в это время практиковались открытые способы захоронений на поверхности земли или даже в лесу на деревьях.

Наличие расположенных за пределами поселений массовых кладбищ этого времени доказывается фактом существования Оленеостровского могильника, открытого в 1936 г. Но этот выдающийся памятник рядом своеобразных черт резко выделяется на фоне описанных выше погребений, да и на фоне всего неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Перейдем к общей характеристике могильника.

На Онежском озере рядом с северо-восточным берегом острова Клименецкого, расположенного у входа в Повенецкую губу, находятся два небольших островка, получивших название Оленьих — Северного и Южного (рис. 1). Южный Олений остров вытянут с северо-запада на юго-восток на 2.7 км при наибольшей ширине около 0.7 км и при наибольшей высоте над уровнем моря около 15 м (рис. 2, 3). Он является коренным продолжением Северного Оленьего острова, представляет крыло антиклинальной складки и сложен из протерозойских металюрфизованных доломитов и известняков, относящихся к средним горизонтам ятулия.¹ Сверху эта коренная порода покрыта четвертичными наносами, представляющими перемиутую морену (валунило-галечные пики и суглинки) и достигающими максимальной мощности 4—5 м. В коренной породе местами встречаются пещеры. Остров покрыт преимущественно лиственным мелколесьем с примесью хвойных деревьев. Крупный лес здесь давно вырублен на дрова для обжига извести.

Задолго до революции оленеостровское местонахождение известняка уже подвергалось кустарной разработке местным населением, о чем свидетельствуют многочисленные ямы на различных участках острова. По рассказам старожил, при копке ям встречались человеческие кости, при этом настолько часто, что местность этих старых разработок (северо-западная часть острова) получила название «могильника» или «могильника». Действительно, произведенные нами исследования ряда таких ям обнаружили в некоторых из них — в обрезах или

в выкидах — следы уничтоженных древних погребений.

В советское время здесь было организовано государственное предприятие по добыче

Рис. 2. Характер Оленьего острова и расположение могильника на нем.

1 — карьер; 2 — раскопанная часть могильника; 3 — карьер, заполненный водой.

и обработке известняка. Обширный и глубокий к настоящему времени карьер этого предприятия находился как раз в районе расположения могильника и непрерывно разрушал его.

Открытие могильника произошло следующим образом. В мае 1936 г. Карельский

¹ П. Т. Швец. Оленеостровское местонахождение известняка на Онежском озере. Изв. Лен. геолог. треста, 2 (11), 1936, стр. 28.

научно-исследовательский институт в Петрозаводске получил известие, что на Южном Оленьем острове при разработке известняка рабочие находят черепа и другие человеческие кости. Через несколько дней для выяснения характера этих находок на Южный Олений остров был командирован сотрудник института, который сразу же обнаружил

острове известняковыми разработками разрушается какой-то выдающийся могильный памятник неолитического облика. Поэтому сразу же в июне 1936 г. были командированы на место для углубленной разведки и для принятия мер к охране сотрудники ГАИМК Г. П. Гроздилов и Н. Н. Гурина, которые исследовали несколько частично

Рис. 3. Характер берега в восточной части Оленьего острова.

в четвертичном покрове северной стенки карьера остатки или следы древних погребений в виде выходов красной охры или человеческих костей, частью с вещевыми находками (подвески из резцов бобра, каменные и костяные орудия).

Описание этих наблюдений с приложением фотографий было немедленно же (31 мая 1936 г.) переслано Карельским научно-исследовательским институтом в Институт антропологии и этнографии АН СССР. Отсюда оно поступило в Государственную Академию истории материальной культуры, где аналогичные устные сведения уже имелись, но из другого источника.

Полученный материал не оставлял никакого сомнения в том, что на Южном Оленьем

разрушенных и целостных погребений, оказавшихся действительно неолитическими.

Для систематического исследования открытого указанным путем могильника ГАИМК организовала экспедицию в составе В. И. Равдоникаса (руководитель), Н. Б. Эмлер, П. А. Смелова, Н. А. Лазина и Д. С. Кацнельсон. Экспедиция производила работы в июле—августе 1936 г. Вместе с июньскими исследованиями Г. П. Гроздилова и Н. Н. Гуриной в 1936 г. было раскрыто 43 погребения. Уже осенью, в сентябре, работы продолжила Н. Б. Эмлер и раскопала еще 6 погребений.

В 1937 г. экспедиционные исследования на Южном Оленьем острове были развернуты значительно шире при участии трех научных учреждений — ГАИМК, Инсти-

туда антропологии и этнографии АН СССР и Московского антропологического института. В состав экспедиции входили В. И. Равдоникас (руководитель), Г. П. Гроздилов,

чала июля до середины сентября. За это время было раскрыто 105 погребений.

В 1938 г. ГАИМК вновь направила на Южный Олений остров экспедицию в составе

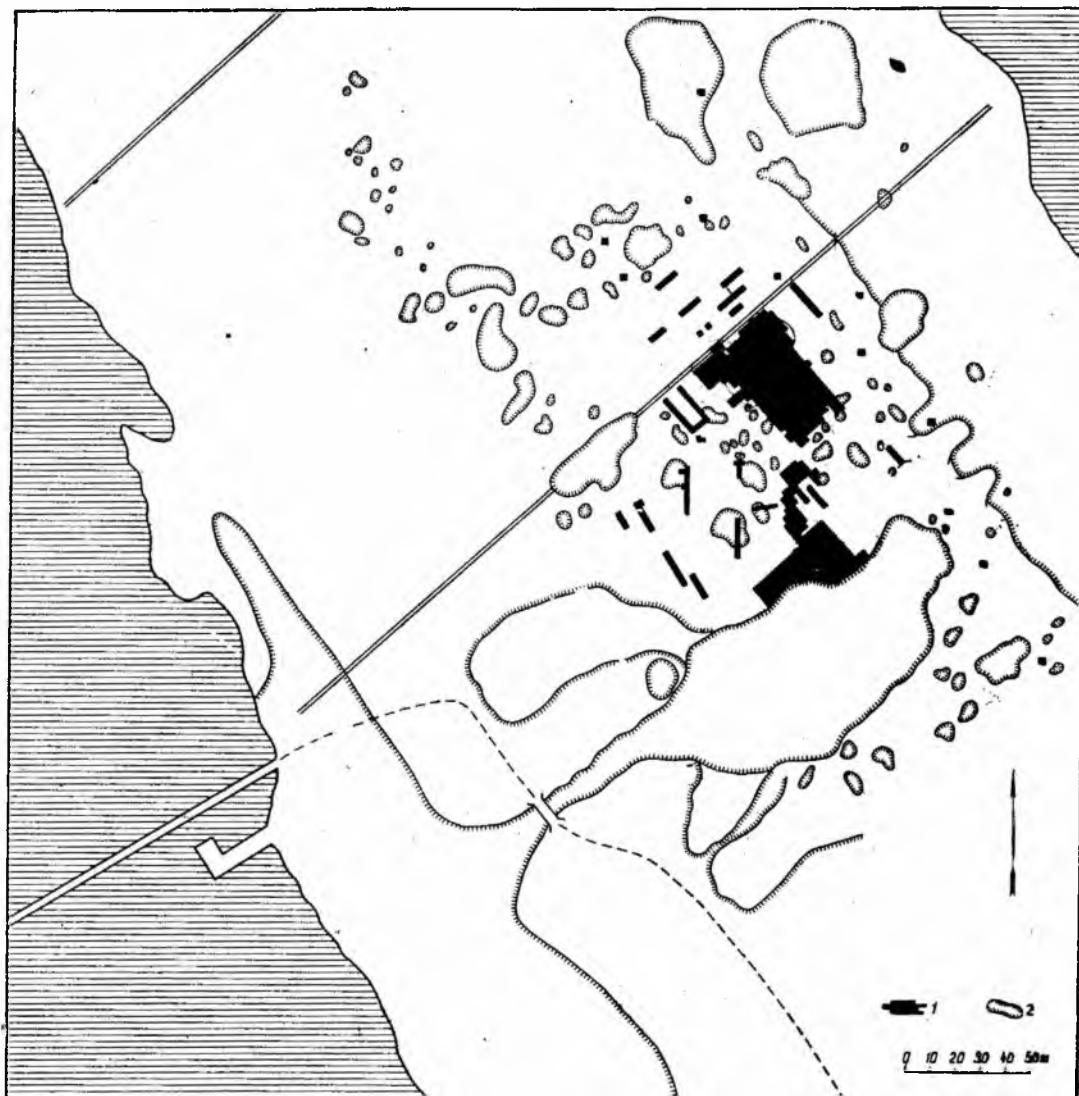

Рис. 4. Сводный план Оленеостровского могильника.

1 — раскопанная часть могильника; 2 — карьер.

Н. Н. Гурина, П. А. Смелов, Н. Н. Чернягина, Н. Ф. Лагодовская, К. В. Вяткина, Н. Б. Эмлер (сотрудники), Д. Н. Бенуа, М. Я. Вельбель, С. Н. Орлов, Т. Д. Родионова, В. Д. Рыбалова, Е. А. Лошкарева, И. Викторов и А. Столяр (практиканты). Экспедиция работала 2½ месяца — с на-

Н. Н. Чернягина (производитель работ), П. А. Смелова, С. Н. Орлова, И. В. Щербакова (сотрудники), А. Ушпит и А. Виленкиной (практиканты). На разных участках могильника в этом году были исследованы 16 погребений и открыта рядом с могильником неолитическая стоянка.

Всего, таким образом, за три года экспедиционных работ было исследовано 177 погребений,¹ открыта неолитическая стоянка, а также произведено обследование некоторых пещер, не давшее, впрочем, результатов.

Собранный весьма обширный материал и произведенные наблюдения позволяют дать

ника была значительно более обширной. Раскопанные погребения составляют лишь некоторую его часть. Количество уничтоженных ямами и карьером погребений определить, конечно, невозможно, но оно должно быть весьма значительным. Кроме того, нашими раскопками памятник далеко еще не был исчерпан до конца.

Рис. 5. Характер наслоений Оленьего острова в части, содержащей могильник.

следующую общую характеристику исследованного памятника.

Могильник расположен в наиболее возвышенной северо-западной части острова, на северном склоне холма, спускающемся к озеру. С юга могильник обрешан карьером известняковых разработок. Его окружают и местами прорезывают многочисленные ямы. Площадь, занятая исследованными 177 погребениями, составляет около 2350 кв. м (рис. 4). Не подлежит никакому сомнению, что действительная общая площадь могиль-

Таким образом, перед нами действительно массовый могильник, содержащий, вероятно, сотни захоронений и расположенный в стороне от поселений.

Погребения залегают в валунно-галечном песчанистом четвертичном наносе (рис. 5), на глубине от поверхности до 1 м (наименьшая глубина 0.50 м, наибольшая 1.22 м).

Вследствие крайней сыпучести аморфного грунта могильные ямы далеко не всегда прослеживались. Только красная охра, примешанная к заполнению ямы в отдельных случаях в весьма значительном количестве, начиная от верхнего края и до дна, позво-

¹ Ради некоторых удобств в описании мы нумеровали отдельно каждый костяк, в том числе костяки двойных и тройных погребений. Число могил — 141.

лила с достаточной ясностью определить стенки и выяснить разрез и план ямы. Обычно для одиночных погребений это прямоугольная, округлых очертаний в плане могила, шириной 50—70 см, длиной до 2 м, с корытообразным или плоским дном. Для двойных или тройных погребений яма соответственно расширялась (рис. 29). Четыре вертикальных погребения стояли в широких колодцах, задняя стенка которых была наклонной. Иногда костяки полностью или частично были перекрыты круглыми камнями и плитами, иногда такое перекрытие наблюдалось и на поверхности могил. Могилы очень редко (12 случаев) перекрывают или разрушают друг друга. Повидимому, существовали какие-то надмогильные устройства, возможно, деревянные, может быть, холмики, сглаженные временем. Возможно, что на могилы складывались рога оленя или лося и другие кости.

Погребения разделяются на 5 категорий: 1) единичные горизонтальные погребения, 2) погребения двойные разнополюе, 3) двойные погребения женщины и ребенка, 4) погребения тройные и, наконец, 5) единичные вертикальные погребения.

Обычным, рядовым, массовым типом погребений являются погребения одиночные горизонтальные (116 случаев). Наиболее частое положение костяка в таких погребениях — вытянутое, на спине, с руками вдоль туловища или на лобке (90 случаев). 5 костяков лежали на боку в вытянутом положении — 3 на правом, 2 на левом. Во всей массе погребений оказалось только 3 скорченных.

Двойные погребения обнаружены в 16 могилах. Костяки лежали рядом, иногда лицом друг к другу.

В трех случаях наблюдались захоронения женщины с ребенком. Детские костяки лежали рядом с костяком женщины, в двух случаях между ног (рис. 24).

Тройные погребения (3 случая) не одинаковы по своему характеру. Весьма любопытно яркое погребение № 55-56-57 (рис. 29), где в общей могильной яме, густо засыпанной красной краской, лежали 3 костяка, в середине мужской костяк с убором из зубов животных и с лежащим у головы жезлом из рога, увенчанным скульптурным изображением головы лося. Справа и слева от него лежали 2 женских костяка с теми же подвесками. При одном из них находилась скульптура из кости — изображение змеи.

Аналогично этому и другое тройное мужское погребение № 26-27-28. В третьем погребении (№ 103-104-105) находилось 3 детских костяка (возраст детей от 6 до 8 лет).

Выдающийся интерес представляют совершенно уникальные вертикальные погребения (4 случая), когда костяки находились в стоячем, несколько наклонном положении в колодцеобразных ямах, доходящих почти до самой коренной породы. Самым ярким примером таких захоронений является погребение № 100 (рис. 13). Покойник был поставлен на ноги в несколько наклонном положении (до 40°), лицо его обращено к юго-западу. В могильной яме находились крупные камни. Череп не сохранился, но нижняя челюсть лежала на месте. Погребение содержало богатый инвентарь. У челюсти находилась кремневая пластинка и остатки убора из резцов бобра и лося, посредине груди — пучок кремневых и костяных наконечников стрел, частью с древками (костяными). Стрелы помещались несомненно в колчане, ныне не сохранившемся. В области правой стороны груди лежал замечательный костяной кинжал с кремневыми вкладышами. Здесь же поверх кинжала находился сланцевый нож и клык медведя; другой нож лежал под кинжалом. У правого бедра обнаружались фрагменты гарпунов и костяная пластинка с зубчиками по краю. Вдоль правого бока скелета и внизу находилось значительное скопление подвесок из резцов бобра и лося, смещенных вследствие сползания элементов наборов украшений.

Другое вертикальное погребение (№ 68) находилось в яме, заполненной круглыми камнями. В процессе разложения трупа кости скелета сползали вниз, в пустоты между камнями, и поэтому залегали в странном сочетании, не в анатомическом порядке: череп внизу, ребра вместе с берцовыми костями и т. д., но берцовые кости были на месте. Среди находок были сланцевая кирка, пучок из 10 костяных наконечников стрел, костяные привески с зарубками для подвешивания, значительное количество подвесок из резцов лося.

Третье (№ 123) и четвертое (№ 125) вертикальные погребения по обрядности вполне сходны с описанными выше, но отличны от них меньшим количеством находок. Погребение № 123 содержало скелет подростка.

Ориентировка костяков первых четырех погребений более или менее одинакова. Везде

проявляется общая тенденция хоронить головой к востоку. Постоянные отклонения к северу (на северо-восток) или к югу (на юго-восток) объясняются тем, что хоронили ориентируясь на фактический восход солнца в зависимости от времени года. Для погребений можно установить, таким образом, календарное время их захоронения. Исключение из этого общего правила ориентировки составляло погребение № 89, ориентированное головой на юго-запад.

И вертикальные погребения в сущности подчинены тому же общему правилу ориентировки головой на восток, следовательно лицом к западу. Они ориентированы: погребение № 68 — лицом к западу, №№ 100 и 125 — к юго-западу. Ориентировка погребения № 123 не прослеживается вследствие сильного сползания костей.

Почти во всех погребениях наблюдалась засыпка красной охрой, но с разной степенью интенсивности. 12 погребений засыпки краской не содержали. В 49 случаях наблюдалась легкая засыпка, едва покрывающая костяк. В остальных случаях она была весьма интенсивна, покрывая скелет до 0.10 см. Иногда засыпка содержалась во всем заполнении могильной ямы, от дна до дневной поверхности (погр. № 25).

В погребениях оказались остатки напутственной пищи для покойников в виде костей животных и птиц.

Таковы черты похоронной обрядности, наблюдавшиеся в могильнике.

Могильник содержал весьма обширный вещевой материал — всего более 7000 находок, среди которых преобладали подвески из зубов животных (около 6000 экз.).

Точное описание этого крайне интересного материала дается ниже. Здесь мы даем лишь самую общую его характеристику с упором на основные категории, на основные типы находок.

Отметим, что в могильнике выступает несомненная дифференциация между погребениями по количеству и качеству инвентаря. 37 погребений вещей не содержали, другие содержали малое количество. На этом фоне выделяются богатые погребения с сотнями находок (погр. №№ 45, 46-47, 61, 73, 100 и др.).

Инвентарь могильника содержит предметы, сделанные из камня (кремня, рога, сланца, отчасти кварца), кости и рога, а также подвески из зубов животных. Никаких признаков металла в могильнике не

обнаружено, и он носит, таким образом, еще всецело неолитический облик.

Из камня преобладает кремь (свыше 200 находок). Две формы кремневых орудий наиболее типичны, наиболее характерны для могильника: 1) наконечники стрел и дротиков и 2) вкладыши микролитовидной формы.

Наконечники стрел (наиболее крупные из них могли являться и наконечниками дротиков) найдены в количестве 130 экземпляров. Все они изготовлены на длинных ножевидных пластинках с ретушью на концах и по краям, как со спинки, так и с брюшка (рис. 52—56). Часть наконечников имеет черенки. Наконечники были встречены вместе с древками (костяными), например, в погребении № 100. Иногда такие наконечники лежали группами или пучками, что, как уже указывалось, свидетельствует о нахождении их в колчанах.

Другая типичная для могильника форма — это микролитовидные орудия-вкладыши, представляющие мелкие кремневые пластинки с частичной очень тонкой ретушью по краю. Они встречались и отдельно, и в составе законченных орудий, т. е. вставленными в пазы костяной или роговой основы. Ярким примером таких законченных вкладышевых орудий является кинжал из погребения № 100 (рис. 62).

Остальные находки из кремня единичны и не типичны для могильника. Таковы кремневый нож на пластинке (рис. 70, 22), 4 пластины с ретушью по краю или на конце, единственный скребок (найден вставленным в паз дуговой рукояти из рога; рис. 67, 2), резец (рис. 67, 1) (также найден с роговой рукоятью). Кроме того, было найдено несколько кремневых отщепов, частью с ретушью.

Среди крупных сланцевых орудий найдено 4 тесла, топоровидные орудия и кирка. Но типичная, численно преобладающая форма — одна. Это тонкие, прекрасно отшлифованные пластинчатые ножи с отверстием в верхней части для привешивания (рис. 74, 75). Такие ножи имеют вытянуто-треугольную (кинжаловидную), овальную, четырехугольную и, в одном случае, даже округлую форму. Найдено 60 ножей. Это излюбленное орудие оленеостровцев. Иногда они встречались по 2 и по 3 экземпляра, а в одном случае и в 5 экземплярах в погребении.

Кварц представлен несколькими экземплярами наконечников стрел с черенками.

Говоря о камне, упомянем о нескольких находках шлифовальных плит из песчаника.

Изделия из кости и рога (лось, северный олень) весьма обильны в могильнике и по количеству преобладают над каменными изделиями. К ним относятся главным образом гарпуны и наконечники.

Гарпуны — их найдено свыше 50 экземпляров (38 отдельных гарпунов и два скопления, взятых монолитами) — имеют разнообразную форму: гарпуны однозубчатые, двузубчатые, многозубчатые, мелкозубчатые и крупнозубчатые, плоские и округлые в сечении. Некоторые гарпуны имеют отверстия для привязывания лinya. 4

Столь же дифференцированы по форме и по функциям костяные наконечники (отличить их от гарпунов по функции трудно). Наконечников найдено свыше 150 экземпляров. Среди них представлены длинные, круглые в сечении, так называемые стилевидные, ланцетовидные или листовидные, с плоской верхней частью, с биконическим концом и другие формы, частью с вкладышами или с гнездами для вкладышей (рис. 34, 37, 41, 42, 46, 48).

Среди костяных орудий с кремневыми вкладышами выделяется замечательный кинжал (рис. 62, 1), о котором уже говорилось выше.

Остальные изделия из кости и рога представлены проколками или шильями (14 экз.), рыболовными крючками (5 экз.) и различными другими поделками (подвески, зубчатые пластинки и пр.). Сюда же относятся предметы искусства.

Разные скульптурные изображения найдены в могильнике в количестве 20 экземпляров. На первом месте по количеству (9 экз.) и по художественной выразительности стоят замечательные изображения головы лося, выполненные в прекрасном первобытно-реалистическом стиле. Такие изображения встречались в виде отдельных предметов (рис. 118) и как украшение рукояти кинжалов (рис. 52, 2).

Великолепны крупные по величине жезлы из рога, заканчивающиеся изображениями головы лося (рис. 130, 131). Их обнаружено 2 экземпляра. Было найдено одно скульптурное изображение и всей фигуры лося, к сожалению, фрагментированное (рис. 118, 6). Интересны изображения извивающейся змеи (2 экз.; рис. 120, 4, 5) и особенно челове-

ские изображения (3 экз.). Одно из них — схематизированная фигурка женщины (рис. 135, 1), другое — двуликое, наподобие Януса античной мифологии (рис. 135, 3), и третье, повидимому, фаллическое (рис. 135, 2).

Говоря о предметах искусства, назовем также интересный предмет из песчаника, орнаментированный глубокими нарезками (рис. 122, 4), и просверленные гальки (рис. 86, 29, 30) загадочного характера.

Самой многочисленной категорией находок в инвентаре могильника являются, как указывалось, подвески и нашивки на одежду из зубов животных (найденно свыше 6000 экз.).

По количеству первое место занимают резцы лося (до 4500 экз.) с кольцевой нарезкой на конце корня для привязывания (рис. 81). Затем идут пластинки из резцов бобра с нарезками по обоим концам.

Все эти элементы входили в состав различных наборов украшений. Пластинки из резцов бобра нашивались на головной убор (рис. 100) и вместе с резцами лося на одежду каймой по поясу, по рукавам, по нижнему краю одежды. Иногда они покрывали сплошным убранием целые части одежды, нередко располагались на костяках гирляндами и ожерельями.

Далее, в могильнике довольно часто встречались клыки медведя с кольцевыми нарезками или просверленными отверстиями на конце (рис. 82). Частью они входили в состав наборов украшений, частью лежали отдельно, чем, может быть, подчеркивался их особый смысл.

Единичными были находки челюстей бобра с отверстиями для привязывания.

Таков в самых общих чертах инвентарь Оленеостровского могильника.

Заканчивая наше описание и характеристику могильника, укажем, что рядом с ним с запада разведочными траншеями обнаружена неолитическая стоянка. Слабо выраженный культурный слой залегал непосредственно под дерном. Находки — кремневые (скребки, пластины, отщепы) и сланцевые (шлифованные топоры, тесла) орудия. Преобладали сланцевые отщепы, частью с грубой регушкой — орудия, сделанные наспех, для временного употребления. Керамика отсутствует. Стоянка носит явно временный характер.

Изложенная общая характеристика могильника оставляет никаких сомнений

в том, что это массовое, по всем признакам племенное кладбище с отдельными, вероятно, родовыми участками захоронений — северным и южным (в пределах нашего раскопа).

Уточнение хронологии могильника пока еще не представляется возможным.

Некоторые формы орудий (кремневые наконечники, пластинки в виде ивового листа, микролиты-вкладыши) весьма архаичны и типологически восходят еще к мезолиту (свидерская культура, маглемозе), но здесь, в могильнике, они без сомнения ни в какой степени не могут служить основанием для абсолютной хронологизации. Аналогичные формы встречаются, как известно, и в памятниках эпохи бронзы. Весьма тонкая ретушь на кремневых орудиях, прекрасная техника изготовления указывают на неолитический возраст могильника. Мы имеем некоторые аналогии предметам искусства, найденным в могильнике. Так, костяной кинжал с головой лося (рис. 62, 2) близок к бронзовому кинжалу из Сейминского могильника, изображение змеи — к подобному изображению из Горбуновского торфяника и из Галичского клада. Эти аналогии, а также некоторые общие соображения привели в 1936—1937 гг. нас к предварительному выводу, что могильник относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. М. Е. Фосс вносит в эту старую датировку уточнение, предлагая «ограничить ее последними столетиями этого тысячелетия».¹

Уточнение это неубедительно, и с большей степенью вероятности могильник может быть сближен с нижним слоем Веретья.

В книге Индреко² имеются некоторые замечания по поводу отдельных находок на Южном Оленьем острове. Согласиться с этими замечаниями нельзя. Индреко идентифицирует наконечники Оленеостровского могильника с наконечниками стрел свидерского типа, а костяной кинжал с кремневыми вкладышами служит ему основанием для более ранней датировки, чем та, которая дана нами. Это чисто типологическое замечание, которое вряд ли может выдержать критику. Нужно сказать, что в Нижнем

Поволжье и других местах в огромных количествах находят и кремневые вкладыши, и листовидные стрелы псевдосвидерского типа вместе с бронзовыми изделиями, причем в СССР их относят даже не ко II тысячелетию, а к значительно более позднему времени. Для обоснованной датировки большого памятника необходимо брать материал во всей полноте. В Оленеостровском могильнике очень много шлифованных орудий из глинистого сланца, да и сама техника указывает на относительно поздний возраст этого памятника.

Уже указывалось (А. Я. Брюсов), что так называемые пальчатые наконечники стрел беломорской культуры имеют близкие аналогии в скандинавской неолитической культуре мегалитов времени гробниц с ходами. Такие наконечники в Оленеостровском могильнике отсутствуют, но типичные для него длинные кремневые наконечники на пластинках так же широко распространены в мегалитической и так называемой смешанной культурах Скандинавии, преимущественно в гробницах с ходами и в одиночных могилах.¹ Весьма близкие, иногда, можно сказать, тождественные формы типичны для гробниц с ходами, относимых Монтелиусом к его второму периоду северного неолита, а в абсолютной хронологии — к 2500—2000 гг. до н. э.

Современные исследования сдвигают эту датировку могил с ходами вперед до периода 2000—1500 гг.²

В этом можно было иметь некоторую формальную опору для хронологизации нашего могильника. Однако скандинавская мегалитическая культура неолита резко отличается от неолита нашего севера (земледелие, скотоводство, совершенно другие типы вещей), и указанное сходство оленеостровских наконечников со скандинавскими может быть объяснено общностью исходных форм и приемов обработки кремня, выходящих к мезолиту.

Если мы все же примем эти формальные данные за некоторую опору, то нам придется расширить хронологию могильника и отнести его ко II тысячелетию до н. э. Никаких оснований выходить за пределы этого тыся-

¹ М. Е. Ф о с с. Неолитические культуры севера европейской части, стр. 35.

² R. I n d r e k o. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948, стр. 235.

¹ C. N o r d m a n. The Megalithic culture of Northern Europ. Helsinki, 1935.

² V. G o r d o n C h i l d e. The Dawn of European Civilization. London, 1947, стр. 333.

челетия назад или вперед в суммарной датировке могильника не имеется.¹

При изучении всего материала могильника и историческом его осмыслении прежде всего встает основной вопрос: с какой же группой неолитических поселений можно этот памятник связать, иными словами — какое древнее население, какое племя оставило нам свои погребения на этом острове мертвых?

Могильник находится, можно сказать, в самой середине зоны распространения карельской неолитической культуры. В Прионежье известны сотни прибрежных неолитических стоянок, и многие из них хорошо изучены (стоянки района Петрозаводска, Медвежьей горы, Повенецкой губы и др.). Естественно было бы связать Оленеостровский могильник именно с этим окружением и, следовательно, приписать его оседлому населению, оставившему Прионежские стоянки. На этот путь, так сказать, наименьшего сопротивления мы и готовы были встать при первых попытках интерпретации могильника в 1936—1937 гг.² Действительно, кроме отмеченной топографической увязки, мы имеем некоторые формы, общие для могильника и стоянок. Сюда относятся сравнительно редкие в могильнике сланцевые шлифованные тесла и топоры, некоторые гарпуны и наконечники из кости, близкие к подобным же орудиям из круга каргопольской культуры, некоторые костяные подвески с отверстиями, подвески из зубов животных. Резные скульптуры, особенно изображения головы лося, по стилю близки подобным же скульптурным изображениям из камня или рога, встреченным в карельской культуре и других районах неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Но перечисленные формы представляют весьма общие элементы неолитической культуры, и облик могильника как культурного комплекса определяется отнюдь не ими, а совсем другими господствующими элемен-

¹ По вопросу о датировке Оленеостровского могильника у советских археологов имеются различные точки зрения. В то время как В. И. Равдоникас датирует могильник II тысячелетием до н. э., другие предлагают более раннюю дату. Как видно из дальнейшего текста работы, Н. Н. Гурина в своем исследовании об Оленеостровском могильнике считает возможным датировать его не позже конца III тысячелетия до н. э. (Ред.).

² В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940.

тами. Поэтому тогда же, т. е. в 1936—1937 гг., нам пришлось отметить: «Нельзя, однако, сказать, что в настоящий момент все без исключения ясно с атрибуцией Оленеостровского могильника». Резкие отличия могильника от культуры прибрежного неолита Карелии, да и всего неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, заключаются в следующем:

1. Полное отсутствие керамики в погребениях и на соседней стоянке — факт, весьма поразительный и, нам кажется, совершенно невозможный в том случае, если бы могильник принадлежал населению прибрежных оседлых поселений. Ведь керамика — всегда преобладающий материал культурного слоя стоянок. Она являлась коренной, неотъемлемой, характерной особенностью домашнего хозяйства и быта обитателей стоянок, что вполне понятно, принимая во внимание их прочную оседлость. Было бы весьма удивительно, если бы люди, в огромном количестве изготовлявшие глиняные сосуды и повседневно ими пользовавшиеся, не снабжали такими сосудами своих мертвых, уходящих в землю сородичей и соплеменников. Уже этот факт заставляет нас серьезно задуматься над вопросом о том, можно ли приписывать формы хозяйства и быт оседлых рыболовов-охотников населению, оставившему наш могильник.

Правда, в инвентаре могильника встречаются полукруглые костяные пластинки с зубчатым краем,² которые в 1936—1937 гг. мы истолковывали как штампы для нанесения на сосуды зубчатого или гребенчатого орнамента. Отпечатки этих предполагаемых штампов на пластине дают значительное сходство с элементами позднегребенчатого орнамента. Но действительно ли это штампы — с уверенностью сказать нельзя. Предметы с зубчатым краем из верхнего слоя Веретья, близкие по форме к нашим «штампам», М. Е. Фосс рассматривает как привески. Кроме того, странно, что в погребениях попали штампы для орнаментации керамики, а сама керамика отсутствует.

2. Еще более важны отличия в господствующих преобладающих формах каменных орудий могильного инвентаря. Это в первую очередь характерные для могильника кремневые наконечники, изготовлен-

¹ В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере, стр. 60.

² Смори далее в тексте рис. 87, 2.

ные на длинных ножевидных пластинках с регушкой по спинке и брюшку. В карельском неолите они не известны. Довольно близкие формы встречены в каргопольской культуре,¹ а южнее — на Оке (например, культуры белевская, балахнинская).²

За пределами зоны неолита с ямочно-гребенчатой керамикой они, как указывалось, представлены в мегалитической культуре от Скандинавии до Франции. На востоке они доходят до Лены (Якутия, раскопки А. П. Окладникова).³ Но для восточноевропейского лесного неолита характерны двухсторонне обработанные наконечники различных форм. Далее, в могильнике хорошо представлены микролитовидные пластинки-вкладыши — и отдельно и в составе готовых орудий, будучи вставленными в роговую основу. В карельском неолите такого рода микролиты не известны.

Что касается сланцевых орудий, то, как было показано выше, самой типичной формой для могильника является тонкий пластинчатый нож с отверстием. Во всем карельском неолите такие ножи были найдены лишь на одной стоянке Пески близ Петрозаводска, но эта стоянка отличается от стоянок обычного прибрежного неолита, о чем будет сказано ниже. В более южных районах лесного неолита подобные ножи, насколько нам известно, также не представлены.

Если бы могильник оставило население прибрежных стоянок Карелии, то в их культурном слое перечисленные типичные для могильника формы обязательно должны были бы встретиться, а этого нет.

3. Весь характер могильного инвентаря — это множество разнообразных дифференцированных орудий охоты, громадное количество украшений из зубов животных, трофеев охоты — как бы подчеркивает не рыболовческий, а охотничий образ жизни погребенных в могильнике людей.

Инвентарь могильника настолько резко отличается от карельского неолита, что с полным основанием можно даже говорить об особой олениостровской неолитической культуре. Таким образом, приходится сделать вывод, что могильник не увязывается с окру-

жающими его соседними неолитическими поселениями и в этом смысле представляет загадку.

Без сомнения можно было бы искать разъяснения этой загадки в том, что могильник относится к более раннему времени, чем неолитические стоянки, и, следовательно, представляет другую стадию культурного развития. Но выше говорилось, что нет никаких оснований хронологически выносить могильник за пределы II тысячелетия до н. э., а это ведь как раз время бытования большинства стоянок Карелии. Если даже отнести могильник к началу этого тысячелетия или даже к концу III тысячелетия, то все же было бы непонятно, почему приемы обработки кремня (наконечники на пластинках, микролиты), характерные для могильника, начисто исчезают в последующее время.

Пока только гипотетически, но с большой долей вероятности можно наметить следующие решения этой загадки. Своеобразие Олениостровского могильника объясняется скорее всего неполнотой наших сведений о лесном неолите. На территории его распространения наряду с хорошо известным нам по стоянкам прибрежных районов рыболовческо-охотничьим населением в эпоху неолита существовали подвижные кочевые или полукочевые группы населения, т. е. племена с другим, охотничьим или охотничье-скотоводческим образом жизни и укладом хозяйства. Пространством обитания для таких племен было не побережье, но тайга, а на севере и тундра, где и следует искать следы их обитания. Переходя с места на место, подвижные охотники и скотоводы раскидывали свои шалаши, шатры, чумы, коты и т. п. На временных стойбищах не мог отлагаться сколько-нибудь мощный культурный слой, что, вероятно, и объясняет отсутствие у нас сведений о подобных стойбищах.

Одно из таких кочевых племен и оставило скорее всего нам Олениостровский могильник. Что это племя преимущественно занималось охотой, ясно само собой из всего облика могильного инвентаря. Имеются основания полагать, что оно переходило или уже перешло на олениводство.¹ Кости северного

¹ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье. Труды ГИМ, XII, 1941, табл. XII, рис. 2—4.

² А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИМК, XVI, 1947.

³ А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946.

¹ Взгляды В. И. Равдоникаса на форму хозяйства древних олениостровцев расходятся со взглядами автора данной книги Н. Н. Гуриной, посвящающей этому вопросу специальную главу (Хозяйство и образ жизни, стр. 159—196). *Ред.*

олени в могильнике встречаются (12 особей), но, как и везде, трудно сказать, был ли это олень дикий или уже одомашненный. Кроме того, отсутствие костей домашних животных в погребениях не всегда может служить доказательством незнакомства населения, оставившего данный памятник, со скотоводством. Погребальный обряд консервативен. Новые элементы хозяйства и быта лишь постепенно осложняют его.

Уже давно, высказываясь по поводу некоторых находок в торфяниках Финляндии (полозья от массивных саней для оленьей упряжки),¹ мы отмечали вероятность появления оленеводства в северном неолите восточной Европы.

Поэтому нет ничего невероятного в том, что наше оленеостровское племя было племенем охотничье-оленеводецким и кочевало на территории где-то между Онежским озером и Белым морем. Его стойбища в этом случае должны резко отличаться от обычных прибрежных стоянок незначительностью культурного слоя, отсутствием постоянных жилищ, отсутствием керамики и наличием типичных для Оленьего острова форм орудий.

В этом отношении любопытны те немногие местонахождения, которые могут быть сближены с нашим могильником, но которые пока представляют собой отрывочные факты.

Выше упоминалась стоянка Пески вблизи Петрозаводска на Логмозере, раскопанная А. Я. Брюсовым. Большая часть стоянки уничтожена ямой, но исследованная часть, с нашей точки зрения, весьма любопытна. А. Я. Брюсов, во-первых, указывает, что «стоянка находится в несколько необычных условиях сравнительно с другими стоянками Карелии, так как она в противоположность последним расположена довольно далеко от воды».²

Далее, «никаких следов жилищ, очагов или кострищ не было обнаружено». На всей раскопанной площади (67 кв. м) было найдено всего 2 фрагмента ямочно-зубчатой керамики. Отсутствие керамики в Песках, по мнению А. Я. Брюсова, «представляет загадку». И, что для нас наиболее важно, на стоянке среди орудий обычных типов были найдены 3 экземпляра сланцевых пла-

стинчатых полированных ножей оленеостровского типа. И это — единственная находка среди всех стоянок Карелии, да и южнее.

Интересно, что кремневые наконечники, изготовленные на длинных пластинках, как указывалось, были встречены в каргопольской культуре — в нижнем слое стоянки Веретье, где представлены и костяные орудия оленеостровских типов. И в этом слое, датированном М. Е. Фосс временем 2000—1500 гг. до н. э., керамика начисто отсутствует, в то время как в верхнем слое той же стоянки было найдено свыше 5000 черепков.

В Карелии известны и другие бескерамические стоянки. Это, например, стоянки верхней террасы Онежского озера в районе Медвежьей горы, которые Б. Ф. Земляков считал весьма древними, «докерамическими».

Не являются ли все эти «докерамические» и бескерамические стоянки остатками стойбищ как раз именно охотников или охотников-оленеводев нашего севера? И тогда именно в этой группе памятников мы найдем аналогии и опору для исторического понимания кажущегося загадочным Оленеостровского могильника. Тогда мы получим целостный культурный комплекс — и стоянки и погребения. Но для этого необходимы дальнейшие напряженные полевые исследования.

В своем историческом понимании прибрежных стоянок лесного неолита исследователи нередко прибегали к этнографическим аналогиям из жизни оседлой, рыболовецкой части народов северо-востока Азии. Привлекались нивхи (гиляки), ительмены и др. И это было весьма поучительно для понимания топографии стоянок, устройства поселения и т. д.

Какие же препятствия имеются для того, чтобы расширить такие аналогии и учесть, так сказать, двойственный характер хозяйства, быта, образа жизни ряда этих народностей? Мы имеем в виду их деление на береговых, сидячих, т. е. оседлых, занимающихся морским промыслом и рыбной ловлей, живущих в постоянных жилищах, и подвижных, кочевых оленеводческих, кочующих в лесах и тундрах севера, живущих на временных стойбищах в переносных жилищах — шатрах, юртах, чумах. Таковы чукчи, береговые и оленные, таковы коряки, тунгусы и т. д. Территориально наиболее нам близкая аналогия — саамы, также разделявшиеся на береговых, оседлых, обитавших

¹ В. И. Равдоникас. К вопросу о происхождении скотоводства. Пробл. истории докапиталистич. общ., 1934, № 3, стр. 24—27.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 230.

в полуподземных жилищах (копорские ямы), в более позднее время — в наземных, деревянных домах, и кочевых, оленных, обитавших в переносных жилищах (вежа, ката, собственно тот же чум).

Носители нашей оленеостровской культуры — были ли они только охотниками или уже охотниками-оленеводами — принадлежали, повидимому, к этому второму типу северной культуры. С саамами их сближает, может быть, и генетическое родство, в частности обычай хоронить «за водой» — на морских и озерных островах. Археологическим памятником, демонстрирующим этот обычай, является северный Оленеостровский могильник в Баренцовом море.

Эта особенность религиозных верований, видимо, связанная с представлениями о трех сферах космоса, и заставила какую-то часть древнего населения Карелии избрать Южный Олений остров для захоронения покойников.

Второе тысячелетие до н. э. в истории Европы вообще говоря характеризуется, как известно, появлением целого ряда подвижных кочевнических племен скотоводов-охотников, сосуществовавших с оседлым на севере рыболовческим, южнее земледельческим населением. Такова фатьяновская культура на верхней Волге, представленная здесь только могильниками и носящая скотоводческий характер. Таковы так называемые неолитические, преимущественно скорченные погребения того же времени в Прибалтике, на территории Эстонии и Финляндии, по общему облику приближающиеся к фатьяновским (скорченность, сверленные топоры-молоты и т. д.), но отличающиеся от них бедностью инвентаря. Сюда относятся североευропейская и среднеевропейская, опять-таки скотоводчески-охотничья, культура шнуровой керамики, представленная почти исключительно могильными памятниками, культура колоколовидных сосудов и т. д.

В этом, конечно, весьма широком историческом плане нет ничего удивительного, что и на севере, в данном случае в лесах и тундрах Карелии и Беломорья, в это время также выделялись племена с охотничьескотоводческим, в данном случае оленеводческим укладом хозяйства.

И если это действительно так, тогда наш Оленеостровский могильник будет иметь кардинальное значение в решении всей общей

проблемы лесного неолита севера. Он направит исследователей на путь поисков новых памятников там, где их не искали.

Отделяя оленеостровскую культуру от культуры береговых стоянок, мы должны сказать, что это отделение или даже противопоставление не абсолютно, а относительно. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с этнически родственными племенами, ветвями общего ствола, как это и наблюдается у восточносибирских народностей. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами были мирными, иначе постоянные посещения племенного кладбища на острове были бы затруднены. Далее, нам кажется, что местонахождения наскальных изображений Онежского озера, да и Белого моря, были местами общего культа, отражающими общность магически-религиозных церемоний как для кочевнических, так и для оседлых племен. Во всяком случае некоторое родство или некоторая близость Оленеостровского могильника и наскальных изображений прослеживается (элементы космических представлений, сюжеты и стиль искусства).

Таково взаимоотношение культуры могильника и культуры береговых стоянок неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Сопоставление могильника с памятниками гораздо более широкого круга позволяет поставить соответственно и более широкие вопросы этно-культурных связей, вопросы генетического или этногенетического порядка.

Если обратиться к антропологии, то лесной неолит восточной Европы дает нам однородную картину соматических признаков найденных костных остатков человека. Черепа приладожских стоянок принадлежат к европейскому кроманьонскому типу, и Г. Ф. Дебеч сближает их с мезолитическим поздnekроманьонским типом из могильника Тевьек (Бретонь).

В Языкове констатирован короткоголовый низкорослый лапоноидный тип, в Карваихе — европеоидный со слабо выраженной монголоидностью. Черепа из Оленеостровского могильника были исследованы Е. В. Жировым и дополнительно Г. Ф. Дебечом. Оба исследователя отмечают, что костные остатки человека в могильнике представляют факт первостепенной важности и констатируют в них метисацию двух типов — европеоидного, близкого к приладожским черепам, и

монголоидного, причем на некоторых черепках монголоидные признаки выражены довольно резко (рис. 111—113). Отсюда можно сделать общее заключение, что это, повидному, предки восточнобалтийской расы и близкие к лапоноидам. Эту метисацию Е. В. Жиров представляет как длительный процесс, осуществлявшийся на весьма широких пространствах — от Балтики до Енисея — на протяжении тысячелетий. Г. Ф. Дебец полагает, что задолго до нашей эры происходило переселение людей в западном направлении из северной Сибири.

Мнения антропологов в общем получают подтверждение и со стороны археологического материала. В инвентаре могильника представлены элементы древней европейской культуры. Но при этом интересно следующее. Известно немало близких по времени и в стадильном плане могильных памятников, распространенных к западу от карельского неолита — на территории Прибалтики и Скандинавии. Но памятники эти обнаруживают сходство с Оленеостровским могильником лишь в самом общем стадильном плане: обрядность, каменный и костяной инвентарь, по своим формам отличный от инвентаря нашего могильника, зубы животных в качестве привесок и т. д. Так называемые неолитические погребения Эстонии, как уже указывалось, с их скорченностью, с их ладьевидными топорами увязываются скорее с фатьяновской культурой, но не с оленеостровской. Отличается инвентарь и известных погребений этого времени в Финляндии.

Очень интересен большой (свыше 60 погребений) могильник с ходами у Вестербьерса на Готланде.¹ Костяки здесь лежали на спине, в вытянутом положении. Есть кое-что общее в этом могильнике с Оленеостровским: украшения и подвески из зубов животных (здесь господствуют клыки и резцы кабана), некоторые сланцевые орудия (топоры, долота), известные в Карелии. Попадаются и близкие к оленеостровским кремневые наконечники на длинных пластинках, типичные для мегалитов (могил с ходами, как было указано выше). Но этим черты сходства исчерпываются. Вся остальная культура чужда Оленеостровскому могильнику, как, например, кремневые то-

поры, шиферные наконечники стрел, ладьевидные топоры, керамика и т. д., не говоря уже о том, что могильник у Вестербьерса оставлен оседлым населением, занимавшимся, кроме охоты и рыболовства, скотоводством, а может быть, и земледелием.

Как будто бы большую генетическую близость к оленеостровской культуре мы обнаруживаем в очень древних мегалитических памятниках круга Маглемозе — Свердборг — Кунда. Именно здесь ярко выступают микролиты — вкладыши и орудия на ножевидных пластинках, в частности, наконечники стрел, правда, более примитивного облика. Здесь же мы встречаем и довольно близкие формы костяных и роговых орудий. Отсюда ведут свое происхождение — хотя и далекое — европейские основы культуры оленеостровцев.

Что касается восточных элементов, то в этой культуре они выражены весьма отчетливо, при этом по связям, установленным в памятниках синхроничных и синстадийных: Щигир, Горбуновский торфяник, Западная Сибирь дают ряд сходных культурных явлений (орудия из кости и рога, мотив лося в искусстве). Но эту линию сходства мы можем продолжить очень далеко, хотя она и весьма прерывиста в связи с огромными пробелами в изученных памятниках. В этом отношении прямо поразительно открытие А. П. Окладниковым в Якутии на нижней Лене неолитических комплексов, близких к Оленеостровскому.¹ Так, у озера Уолба были обнаружены погребения с чертами обрядности, сходными с Оленеостровским могильником: положение костяков на спине головой к северо-востоку, засыпка охрой. И в этих погребениях, и в соседних стоянках отдельные предметы инвентаря, особенно же наконечники стрел, чрезвычайно сходны с оленеостровскими, что и дало основание А. П. Окладникову составить даже таблицу, в которой эти находки сопоставлены с аналогичными предметами Оленьего острова и Скандинавии. А. П. Окладников пишет, что можно допустить мысль о прямых связях, существовавших в древности между племенами и древними культурами дальнего северо-востока Азии и севера Европы.²

¹ А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946.

² А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Изд. 2-е, Л., 1955.

¹ M. Stenberger. Das Västerbjersfeld. Acta Archaeologica, X, f. 1—3, Kjøbenhavn, 1939.

Все эти — и антропологические, и археологические — факты действительно свидетельствуют о взаимодействии и смешении древних племен — западных, носителей весьма древней европейской культуры, и восточных, возможно, принесших с собой новые формы хозяйства. Где и когда происходило такое смешение, сказать трудно. Олене-

островский могильник — лишь одно звено общей цепи этих далеких событий.

Дальнейшее изучение могильника прольет свет и на ряд других важных вопросов — на характер семейно-брачных отношений в данной племенной среде, на ее общественное сознание, на многие особенности ее производства и быта.

В. И. Равдоникас.

ФОРМЫ ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЙ

Основой для воссоздания различных сторон жизни древних оленеостровцев — материальной культуры, общественных отношений и характера их мировоззрений — является форма обряда погребения.

Обширность площади могильника (2700 кв. м, включая траншеи)¹ и огромное количество исследованных погребений (177) позволяют достаточно отчетливо выявить формы погребального обряда. В значительной мере этому способствует и сама методика, применявшаяся при полевых работах.

Раскопки производились большими площадями (рис. 6), что позволило полностью вскрыть значительную часть памятника и тем самым выяснить точное соотношение между отдельными могилами, чего нельзя было бы сделать при раскопках траншеями. Указанный прием ведения раскопок обеспечил возможность установить наличие центральной части и периферии могильника, а также определить группировку могил. Насколько удалось выяснить, как мы увидим дальше, погребения располагались тремя довольно компактными группами, причем две из них

¹ Указанная площадь, однако, составляет едва ли более одной трети ее действительных размеров, так как большая часть могильника была в разное время уничтожена карьерами (рис. 7). Как оказалось затем, и в последующие после работы экспедиции годы, при расширения карьера, периодически встречались разрозненные погребения. Разведка, проведенная нашей экспедицией в 1953 г., показала, что разросшийся карьер скрыл остатки могильника и в настоящее время, несмотря на очень большую площадь, которая просматривается по краю карьера, следов погребений не обнаружено; как удалось выяснить, они не встречались на этом участке и в течение двух предшествующих лет. В силу сказанного можно заключить, что к настоящему времени могильник полностью раскопан.

соприкасались друг с другом, третья же занимала более отдаленную часть.

Методика, применяемая В. И. Равдоникасом при исследовании могильника, в основном сводилась к следующему.

После разбивки всей площади, намеченной к раскопкам, на 2-метровые квадраты и нивелировки поверхности, с указанием высоты пикетов, площадь очищалась от деревьев и дернового слоя (рис. 8). Высота каждого пикета определялась по отношению к реперу, вычисленному в свою очередь по отношению к современному уровню Онежского озера. Глубина залегания погребений указывалась от ближайших пикетов. При наличии точной нивелировки пикетов явилась возможность установить не только глубину залегания каждого погребения в отдельности, но и взаимоотношения их друг с другом.

После снятия дернового слоя грунт разрыхлялся кирками, необходимость применения которых вызывалась сильной каменистостью почвы. Углубление производилось небольшими слоями, после чего земля сгребалась лопатами и удалялась с площади раскопа с помощью носилок и тачек. Разработка кирками велась до появления красного охристого пятна, после чего дальнейшая расчистка осуществлялась пожарами. Контуры могильной ямы вследствие каменистости грунта прослеживались не всегда отчетливо, и на близость погребения чаще всего указывало появление окрашенного слоя.

Расчистка погребения требовала исключительной осторожности и тщательности, и не только из-за плохой сохранности костей, но и потому особенно, что часто почти по всему скелету располагались подвески из резцов лося и пластинки из резцов бобра,

Рис. 6. Общий вид Оленеостровского могильника.

Рис. 7. Вид на строительный карьер и часть могильника

лежащие в определенном порядке, нарушение которого лишало бы возможности сделать необходимые выводы. Наличие огромного количества мелких предметов, доходившее в отдельных погребениях до 500, сильно замедляло работу; в случаях обнаружения очень большого числа подвесок разборку погребений приходилось производить с помощью пилы и акварельных кисточек.

При расчистке вещи фиксировались на чертежах и рисунках с нумерацией каждой отдельной находки и составлением легенды на полях чертежей. После расчистки предметов, помещенных в верхнем плане (рядом или поверх костей), и фиксации их на чертеже, а нередко (в случае, если вещь вызвала особый интерес) и рисунке, погребение и его детали фотографировались. Разборка

Рис. 8. Начало работ на раскопе.

Особого труда стоила расчистка вертикальных захоронений: большинство из них, и прежде всего погребение № 100, были богаты вещами, которые, естественно, после расчистки не могли оставаться в прежнем положении и падали вниз. Раскрытие такого погребения требовало много времени и исключительной тщательности работы. Вещи, расчищенные с внешней стороны, приходилось закреплять на месте консервирующим веществом до выявления всех предметов, залегающих в том же плане.¹

¹ Вещи, обнаруженные на костяке, нередко залегали на различной глубине вследствие того, что часть украшений была, например, нашита на заднюю часть одежды покойника или же опущена после разложения трупа.

вещей, залегающих ниже, под костяком, производилась после снятия костей скелета. Обнаруженные под костяками вещи наносились на тот же чертеж пунктиром, иногда делался специальный чертеж, фиксирующий предметы, залегающие во втором плане. Наконец, наиболее интересные детали выносились на поля чертежа. Таким образом, для погребений, очень богатых вещами, залегающими на различной глубине, делалось несколько чертежей, которые отражали взаимоотношение предметов, обнаруженных в различных горизонтах. Тот же прием применялся и к погребениям, перекрывающим друг друга. При вскрытии вертикальных захоронений, помимо чертежей и зарисовки

скелета в плане, производилось вычерчивание его в профиль, что показывало положение покойника — угол его наклона — по отношению к дневной поверхности. Помимо скелета, фиксировалась и могильная кладка (как в плане, так и в разрезе).

Предметы, имеющие важное значение или разрушавшиеся, зарисовывались отдельно.

Вследствие плохой сохранности человеческих костей и костяных предметов производилась консервация их в поле, непосредственно на месте погребения. Часть вещей, залегающих группой и находящихся в очень плохом состоянии, бралась монолитом, и разборка их производилась уже в Ленинграде, в реставрационных мастерских; вещи, бравшиеся монолитом, предварительно зарисовывались.

Такова в общих чертах методика полевых исследований, с помощью которой производились раскопки Оленеостровского могильника. Перейдем теперь к рассмотрению самой темы главы — формы обряда погребений у древних оленеостровцев.

Исходя из имеющихся у нас материалов, в могильнике с наибольшей отчетливостью удается установить две группы захоронений (рис. 9), расположенных компактной массой: группа I — в южной части могильника¹ и группа II — в северной его части.² С меньшей достоверностью можно говорить о наличии третьей группы, занимающей центральное по отношению к ним положение, поскольку здесь разрушен особенно большой участок.

Рассматривая план раскопа могильника в целом, можно сделать вывод, что 47 могил, сконцентрированных в южном секторе могильника, располагаются на сравнительно небольшой площади. Нетрудно заметить, далее, что это лишь часть погребений данной группы, тогда как другая, вероятно большая, имевшая продолжение в южном направлении, была уничтожена карьером до начала работ археологов.

Вторая группа погребений, находящаяся в северо-западном секторе могильника, сохранилась в лучшем состоянии, хотя можно предполагать, что и она частично пострадала от разрушений. Так же как и в юго-восточном секторе, погребения расположены довольно компактно, близко при-

мыкая, а иногда и соприкасаясь друг с другом, причем именно здесь встречаются случаи перекрытия одних погребений другими.

Гораздо более аморфной выглядит группа погребений, расположенная в центральной части могильника. Могилы не только не соприкасаются, но размещены на значительном расстоянии друг от друга. Контуры этой третьей части могильника весьма расплывчаты вследствие большого количества ям и карьеров, о которых говорилось выше.

Нет никакого сомнения, что древние оленеостровцы не могли хоронить своих сородичей беспорядочно, одного в южной, другого, умершего через несколько недель или месяцев, в северной части могильника. Такое предположение исключено, поскольку эти части отделены друг от друга (даже в наиболее близких точках) расстоянием, превышающим 100 м. Повидимому, здесь действовала одна из двух причин: или эти группы различны по времени, и захоронения совершались сначала, например, в юго-восточной, а затем в северо-западной части могильника, или отдельные части его принадлежали различным родовым группам, каждая из которых хоронила своих сородичей в определенном месте.

Переходя к непосредственному описанию захоронений, следует отметить прежде всего отсутствие определенного порядка в расположении могил (рис. 10, I, II). Какой-либо закономерной планировки их не прослеживается. Здесь нет тех правильных рядов, которые наблюдаются, например, в Мариупольском могильнике,¹ погребениях глазковского времени² или в могильниках ананьинской культуры.³

Захоронения у оленеостровцев совершались в сравнительно неглубоких ямах, в среднем на глубине 0.60 м от поверхности земли. Наряду с этим встречаются могилы, глубина которых значительно превышает указанные размеры; примером может служить хотя бы тройное погребение № 55-56-57, залегающее на глубине 1.22 м. Исключения составляют также почти все вертикальные захоронения. Так, могильная

¹ Н. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ, 1933.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. МИА, № 43, 1955.

³ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 111.

¹ Раскоп 1936 г.

² Раскоп 1937—1938 гг.

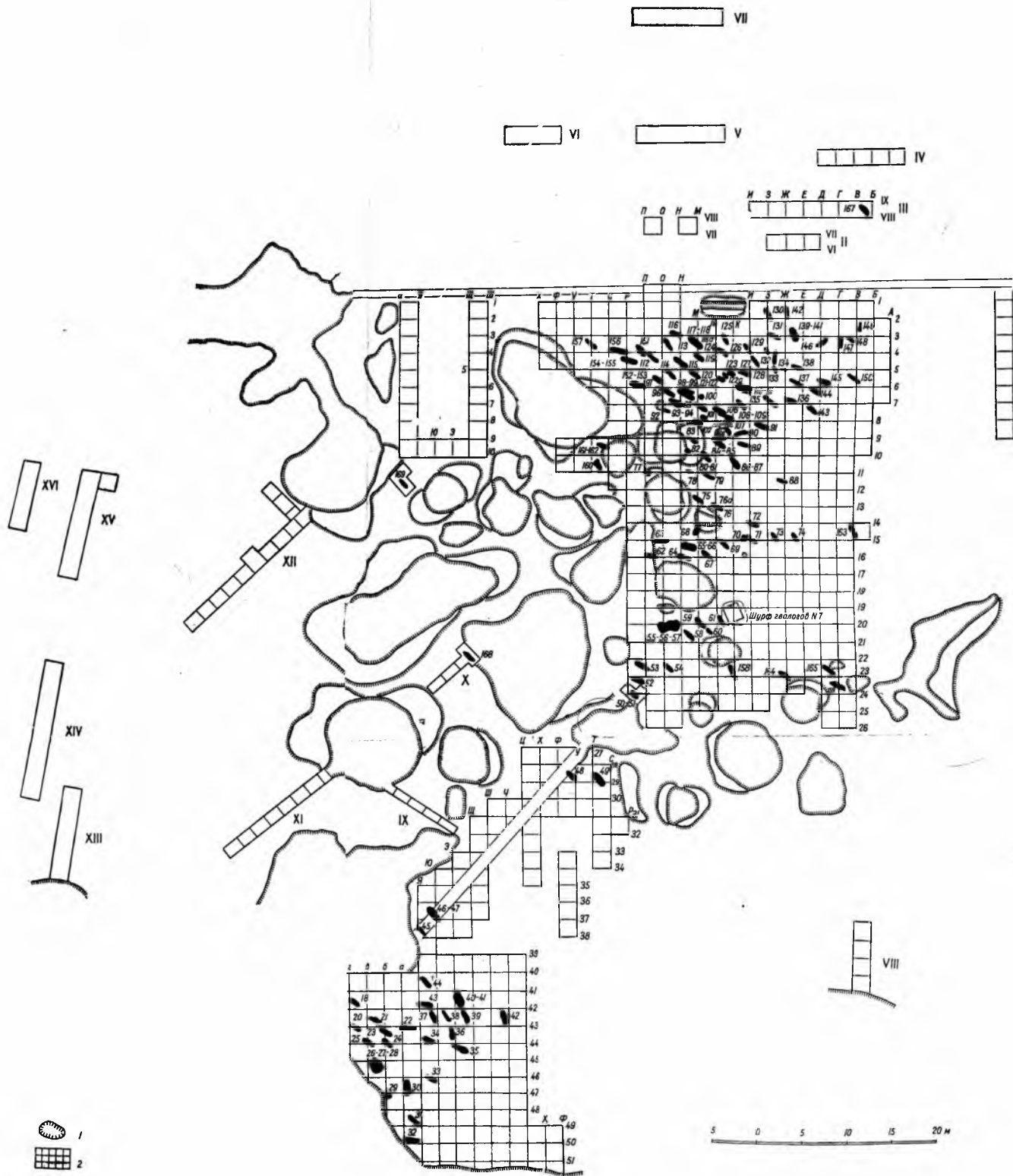

Рис. 9. План Однеестровского могильника.
 1 — входы; 2 — распашанная часть; 3 — могилы.

яма погребения № 68 имеет глубину 1.46 м, погребения № 100 — 1.54 м, погребения № 123 — 1.30 м, погребения № 125 — 1.85 м.

Относительно небольшая глубина основной массы захоронений объясняется, вероятно, сильной каменистостью грунта, затруднявшего выкапывание глубоких могильных ям. Иногда (погр. №№ 46—47, 67, 90, 93-94, 112, 113, 114, 116, 130) контуры могильных ям видны очень отчетливо. Они представляют собой корытообразные овальные углубления с узким дном, длиной до 2 м. В большинстве же случаев контуры их из-за каменистого грунта проследить не удается. В 2 погребениях (№№ 76, 115) наблюдалась каменная кладка. Камни лежали в один ряд, причем в погребении № 115 они были довольно крупного размера и залегали выше костяка на 0.33—0.37 м. Пространство между костяком и камнями было засыпано землей.

Каменная кладка прослеживалась и в погребении № 50, где весь скелет был обложен камнями средней величины, плотно прилегающими друг к другу. У находящегося рядом с ним погребения № 51 камнями был обложен лишь череп. Череп погребения № 15 лежал на камнях. Не исключена возможность, что каменная обкладка могил, после засыпки покойника землей, имела и в других погребениях, но вследствие недостаточной выраженности этой обкладки и общей каменистости грунта она могла остаться незамеченной.

Все могильные ямы вертикальных захоронений были также выложены крупными камнями. Кроме того, можно привести еще несколько примеров своеобразной каменной кладки. Так, в ногах скелета погребения № 16 был выложен из некрупных камней небольшой полукруг диаметром 0.40 м, как бы обрамляющий ноги. Череп погребения был положен на камни. В погребении № 27, также в области ног, было выложено из камней небольшое сооружение в форме круга, прикрытое сверху каменной плиткой, внутри которого была насыпана охра. В погребении № 45 на груди, коленях и в области левого плеча скелета лежали камни средней величины. Наконец, следует сказать о наличии своеобразного сооружения в погребении № 25. За пределами охристого пятна, к северу от скелета, находилось небольшое углубление округлых очертаний (0.30 × 0.40 м), заполненное охрой и мелкими пережженными костями животных.

Ориентировка покойников во всех погребениях сходна. Скелеты, как правило, лежат головой на восток с небольшим отклонением к северу или югу, и лишь одно погребение (№ 89) ориентировано головой на юго-запад.

Из прилагаемой таблицы ориентировки и положения погребений Оленеостровского могильника (табл. 1) видно, что 46 погребений ориентировано головой на восток, 45 — на восток с отклонением к северу, 13 — на северо-восток,¹ 24 — на восток с отклонением к югу и 9 — на юго-восток. Отсюда следует вывод, что основным является положение погребенных голов на восток с большим или меньшим отклонением к северу и значительно реже — к югу. Только одно погребение, как было указано выше, имеет обратное направление, т. е. юго-западное.²

Способы положения покойников различны: на спине — 118 погребений, на боку — 11, скорченное — 5, вертикальное положение — 4 погребения. Таким образом, наибольшее число покойников в погребениях были положены на спину.

Покойники, захороненные на спине, имеют вытянутое положение, голова их лежит прямо, лицом вверх, иногда повернута несколько в сторону. Руки вытянуты вдоль туловища и нередко слегка согнуты в локтях. Довольно часты случаи, когда кисти рук лежат в нижней части живота. Ноги, как правило, вытянуты и положены свободно.

Вторую по численности группу составляют захоронения на боку. Положения этих костяков отличаются лишь в деталях. В большинстве случаев они лежали на правом (7) и реже (4) на левом боку. Верхняя часть скелета положена прямо, ноги вытянуты или согнуты в коленях. Руки чаще несколько отнесены от туловища вперед и также слегка согнуты в локтях; в отдельных случаях они приближены к лицу. Голова находится на той же стороне, что и туловище. Кости ног скелета погребения № 34 очень плотно прижаты друг к другу. Это

¹ Деление ориентировки на «восток с отклонением к северу», или «северо-восток», так же как и деление на «восток с отклонением к югу», или «юго-восток», до некоторой степени условно.

² Кроме того, имеется значительное количество погребений (35), в той или иной степени разрушенных или не сохранившихся, для установления ориентировки которых у нас нет соответствующих данных.

Ориентировка и положение погребений Оленеостровского могильника

Ориентировка (направление головой)	Часть могиль- ника	Положение костяка				Разрушенные костяки	Примечания
		на спине	на боку	сгорчен- ные	вертикальные		
На восток.	Южная.	№№ 1, 5-6, 7, 8-9, 10, 16, 18, 22, 23, 31, 35, 39, 44, 45	№ 34	№ 33	—	№ 68 — лицом к за- паду. № 100, 125 — липом к юго-западу, 123 — череп смещен.	
	Средняя.	№№ 50, 51, 54, 59, 60, 67, 69, 76, 76а	№ 58	—	—		
	Северная.	№№ 80-81, 85, 97, 101, 102, 108-109, 110-111, 112, 114, 115, 118, 119, 135, 137, 169	—	—	—		
На восток с откло- нением к северу.	Южная.	№№ 4, 11, 13-14, 15, 19, 21, 48	—	№ 43	—	№№ 1а, 12, 17, 20, 24, 29, 32, 38, 70, 77, 78, 84, 86, 88, 92, 95, 109, 113, 117, 118а, 122а, 129, 131, 134, 141, 146, 148, 149, 154-155, 157, 165, 166, 167, 168, 170	Погребение № 25 по положению скеле- та необычно.
	Средняя.	№№ 52, 53, 62, 64, 72, 75	№ 65-66	—	—		
	Северная.	№№ 79, 82, 83, 87, 91, 96, 99, 103, 104-105, 106, 107, 116, 121, 122, 138, 144, 150, 156, 159, 161-162	№№ 93-94, 120, 145	—	—		
На северо-восток.	Южная.	№№ 2, 3.	—	—	—		
	Средняя.	№№ 56, 63, 71, 128, 136, 152-153	№№ 55, 57	—	—		
	Северная.	№ 90	—	—	—		
На восток с откло- нением к югу.	Южная.	№№ 26-27-28, 36, 37, 40, 42, 46-47, 49	—	№№ 25, 41	—		
	Средняя.	№№ 73, 74	№ 61	—	—		
	Северная.	№№ 98, 124, 127, 130, 143, 151, 158, 163, 164	—	—	—		
На юго-восток.	Южная.	№ 30	—	—	—	Погребение № 126 ориентировано го- ловой на 169°	
	Средняя.	—	—	—	—		
	Северная.	№№ 126, 132, 133, 139-140, 142, 147	—	№ 160	—		
На юго-запад.	Южная.	—	—	—	—		
	Средняя.	—	—	—	—		
	Северная.	№ 89	—	—	—		
Итого . . .		118	11	5	4	36	

наводит на мысль о том, что они были связаны до захоронения. В одном случае встречено двойное захоронение, в котором оба погребенных положены в общей могильной яме на правый бок, близко друг к другу и в одной плоскости (погр. №№ 65 и 66). В ряде случаев встречается комбинация обоих указанных выше способов захоронения. Так, например, в тройном захоронении № 55-56-57 два покойника (погр. №№ 55 и 57) были положены на бок (один — на правый, второй — на левый), лицом к центральному (№ 56), лежащему на спине.

Третий способ захоронения — в скорченном состоянии — особенно отчетливо виден на погребении № 33. Скелет лежит на правом боку, ноги сильно согнуты в коленях, а руки — в локтях и направлены к подбородку. В погребении № 43 скелет также лежит на правом боку, ноги в коленях согнуты и направлены назад, руки вытянуты вдоль туловища. Погребенный № 41 залегает в одной могильной яме с погребенным № 40, лежащим на спине. Ноги его согнуты в коленях, руки — в локтях и направлены к подбородку. Несмотря на залегание в одной общей могильной яме, покойники, повидимому, захоронены в разное время.

Необычное явление представляет собой погребение № 25. Верхняя часть туловища и череп костяка лежат горизонтально, на спине, тогда как ноги согнуты в коленях и опущены в яму. Руки положены вдоль туловища и от локтя тоже опущены вниз.

Случаи скорченных захоронений, в особенности погребение № 25, показывают, что то или иное положение покойникам было придано тогда, когда тело еще окончательно не заостенело.¹

Весьма важно отметить, что все скорченные захоронения (за исключением погребения № 160) сосредоточены на одной из окраин могильника, образуя здесь компактную группу.²

Наибольший интерес несомненно вызывают могилы с обрядом вертикального захоронения (погр. №№ 68, 100, 123, 125).

¹ Не исключена возможность, что в данном случае могла произойти осадка земли вскоре после захоронения, придавшая костяку такое необычное положение.

² Погребение № 160 находится в другой (северной) части могильника, но также на самой его окраине.

Захоронение покойников этим способом было довольно сложным. Могильная яма готовилась особым образом. Одна ее стенка делалась, как обычно, отвесной, а вторая, противоположащая, под углом примерно в 45°, вследствие чего могильная яма приобретала в разрезе форму острого угла в 45—55°. Ее верхняя часть была значительно шире, чем нижняя. Покойник ставился ногами на дно углубления (в погребении № 100 — на скалу) и прислонялся спиной к наклонной стенке, поэтому тело его оказывалось в наклонном, а не перпендикулярном положении по отношению к поверхности земли. Во всех случаях (кроме погребения № 123) свободное пространство между телом покойника и стенками ямы закладывалось крупными камнями. Поскольку камни не прилегали плотно друг к другу и к телу покойника, а образовывали неизбежные в этом случае пустоты, после разложения трупа происходила естественная осадка костей и анатомический порядок скелета нарушался. Так, в погребении № 68 в непотревоженном состоянии оказалась лишь нижняя часть скелета, тогда как череп сполз вниз и был раздавлен камнями.

Полный анатомический порядок скелета сохранился лишь в погребении № 100 и, повидимому, потому, что стенка ямы, к которой был прислонен спиной покойник, имела больший наклон, нежели у других вертикальных захоронений. Кроме того, и обкладка из камней была здесь значительно плотнее, а промежутки между камнями засыпаны песком (рис. 11—14). В первоначальном положении сохранилось и большинство инвентаря, сопровождавшего покойника, за исключением мелких вещей (в частности, резцов лося), которые частично сместились вниз (рис. 15).

Могильные ямы вертикальных погребений прослеживались достаточно отчетливо.

Окраска костяков Оленеостровского могильника охрой является характернейшей его чертой. Иногда она бывает настолько интенсивной, что окрашивает в яркокрасный цвет кости скелета и весь сопровождающий его инвентарь, а также контуры могильной ямы. Однако далеко не все погребения засыпаны охрой в равной степени, а некоторые из них и вовсе ее не содержат.

Как удалось установить, между степенью интенсивности окраски охрой и сопровож-

Рис. 11. Начало расчистки погребения № 100.

Рис. 12. Расчистка погребения № 100.

Рис 13. Погребение № 100.

дающим покойника инвентарем наблюдается известная закономерность: чем большее количество вещей встречается в захоронении, тем интенсивнее засыпка охрой, и, наоборот, чем меньше вещей, тем беднее окраска (табл. 2). Так, в 23 случаях из

общего числа 36 захоронений без инвентаря степень засыпки охрой была слабая или очень слабая, а в 8 — вовсе отсутствовала. И только в 2 захоронениях без вещей степень засыпки костяка охрой оказалась средней. Помимо количества, даже цвет охры на раз-

личных погребениях неодинаков и колеблется от яркокрасного до розовато-желтого.

Абсолютное большинство погребений Оленеостровского могильника сопровождалось инвентарем. Как указано, инвентарь отсутствовал лишь в 36 погребениях, что составляет 20% к общему числу 177 раскопанных могил¹ (рис. 16).

Рис. 14. Нижняя часть погребения № 100.

ные. В той же южной части имеется еще два захоронения (№№ 7, 10), которые также занимают окраинный участок.

Вторая группа захоронений без сопровождающего инвентаря состоит из трех погребений (№№ 159, 164, 165), находящихся в южном углу средней части могильника. Все они располагаются близко друг к другу.

Рис. 15. Деталь погребения № 100.

Весьма существенно отметить, что в расположении погребений без инвентаря наблюдается некоторая закономерность. Нередко они соединены группами по нескольку могил вместе. Довольно отчетливо выступает группа в количестве 7 погребений в северном углу южной части могильника (погр. №№ 33, 34, 37, 38, 40, 41, 43), причем три погребения из них (№№ 33, 41, 43) скорчен-

Недалеко от них находится еще одно погребение (№ 163), а на противоположной стороне, и тоже на окраине, лежит второе одиночное погребение (№ 63) без вещей.

Рассматривая северную часть могильника, нельзя не заметить, что и здесь погребения без инвентаря (погр. №№ 75, 77, 79, 88, 89, 91, 143, 148, 149, 160) как бы обрамляют компактно расположенные в центре погребения, снабженные инвентарем. Несколько ближе к середине находятся погребения №№ 83, 126, 131, но и они по существу являются окраинными. Лишь

¹ В это число не включены погребения, залегающие совместно с другими, сопровождающимися инвентарем.

ИЗЖЕДГВБ IX VIII

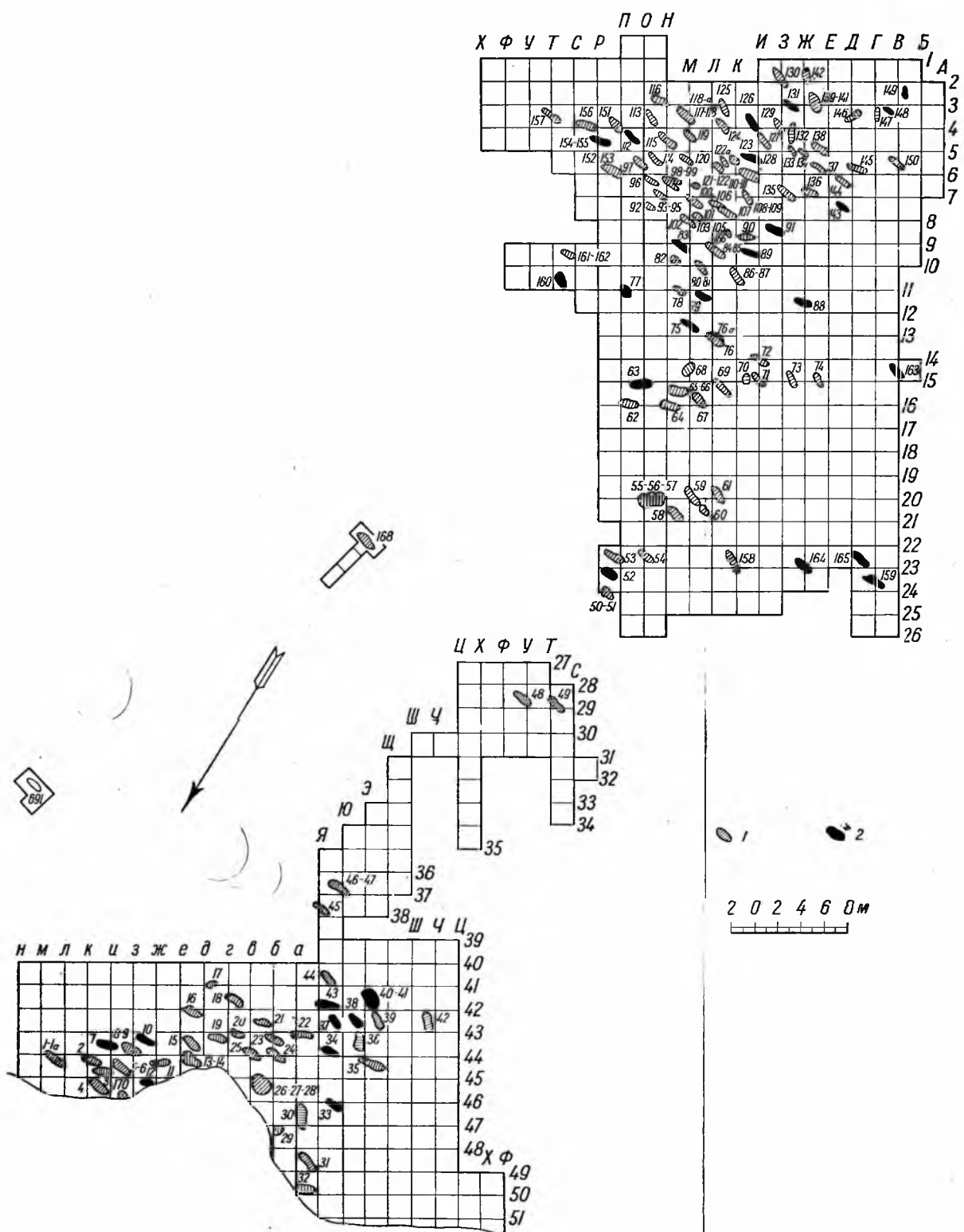

Рис. 16. Плян Оленеостровского могильника.

1 — погребения, снабженные инвентарем; 2 — погребения без инвентаря

Таблица 2

Погребения Оленеостровского могильника, лишенные инвентаря

№ погребения	Пол	Возраст	Положение скелета	Ориентировка (направление головой)	Степень насыпки охрой	
89	Мужской.	Зрелый.	На спине.	На юго-запад.	Едва заметная.	
79	»	Возмужалый.	» »	На восток с отклонением к северу.	Очень слабая.	
128	»	Зрелый.	» »	На северо-восток.	Слабая.	
159	»	»	» »	На восток с отклонением к северу.	Отсутствует.	
163	»	Возмужалый.	» »	На восток с отклонением к югу.	Слабая.	
164	»	Старческий.	» »	То же.	»	
75	Мужской (?)	Молодой.	» »	На восток с отклонением к северу.	»	
83	Женский.	Возмужалый.	» »	То же.	Средняя.	
143	»	Зрелый.	» »	На восток с отклонением к югу.	Слабая.	
52	»	Возмужалый.	» »	На восток с отклонением к северу.	»	
63	Женский (?)	?	» »	На северо-восток.	»	
91	»	Взрослый.	» »	На восток с отклонением к северу.	»	
126	»	?	» »	На юго-восток.	»	
154-	Детский.	I—II	» »	На восток с отклонением к северу	Интенсивная.	
-155	»	I	» »	То же.	»	
7	Пол и возраст не определен.		» »	На восток.	Очень слабая.	
10			» »	» »	» »	» »
37			» »	На восток с отклонением к югу.	» »	» »
40			» »	То же	» »	» »
112			» »	На восток.	Слабая.	» »
169			» »	» »	Отсутствует.	» »
33			» »	» »	Очень слабая.	» »
41			» »	Скорченное.	» »	» »
43			» »	» »	На восток с отклонением к югу.	» »
43			» »	» »	На восток с отклонением к северу.	Слабая.
160	Мужской.	Зрелый.	»	На юго-восток.	Средняя.	
34	Пол и возраст не определен.		На боку.	На восток.	»	
131	Мужской.	Зрелый.	Не прослеживается.	» »	Едва заметная.	
149	Женский.	»	То же	?	Слабая.	
148	Мужской (?)	Взрослый.	»	?	Отсутствует.	
88	Мужской.	»	Вытянутое.	На северо-восток.	»	
38	Вследствие плохой сохранности определить пол и возраст, а также установить положение и ориентировку скелетов не удается.			На восток (?).	Слабая.	
77				Отсутствует.	»	
12				»	Интенсивная, но лишь по дну могильной ямы.	
165				Отсутствует.	»	
166				»	»	
167	Едва заметная.	»				

Примечание. В таблицу не включены погребения без инвентаря, залегающие в общей могильной яме и одновременные другим погребениям, снабженным инвентарем: №№ 2а (совместно с № 2); 3 (совместно с № 3а); —27 (совместно с №№ 26 и 28); 84 (совместно с № 85); 170 (совместно с № 170а).

Рис. 17. Деталь погребения № 120.

Рис. 18. Расположение резцов лося в погребении № 13.

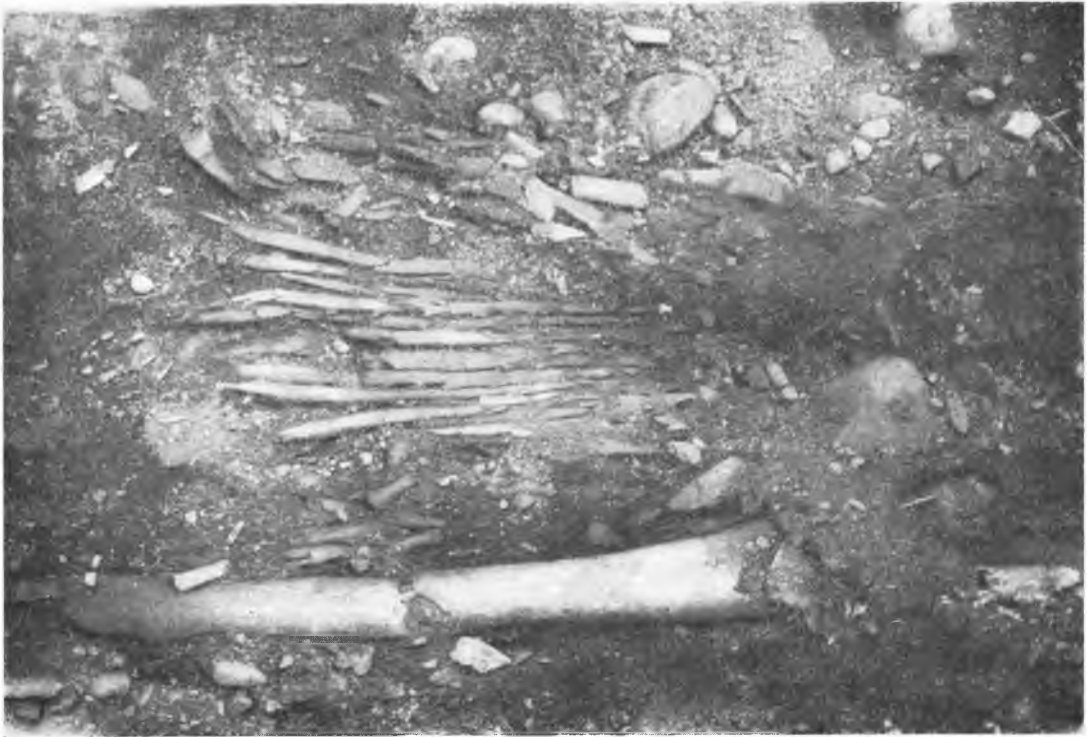

Рис. 19. (Деталь погребения № 90).

Рис. 20. Деталь погребения № 114.

Рис. 21. Деталь погребения № 61.

Рис. 22. Деталь погребения № 113.

Рис. 23. Погребение № 3. Захоронение женщины с ребенком.

погребения №№ 112 и 128 располагаются ближе к центру, хотя последнее находится в непосредственном соседстве с двойным погребением №№ 154—155, также лишенным инвентаря и занимающим крайнее положение.

Из трех наиболее отдаленных погребений, помещающихся на окраине могильника (№№ 167, 168, 169), два совсем лишены инвентаря и только одно погребение (№ 168) сопровождается незначительным количеством вещей. Впрочем, судя по его расположению, оно скорее всего входило в среднюю часть могильника, сильно разрушенную карьером.

Приведенные примеры дают основание сделать вывод, что погребения без инвентаря располагаются в большинстве случаев на периферии могильника и, в частности, на южной окраине его северной части, как бы отделяя центральную часть могильника от северной. Это обстоятельство приводит к мысли о возможности выделения центральной части могильника в особую группу, отличную от северной и южной.

Вопрос о причинах расположения погребений без инвентаря на периферии могильника будет рассмотрен ниже, в связи с выяснением общественного строя древних оленеостровцев, сейчас же перейдем к рассмотрению погребений, имеющих инвентарь.

Количество инвентаря в отдельных захоронениях различно (рис. 17—24). Одни из них имеют по несколько десятков вещей, другие же содержат лишь единицы; в отдельных погребениях инвентарь весьма разнообразен, в других же состоит только из одних украшений. По обилию инвентаря выделяются погребения №№ 23, 45, 46—47, 61, 64, 68, 69, 73, 81, 85, 100, 113, 114, 115, 118а, 130. Помимо значительного количества находящихся в могилах вещей, обращает на себя внимание их разнообразие. В отдельных погребениях встречались вещи особого характера — скульптура, оригинальные украшения и т. д. Наличием очень большого количества костей животных (зубы, фаланги и копыта лося), не встречающихся в таком изобилии ни в одном другом погребении, отличается погребение № 5—6.

В расположении вещей на покойнике трудно установить четкую закономерность. Правда, в большинстве случаев те или другие предметы — сланцевые ножи, клыки или группы наконечников стрел — занимают оп-

ределенные места, однако в целом вещи располагаются по всему скелету. Этим погребения Оленеостровского могильника Онеж-

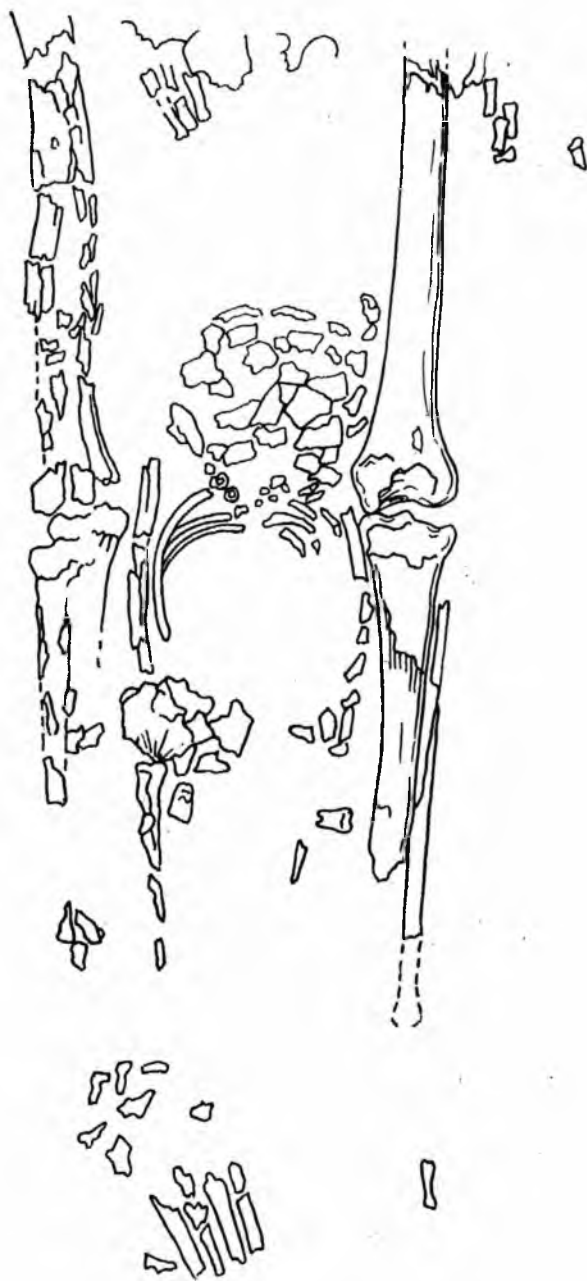

Рис. 24. Деталь погребения № 3.

ского озера существенно отличаются, например, от погребений Оленеостровского могильника Баренцова моря, где вещи, сопровождающие покойника, всегда разме-

щуются за его головой или на груди (в правой стороне), а иногда у руки, очевидно, будучи вложенными в нее.¹ Наибольшая закономерность в распределении вещей на захороненном прослеживается лишь в украшениях. Часть из них сохранилась на месте и указывает на способ использования в качестве нашивок на пояса или одежду, часть же потеряла свое первоначальное положение в процессе разложения трупа и находится во вторичном залегании. Существенно отметить, что наконечники стрел, когда они залегают компактной массой, находятся, как правило, у ног покойника или между ними (погр. №№ 19, 36, 45, 81, 90, 99, 115, 135), а также в области груди (погр. №№ 39, 100, 118а).

Наряду с единичными захоронениями в Оленеостровском могильнике встречаются двойные (рис. 25—28) и тройные одновременные захоронения. В общей сложности таких могил с несколькими погребениями насчитывается 19, из них 16 парных и 3 тройных.²

Антропологическое определение, произведенное Е. В. Жировым, М. М. Герасимовым и В. П. Якимовым, показало, что мы имеем дело с весьма разнообразными случаями половозрастного сочетания (табл. 3). Так, в трех случаях наблюдается захоронение женщины с мужчиной (погр. №№ 8—9 (?), 65—66, 152—153); в двух — захоронение женщины с женщиной (погр. №№ 93—94, 110—111), в одном — захоронение двух мужчин (погр. № 139—140).³ Кроме того, вследствие плохой сохранности погребений в трех случаях пол остается неопределенным (погр. №№ 5—6; 13—14; 46—47).

В пяти погребениях имеются захоронения взрослых с детьми (погр. №№ 2-2а, 3-3а, 80-81, 84-85, 161-162); в двух из них (погр. №№ 2-2а, 3-3а) пол взрослых определить антропологически не удается,

¹ Исключение составляют отдельные погребения, раскопанные А. В. Шмидтом в 1928 г., целостность которых была нарушена животными или корнями деревьев.

² В указанное число не входят парные или тройные захоронения, произведенные в различное время (захоронение в общей могильной яме), кроме погребения № 103-104-105, где разновременность захоронения с полной очевидностью не устанавливается.

³ Погребение № 139-140 залегают в общей могильной яме с погребением № 141 — женским, совершенным ранее.

однако их взаимоотношение с детскими погребениями (детские скелеты лежат между ног взрослых), а также характер инвентаря приводят к убеждению, что в обоих случаях мы имеем дело с женскими захоронениями (рис. 23, 24). В третьем погребении женский пол устанавливается точно (погр. № 161-162). Положение детского костяка здесь иное — он вытянут вдоль правой руки женского костяка.

Имеются два погребения (№№ 80-81, 84-85), где детские скелеты залегают вместе с мужскими. Нельзя при этом не отметить и третьего случая — захоронения мужчины с ребенком (погр. № 108-109), произведенного, по видимому, в разное время (детское погребение более позднее). Учитывая, что захоронение ребенка произведено с исключительной аккуратностью, не нарушив целостности более раннего мужского захоронения, можно сделать вывод о возможной родственной связи между женщиной и находящимся рядом с ним ребенком.

Два случая (погр. №№ 121-122, 154-155) представляют собой парные захоронения детей.

В парных погребениях (где пол был антропологически определен) устанавливается следующее взаимоотношение: костяки в погребении № 65-66 залегают на правом боку, в близком соседстве друг с другом (рис. 25), причем женщина (погр. № 66) лежит перед мужчиной (погр. № 65). В двух других захоронениях (№№ 8-9,¹ 152-153) скелеты лежат на спине, причем голова женщины (погр. № 152) повернута в сторону мужчины (рис. 26).

При сочетании двух женских погребений в одном случае (погр. № 93-94) оба костяка лежат на боку (рис. 27), повернутые лицом друг к другу (погр. № 93 — на правом боку, погр. № 94 — на левом боку), в другом (погр. № 110-111) — покойные были положены на спину, головы их повернуты друг к другу (рис. 28). В парном мужском захоронении (погр. № 139-140) оба костяка лежат на спине.

Таким образом, незначительное количество погребений при их разнообразии не позволяет установить определенной закономерности в положении парных захоронений, учитывая особенно, что в трех погребениях

¹ Пол погребенных № 8-9 определен антропологами предположительно.

бениях половую принадлежность костяков определить не удалось.

В парных захоронениях при сочетании различных по полу погребений (женского и мужского) в одном случае наблюдается мужское старческое и женское возмужалое (погр. № 65-66), во втором (погр. № 152-153) — оба погребенных зрелого возраста, в третьем (погр. № 8-9) — возраст погребенных не установлен.

бенных не установлен.

В парных женских погребениях возраст захороненных оказался различным. В погребении № 93-94 наблюдается сочетание зрелого возраста с возмужалым, в погребении № 110-111 — старческого с возмужалым. В парном мужском захоронении (погр. № 139-140) оба погребенных были старческого возраста.

Таблица 3

Парные захоронения в Оленеостровском могильнике

№ п.п.	№ погребения	Пол	Возраст	Положение костяка	Примечания
1	{ 8- -9	Мужской (?). Женский (?).	Возраст не определен.	На спине. » »	
2	{ 152- -153	Женский. Мужской.	Зрелый. »	» » » »	
3	{ 65- -66	» Женский.	Старческий. Возмужалый.	На правом боку. » » »	
4	{ 93- -94	» »	Зрелый. Возмужалый.	» » » На левом боку.	} Лицом друг к другу.
5	{ 110- -111	» »	Старческий. Возмужалый.	На спине. » »	
6	{ 139- -140	Мужской. »	Старческий. »	» » » »	
7	{ 5- -6	Пол не определен. »	Взрослый. »	» » » »	
8	{ 46- -47	Мужской (?) Пол не определен.	» »	» » » »	
9	{ 13- -14	» »	» »	» » » »	
10	{ 2- -2а ¹	Женский (?). —	» Детский.	» » » »	} Детские погребения №№ 2а и 3а залегали между ног взрослых скелетов №№ 2 и 3.
11	{ 3- -3а	Женский (?). —	Взрослый. Детский	» » » »	
12	{ 161- -162	Женский. —	Возмужалый. Детский	» » » »	} Погребение № 162 вдоль правой руки взрослого № 161.
13	{ 80- -81	— Мужской.	Детский II Зрелый.	» » » »	
14	{ 84- -85	— Мужской.	Детский II Возмужалый.	» » » »	} Положение погребения № 84 ввиду очень плохой сохранности прослеживается с трудом.
15	{ 121- -122	— —	Детский II Детский I	» » » »	
16	{ 154- -155	— —	Детский I—II Детский I	» » » »	} Ввиду плохой сохранности положение костяка № 154 не прослеживается.

¹ Погребения №№ 2 и 2а, 3 и 3а, включающие захоронения взрослого и ребенка, на планах обозначены без литер (№№ 2 и 3).

Небольшое число примеров и здесь не позволяет вывести какого-либо общего правила. Как мы видим, при сочетании захоронений лиц разного пола возраст их или различен (погр. № 65-66 — старческий и возмужалый), или одинаков (погр. № 152-153 — зрелый).

Наибольший интерес вызывает второй случай — погребение мужчины с двумя женщинами (рис. 29). Их положение по отношению друг к другу и ненарушенность могильной ямы бесспорно свидетельствуют об одновременном захоронении. Прослеживается следующее размещение скелетов: в середине,

Рис. 25. Двойное захоронение № 65-66, одновременное.

Рассматривая погребения взрослых с детьми (как мужские, так и женские), мы можем сделать следующий вывод: ни в одном случае детские захоронения не встречаются со старческими, во всех погребениях возраст взрослых субъектов возмужалый или зрелый.

Как было уже указано выше, в Оленеостровском могильнике наряду с парными захоронениями имеется три случая тройных захоронений: погр. №№ 26-27-28, 55-56-57, 103-104-105 (табл. 4; рис. 29).

В тройных погребениях, подобно парным, точной закономерности в сочетании определенного пола не прослеживается. В одном случае (погр. № 26-27-28) захоронены мужчины, в другом (погр. № 55-56-57) — один мужчина и две женщины, в третьем (погр. № 103-104-105) — трое детей.

на спине, лежал мужской костяк (погр. № 56) в вытянутом положении, по обеим сторонам которого располагались на боку два женских скелета (погр. № 55, 57), обращенные лицом к мужскому скелету. Данное захоронение возбуждает значительный интерес также по составу своего инвентаря (к нему нам придется вернуться несколько ниже). В двух других случаях (погр. № 26-27-28, 103-104-105) скелеты залегали на спине параллельно друг другу.

Наиболее точные сведения о возрасте тройных погребений мы имеем лишь в одном случае (погр. № 55-56-57). Устанавливается, что возраст мужчины зрелый, возраст обеих женщин — возмужалый.

Рассматривая Оленеостровский могильник с точки зрения группировки погребений

Рис. 26. Двойное захоронение № 152-153, одновременное.

Рис. 27. Двойное захоронение № 93-94, одновременное.

Рис. 28. Двойное захоронение № 110-111, одновременное.

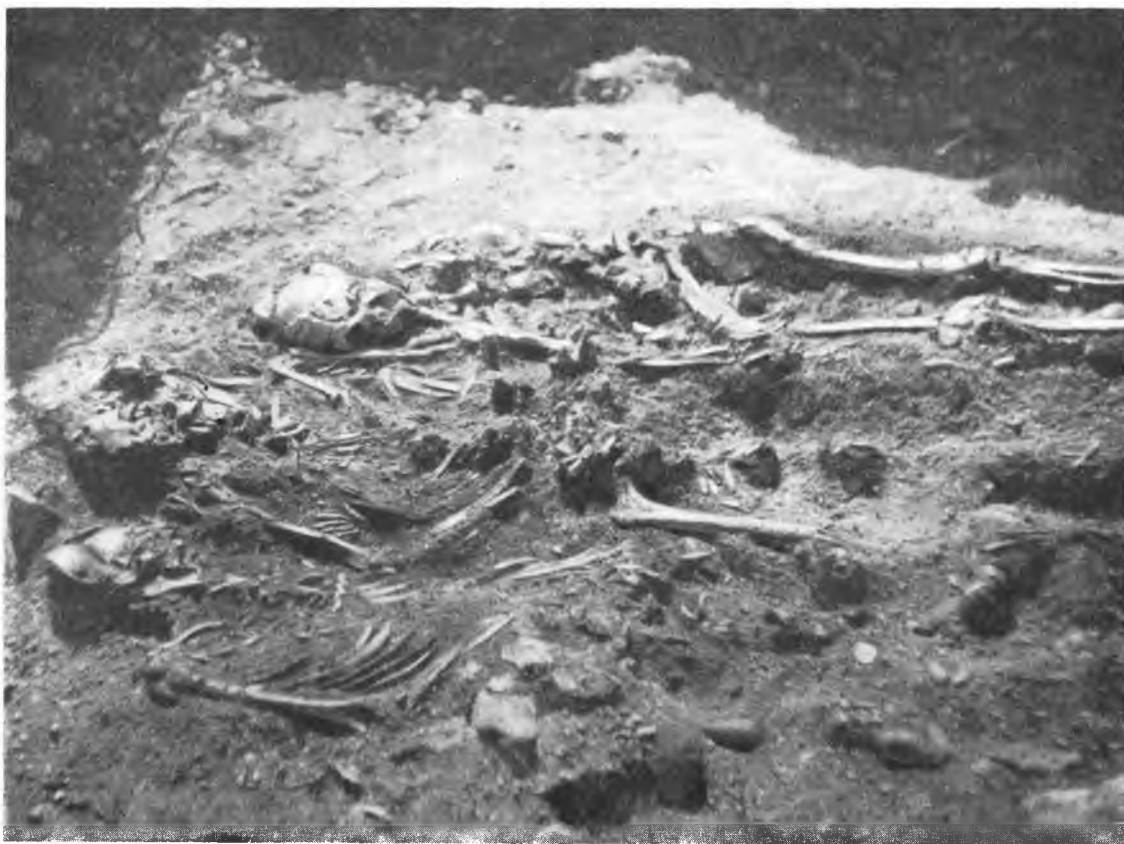

Рис. 29. Тройное захоронение № 55-56-57, одновременное.

Таблица 4

Тройные захоронения в Оленеостровском могильнике

№ п.п.	№ погребения	Пол	Возраст	Положение костяка	Примечания
1	26-	Мужской.	—	На спине.	
	-27-	»	—	» »	
	-28	»	—	» »	
2	55-	Женский.	Возмужалый.	На правом боку.	
	-56-	Мужской.	Зрелый.	На спине.	
	-57	Женский.	Возмужалый.	На левом боку.	
3	103-	—	Детский I	На спине.	В могильной яме погребения № 103-104-105 обнажены разрозненные остатки костей женщины. Погребение № 105 вероятнее считать более ранним.
	-104-	—	»	» »	
	-105	—	Детский	» »	

ний по полу и возрасту, нельзя не высказать сожаления, что плохая сохранность большинства погребений в южной части могильника помешала антропологам прояснить точное определение костяков, поэтому сделанные нами наблюдения в большой степени опираются лишь на материалы из центральной и северной частей раскопа.

Четкой группировки мужских и женских захоронений на территории могильника не прослеживается. Мы не имеем здесь такой закономерности, при которой мужские захоронения располагались бы строго в одной части могильника, а женские занимали другую его часть, в общем они перемежаются друг с другом (рис. 30). Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что женские и мужские захоронения образуют как бы небольшие группы. Намечается, например, группа из женских захоронений (погр. №№ 2, 3, 9) в южной части могильника и более значительная по численности — в юго-западной половине центральной части его (погр. №№ 50,¹ 52, 53, 55-56-57,² 62, 63, 64, 68, 65-66,³ 72). В то же время северо-восточная половина могильника заполнена мужскими погребениями (погр. №№ 54, 58, 59, 60, 158, 164, 159, 67, 69, 71, 73, 163). Довольно тесной группой располагаются мужские захоронения и в северной части могильника (погр. №№ 96, 98, 99, 100, 114, 120,

115, 119, 117, 118а, 113, 151). Вокруг этой группы с юго-запада, юга и северо-востока находятся женские погребения. Следующей группой мужских захоронений, повидимому, следует считать погребения, находящиеся в северо-восточной половине северной части могильника: №№ 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 139-140, 142, 145. Подобно вышеуказанной группе, с юго-запада, юга и северо-востока она окружена женскими захоронениями.

О существовании таких группировок свидетельствует отчетливо выраженное расположение детских захоронений. Размещение последних в южной и северной частях могильника различно. В южной части самостоятельные детские захоронения отсутствуют. В обоих известных случаях (погр. №№ 2, 3) дети захоронены со взрослыми, повидимому женщинами, между их ног, что как бы подчеркивает неразрывную связь детей с матерью. Оба погребения лежат в непосредственном соседстве друг с другом.

В центральной части могильника детские захоронения отсутствуют.

Что касается северной части могильника, то здесь детские погребения встречаются как со взрослыми, так и самостоятельно (одиночные, двойные и тройные). Рассматривая данную часть могильника с точки зрения топографии детских захоронений, мы отчетливо видим, что все они расположены в средней, или юго-западной, половине и отсутствуют в северо-восточной, южной и северной. При этом прослеживается определенная группировка как в самостоятельных детских захоронениях, так и в детских

¹ Пол погребенных №№ 50, 64 определяется как женский лишь условно.

² Погребения №№ 55 и 57 женские, находятся вместе с погребением № 56 — мужским.

³ Погребение № 66 — женское, находится в одной могильной яме с мужским захоронением № 65.

Количественное соотношение захороненных в Оленеостровском могильнике по возрасту

№ п. п.	Пол Возраст	Мужской	Женский	Пол не определен или определен предположительно	Итого			Всего
					мужских	женских	пол не определен или определен предположи- тельно	
1	Детский.	—	—	№№ 2а, 3а, 80, 84, 92, 103- 104-105, 109, 121-122, 122а, 154, 155, 162.	—	—	15	15
2	Юношеский.	—	№№ 87, 95, 116, 123.	№ 64 (женский ?), 70, 74.	—	4	3	7
3	Возмужалый.	№№ 49, 69, 73, 76а, 79, 85, 96, 100, 108, 114, 115, 117, 119, 133, 163.	№№ 52, 55, 57, 66, 83, 94, 97, 101, 102, 107, 111, 118, 124, 141, 147, 157, 161.	—	15	17	—	32
4	Зрелый.	№№ 56, 58, 59, 60, 76, 81, 89, 98, 113, 120, 125, 128, 131, 132, 135, 136, 142, 145, 151, 153, 158, 159, 160.	№№ 53, 68, 72, 93, 106, 143, 144, 146, 149, 152.	№№ 99 (муж- ской ?).	23	10	1	34
5	Старческий.	№№ 54, 65, 67, 71, 90, 139, 140, 164.	№№ 78, 86, 110, 127.	№№ 130 (муж- ской ?), 150, 156 (женский ?).	8	4	3	15
6	Взрослый.	№№ 88, 118а, 137.	№ 62.	№№ 91 (жен- ский?), 112, 148 (мужской ?).	3	1	3	7
7	Молодой.	—	—	№ 75 (мужской ?).	—	—	1	1

Примечание. Погребения, пол и возраст которых в настоящее время антропологами определены предположительно или не определены совсем, в таблицу не включены.

погребениях вместе со взрослыми (погр. №№ 80-81, 84-85, 92, 103-104-105, 108—109, 121—122, 122а). На некотором расстоянии от данной группы расположена другая группа детских погребений (№№ 154-155, 161-162).

Таким образом, вырисовывается некоторая закономерность в расположении детских захоронений и намечаются различия между способом захоронения в отдельных частях могильника.

Определенный интерес может представить вопрос о возрастном соотношении захороненных в Оленеостровском могильнике

(табл. 5). Наблюдается следующая закономерность: наибольшее число захороненных составляют люди зрелого и возмужалого возраста (73),¹ сравнительно невелико число детских захоронений (15), совсем мало юношеских (7) и сравнительно немного старческих (15). Не отрицая некоторой неполноты и условности материала, которым располагаем для построения данных выводов, мы не вправе были бы, однако, отказаться от них целиком, без попытки сделать свое заключение.

¹ В это число включены погребения, возраст которых определен как взрослый.

Данные о соотношении возраста захороненных в Оленеостровском могильнике приводят к выводу, что случаи смерти в юношеском возрасте были сравнительно редки. Это явление вполне закономерно. Как известно, медицина устанавливает, что процент смертности в юношеском возрасте в целом является наименьшим. Когда человек переступает грань детства и организм набирается сил, он меньше подвержен заболеванию и легче справляется с болезнями.

Не лишены интереса статистические данные, приводимые Н. Харузиным в его монографии «Русские лопари».

Как следует из таблицы, помещенной в его книге, за годы с 1855 по 1873 в Печенгском приходе умерло: детей в возрасте до 5 лет — 65 человек, тогда как в возрасте с 5 до 30 лет — только 40 человек.¹ Количество умерших в Пазрецьком погосте за время с 1874 по 1887 г. приведено в табл. 6.²

Из приведенной табл. 6 явствует, что смертность детей в раннем младенческом возрасте является наибольшей. Данные Н. Харузина о саамах особенно ценны для нас потому, что условия их быта даже в конце XIX в. если и не были тождественны оленеостровским, то несомненно приближались к ним.

Обращают на себя внимание данные о смертности людей в различном возрасте, которые мы находим в «Памятной книжке Олонецкой губернии» (табл. 7).

Данные табл. 7 наглядно свидетельствуют о наибольшей смертности в возрасте до 1 года и наименьшей в юношеском возрасте, от 10 до 15 и от 15 до 20 лет.³

Причину незначительного числа детских захоронений по отношению к взрослым в Оленеостровском могильнике, повидимому, следует искать в том, что далеко не все умершие дети хоронились в могильнике. Лучшим доказательством этого является тот факт, что в двух только случаях мы встречаем захоронения очень маленьких детей (в южной части могильника, погр. №№ 2 и 3), во всех остальных погребениях возраст детей определяется от 6—7 лет и старше. Учитывая условия быта того времени, можно

¹ Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 80.

² Там же, стр. 82.

³ Табл. 7 составлена по статистическим материалам, опубликованным в «Памятной книжке Олонецкой губернии за 1866 г.» (Петрозаводск, 1866, ч. III, стр. 21—23).

Таблица 6

Количество умерших в Пазрецьком погосте за время с 1874 по 1887 г.

Возраст	Количество умерших	Возраст	Количество умерших
До 1 года	14	От 40 до 50 лет	3
До 5 лет	5	От 50 до 60 лет	4
От 5 до 10 лет	5	От 60 до 70 лет	3
От 10 до 20 лет	1	От 70 до 80 лет	5
От 20 до 30 лет	2	От 80 до 100 лет	1
От 34 до 40 лет	2		

Таблица 7

Число умерших по возрастам в 1864 г. (православного вероисповедания)

Возраст	Количество умерших		
	в городах	в уездах	всего
Моложе 1 года	442	4365	4807
От 1 года до 5 лет	148	2749	2897
От 5 до 10 лет	26	426	452
От 10 до 15 лет	22	209	231
От 15 до 20 лет	29	229	258
От 20 до 25 лет	33	299	332
От 25 до 30 лет	42	255	297
От 30 до 35 лет	52	249	301
От 35 до 40 лет	42	281	323
От 40 до 45 лет	44	286	330
От 45 до 50 лет	45	351	396
От 50 до 55 лет	44	417	461
От 55 до 60 лет	34	337	371
От 60 до 65 лет	15	194	209
От 65 до 70 лет	1	7	8
От 70 до 75 лет			
От 75 до 80 лет			
От 80 до 85 лет			
От 85 до 90 лет			
От 90 до 95 лет			
От 95 до 100 лет			

с полным основанием считать, что смертность детей в возрасте до 1 года должна была быть достаточно большой. Этнографическая литература свидетельствует о том, что еще в XVIII—XIX вв. периодически вспыхивавшие среди северных народов эпидемии уносили массу детей.

Особый способ захоронения детей младенческого возраста у северных народов наблюдался этнографами еще в прошлом столетии. Так, В. В. Григорьев констатирует, что оленные чукчи умерших сжигают на костре, со всем скарбом, а «младенцев хоронят вообще в древесных дуплах, без всяких обрядов».¹ В. И. Анучин сообщает,

¹ В. В. Григорьев. Чукчи и земля их, с открытия этого края до настоящего времени. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876, стр. 564.

Таблица 8

Детские захоронения эпохи неолита и раннего металла

№ п./л.	Название могильника	Количество детских захоронений			Общее количество погребений в могильнике	Самостоятельные детские захоронения	Примечания
		до 1 года	от 1 года и старше	всего			
1	Оленеостровский (Онежского оз.)	—	15	15	177	7	Из них два парных и одно тройное.
2	Кубенинский	—	—	—	4	—	
3	Караваевский	—	—	—	18	—	
4	Мариупольский	—	6	6	124	—	
5	Нальчикский	—	27	27	147	4	
6	Кузнецкий	—	—	—	7	—	
7	Вестербьерс	—	1	1	50	—	
8	Тамула	—	1	1	7	1	
9	Гавриловский	—	—	—	6	—	
10	Языково	—	—	—	7	—	
11	Володары	—	—	—	2	—	
12	Нарва I	—	1	1	2	1	

что у енисейских остяков (кетов) «детей возрастом до года иногда и ныне погребают по старинному обряду: завертывают в ткани и бересту и ставят вертикально в душлах, гнилых пнях и специально выдолбленных нишах в больших деревьях».¹ Примерно такой же обряд захоронения детей на деревьях у качинцев Минусинского округа Енисейской губернии отмечает Н. Ф. Катанов: «Лет 50—60 тому назад это племя хоронило детей так. Завертывали умершего ребенка изнутри в кочму, снаружи в бересту и потом привязывали к дереву. Иногда клали его в дупло, а сверху закрывали древесной корой».² У ненцев, по словам В. Иславина, «маленьких детей вовсе не хоронят, но в ящичках или зыбках вешают по деревьям, для того чтобы они, как существа чистые, были ближе к Нуму и не находились в соприкосновении с грешными людьми».³ Примерно такой же обычай, как указывает Л. Я. Штернберг, существовал и у нивхов: «Ребенка до

недели хоронят на дереве, до полугода — в земле. Если сжечь ребенка, умершего до третьего дня, то женщина долго не будет иметь детей».¹ Наконец, на особый способ захоронения детей у чукчей указывает В. Г. Богораз: «Трупы маленьких детей иногда разрезают на куски и разбрасывают по всем направлениям».²

Подобные примеры можно было бы значительно умножить, но достаточно и приведенных, чтобы убедиться, что очень многие народы хоронили детей совершенно иначе, чем взрослых.

Повидимому, и у древних оленеостровцев существовал такой обряд захоронения детей, который не позволил останкам их сохраниться до нашего времени. Не исключена возможность, что он мог быть сходным с теми обрядами и, в частности, с обрядами погребения в дудлистом дереве, о которых свидетельствует приведенная этнографическая литература.

Сопоставляя наблюдения, сделанные по отношению детских захоронений в Оленеостровском могильнике, с фактами захоро-

¹ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. МАЭ, т. II, вып. 2, 1914, стр. 12.

² Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах тюркских племен, с древних времен до наших дней. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 125.

³ В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847, стр. 137—138.

¹ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 308.

² В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, Л., 1939, стр. 191.

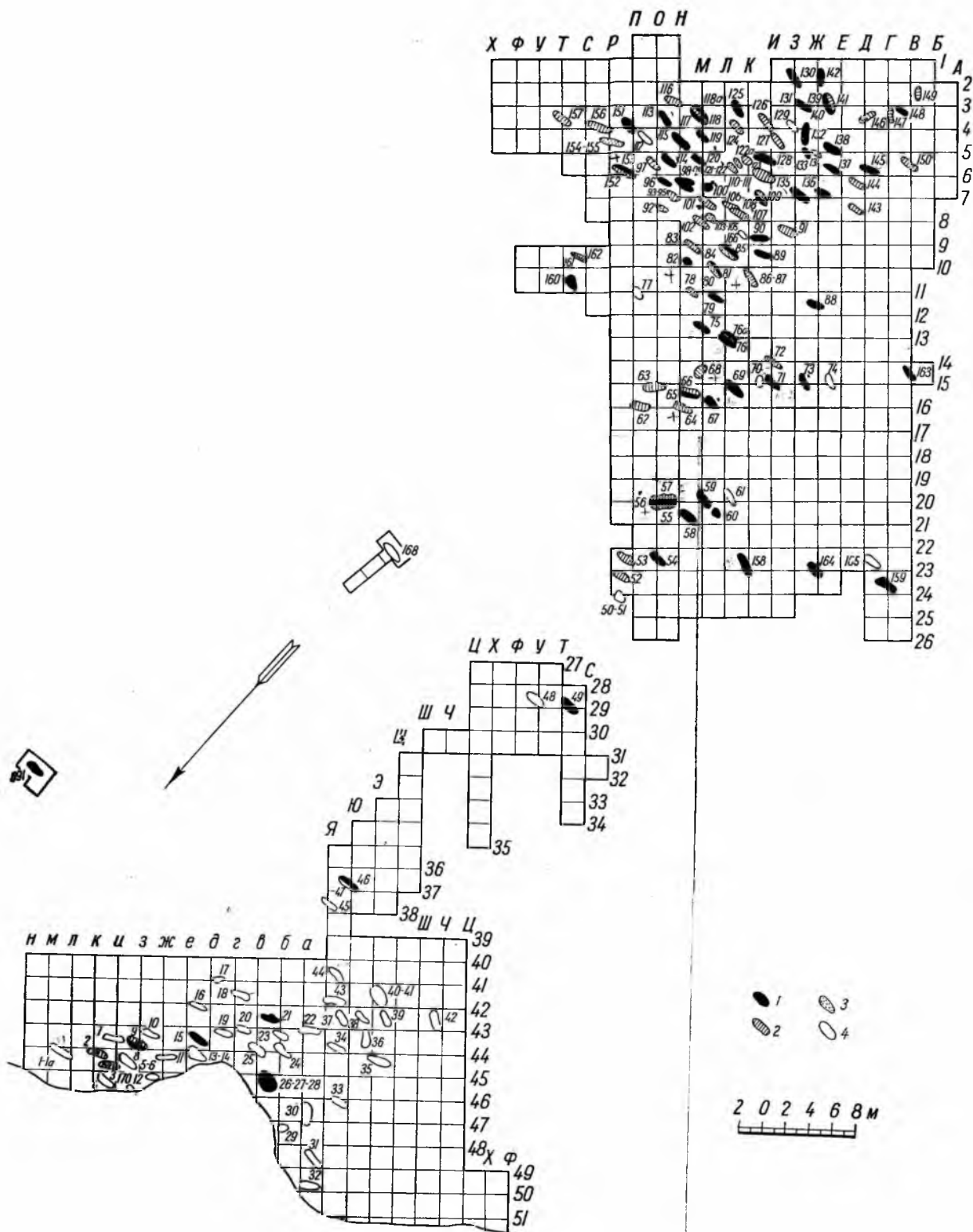

Рис. 30. Расположение погребений в могильнике по полу и возрасту.
1 — мужские; 2 — женские; 3 — детские; 4 — неопределенные погребения.

нений детей в других могильниках эпохи неолита и раннего металла, мы видим между ними определенную общность. Погребений раннего младенческого возраста не наблюдается, а детские захоронения если и встречаются, то в виде небольших исключений и погребенные в них дети, как правило, превышают годовалый возраст (рис. 31). Это отчетливо видно из табл. 8.

Анализируя далее возрастной состав захороненных, следует сделать еще один вывод: старческих захоронений в Оленеостровском могильнике также очень немного. Последнее, по видимому, объясняется тем, что бытовые условия не способствовали доживанию до преклонных лет и зрелый возраст переступали сравнительно немногие.

Однако было бы неправильно при этом снимать полностью и другое возможное объяснение, а именно, что старики в отличие от остальных членов рода погребались иным способом. Подобные примеры хорошо известны в этнографии. Они существовали, например, у якутов, на что указывают В. Л. Серошевский¹ и А. А. Попов.²

Об особом обычае погребений стариков у чукчей свидетельствует Д. К. Зеленин. «Здесь очень любопытен факт, — пишет он, — разных способов погребения — для „добровольно“ убитых стариков и для умерших своей смертью. Этих последних всегда сжигали, очевидно, стараясь уничтожить и самую душу покойника».³

Статистический подсчет возраста захороненных в Оленеостровском могильнике дает некоторые материалы для суждения о длительности жизни мужчин и женщин.⁴ Согласно антропологическому определению, на женские в возмужалом возрасте приходится 17 погребений, а на мужские — 15. При рассмотрении захоронений зрелого возраста положение резко меняется: женских насчитывается 10, а мужских 23 захороне-

ния. В старческом возрасте женских захоронений также значительно меньше, чем мужских (4 женских и 8 мужских).¹ Отсюда вытекает вывод, что женщины древних оленеостровцев умирали преимущественно в возмужалом возрасте и реже, чем мужчины. Доживали до глубокой старости.

Чтобы закончить описание типов захоронений, следует остановиться на вопросе о том, существовали ли внешние признаки могил после совершения обряда погребения, иными словами, ставились ли какие-либо надмогильные знаки. Данный вопрос теснейшим образом связан с двумя другими вопросами: наблюдались ли случаи впускных погребений и каким образом производились более поздние захоронения.

Как отмечалось выше, в Оленеостровском могильнике отсутствовали курганные насыпи или особые надземные каменные кладки, которые могли бы служить указанием на присутствие здесь могилы. Вся площадка могильника достаточно ровная, в одинаковой мере поросла деревьями. Только в погребениях №№ 25, 100, 115 была заметна засыпка охрой могильной ямы, прослеживаемая почти до дернового слоя. Засыпка, впрочем, шла не сплошной массой, а вскоре прерывалась, но затем появлялась вновь над самым костяком. Возможно, в этом случае охрой была посыпана и верхняя часть могилы.

Указанным погребением и ограничиваются случаи наличия внешних признаков, отмечающих захоронения. Вместе с тем, учитывая, что на огромной площади могильника сравнительно редки впускные захоронения (на 177 погребений их насчитывается всего 15), можно сделать вывод о существовавших надмогильных знаках. Выказанное предположение подтверждается и тем, что очень часто могилы плотно примыкали друг к другу, не нарушая целостности предшествующего погребения. Естественно, что это можно было сделать, руководствуясь при последующих захоронениях надмогильными знаками. Поскольку знаки не сохранились (это может быть объяснено сооружением их из сравнительно легко разрушающегося материала), о характере их мы можем судить лишь предположительно, главным образом исходя из данных этнографии. Последняя знает разнообразные приемы, с по-

¹ В. Л. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 621.

² А. А. Попов. Материалы по истории религии якутов б. Видлюйского округа. Сб. МАЭ, т. XI, 1949, стр. 308, 309.

³ Д. К. Зеленин. Обычай добровольной смерти у примитивных народов. Сборник статей памяти В. Г. Богораза, М.—Л., 1937, стр. 57.

⁴ Нельзя не учитывать, конечно, что вследствие оставшихся неопределенными 50 захоронений мы не имеем полных данных о половом составе погребенных, что составляет, однако, лишь около 35% к общему числу, доступному для наших подсчетов, т. е. 177 погребений.

¹ Пол двух погребений женских и двух мужских определен лишь условно.

мощью которых родственники и сородичи у различных народностей отмечали могилы своих близких. Нередко такие сооружения делались из дерева, примером чему могут служить надмогильные знаки вотяков,¹ найцев² и якутов.³ В иных случаях знаком, отмечающим могилу, служили ветки или корни деревьев, как это наблюдалось у нивхов.⁴ Наконец, место погребений покойников обозначали рогами оленя, образующими иногда целые склады, что практиковалось у чукчей.⁵

Исходя из этнографических наблюдений и учитывая характер инвентаря, можно высказать предположение, что древние оленеостровцы могли отмечать могилы своих сородичей рогами лося. Огромная роль этого зверя в хозяйстве древнего оленеостровца, на которой мы остановимся ниже, могла найти свое отражение и в погребальном обряде, как нашло свое отражение в погребальном обряде чукчей важнейшее в их экономике животное — олень. Это тем более вероятно, что зубы лося являлись излюбленным материалом для украшений, а сам лось — единственным объектом (из числа животных), представленным в искусстве.

Вернемся к рассмотрению случаев впускных погребений, чтобы попытаться выяснить, не связаны ли эти погребения в общей могильной яме с определенными взаимоотношениями, которые существовали между захороненными при их жизни.

На территории могильника насчитывается в общей сложности 15 случаев впускных погребений. К ним относятся погребения №№ 1, 1а, 39, 40, 41, 50, 51, 59, 60, 76, 76а, 86, 87, 93-94, 95, 98, 99, 103-104-105, 106, 107, 108, 109, 117, 118, 118а, 139, 140, 141. Значительная часть впускных погребений сосредоточивается преимущественно в северной части могильника (погр. №№ 86, 87, 99, 98, 103—104-105, 106, 107, 108, 109) (табл. 9).

¹ М. Маркелов. Культ умерших в похоронном обряде Волгокамских финнов. Религиозные верования народов СССР, Сборник этнографических материалов, т. II. М.—Л., 1931, стр. 280.

² И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Зап. Общ. наук. Амурск. край, Владивостокск. отделения Приамурск. отдела Русск. Геогр. общ., т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 288.

³ Н. Шуккин. Якуты. Журн. Мин. внутр. дел, 1854, № 7, отд. 3, стр. 31—32.

⁴ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, стр. 81.

⁵ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, стр. 191.

В южной части могильника обнаружено три случая впускных погребений (№№ 1-1а, 39, 40, 41).

Наблюдается три вида впускных погребений:

1) старая могила нарушалась, а более раннее по времени погребение выбрасывалось;

2) последующее погребение лишь слегка нарушало нижележащее захоронение;

3) впущенное захоронение совершенно не разрушало нижележащего.

К первому виду впускных погребений относятся погребения №№ 1, 1а, причем ранним из них следует считать погребение № 1а, более поздним — № 1. Могильная яма последнего погребения не совпадала полностью с предыдущей, о чем свидетельствовали контуры охристого пятна. Ориентировка костяков тождественна (головой строго на восток), хотя голова костяка из погребения № 1 приходилась не над головой ранее захороненного, а на уровне его груди. При захоронении второго покойника (погр. № 1) почти все кости первого (погр. № 1а), за исключением плечевой и нескольких ребер, были выброшены. Это обстоятельство с несомненностью свидетельствует о том, что между двумя захоронениями должен был пройти относительно большой отрезок времени, за который ранее захороненный покойник не только успел разложиться, но и память о нем, повидимому, полностью исчезла.

Второй подобный случай мы наблюдаем с погребениями №№ 117, 118, 118а. В одной могильной яме было обнаружено 4 разновременных захоронения. Наиболее ранним (исходя из глубины залегания костей) следует считать погребение № 118а, разрушенное полностью последующими захоронениями. От него сохранилось незначительное число костей (малые берцовые, кости левого предплечья и часть ребер) и богатый инвентарь.

Несколько выше данного захоронения, будучи отделенным от него тонкой прослойкой зеленоватого гравия, залегало другое погребение, № 117, которое также было сильно разрушено еще более поздним захоронением — № 118. От погребения № 117 сохранились лишь фрагмент черепа и части длинных костей. Погребение № 118 располагалось рядом с погребением № 117 и сохраняло полный анатомический порядок.

ФОРМЫ ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЙ

Таблица 9

Впускные погребения Оленеостровского могильника

№ впускного погребения	№ более раннего захоронения	Степень разрушения могильной ямы	Степень разрушения погребения	Возраст погребенных	Положение костяка	Примечания
1	1а	Сильная.	Сильная.	—	Вытянутое на спине.	Контуры могильной ямы погр. № 1 сохранились лишь за головой покойного.
41 40	39 41	Почти не наблюдается.	Не нарушено. Разрушено только в нижней части.	—	№ 39—вытянутое на спине. № 40—вытянутое на спине. № 41 скорченное на боку.	Погребения №№ 40 и 41 залегают в одной могильной яме, к которой примыкает могильная яма погр. № 39.
51	50	Не прослеживается.	В нижней части.	Погр. № 50 — женское (?).	Вытянутое на спине.	—
59	60	То же.	То же.	Погр. № 59—мужское, зрелое. Погр. № 60—мужское, зрелое.	То же.	—
76	76а	В небольшой мере со стороны погр. № 76.	Не нарушено.	Погр. № 76а — мужское, возмужалое. Погр. № 76—мужское, зрелое.	То же.	Погр. № 76 залежало на 10—12 см выше погр. № 76а. Ориентировка обоих погребений тождественная.
87	86	Сильная.	Частичная. Сохранилась лишь верхняя часть погр. № 86.	Погр. № 86—женское, старческое. Погр. № 87—женское, юношеское.	То же.	Ориентировка погребений различна.
93-94	95	Не прослеживается.	Частичная, сильнее в верхней части костяка.	Погр. № 93 — женское, зрелое. Погр. 94 — женское, возмужалое. Погр. № 95 — женское, юношеское.	№ 93 на боку. № 94 — вытянутое на спине.	—
99	98	Сильная в нижней части.	Разрушено лишь правое бедро и часть таза.	Погр. № 98—мужское, зрелое. Погр. № 99—мужское (?), зрелое.	Вытянутые на спине.	—

Таблица 9 (продолжение)

№ впускного погребения	№ более раннего захоронения	Степень разрушения могильной ямы	Степень разрушения погребения	Возраст погребенных	Положение костяка	Примечания
103-104	105	Не прослеживается.	Слабая, только со стороны более поздних захоронений.	Детские.	Вытянутые на спине	В данной могильной яме найдены разрозненные кости 4-го более раннего захоронения взрослого субъекта.
107	106	То же.	Слабая только в верхней части костяка, со стороны погр. № 107.	Погр. № 106 — женское, зрелое. Погр. № 107 — женское, возмужалое.	То же.	—
109	108	То же.	Не прослеживается.	Погр. № 108 — мужское, возмужалое. Погр. № 109 — детское.	Погр. № 108 — вытянутое, на спине. Погр. № 109 — не прослеживается.	Степень засыпки охрой детского погребения значительно интенсивнее. Встречены разрозненные кости 3-го взрослого субъекта.
117	118а	Сильная.	Сильная.	Погр. № 118а — мужское, взрослое.	Погр. № 118 — на спине.	Помимо 3 указанных погребений сохранились разрозненные куски черепа 4-го захоронения.
118	117	»	»	Погр. № 117 — мужское, возмужалое. Погр. № 118 — женское, возмужалое.		
139-140	141	Сильная со стороны позднейшего захоронения.	То же.	Погр. № 141 — женское, возмужалое. Погр. № 139 — мужское, старческое. Погр. № 140 — мужское, старческое.	То же.	—

В этой же могильной яме, между камнями кладки, покрывающей оба погребения, было обнаружено несколько костей от человеческого черепа, заставляющих сделать заключение о принадлежности их к четвертому погребению, совершенному ранее в той же могильной яме.

Данный пример свидетельствует о трехкратном нарушении целостности более ранних захоронений поздними. Подобно первому

случаю и здесь при каждом новом захоронении с остатками ранее погребенных обращались весьма небрежно.

Наконец, третий подобный случай имел место при захоронении двух покойников (погр. № 139-140), впускенных в могильную яму погребения № 141. Анатомический порядок костей раннего захоронения № 141 нарушен, кости его таза находились в области голени скелета № 140, другая часть костей

(правая плечевая, кости левой руки и ключица) залегали под костями скелета № 140, кости черепа — на одной линии с другими черепами. Здесь более позднее захоронение произведено с некоторой предосторожностью, но все же с сильным нарушением целостности предыдущего погребения.

В погребениях №№ 86, 87 разновременность захоронений выступает довольно отчетливо. Погребение № 86 бесспорно является более ранним. Об этом свидетельствует несколько большая глубина залегания и тот факт, что в первоначальном положении сохранилась лишь верхняя его часть —

Рис. 31. Погребение взрослого с ребенком из Мариупольского могильника.

Итак, все три рассмотренных случая свидетельствуют о том, что люди, хоронившие своих близких в одной могильной яме с захороненными ранее, повидимому, не всегда помнили о родственной связи с ними.

Ко второй категории относятся погребения №№ 50, 51, 59, 60, 86, 87, 93-94, 95, 98, 99, 103-104-105, 106, 107. Во всех перечисленных могилах впускные погребения произведены с большим вниманием к ранее захороненным, чем это имело место в описанных выше примерах. Наблюдались два аналогичных случая: погр. № 51 было положено на берцовые кости погр. № 50, а захоронение № 59 на берцовые кости погр. № 60, в силу чего костяки ранее захороненных были разрушены в нижней части.

Череп и левая плечевая кость. Остальные кости были повреждены при захоронении № 87. Сохранность верхней части скелета объясняется тем, что ориентировка покойников не совпадала; костяки расположены под некоторым углом друг к другу. Поэтому при рытье могилы для более позднего погребения были разрушены лишь те части предшествующего, которые совпадали по ориентировке. Таким образом, в данном случае произошло частичное нарушение первоначального погребения. Погр. № 95 лежало под двойным захоронением № 93-94, совпадая с ним по ориентировке, кости его оказались частично потревоженными, но весьма осторожно.

Определенный интерес в плане изучения впускных захоронений имеют погребения № 98, 99 (рис. 32). Погребение № 98 явно более раннее, однако глубина захоронения их почти одинакова. Благодаря некоторому несовпадению в ориентировке (погребение № 98 — строго на восток, погребение № 99 — на восток с отклонением к северу) лежащий несколько ниже скелет № 98 сохранился

погребений не нарушен, однако у крайнего погребения № 105 череп и левая половина скелета (обращенная к двум другим погребениям) отсутствует, что может служить доказательством одновременности его захоронения по отношению к двум другим. Об этом же свидетельствуют и контуры могильной ямы, имеющей неправильные очертания. Повидимому, погребение № 105 следует счи-

Рис. 32. Захоронения №№ 98, 99, разновременные.

почти полностью. Нарушенной оказалась лишь часть, расположенная со стороны более позднего погребения (№ 99): отсутствовала правая половина таза, правая бедренная кость и часть правой голени. Кости, лежащие несколько дальше от второго погребения, сохранились полностью, не были даже потревожены фаланги пальцев ног. Относительно незначительные следы повреждений указывают на то, что захоронение второго покойника было произведено сравнительно осторожно и лишь слегка разрушило нижележащее захоронение.

К числу захоронений второй группы следует отнести и тройное погребение № 103-104-105; все три костяка детские, залегают на одинаковой глубине и имеют тождественную ориентировку. Анатомический порядок

тать более ранним, а погребения №№ 103 и 104 несколько более поздними и одновременными друг с другом. В данном случае захоронение двух детей, умерших несколько позже, чем третий, было произведено с большой осторожностью, позволившей почти полностью сохранить раннее погребение.

Помимо трех скелетов погребения № 103-104-105, в той же могильной яме обнаружено несколько разрозненных костей, принадлежащих молодой женщине, которые свидетельствуют о том, что в данной могильной яме было совершено еще одно более раннее захоронение.

Наконец, последним примером, относящимся к этой категории захоронений, являются погребения №№ 106, 107. Могильные ямы обоих погребений соприкасались друг

с другом. Яма, вырытая для позднего погребения (№ 107), затронула могильную яму более раннего погребения (№ 106), что и вызвало частичное его разрушение. Оба скелета залежали параллельно один другому на расстоянии 55—67 см, имея тождественную ориентировку. Положение костяков вытянутое. Анатомический порядок погребения

в могильную яму, что почти не потревожил нижележащий скелет: разрушенной оказалась лишь часть берцовых костей. Учитывая тождественное положение костяков в могильной яме, полное совпадение их в ориентировке и осторожность, с которой было произведено более позднее захоронение, следует считать, что оба покойника были за-

Рис. 33. Захоронения №№ 76, 76а, одновременные.

№ 107 сохранился полностью, повреждение скелету № 106 нанесено только лишь в левой половине верхней части (со стороны позже положенного в могилу). У него отсутствуют череп, левая плечевая и локтевая кости.

К третьей группе захоронений, когда при последующем погребении нижележащий, более ранний скелет оставался ненарушенным, относятся погребения №№ 76, 76а (рис. 33). Оба скелета находились в общей могильной яме, рядом друг с другом, точно совпадая по ориентировке, но залежали на различной глубине (погребение № 76а на 10—12 см ниже погребения № 76).¹ Погребение № 76а бесспорно следует считать более ранним. Покойник, захороненный позднее (погр. № 76), был так осторожно опу-

¹ На обоих костяках найдено значительное количество вещей.

хоронены через сравнительно короткий промежуток времени.

Чтобы закончить разбор впускных погребений в Оленеостровском могильнике, следует упомянуть еще два случая захоронений, однако условия, при которых они были совершены, нельзя считать вполне ясными. К ним относятся погребения №№ 108, 109 и 39, 40, 41.

Погребение №№ 108, 109 представляет собой двойное захоронение взрослого и ребенка. Помимо них, в той же могиле обнаружены обломки отдельных костей, относящихся к третьему покойнику (зубы, остатки челюсти и плечевой кости). Погребение взрослого и ребенка полностью разрушило более раннее, существовавшее до него захоронение, поэтому данный пример должен быть отнесен нами к первому случаю — полному

нарушению предшествующих погребений. Сомнение вызывает лишь одновременность детского и взрослого захоронений. В пользу одновременности, казалось бы, говорит полный анатомический порядок взрослого покойника и отсутствие каких-либо причиненных ему разрушений. Вместе с тем, несколько расплывчатые контуры могильной ямы и разница в интенсивности засыпки охрой (более сильной над детским костяком), а также некоторое несовпадение глубины погребенных заставляет специально оговорить одновременность данных захоронений.

Не вполне ясна и последовательность захоронений №№ 39, 40, 41. Могильные ямы погребений №№ 40, 41 и 39 соприкасались друг с другом, причем первая несколько заходила на вторую. Костяк № 39 сохранил полный анатомический порядок. У костяков №№ 40, 41 разрушения прослеживаются лишь в верхней части. Судя по контурам могильной ямы, можно высказать предположение, что погребение № 39 более раннее, погребения №№ 40, 41 — поздние. Вместе с тем одновременность самого двойного захоронения №№ 40, 41 также отчасти вызывает сомнения, если учесть некоторое различие в их ориентировке и характер контуров могильной ямы со стороны погребения № 41. Не исключена возможность, что последнее погребение следует считать несколько более ранним, чем погребение № 40, однако точному определению данный случай не поддается.

Мы рассмотрели все примеры захоронений двух и более покойников в одной могильной яме. Как оказалось, в ряде случаев последующие захоронения полностью разрушали предыдущие, причем кости более раннего погребения были выброшены из могилы. Нередко поздние погребения нарушали ранние лишь частично. Имеются, наконец, два случая, когда погребенные были впущены в могилу с исключительными предосторожностями (одно из них детское — №№ 103 и 104).

Приведенные факты дают основание предполагать, что разновременные захоронения, произведенные в одной могильной яме, в отдельных случаях были вызваны тем, что могила ранее умершего была почему-либо забыта и в ту же яму погребался следующий покойник, при опускании которого часто нарушалось первоначальное положение предшествующего, более древнего погребения. По

всей вероятности, это могло происходить тогда, когда над старой могилкой не сохранился надмогильный знак (как это бывает часто и на современных кладбищах). В этом случае мы должны будем признать, что время, прошедшее между двумя захоронениями, было достаточно велико.

Вместе с тем вторичные захоронения в одну могильную яму далеко не всегда приходится объяснять случайностью. Нередки примеры, когда позднее захоронение производилось с большими предосторожностями из боязни разрушить останки ранее погребенного человека. В этом случае возникает законная мысль о наличии между двумя погребенными какой-то связи, обусловленной, по всей вероятности, родственными отношениями. Показательными в этом плане следует считать погребения детей № 103-104-105, а также взрослых №№ 76 и 76а, точно совпадающие по ориентировке и положению захороненных.

Следует отметить, что в абсолютном большинстве более поздние погребения, впущенные в ранние, сходны с последними по полу. Так, костяки №№ 76 и 76а — мужские, 86, 87 — женские, 98, 99 — мужские, 106, 107 — женские, 103, 104 — детские. Только в двух могильных ямах с троекратным захоронением — №№ 117, 118, 118а и 139, 140, 141 — обнаружено два мужских и одно женское захоронение. Таким образом, в большинстве случаев в одну могильную яму чаще всего производились захоронения людей одного и того же пола.

Повторные захоронения в одной могильной яме с полным нарушением целостности скелета ранее погребенного, свидетельствующие, что между двумя захоронениями прошел сравнительно большой отрезок времени, выдвигают вопрос о том, могут ли впускные погребения послужить надежным источником для установления длительности существования могильника.

Как известно, для исследователей существенным материалом, с помощью которого расчленяются отдельные могильные памятники на разновременные горизонты, служит наличие захоронений, расположенных на разной глубине, а также впускные погребения. Различный обряд погребений (выраженный часто в ориентировке, в положении погребенных, в окраске, характере инвентаря) вместе с деталями устройства могильной ямы и специальных сооружений способ-

ствует расчленению погребений на разные по времени группы. Применение указанных приемов, как известно, позволило с успехом отделить более поздние захоронения от ранних в Нальчикском,¹ Мариупольском² могильниках и ряде других памятников, не говоря уже о курганах, где исследователю постоянно приходится сталкиваться с подобными фактами.

Сопоставляя ориентировку впускных погребений в Оленеостровском могильнике с захоронениями более ранними, можно придти к выводу, что они, как правило, или совершенно точно совпадали (погр. №№ 40, 41, 103-104-105, 106, 107, 139, 140, 141), или имели едва заметные отклонения (погр. №№ 76, 76а, 86, 87). Несколько больший угол расхождения наблюдается лишь в одном случае — в погребениях №№ 98, 99.

Что касается положения погребенных, как более ранних, так и более поздних, то оно, кроме № 41, везде одинаково: на спине, с вытянутыми или слегка согнутыми в локтях руками.

Одним из источников, который мог бы способствовать уточнению расчленения погребений на различные по времени группы, является инвентарь, сопровождающий покойников. Однако далеко не всегда в полной мере ясно, какие из вещей относятся именно к данному погребению, а какие — к соседнему или нижележащему, поскольку погребения часто соприкасаются друг с другом, а прослойка земли, разделяющая их, исчисляется лишь несколькими сантиметрами. При этих условиях вещи легко могли попасть с одного скелета на другой.

Вторым моментом, исключающим возможность сделать определенные выводы о одновременности погребений, является отсутствие в некоторых случаях в одном или обоих погребениях инвентаря³ (например, погр. №№ 39, 40, 41), неотчетливый характер его, наконец, наличие сходных или общепотребительных вещей, характерных для всех погребений могильника, таких, как резцы лося и пластинки из резцов бобра (погр. №№ 106, 107).

¹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1944, стр. 67—146.

² М. Макаренко, ук. соч. — А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук, Л., 1953.

Поставленная задача не может быть решена этим путем и ввиду исключительного разнообразия и неповторимости комплексов предметов, найденных в Оленеостровском могильнике в целом. Среди всей массы 177 погребений невозможно указать ни одного случая, который дал бы точное совпадение по набору и типу вещей хотя бы в двух погребениях.¹ Данные обстоятельства естественно мешают уловить общую закономерность. И даже в том случае, когда имеется отчетливо выраженное расчленение захороненных в одной могильной яме на ранние (№ 118а) и более поздние (№№ 117 и 118), было бы неправильно принимать, например, инвентарь погребения № 118а за своего рода «эталон» для отчленения более ранних погребений в могильнике. Это невозможно сделать потому, что, во-первых, данный случай единичен, а во-вторых, инвентарь этого погребения весьма оригинален и в определенной своей части неповторим (например кварцевые наконечники стрел). Своеобразен также облик и остальных вещей: наконечник из роговика, обработанный такими же приемами, как и кремневые, длинные, с мелкими зубцами и выемкой на конце костяные наконечники стрел, встречающиеся лишь в очень ограниченном количестве погребений. Перекрывающие это захоронение погребения №№ 117 и 118 почти не дают сходных с ним предметов, если не считать резцов лося, которые, как сказано, настолько широко представлены во всех других могилах, что могут служить одним из типичнейших признаков Оленеостровского могильника в целом. Сюда же относятся отщепы, использовавшиеся в качестве резцов. Нельзя не учитывать при этом и того обстоятельства, что сам промежуток времени, отделяющий одно захоронение от другого, впускенного в ту же могильную яму, в археологическом понимании очень короток и трудно было бы рассчитывать на серьезные изменения, которые могли произойти за этот период особенно в типах костяных орудий. Таким образом, расчленение захоронений на ранние и поздние, произведенное нами на материале впускных погребений, следует понимать лишь относительно (т. е., что данное погребение является более ранним по отношению

¹ Здесь не принимаются в расчет такие погребения, которые дают только резцы лося или пластинки из резцов бобра, поскольку эти предметы встречаются почти во всех погребениях.

к предыдущему, захороненному в той же могильной яме).

Одним из источников, могущих быть использованными для расчленения захоронений на разные по времени группы, должны были бы служить различия в формах погребения. Нередко именно этот признак является решающим. Выделяя по характеру обряда различные группы погребений и сопоставляя их с предшествующими и последующими по времени могильными памятниками, исследователю часто удается установить две или более хронологические группы захоронений. Выполнению этой задачи при анализе Оленеостровского могильника мешает отсутствие в Карелии древних могильников или хотя бы отдельных погребений, что лишает возможности сопоставить с ними различные группы захоронений Оленеостровского могильника и тем самым определить, какие из них являются ранними и какие наиболее поздними.

При сравнении Оленеостровского могильника с могильниками каргопольской культуры — Кубенинским¹ и Караваевским² — нельзя забывать определенных локальных отличий, существовавших между древними племенами, населявшими указанные районы; эти отличия достаточно отчетливо выступают при сопоставлении археологического материала, полученного со стоянок. Следует полагать, что различиям в материальной культуре древнего населения соответствовали, очевидно, и различные элементы духовной культуры, проявляющиеся, в частности, и в погребальных обрядах. Это тем более вероятно, если учесть, что почти рядом расположенные и находящиеся в пределах одной археологической культуры Кубенинский и Караваевский могильники также не сходятся между собой. Естественно поэтому, что при сравнении их с Оленеостровским могильником различия могут быть выражены еще более отчетливо, особенно если принять во внимание высказывание Л. Я. Штернберга о том,³ что погребальный ритуал изменяется очень медленно, в силу чего является одним из наиболее устойчивых этно-

логических признаков. Тем более мы должны учитывать это при сравнении Оленеостровского могильника с могильными памятниками значительно более южных территорий.

Как было указано выше, в могильнике прослеживаются четыре способа захоронений: вытянутые на спине, на боку, скорченные и вертикальные. Возникает естественно вопрос, связаны ли эти различия с определенными периодами времени, или они объясняются иными причинами.

Что касается погребений, вытянутых на спине или на боку, то попытку рассмотрения их как разновременных нельзя считать состоятельной, поскольку в одной и той же могиле встречается сочетание обоих положений, примером чего служит погребение № 55-56-57. Вследствие сказанного оба данных способа захоронений нужно признать сосуществовавшими, тем более, что при сопоставлении могильного инвентаря между ними не замечается каких-либо значительных различий.

Резче очерчивается по обряду погребения вторая группа захоронений — скорченные. Напомним, что всего в могильнике имеется 4 скорченных захоронения (погр. №№ 33, 41, 43, 160), причем, погребение № 160 находится на окраине северной группы, а все остальные сосредоточены в восточной половине южной части могильника, хотя и не образуют здесь компактной группы. Все скорченные погребения лишены инвентаря. Однако данное обстоятельство не может служить существенным признаком для выделения скорченных погребений из остальной массы захоронений могильника, поскольку имеются десятки случаев отсутствия инвентаря при захороненных, лежащих на спине или на боку.

Остается возможность сравнения данных погребений с погребениями других могильников, относящихся как к неолиту, так и к граничащим с ним периодам — бронзе и мезолиту.

Распространенной и наиболее характерной формой обряда погребения в неолитическую эпоху в лесной и лесостепной полосе европейской части СССР является вытянутое положение покойника, преимущественно на спине, реже на боку и в исключительных случаях вниз лицом. Так, мы располагаем следующими данными о захоронениях в неолитическую эпоху:

¹ М. Е. Ф о с с. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 73—91.

² А. Я. Б р ю с о в. Свайное поселение на р. Модлоне. . . , стр. 51—54.

³ Л. Я. Ш т е р н б е р г. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 338.

I. Захоронения на спине:

- 1) Кузнецкий могильник,¹ 2) Гавриловский,²
3) Володары,³ 4) Языково,⁴ 5) Караваевский,⁵
6) Вестербьерс.⁶

II. Сидячие: 1) Караваевский,
2) Вестербьерс.

III. На животе вниз лицом:
Кубенино.⁷

На перечисленных памятниках скорченные погребения пока не были встречены. В более южных, степных районах, например в Нальчикском могильнике, данный обряд является господствующим,⁸ но на той же территории для более раннего времени типичным является захоронение покойников на спине, примером чего служит Мариупольский могильник.⁹

Учитывая, что на территории лесной полосы европейской части СССР скорченные погребения являются характерными для фатьяновской культуры, казалось бы естественно отнести скорченные захоронения, встреченные в Оленеостровском могильнике, к более позднему времени, чем остальная масса погребений, считая, что они отражают зародившийся новый обряд, который займет в будущем господствующее положение. Этому мешают, однако, наличие скорченных захоронений в предшествующих периодах развития человеческого общества — мезолите¹⁰ и палеолите.¹¹ Данное обстоятельство позволяет с равным правом рассматривать скорченные захоронения Оленеостровского

могильника не как новый, только что возникший обряд, а как пережиточное явление, отражающее старые традиции.

По всей вероятности, будет наиболее правильным считать скорченные захоронения, встреченные в Оленеостровском могильнике, одновременными всей другой массе погребений, в пользу чего свидетельствует их небольшое число и отсутствие единообразия в положении. Все четыре погребения имели различные позы. Наибольшее сходство прослеживалось между погребениями №№ 33 и 41. Костяки лежали на боку, ноги были слабо согнуты в коленях. У третьего погребения (№ 160) ноги так сильно подогнуты, что голени были совершенно плотно прижаты к бедрам. Четвертое погребение (№ 43) имело особый, как бы обратный способ скорченности: костяк лежал на боку, бедренные кости положены прямо, а берцовые отведены назад под тупым углом. На коленях этого скелета находился крупный камень.

Особо следует отметить костяк погребения № 25, который не имеет скорченности и лишь положение спущенных ног в яму внешне напоминает эту сторону обряда. Не исключена возможность, что данное положение костяка, как уже указывалось, могло получиться в результате осадки земли.¹ В пользу одновременности скорченных захоронений с остальной массой погребений могильника говорит и их расположение: три из четырех погребений, хотя и находятся в восточной половине южной части могильника, чередуются с захоронениями на спине и ни разу не перекрывают последние. Лишь одно скорченное захоронение (№ 41) было, повидимому, нарушено более поздним погребением № 40, вследствие чего мы должны предполагать, что в данном случае вытянутое захоронение № 40 произведено позже скорченного. Поскольку, как отмечалось выше, указанный факт не является бесспорным, общий вывод из него сделать не представляется возможным. Косвенным доказательством, свидетельствующим в пользу одновременности скорченных захоронений с общей массой погребений Оленеостровского могильника, является также

¹ Н. А. Чернышев. Кузнецкий неолитический могильник. МИА, № 39, 1953, стр. 336—346.

² И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником, стр. 70—78.

³ И. К. Цветкова. Стоянка Володары по материалам раскопок 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 3—14.

⁴ О. Н. Бадер. Неолитические погребения на Верхней Волге. СА, III, 1937, стр. 217—220.

⁵ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Молоне. . . , стр. 51—54.

⁶ M. Stenberger. Das Västerbjersfeld. Ein Grabfeld der Ganggräberzeit auf Gotland. Acta Archaeologica, v. X, København, 1939, стр. 60—105.

⁷ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 73—91.

⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 67—146.

⁹ М. Макаренко, ук. соч.

¹⁰ Just Requet. Un gisement mésolithique en Bretagne. L'anthropologie, t. XXXVIII, № 5—6, Paris, 1928, стр. 479—493.

¹¹ Г. Ф. Дебец. Тарденуазский костяк из вавеса Фатма-коба в Крыму. Антрополог. журн., № 2, 1936, стр. 144—165.

¹ Уместно упомянуть здесь в качестве аналогии захоронение № 1 на стоянке Володары, где ноги погребенного также были опущены в яму. См.: И. К. Цветкова. Стоянка Володары по материалам раскопок 1946 г., стр. 5.

наличие третьего обряда погребения — захоронение покойников в вертикальном положении.

Из четырех вертикальных погребений (№№ 68, 100, 123, 125) три обнаружены в северной части могильника и одно — в средней. Расположены они не компактно, хотя и находятся все в центре северной группы.

Наиболее отчетливо вертикальное положение покойников прослеживается в двух погребениях, №№ 100 и 125, где покойники поставлены погами на скалу. Как указывалось выше, анатомический порядок погребения № 100 сохранился полностью, погребения № 125 — лишь в нижней части (бедренные и берцовые кости, а также фаланги ног). Погребения №№ 68 и 123 вследствие осадки земли выражены менее отчетливо. Три вертикальных захоронения (№№ 100, 123, 125) находились в середине северной части могильника, хотя и не составляли здесь компактной группы.

Из четырех вертикальных захоронений два принадлежат мужчине, одно женщине и одно девушке. Все погребения сопровождались инвентарем, причем особенным богатством и разнообразием вещей отличались захоронения №№ 100 и 68.

В погребении № 100 было обнаружено отчетливо выраженное охотничье вооружение, иногда весьма оригинальной формы (наконечники стрел, кинжалов), огромное число украшений из резцов лося и пластинок из резцов бобра, а также 6 крупных челюстей бобра с отверстиями для подвешивания.

Погребение № 68 также очень богато инвентарем. Привлекает внимание большое количество костяных наконечников стрел различных типов и весьма многочисленные украшения из резцов лося и подвески из трубчатых костей. Наибольшей оригинальностью отличается крупное сланцевое оружие и головка лося.

Инвентарь погребения № 125 менее разнообразен, он состоит из нескольких костяных наконечников стрел¹ и 83 резцов лося. К числу оригинальных вещей принадлежит челюсть бобра (молодой особи).

Погребение № 123 не имеет иных предметов, кроме украшений, состоящих из 10 резцов лося, 37 пластинок из резцов бобра и 5 клыков медведя.

¹ Очень плохая сохранность их не позволяет определить типы.

Таким образом, рассматривая группу вертикальных погребений, мы приходим к следующим выводам:

1) все погребения сопровождаются инвентарем;

2) два погребения (№№ 100, 68) имеют большое количество инвентаря, среди которого видное место занимает охотничье вооружение;

3) все погребения снабжены значительным количеством украшений из зубов животных (резцов лося и бобра);

4) в двух случаях (погр. №№ 100, 125) встречаются челюсти бобра;

5) в трех погребениях (№№ 68, 100, 123) имеется по одному или несколько клыков медведя, а в погребении № 125 — фаланга медведя.

Вертикальные захоронения следует считать одновременными всей остальной массе оленеостровских погребений и не выделять в особую хронологическую группу. Об этом прежде всего говорит их расположение в центре могильника, отсутствие нарушений соседних погребений¹ и характер инвентаря, представленный, кроме ряда оригинальных предметов, общераспространенными типами вещей, присущими остальным погребениям Оленеостровского могильника.

Вертикальные захоронения наиболее резко подчеркивают оригинальность Оленеостровского могильника, они до сих пор не были известны в археологической науке, если не считать один не вполне достоверный пока случай у с. Пеган.² Они почти не находят себе аналогий и в этнографии. Данный факт свидетельствует о том, что этот способ погребения применялся лишь в исключительных случаях.

Итак, анализ Оленеостровского могильника приводит нас к выводу, что отмеченные четыре различных формы обряда захоронений, наблюдаемые в пределах одного памятника, не могут служить источником для расчленения погребений на различные в археологическом понимании группы: по видимому, все их следует считать сосуществующими друг с другом.

¹ Такое нарушение было бы неизбежно, учитывая значительные размеры могильных ям, которые выкапывались для вертикальных захоронений.

² К. В. С а л ь н и к о в. К вопросу о неолите Степного Зауралья. КСИМК, XLVII, 1952, стр. 15—23.

Археология знает много фактов существования различных способов погребений в пределах одного памятника и одного отрезка времени,¹ но не всегда в состоянии объяснить их. На помощь ей в таких случаях приходит этнография с ее живыми примерами.

В многочисленной этнографической литературе широко известны случаи, когда погребальный ритуал для членов одного и того же рода бывает различен. Обычно он зависит в основном от двух причин: от положения, которое занимал человек в обществе, и от характера его смерти.²

В уже упоминавшейся работе В. Г. Богораза указывается на различные способы погребения у чукчей: сжигание трупа и вынос его в тундру.³ Последний наиболее распространен у чукчей, живущих севернее, в местах со скудной растительностью, тогда как у обитателей более южной территории, где лесов больше, чаще практикуется способ сжигания трупа. Однако применение одного из этих способов зависит не только от географических особенностей местности.

Так, иногда способ захоронения может быть «выбран» самим покойником, после произведенного над его трупом гадания. Немало примеров различных способов захоронений, существующих у одного и того же народа, приводит Л. Я. Штернберг в работе «Первобытная религия в свете этнографии». Помимо зависимости захоронений от определенной традиции, связанной с воспоминанием людей о территории, где они прежде жили, и о путях их передвижения в район современного поселения (похороны в лодках или на санях), погребальный обряд во многих случаях зависит и от характера смерти. Л. Я. Штернберг пишет: «Наряду с традиционной у данного народа формой погребения существуют еще и формы исключительные, особенно для людей, умерших неестественной смертью. Так, например, у гилаков, которые обычно покойников сжигают, человека, которого задрал медведь,

не сжигают, а хоронят в особом амбаре и сажают верхом на предварительно убитого в отместку медведя: он должен остаться здесь, на земле, ибо задранный медведем становится сам медведем и переходит в род хозяина-медведя. Если человек утонул, то опять-таки его нельзя сжигать, потому что это значит, что он — избранник хозяина-воды и становится одним из сородичей его, а потому его кладут в лодку на берегу моря. То же самое с убитым молнией и т. д.»¹

«Когда умирает близнец, его не сжигают, как обыкновенных людей, а хоронят в особом надземном срубе, усаживая в обычной гилацкой позе — с поджатыми ногами, причем за спиной вколачивают шест, поддерживающий тело в сидячем положении. Одевают его не в роскошные одежды, как обыкновенных покойников, а в белую рубаху и штаны и обкладывают священными стружками (inau).² При эпидемии оспы покойников не сжигают, а обязательно хоронят в могилах. У сахалинских гилаков «сумасшедших после смерти даже и там, где практикуется сжигание, хоронят прямо в земле».³

«У атцеков было три типа погребения в связи с представлением о различной судьбе после смерти лиц разного социального положения или в зависимости от причины их смерти (от молнии, в бою, от родов, от болезни)».⁴

На наличие разных, существовавших одновременно способов погребения у якутов указывает А. А. Попов.⁵

Различия в обряде погребения наблюдались и у алтайцев. «Тела умерших хоронят различно, — пишет В. И. Вербицкий, — или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на 4 столбах, или закапываются в горы вместе с любимыми конями покойников, или сжигаются, или, наконец, привешиваются на сучьях дерев, в бересте».⁶

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 339.

² Там же, стр. 92.

³ Л. Я. Штернберг. Гилаки, орочи, гольды, негидальцы, айны, стр. 328.

⁴ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 340.

⁵ А. А. Попов. Материалы по истории религии якутов. . . , стр. 307.

⁶ В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893, стр. 86.

¹ Так, например, в Караваевском могильнике наряду с вытянутыми погребениями известны сидячие, в Кубенинском — вниз лицом и вверх лицом, в Вестербьерге — вытянутые и сидячие.

² На третий случай различия — в зависимости от возраста (стариков и детей) — было уже указано выше.

³ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, стр. 184—185.

Наконец, следует упомянуть об особых способах погребения вождей и шаманов, на чем мы остановимся специально при рассмотрении вопроса о вертикальных захоронениях.

Приведенные этнографические примеры, свидетельствующие о наличии у ряда народов различных способов погребения, суще-

ствующих одновременно, помогают найти объяснение для различий в форме погребального обряда, имеющих место в Оленеостровском могильнике.

Повидимому, способы захоронений — в скорченном, вытянутом и вертикальном положении следует считать сосуществующими.

ИНВЕНТАРЬ ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Инвентарь Оленеостровского могильника весьма богат и разнообразен. В общей сложности в погребениях было обнаружено 7132 предмета, включая 4372 подвески из резца лося и 1155 бобровых пластинок, употреблявшихся в качестве украшений.

Весь обнаруженный инвентарь по характеру материала можно разделить на три категории: орудия из кости, рога и камня.

Признаков металла встречено не было; полностью отсутствовали и какие-либо изделия из глины, в том числе сосуды.

Численное соотношение орудий различно. Наиболее богато представлены изделия из кости, меньше — орудия из камня и редко — из рога, которые являются исключительно предметами искусства.

Для изготовления каменных орудий применялись различные породы. Наиболее часто употреблялся кремль, несколько реже сланец и в очень небольшой мере роговик, кварц и песчаник. Каждая из перечисленных пород камня использовалась строго для определенного вида орудий труда, соответственно этому применялись и свои особые технические приемы их изготовления.

Кремль, использовавшийся древними оленеостровцами, отличается очень высоким качеством. Он преимущественно своеобразного темносерого цвета, со светлыми пятнышками, реже розовато-желтоватый, плотный и блестящий.¹ На стоянках Карелии такой кремль не встречается.

В подавляющем большинстве случаев кремль применялся для двух видов орудий труда: наконечников стрел и ножевидных пластинок, служивших в свою очередь вклада-

дышами для костяных орудий. Сравнительно невелико количество кремневых ножей и еще меньше — скребков и резцов.

Говоря о кремневых орудиях, нельзя не подчеркнуть исключительно высокую технику их обработки. Все наконечники и ножи изготовлены на тонких ножевидных пластинках, достигающих иногда значительной длины (до 13 см при ширине 2 см), тщательно отжатых от нуклеусов.

Не менее совершенны и дальнейшие приемы их обработки — формовка с помощью плоской или крутой (смотря по необходимости) тщательной ретуши. Благодаря применению плоской ретуши орудие становилось тонким и острым. На мелких вкладышах ретушь столь микроскопична, что едва заметна для невооруженного глаза. В целом можно сделать вывод, что мастер, работавший над изготовлением кремневых орудий, был прекрасно знаком со свойствами кремня и умело пользовался ими.

Помимо кремня, в качестве материала для изготовления наконечников стрел использовался также кварц, правда, в очень ограниченных размерах (так, например, на сотню кремневых наконечников кварцевых приходится только девять). Между обеими группами орудий, кроме количественного, существует и качественное различие — слабая разработанность приемов изготовления кварцевых наконечников стрел, их неправильная форма. Последнее обстоятельство может быть поставлено в связь с недостаточным знанием древними оленеостровцами свойств кварца. Этим же, по видимому, следует объяснить и отсутствие в могильнике кварцевых скребков, широко известных на неолитических стоянках Карелии.

Роговик представлен в могильнике лишь одним орудием — наконечником стрелы, из-

¹ Среди неолитических орудий стоянок лесной полосы Восточной Европы кремня такого характера, несмотря на специальные поиски, обнаружить не удалось.

готовленным с помощью тех же приемов, что и кремневые.

Что касается сланцевых орудий, то они в каменном инвентаре Оленеостровского могильника занимают весьма существенное место. Правда, крупные рубящие орудия из сланца немногочисленны и, за исключением одного, отличаются довольно грубой обработкой. Однако наличие очень значительного количества (более 60 экземпляров) сланцевых ножей позволяет не только вывести заключение о широком применении сланца (хотя бы и для специфической категории орудий), но и проследить технические приемы, применявшиеся при изготовлении из него орудий труда. Так, при выделке сланцевых ножей помимо зашлифовки применялось, по видимому в качестве исключения, пиление (имеется один экземпляр с надпилем) и сверление. Изготовление тонких, иногда весьма крупной величины сланцевых плиток было возможно лишь при условии использования влажного сланца, так как эта порода камня после высыхания становится чрезвычайно хрупкой и сильно расслаивается.

Изделия из таких пород камня, как песчаник, встречаются в Оленеостровском могильнике чрезвычайно редко; назначение сделанных из него предметов остается недостаточно понятным.

Что касается костяных орудий, то удельный их вес, как уже было сказано выше, очень значителен. Изделия, изготовленные из кости, весьма разнообразны — начиная от орудий охоты и кончая многочисленными украшениями. Среди последних подавляющее большинство приходится на подвески из резцов лося и на пластинки из резцов бобра.

Судя по весьма совершенной выделке костяных орудий (наконечники стрел с зубцами, гарпуны и наконечники стрел шигирского типа), следует сделать вывод, что при их изготовлении употреблялась свежая и, вероятно, к тому же хорошо вываренная, сильно размягченная кость. Особенно показательным в этом отношении является наконечник

стрелы из погребения № 45 (рис. 50, II) с длинными тонкими зубцами, полученными в результате надреза на мягкой кости. При высыхании концы надрезов отделились от основания и образовали длинные и далеко отходящие зубцы.

О размягчении кости при изготовлении из нее орудий свидетельствуют и приемы обработки тыльных частей многочисленных наконечников стрел, имеющих правильно расположенные продольные срезы, указывающие на то, что они были нанесены острым инструментом.

Для изготовления орудий использовались преимущественно длинные трубчатые кости крупных животных (лося, оленя). Из них выделывались всевозможные наконечники стрел и гарпунов, а также другие различные по своему назначению предметы. В том случае, когда требовалась широкая поверхность, помимо трубчатых, использовались иногда тазовые кости или лопатки крупных животных. Для подвесок изредка употреблялись подъязычные кости и кусочки челюсти. Трубчатые кости крупной птицы служили, например, для изготовления игольников.

В зависимости от функционального назначения предметов инвентарь Оленеостровского могильника можно разделить на следующие основные группы:

1) орудия охоты и рыболовства — гарпуны, костяные и каменные наконечники стрел, кинжалы и кинжаловидные орудия, рыболовные крючки;

2) орудия по обработке кожи, кости и дерева — кремневые и сланцевые ножи, рубящие орудия (топоры и тесла), проколки, скребки и резцы, лоцила;

3) украшения, включающие пластинки из резцов бобра, подвески из клыков медведя, резцов лося, трубчатых костей и галек;

4) группа прочих предметов (в том числе не совсем понятных по назначению) — игольники, иглы для плетения сетей, различные стержни и костяные пластинки;

5) предметы искусства и культа.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Приступая к описанию весьма важного раздела инвентаря древних оленеостровцев — орудий охоты, нельзя не указать прежде всего на их многочисленность и большое разнообразие.

К числу орудий охоты относятся гарпуны, кремневые и костяные, наконечники стрел, наконечники копий, кинжалы и отчасти ножи как необходимые предметы при разделке туши добытого животного, а иногда,

возможно, как орудия защиты и нападения.

Следует отметить, что далеко не всегда удается провести строгое разграничение между этими категориями орудий. Так, например, крупный наконечник стрелы подчас просто невозможно отличить от наконечника копья, дротика или гарпуна.

Пожалуй, наиболее трудно провести разграничение между последними двумя категориями — гарпунами и костяными наконечниками стрел, поскольку в ряде случаев наконечники стрел по внешнему виду сильно напоминают гарпуны. Надо сказать, что в современной археологической и, что особенно существенно, этнографической литературе отсутствует точное определение гарпунов. Нередко к этой категории относят весьма различные метательные орудия, имеющие на ребрах зубцы: наконечники стрел с зубцами, метательные дротики и остроги.

Отсутствие точного определения гарпунов затрудняет классификацию значительной части и нашего охотничьего инвентаря. Большое количество орудий охоты, по всем признакам относящихся к наконечникам стрел, снабжено иногда едва заметными зубцами, которые, конечно, не были способны, подобно пастоящим гарпунам, крепко задерживаться в теле пораженного ими животного. Поэтому, стремясь внести необходимую ясность в описание такой категории охотничьего оружия, как наконечники стрел и гарпуны, я решаюсь произвести их строгое разграничение, положив в основу один признак.

К категории гарпунов, вслед за С. И. Руденко,¹ я отношу метательные орудия, у которых наконечник, снабженный одним или несколькими зубцами, свободно отделяется от древка. Последнее в этом случае имеет соответствующее углубление, куда вкладывается наконечник тыльным концом. В этой части наконечника имеется отверстие или расширение, нередко зубец, направленный в противоположную от всех других зубцов сторону, позволяющий прочно закреплять на нем ливь (веревку), привязанный противоположным концом к древку или находящийся в руке у гарпунщика.

¹ С. И. Руденко. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. Труды Инст. этнограф., нов. сер., т. 2, 1947, стр. 233.

Все же остальные наконечники, хотя и снабженные зубцами, но не имеющие специального насада, я отношу к категории наконечников стрел.

Надо, однако, оговориться, что всю многочисленную группу, объединенную мной в категорию наконечников стрел, по способам употребления также, вероятно, нельзя считать совершенно однородной. Не исключена возможность, что такие наконечники могли являться частями острог или метательных копий, но определить это точно пока не представляется возможным.

Прежде чем приступить к описанию гарпунов и наконечников стрел, целесообразно остановиться на некоторых общих для них чертах — способах и приемах обработки.

Рассматривая всю группу названных орудий в целом, вне зависимости от типов, нельзя не заметить прежде всего одной черты — весьма совершенной техники их изготовления. Правда, на наконечниках стрел и гарпунов Оленеостровского могильника (так же как и на других предметах) не наблюдается той высокой степени зашлифованности, доведенной до блеска, какую мы видим на вещах из Шигирского торфяника или Лубанского озера. Причина данного явления заключается, однако, в том, что вещи из этих памятников найдены в воде, которая не только способствовала сохранению глянцеvitости, но и усиливала ее, тогда как внешняя поверхность костяных предметов Оленеостровского могильника под действием атмосферных явлений и мелких корней деревьев подвергалась разрушению. С учетом этого обстоятельства и следует подходить к оценке техники изготовления костяных орудий Оленеостровского могильника.

Анализируя технические приемы, применявшиеся при изготовлении наконечников стрел и гарпунов, необходимо отметить следующее.

Все они выделялись, как было указано выше, из длинных трубчатых костей крупных животных (повидимому, лося или оленя). Для этой цели кости расчленялись вдоль, очевидно, с помощью острого инструмента (вероятнее всего, кремневого ножа или резца), так как в случае раскалывания их сильным ударом стержни вследствие особых свойств кости имели бы неровные края и различную ширину, что мешало бы изгото-

товлению из них длинных ровных наконечников стрел.

Полученную таким образом заготовку под гарпун или наконечник стрелы в процессе дальнейшей обработки стачивали ножом и соскабливали скребком, с помощью которых орудия и придавалась необходимая округлость формы.

Особо обрабатывались тыльные части наконечников и их острый конец. Обработка тыльной части, как правило, производилась весьма тщательно, путем мельчайших продольных срезов острым кремневым ножом. После предварительной обработки ножом и скребком поверхность наконечников стрел и гарпунов подвергалась окончательной отделке — шлифованию. Последним этапом являлась выделка зубцов.

НАКОНЕЧНИКИ ГАРПУНОВ

Среди многочисленных орудий охоты количество гарпунов оказалось крайне ничтожным — всего 6 экземпляров. Общей для них чертой является наличие двух или более зубцов-бородок, заостренного тыльного конца и зубца или отверстия, приспособленных для закрепления веревки.

По способу крепления веревки все гарпуны можно разделить на три типа.

К первому типу следует отнести единственный экземпляр наконечника гарпуна из погребения № 100, имеющий в тыльной части круглое просверленное отверстие (рис. 34, 1).¹ В поперечном сечении форма наконечника гарпуна близка к четырехугольнику, с одной узкой округлой гранью. Собственно тыльная часть (вставлявшаяся в древко) многогранна благодаря значительному количеству узких продольных срезов.

Несколько выше тыльной части наконечник гарпуна с одной стороны слегка расширяется и становится более уплощенным. На этом расширении имеется круглое отверстие, произведенное сверлом с двух противоположных сторон; концентрические круги, полученные от вращения сверла, прослеживаются чрезвычайно отчетливо.

Определенная вытянутость отверстия (с обеих сторон) к утолщенной части гарпуна

свидетельствует о том, что при высверливании наконечник держали таким образом, что упор сверла падал на утолщенную часть, так как в противном случае тонкий край расширения мог бы легко сломаться.

Верхняя часть наконечника гарпуна имеет, повидимому, только два зубца (один целый и второй фрагментированный), направленных, судя по аналогии со всеми другими орудиями этого типа, в одну сторону.

Отверстие в тыльной части гарпуна служило для прикрепления шнура, который своим противоположным концом привязывался к древку.

Второй тип составляют наконечники гарпунов, прикреплявшиеся к древку посредством утолщения в тыльной части. Такой гарпун найден лишь один (погр. № 73; рис. 34, 4). Конец тыльной части его подобно всем другим наконечникам заточен мелкими срезами с помощью острого ножа и расширен по направлению к рабочему концу орудия. На расстоянии 2 см от конца тыльная часть несколько срезана перпендикулярно к телу наконечника, который, начиная с этого места, делается значительно тоньше. Назначение полученного таким путем выступа — способствовать более прочному прикреплению к наконечнику шнура.

Верхняя часть орудия снабжена тремя зубцами, расположенными по одной стороне.

Третий тип гарпунов, представленный четырьмя экземплярами (погр. №№ 73, 100, 118а), отличается от только что описанного тем, что вместо утолщения у тыльной части здесь имеется один зубец, направленный в сторону, противоположную всем остальным зубцам (рис. 34, 2, 3, 5, 6). Назначение зубца точно такое же, как отверстия или утолщения.

Приемы обработки всех наконечников гарпунов совершенно тождественны и представляются в следующей последовательности.

Вначале из крупной трубчатой кости животного изготовлялся округлый стержень (болванка), ширина которого равнялась максимальной ширине наконечника вместе с зубцом. Затем с помощью кремневого ножа

¹ Гарпун состоит из двух фрагментов, которые не соединяются друг с другом.

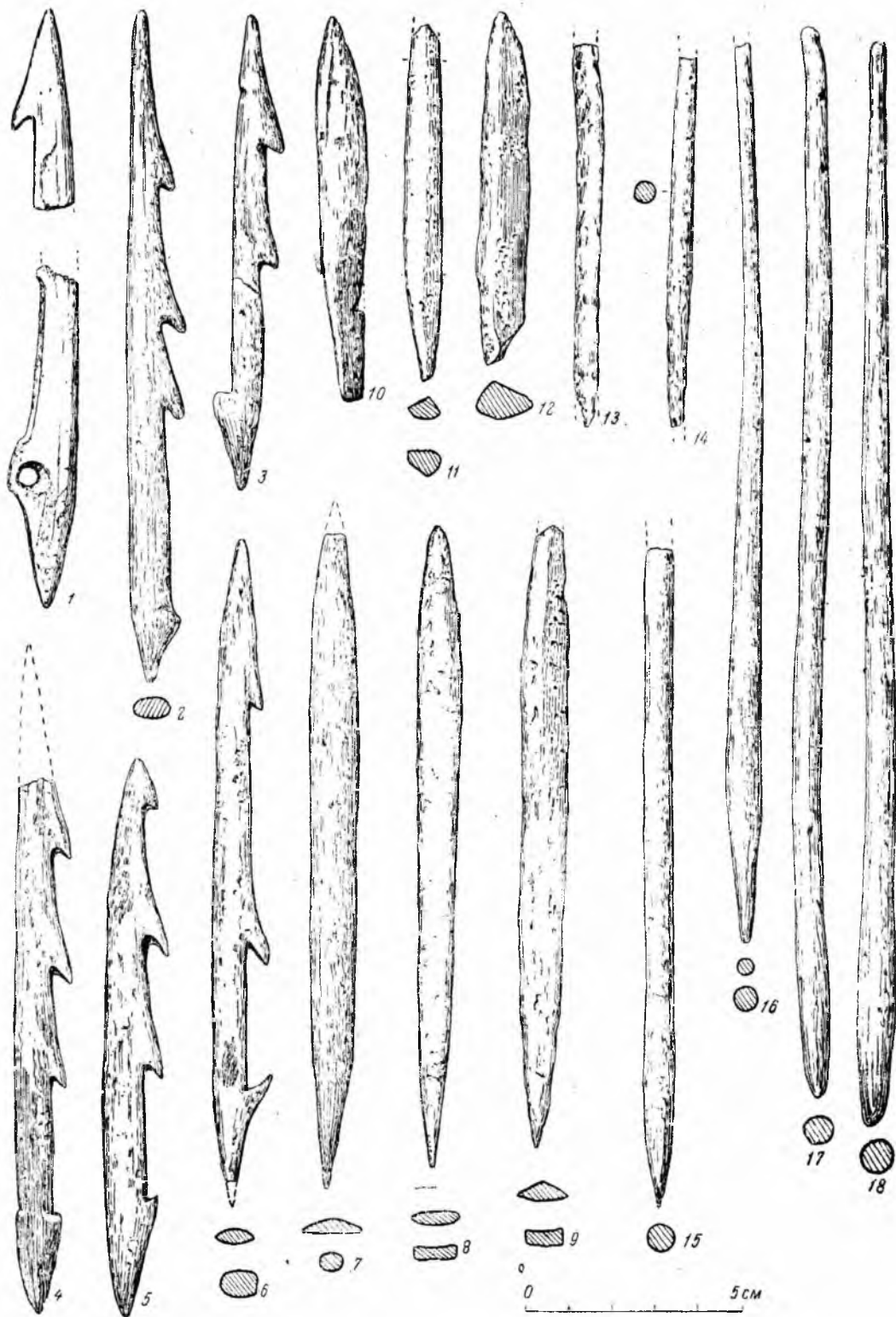

Рис. 34. Костяные гарпуны и наконечники стрел из Оленеостровского могильника.
 1—6 гарпуны (1, 2 — погр. № 100; 3 — погр. № 118а; 4—6 — погр. № 73); 7—12 — прямые наконечники стрел (7 — погр. № 47; 8 — погр. № 45; 9, 11 — погр. № 19; 10 — погр. № 108; 12 — погр. № 55); 13—18 — игловидные наконечники стрел (13, 14 — погр. № 104; 15, 16 — погр. № 68; 17, 18 — погр. № 61).

или скребка болванка уплощалась с двух противоположных сторон (часто одна из сторон уплощалась в большей степени). Благодаря такой обработке, поперечное сечение гарпуна приобретало форму, близкую к овалу. Далее приступали к выделке самого зубца. С помощью острого ножа¹ производили надрез, направленный перпендикулярно или под острым углом к стержню орудия, в силу чего и получался прямой или чаще острый угол, образованный зубцом и стержнем наконечника. В последнем случае зубец гарпуна был значительно тоньше и острее.

После вырезания зубцов производилась окончательная обработка гарпуна. Сначала острым ножом удалялись части кости, лежащие между намеченными зубцами, вследствие чего наконечник становился здесь значительно тоньше. Затем приступали к шлифовке предмета. Последняя далеко не всегда уничтожала следы предыдущей обработки — в ряде случаев с помощью лупы удается рассмотреть группы мелких, слегка изогнутых линий, полученных в результате обработки поверхности кости скребком или ножом (как, например, на гарпунах из погребений №№ 73 и 100). Особенно отчетливо следы обработки скребком или ножом прослеживаются под зубцами, где, естественно, было труднее зашлифовать предмет. Разнообразное направление мелких штрихов свидетельствует о том, что зашлифовка данных орудий производилась с помощью небольшого шлифовального камня, который двигался по наконечнику, оставшемуся неподвижным, а не наоборот, как обычно делалось при обработке каменных орудий.

Форма наконечников гарпунов с утолщением, зубцами и отверстием в тыльной части имеет, как известно, довольно многочисленные аналогии среди археологического и тем более этнографического материала. Так, гарпуны, близкие к нашим, известны из стоянки Веретье,² из серовских и китайских погребений Прибайкалья.³ и исклю-

чительно многочисленны на стоянках Прибалтики¹ и Урала² (рис. 35, 5—16, 20—29).

В качестве этнографических параллелей можно указать на гарпуны эскимосов, алеутов, кенайцев и тлинкитов³ (рис. 35, 1—4, 17—19). Небезынтересно отметить, что у них подобные гарпуны употребляются при охоте на бобров.

Как следует из описания Ф. К. Волкова и С. И. Руденко, у колош и алеутов гарпуны имеют длину 123 см. Древко гарпуна, выкрашенное черной краской (концы красной), заканчивается спереди цилиндрической, слегка расширенной на конце головкой из моржовой кости, в которую свободно вставлен костяной носок с тремя зазубринами, к заднему же концу древка жильными нитками прикреплены три половинки орлиного пера. Острие (носок) привязано к древку плетеной жильной бечевкой — «маутом», расходящейся на два конца, из которых один привязан к древку на расстоянии 15 см от основной костяной головки, а другой в 45 см от заднего конца. Бросается гарпун с помощью метательной дощечки.⁴

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Из всех орудий охоты самыми разнообразными являются костяные наконечники стрел.

Среди них наиболее отчетливо выделяются следующие восемь типов: 1) прямые, 2) игловидные, 3) асимметричные с одним зубцом, 4) симметричные с двумя зубцами, 5) с несколькими мелкими зубцами, 6) с мелкими зубцами и выемкой на конце, 7) шигирского типа, 8) вкладышевые.

Помимо того, имеется ряд наконечников стрел, которые занимают между указанными типами промежуточное положение и с трудом могут быть причислены к той или иной группе.

¹ Лубанское озеро: Рижский исторический музей, колл. №№ 32461, 32466 и др.

² Шигирский торфяник: Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-50, 5546-42, 5547-25; Д. Н. Э д и н г. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, вып. X, 1940, рис. 13, 3, 4.

³ Ф. К. Волков и С. И. Руденко. Этнографическая коллекция из бывших Российско-американских владений. Матер. по этнограф. России, т. I, СПб., 1910, стр. 155—200.

⁴ Там же, стр. 170.

¹ Зубцы наконечников вырезались ножом в несколько приемов, об этом свидетельствует заметная ступенчатость срезов.

² М. Е. Фосс. Стоянка Веретье. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, табл. IV, 2; XII, 28.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, МИА, № 18, 1950, рис. 71, 111.

Прямые наконечники

Простейшими является группа прямых наконечников стрел (погр. №№ 19, 25, 45, 47, 55, 108 и др.), изготовленных из длинных трубчатых костей животных (рис. 34, 7—12). В подавляющем большин-

тщательно узкими срезами, произведенными острым кремневым ножом; противоположный конец заострен и зашлифован.

Наибольшей тщательностью обработки отличается наконечник из погребения № 45 (рис. 34, 8), на одной из узких сторон которого сохранились следы распиливания, о чем свидетельствуют мелкие штрихи, параллель-

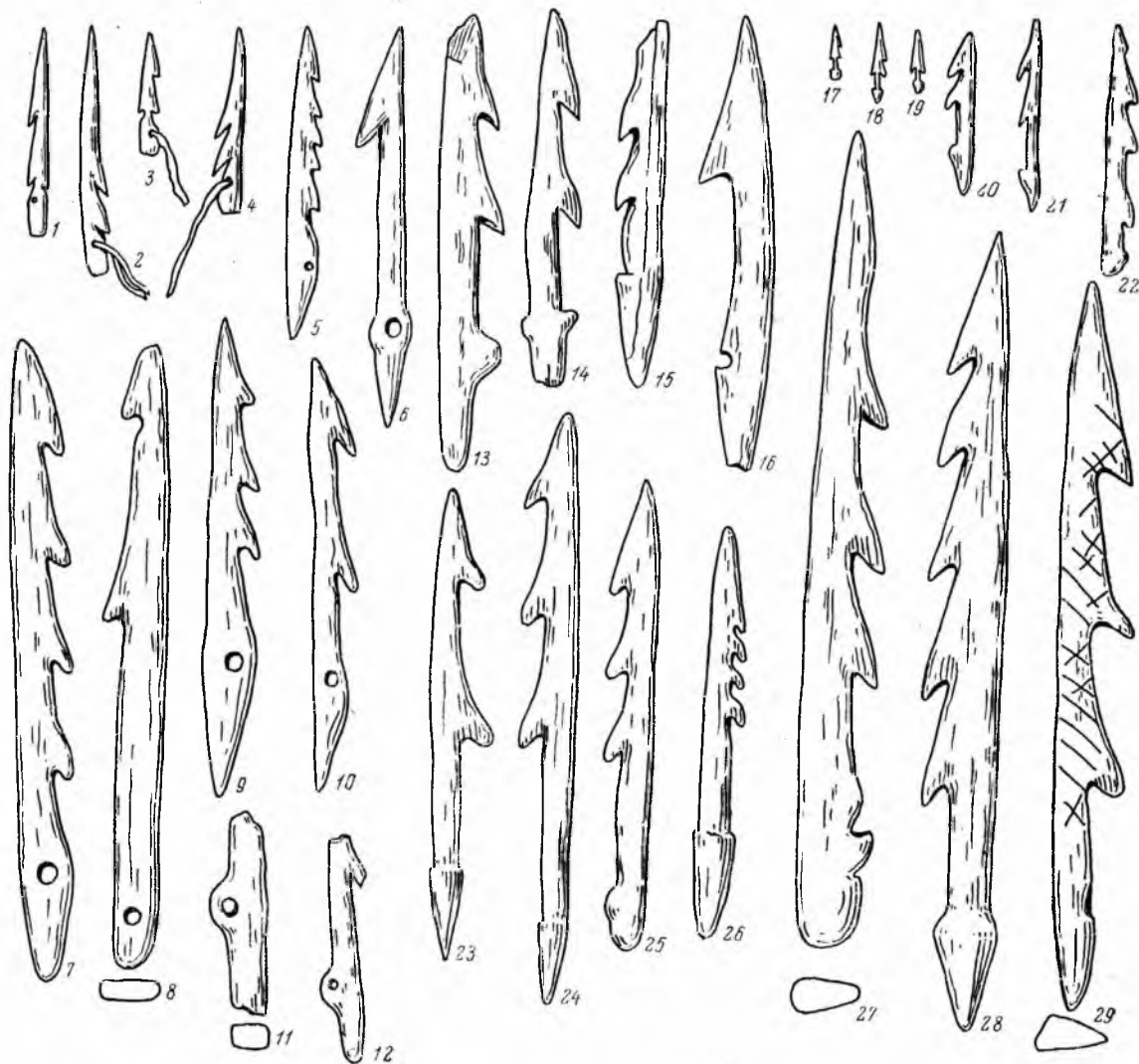

Рис. 35. Этнографические и археологические параллели к гарпунам.

1—4, 17—19 — Чукотка и Аляска; 5, 22 — Нижнее Веретье; 6—10, 23—25 — Лубанское озеро; 11—13 — Китайский могильник; 14 — Голомысна; 15 — Верхнее Веретье (заготовка); 16 — Пермская область; 20, 21 — Горбуновский торфяник; 26 — Володары; 27—29 — Шигирский торфяник.

стве случаев поперечное сечение их овальное, изредка подтреугольных очертаний, длина колеблется от 8 до 16 см. К обоим концам орудие заметно сужено, тыльная часть в ряде случаев обработана очень

ные друг другу и идущие в продольном направлении.

В противоположность ему имеются два экземпляра (погр. №№ 55, 108), обработанные очень грубо и скорее похожие на заго-

товки, чему, однако, противоречит залощенность их внешней поверхности, свидетельствующая о весьма длительном употреблении (рис. 34, 10, 12). Аналогичные наконечники встречены в ряде археологических памятников¹ (рис. 36, 1—9).

Игловидные наконечники

Несколько особую группу среди наиболее простых по форме наконечников стрел составляют игловидные, представленные шестью экземплярами, два из которых относятся к погребению № 61, два — к погребению № 68 и два (фрагментированных) — к погребению № 104 (рис. 34, 13—18).

Все они имеют значительную длину (до 25 см) и правильное округлое поперечное сечение. Рабочие концы заострены весьма тщательно. Тыльная часть обработана узкими срезами, произведенными очень острым кремневым ножом. Особенно отчетливо они прослеживаются на наконечниках из погребения № 68 (рис. 34, 15, 16). Повидимому, в момент захоронения данные наконечники находились в деревянном древке, вследствие чего поверхность их тыльных частей оказалась совершенно не потревоженной мелкими корнями растений в противовес всей остальной поверхности наконечника.

Данный тип орудий относится к тем очень немногим наконечникам из Оленеостровского могильника, которые имеют аналогии среди территориально близкого археологического материала. Мы встречаем их в Нижнем Веретье,² в погребении на стоянке Кубенино,³ Лубанском озере⁴ и Шигирском торфянике.⁵

¹ Шигирский торфяник (Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-328—329); Надь Хиньская (А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, стр. 161, рис. 16); Лубанское озеро (Рижский исторический музей, колл. №№ 9636-87, 9636-109).

² М. Е. Фоссе. Стоянка Веретье, стр. 36, табл. II, 1—3.

³ М. Е. Фоссе. Погребения на стоянке Кубенино. Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 76, табл. I, 2—4.

⁴ Рижский исторический музей, колл. №№ 9636-119, 9636-87, 9636-17 и др.

⁵ Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-229, 5546-232, 5546-234, 5546-253.

Асимметричные наконечники с одним зубцом

Данная группа наконечников стрел является наиболее многочисленной и разнообразной. Она насчитывает в своем составе свыше двух десятков экземпляров. Нередко различия между отдельными экземплярами, принадлежащими к этой категории, улавливаются далеко не сразу. Ряд последовательных переходов между наиболее выразительными формами создает некоторое затруднение при попытке их группировки. Тем не менее для большей четкости в описании мы выделяем среди них несколько подгрупп, внутри которых наконечники объединены общими признаками, отличающими эти орудия от соседней группы. Можно наметить три такие подгруппы: наконечники с асимметричным пером средней величины, наконечники с коротким асимметричным пером, крупные наконечники с длинным пером.¹

Асимметричные наконечники с пером средней величины. Наиболее правильной и пропорциональной формой отличаются 4 наконечника (по одному из погребений №№ 45 и 61 и два из погребения № 68; рис. 37, 1—4). Все они подобно наконечникам, рассмотренным ранее, изготовлены из длинных трубчатых костей крупного животного, невелики по размеру и сравнительно единообразны (размер колеблется в пределах 11—13 см). Насад орудий очень хорошо заострен, повидимому, с помощью острого ножа, следы которого заметны на всех наконечниках с удивительной отчетливостью. Благодаря такой обработке тыльная часть насада резко отличается от стержня, значительно более толстого, округлого в поперечном сечении (длина насада равняется 2.8—3 см).

На расстоянии 3.5 см от конца насада на стержне наконечника с одной стороны имеется резкий выступ — зубец, выше которого и образуется слегка уплощенное, овальное в поперечном сечении перо, суженное к концу; внешняя поверхность об-

¹ Следует отметить, что эти наконечники встречаются в различных погребениях (№№ 19, 25, 26, 31, 45, 54, 61, 68, 73, 104, 135), однако наибольшее сходство прослеживается между ними в пределах одного погребения.

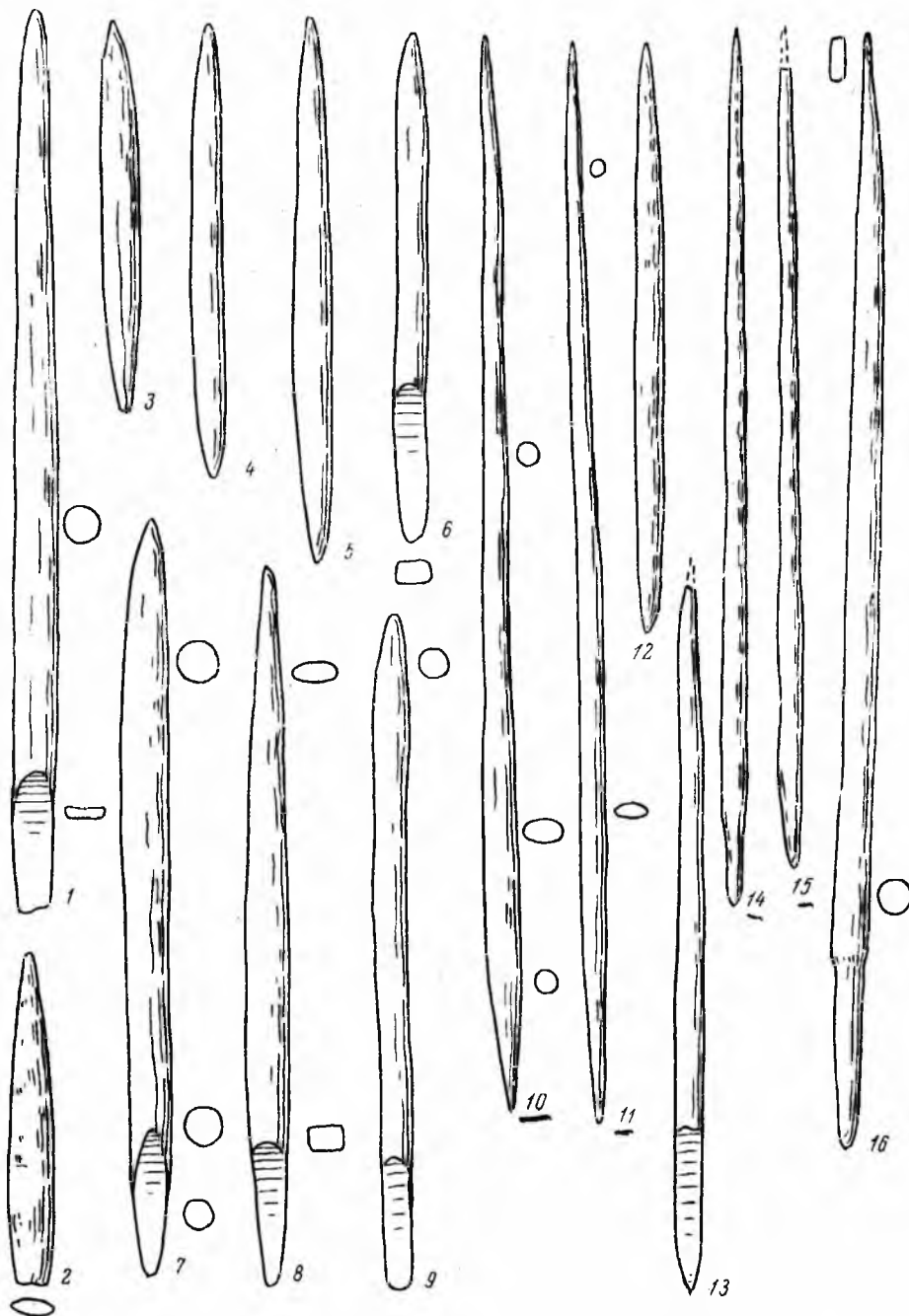

Рис. 36. Археологические параллели к прямым и игловидным наконечникам стрел. Прямые: 1, 7 — Шигирский торфяник; 2 — Падь Хиньская; 3—5, 8 — Нижнее Веретье; 6, 9 — Лубанское озеро. Игловидные: 10—11 — Шигирский торфяник; 12—13 — Нижнее Веретье; 14, 15 — Кубенино; 16 — Лубанское озеро.

работана очень тщательно с помощью зашлифовки.

Несмотря на принадлежность некоторых наконечников к различным погребениям,

невольно поражает общность в их длине, пропорциях и степени обработанности тыльных частей, причем два из них (погр. № 68) совершенно тождественны, как могут быть

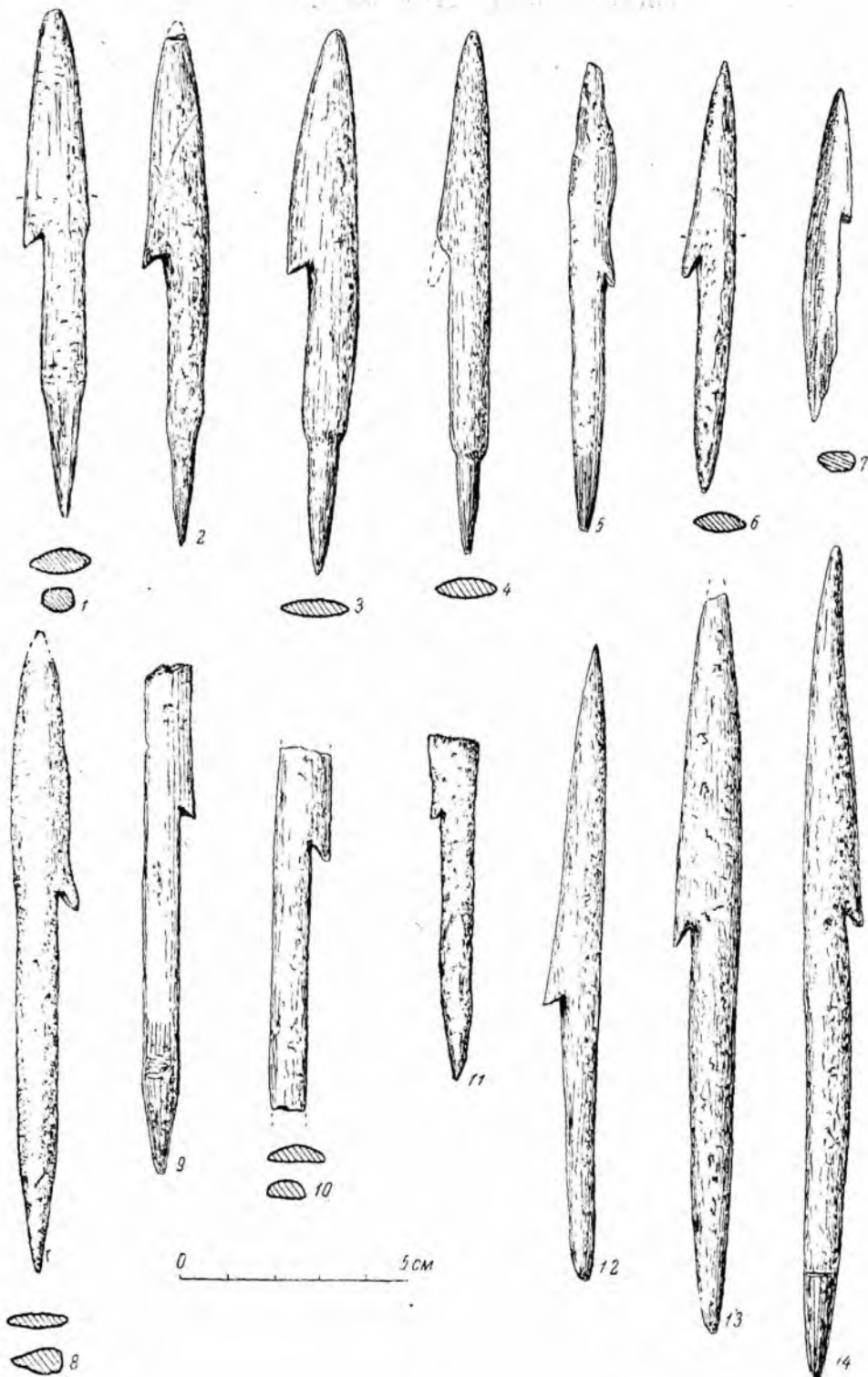

Рис. 37. Костяные асимметричные наконечники стрел из Оленеостровского могильника.
 1, 2, 12 — погр. № 68; 3, 8, 11 — погр. № 45; 4 — погр. № 61; 5 — погр. № 104; 6 — погр. № 26;
 7 — номер погр. не известен; 9 — погр. № 31; 10 — погр. № 25; 13, 14 — погр. № 73.

тождественными металлическими предметами, отлитые в одной форме (рис. 37, 1, 2).

Эти экземпляры наконечников относятся к весьма распространенному типу, известному в целом ряде неолитических стоянок, раскинутых на сравнительно широкой территории и различных по времени. Наибольший интерес для нас представляет нахождение их в нижнем слое стоянки Веретья,¹ в Шигирском торфянике,² Лубанском озере,³ Нарве I⁴ (рис. 38, 1—11).

Остальные наконечники, относящиеся к данной подгруппе, отличаются несколько иным соотношением стержня и пера и гораздо менее тщательно обработанным насадом.

В ряде случаев среди некоторых экземпляров можно отметить сходство друг с другом, примером чего могут служить наконечники из погребений №№ 68, 73 (рис. 37, 12, 13, 14). Они также имеют по одному острому зубцу, но отличаются от вышеописанных несколько более удлиненной формой и иногда небрежно обработанной тыльной частью. В поперечном сечении они овальные, но более уплощены, чем все остальные.

На наконечнике из погребения № 26 (длиной 9,2 см) очень отчетливо прослеживаются способы изготовления зубца. Хорошо видно, что он образован с помощью трех срезов — двух, направленных навстречу друг другу и под углом к перу наконечника, и третьего, направленного вдоль стержня и снявшего с него лишнюю поверхность до основания зубца.

К той же типологической подгруппе следует отнести около десятка наконечников, обнаруженных в погребениях №№ 45, 73, 135, причем в каждом из перечисленных погребений встречается по несколько одинаковых экземпляров. Так, например, в погребении № 73 их насчитывается четыре, причем столь схожих по форме, размеру и тщательности выделки, что не остается сомнения в изготовлении их руками одного мастера.

По своему характеру они сходны с только что рассмотренными. Отличие состоит лишь в том, что данные наконечники имеют боль-

¹ М. Е. Флб с с. Стоянка Веретья, табл. IV, 3, 8 и др.

² Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-125, 5546-127.

³ Рижский исторический музей, колл. №№ 9636-2, 9636-38.

⁴ Раскопки Н. Н. Гуриной 1951—1952 гг.; материалы хранятся в ЛОИИМК.

ший размер (в среднем 15—16 см),¹ несколько острее заточенную тыльную часть и более резко заостренный зубец. На наконечнике из погребения № 45 (рис. 37, 8) зубец имеет отчетливо выраженную клювовидную форму. Этот наконечник отличается особенно тща-

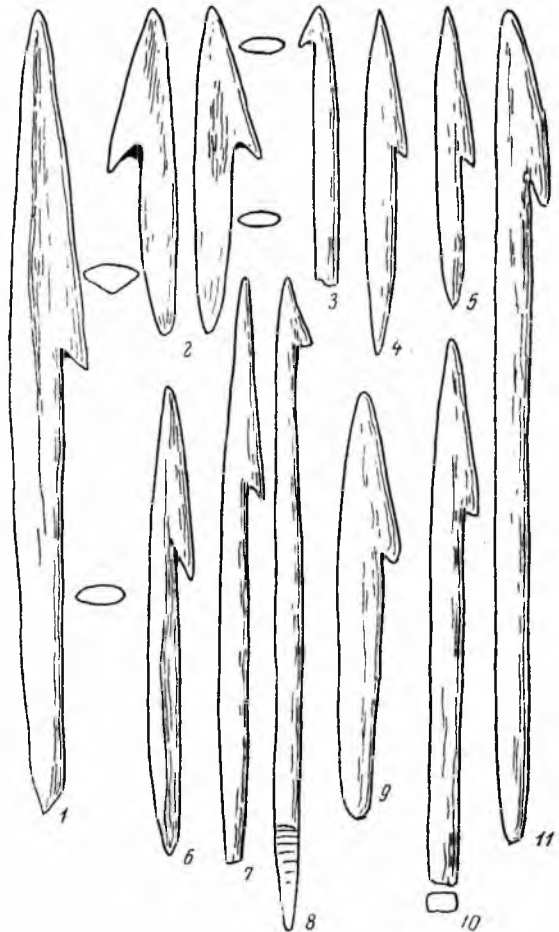

Рис. 38. Археологические параллели к асимметричным наконечникам стрел.

1, 2 — Шигирский торфяник; 3—8 — Нижнее Веретья;
9—11 — Лубанское озеро.

тельной отделкой. Тыльная часть его заострена настолько узкими срезами, что создается впечатление полной округлости.²

¹ Наибольшим размером отличается наконечник из погребения № 45, имеющий длину 22 см.

² Один из наконечников погребения № 45 сохранил любопытную деталь, свидетельствующую о том, что данный вид орудия изготовлялся из длинных трубчатых костей животных. На его насаде и стержне с одной стороны хорошо заметна неглубокая выемка — внутренняя часть трубчатой кости, не скрытая последующей обработкой.

Наконец, к той же подгруппе следует отнести некоторое количество в различной степени фрагментированных наконечников стрел (погр. №№ 25, 31, 45). Все они имеют сильно удлиненную форму, со сравнительно тонким черешком, округлым в поперечном сечении (рис. 37, 9—11).

Наиболее правильной формой обладает наконечник из погребения № 31 (рис. 37, 9). Степень обработки его очень тщательная, поперечное сечение черешка близко к овалу, одна сторона слегка уплощена; округлая грань сохранила следы мелких срезов, идущих вдоль всего орудия. Насад хорошо выражен. В верхней части заметен небольшой желобок для привязывания шнура. Остальная часть заострена мелкими срезами очень острым инструментом.

Некоторыми индивидуальными чертами отличаются наконечники из погребения № 104, неправильной формы, со слабо выраженным пером (рис. 37, 5), наконечник из погребения, номер которого не удалось установить, с очень небольшим пером, массивным черешком, и некоторые другие (рис. 37, 7).

Асимметричные наконечники с коротким пером. Среди той же группы асимметричных наконечников стрел имеется около 10 экземпляров (погр. №№ 16, 19, 39, 73, 108), весьма сходных между собой и в то же время выделяющихся из общей массы этого вида орудий охоты (рис. 39, 1—8). Подобно всем предыдущим они имеют шип, расположенный на одной из сторон, создающий асимметричность формы. Отличительной особенностью наконечников этой подгруппы является короткое и толстое перо.

На первый взгляд может показаться, что форма такого наконечника случайна и должна быть отнесена за счет неудачи мастера. Однако сходство четырех наконечников из погребения № 73 (рис. 39, 3, 4, 6, 8) и наличие в других погребениях очень близких к ним по форме экземпляров опровергает это предположение, заставляя видеть в создании наконечников данного типа определенную преднамеренность.

У экземпляра из погребения № 73 (рис. 39, 1) диспропорция между черешком и пером выражена с особой отчетливостью (длина черешка вместе с насадом равна 19.5 см, длина пера — 2.5 см); насад наконечника хорошо заострен.

Наибольшее сходство наблюдается между наконечниками, обнаруженными в погребениях №№ 16 и 73 (рис. 39, 6, 7). Все остальные обладают некоторыми индивидуальными чертами, не нарушающими, однако, основного принципа единства.

Наконечник из погребения № 39 (рис. 39, 2), наименьший по размеру из всех наконечников Оленеостровского могильника (4.5 см), изготовленный из кусочка трубчатой кости, вследствие значительной ширины черешка не обладает обычной для наконечника стройностью пропорций. Поперечное сечение его слабо уплощено, но обработка внешней поверхности тщательная, на отдельных участках прослеживается зашпонованность от употребления.

Наконечник из погребения № 108 (рис. 39, 5) по пропорции близок только что рассмотренному, но имеет больший размер (9 см) и более правильную форму. Поперечное сечение его стержня приближается к овалу, перо слабо уплощено, насад заострен, зубец очень маленький. Наиболее вероятным кажется использование такого типа наконечников при охоте на сравнительно некрупного, но пушистого зверька.

В качестве наиболее близких аналогий данным наконечникам среди археологического материала следует указать на соответствующие находки из стоянок Веретья¹ и Лубанского озера.²

Наконечники с длинными пером. Третью подгруппу асимметричных наконечников (рис. 40, 1—10) составляет свыше десяти экземпляров (погр. №№ 39, 45, 47, 61, 68, 73), отличительной особенностью которых можно считать весьма значительный размер, превышающий 20 см, и непропорционально длинное перо.

Соотношение между пером и черешком наконечников несколько различно. В большинстве случаев длина пера составляет не менее половины общей длины наконечника, а на ряде экземпляров длина пера значительно превышает черешок. Наиболее ярко эта отличительная черта выражена в экземпляре из погребения № 68 (рис. 40, 1),

¹ М. Е. Фосс. 1) Костяные и деревянные изделия стоянки Веретья. МИА, № 2, 1941, стр. 217, табл. I, 16; 2) Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 57, рис. 22, 2.

² Рижский исторический музей, колл. № 32808.

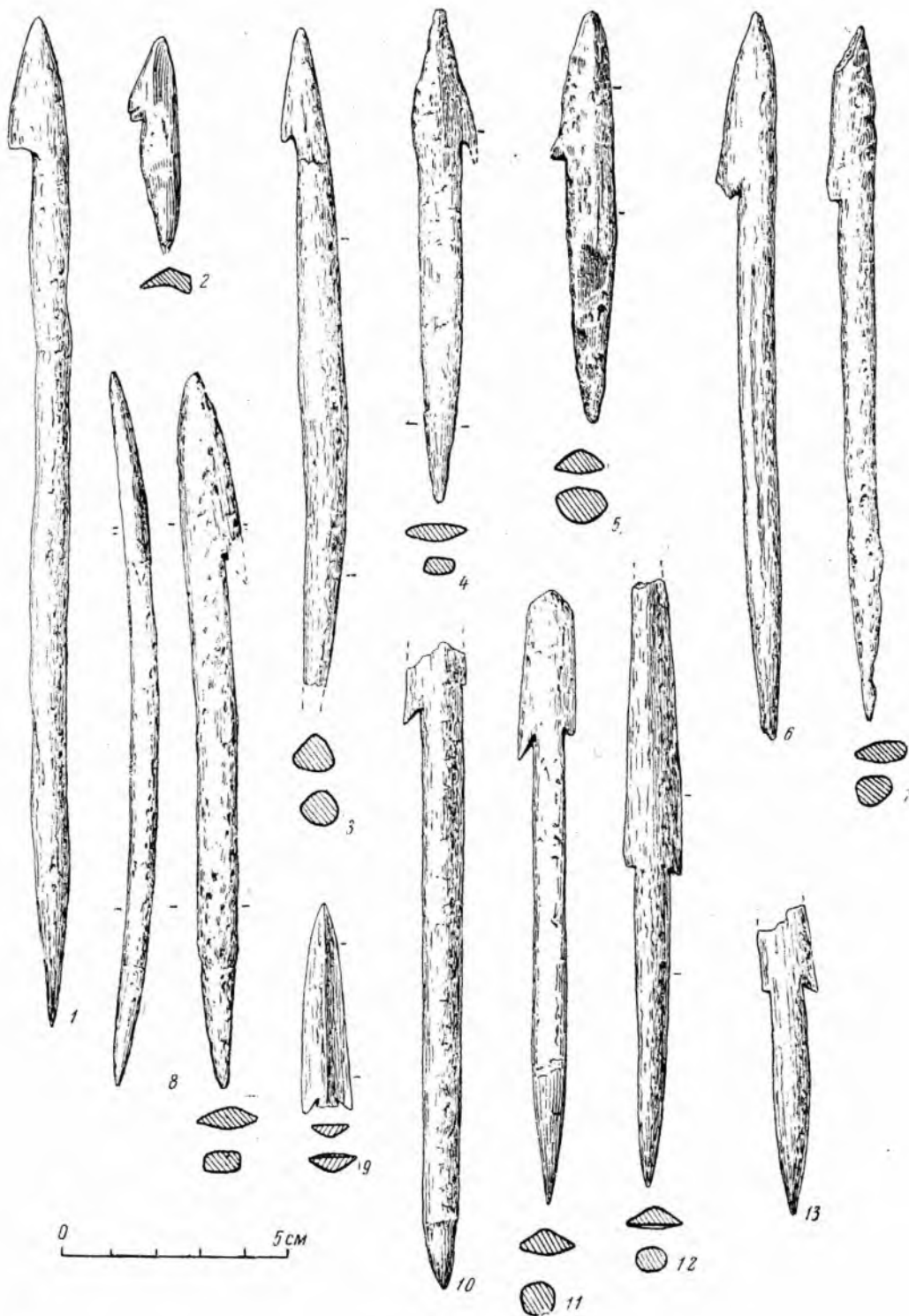

Рис. 39. Костяные наконечники стрел из Оленеостровского могильника.
 1—8 — асимметричные наконечники с коротким пером (1, 3, 4, 6, 8 — погр. № 73; 2 — погр. № 39;
 5 — погр. № 108; 7 — погр. № 16); 9—13 — симметричные наконечники (9 — погр. № 121; 10 —
 номер погр. не известен; 11—13 — погр. № 19).

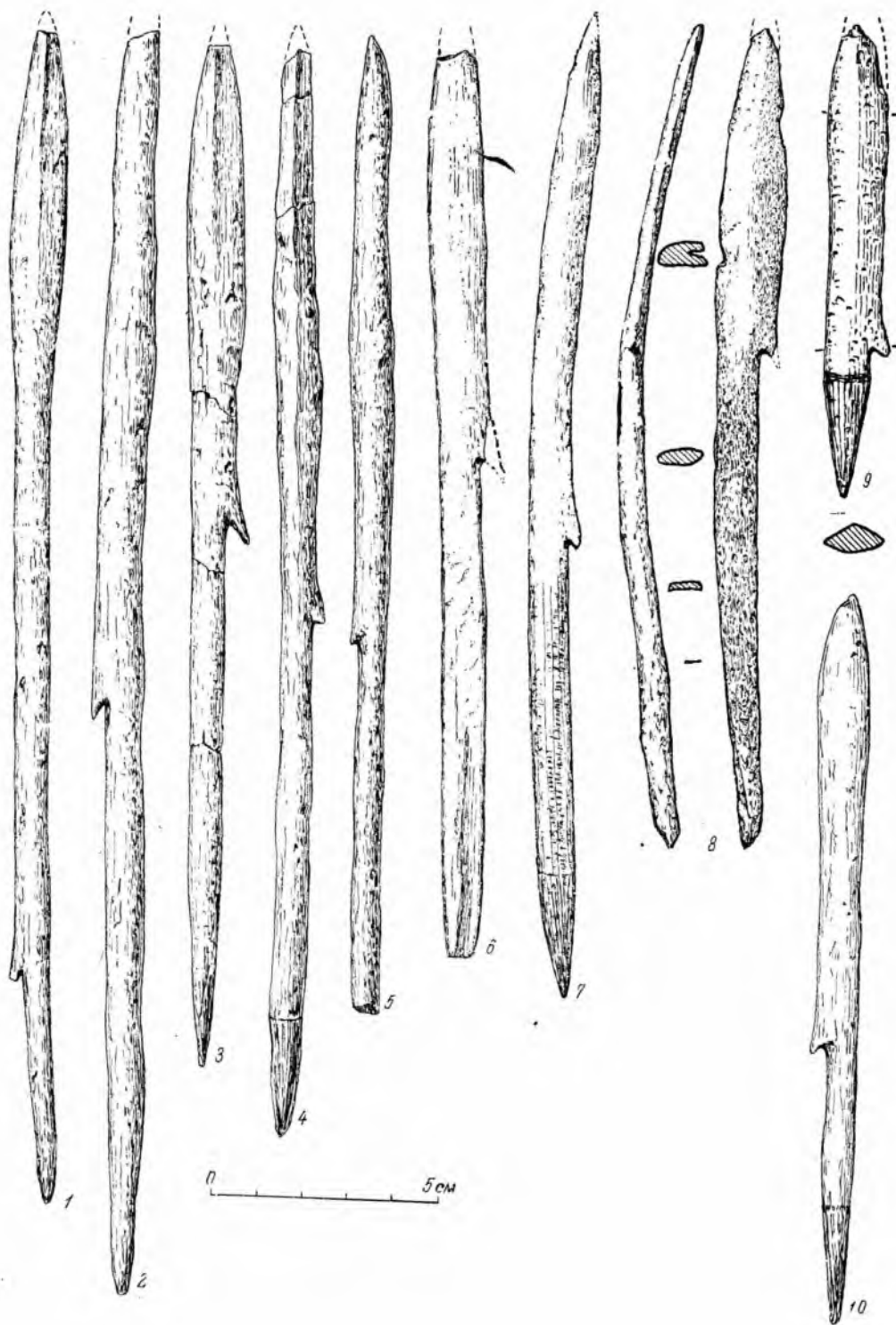

Рис. 40. Асимметричные наконечники стрел с длинным пером из Оленеостровского могильника.
 1, 10 — погр. № 68; 2—5 — погр. № 73; 6 — погр. № 47; 7, 8 — погр. № 45; 9 — погр. № 39.

имеющем следующие пропорции: общая длина наконечника 26 см, длина пера 21 см, длина черешка с насадом 5 см. Ближе к ударному концу перо слегка расширяется, приближаясь к тыльной части делается заметно уже. Величина зубца незначительна.

С описанным экземпляром сходны по форме три наконечника из погребения № 73 и один из погребения № 47, имеющие такое же несловидное, но более короткое перо (рис. 40, 2, 3, 5, 6).

Наконечник из погребения № 61 отличается хотя и столь же длинным, но гораздо более узким пером.

У наконечника из погребения № 73 (рис. 40, 4) наблюдается несколько отличная форма насада, прекрасно заточенного и резко отделенного от черешка небольшим желобком, служащим для наиболее прочного крепления с древком. Превосходная сохранность внешней поверхности насада свидетельствует о том, что данный наконечник был положен в погребение вместе с деревянным древком.

То же самое можно видеть и на наконечнике из погребения № 45 (рис. 40, 7), перо которого слегка деформировано. Шип его имеет клювовидную форму. Отчетливо заметно, что пропил шипа произведен острым и сравнительно длинным инструментом, который своим концом захватил несколько большую площадь, чем непосредственно зубец, и перешел на перо наконечника.

При просмотре поверхности наконечника в лузу вскрывается следующая деталь. На черешке наблюдаются мельчайшие поперечные насечки равной ширины, расположенные параллельно друг другу и полученные вследствие того, что при обработке нож, с трудом преодолевая прочность кости, оставил на ней как бы легкую ступенчатость. В той части, где зашлифовка и заглаженность были более тщательными, эти следы работы ножом не сохранились.

Весьма оригинальны по форме два наконечника из погребения №№ 39 и 68 (рис. 40, 9, 10), отличающиеся значительно меньшим размером (длина наконечников 16 и 12 см). У обоих из них массивное, непропорционально длинное перо, не заостренное, а, наоборот, даже несколько расширенное к рабочему концу. Экземпляр из погребения № 39 (рис. 40, 9) несколько меньше по размеру и грубее по обработке. Перо и зубец у него сделаны крупными срезами. Насад заточен

в 6 приемов, вследствие чего имеет не округлое, а подчетыреугольное поперечное сечение. На экземпляре из погребения № 68 (рис. 40, 10) в тыльной части имеется едва заметный желобок, служивший для более прочного закрепления его в древке. По следам от зашлифовки, сохранившимся на гранях наконечника, отчетливо видно, что она была строго продольной, а не беспорядочной, как это можно наблюдать на других предметах. Судя по прекрасно сохранившейся внешней поверхности тыльной части наконечника, резко отличающейся от всей остальной поверхности орудия, не остается сомнений в том, что и данный наконечник был положен в могилу вместе с древком.

Симметричные наконечники стрел с двумя зубцами

Количество наконечников, могущих быть отнесенными к этой группе, невелико, всего 5 экземпляров (три из погребения № 19, один из погребения № 121, один из погребения, номер которого не известен), однако форма их весьма отчетливо выражена (рис. 39, 9—13).

Чертой, отличающей их от предыдущей группы, является правильная симметричность пера, отделенного от черешка двумя зубцами, полученными с помощью резкого среза стержня не с одной, как в предыдущей группе, а с двух противоположных сторон.

Тыльные части их очень тщательно заострены мелкими срезами, поперечное сечение округло и более правильно по сравнению со стержнем. Обработка внешней поверхности очень тщательная.

Близкие формы наконечников встречаются в стоянках Лубанского озера.

Наконечники стрел с несколькими зубцами

Наконечники этой группы представлены в ряде погребений: погр. №№ 19, 45, 46, 47, 73, 115, 118а, 121, 145; (рис. 41, 1—9; рис. 42, 1—17).

В форме их прослеживаются некоторые вариации, позволяющие разбить всю эту категорию орудий на ряд подгрупп: наконечники стрел с крупными зубцами, наконечники стрел с мелкими зубцами, наконечники стрел с мелкими зубцами и выемкой на конце.

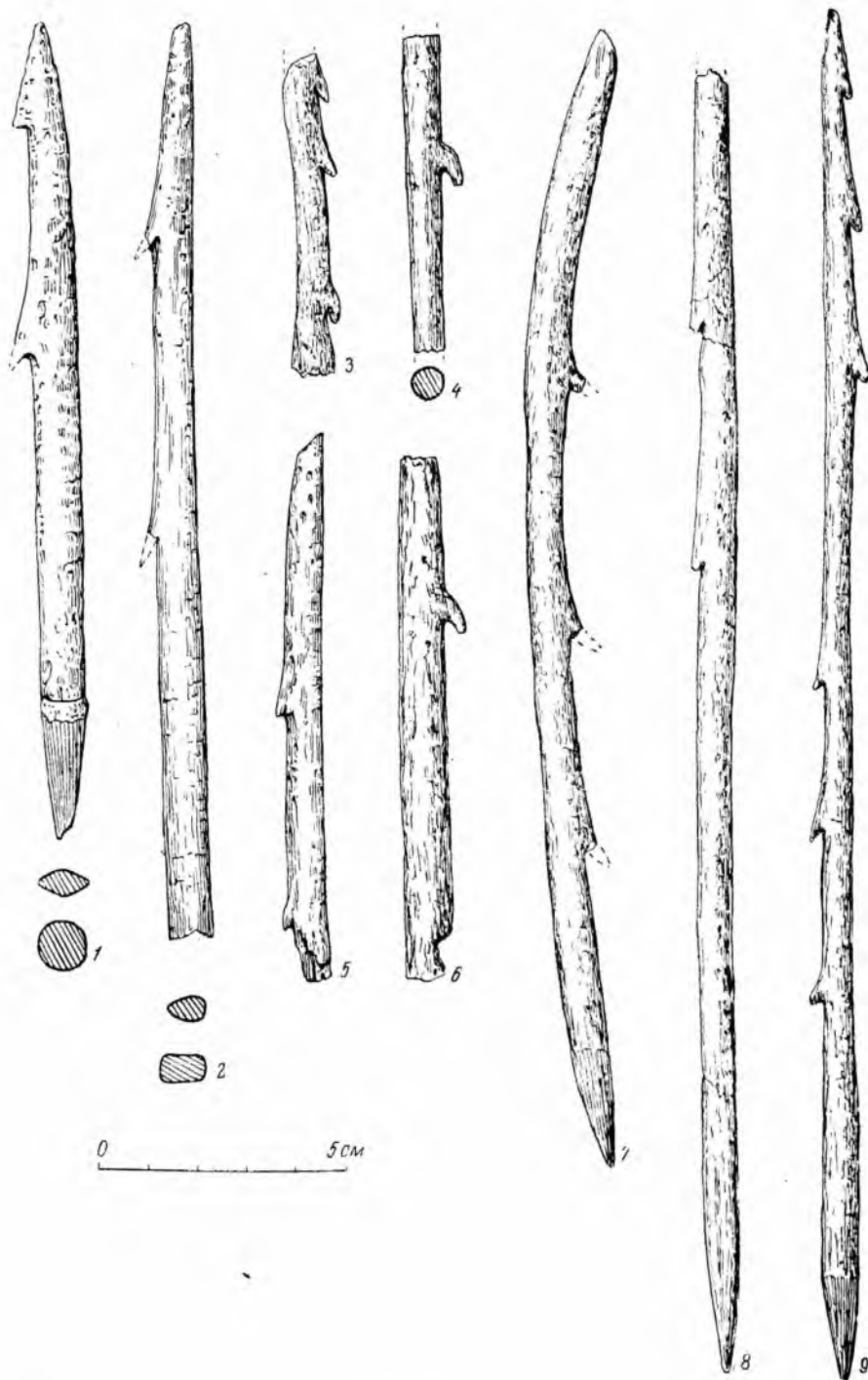

Рис. 41. Наконечники стрел с несколькими зубами из Оленеостровского могильника.
 1, 5 — погр. № 45; 2, 8 — погр. № 73; 3 — погр. № 19; 4 — погр. № 145; 6 — погр. № 115; 7, 9 —
 погр. № 118а.

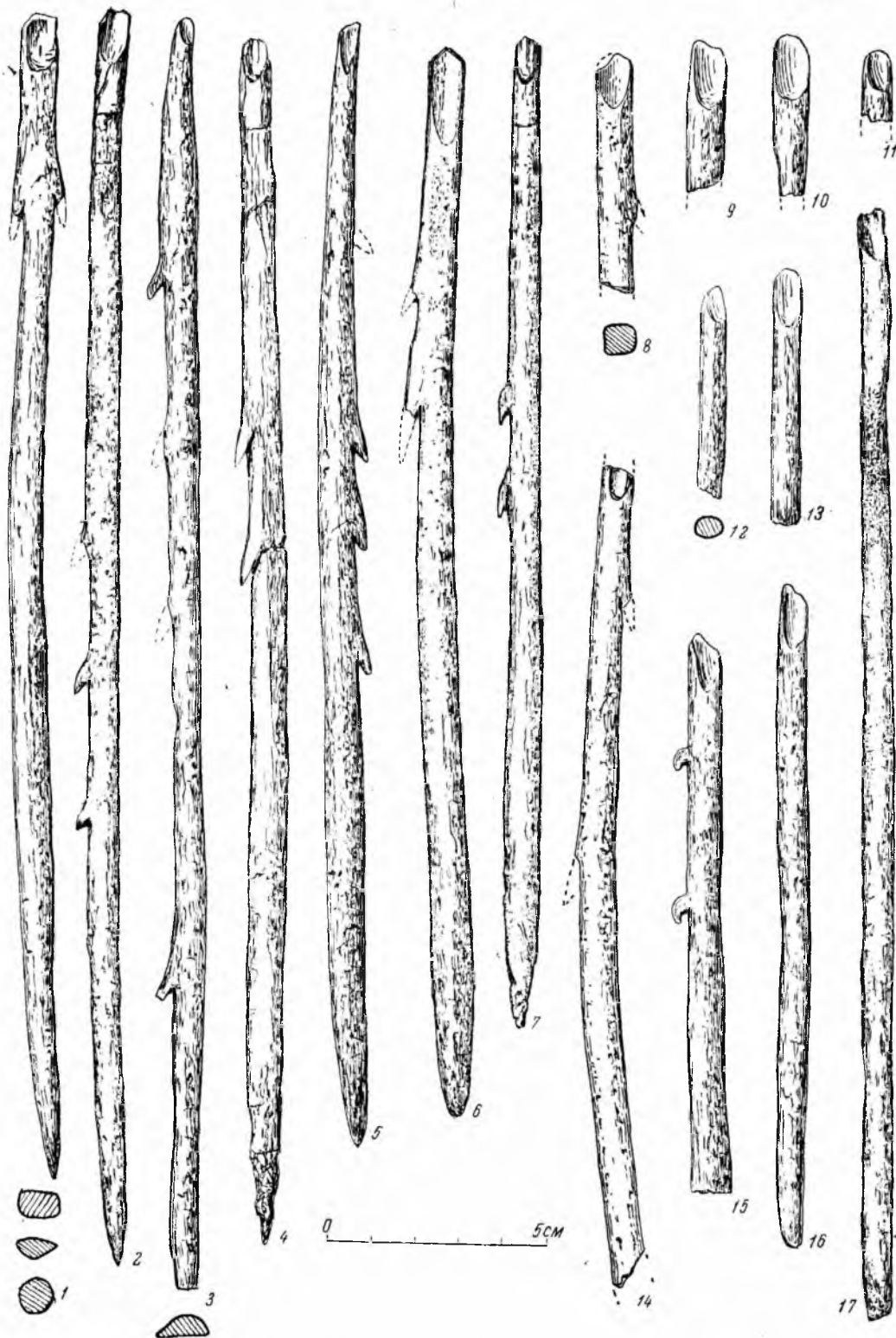

Рис. 42. Костяные наконечники стрел с несколькими зубцами и выемкой на конце из Оленеостровского могильника.

1, 4, 6, 7, 8, 14 — погр. № 45; 2 — погр. № 47; 3, 5 — погр. № 118а; 9—11 — погр. № 145; 13, 15, 16 — погр. № 115; 12 — погр. № 121; 17 — погр. № 46.

Наконечники стрел с крупными зубцами. Эта категория наконечников стрел представлена в нашей коллекции одним экземпляром, исключительно тщательно изготовленным (рис. 41, 1). Он имеет удлиненную форму, округлое поперечное сечение в нижней части и значительно большую уплощенность ближе к ударному концу. Верхняя половина наконечника снабжена двумя довольно крупными зубцами, расположенными на одной стороне. Обращает на себя внимание обработка тыльной части. Мелкие срезы острым инструментом, формирующие насад наконечника, выражены с поразительной отчетливостью. Выше их верхней границы хорошо заметен желобок для более прочного закрепления наконечника в древке.

Наконечники стрел с мелкими зубцами. Число наконечников этой подгруппы не превышает десяти (рис. 41, 2—9). При этом они встречаются в весьма ограниченном количестве погребений, но зато по несколько экземпляров (погр. №№ 73, 118а). Лишь в погребениях №№ 45 и 19 найдено по одному наконечнику этого типа.

Всем им без исключения свойственна сильно удлиненная форма и наличие очень мелких зубцов. Количество последних различно: от двух до шести. Располагаются зубцы на одной, реже на двух противоположных сторонах и представляют собой как бы небольшие пики, отходящие от черешка.

Ударный конец их заострен, у нескольких наконечников он обломан.¹ Наиболее близки к ним наконечники из нижнего слоя Веретья² и из Шигирского торфяника.³

Наконечники с мелкими зубцами и выемкой на конце. Количество наконечников данной подгруппы более двадцати. По типу они очень близки к только что рассмотренным, но более сложны и совершенны (рис. 42, 1—17).

¹ Фрагментарность ряда экземпляров заставляет отнести их к данной подгруппе лишь условно.

² М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, стр. 58, табл. III.

³ Гос. Эрмитаж, колл. № 5546-38.

Тип их в целом весьма оригинален и не имеет пока полной аналогии среди археологического материала. От наконечников предыдущей подгруппы (с мелкими зубцами) они отличаются наличием выемки на конце.

По своему характеру описываемые наконечники в общем однотипны. Различия между отдельными экземплярами выражаются в некоторых вариациях формы и в количестве имеющихся зубцов.

Все наконечники имеют значительную длину (от 23 до 29 см), небольшой диаметр (0,6—0,8 см) и почти всегда правильное округлое сечение. Как правило, с одной, очень редко с двух сторон они снабжены несколькими (от 2 до 4) небольшими зубцами, форма которых различна: острые и тонкие, сильно опущенные вниз; более тупые, поставленные под прямым углом к черешку, и небольшие, правильной клювовидной формы. У одного из наконечников (рис. 42, 1) имеется только два зубца, расположенные на противоположных сторонах. Ударный конец его, оканчивающийся выемкой, сильно залочен.

Некоторые из наконечников более массивны, поперечное сечение черешка в этих случаях не округлое, а подтреугольное, причем сторона, имеющая зубцы, слегка уплощена. Тыльные части наконечников обработаны узкими срезами подобно тыльным частям всех типов наконечников, рассмотренных ранее.

Наиболее оригинальной частью данных наконечников стрел является их конец, имеющий неглубокую удлиненную выемку, направленную длинной осью вдоль черешка наконечника. Выемка сделана с помощью острого кремневого ножа, следы которого хорошо заметны в ее нижней суженной части (обращенной к насаду). Глубина желобка, в особенности на некоторых наконечниках, очень незначительная. Его следует считать приспособлением для более прочного прикрепления к костяному наконечнику второго, каменного острия (кремневого или кварцевого). Это подтверждается находением в ряде случаев костяных наконечников в непосредственной связи с каменными остриями, как, например, в погребениях №№ 100 и 118а (рис. 43, 1—2). Доказательством связи костяных наконечников с каменными насадами может служить также отсутствие следов от мелких корней растений на поверхности желобка и приле-

гающей к ней части наконечника, обычно наблюдающихся на поверхности всех других предметов. Очевидно, при захоронении часть

Рис. 43. Расположение костяных и каменных наконечников в погребениях.

1 — погр. № 100; 2 — погр. № 118а.

поверхности наконечника близ выемки была прикрыта, по всей вероятности, тонкой кожаной полоской или жильными нитями, прикреплявшими каменное острие к костяному наконечнику. Возможно, кроме того, что весь этот участок был обмазан каким-нибудь клейким веществом с целью более прочного крепления составных частей ору-

дия, что и предохранило поверхность кости от разрушения.

В этой связи необходимо вспомнить аналогичный наконечник гарпуна, обнаруженный в одном из погребений Оленеостровского могильника на Баренцовом море, исследованного в 1928 г. А. В. Шмидтом¹ (рис. 44). Несмотря на то, что форма и величина наконечников различны, принцип устройства их совершенно тождествен. Особенно существенно, что наконечник из Оленеостровского могильника Баренцова моря сохранился полностью, — костяная часть на-

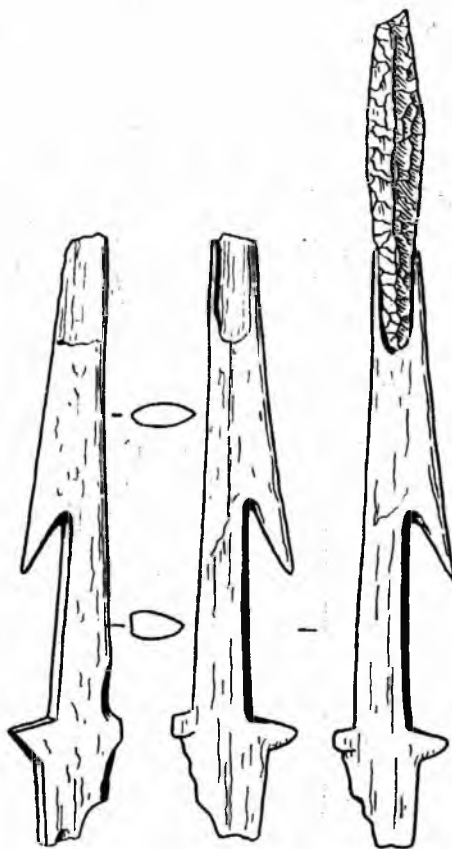

Рис. 44. Гарпун из Оленеостровского могильника Баренцова моря.

ходила вместе с кремневой. Следы скрепления их, подобно описанным выше, отчетливо выражены в виде совершенно гладкой, ничем не нарушенной внешней поверх-

¹ А. В. Ш м и д т. Древний могильник на Кольском заливе. Кольск. сборник АН СССР, Матер. Комисс. экспед. исслед., вып. 23, Л. 1930, табл. II.

ности кости на определенном расстоянии от желобка.¹

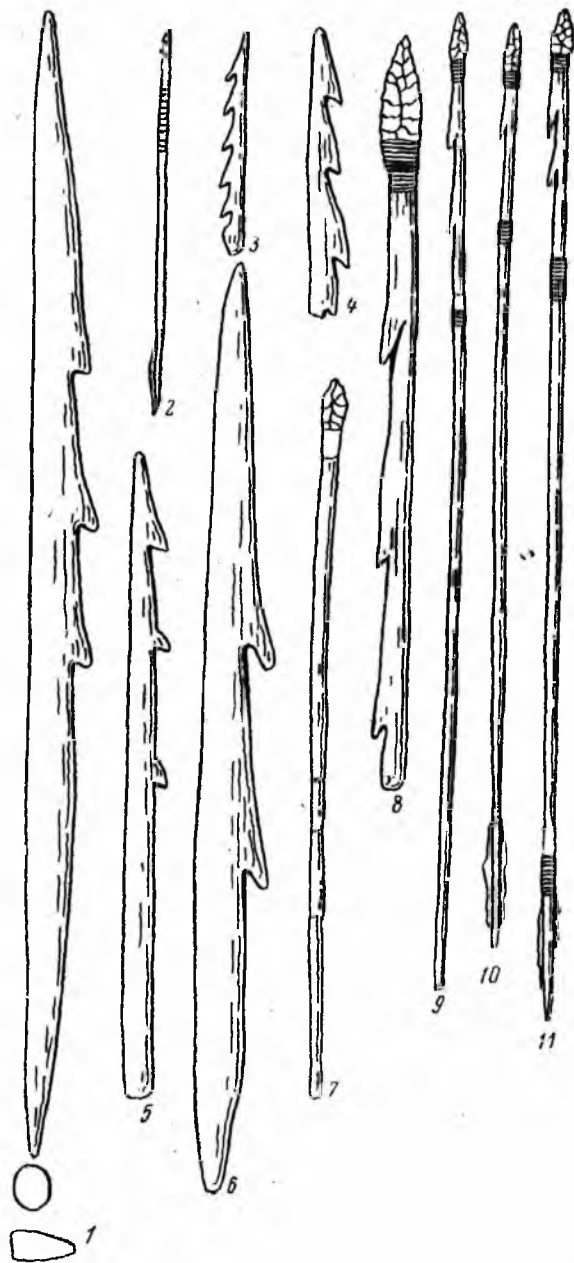

Рис. 45. Этнографические и археологические параллели к наконечникам стрел с мелкими зубцами.

1 — Шигирский торфяник; 2—4, 7—11 — Аляска;
5, 6 — Нижнее Веретье.

¹ Ряд наконечников из погребений №№ 45 и 46 имеют ниже желобка небольшую уплощенность.

Костяные наконечники рассматриваемой нами группы вставлялись в древко, так как тыльные части у целого ряда экземпляров заострены подобно костяным наконечникам всех других типов; некоторые из них, без сомнения, были положены в погребение вместе с древком (насад сохранил гладкую, ничем не поврежденную поверхность).

Таким образом, перед нами весьма сложное комбинированное орудие, состоящее из трех частей: кремневого острия, костяного стержня с шипами и древка.

Как было уже указано выше, данная группа наконечников является весьма оригинальной и не имеет себе аналогий среди археологического материала, за исключением только что упомянутого единичного случая в погребении на Баренцовом море. В этнографии же они известны.

Прежде всего наше внимание останавливает на себе оружие племен, населяющих Северную Америку (эскимосов, алеутов, кенайцев и тлинкитов); комбинированное орудие, подобное только что рассмотренному, встречается там сравнительно часто. При знакомстве с описанием поступивших в 1907 г. в Этнографический отдел Русского музея коллекций, произведенным Ф. К. Волковым и С. И. Руденко, для нас представляет большой интерес «дротик с костяной надставкой и кремневым острием»¹ (рис. 45, 8—11).

Как следует из самого названия, орудие состоит из трех составных частей: древка (99 см длиной и 1.5 см в диаметре), выкрашенного красной краской и к переднему концу несколько утолщенного (2.5 см в диаметре), наконечника из моржевой кости (32 см длиной) с тремя зазубринами на одной только стороне и кремневого острия (7 см длиной).²

Сопоставляя описанное орудие с наконечниками стрел установленной нами пятой группы, можно отметить, что за исключением деревянного древка, не сохранившегося у нас, размеры частей орудий совпадают. Длина наших кремневых наконечников равняется в подавляющем большинстве случаев также 7 см,³ длина костяного наконечника — надставки — равна 29 см.

¹ Ф. К. Волков и С. И. Руденко, ук. соч., стр. 164, рис. 5, j; 7; 14 e, g.

² Ф. К. Волков и С. И. Руденко, ук. соч., стр. 164.

³ Все кварцевые наконечники имеют меньший размер.

Ф. К. Волков и С. И. Руденко называют данные орудия дротиками, указывая, что они употреблялись как для военных целей, так и в еще большей степени для охоты на оленей. Острие их укреплялось неподвижно, а метание производилось с помощью метательной дощечки.

Следует указать, что комбинированные орудия встречаются на той же территории и в виде наконечников стрел, бросаемых с помощью лука. «Они употребляются для охоты на крупных животных и для войны, для охоты на птиц и для убивания рыб. Каждая стрела состоит из древка, снабженного почти всегда на заднем конце небольшим вырезом для тетивы и вставленными в продольном направлении в прорезы древка птичьими перьями, а на переднем конце вооруженного острием, прикрепленным или непосредственно к древку, или же вставленным неподвижно в костяной, часто зазубренный наконечник, прикрепленный к переднему концу стрелы».¹

Комбинированные орудия из Оленеостровского могильника являются, по всей вероятности, наконечниками стрел, а не дротиков, поскольку, как правило, они найдены лежащими компактной массой, повидимому, будучи положенными в колчаны.

Наконечники стрел шигирского типа

Наконечников стрел шигирского типа в Оленеостровском могильнике встречено всего 8 экземпляров. Они были обнаружены в погребениях №№ 45, 47, 61, 64, 68, 73, 135, а также в сборах 1933 г. (рис. 46, 1—8). Наиболее отчетливо особенности их выражены в шести экземплярах (рис. 46, 1—5, 7).² Два остальных наконечника (рис. 46, 6, 8) могут быть причислены к данной группе лишь с большей или меньшей долей вероятности.

Наиболее правильную форму, позволяющую относить наши наконечники к широко известным шигирским наконечникам стрел, имеют два экземпляра (рис. 46, 1, 2), сохранившиеся полностью. Они изготовлены из длинных трубчатых костей животных, что особенно отчетливо видно на наконечнике

из погребения № 68; более широкая часть его имеет небольшую выемку, соответствующую внутренней поверхности трубчатой кости.

Форма наконечников удлиненная (общая длина равна 12,5 см, из них: черешок — 7,5 и перо — 5 см). Поперечное сечение округлое, насад заточен очень тонко. Перо наконечника сильно утолщено и представляет собой как бы два конуса, сходящиеся своими основаниями и направленные вершинами в противоположные друг другу стороны. На середине биконического утолщения имеется небольшой округлый выступ, опоясывающий орудие. Непосредственно рабочих, ударный конец сужен, но слабо заострен. У наконечника из погребения № 45 он вытянут сильнее и слегка согнут (деформирован).

Два фрагментированных наконечника (рис. 46, 3, 5) отличаются от только что описанных лишь меньшими размерами и отсутствием удлиненного черешка (повидимому утраченного). Конусы, образующие утолщенную часть наконечника, меньше в диаметре, однако, выступ выражен столь же отчетливо, как и в предыдущих экземплярах.

Таковую же, в основном, форму имеет и наконечник стрелы из погребения № 73 (рис. 46, 4), с той лишь разницей, что у него отсутствует удлиненный черешок, насад тупой и короткий, а расширенная часть имеет более острое ребро. Ударный конец менее острый, нежели у наконечников, рассмотренных ранее, и в целом он значительно массивнее.

Все рассмотренные наконечники изготовлены очень тщательно, в особенности из погребений №№ 45 и 68 (рис. 46, 1, 2). Наблюдения, произведенные с помощью лупы, показывают, что утолщенная часть наконечников соскабливалась ножом или скребком, следы которого в виде узких, часто параллельных друг другу мелких срезов прослеживаются как на утолщенной части наконечника (в особенности нижней), так и на черешке. Однако направление и ширина граней на расширенной части и черешке наконечника не совпадают вследствие того, что состругивание их произведено в отдельности — сначала черешка, а затем нижнего конуса или наоборот.

После обработки скребком и ножом вся поверхность наконечника подверглась зашли-

¹ Ф. К. Волков и С. И. Руденко, ук. соч., стр. 174.

² Четыре из них фрагментированы.

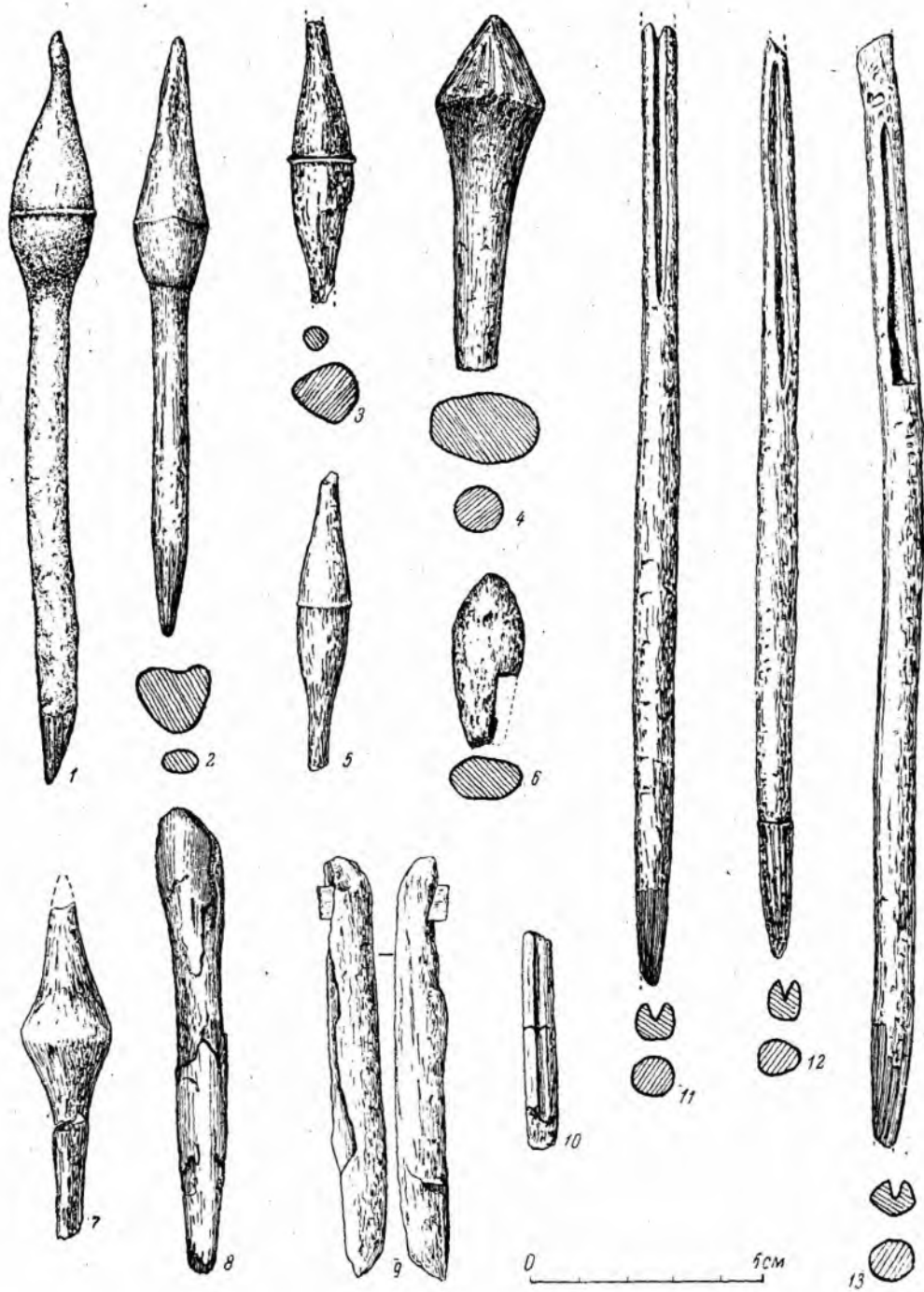

Рис. 46. Костяные наконечники стрел из Оленеостровского могильника.
 1-8 — наконечники стрел шигирского типа (1 — погр. № 45; 2 — погр. № 68; 3 — погр. № 47;
 4 — погр. № 73; 5 — номер погр. не известен; 6 — погр. № 64; 7 — погр. № 81; 8 — погр. № 135);
 9-13 — вкладышевые наконечники стрел (9, 12 — погр. № 19; 10 — погр. № 71; 11, 13 — погр. № 45).

фовке. Особенно тщательно она производилась вблизи рабочего конца, где с трудом удается заметить следы работы, предшествующей шлифованию.

Выпуклый поясок на расширенной части наконечника получался благодаря тому, что по обеим сторонам наиболее выпуклой части, отступя на 1—2 мм, было процарапано углубление.

На ряде экземпляров прослеживается заполированность наконечников и местами следы сработанности.

Внешняя поверхность насадов, совершенно гладкая, резко отличающаяся от всей остальной поверхности орудия, свидетельствует о нахождении наконечников в момент захоронения в дровках.

Несколько особую форму, но, вероятно, близкую по функции, имеют три остальных наконечника стрелы (два из них фрагментированы).

Фрагмент наконечника из погребения № 64 (рис. 46, 6) представляет собой массивный короткий костяной стержень (3,5 см длиной), постепенно суживающийся к тыльной части и резко — к рабочему концу. Поперечное сечение его близко к овалу. Техника обработки весьма совершенная. Тыльная часть утрачена.

У фрагментированного наконечника из погребения № 61 (рис. 46, 7) расширенная часть биконической формы, однако, недостаточно правильная; оба конца его обломаны.

Весьма оригинальной формой обладает наконечник из погребения № 135 (рис. 46, 8). Это костяной, довольно массивный стержень 10 см длиной, с утолщенным рабочим концом и постепенно суживающимся черешком. Расширенная ударная часть его раздвоена. Характер обработки внешней поверхности столь же тщательный, как и у остальных. Следы сработанности отчетливо прослеживаются на широкой ударной части.

Как следует из описания, форма наконечников стрел, отнесенных нами к категории наконечников шигирского типа, довольно разнообразна, однако назначение их следует считать сходным — охота на пушного зверя или птицу.

Этот тип наконечников стрел, в своей основной части, имеет достаточное количество аналогий и прежде всего в тех археологических памятниках, которые мы

уже неоднократно упоминали выше: Шигирский торфяник,¹ стоянки Прибалтики,² Веретье,³ Погостице,⁴ Кубенино⁵ и др.

Вкладышевые наконечники стрел

Наконечники данной группы хотя и многочисленны, но довольно разнообразны.

Они были встречены в погребениях №№ 19, 39, 45, 46, 47, 71, 73, 115 (рис. 46, 9—13; 48, 1—7). Все их можно разделить на две подгруппы: вкладышевые без шипов, вкладышевые с шипами.⁶

Наконечники без шипов. К этой подгруппе следует отнести пять экземпляров (два из погребения № 19, два из погребения № 45 и один из погребения № 71), сильно удлиненных (20—22 см длины) при незначительном диаметре, округлых в поперечном сечении (рис. 46, 11—13).

На расстоянии около 2/3 от конца насада на одной из сторон наконечников имеется незначительной глубины (не более 5 мм) паз, сходящий на нет для укрепления в нем кремневых вкладышей. Судя по следам, сохранившимся на краях паза, можно сделать вывод, что он прорезан с помощью очень острого инструмента.

Насады наконечников обработаны различно. У наконечника из погребения № 45 (рис. 46, 11) он тщательно заточен обычным способом — острым инструментом. Насад наконечника из погребения № 19 (рис. 46, 12), длиной в 3 см, отделен от остальной части орудия углублением, служившим для более прочного скрепления его с древком. Концы наконечника обломаны; внешняя поверхность хорошо зашлифована. Помимо целых экземпляров, имеются отдельные фрагменты (рис. 46, 9, 10).

¹ Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-46, 5546-183, 5546-337 и др.

² Лубанское озеро: Рижский исторический музей, колл. № 9710-122; Двиета: колл. № 8122-2, 21104.

³ М. Е. Ф о с с. Стоянка Веретье, стр. 56, табл. I.

⁴ А. Я. Б р ю с о в. Свайное поселение на р. Модлоне. . . , стр. 47, рис. 15.

⁵ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 45, рис. 15.

⁶ Кроме того, имеется ряд фрагментов, точное отнесение которых к той или иной подгруппе весьма затруднительно.

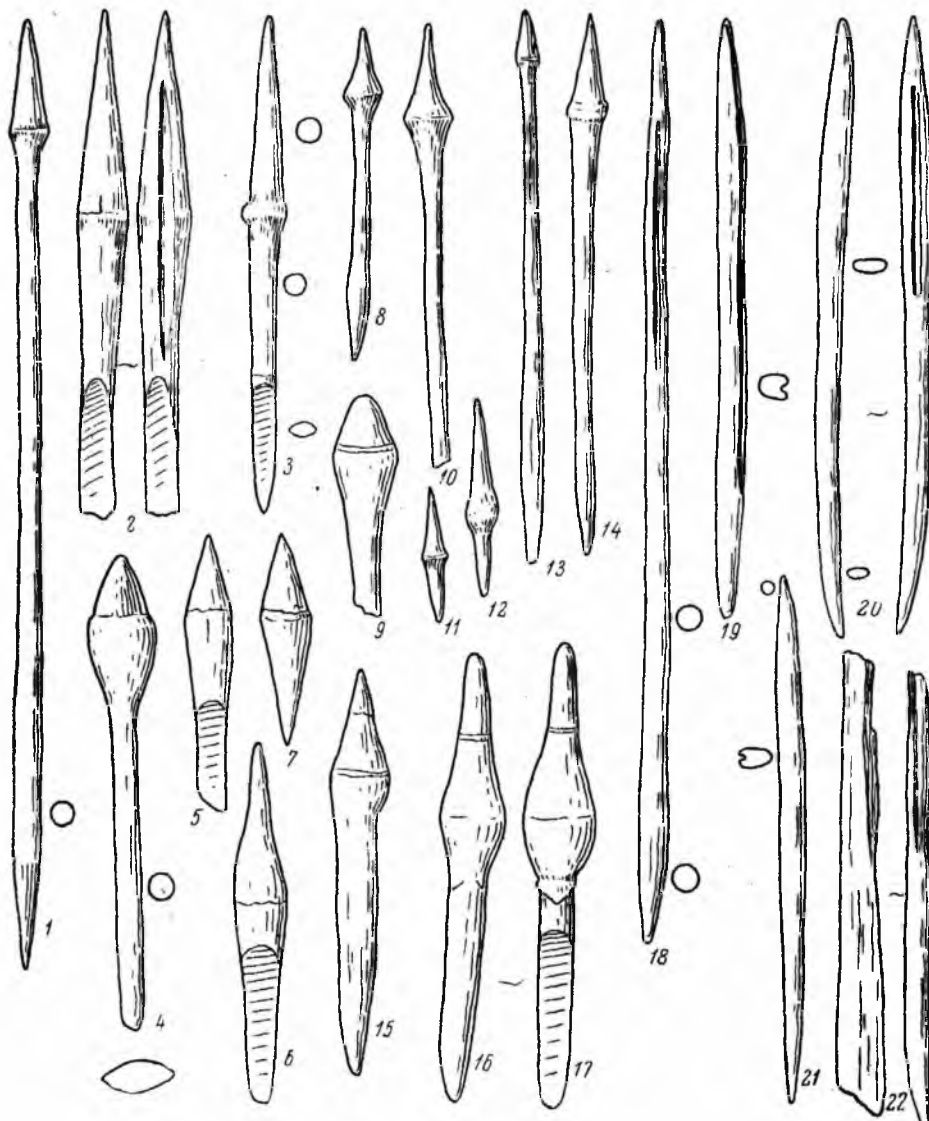

Рис. 47. Археологические параллели к шигирским (1—17) и вкладышевым пако-
нечникам стрел (18—22).

1—3, 18—21 — Шигирский торфяник; 4—6 — Лубанское озеро; 7—14 — Нижнее Веретье;
15—17 — Двиста; 22 — Верхнее Веретье.

Наконечники с шипами. Вторую подгруппу составляют пять вкладышевых наконечников, снабженных одним или несколькими шипами (рис. 48, 1—7).

Подобно первым они имеют сильно удлиненную форму. Величина наибольшего из них (погр. № 45; рис. 48, 1) равна 28 см.

В отличие от описанных выше, эти наконечники, помимо кремне-

вых вкладышей, снабжены зубцами. Расположение зубцов, их количество, форма и величина различны. Так, наконечник из погребения № 39 (рис. 48, 7) имеет один зубец, помещающийся на 6.5 см ниже паза (ударная часть орудия утрачена); наконечник из погребения № 45 (рис. 48, 1) также имеет один зубец средней величины, расположенный у начала паза вкладышей, но с противоположной стороны; наконечник из того же погребения (рис. 48, 2) снабжен тремя очень

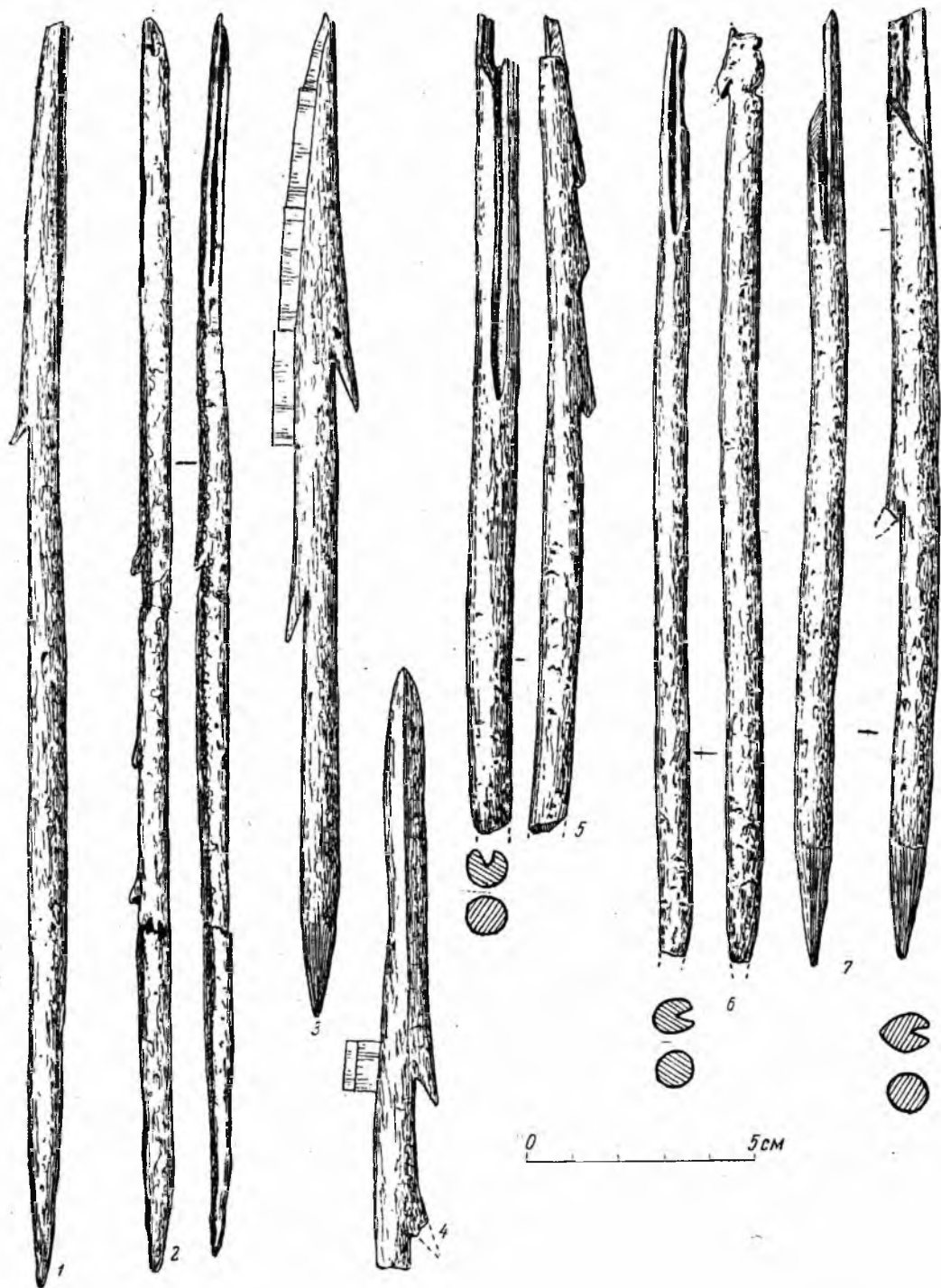

Рис. 48. Вкладышвые наконечники стрел с пипами из Оленеостровского могильника.
 1, 2 — погр. № 45; 3 — погр. № 73; 4 — погр. № 115; 5, 6 — погр. № 47; 7 — погр. № 39.

небольшими зубцами, лежащими с той же стороны, что и вкладыши. Наконечник из погребения № 115 (рис. 48, 4) имеет два зубца довольно крупного размера со стороны, противоположной вкладышам.

Глубина пазов ни в одном случае не превышает 6 мм.

Внешняя поверхность всех наконечников отделана очень тщательно, местами имеет следы сработанности. Тыльные части большинства наконечников хорошо заострены.

Наибольший интерес среди этой группы наконечников представляют два — из погребений №№ 73 и 115 (рис. 48, 3, 4), с сохранившимися в пазах вкладышами (на наконечнике из погребения № 115 частично, из погребения № 73 полностью). Перо наконечника из погребения № 115 в поперечном сечении близко к сильно вытянутому ромбу и заканчивается крупным зубцом. Второй зубец (с той же стороны) расположен ниже пера на широкой части черешка наконечника. Паз довольно глубокий. В начале паза, ближе к тыльной части, уцелел кремневый вкладыш в виде ножевидной пластинки длиной и шириной 1 см, без ретуши. Вкладыш, повидимому, был укреплен в пазу с помощью какого-то клейкого вещества.

Наконечник из погребения № 73 (рис. 48, 3) подобно другим имеет резко удлиненную форму, овальное поперечное сечение в верхней части и округлое в нижней. Зубцы расположены с двух противоположных сторон, по одному с каждой. На расстоянии 12,5 см от конца насада в теле наконечника прорезан паз глубиной 3 мм, в который вставлено четыре кремневых вкладыша — очень тонкие ножевидные пластинки без ретуши, срезанные под прямым углом и плотно примыкающие друг к другу. Последняя (четвертая) пластинка, расположенная на конце орудия, срезана под острым углом, сводя тем самым как бы на нет лезвие, образованное кремневыми вкладышами. Судя по сравнительно незначительной глубине паза, можно сделать вывод, что кремневые пластинки были укреплены в гнезде с помощью какого-то надежного клеящего вещества, которое не сохранилось.

Тыльная часть наконечника обработана исключительно тщательно тонкими срезами.

Наконечник из погребения № 39 (рис. 48, 7) с одним очень небольшим шипом дает возможность сделать некоторые наблюдения

над изготовлением паза. Последний в данном наконечнике значительно глубже остальных. Его ровные и гладкие стенки свидетельствуют о том, что вырез был произведен очень острым инструментом.

Помимо отчетливо выраженных типов наконечников, описанных выше, имеется несколько фрагментов, которые в силу своей недостаточной выразительности могут быть отнесены к этой группе лишь условно.

Необходимо отметить, что во всех погребениях, где обнаружены наконечники с пазами для вкладышей, встречаются и сами вкладыши, к сожалению, далеко не всегда находящиеся в неразрывной связи с костяным стержнем, чему в значительной мере мешает плохая сохранность предметов.¹

Вкладышевые наконечники близкой формы широко известны среди неолитических поселений лесной полосы Восточной Европы. Прямые вкладышевые наконечники широко представлены в Шигирском торфянике² (рис. 47, 18—21; 49) и в могильниках Прибайкалья, хотя и имеют там несколько иную форму.³

Наконечники стрел особой формы

К данной категории мной отнесены те наконечники, которые по своей форме несколько отличаются от всех рассмотренных ранее; имея ряд индивидуальных признаков, они не дают основания для сближения их друг с другом. Общее количество их свыше десяти. Так, например, пять наконечников стрел (два из погребения № 39, два из погребения № 81 и один из погребения № 45) изготовлены в отличие от всей остальной массы из тонких трубчатых костей, имеют желобок на внутренней части, в силу чего поперечное сечение их, на месте стержня, по форме дугообразно, тыльная часть отчетливо не выражена, перо отделено от стержня одним зубцом (рис. 50, 1—4, 6).

Особую форму имеют пять других наконечников (погр. №№ 19, 45, 73, 115, 147) с поперечным сечением в форме вытянутого полукруга (рис. 50, 5, 7—10).

¹ Многие из них были взяты в поле монолитами и разобраны позже недостаточно опытным реставратором.

² Гос. Эрмитаж, колл. №№ 5546-118, 5546-121, 5546-243, 5546-299.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 183, рис. 31.

Весьма оригинальную форму имеет наконечник из погребения № 25 (рис. 50, 12). К сожалению, обломанная тыльная часть

из трубчатой кости, имеет во всех своих частях поперечное сечение в виде сильно вытянутого овала. Насад значительно тоньше

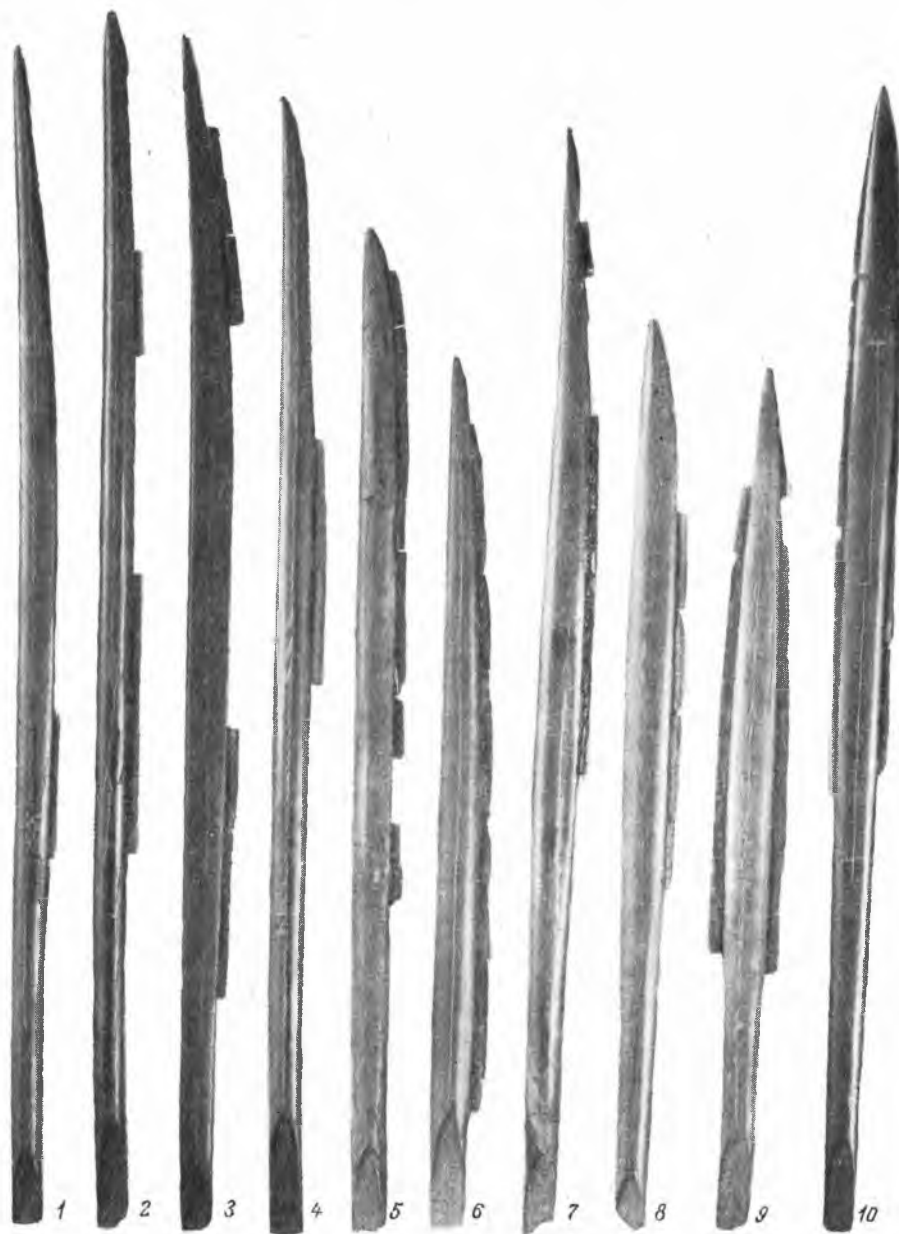

Рис. 49. Археологические параллели к вкладышевым наконечникам стрел (1—10). Уральские торфяники.

и кончик орудия лишают нас возможности полностью восстановить его форму. Однако по сохранившимся частям можно сделать вывод, что данный наконечник изготовлен

пера и отделен от него двойными зубцами. Последние получены следующим образом: черешок, так же как и у всех симметрических наконечников, образован снятием с обеих

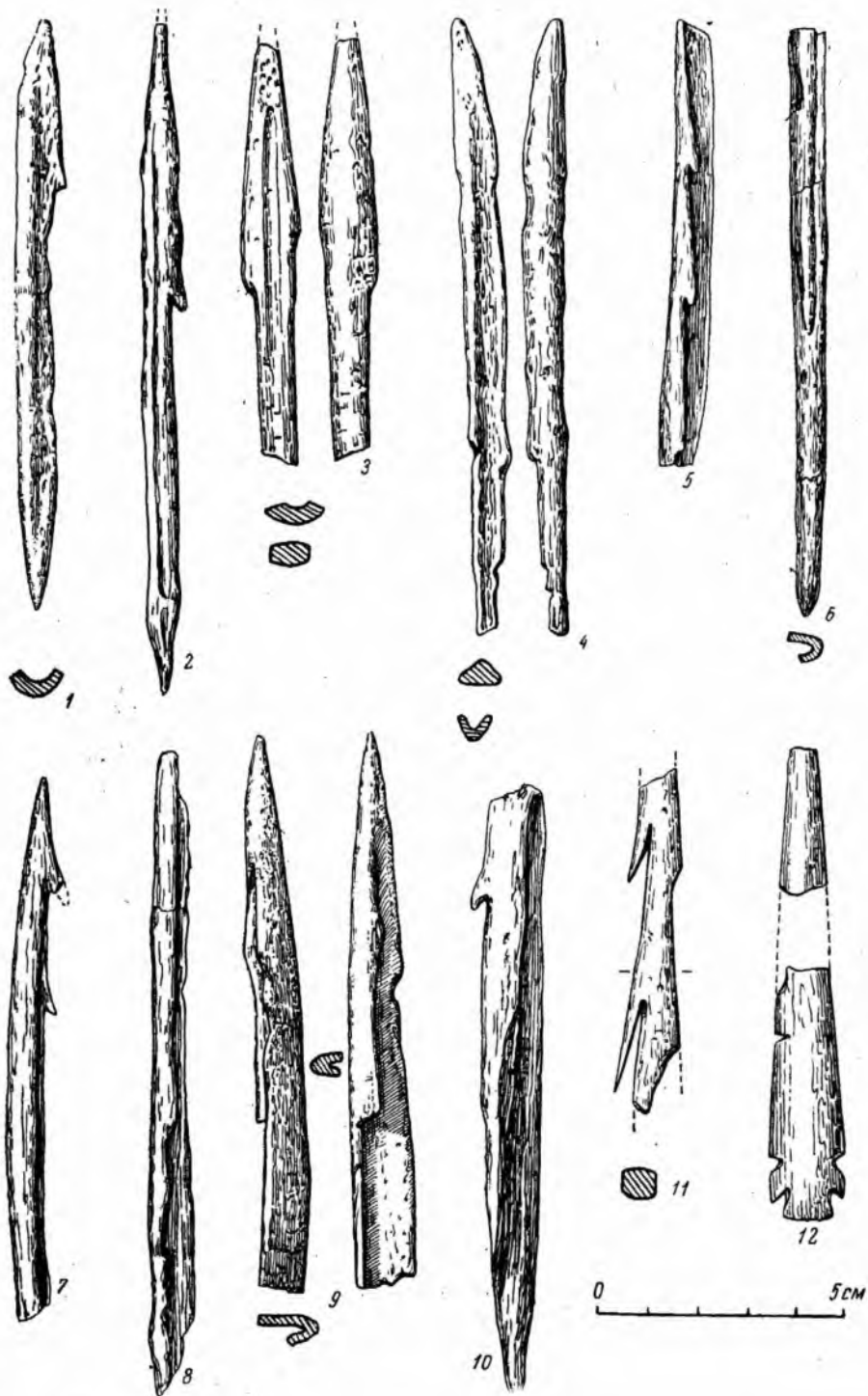

Рис. 50. Костяные наконечники стрел особой формы из Оленеостровского могильника.
 1, 9, 11 — погр. № 45; 2, 3 — погр. № 39; 4, 6 — погр. № 81; 5 — погр. № 19; 7 — погр. № 147; 8 — погр. № 115; 10 — погр. № 73; 12 — погр. № 25.

сторон значительной части кости и закончен формирующим косым срезом; отступя от конца этого зубца, на 5 мм ближе к ударному концу наконечника, по обе стороны края пера сделаны треугольные выемки с помощью надрезов, направленных под острым углом друг к другу, благодаря чему и получилось как бы по двойному зубцу с каждой стороны наконечника. Поверхность зашлифована с исключительной тщательностью.

К той же группе наконечников, оригинальных по форме, следует отнести и фрагмент наконечника из погребения № 45 (рис. 50, 11), изготовленного из трубчатой кости, подчетыреугольного в поперечном сечении. Отличительной особенностью его является характер зубцов, очень длинных и тонких, сделанных способом, несколько отличным от обычного способа изготовления зубцов на наконечниках. Можно предполагать, что на распаренной или совершенно свежей кости, доведенной до необходимой толщины и округлости путем обработки ее ножом или скребком, в несколько утолщенной части были сделаны очень острым ножом длинные надрезы, направленные почти параллельно телу наконечника. Отделенная таким способом полоска была несколько оттянута в сторону и при засыхании кости образовала зубец, почти параллельный перу наконечника. Внешняя поверхность предмета обработана очень тщательной зашлифовкой.

Среди находок имеется много обломков костяных орудий, часть из которых представляет собой, возможно, фрагменты наконечников стрел (рис. 51, 1—25).

КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Среди орудий охоты значительный интерес представляют кремневые наконечники стрел, встреченные в большом количестве и отличающиеся строго установленной формой.

Наиболее существенными чертами всех оленеостровских наконечников стрел являются характер используемого материала, техника изготовления и форма. Все эти три черты, взятые в совокупности, резко выделяют их из наконечников стрел, найденных на стоянках Карелии и прилегающих к ней областей.

Все наконечники, обнаруженные в могильнике в количестве 100 экземпляров,

изготовлены из кремня превосходного качества, серого со светлыми пятнами или, значительно реже, темножелтого цвета. Темножелтый кремнь такого высокого качества исключительно редко встречается на карельских стоянках, а серый пятнистый не встречается вовсе, точно так же, как среди кремневого материала Оленеостровского могильника нет кремня, широко распространенного на стоянках.

Оленеостровские наконечники сделаны из ножевидных пластин, аккуратно отжатых от призматических нуклеусов, в силу чего отчетливо сохраняются отличия между спинкой и брюшком. Возможность изготовления таких ровных и тонких пластин была обусловлена двумя обстоятельствами: высоким качеством кремня и совершенными приемами обработки этой породы камня, свидетельствующими о прекрасном знакомстве древнего оленеостровца с его свойствами. Последняя черта отчетливо проявляется и при дальнейшей формовке наконечника с помощью очень тщательной отжимной ретуши, различной по своему характеру в каждой отдельной части орудия. На острие и краях его ретушь, как правило, очень плоская, в тыльной части — более крутая. Плоская ретушь делает конец у края наконечника очень тонким и острым; крутая же ретушь придает тыльной части определенную толщину. Впрочем, весьма часты случаи, когда тыльная часть вовсе не подвергалась обработке.

Размер наконечников варьирует незначительно — от 5 до 7 см. Такое единообразие величины в значительной степени соответствует и единству формы. Лишь условно все наконечники можно разбить на три категории: с усеченным основанием, обоюдоострые, с черешком. В пределах каждой из указанных групп прослеживаются незначительные вариации. При этом следует заметить, что едва ли форма наконечников определяла их назначение при охоте на тот или иной вид животного, как это было с костяными наконечниками стрел. Наибольшее значение в этом отношении, вероятно, играла лишь величина.

Наконечники с усеченным основанием. Данная категория наконечников (рис. 52, 1—17; 53, 1—19) подобно всем другим представляет собой удлиненные ножевидные

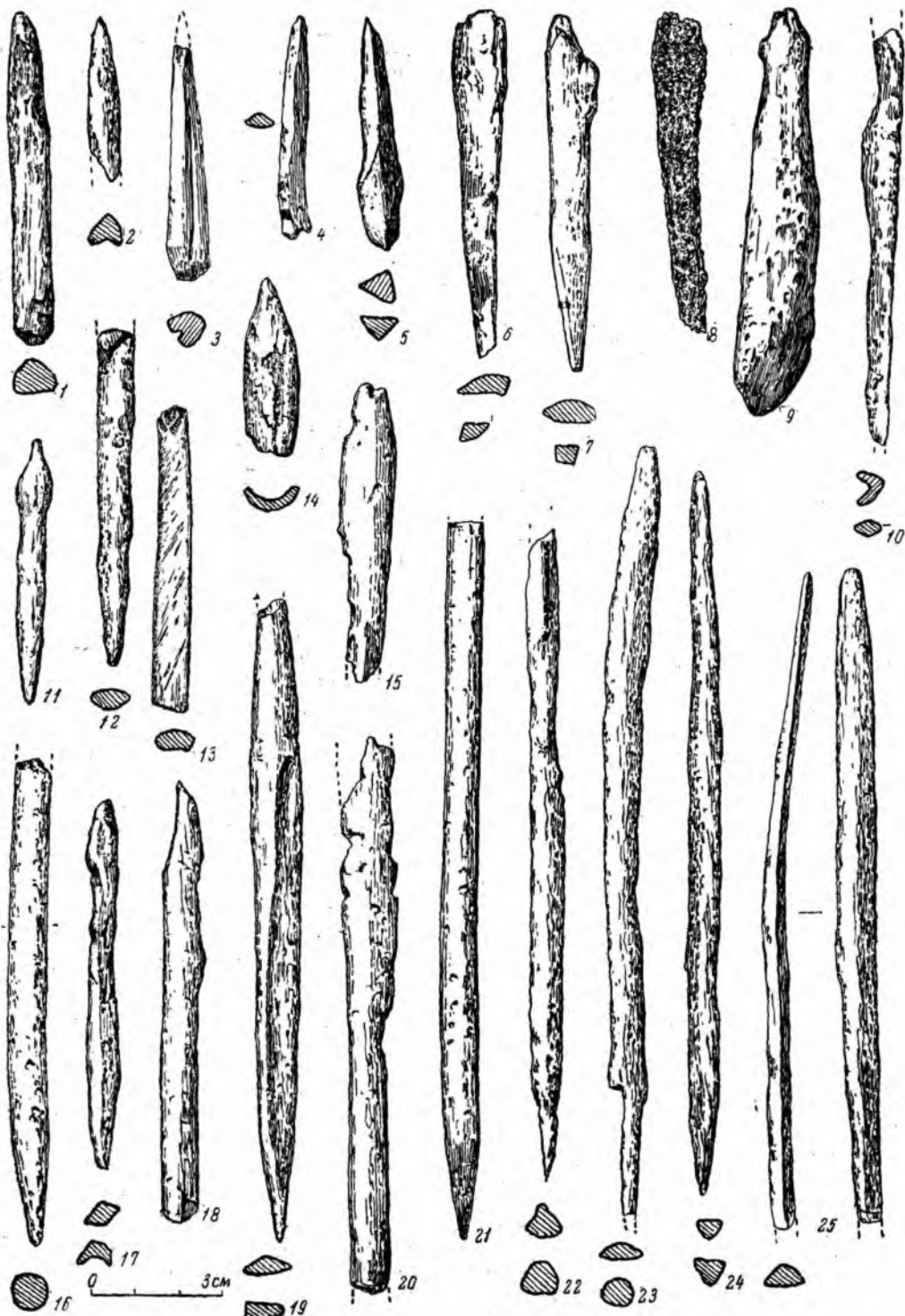

Рис. 51. Костяные поделки и обломки костяных наконечников из Оленеостровского могильника.

1 — погр. № 107; 2, 4, 10, 22—25 — погр. № 81; 3 — погр. № 114; 5 — погр. № 74; 6, 17 — погр. № 121; 7 — погр. № 142; 8 — погр. № 125; 9 — погр. № 61; 11 — погр. № 4; 12 — погр. № 5; 13 — погр. № 85; 14 — погр. № 82; 15, 16, 18—21 — погр. № 45.

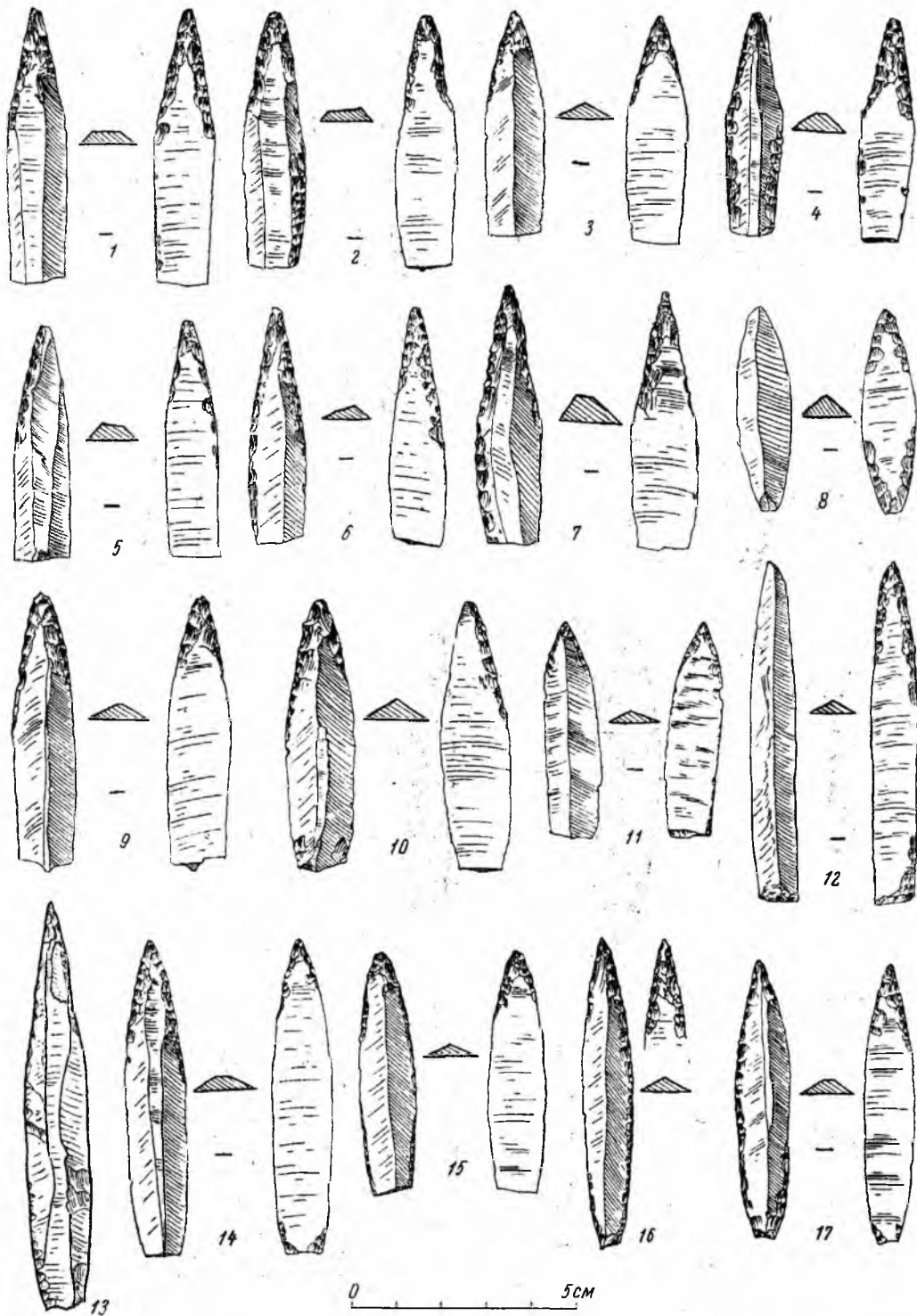

Рис. 52. Кремневые наконечники стрел с усеченным основанием из Оленеостровского могильника

1—10 — погр. № 45; 11, 12 — погр. № 47; 13—17 — погр. № 113.

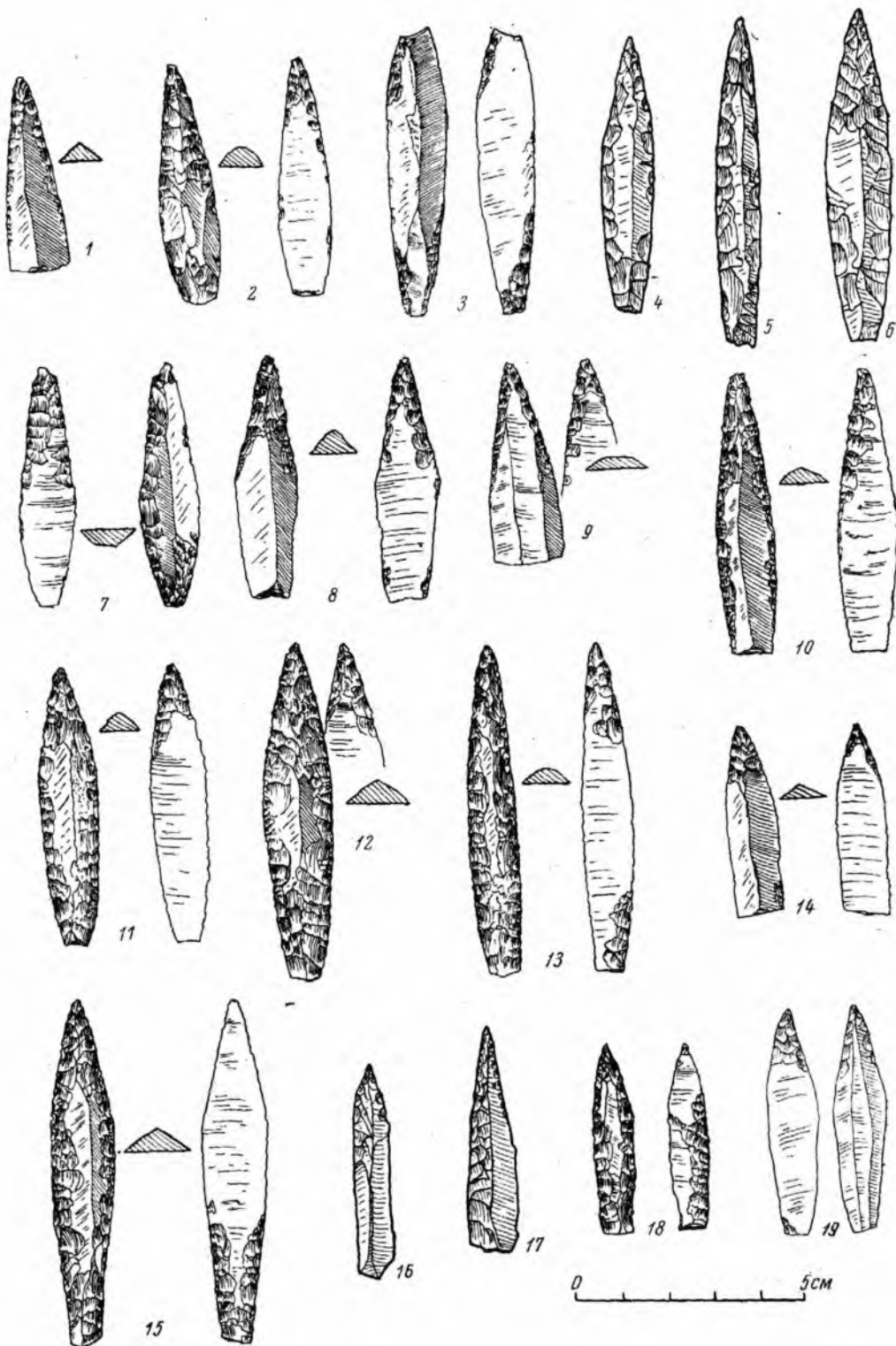

Рис. 53. Наконечники стрел с усеченным основанием из кремня и роговика из Олене-островского могильника.

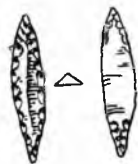
1-2 — погр. № 108; 3 — погр. № 118а; 4-6 — погр. № 76а; 7-14 — погр. № 85; 15 — погр. № 97; 16, 17 — погр. № 133; 18 — погр. № 120; 19 — номер погр. не известен.

пластинки, отжатые от нуклеуса; тыльные части их, лишенные обработки, сохраняют ударные площадки и раковистость излома.

Приемы изготовления наконечников стрел строго закономерны: на обоих концах имеется двухсторонняя обработка; по краям плоская ретушь покрывает орудие лишь частично и всегда только со спинки, с брюшка краевая ретушь не встречается; как редкое исключение, здесь можно обнаружить только две-три отжатые чешуйки. На спинке имеется две или три грани, отжатые на нуклеусе еще до снятия пластинки для наконечника. В том случае, когда спинка наконечника состоит из двух граней, они сравнительно широкие (от 0.6 до 1 см). Если же на спинке имеется три грани, то всегда две из них — боковые — широкие, а одна — средняя — очень узкая (иногда до 1 мм). Повидимому, последняя снята умышленно с целью удалить ребро и сделать наконечник более плоским.¹

Несколько выделяются из этой категории наконечники, найденные преимущественно в погребении № 85 (рис. 53, 7, 8, 10—13) и в погребениях №№ 97 и 120 (рис. 53, 15, 18). Отличительными особенностями их являются меньшая уплощенность, несколько более вытянутая форма, слегка суженная тыльная часть (как бы с едва намечающимся черешком), обработанная со стороны брюшка тщательной ретушью, и, наконец, большая степень обработки спинки. Последняя покрыта крутой ретушью почти полностью, за исключением небольшого участка в самой середине. Брюшко всегда имеет обработку на конце, а в ряде случаев она прослеживается и на тыльной части.

Наконечники с обоюдоострыми концами. Количество наконечников этой категории (рис. 54, 1—14; 55, 1—13) весьма значительно (погр. №№ 32, 45, 47, 64, 73, 100), причем абсолютное большинство их обнаружено в погребении № 100. По форме они слегка варьируют — от сильно вытянутого овала до почти правильного ромба.²

¹ Пластика снималась тогда, когда наконечник не был еще отжат от нуклеуса.

² Наиболее правильной ромбическую форму имеют наконечники из погребения № 45 (рис. 55, 2), резко выраженную удлиненную форму — из выкида ямы (рис. 55, 8). Все остальные наконечники занимают промежуточное положение между ними.

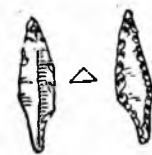
У некоторых экземпляров вытянутая тыльная часть образует как бы намечающийся черешок. Несмотря на эти различия, все они удивительно схожи между собой. Невольно возникает предположение, что они изготовлены одним и тем же мастером.

Техника и степень обработки их близки к вышеописанному. В абсолютном большинстве случаев ретушь располагается на рабочем конце и на тыльной части наконечника, захватывая значительные участки его длинных граней, а иногда со спинки покрывая их полностью.

Несколько особое место занимают два наконечника из погребений №№ 64 и 73 (рис. 55, 5, 7). Они изготовлены из тонких, ножевидных пластинок овальной формы, длинные грани которых со спинки по краю покрыты мелкой ретушью. С брюшка обработка прослеживается лишь на конце и в тыльной части.

Особого внимания среди наконечников стрел с обоюдоострыми концами заслуживает один экземпляр из погребения № 47 (рис. 55, 11), отличающийся значительной величиной (10.5 см). Он изготовлен из очень тонкой и длинной ножевидной пластинки, обработанной с брюшка с обоих концов, со спинки — только в тыльной части.

По величине данный наконечник ближе стоит к кремневым ножам, однако отнесению его к этой группе орудий мешает форма тыльной части, сформованная в виде черешка.

Наконечники с черешком. К данной категории следует отнести кремневые наконечники (рис. 56, 1—5, 10, 11, 13, 15), черешок которых выражен в различной степени — от едва намеченного до вполне оформленного. В тех случаях,

когда черешок выражен очень слабо, наконечники чрезвычайно близко примыкают к предыдущей подгруппе, являясь как бы промежуточным звеном между нею и рассматриваемой подгруппой. К такому типу наконечников следует отнести несколько экземпляров из погребения № 47 (рис. 56, 1, 2), тыльные части которых или слегка заострены, или как бы срезаны под прямым углом.

Наиболее выраженными типами данной подгруппы являются наконечники из погребений № 47 (рис. 56, 11, 13, 15) и в осо-

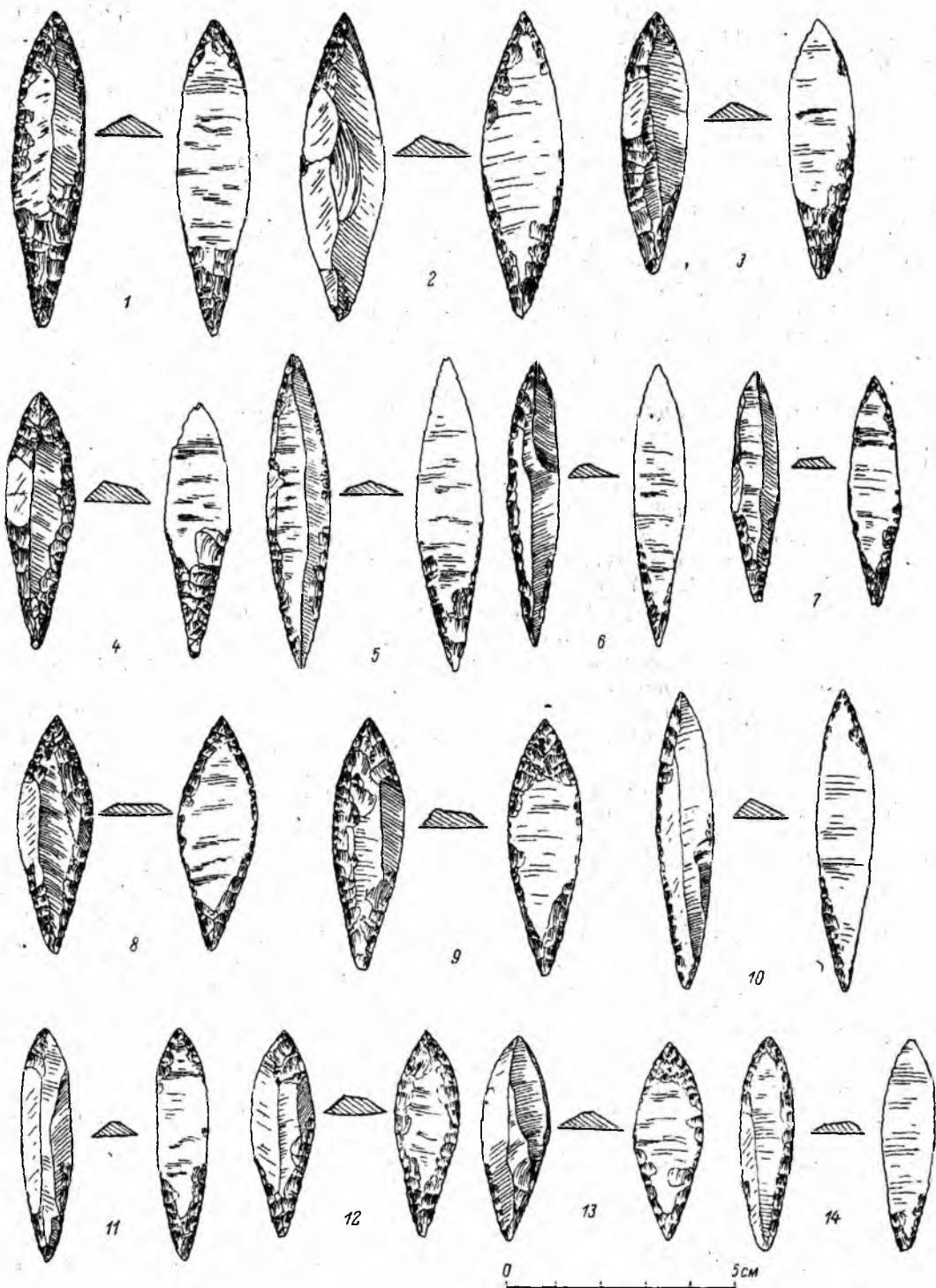

Рис. 54. Кремневые наконечники стрел с обоюдоострыми концами из погребения № 100 (1—14) из Оленеостровского могильника.

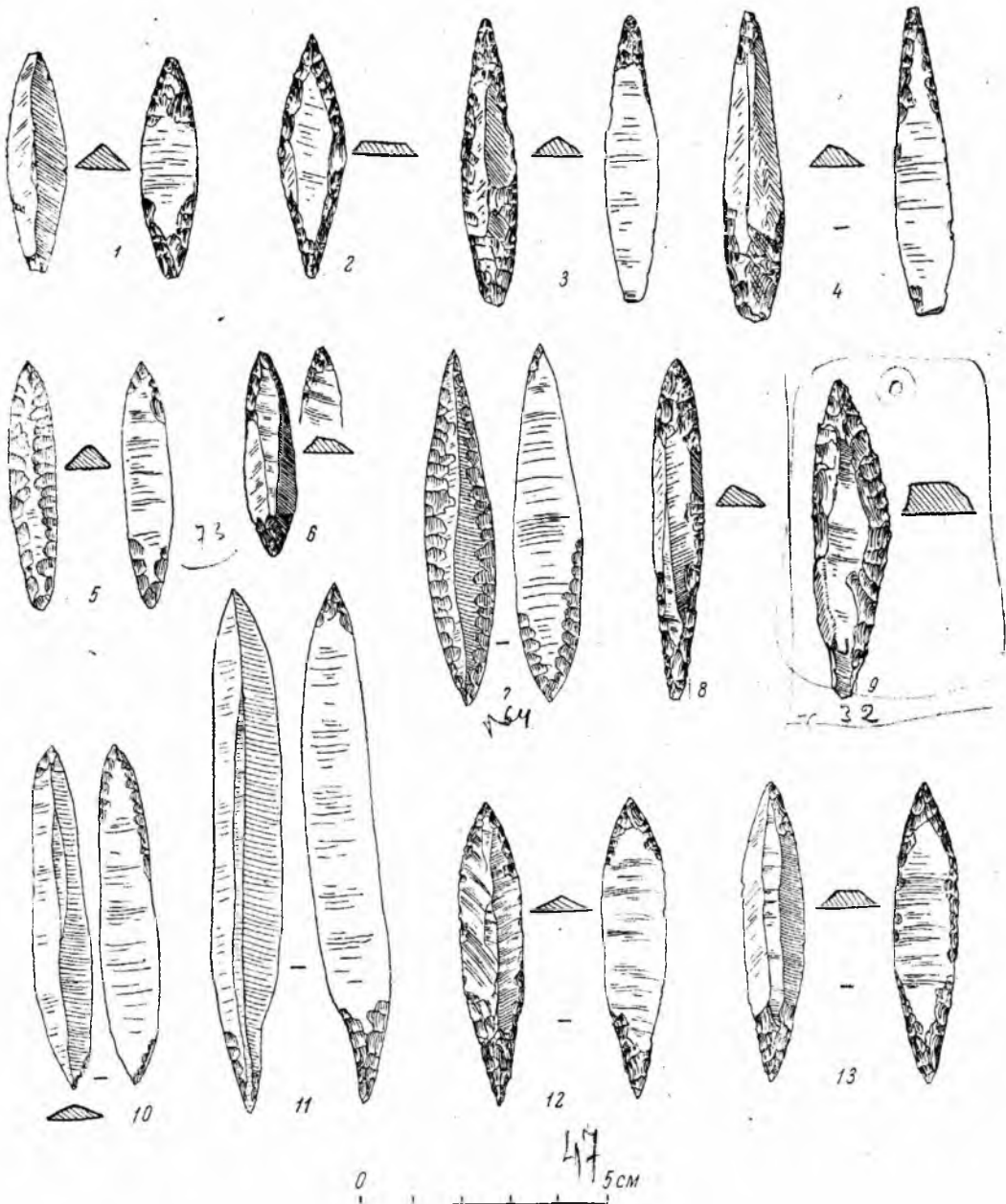

Рис. 55. Кремневые наконечники стрел с обоюдоострыми концами из Оленеостровского могильника.

1—4 — погр. № 45; 5—6 — погр. № 73; 7 — погр. № 64; 8 — из выкода ямы № 1; 9 — погр. № 32; 10 — номер погр. не известен; 11—13 — погр. № 47.

бенности из погребения № 118а (рис. 56, 10).¹

¹ У наконечника из погребения № 45 кончик отсутствует, однако, судя по оставшейся части, он имел такую же форму, что и наконечник из погребения № 47.

Рассматривая наконечники стрел, имеющие черешок, нетрудно сделать вывод, что даже наиболее отчетливо выраженные из них не обладают совершенно правильной формой и несколько асимметричны. Учитывая последнее обстоятельство, а также их крайне

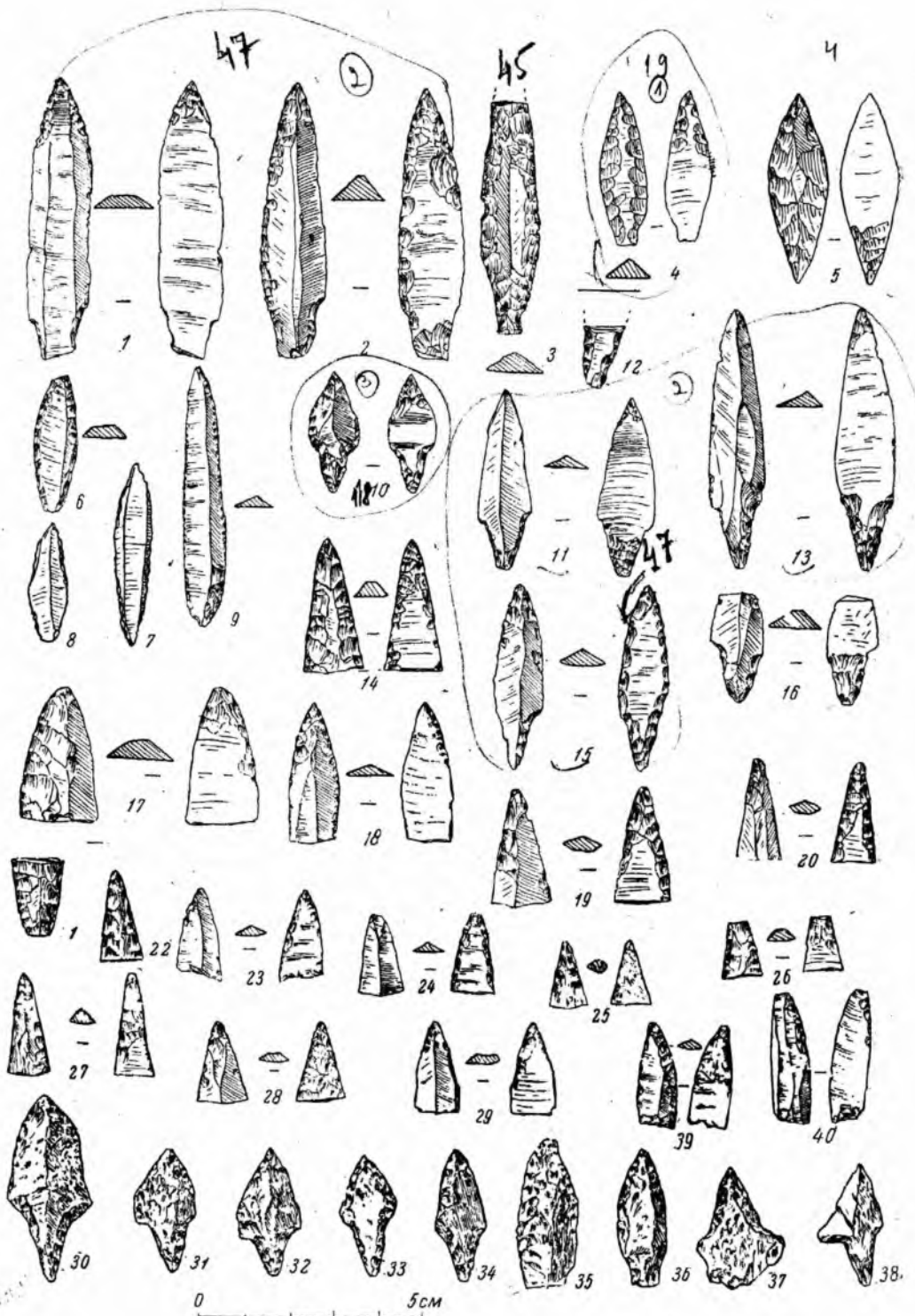

Рис. 56. Наконечники стрел из Оленеостровского могильника.

1—5 — кремневые наконечники стрел с намечающимся черешком (1, 2 — погр. № 47; 3 — погр. № 45; 4 — погр. № 19; 5 — погр. № 4); 6—9 — кремневые наконечники на узких ножевидных пластинах (6 — погр. № 73; 7—8 — погр. № 39; 9 — погр. № 19); 10, 11, 13, 15 — кремневые наконечники стрел с черешком (10 — погр. № 118а; 11, 13, 15 — погр. № 47); 12, 14, 16—29, 39, 40 — обломки кремневых наконечников стрел (12 — погр. № 85; 14 — погр. № 103; 16, 25—29 — погр. № 45; 17 — погр. № 19; 18—20 — погр. № 45; 21 — погр. № 59; 22 — погр. № 145; 23, 24, 39, 40 — погр. № 47); 30—38 — кварцевые наконечники стрел (30—37 — погр. № 118а; 38 — погр. № 118).

ограниченное количество, можно прийти к мысли, что форма наконечников стрел с черешком у древних оленеостровцев не являлась достаточно выработанной и устойчивой, а это имеет существенное значение для датировки могильника.

Чтобы закончить описание каменных наконечников стрел, следует указать на наличие в погребении № 118а наконечника из роговика (рис. 53, 3). По своей форме он примыкает к первой группе наконечников с усеченным основанием и изготовлен из ножевидной пластинки, треугольной в поперечном сечении. Обработка с помощью мелкой ретуши прослеживается на тыльной части и рабочем конце как со стороны спинки, так и с брюшка.¹ Существенно отметить, что технические приемы его обработки совершенно точно совпадают с приемами изготовления наконечников стрел из кремня, что является весьма любопытным фактом. Как известно, наконечники из роговика довольно часто встречаются на неолитических стоянках Карелии, однако там они имеют листовидную форму с двусторонней обработкой и никогда не изготавливались из ножевидных пластинок.

Помимо цельных наконечников стрел, найдено также некоторое количество обломков (рис. 56, 12, 14), причем наибольшее число их обнаружено в погребении № 45, и 3 наконечника в погребении № 47 (рис. 56, 23, 39, 40). Тыльные части этих наконечников со стороны брюшка имеют мелкую ретушь. В этом случае не остается сомнений в специальном их назначении. Поскольку в погребении № 45 встречается значительное количество костяных наконечников стрел, снабженных выемкой на конце, возникает предположение, не могли ли использоваться рассматриваемые нами кремневые острия в качестве составных частей костяных наконечников.

Вопрос об отыскании аналогий среди археологического материала для кремневых наконечников стрел из Оленеостровского могильника представляет значительный интерес, поскольку это связано с вопросом датировки памятника в целом.

Рассматривая неолитические стоянки не только узко ограниченной территории Карелии, но и значительно шире — лесной и лесостепной полосы Европы, можно прийти

к выводу, что кремневые наконечники стрел подобной формы и характера обработки изредка встречаются на стоянках, относящихся к раннему неолиту, примером чего может служить Кунда,¹ Ягорба,² Бухта Будун, Падь Частые и Падь Хиньская,³ Левшино⁴ и, повидимому, Лубанское озеро⁵ (рис. 57, 1—17). Единичные экземпляры таких наконечников были найдены и на отдельных неолитических стоянках, как, например, Бесовы Следки,⁶ Рыбрека,⁷ Веретье (нижний слой),⁸ Кубенино,⁹ Балахла,¹⁰ Гавриловская,¹¹ Петровская¹² и в Большеземельской тундре,¹³ наконец, в виде редкого исключения — на стоянках позднеолитических, подобных Холломонихе¹⁴ и др. (рис. 58, 1—3, 8—18).

Однако основная масса наконечников такого типа, хотя и отличающаяся в деталях, встречена на мезолитических стоянках южной и средней полосы европейской части СССР. Прежде всего здесь следует отметить Скнятино,¹⁵ Елин Бор,¹⁶ Бор-

¹ Институт истории АН Эстонск. ССР, колл. № 3353-138.

² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 41, рис. 12, 3.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 158, рис. 15—17.

⁴ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, табл. V, 1—4 (О. Н. Бадер считает этот комплекс более ранним, нежели весь остальной материал Левшинской стоянки. См.: О. Н. Бадер. Стоянка Нижнеадигерская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 7—32).

⁵ Рижский исторический музей, колл. 9113-4.

⁶ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 283.

⁷ Там же, стр. 236.

⁸ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, табл. XI—XII.

⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 109, рис. 61, 1, 2.

¹⁰ Гос. Исторический музей, колл. В. А. Каменского.

¹¹ Раскопки И. К. Цветковой 1950 г., материал хранится в ГИМ.

¹² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племени европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 51.

¹³ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 140, рис. 76.

¹⁴ Гос. Эрмитаж, колл. № 70.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 21, рис. 6.

¹⁶ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937, стр. 77—99.

¹ Самый конец орудия обломан.

ки,¹ Соболево,² мезолитические стоянки Литвы,³ Польши,⁴ Казахстана⁵ и Туркмении⁶ (рис. 59, 1—23; 60, 1—31).

Наконец, подобные наконечники встречаются в стоянках, время существования которых пока точно определить не удастся, как, например, на стоянке Умиление в районе Галичского озера⁷ (рис. 58, 16—18).

КВАРЦЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Значительный интерес при изучении инвентаря Оленеостровского могильника представляет вопрос соотношения кварцевых и кремневых наконечников стрел. Последние, как мы видели, не только многочисленны, но и имеют весьма отчетливо выработанную форму. Количество же кварцевых наконечников более чем ограничено, их всего 9 экземпляров (рис. 56, 30—38). Помимо количественного различия между указанными двумя группами наконечников стрел — кремневыми и кварцевыми, — прослеживается и существенная разница в их типах.

В противоположность кремневым, кварцевые наконечники не свидетельствуют о строго выработанных технических приемах их изготовления. Все они сделаны из плоских отщепов белого мелкозернистого кварца. Очень сильная уплощенность отщепов и отчетливо выраженное на ряде из них различие между брюшком и спинкой, а также некоторая гранчатость последней (свидетельствующая о том, что перед этим с нуклеуса были сняты такие же узкие и тонкие пластинки) наводит на мысль, что и при изготовлении кварцевых наконечников был исполь-

зован прием отжима пластинок. По всей вероятности, именно свойством кварца, не позволяющего отжимать от него тонкие отщепы значительной длины, и обусловлена очень

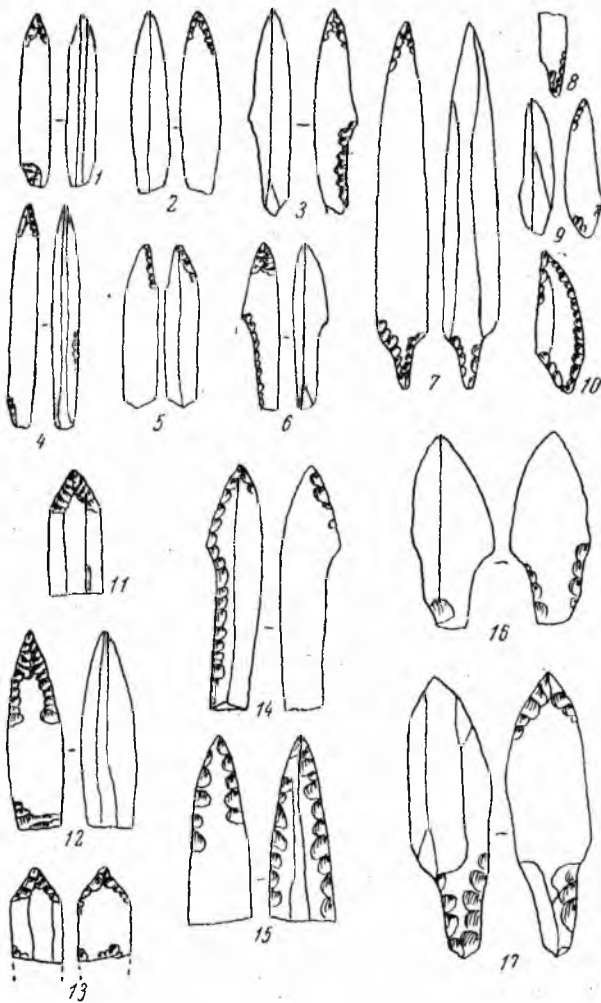

Рис. 57. Археологические параллели к кремневым наконечникам стрел.

1—3 — падь Хиньская; 4—6 — падь Частые; 7 — Ягорба; 8—10 — Нижнее Веретье; 11—13 — бухта Будун; 14, 15 — пещера Джебел; 16, 17 — стоянка Холм на р. Нерусе.

небольшая величина наконечников (от 2.5 до 4 см).

Мелкая и тщательная ретушь, формирующая орудие, располагается часто только со спинки, реже — со спинки и с брюшка. В последнем случае она прослеживается лишь на рабочем конце орудия, тогда как противоположный, тыльный конец остается вовсе без обработки.

¹ М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2, 1941, стр. 149—157. — В. И. Зубков. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке. КСИИМК, XXXII, 1950, рис. 47, 49.

² М. В. Воеводский. Мезолитическая культура Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950, рис. 33.

³ Р. Яблонските. Мезолит Литвы. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 40—52, рис. 9—11.

⁴ L. Sawicki. Przemyst Swiderski i stanowiska wydmyowe Swidry Wielkie. Przegląd Archeologiczny, t. V, z. 1, Poznan, 1935.

⁵ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, XXXI, 1950, рис. 49, 51.

⁶ Раскопки А. П. Окладникова в 1949 г., пещера Джебел; материалы хранятся в ЛОИИМК.

⁷ М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, XVII, 1947, рис. 27.

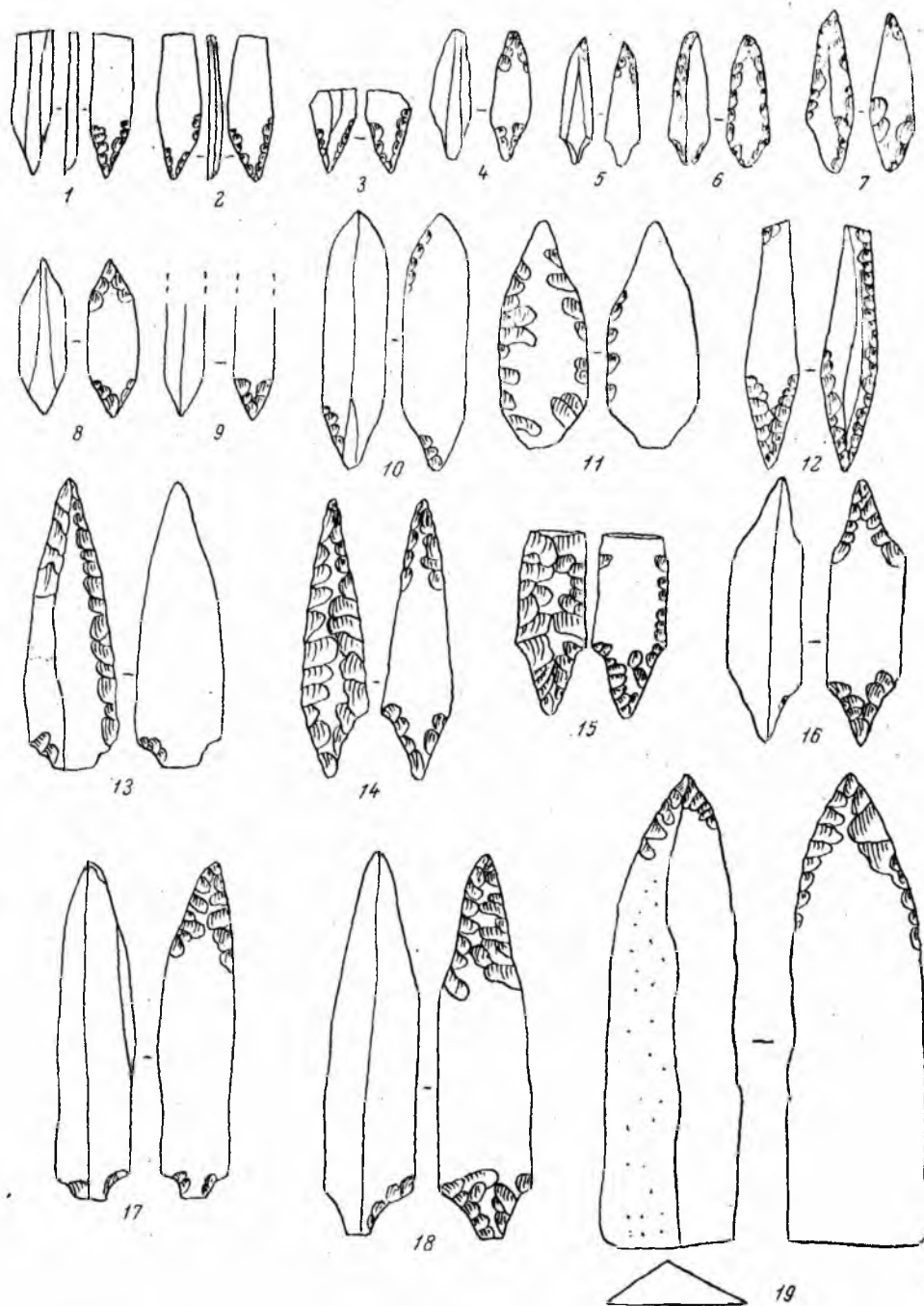

Рис. 58. Археологические параллели к кремневым наконечникам стрел.

1 — Плеханов Бор; 2 — Шелаево II; 3 — Соболево; 4—7 — Левшино; 8—10 — Петровское; 11, 12 — Гавриловская; 13, 14 — Валахна; 15 — Малое Акулово; 16—18 — Умилище; 19 — кремневый нож со стоянки Умилище.

Таким образом, технические приемы, применяемые при изготовлении кварцевых наконечников, очень близки к приемам изготовления наконечников кремневых: использование очень тонких отщепов, напоминающих ножевидные пластинки, и нанесение

ретуши с двух сторон лишь на ударном конце.

Перо наконечника имеет подтреугольную форму с более или менее отчетливо

щегося на одной из его сторон сильно выступающего зубца. Тыльная часть наконечника сужена.

Рассматривая кварцевые наконечники

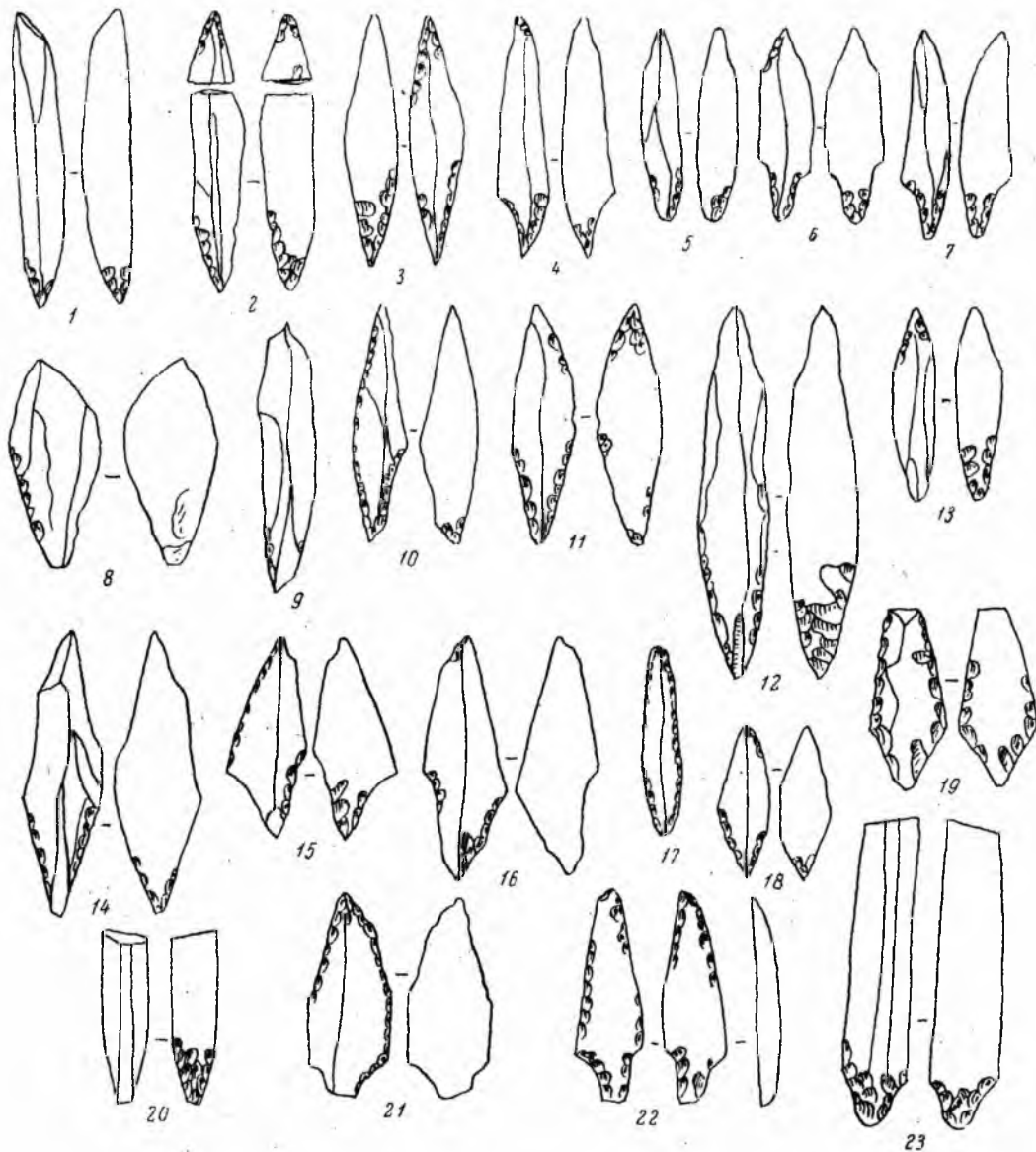

Рис. 59. Археологические параллели к кремневым наконечникам стрел.
1—7 — мезолит Литвы; 8—13 — Свидры Велье; 14—19 — Рудня на р. Уле; 20 — Лубанское озеро; 21 — оз. Дуба; 22 — Кунда; 23 — Паткуле (Латвия).

выраженным черешком; менее ясно черешок выступает на двух наконечниках (рис. 56, 35, 37). Наиболее своеобразен по форме наконечник из погребения № 118 (рис. 56, 38), резко асимметричный вследствие имею-

в целом, мы не можем не отметить ряда интересных деталей. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что кварцевые наконечники были обнаружены всего лишь в двух погребениях — №№ 118

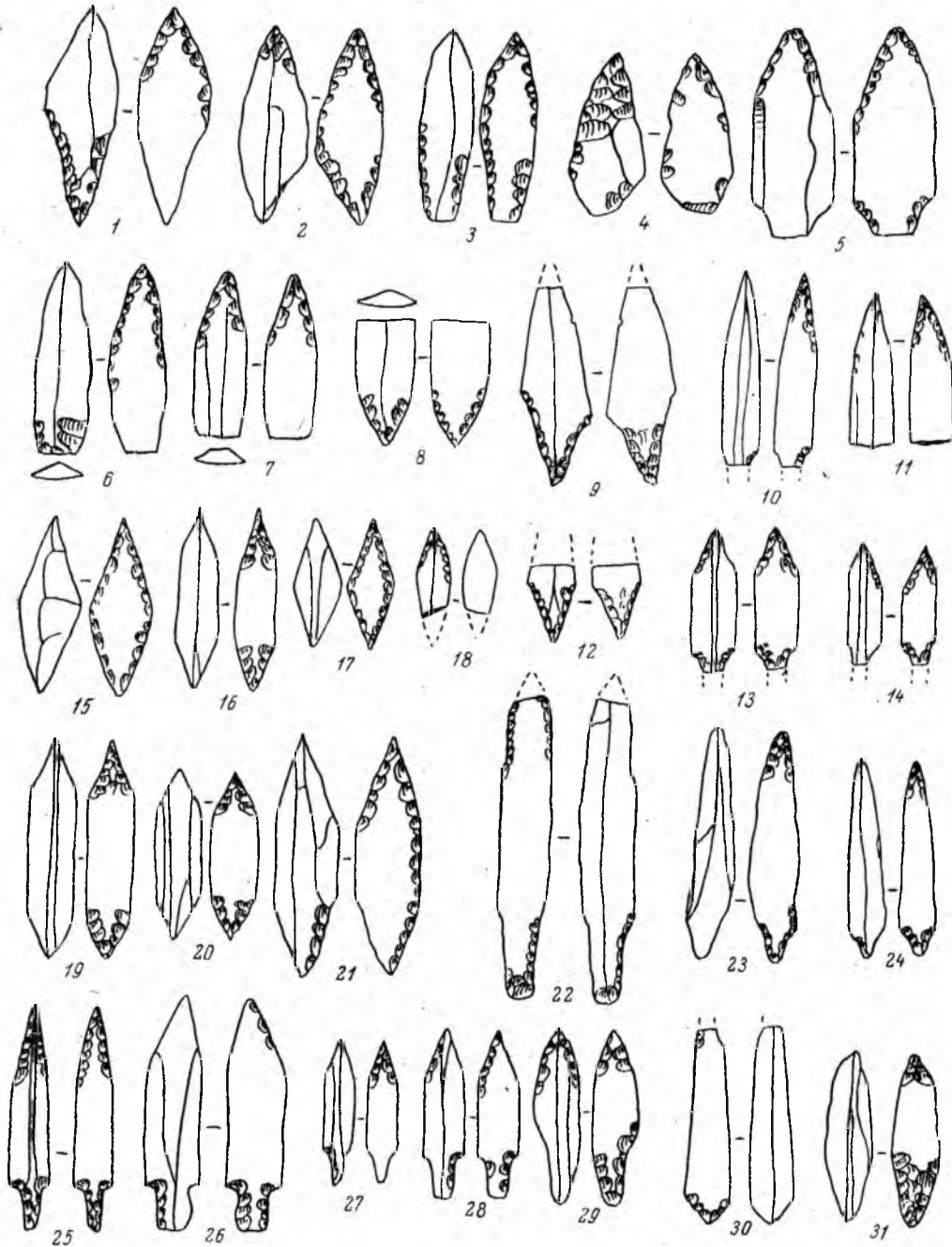

Рис. 60. Археологические параллели к кремневым наконечникам стрел.
1—8 — Елиа Бор; 9—14 — Снятино; 15—31 — Борля.

и 118а, причем распределялись между ними неравномерно: в погребении № 118а имелось 8 наконечников, в погребении № 118 — 1 наконечник. Существенно отметить при этом

стратиграфические данные. Как следует из описания погребений по комплексам, погребения №№ 118а и 118 находились в одной могильной яме, приблизительно

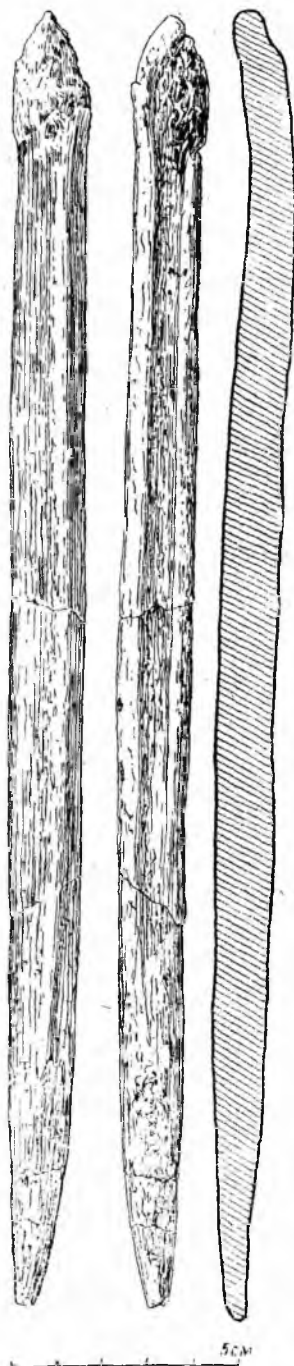

Рис. 61. Костяной кинжал из Оленеостровского могильника (погр. № 114).

в одном горизонте, вследствие чего абсолютно точное распределение инвентаря между погребениями не представляется возможным. Исходя из этого, вполне допустимо предположение, что единственный кварцевый наконечник, найденный в погребении № 118, относится к погребению № 118а. Это тем более вероятно, что он находился выше скелета, на самой границе ямы (повидимому, наконечник был выброшен из ямы при последующем захоронении — № 118).

Находки кварцевых наконечников, аналогичных нашим, весьма малочисленны, они известны лишь в Финляндии и в Карелии, примером чего может служить стоянка Войнаволок № 9.¹

КОСТЯНЫЕ КИНЖАЛЫ

Среди охотничьего инвентаря определенное место занимают костяные кинжалы и кинжаловидные орудия. Число их невелико, однако по своему характеру они представляют определенный интерес.

Отчетливо выраженных кинжалов насчитывается три, при-

чем различных по типу (рис. 61, 62, 1, 2). Наибольший интерес несомненно представляет кинжал из погребения № 100 (рис. 62, 1; 122, 1), изготовленный из очень крупной, широкой трубчатой кости. Тыльная часть его расширенная, округлая, рабочий конец заострен (длина кинжала 33 см, ширина в тыльной части и в середине 4.5 см,¹ толщина в средней части 8 мм, по краям до 15 мм). Средняя часть кинжала с обеих сторон, за исключением тыльной части и самого конца, вогнутая, края выпуклые.

На обеих узких сторонах орудия сделаны надрезы, в которые вставлены кремневые вкладыши, глубоко входящие в пазы, вследствие чего они и сохранились до нашего времени. Количество вкладышей на одной стороне — 7, на другой — 6 (одна пластинка на второй стороне утрачена, о чем свидетельствует наличие здесь паза). Вкладыши захватывают большую часть всей длины орудия (17 см), оставляя свободными конец кинжала (на 9 см) и пространство ближе к тыльной части (на 7 см). Они представляют собой тонкие кремневые пластинки различной длины (от 1 до 5 см). За исключением двух тщательно обработанных и одного обработанного частично, вкладыши не ретушированы. Крайние из них (на конце кинжала и тыльной части) узки и потому почти не выступают из гнезд, как бы создавая единую линию с телом орудия. Лезвие пластинок исключительно тонкое и острое. По обоим краям кинжала они направлены спинками в одну сторону. Вследствие равной ширины и глубины паза пластинки плотно подходят друг к другу, в силу чего лезвие кинжала получается очень острым и ровным.

Поверхность кинжала как с одной, так и с другой стороны покрыта очень тонким нарезным орнаментом, образующим зигзагообразный узор, располагающийся на орудии в поперечном направлении.

Орнаментированная площадь на обеих сторонах кинжала неодинакова. Лицевая часть (по которой пластинки-вкладыши расположены брюшком) орнаментирована гуще. Только самый конец кинжала на пространстве 10 см лишен узора. Выше его, ближе к тыльной части, на ширину 8 см идет полоса орнамента, слагающаяся из шести расположенных поперек орудия зигзагообраз-

¹ Н. Н. Гурьина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 105, рис. 18.

¹ Ширина дана вместе с вкладышами.

ных линий, образованных, как было уже указано, короткими, до 1 см, нарезками. Далее, на расстоянии 18 см от конца кинжала, орнамент переходит только на края орудия, в то время как середина его, несколько вогнутая, остается гладкой, свободной от орнамента. Украшения на краях кинжала, состоящие из тех же нарезок (в количестве трех), несколько крупнее и глубже. Не доходя 5.5 см до конца тыльной части, орнамент заканчивается.

Противоположная сторона кинжала орнаментирована только по краям, начиная с 7 см от конца. Как далеко тянется затем орнамент, сказать трудно, так как внешняя поверхность кинжала в этой части сильно повреждена.

Тыльная часть кинжала снабжена овальным, вытянутым вверх отверстием, служившим, повидимому, для подвешивания орудия к поясу.

Орнаментация на кинжале заставляет поставить вопрос: употреблялся ли он в производственных целях или служил для каких-то иных, возможно, ритуальных действий, не был ли он сделан специально для сопровождения человека в загробной мир.

Исходя из ряда наблюдений — очень сильной залощенности поверхности нижней части кинжала, значительного количества мелких выщербинок на его краях (в особенности ближе к концу), несколько меньшей углубленности орнамента в нижней части по сравнению с тыльной — можно придти к выводу о том, что данное орудие не было специально изготовлено только для захоронения с покойником, а употреблялось несомненно довольно часто и при жизни его владельца.

Использовался ли кинжал в обычной охоте на крупных животных, или он применялся только в каких-то исключительных случаях, сказать трудно. В пользу последнего, казалось бы, свидетельствует его оригинальность. Возможно, что он имел какое-то особое назначение. Однако мы должны будем при этом констатировать, что эти особые случаи употребления кинжала повторялись весьма часто, в результате чего на нем остались заметные следы.

В защиту предположения об обычном его применении на охоте может свидетельствовать использование кинжалов, близких по форме (но не снабженных вкладышами) и богато орнаментированных, в неоднократ-

но уже упоминавшемся нами Оленеостровском могильнике на Баренцовом море.¹

Костяные кинжалы, сравнительно близкие по типу к только что рассмотренному

Рис. 62. Костяные кинжалы из Оленеостровского могильника.

1 — погр. № 100; 2 — погр. № 61.

нами, известны также в эпоху неолита на территории Сибири (серовский этап),² в Шигир-

¹ А. В. Шмидт, ук. соч. — Н. Н. Гурин а. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, № 39, 1953, рис. 30—32.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, рис. 62.

ском торфянике¹ и стоянке Кунда² (рис. 63 и 64). Кинжалы вышеперечисленных памятников, в общем сходные по форме, имеют

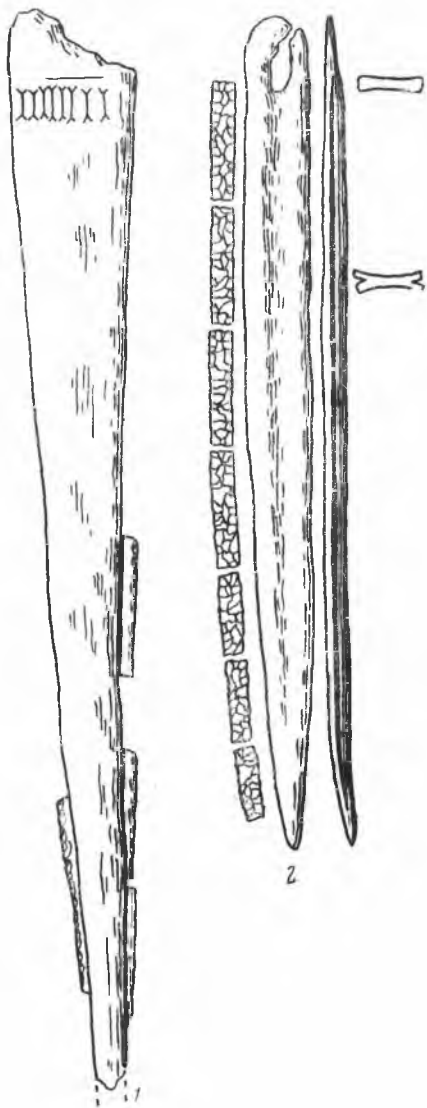

Рис. 63. Археологические параллели к костяным кинжалам.
1 — Кунда; 2 — Серово.

вместе с тем и некоторые отличия в деталях (отсутствие орнамента или вкладышей и отверстий). Тип орнамента, украшающего рассма-

триваемый нами кинжал, совершенно точно повторяется на других орудиях Оленеостровского могильника, например, на двух костяных пластинках из погребений №№ 102, 114.

Следует подчеркнуть, что орнамент из тонких нарезных линий, образующих зигзаги, широко распространен на костяном инвентаре древних стоянок Прибалтики, таких, как Лубанское озеро¹ и Кунда,² а также Скандинавии³ и Дании.⁴ На территории последней он встречается не только на костяных, но и на сланцевых или шиферных орудиях. Тот же орнамент имеется на изделиях из кости в нижнем слое Веретья,⁵ и, наконец, в более усложненном виде мы находим его на орудиях Оленеостровского могильника Баренцова моря.⁶

Второй кинжал, найденный в погребении № 61 (рис. 62, 2; 118, 7), подобно первому заслуживает большого внимания. Он изготовлен из трубчатой кости крупного животного (лося?), по форме представляет собой сильно удлиненный стержень, имеющий на конце и в средней части овальное поперечное сечение, ближе к рукояти — уплощенное.

Общая длина орудия 26,5 см. На расстоянии 21 см от конца благодаря резкому срезу кинжал образует изгиб — рукоять орудия, оканчивающуюся головкой животного. Таким образом, кинжал в целом представ-

Рис. 64. Костяной кинжал.
* Урал.

¹ Рижский исторический музей, колл. №№ 31395, 32279, 32794, 32795 и др.

² R. Indreko. Die Mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.

³ A. Brogger. Den arktiske Stenaldet i Norge. Videnskabs-Selskabets Skrifter. Christiania, 1909, стр. 61, 85, 102, 103.

⁴ Там же.

⁵ М. Е. Фосс. Стоянка Веретья, 1941, табл. VII, 5.

⁶ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла. . . , стр. 393—401.

¹ Фотоархив ИИМК, № 1746.

² Институт истории АН Эстонск. ССР, колл. № 2518-1.

ляет собой как бы сильно стилизованное животное с очень удлинненным телом.

Несмотря на незначительную величину и некоторую фрагментарность внешней поверхности, в головке животного нетрудно узнать лося. Об этом с наглядностью свидетельствует подчеркнута горбатый нос и отвислая нижняя губа. Уши животного слегка повреждены.

Как и во всех других скульптурных изображениях лося, в данной фигуре отчетливо выражены несколько выпуклые глазницы. Сам глаз трактован в виде углубления, в настоящее время уже слабо заметного.

Конец кинжала хорошо заострен. Внешняя поверхность тщательно зашлифована и местами заполирована до блеска (в особенности конец орудия), что свидетельствует о частом его употреблении.

Форма этого кинжала весьма оригинальна и прямых аналогий не имеет. Некоторые общие черты данного предмета можно усмотреть в кинжале из Сейминского могильника,¹ что в свое время отмечал уже В. И. Равдоникас.² Однако это сходство может рассматриваться лишь как весьма относительное.

К числу кинжалов следует отнести и орудие из погребения № 114 (рис. 61). Длина его равна 29 см, ширина около 3 см; один конец сильно заострен, противоположный несколько расширен. Поперечное сечение кинжала близко к треугольнику с двумя слегка округлыми сторонами и одной плоской, с выемкой посередине; ближе к лезвию оно округлое. Данная форма кинжала обусловлена естественной формой кости. Вогнутая сторона соответствует внутренней части трубчатой кости; две округлые, образующие тупой угол, — ее внешним сторонам. Таким образом, для изготовления рассматриваемого кинжала была использована трубчатая кость, расколотая вдоль надвое.

В тыльной части эпифиза кости слегка сколот, однако полностью не снят, вследствие чего кинжал имеет здесь заметное утолщение. В верхней части эпифиза наблюдаются неглубокие нарезки, служащие для подвешивания кинжала.

Внешняя поверхность орудия тщательно заполирована, в особенности уплощенная

сторона, на которой отчетливо заметны мелкие, параллельные друг другу штрихи. Части, близкие к острию и эпифизу, сохранили залощенность — следы употребления: в тыльной части от соприкосновения с рукой, в нижней — с прокалываемым предметом.

Данная форма кинжала весьма рациональная. Будучи длинным, прочным и хорошо обработанным, он являлся очень действенным орудием на охоте.

Помимо вышеописанных отчетливо выраженных трех кинжалов, в инвентаре Оленеостровских погребений имеется несколько предметов, которые хотя и не могут считаться в полном смысле слова кинжалами вследствие своей незначительной величины, но функционально занимают, вероятно, среднее место между ними и ножами. К таковым прежде всего следует отнести предметы из погребений №№ 58 (рис. 65, 13), 60 (рис. 65, 14) и 140 (рис. 65, 15), изготовленные из уплощенного и слегка изогнутого ребра крупного животного. Рабочие концы их сильно заострены, тыльная часть сохранила остатки эпифиза. Внешняя поверхность предметов хорошо зашлифована и местами залощена. На отдельных участках лезвия заметны следы сработанности.

Данные орудия могли употребляться, например, для вспарывания рыбы или для иной аналогичной по характеру работы.

РЫБОЛОВНЫЕ КРЮЧКИ

Переходя к рассмотрению весьма важного раздела орудий труда, отражающего несомненно одну из ведущих отраслей хозяйственной деятельности древних оленеостровцев, — орудиям рыболовства, приходится тем не менее отметить их более чем ограниченное количество. В нашем распоряжении имеется всего лишь 9 предметов,¹ которые можно отнести к орудиям рыболовства (рис. 65, 1—9), считая их составными частями костяных рыболовных крючков.

До нас дошли лишь их нижние половины, т. е. бородки, тогда как стержни ни в одном погребении не сохранились. Повидимому, последние изготовлялись из какого-то легко разлагающегося материала. Трудно пред-

¹ В. А. Горюнов. Культуры бронзовой эпохи в средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915, рис. 55—56.

² В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940, стр. 60.

¹ В это число не вошли предметы, отнесенные нами к иглам для вязания сетей, о которых речь пойдет ниже.

положить, чтобы эти части крючков умышленно избегали класть в могилу, для чего пришлось бы специально расчленять крючки на составные части.

Крючки найдены в четырех погребениях №№ 69, 85, 102 и 108, причем в погребении № 69 их было три, в погребении № 85 — четыре экземпляра.

Один из составных крючков погребения № 69 (рис. 65, 7) изготовлен из трубчатой кости мелкого животного, образующей два ответвления, расходящихся в разные стороны под острым углом. Оба отростка и соединяющая их часть хорошо заглажены и залощены от употребления. Один из отростков имеет несколько большую величину и значительно тоньше в диаметре. Повидимому, именно он служил для привязывания к стержню,¹ тогда как второе ответвление являлось бородкой или насадом крючка, на котором закреплялась приманка.

Общими чертами обладают два экземпляра из погребений №№ 102 и 108 (рис. 65, 5, 6), представляющие собой бородки крючков. Концы их, округлые в поперечном сечении, слегка изогнуты и заострены; внешняя поверхность зашлифована и имеет следы заглаженности. Часть крючка из погребения № 108 (рис. 65, 6) на конце, противоположном заостренному, имеет значительную уплощенность, полученную благодаря двухстороннему срезу и стачиванию на шлифовальной плите.

По всей вероятности, оба предмета, будучи бородками рыболовных крючков, вставлялись своей уплощенной, расширенной частью в стержень и затем закреплялись в нем. По своей форме они напоминают составные части каменных рыболовных крючков, найденных в ряде северных неолитических стоянок, в том числе в Вознесенье.²

В том же погребении № 69 и в погребении № 85 (рис. 65, 1—4, 8, 9) найдены составные части рыболовных крючков иной формы; они представляют собой сильно уплощенные узкие костяные пластинки с одним расширенным и другим суженным концом. Внешняя поверхность их ровная и довольно сильно залощенная.

Составные рыболовные крючки, как известно, широко распространены в неолитических охотничье-рыболовческих поселениях севера европейской и азиатской частей СССР. Арсал распространения их весьма значителен, начиная от Прибалтики,¹ Кольского полуострова,² Карелии,³ Северного края⁴ и до Сибири включительно⁵ (рис. 65, 10; 66, 3—6).

Несомненно, что при такой территориальной протяженности они имели большое различие в формах, однако принцип устройства оставался общим. Все они состояли из двух частей — стержня и бородки, — расположенных под углом друг к другу и скрепленных, вероятно, с помощью жильных нитей и, может быть, какого-нибудь клейкого вещества. Совершенно замечательным в этом отношении является полностью сохранившийся экземпляр рыболовного крючка с одной из стоянок Латвийской ССР — Двиета (рис. 65, 10). Две составные части его соединены кручеными жильными нитями, обмазанными сверху смолой.⁶

Отмечая ограниченное количество рыболовных крючков в Оленеостровском могильнике и недостаточно разработанную форму их по сравнению с орудиями охоты — накопниками стрел и гарпунов, — нельзя все же сделать вывод, что рыболовство не играло большой роли в экономике древнего населения, учитывая близость озера, чрезвычайно богатого рыбой.

Незначительное количество рыболовных крючков и их примитивность, повидимому, следует связывать с определенным способом рыболовства. Люди этого времени, по всей вероятности, были знакомы с коллективными видами промысла, в частности, с простейшими ловушками и сетями, с помощью которых и добывалась основная часть рыбы. Рыболовные крючки были не главными из этих орудий, являясь предметом инди-

¹ Лубанское озеро: Рижский исторический музей, колл. №№ 32041, 32063 и др.

² А. В. Ш м и д т, ук. соч., табл. III, рис. 5—7.

³ В. В. Федоров. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. СА, III, 1937, стр. 101—112.

⁴ Веретье (нижний слой): Гос. Исторический музей, колл. № 353; раскопки М. Е. Фосс 1933 г.

⁵ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, рис. 112.

⁶ Рижский исторический музей, колл. № 9586-44.

¹ Возможно, что стержень имел на конце раздвоенное или желобок.

² Н. Н. Гурин. Орудия Вознесенской стоянки. МИА, № 2, 1941, стр. 171, табл. I, 12.

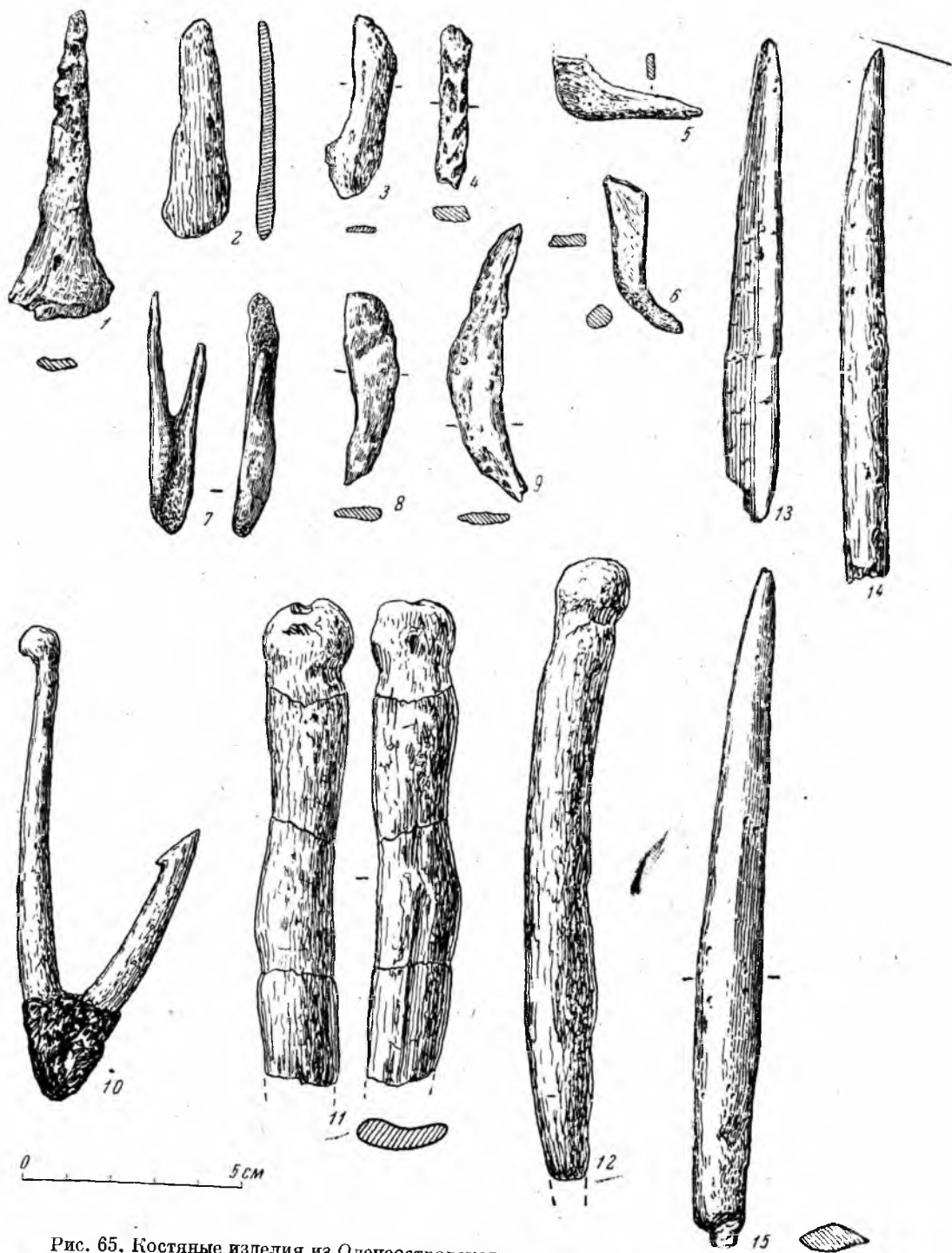

Рис. 65. Костяные изделия из Оленеостровского могильника (1—9, 11—15).
 1—9 — части рыболовных крючков (1—4 — погр. № 85; 5 — погр. № 102; 6 — погр. № 108; 7—9 — погр. № 69); 10 — рыболовный крючок из Двиета; 11—12 — костяные орудия для вязания сетей (погр. № 69); 13—15 — костяные кинжаловидные орудия (13 — погр. № 58; 14 — погр. № 60; 15 — погр. № 140).

видуальных способов рыболовства. После смерти одного из членов коллектива, в момент его захоронения, с покойником клали лишь вещи, ему принадлежащие, в том числе и рыболовные крючки. Однако орудия лова, такие, как сети, требовавшие значительного труда при изготовлении и коллективного участия при их использовании, являлись

оригинальна и не встречается более ни в одном из погребений.¹

Они представляют собой удлиненные костяные стержни,² один конец которых несколько заострен; противоположный, слегка утолщенный и округлый, является эпифизом кости. Поперечное сечение орудия округло, длина его равна 13 см, диаметр 2 см. Судя

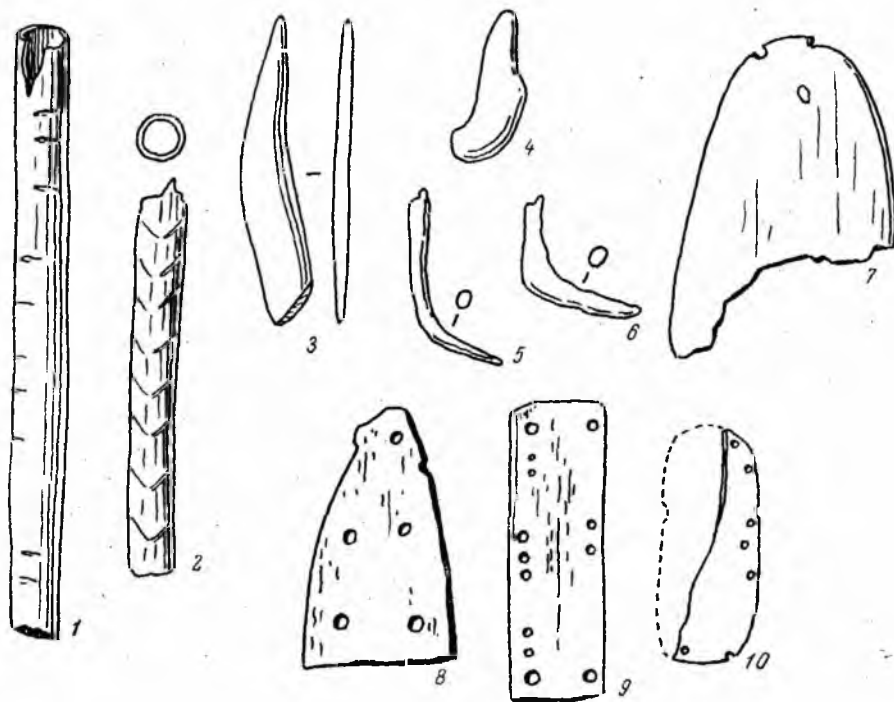

Рис. 66. Этнографические и археологические параллели к предметам из кости и рога. 1, 2 — игольницы (1 — М. Мамыри; 2 — Серово); 3—6 — рыболовные крючки (3 — Нижнее Веретье; 4 — Верхнее Веретье; 5, 6 — Оленеостровский могильник Баренцова моря); 7—10 — костяные пластинки (7 — приладожские стоянки; 8—10 — Чукотка).

тем самым — коллективной собственностью и оставались в этом коллективе. Вот почему они и не встречаются в могильнике.

Помимо крючков, к орудиям рыболовства следует, повидимому, отнести также некоторое количество гарпунов и, возможно, наконечников стрел, употреблявшихся для битья рыбы. Такой способ, как известно, широко применялся до революции у племен северной Сибири.

Несколько особое место среди предметов рыболовства занимает группа орудий, найденных в количестве 7 экземпляров в погребении № 69 (рис. 65, 11, 12). Форма их весьма

по значительной толщине предметов и сравнительно тупым концам, трудно предположить употребление их в качестве колющих орудий. Скорее всего они использовались как иглы для вязания сетей. Предметы, близкие по форме, но с более заостренным концом известны из стоянки Веретье (нижний слой)³ и на ряде Шигирских стоянок.

¹ К сожалению, все эти орудия сохранились не полностью, но имеющиеся фрагменты позволяют составить представление об их форме. Следы обработки на их внешней поверхности вследствие плохой сохранности почти не заметны.

² Повидимому, грифельные кости лося.

³ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, табл. II, 5—7.

ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ КОЖИ, КОСТИ И ДЕРЕВА

Количество предметов, используемых в качестве орудий при обработке кожи, кости и дерева, довольно значительно. По своему характеру они весьма разнообразны. Среди них встречаются скребки, резцы, кремневые и сланцевые ножи, кремневые пластинки, топоры, тесла, проколки, ложила, шлифовальные плиты и точила. В количественном отношении указанные категории представлены далеко не одинаково. Наиболее многочисленными являются сланцевые ножи и кремневые ножевидные пластинки, затем уже различные костяные проколки, кремневые ножи, ложила, шлифовальные плиты и точила.

Законно вызывает удивление исключительно малое количество крупных рубящих орудий — топоров, тесел и скребков, часто встречающихся на неолитических стоянках, а также отсутствие костяных или кремневых игл, столь необходимых в быту древнего населения. Следует, повидимому, полагать, что иглы, будучи очень тонкими, до нашего времени не сохранились.

СКРЕБКИ И РЕЗЦЫ

Данная категория орудий представлена чрезвычайно слабо. Имеется всего лишь 4 скребка и 1 резец. Это тем более странно, если учесть, что, как правило, скребки встречаются на стоянках в очень большом количестве, занимая всегда едва ли не первое место после обломков сосудов. При рассмотрении скребков Оленеостровского могильника удивляет и отсутствие выработанной формы.

Из четырех скребков, обнаруженных в погребениях №№ 4, 114, 118 и без номера¹ (рис. 67, 6—9), один (рис. 67, 7) представляет скорее кремневый отщеп неправильной подчетыреугольной формы, с мелкой ретушью на одной стороне и более крупной на другой. Две другие стороны следов обработки не имеют. Ретушь на обеих гранях нанесена со стороны спинки; с брюшка обработка отсутствует.

Второй скребок (рис. 67, 8) по форме выражен более отчетливо. Он изготовлен на округлом отщепе. Обработка прослеживается лишь со стороны спинки, в виде

сколов и сравнительно правильной ретуши. Брюшко не обработано. На отретушированных концах заметны следы сработанности.¹

Среди этой категории орудий особый интерес вызывает кремневый скребок в роговой оправе, найденный вместе с резцом, также вправленным в роговую рукоять.

Ценность обоих орудий заключается для нас в том, что, являясь единственными в своем роде находками, они дают некоторое представление не только о формах рукояток, но и о способах и приемах работы этими орудиями.

Следует подчеркнуть, что оба предмета найдены в одном погребении № 114 (возмужалый мужчина), в непосредственной близости друг к другу, у груди скелета.

Скребок (рис. 67, 9; 68, 2) сделан из отщепа серого кремня небольшой величины и округлой формы. С одной стороны он тонкий, с другой — более массивный; следы обработки на них отсутствуют. Две противоположные стороны его имеют крутую, но недостаточно тщательную ретушь.

Такая форма скребка становится вполне объяснимой, если мы обратимся ко второй его составной части — рукояти. Последняя изготовлена из рога, имеющего дугообразную форму (расстояние между двумя ее концами равно 21 см, диаметр 1.5 см).

В поперечном сечении рукоять представляет собой полуовал, с одной — внутренней — слегка уплощенной стороной. На одном конце роговой оправы, на уплощенной стороне, имеется паз, пропиленный до половины толщины кости. Остатки такого же паза имеются на противоположном конце рукояти и также на уплощенной стороне.

В средней, менее толстой и сильно зауженной части рукоять снабжена пазом, проходящим сквозь всю ее толщину. Длина паза равна 7 см, ширина 0.5 см. В этот паз рукояти и был вставлен кремневый скребок. Последний располагался в нем таким обра-

¹ Под погребением без номера подразумевается погребение, номер которого не известен.

¹ Следует указать при этом, что принадлежность описанного выше скребка к погребению № 4 или какому-либо иному погребению Оленеостровского могильника вызывает сомнение, поскольку данный скребок был найден за границей могильной ямы, под дерновым слоем. Последнее обстоятельство может объясняться принадлежностью его не к погребениям, а к стоянке, культурный слой которой залегал, как увидим ниже, непосредственно под дерном на соседних с могильником участках.

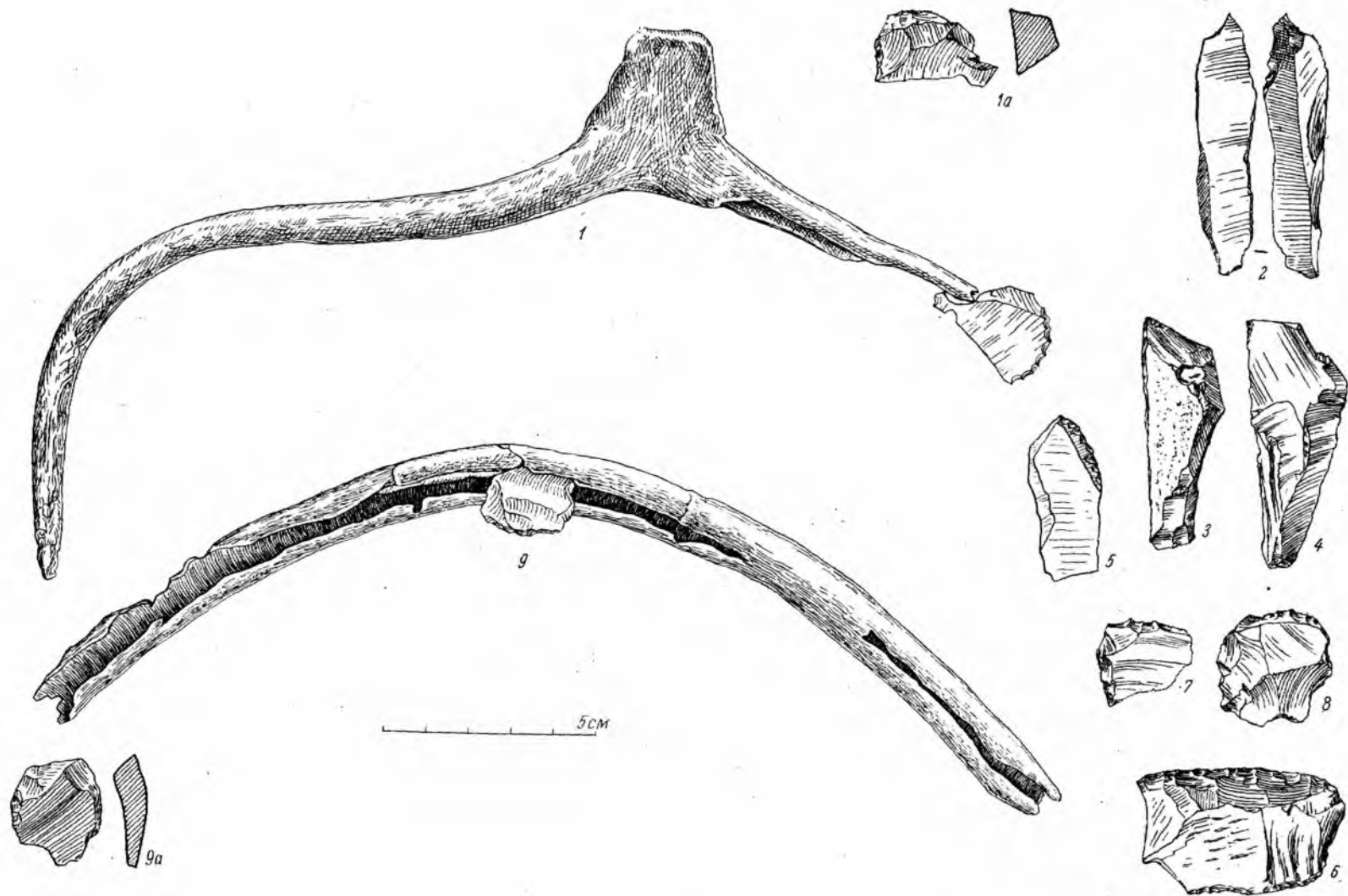

Рис. 67. Скрепки и резцы из Оленеостровского могильника.
 1 — резец; 1а — кремневая часть резца (погр. № 114); 2—5 — резчики (2 — погр. № 74; 3 — погр. № 118а; 4 — погр. № 118; 5 — погр. № 117); 6—8 — скрепки (6 — погр. № 118; 7 — номер погр. не известен; 8 — погр. № 4); 9 — скребок; 9а — кремневая часть скребка (погр. № 114).

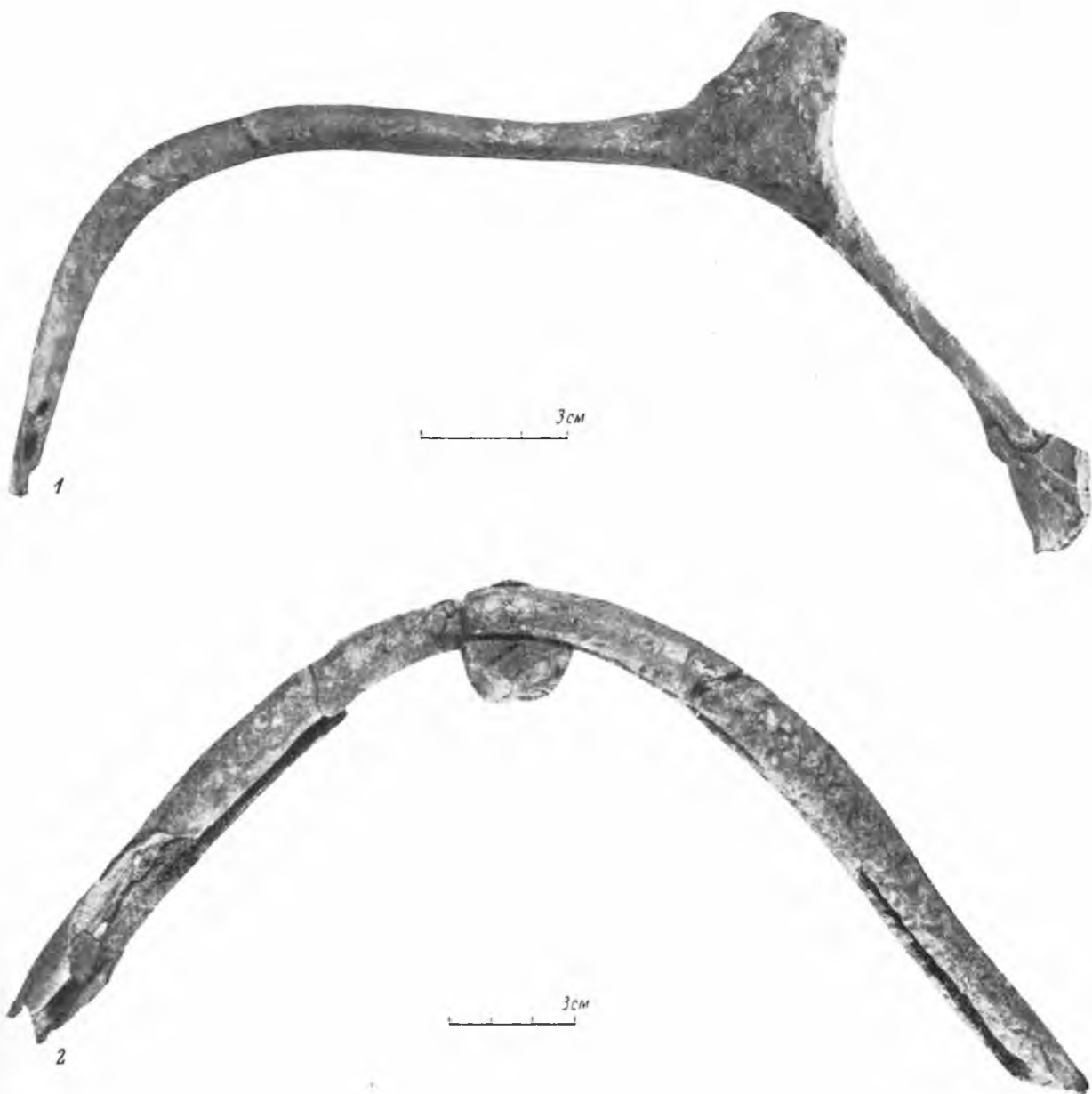

Рис. 68. Резец и скребок из Оленеостровского могильника.
1 — резец (погр. № 114); 2 — скребок (погр. № 114).

зом, что стороны скребка, имеющие ретушь, несколько выступали по обе стороны рукояти (одна с внешней выпуклой, другая с внутренней вогнутой стороны), тогда как концы его, не имеющие обработки, были запряганы внутри рукояти. Вероятнее всего, скребок, вставленный в паз рукояти, приклеивался смолой, а затем по краям паза рукоять обматывалась жилами, вследствие чего скребок зажимался в пазу и держался в нем очень крепко. Граница залощенной поверхности в средней части орудия прослеживается очень отчетливо.

Наличие ретуши на двух противоположных концах скребка и сработанность их указывает на то, что работа данным орудием производилась двойко: когда дуга внутренней своей стороной была повернута к мастеру и тогда, когда она оборачивалась к нему внешней стороной.

Следы сработанности с беспорочною указывают на то, что рассматриваемое орудие было в употреблении сравнительно длительное время. Об этом свидетельствует сильная стертость паза изнутри, образовавшаяся от трения скребка о его край, и сработанность последних.

Скрепки такого типа еще не встречались в археологических материалах, однако сопоставление их со скребками, известными в этнографии, дает возможность понять способ работы этими орудиями. Наибольший интерес в этом плане заслуживает скребок, известный у чукчей.¹

Вторым не менее интересным орудием, найденным в том же погребении № 114, является кремневый резец (рис. 67, 1; 68, 1). Он представляет собой отщеп кремня подтреугольных очертаний с одним узким и другим более широким концом. На узком конце орудия, близ его края, имеются две выемки, на одной из которых со стороны брюшка прослеживается довольно тщательная ретушь. Такая же ретушь имеется и на широком округлом конце орудия, но со стороны его спинки. В месте пересечения округлой ретушированной грани с другой, почти не имеющей обработки, наблюдается небольшой выступ в виде мысика, образованного с двух сторон резкими сколами, а с третьей — ретушью, являющийся рабочей частью орудия — резцом.

¹ В. Г. Богораз. Очерк материального быта Оленных чукчей. Сб. МАЭ, т. II, 1901, табл. XIII.

Форма резца весьма оригинальна. Она станет более понятной, если мы рассмотрим резец в совокупности с рукоятью. Последняя изготовлена из небольшой ветви рога лося и имеет форму дуги с широким отростком, расположенным ближе к одному из концов. Отросток, отходящий во внешнюю сторону дуги, сравнительно широкий (3 см) и плоский, на конце фрагментирован. Длинный конец дуги, округлый в поперечном сечении, заканчивается острием.

На узком коротком конце дуги с внутренней стороны имеется паз, пропиленный на конце насквозь, а несколько дальше — лишь до половины толщины рукояти. Эта часть орудия слегка фрагментирована.

Кремневый резец найден был на расстоянии нескольких сантиметров от конца рукояти с пазом. Рассматривая их вместе, можно восстановить первоначальное положение резца и взаимоотношение его с рукоятью.

Сопоставляя ширину узкой части кремневого резца (имеющую две выемки по краям) с пазом, которым заканчивается короткий конец дуги, нетрудно сделать вывод, что именно этим концом резец вставлялся в паз рукояти и затем скреплялся с ней: ширина их абсолютно одинакова. При закреплении отщеп-резца в рукояти его острая режущая часть (острие резца) занимала положение, удобное для работы.

Таким образом, кажущаяся на первый взгляд не только весьма оригинальная, но и мало рациональная форма рукояти резца выглядит иначе, как только мы станем рассматривать ее в неразрывной связи с другой частью орудия — собственно резцом.

Вероятно, для большей прочности узкий конец резца при скреплении с рукоятью обмазывался смолой, а затем обматывался вместе с рукоятью (подобно описанному выше скребку) тонким сырым ремешком или жилами, которые, высыхая, очень сильно сжимали обе части конца рукоятки вместе с находящимся в ней узким концом резца. Прочности этого скрепления немало способствовали и две выемки на конце резца, предотвращающие скольжение нитей. Достаточно острый и прочный конец резца служил хорошим режущим инструментом.

Можно предполагать, что работа данным орудием производилась следующим способом: мастер обхватывал всеми пальцами правой руки широкий и плоский (кстати сказать, вследствие этого очень удобный)

отросток рукояти и концом, на котором находился резец, наносил нужные надрезы на предмете, придерживаемом левой рукой. Вследствие того, что отросток был не слишком толстым, мастер мог прихватывать в этом месте и некоторую часть собственно дуги. Если мы учтем большую прочность свежего рога, нам станет понятно, что относительно незначительная толщина рабочего конца рукояти с пазом, в который вставлялся кремневый резец, не могла служить препятствием в работе.

К категории орудий для обработки дерева и кости следует причислить несколько отщепов из сланца и один отщеп из роговика, найденные в погребениях №№ 74, 117, 118 и 118а, использовавшиеся, повидимому, в качестве резчиков (рис. 67, 2—5).

Все четыре экземпляра представляют собой удлиненные, неправильной формы отщепы, сколотые с нуклеусов. Рабочая часть орудия из погребения № 118 образована одной сколотой и другой отретушированной стороной (рис. 67, 4), из погребения № 118а — двумя отретушированными сторонами, образующими при пересечении прямой или острый угол (рис. 67, 3). В одном случае (погребение № 117) на узкой грани отщепа прослеживается типичный резцовый скол (рис. 67, 5).

Повидимому, только действительная необходимость вынуждала древних оленеостровцев изготавливать резчики из такого мягкого материала, как роговик или кремнистый сланец. Наиболее подходящая для этих целей порода — кремнь — использовалась лишь на режущие орудия, такие, как ножи, вкладыши и наконечники стрел. Единственным исключением является рассмотренный нами выше резец в роговой оправе.

КРЕМНЕВЫЕ НОЖИ

К этой категории орудий следует отнести три типа ножей, несколько отличающихся друг от друга по форме, но сходных по назначению. Всего их найдено 15 экземпляров — в погребениях №№ 4, 5, 22, 24, 73, 74, 85, 93, 100, 102, 108, 114, 137, 156 и без номера (рис. 69, 1—15).

Наиболее отчетливо выражены 6 ножей (рис. 69, 1—6), изготовленных из длинных правильных ножевидных пластинок, тщательно отжатых от кремневых призматических нуклеусов. Наибольшая длина пластинок равна 12.5 см при ширине в 1.8 см, наимень-

шая — 8 см при ширине 1.5 см. К рабочему концу они слегка сужены. На брюшке пластинки, в несколько расширенной тыльной части, отчетливо прослеживаются бугорки и раковистость излома.

Все экземпляры тщательно обработаны, причем в пяти случаях (погребения №№ 74, 100, 102, 114 и без номера) совершенно одинаково (рис. 69, 1—6).

Со спинки на острых концах ножей и частично длинных гранях, примыкающих к ним, имеется сравнительно плоская, мелкая, тщательная отжимная ретушь. С брюшка она прослеживается лишь на самом конце орудия и на небольшом участке одной из граней, примыкающей к острию. Тыльные части всех ножей слегка притуплены крупной ретушью в 2—3 приема.

Вторую группу составляют три ножа из погребений №№ 5, 22, 156 (рис. 69, 7—9), изготовленные на массивных ножевидных пластинках, отжатых от нуклеуса. Один из них (рис. 69, 7) имеет овальную форму с двумя округлыми концами. Ретушь располагается со стороны спинки, преимущественно с округлого рабочего конца и только частично заходит на широкие грани. Тыльная часть снята двумя некрупными сколами. Сработанность в виде заполированности и нарушения правильности фасетов ~~наблю-~~дается только на рабочем конце.

Второй нож (рис. 69, 8) в отличие от предыдущего имеет несколько более заостренный конец и туго срезанную тыльную часть. Ретушь прослеживается лишь со спинки, где она располагается на конце орудия и обоих длинных его краях. Следы сработанности прослеживаются больше всего на конце ножа и на одной из длинных его граней.

Третью группу составляют 5 ножей, обнаруженных в погребениях №№ 4, 24, 85, 108, 137 (рис. 69, 10—14). Все они изготовлены из довольно массивных ножевидных пластинок серого пятнистого кремня, отжатых от нуклеуса. Величина их незначительна, не более 5.5 см при ширине в 2 см.¹ Очень тщательная ретушь располагается главным образом, на заостренном под углом рабочем конце, заходя в большей или меньшей степени на длинные края орудия. На рабочем конце она более крупная, на длинных краях орудия — мелкая. Следы от работы просле-

¹ Не исключена возможность, что в тыльной части они обломаны.

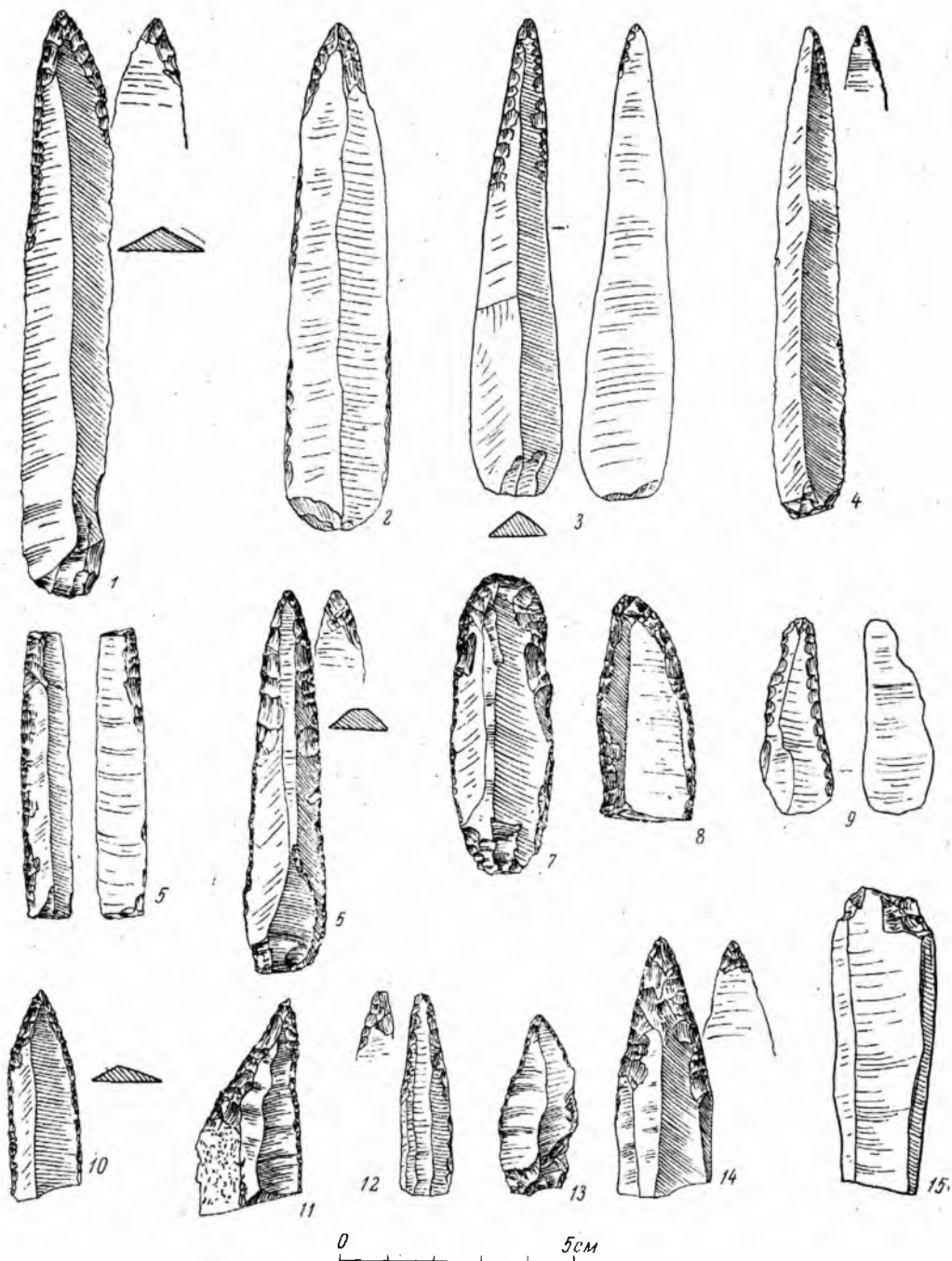

Рис. 69. Кремневые ножи из Оленеостровского могильника.

1 — номер погр. не известен; 2 — погр. № 114; 3 — погр. № 100; 4 — погр. № 74; 5 — погр. № 102; 6 — погр. № 73; 7 — погр. № 22; 8 — погр. № 5; 9 — погр. № 156; 10 — № погр. № 85; 11 — погр. № 137; 12 — погр. № 24; 13 — погр. № 4; 14 — погр. № 108; 15 — погр. № 93.

живаются на заостренном конце и на одной из сторон точно так же, как и на экземплярах предыдущей группы.

Рассматривая в целом кремневые ножи, обнаруженные в Оленеостровском могильнике, можно сделать вывод, что во всех случаях рабочей частью ножа являлся самый его конец и участки, примыкающие непосредственно к нему, причем в особенности одна из сторон. Исходя из заостренной формы ножей и следов сработанности на них, в особенности отчетливо выступающих на самом крупном экземпляре (рис. 69, 1), можно сделать вывод, что они в меньшей мере служили для разрезания плоских предметов (так как в этом случае не было бы необходимости иметь острый конец, а требовалась бы значительная рабочая часть по длинной стороне), но употреблялись, вероятнее всего, для вспарывания живота у рыбы или зверя, подрезания мяса при сдирании шкуры с животного, а также при разрезании кожи на ремни или при раскройке одежды и обуви. Очень вероятно использование таких орудий и при работах над костью, в частности при выделке зубьев на наконечниках стрел и в особенности пазов для кремневых вкладышей. В последнем случае нож с острым концом выполнял роль реза.

Чтобы закончить описание кремневых ножей, необходимо подчеркнуть весьма оригинальную их форму, отличную от тех, какие встречаются на стоянках и поселениях Карелии. Особенно в сильной степени это относится к первой группе ножей, наиболее значительных по величине (12,5 см).

Поиски аналогий к данной категории орудий приводят нас прежде всего к той же группе памятников, которую мы привлекали при рассмотрении кремневых наконечников, т. е. к эппалеолитическим и раннеолитическим стоянкам: Борки,¹ Скнятино,² Елин Бор,³ Соболево и др.

НОЖЕВИДНЫЕ ПЛАСТИНКИ

Значительную категорию орудий составляют ножевидные пластинки, отжатые от нуклеуса. Как правило, они изготовлены из прекрасного серого пятнистого кремня и невелики по размерам.

По форме ножевидные пластинки можно разделить на две группы: с двумя тупыми концами, в силу чего в плане они приобретают вид правильных четырехугольников, и с одним тупым, а вторым заостренным концом.

Только очень немногие пластинки первой группы (погр. №№ 45, 47, 100) не имеют на своих сторонах обработки (рис. 70, 30, 33—35, 39—41). Гораздо большая часть их отретуширована очень мелкой и тщательной ретушью с одного или с обоих концов (рис. 70, 13, 15, 22—25, 32). На ряде пластинок ретушь переходит на одну или две длинные стороны (со спинки или с брюшка). Среди кремневых ножевидных пластинок погребения № 47 имеется один экземпляр (рис. 70, 28), все четыре края которого со стороны брюшка отретушированы тонкой, тщательной ретушью. Со спинки ретушь не прослеживается.

Вторую группу составляют ножевидные пластинки, как сказано, с одним тупым и другим острым рабочим концом. В ряде случаев ретушь покрывает их острый конец и одну из широких сторон (рис. 70, 1, 2, 5—7, 13), иногда же только острый конец или тыльную часть (рис. 70, 3, 4, 8).

Рассматривая ножевидные пластинки в целом, нельзя не отметить исключительную тщательность их отделки. Все они узкие, очень тонкие, в большинстве случаев с параллельными гранями, свидетельствующими о том, что были отжаты от правильных призматических нуклеусов.

Абсолютное большинство ножевидных пластинок, повидимому, служило вкладышами для костяных наконечников стрел и копий, снабженных для этой цели специальными пропиленными пазами.¹

Наблюдения, произведенные над костяными наконечниками, в пазах которых еще сохранились кремневые вкладыши, показывают, что пластинки с острыми концами, как правило, вставлялись по краям, замыкая собой вкладышевый ряд и образуя тем самым правильную прямую линию края орудия, в особенности со стороны его ударного конца. Противоположный конец лезвия, образованного кремневыми вкладышами (обращенный к тыльной части наконечника), в большинстве случаев не имеет такой заостренной пластинки, в силу чего и не соз-

¹ В. И. Зубков, ук. соч., стр. 141—150.

² П. Н. Третьяков, ук. соч., рис. 5, 6.

³ М. В. Воеводский, ук. соч., стр. 96—119, рис. 33.

¹ Вместе с тем не исключена возможность, что часть из них (мелкие, с острым концом) использовалась также в качестве носка для костяных наконечников с мелкими зубцами и выемкой на конце.

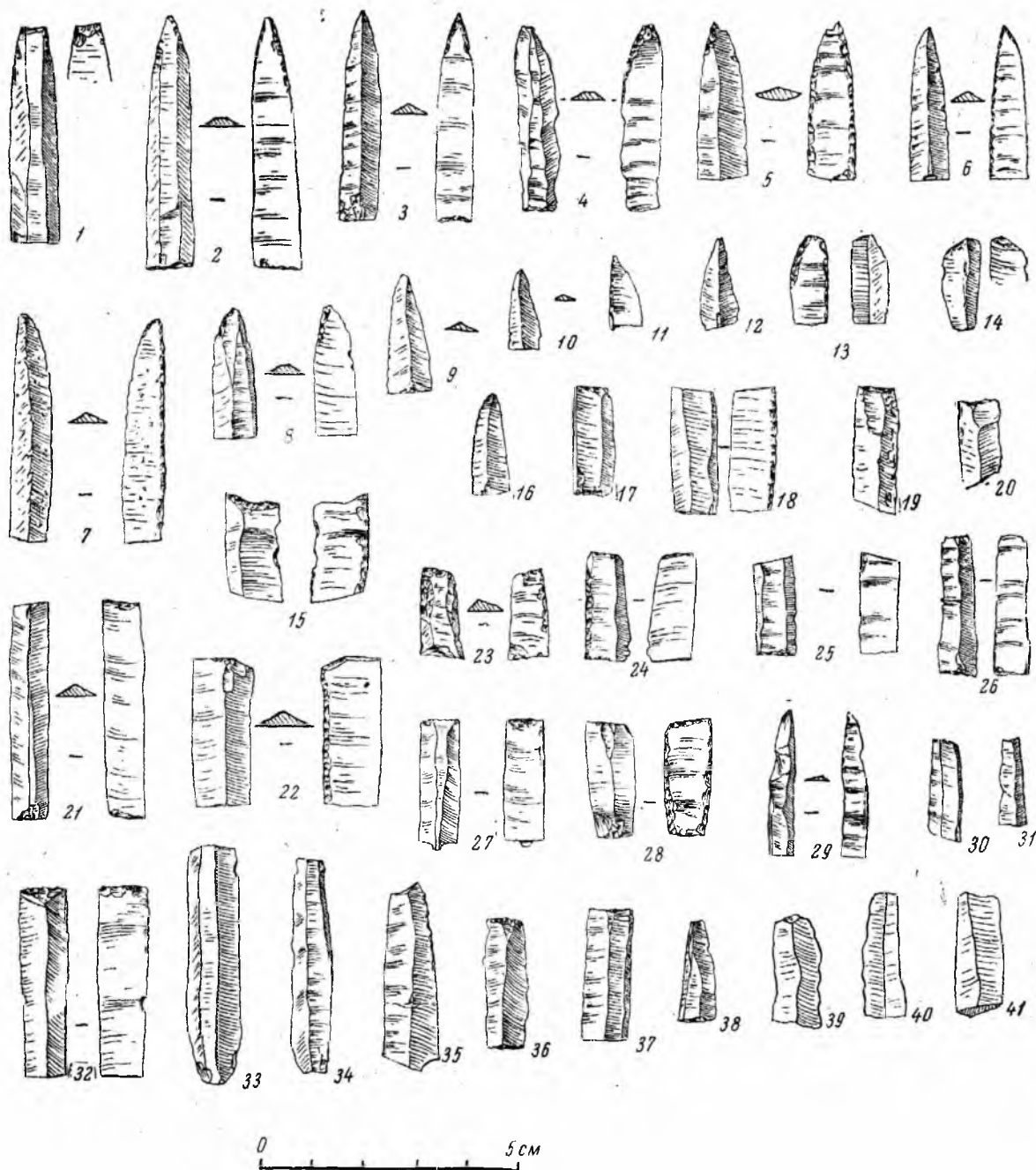

Рис. 70. Кремневые ножевидные пластинки из Оленеостровского могильника.

1 — погр. № 113; 2, 39—41 — погр. № 100; 3—6, 15, 21—30 — погр. № 47; 7—10, 31—35 — погр. № 45; 11—14, 19, 20 — погр. № 19; 16—18 — погр. № 73; 36—38 — погр. № 85.

дает сходящей на нет линии. Выступающий конец здесь не может препятствовать окончанию вонзиться в животное, а, наоборот, являясь своего рода зубцом, способствует

более надежному закреплению его в теле, увеличивая тем самым силу оружия.

Сопоставление в пределах одного погребения находок кремневых ножевидных пла-

стинок с костяными наконечниками, снабженными пазом для вкладышей или углублением на конце, выявляет следующую картину (табл. 10).

Из табл. 10 становится очевидным, что в абсолютном большинстве погребений костя-

на то, что они могли являться заготовками орудий, не бывшими еще в употреблении.

Величина отщепов различна, наибольшим по размеру (10.5×3.5 см) является отщеп светлосерого сланца из погребения № 118 (рис. 71, 19).

Таблица 10

Соотношение кремневых пластинок и вкладышевых костяных наконечников¹

№ погребения	Количество кремневых пластинок	Количество костяных вкладышевых наконечников стрел
19	10	2
24	1	—
25	1	Много обломков костяных наконечников, среди которых встречаются с крупными пазами.
45	10	4
47	18	2
73	3	1
85	3	Обломки костяных наконечников плохой сохранности. Неразобранный монолит, в котором прослеживаются и кремневые пластинки и вкладышевые костяные наконечники.
90		
100	4	Монолит с костяными стержнями и кремневыми наконечниками.
115	1	1

ные наконечники с пазами сопровождаются кремневыми вкладышами. Редкие исключения из этого правила могут быть объяснены очень плохой сохранностью костяных наконечников, не позволяющих отчетливо восстановить их форму.

ОТЩЕПЫ

Количество отщепов вместе с обломками пожевидных пластинок неправильной формы по сравнению с другими категориями инвентаря очень невелико. Всего найдено 25 экземпляров — в погребениях №№ 1а, 13, 24, 25, 42, 45, 47, 62, 81, 85, 86, 100, 107, 115, 118, 118а, 119, 120, 135, 157, без номера (рис. 71, 1—25). Абсолютное большинство их представляет собой отщепы кремнистого сланца и только единичные экземпляры — роговика. Форма отщепов преимущественно вытянутая. В отдельных случаях на одной из граней наблюдается ретушь, однако следов сработанности не имеется. Последнее обстоятельство указывает

¹ Помимо того в погр. №№ 62, 86, 107, 113 и 157 встречены пластинки из кремня, кремнистого сланца и роговика, но вкладышевые наконечники отсутствуют.

Незначительное количество отщепов в захоронениях — довольно типичное явление для могильников.¹

Среди отщепов можно выделить группу, напоминающую грубые пожевидные пластинки, отличающиеся от рассмотренных выше большей массивностью и менее тщательной обработкой (рис. 71, 1—10, 17).

ЛОЩИЛА

Из инвентаря Оленеостровского могильника можно выделить группу орудий, которые наиболее правильно будет назвать лощами. Все они были обнаружены в погребениях №№ 1, 4, 8, 45, 82, 93, 135 (рис. 72, 1—7).

Лощина изготовлены из расколотых вдоль метоподий лося или оленя и имеют вследствие этого углубления в виде желобков,

¹ Однако, сопоставляя два Оленеостровских могильника — Онежского озера и Баренцова моря, — мы видим, что количество отщепов во втором значительно больше. Так, в 19 погребениях на Оленьем острове Баренцова моря найдено 9 отщепов, тогда как в 177 погребениях Оленеостровского могильника Онежского озера их только 18.

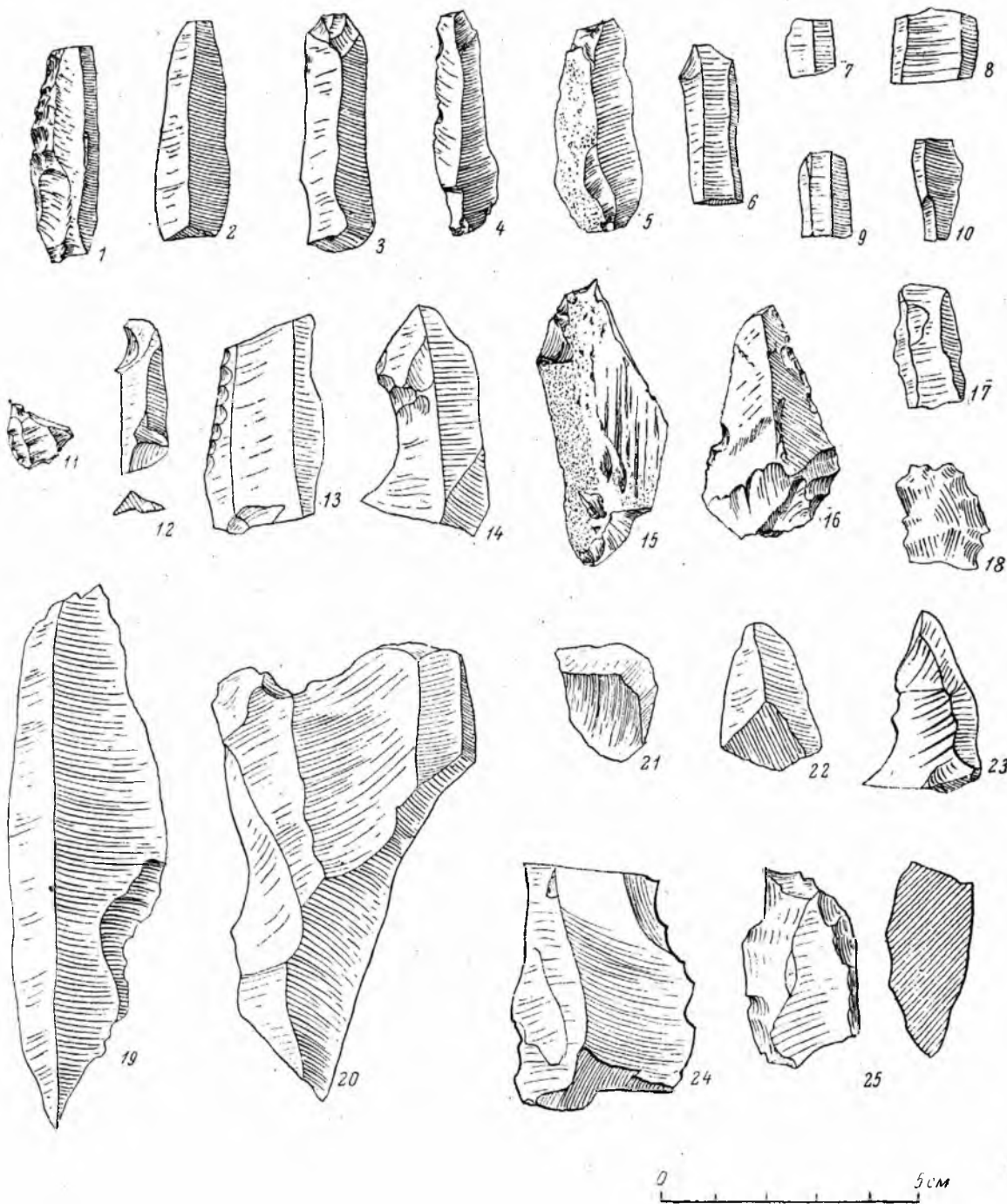

Рис. 71. Кремневые и сланцевые пластинки и отщепы из Оленеостровского могильника.

1 — погр. № 118а; 2 — погр. № 115; 3 — погр. № 107; 4 — погр. № 47; 5 — погр. № 100; 6 — погр. № 62; 7 — погр. № 25; 8 — погр. № 157; 9 — погр. № 24; 10 — погр. № 42; 11, 12, 19 — погр. № 118; 13, 14 — погр. № 86; 15 — погр. № 85; 16 — погр. № 81; 17 — погр. № 119; 18, 25 — погр. № 120; 20 — погр. № 135; 21 — номер погр. не известен; 22 — погр. № 45; 23 — погр. № 1а; 24 — погр. № 13.

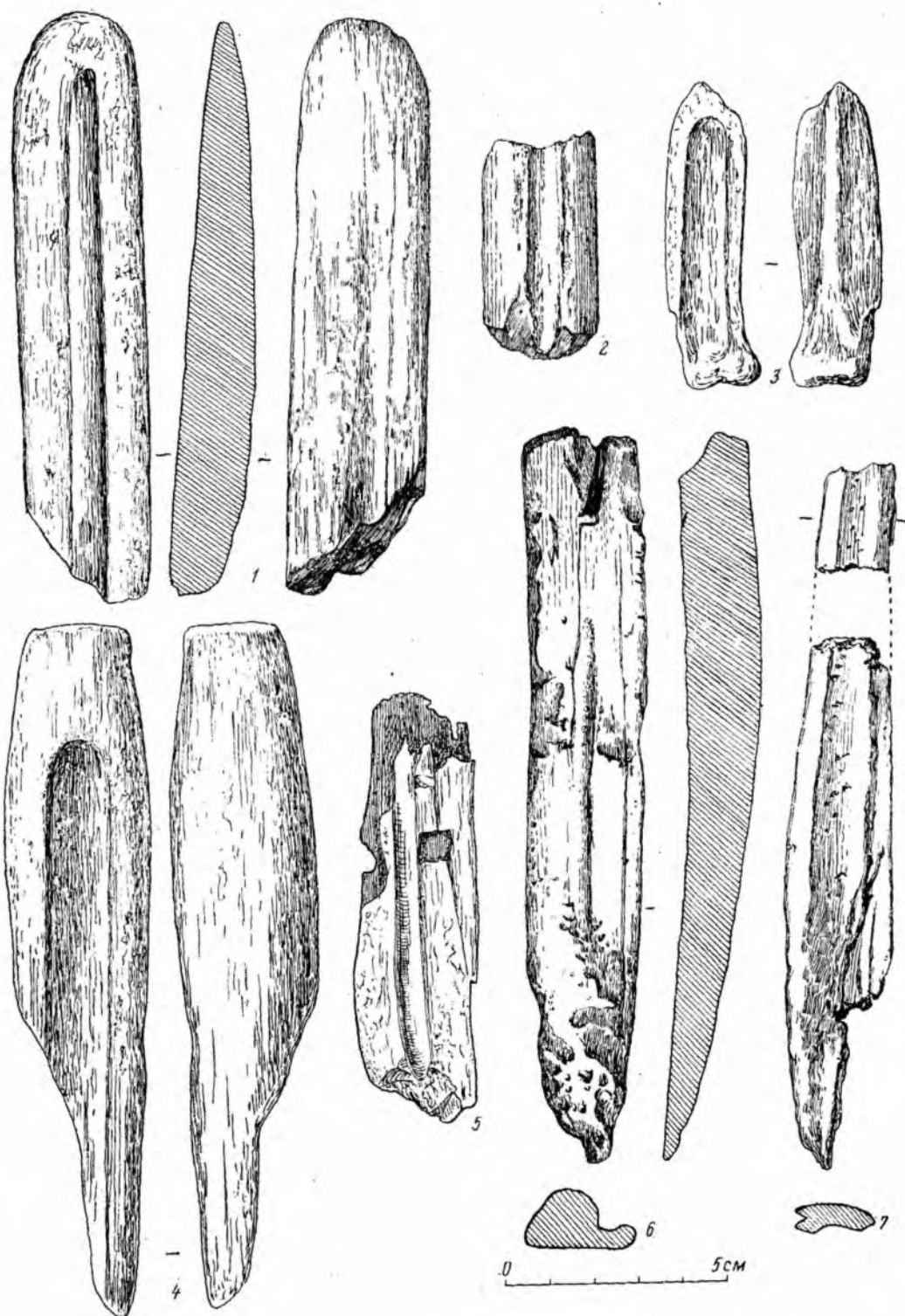

Рис. 72. Костяные ложила из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 93; 2 — погр. № 4; 3 — погр. № 8; 4 — погр. № 135; 5 — погр. № 1; 6 — погр. № 82;
 7 — погр. № 45.

находящихся на внешней и внутренней поверхностях. Оба желобка неглубокие, на некоторых орудиях они едва заметны, и поэтому поперечное сечение лопицы имеет форму, близкую к полукругу.

Рабочий конец орудия получен в результате сильного стачивания внутренней стороны кости на шлифовальной плите, вследствие чего он плоский, с округлым краем. Тыльная часть (близкая к эпифизу) на ряде экземпляров срезана под прямым углом.

Благодаря следам, сохранившимся на отдельных экземплярах, можно заключить, что край орудия, повидимому, был пропilen пилой, поскольку на нем отчетливо видны мелкие, правильно расположенные штрихи, параллельные друг другу и краю орудия.

Вся внешняя поверхность рассматриваемых предметов очень хорошо зашлифована и местами залощена от частого употребления. В особенности это заметно на уплощенной стороне — рабочей части орудия.

Данные лопицы, вероятнее всего, использовались для работы по мягкому материалу и прежде всего для разглаживания кожи и швов на одежде.

Несколько иную форму имеет незначительный по величине предмет из погребения № 8 (рис. 72, 3), однако и он, судя по степени заглаженности краев, должен быть скорее всего отнесен к лопицам. Это небольшой обломок трубчатой кости с одной выпуклой и другой вогнутой сторонами. Один из его концов представляет эпифиз. Края вогнутой стороны, сильно заполированные от употребления, сточены таким образом, что в средней части заметен лишь узкий желобок. Конец, противоположный тыльному, закруглен (частично фрагментирован). Внешняя поверхность хорошо зашлифована.

Следует напомнить, что лопицы, близкие по назначению, но несколько иные по форме и материалу (рог вместо кости), мы встречаем, например, в значительном количестве в Оленеостровском могильнике Баренцова моря.¹

ПРОКОЛКИ

Количество орудий, относящихся к данной категории, невелико, но форма их весьма разнообразна (рис. 73, 1—9). Три экземпляра из погребений №№ 1, 76а, 156, (рис. 73,

1—3) представляют собой удлиненные костяные стержни с одним или двумя острыми концами и округлым или четырехугольным поперечным сечением. Рабочие концы их хорошо заострены и имеют следы заглаженности от работы.

Данный тип проколов очень близок к прямым наконечникам стрел, однако внимательное наблюдение над характером рабочего конца позволяет довольно точно провести их разграничение.

Все остальные проколки настолько разнообразны, что не могут быть объединены в одну группу, в силу чего каждая требует особого, хотя и самого краткого описания.¹ Проколка из погребения № 81 (рис. 73, 5) представляет собой часть трубчатой кости животного с сохранившимся на одном конце эпифизом. По внешнему виду она напоминает гвоздь с расширенной, но весьма уплощенной головкой и неправильно округлым в поперечном сечении стержнем. Конец ее, противоположный тыльному, очень хорошо заострен. В верхней части стержня, ближе к «шляпке», с обеих противоположных сторон имеются небольшие углубления, назначение которых совершенно непонятно. Вероятнее всего, их следует считать случайными. В настоящее время стержень орудия изогнут (деформирован).

Сравнительно близко к этому типу стоит проколка из погребения № 116 (рис. 73, 9). Так же, как и предыдущая, она имеет расширенную и вместе с тем уплощенную тыльную часть, суженный и, вероятно, в свое время заостренный противоположный конец,² однако прорезей в стержне не прослеживается.

Проколка из погребения № 80 (рис. 73, 6) представляет собой часть трубчатой кости с остатками эпифиза, являющегося тыльной частью орудия. Одна сторона ее выпуклая, другая вогнутая, что соответствует естественной форме кости. Таким образом, поперечное сечение орудия дугообразно. Рабочий конец заострен и имеет правильную округлую форму. На всей поверхности и в особенности на конце ее отчетливо видны

¹ Нужно заметить, что количество проколов, возможно, следует умножить за счет выделения их из сравнительно большого числа обломков костяных стержней, встречаемых в ряде погребений, но фрагментарность последних не позволяет установить это более точно.

² Рабочий конец орудия отсутствует.

¹ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла. . . , рис. 19.

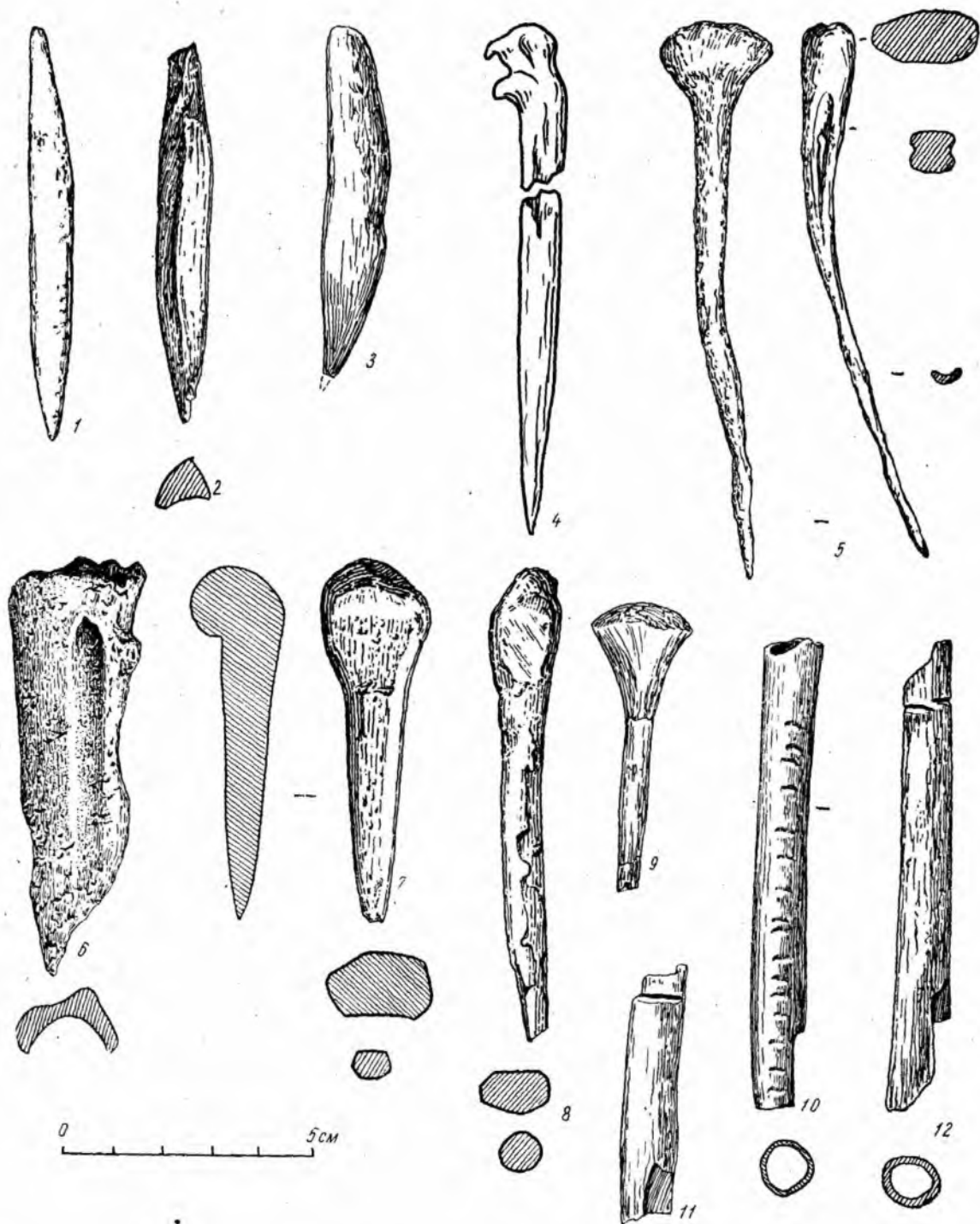

Рис. 73. Костяные проколки и игольники из Оленеостровского могильника.
 1—9 — костяные проколки (1 — погр. № 1; 2 — погр. № 76а; 3 — погр. № 156; 4 — погр. № 5; 5 — погр. № 81; 6 — погр. № 80; 7 — погр. № 145; 8 — погр. № 135; 9 — погр. № 116); 10—12 — игольники (10 — погр. № 69; 11, 12 — погр. № 67).

следы зашлифовки и залощенности, являющиеся следами от употребления.

Проколка из погребения № 145 (рис. 73, 7) изготовлена из крупной трубчатой кости. Тыльная часть ее более широкая и массивная, рабочий конец сужен и заострен, хотя степень заострения нельзя считать достаточной. Вполне вероятно, что в этой части орудие фрагментировано. Сравнительная затупленность рабочего конца может вызвать предположение, не является ли данное орудие своеобразным наконечником стрелы шигирского типа, чему, однако, противоречат асимметричность его широкой части и следы залощенности, наблюдаемые на расширенном конце. Последние, вероятно, возникли от частого соприкосновения с рукой человека.

Следует отметить, что рассмотренная группа орудий, в силу своей разнохарактерности и оригинальности, не может служить прочным опорным материалом для датировки, а наличие в пределах одного погребения нескольких различных типов проколки исключает возможность установления между ними хронологических различий.

СЛАНЦЕВЫЕ НОЖИ

Наиболее многочисленной группой инвентаря могильника являются сланцевые ножи. Значительное количество и оригинальность их форм составляет одну из самых характерных черт Оленеостровского могильника, выделяющих его из всех известных нам неолитических памятников лесной полосы восточной Европы и Сибири. Именно сланцевые ножи наряду с некоторыми другими орудиями труда подчеркивают своеобразие материальной культуры древних оленеостровцев.

Всего в могильнике найдено 60 сланцевых ножей¹ (рис. 74, 1—5; 75, 1—5; 76, 1—5; 77, 5—8). Существенно отметить, что они встречаются в 30 погребениях.

Как явствует из приведенной сводной таблицы инвентаря Оленеостровского могильника (табл. 13), в ряде погребений было обнаружено по одному ножу, в большинстве

же случаев их находилось по несколько экземпляров.

Несмотря на значительное число сланцевых ножей, довольно трудно провести членение их на группы, поскольку между ними несравненно больше общих, нежели индивидуальных черт.

Все они изготовлены из крупных (до 24 см длины) тонких пластин серого глинистого сланца, в большей или меньшей степени удлинённой формы. Края их прямые, рабочий конец, как правило, уже тыльной части. Поверхности ножей исключительно гладкая и во многих случаях сохраняет следы от шлифовки в виде мелких, параллельных друг другу черточек. В широкой тыльной части имеется просверленное отверстие. Конец ножа и рабочие края тонкие, но за небольшим исключением не острые, а в ряде случаев даже тупые.

Технику изготовления ножей можно представить следующим образом. Кусок свежего сланца раскалывали вдоль его естественной слоистости на тонкие плитки. Затем, вероятно путем мелких ударов, пластине придавалась грубо округлая форма. Следующим этапом была обработка краев с тем, чтобы сделать их ровными, а форму ножа правильной. Для этой цели нож ставили на ребро и производили зашлифовку только краев. Когда края ножа были достаточно подготовлены, приступали к отделке плоских граней на шлифовальной плите,¹ причем работа велась таким образом, что гораздо сильнее стачивалась часть у краев ножа, в особенности рабочий конец, и значительно меньше середина.

Только после завершения полной обработки орудия приступали к просверливанию в нем отверстия. Оно производилось двумя способами. В ряде случаев мы видим одностороннее высверливание отверстия. Однако у значительно большего количества экземпляров отверстие получено с помощью двухстороннего сверления. Особенно показателен в этом отношении нож из погребения № 95, на котором высверленные с обеих сторон углубления не совпали по направлению. Отчетливо видно, что нож сначала до половины его толщины сверлился с одной стороны, затем был повернут другой стороной, на которой также произведено сверление. Так как вто-

¹ К этому числу необходимо добавить 3 экземпляра из сборов на территории могильника, сделанных рабочими строительства в 1933 г. и хранящихся в настоящее время в Карельском Государственном музее.

¹ Об указанной последовательности обработки краев и широких граней ножа свидетельствуют мелкие штрихи на них, доведенные до самого края и там обрывающиеся.

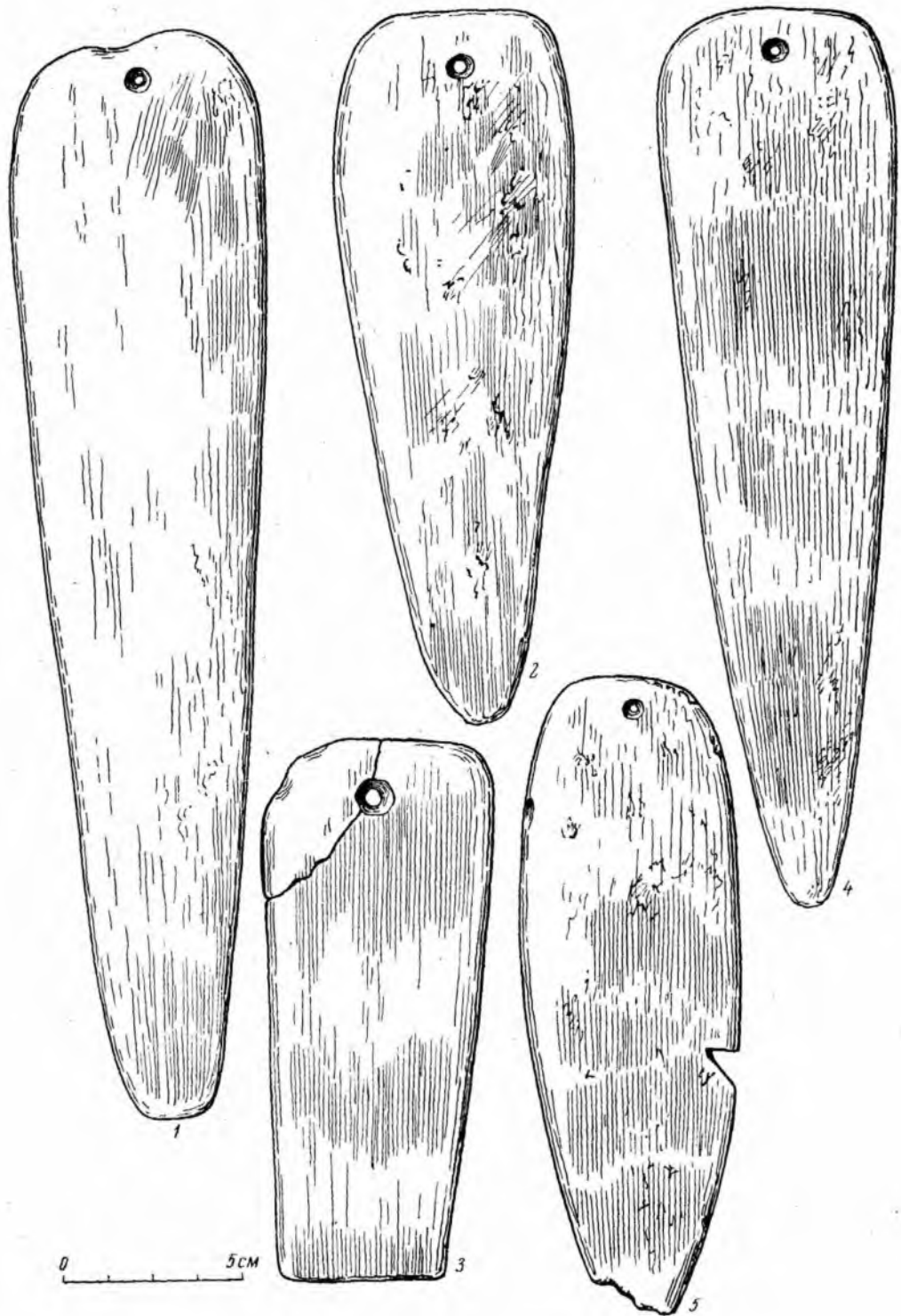

Рис. 74. Сланцевые ножи из Оленеостровского могильника.
1, 2 — погр. № 161; 3 — погр. № 119; 4 — погр. № 67; 5 — погр. № 85.

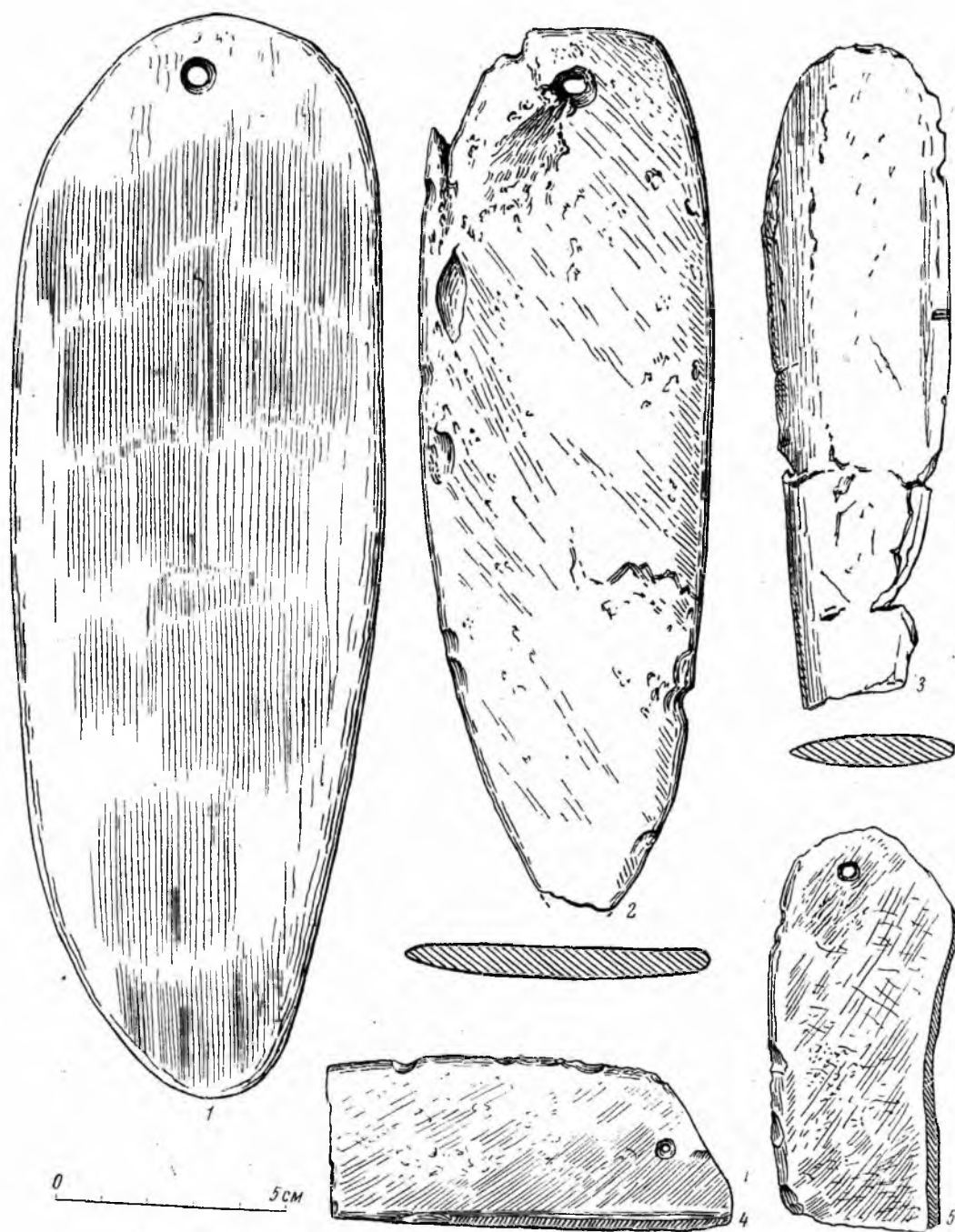

Рис. 75. Сланцевые ножи из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 100; 2 — погр. № 119; 3 — погр. № 103; 4 — погр. № 76а; 5 — погр. № 59.

рое отверстие было намечено неточно — несколько в стороне от первого, отверстия не совпали, и мастеру пришлось довести высверливание, начатое с этой стороны,

уже на всю толщину орудия. Поэтому на противоположной стороне ножа оказались рядом лунка от первоначального сверления и узкое сквозное отверстие.

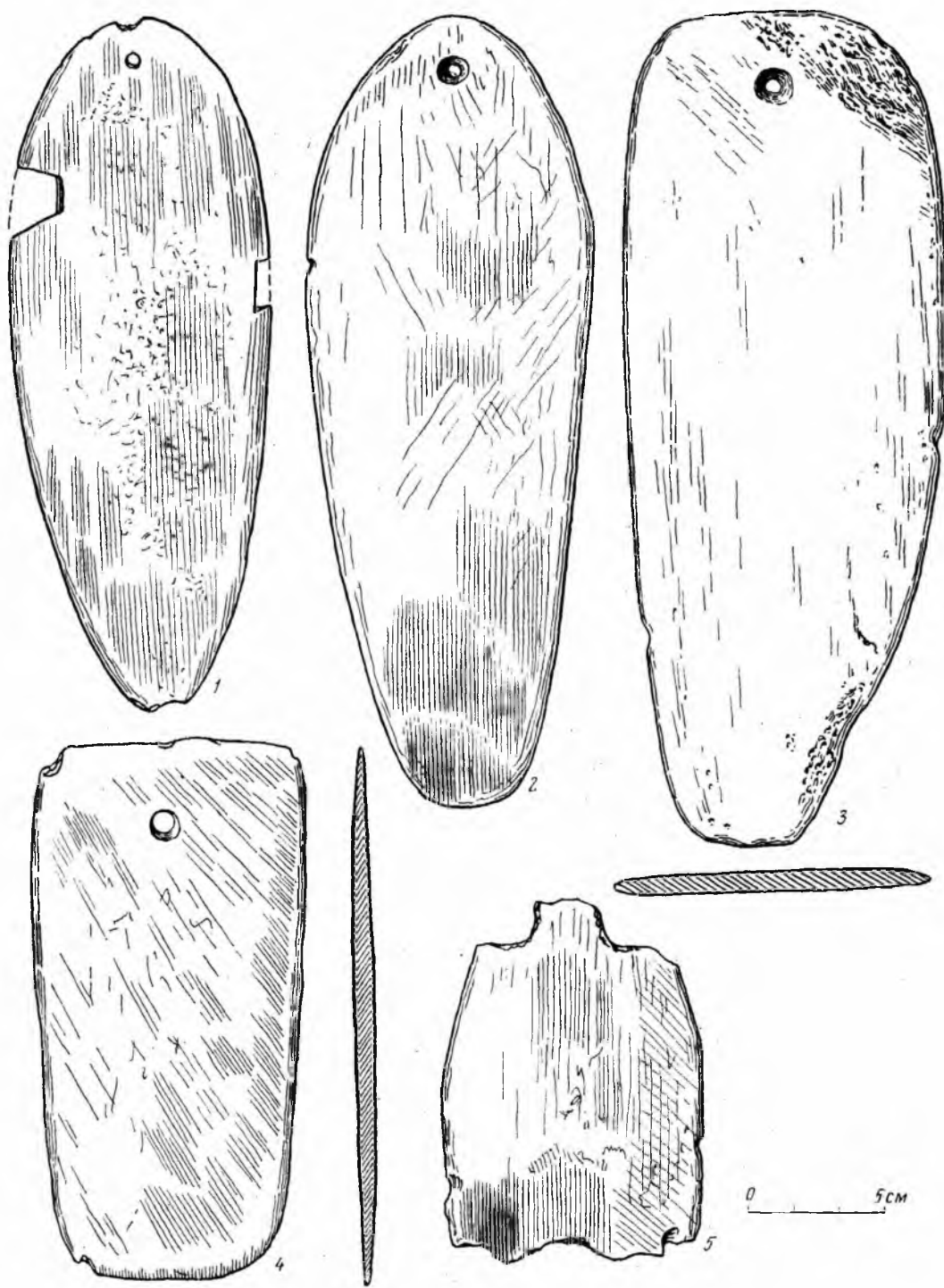

Рис. 76. Сланцевые ножи из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 56; 2, 5 — погр. № 82; 3 — погр. № 119; 4 — погр. № 36.

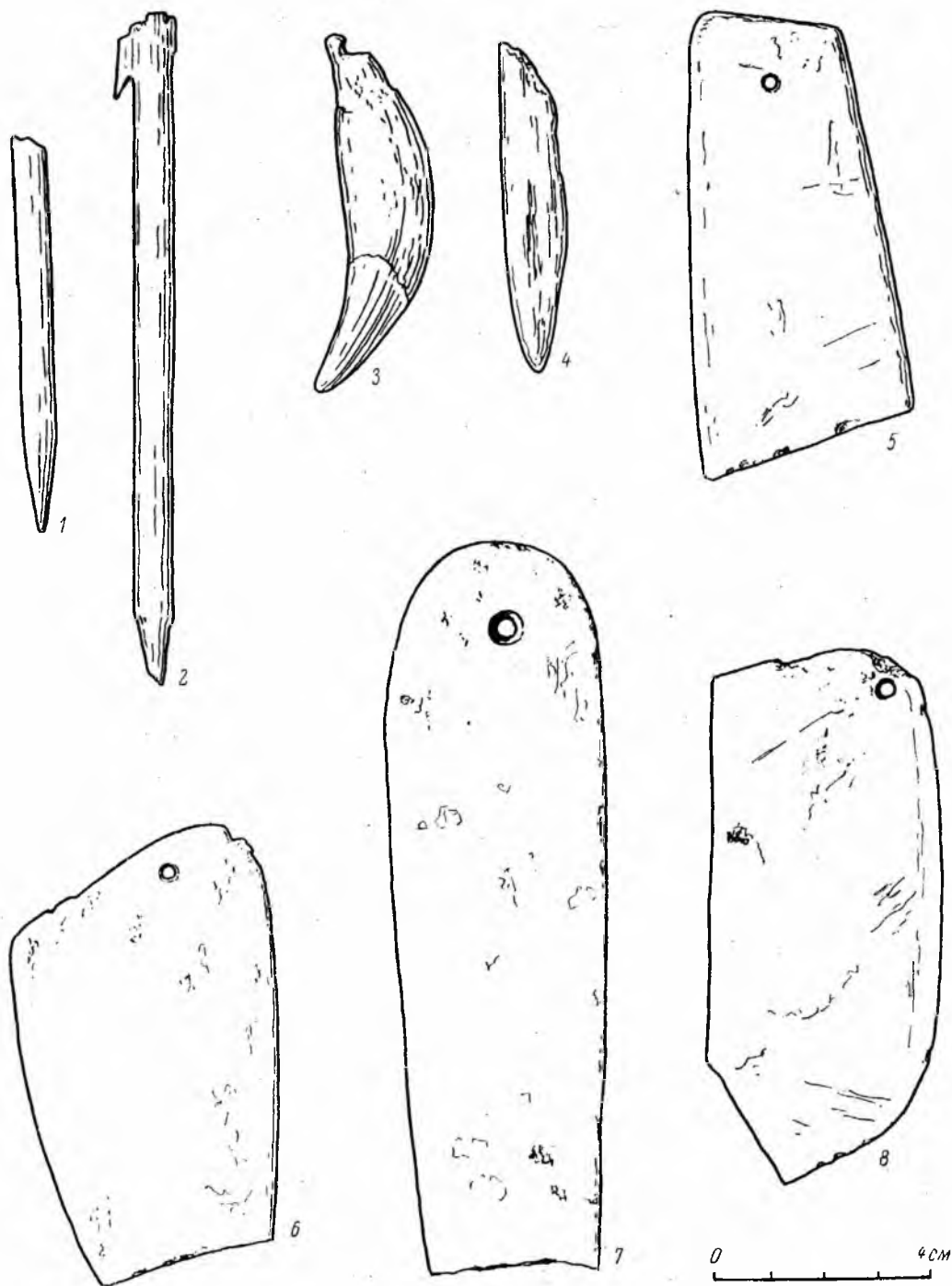

Рис. 77. Вещи из Оленеостровского могильника, поступившие в Карельский Гос. музей в 1933 г. (1—8).

Нельзя не заметить, что пример подобной неточности мастера встретился только один раз. Все остальные орудия из Оленеостровского могильника, как сланцевые ножи, так и костяные предметы, свидетельствуют о прекрасном глазомере и точности работы мастера, который, высверливая предмет с обеих сторон, совершенно безошибочно соединял каналы. При этом следует учесть, что диаметр отверстий, как правило, не превышает 3 мм.

По форме ножи можно разделить на следующие три типа:

- 1) сильно удлиненные и резко суженные к концу (рис. 74, 1, 2, 4);
- 2) овальные (рис. 75, 1, 2; 76, 1—3);
- 3) подчетыреугольных очертаний (рис. 76, 4).¹

К первой группе относятся ножи, имеющие иногда значительную длину (до 24 см) при сравнительно небольшой их ширине (максимальная ширина 5,8 см), примером чего может служить нож из погребения № 161 (рис. 74, 1). Самый конец ножей этого типа сильно сужен и сравнительно тонок. Тыльная часть их или округлая, или совершенно прямая.

Вторую, наиболее многочисленную, группу составляют ножи, имеющие форму, близкую к овалу, однако в большинстве случаев они несколько шире в тыльной части и более сужены к концу.

Из этой группы наибольшую величину имеют нож из погребения № 100 (рис. 75, 1), длина которого достигает 24 см при ширине 8 см, а также два ножа, исключительно близкие к нему по форме, из погребения № 119 (рис. 75, 2; 76, 3). Длина одного из них 17,7 см при наибольшей ширине 7 см, размеры второго соответственно 19 и 6,5 см.

Ножи из других погребений имеют несколько меньший размер, но сохраняют примерно те же соотношения длины и ширины. Приведем несколько примеров: размеры ножа из погребения № 56 (рис. 76, 1) — 17,5 × 5,5 см; из погребения № 68 — 17,5 × 6,3 см; из погребения № 120 — 19 × 6,5 см и т. д.

Помимо овальной формы, они отличаются от предыдущей группы также более округлым рабочим концом.

¹ Имеется некоторое количество ножей, занимающих промежуточное положение, но в той или иной степени приближающихся к одной из трех названных групп.

Ножи третьей категории, представленной всего лишь двумя экземплярами, найденными в погребениях №№ 36 и 82 (рис. 76, 4, 5), по форме приближаются к довольно правильному четырехугольнику.

Нож из погребения № 36 (рис. 76, 4) при сравнительно небольшой длине имеет значительную ширину (12 × 6 см) и крупное просверленное отверстие, расположенное далеко от края. Не исключена возможность, что он был утилизирован из обломка более крупного ножа.

У второго ножа этой группы, из погребения № 82 (рис. 76, 5), нет просверленного отверстия; для привязывания его, очевидно, служил выступ, образованный несколькими сколами в тыльной части.¹

Индивидуальными чертами обладает нож из погребения № 103 (рис. 75, 3). Будучи подобно всем остальным, удлиненным по форме, он отличается большей массивностью средней части при относительно тонких краях, в силу чего поперечное сечение его приближается к овалу.²

К той же группе ножей, с резко выраженными индивидуальными чертами, следует отнести экземпляр из погребения № 76а (рис. 75, 4). Один из его краев обработан обычным способом, т. е. путем стачивания и сведения на нет обеих граней, противоположная же сторона имеет следы распила с отчетливо прослеживаемыми, идущими параллельно друг другу тонкими линиями. Тыльная часть срезана под углом и в середине ее имеется отверстие, подобное отверстию на других ножах. Хотя конец орудия и обломан, все же отчетливо заметно, что пропилом не занимал всей его длины, а равнялся лишь 7 см, при сохранившейся длине орудия 9 см.

Переходя к вопросу о назначении сланцевых ножей, следует подчеркнуть, что, несмотря на некоторые различия в форме, назначение их можно, по видимому, считать одинаковым. Более того, надо полагать, что данное орудие было в значительной степени специализировано и применялось только для некоторых работ в отличие от кремневых ножей, имевших разнообразное назна-

¹ Данный нож утилизирован из большого ножа.

² С первого взгляда данное орудие трудно принять за нож, однако, в пользу этого свидетельствуют: удлиненная форма, техника изготовления и наличие отверстия, просверленного у самого края орудия. Все это взятое вместе заставляет считать его ножом, правда, не совсем обычной формы.

чение. В самом деле, в тех условиях кремневый нож мог служить при обработке костяных и деревянных орудий, при шитье одежды, обработке шкур, разделывании рыбы и т. д. Далеко не во всех этих работах можно было применить сланцевый нож.

Анализируя форму сланцевого ножа, характер его краев и следы сработанности, мы можем сделать вывод, что он был совершенно непригоден для выполнения таких, например, работ, как обтачивание дерева и тем более кости, разрезания мяса убитого животного и т. д. Для этой цели лезвие его не было достаточно острым. По той же причине сланцевые ножи не могли использоваться в качестве инструмента для разрезания кожи при шитье одежды или обуви.

Возникает вопрос: для каких же целей мог использоваться этот инструмент? Не следует при этом забывать, что данные орудия имеют удивительно отчетливо выработанную форму и встречены в очень значительном количестве, нередко по несколько экземпляров в одном погребении. Следы сработанности на них и случаи захоронения с покойником лишь фрагментов свидетельствуют о том, что в могилу клались ножи, несомненно уже бывшие в употреблении.¹

Наиболее отчетливые следы сработанности наблюдаются на концах ножей и одной из примыкающих к ним сторон. В ряде случаев они проявляются в заглаженности поверхности, примером чего может служить нож из погребения № 67 (рис. 74, 4), в сравнительно сильной сточенности, как это мы наблюдаем у ножа из погребения № 19, или в наличии мелких, густо расположенных точек, напоминающих булавоочные узоры, какие мы видим у ножей из погребения № 119 (рис. 74, 3), и, наконец, мелких выщербинок, которые имеют ножи из погребений №№ 6, 118 и др. Во всех случаях следы сработанности в наибольшей мере проступают именно на конце ножа и на одной из сторон, примыкающей к нему.

Существенно отметить, что в тех погребениях, в которых найдены были сланце-

вые ножи, почти всегда имелись также медвежьи клыки. Факт этот едва ли можно считать случайным, принимая во внимание, что из 30 погребений, где встретились сланцевые ножи, в 26 погребениях они сопровождались клыками медведя и только в четырех (погр. №№ 59, 69, 76а, 82) обнаружены без сопровождения последних. При этом необходимо отметить, что целостность трех из этих погребений нарушена впускными захоронениями, потревожившими не только костяки, но и сопровождавшие их вещи. Данное положение подтверждается табл. 11.

Таблица 11

Распределение сланцевых ножей и медвежьих клыков между погребениями Оленеостровского могильника

№ погребения	Количество сланцевых ножей	Количество клыков медведя
6	1	1
19	1	1
30	1	2
36	1	3
45	2	3
47	1	1
56	2	2
59	2	—
61	1	2
67	1	1
69 ¹	1	—
73	1	3
76	3	3
76а ²	1	—
82 ³	4	—
85	4	7
95	3	4
100	3	2
103	1	1
107	1	1
108	3	4
113	2	5
114	2	3
118а	2	4
119	5	4
120	5	4
135	1	2
138	1	2
157	2	3
161	2	2
Итого . .	60	70

¹ Так, например, в погребении № 59 (рис. 75, 5) имеется два обломка верхних частей ножа очень хорошей сохранности в отличие от ряда сильно расслоившихся ножей, где отсутствие отдельных частей следует связывать с распадением сланца. Имеются обломки ножей и в других погребениях, причем, как правило, верхние их части.

² Погребение № 69 разрушено частично.

³ Погребение № 76а разрушено более поздними захоронениями.

⁴ Погребение № 82 разрушено более поздними захоронениями.

Помимо того, имеется ряд погребений, где присутствуют клыки медведя, но отсутствуют сланцевые ножи (табл. 12).

Таблица 12
Распределение клыков медведя между погребениями Оленеостровского могильника

№ погребения	Количество клыков медведя
2	1
4	2
5	1
8	1
9	1
24	1
25	1
31	2
46	15
64	6
66	1
68	1
70	1
102	1
111	3
115	2
116	1
123	5
133	1
134	2
151	3
156	4
Итого . .	56 ¹

действенное орудие охоты, служившее для нападения или защиты. Для этой цели лезвие их было слишком тупым, а сочетание значительной длины с малой толщиной и непрочностью материала делало нож хрупким.

Мне представляется допустимым предположить, что эти ножи применялись при снятии шкур с убитых животных и прежде всего медведя. Для данной цели лезвие не должно было обладать большой остротой, так как в противном случае оно легко могло бы прорезать шкуру. Наоборот, здесь требовался сравнительно тупой край орудия и широкая площадь его лезвия.

При таком употреблении сланцевых ножей становится понятным и характер

¹ В это число не входят погребения, вещи из которых поступили в Карельский музей в 1933 г., поскольку положение их на погребениях не зафиксировано (рис. 77).

Несомненная связь сланцевых ножей с клыками медведя проявляется не только в том, что они находятся почти всегда вместе в одном и том же захоронении, но, что особенно существенно, как правило, залегают рядом. Очень часто их можно было встретить на одном костяке по нескольку штук, лежащими группой один на другом, чередуясь между собой.

Приведенные факты указывают, что сланцевые ножи связаны с медвежьими клыками какой-то внутренней функциональной связью. Учитывая, однако, сказанное выше о характере лезвий сланцевых ножей, было бы трудно видеть в них

следов сработанности — в подавляющем большинстве случаев на конце ножа и части лезвия, примыкающей к нему. При отделении шкуры от туши рабочей частью ножа являлся его конец, в силу чего именно он и получал соответствующую сработанность, тогда как тыльная часть была зажата в руке.

Примеры из этнографии показывают, что при снятии шкуры с убитого животного, как правило, не употребляют острых инструментов. Алтайцы, например, снимали шкуру с помощью руки, сжатой в кулак. Единственной аналогией подобным ножам среди археологического материала могут служить ножи со стоянки Пески на берегу Онежского озера (рис. 78).

РУБЯЩИЕ СЛАНЦЕВЫЕ ОРУДИЯ

Крупные рубящие орудия, предназначенные для обработки дерева, немногочисленны. Достаточно сказать, что в общей сложности их насчитывается всего 8 экземпляров (рис. 79, 1—8). Помимо незначительного количества этих орудий, наблюдается и определенная небрежность в их изготовлении. За исключением одного тесла из погребения № 82 (рис. 79, 2), степень их обработки далеко не совершенна. Как правило, зашлифовка располагается лишь на рабочих концах орудия, остальная же поверхность в большинстве случаев обработана рядом довольно крупных беспорядочных сколов. Одно из орудий вовсе лишено зашлифовки.

Если бы в могильнике не присутствовали хорошо обработанные сланцевые ножи, можно было бы предполагать, что древние оленеостровцы еще плохо овладели искусством изготовления орудий из сланца. Однако наличие ножей отвергает подобное предположение.

Тесло из погребения № 82 (рис. 79, 2) имеет, как было сказано, наиболее определенный тип. При общей удлиненной форме рабочей конец его слегка расширен, тыльная часть сужена, поперечное сечение овальное. Переход между гранями смягчен, лезвие асимметрично, вследствие чего, несмотря на сравнительно крупную величину орудия (10.5 × 3.3 см), его следует все же считать не топором, а теслом. Рабочий конец очень острый, шлифовка тщательная по всей поверхности. Следы сработанности наблюдаются лишь на одной части лезвия.

Три других орудия из погребений №№ 8 и 76 (рис. 79, 3—5) сходны по очертаниям и способам обработки (6.3×2.8 , 7.3×3 см). Все они имеют слегка вытянутую форму, округлое рабочее лезвие и несколько суженную тыльную часть. На орудии из погребения № 76 (рис. 79, 4) зашлифовка распо-

таний, одна из сторон которого (брюшко) не имеет следов обработки. С противоположной стороны (со спинки) орудие обработано сравнительно крупными сколами. На тыльной части обработка менее тщательна, рабочий конец заострен. Следов сработанности не наблюдается.¹

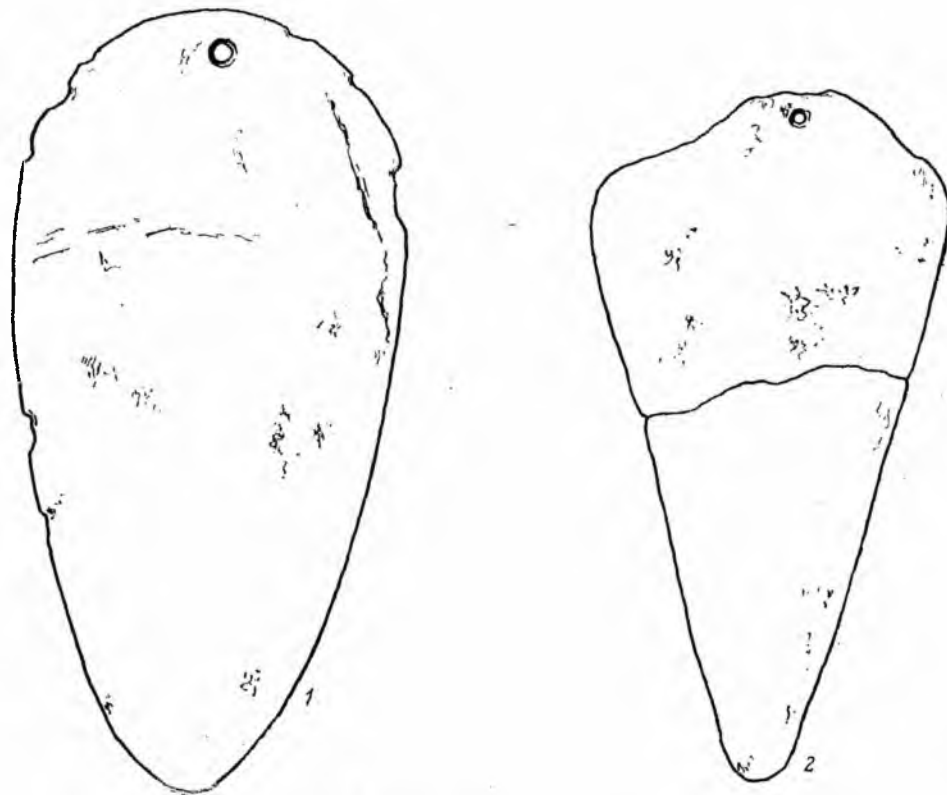

Рис. 78. Сланцевые ножи из стоянки Пески, близ с. Соломенное (1, 2).

лагается лишь в нижней части — на лезвии. Вся остальная поверхность обработана весьма беспорядочными, крупными сколами.

Экземпляр из погребения № 8 (рис. 79, 3) имеет более широкую тыльную часть. Одна из сторон его и тыльная часть обработаны сравнительно мелкими сколами, остальная поверхность зашлифована. Лезвие неровное и сильнее сработано к одному краю, так же как и у предыдущего орудия, что заставляет относить его к категории топоров.

Наиболее оригинальную форму имеют два других орудия. Одно из них, найденное в погребении № 136 (рис. 79, 6), изготовлено из серого кремнистого сланца и представляет собой массивный отщеп подтреугольных очер-

Орудие из погребения № 68 (рис. 79, 1) очень крупное (26 см длиной, 3.5 см шириной), имеет сильно вытянутую форму. Поперечное сечение его четырехугольное; тыльный конец несколько уже закругленного рабочего конца. Поверхность предмета обработана шлифовкой; отчетливых следов сработанности не заметно. Судя по величине и форме, его скорее следует считать орудием типа кайла. Очень возможно, что рабочими частями служили оба конца. Исходя из этого, допустимо предположить, что рукоятка закреплялась не на одном из его концов, а в средней части.

¹ Возможно, что оно являлось только заготовкой.

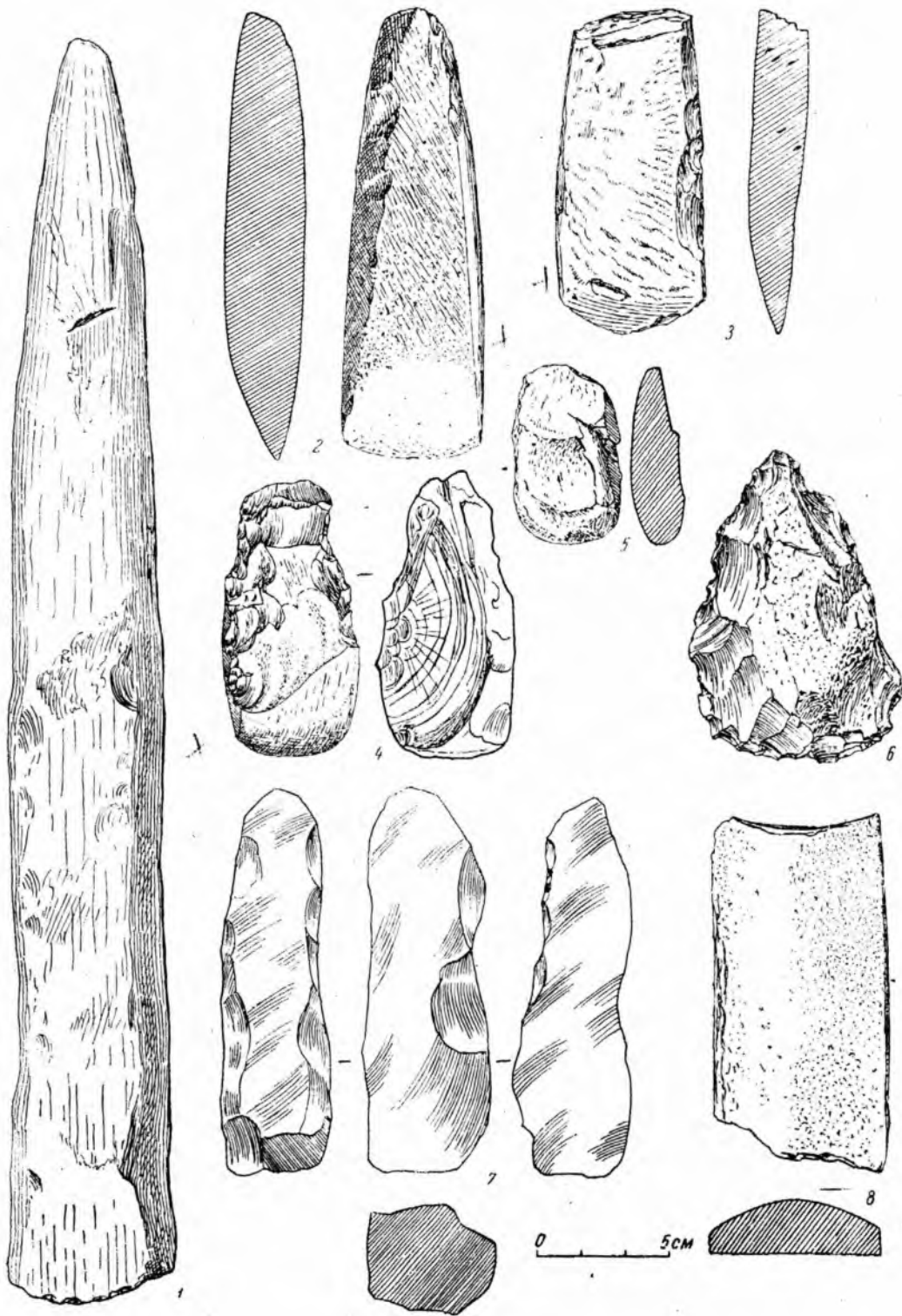

Рис. 79. Сланцевые орудия из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 68; 2, 8 — погр. № 82; 3, 5 — погр. № 8; 4 — погр. № 76; 6 — погр. № 136; 7 — погр. № 117.

той является своеобразие материала, из которого они изготовлены, — разновидность глинистого сланца. В этом случае, как и в целом ряде других, мы снова сталкиваемся с различиями между инвентарем Оленеостровского могильника и карельских неолитических стоянок.

Количество шлифовальных плит на неолитических стоянках и поселениях раннего металла в Карелии, как известно, очень велико. Все они изготовлены из твердых пород камня — мелкозернистого кварца, кварцита и реже гранита, т. е. пород, имеющих зернистую структуру, способствующую

скорейшей зашлифовке орудия. Сланцевые шлифовальные плиты являются на стоянках редчайшим исключением, поскольку они могли использоваться лишь для обработки орудий из мягких пород камня, или, что еще вероятнее, кости.

Отсутствие у древних оленеостровцев шлифовальных плит из наиболее удобного для этой цели материала — кварца или кварцита — следует объяснить тем, что древнее население, оставившее этот могильник, не было знакомо с абразивными свойствами крупнозернистых пород камня, в изобилии встречающихся в этих местах.

ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЙ

ПОДВЕСКИ ИЗ КЛЫКОВ МЕДВЕДЯ

Среди инвентаря могильника значительное место занимают медвежьи клыки (рис. 81, 17—21; 82, 1—15). Насчитывается 48 погребений, где они встречаются то по одному экземпляру, то небольшими группами от 2 до 5 штук (исключение составляет лишь погребение № 46, в котором обнаружено 15 клыков). Как правило, клыки несут на себе следы обработки в виде нарезок или отверстий в узкой корневой части, позволяющих использовать их в качестве подвесок. Лишь в четырех случаях (погр. №№ 26, 29, 85, 95) для прикрепления к ним нити использовалось легкое утолщение на самом конце корневища зуба.

Простейшим способом обработки медвежьих клыков следует считать, повидимому, нанесение коротких нарезок с узких сторон корня, предназначенных для привязывания нити¹ (рис. 81, 18). Чтобы нить не соскальзывала, нарезки, как правило, делаются глубокими. Такой прием обработки корневой части клыка сравнительно редок и больше похож на способ, применяемый к другому типу подвесок — резцам лося.

Вторым приемом обработки клыка являлось нанесение кольцевой нарезки (рис. 81, 20, 21). Отчетливо сохранившиеся следы у ряда клыков (погр. №№ 56, 100, 123 и т. д.) позволяют проследить технику нанесения нарезок. Так, например, на клыке из погребения № 56 (рис. 81, 19) отчетливо видно, что нарезки производились достаточно острым

инструментом (вероятнее всего кремневым ножом), очень короткими линиями, причем клык постепенно поворачивался и нарезки, не совпадая точно по направлению друг с другом, создавали некоторую прерывистость углубления, опоясывающую корневую часть клыка.

В ряде случаев нарезки, довольно глубокие и широкие, указывают на то, что нить, на которой подвешивался клык, была не очень тонкой. Однако глубокие и широкие нарезки встречаются далеко не на всех экземплярах. Так, например, клык из погребения № 123 (рис. 82, 1) имеет на самом кончике нарезку, хотя и глубокую, но узкую, свидетельствующую о прикреплении его с помощью тонкой нити, диаметром 1—2 мм. На большом количестве клыков заметны следы заглаженности внутренней части желобка нитями (рис. 81, 21). Среди клыков, обработанных данным способом, имеется клык собаки из погребения № 59 (рис. 82, 2).

Любопытно наличие в погребении № 116 (рис. 81, 17) клыка медведя, находящегося в куске челюсти, повидимому, выломанном из нее без применения каких-либо орудий (пилы или ножа), так как никаких следов от них не сохранилось. Некоторая залощенность клыка и одной из сторон обломка челюсти указывает на несомненное использование его еще при жизни захороненного человека.

Наиболее совершенным способом обработки тыльной части клыка следует считать высверливание в нем отверстий. Последние получались с помощью различных приемов, но всегда высверливались на широких, уплощенных гранях корня, поскольку здесь он имеет наименьшую толщину.

¹ Корневая часть клыка в естественном виде несколько сплюснута.

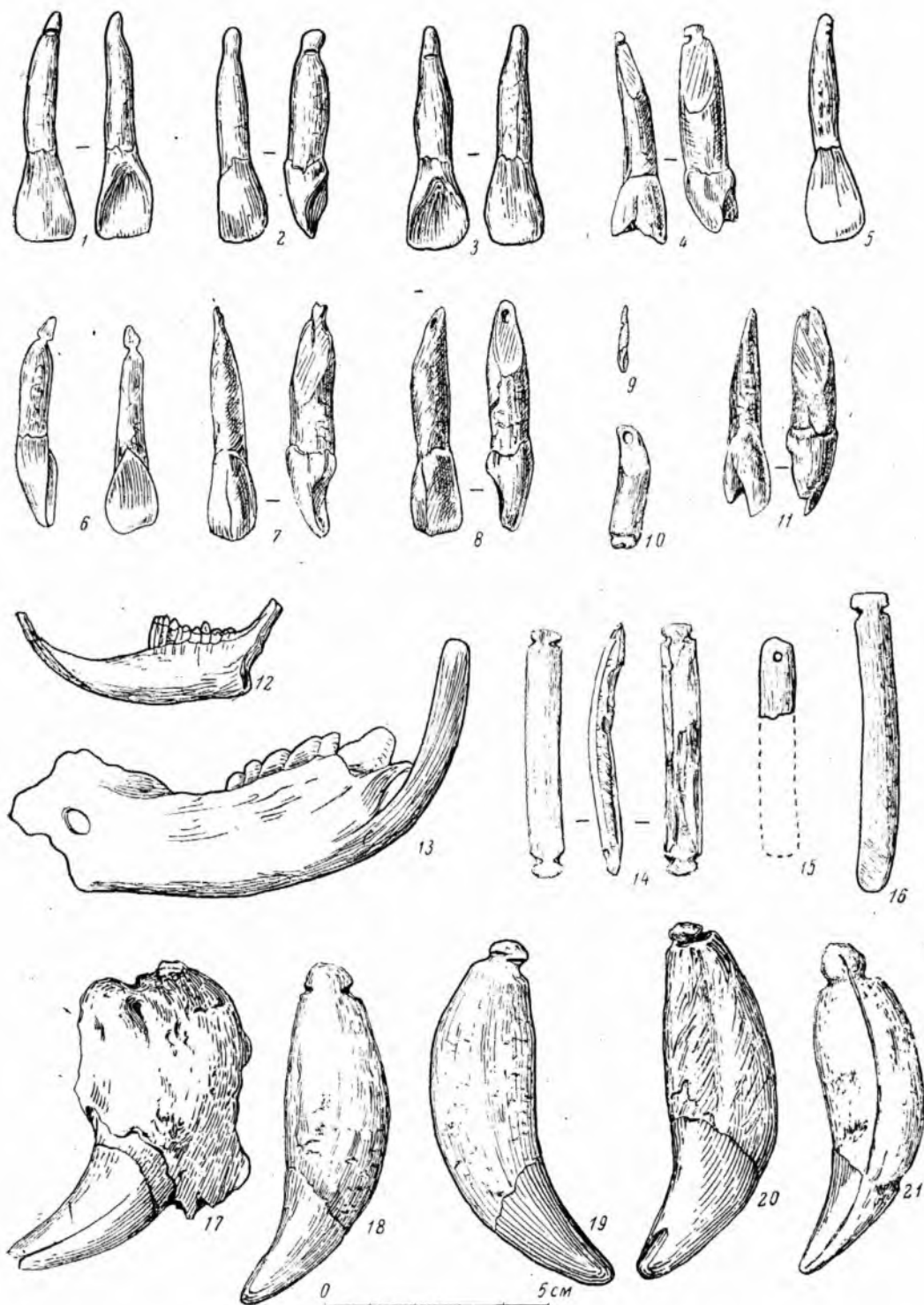

Рис. 81. Подвески из резцов лося и бобра и клыков медведя из Оленеостровского могильника. 1—11 — резцы лося (1—2 — погр. № 9; 3 — погр. № 4; 4, 7, 8, 10 — погр. № 127; 5 — погр. № 70; 6 — погр. № 119; 9 — погр. № 9; 11 — погр. № 69); 12, 13 — челюсти бобра (12 — погр. № 116; 13 — погр. № 100); 14—16 — пластинки из резцов бобра (14 — погр. № 69; 15 — погр. № 107; 16 — погр. № 45); 17—21 — клыки медведя (17 — погр. № 116; 18 — погр. № 46; 19 — погр. № 56; 20 — погр. № 123; 21 — погр. № 19).

Для того чтобы облегчить просверливание и избежать опасности излома клыка, площадь, где производилось сверление, искусственно уменьшалась путем стачивания с одной или двух плоских граней, как это мы наблюдаем у клыков из погребений №№ 100, 120, 123, 134 и т. д. (рис. 82, 4—9). В ряде случаев (например в погр. № 123) стачиванию поверхности клыка предшествовал предварительный срез, по видимому, произведенный острым кремневым ножом, следы скобления которого по поверхности часто выступают очень отчетливо.

Затачивание клыка осуществлялось на твердой каменной плите, следы от которой заметны в виде мелких штрихов, идущих параллельно друг другу (рис. 82, 4, 5, 8, 9). Особенно любопытен в этом отношении один из клыков погребения № 120. Обе стороны его сильно сточены и на них отчетливо выступают мелкие, параллельные штрихи, расположенные под углом к краям плоскости (рис. 82, 6). Направление этих мелких штрихов указывает, что при стачивании поверхности клыка его держали рукой за конец, покрытый эмалью, и под некоторым углом к плоскости шлифовальной плиты.

Проследивается два способа нанесения отверстий. В одном случае оно прорезалось, в другом просверливалось. Встречается сочетание сверления с вырезанием отверстия¹ — с одной стороны клык прорезан, с другой просверлен, как, например, в погребении № 24 (рис. 82, 13).

Клыки с прорезанным отверстием были встречены по несколько экземпляров в ряде погребений: №№ 24, 30, 31, 46, 61, 85, 100, 119, 120, 134 и др. (рис. 82, 4, 5, 8—13). Нередко в этом случае клык также предварительно стачивался с одной, иногда с двух сторон. Прорезывание отверстий произведено острым инструментом типа резака или острием косо срезанного кремневого ножа, какие встречаются в оленеостровских погребениях. Отверстие всегда имеет овальную форму и вытянуто в сторону конца клыка (эмали) или несколько наискось от него. Интересен в этом плане клык из погребения № 31, на котором особенно отчетливо заметны следы острья, с помощью которого вырезано овальное отверстие (рис. 82, 12), имеющее

в разрезе биконическую форму, т. е. шире по краям и уже в середине.

Часто шероховатость внутри отверстия, совершенно неизбежная при таком способе его выделки, заглажена последующим трением нити, на которой подвешивался клык.

На ряде клыков с просверленным отверстием, как, например, на подвеске из погребения № 100 (рис. 82, 14), хорошо видно, что при высверливании отверстия клык держали левой рукой за конец, покрытый эмалью, и несколько наискось, поэтому сверло сильнее нажимало именно на эту часть.

Иногда ширина просверленных отверстий достигает 4 мм, но чаще значительно меньше — 1.5 мм. Судя по сохранившимся следам, сверление производилось сплошным, а не полым сверлом. Кончик сверла был очень острым. Так, например, на одном из клыков из погребения № 56 (рис. 82, 15) на плоской его стороне можно видеть (с помощью лупы) рядом с просверленным отверстием крошечную ямку совершенно правильной формы, имеющую концентрические круги — след от начала сверления. В силу каких-то причин мастер переместил затем сверло ближе к краю. Подобный случай можно наблюдать и на клыке из погребения № 123 (рис. 82, 7), который имеет крошечную ямку на узкой заточенной стороне, в непосредственном соседстве с отверстием. Так же, как и на клыке из погребения № 56, видно, что кончик сверла был чрезвычайно острым.

Рассматривая поверхность клыков, нетрудно заметить, что почти во всех случаях большая заполированность проследивается на плоской стороне и значительно меньшая на выпуклой. Последнее объясняется способом употребления клыков. Клыки, подвешенные на грудь в качестве ожерелья, естественно были повернуты к телу или одежде человека своей плоской стороной, отчего последняя и приобретала с течением времени особую залощенность. Заглаженность отверстий изнутри, полученная в результате трения о них нити, указывает на то, что с покойником клали те клыки, которые он перед тем долго носил при жизни.

Любопытная в этом плане деталь проследивается на клыке из погребения № 46 (рис. 82, 3). Обломанный еще в древности, о чем свидетельствует заглаженность краев слома, он, однако, был использован вторично. Так как в оставшейся широкой части клыка

¹ Данное обстоятельство указывает на невозможность расчленения клыков по способу обработки на хронологически разновременные группы.

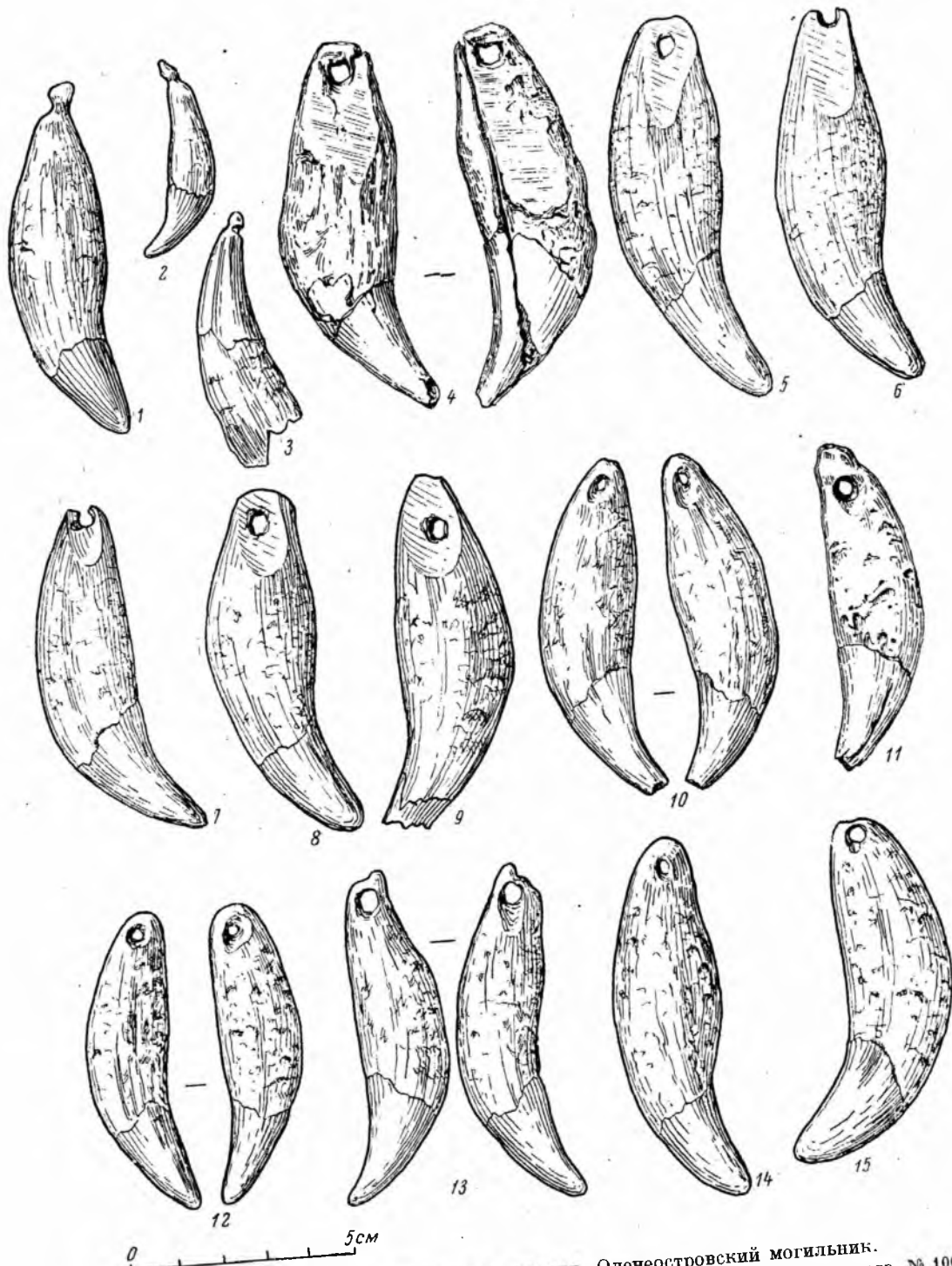

Рис. 82. Подвески из клыков медведя. Оленеостровский могильник.
 1, 7 — погр. № 123; 2 — погр. № 59; 3 — погр. № 46; 4—6 — погр. № 120; 8, 14 — погр. № 100;
 9 — погр. № 134; 10, 12 — погр. № 31; 11 — погр. № 113; 13 — погр. № 24; 15 — погр. № 56.

трудно было просверлить отверстие или сделать нарезки, последние были перенесены на противоположный конец, покрытый эмалью.

Клыки медведя в качестве подвесок широко известны среди археологического материала, начиная от мезолитических стоянок и до городищ включительно.

Так, они встречаются в Кунде,¹ Приладожских стоянках,² неолитических стоянках Прибалтики,³ уральских городищах,⁴ древних культурах Берингова моря⁵ и, наконец, широко известны по этнографическим материалам⁶ (рис. 83, 22—27).

РЕЗЦЫ ЛОСЯ

Даже при беглом знакомстве с характером украшений становится совершенно очевидным, что абсолютное большинство их падает на долю резцов лося, используемых в качестве ожерелья или нашивок на одежду. Можно смело сказать, что ни одна группа инвентаря не является столь многочисленной. Погребений, в которых встречены резцы лося, насчитывается 84, в то время как погребений, лишенных их, всего 47.⁷ У большинства захороненных было найдено по несколько десятков, а иногда и сотен зубов и только в исключительных случаях один-два зуба.

Как следует из табл. 13, наибольшее количество резцов лося найдено в погребениях №№ 100 (свыше 300 экз.), 85 (265 экз.), 107 (274 экз.).

Как правило, в качестве подвесок и нашивок на одежду употреблялись резцы взрослых особей, причем иногда очень крупного размера. Встречаются отдельные погребения, где отобраны лишь чрезвычайно массивные резцы. Использование зубов молодых экземпляров лосей исключительно редко.⁸

¹ Институт истории АН Эстонской ССР, колл. № 3359-220.

² А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, табл. XI, 9.

³ Двигет: Рижский исторический музей, колл. № 9586-111.

⁴ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, № 1, 1940, стр. 83—99, табл. III, 2.

⁵ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, табл. 16, 17.

⁶ С. А. Ратнер-Штернберг. Музейные материалы по тлингитскому шаманству. Сб. МАЭ, т. VI, 1927, стр. 79—114.

⁷ При подсчете не принимаются во внимание погребения, вовсе лишенные инвентаря.

Подобно клыкам медведя резцы лося чаще всего обработаны в корневой части; резцы, лишенные обработки, встречаются лишь в виде исключения. При изготовлении из резцов подвесок использовались примерно те же приемы, что и при обработке медвежьих клыков — нарезки и сверление, хотя последнее применялось очень редко.

Нарезки на корневых частях резцов встречаются двух типов: круговые (рис. 81, 6) и частичные (рис. 81, 1—3). При нанесении круговых нарезок резец лося, держа в левой руке, постепенно поворачивали, а правой надрезали корень кремневым ножом. Рассматривая характер углубления, можно видеть, что нарезки наносились инструментом, имеющим острый угол. Ввиду того что корень у резца лося гораздо тоньше, чем у клыка медведя, для круговой нарезки требовалось значительно меньшее количество движений, вследствие чего легче было избежать несовпадения насечек и тем самым прерывистости общей линии.

Большинство резцов лося имеет не круговые, а частичные нарезки с одной или двух противоположных узких граней, что может объясняться двумя причинами: во-первых, для закрепления резца было вполне достаточно лишь небольшой насечки, так как даже очень тонкая нить могла выдержать незначительную тяжесть резцов, собранных в ожерелье; во-вторых, резцы лося чаще всего использовались в качестве нашивок на одежду, а в этом случае достаточно было углубления лишь с одной стороны.

Распределение нарезок на корне резцов лося подчинено определенной закономерности. Наиболее широко распространены нарезки на боковых уплощенных сторонах резца (на правой или на левой; рис. 81, 2). Зуб с такой нарезкой при нашивке на одежду укладывался боком, выгнутой частью вправо или влево. Реже нарезки имеются на внешней стороне резца, параллельно выпуклой стороне эмали, и тогда зуб, будучи включенным в ожерелье или нашитым на одежду, принимает как бы естественное положение (рис. 81, 1). Очень редко встречаются резцы лося с нарезками, нанесенными на корне с выгнутой стороны зуба, поскольку (рис. 81, 3)

⁸ Данное обстоятельство не может служить показателем того, что молодые лоси не были объектом охоты.

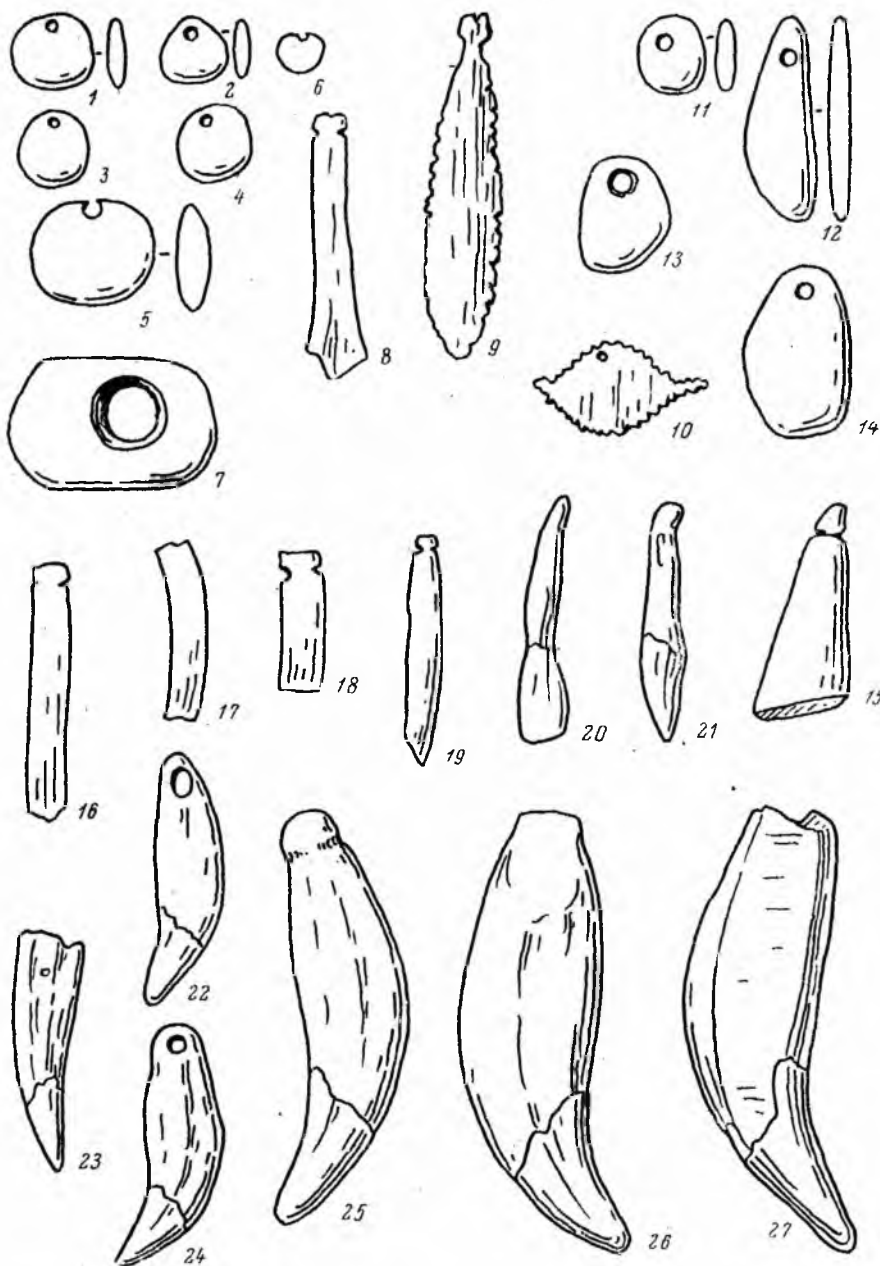

Рис. 83. Этнографические и археологические параллели к подвескам.
 1-6, 11, 12, 17, 18 — Кубенно; 7, 8, 13, 16, 27 — прилаженные стояны; 9, 10, 15, 19,
 20 — Веретье; 14 — Молдона; 21 — Сарнете; 22 — Галкинское городище; 23, 24 — Чукотка;
 25 — Двиста; 26 — Цискас.

резцы, обработанные таким образом, неудобно нашивать на одежду; обращенные выпуклой стороной, они не могли прилегать к ней плотно.

Только в одном погребении, № 127, встречены 2 резца дося с отверстиями, про-

сверленными с двух сторон в корневой части, подобно клыкам медведя (рис. 81, 8, 10); остальные экземпляры резцов этого погребения обработаны обычным способом — нарезками. Внутренняя часть отверстия заглажена трением пропущенной через него нити.

Получению отверстий предшествовало предварительное стачивание корневой части резца, совершенно тождественное приему, применявшемуся при обработке медвежьих клыков. По имеющимся мелким штрихам видно, что стачивание произведено на твердой шлифовальной плите без предварительного срезывания ножом.

Определенный интерес представляет группа в 14 резцов из того же погребения № 127 и один из погребения № 69, имеющих сильную пришлифовку с одного края (рис. 81, 4, 7, 11). На отдельных экземплярах заметны остатки сверления, не доведенного до конца, после чего были сделаны нарезки.

При рассмотрении медвежьих клыков мы отмечали наличие в одном погребении клыков с различными приемами обработки. В еще большей мере это относится к резцам лося. Данное явление станет вполне понятным, как только мы рассмотрим детальнее способ использования их человеком. К сожалению, в расположении резцов лося на костяках Оленеостровского могильника далеко не всегда прослеживается определенная закономерность. Особенно это относится к тем погребениям, первоначальное положение которых было нарушено в силу каких-либо причин. Все же более часты случаи, когда в размещении их можно усмотреть известный порядок.

1. Резцы лося — подвески — довольно часто встречаются в области груди, иногда в сочетании с клыками медведя и бобровыми пластинками, составляя с ними один убор (погр. №№ 35, 45, 50, 58).

2. В некоторых погребениях резцы лося располагаются в определенном порядке на голове костяка, означая тем самым, что они составляли украшение головных уборов. Такое расположение резцов прослеживается в погребениях №№ 5, 56, 65, причем последнее погребение представляет наибольший интерес. Приведенный рисунок детали данного погребения (рис. 99) показывает следующее: резцы лося, направленные нарезками вверх, в значительном количестве расположены на задней части черепа и на шее костяка. При такой закономерности в расположении резцов не остается сомнения, что они были связаны с головным убором.

3. Особенно часто встречается довольно правильное расположение зубов вдоль костей рук погребенного, направленных при

этом нарезками в одну сторону, почти всегда во внутреннюю (погр. №№ 4, 9, 50, 56, 61, 76, 85, 102, 107, 127).

4. Нередко гирлянды зубов спускаются ниже пояса, а иногда и до ступней ног. Количество таких погребений значительно. Среди них следует отметить погребения №№ 57, 76, 85, 102, 107, 114.

5. Особенно интересны весьма частые случаи, когда резцы лося встречаются скоплением в области таза и несколько ниже его, образуя полукруг. Будучи направленными концами с нарезками строго в одну сторону, они указывают на то, что являются остатками украшения одежды. Такое расположение резцов было обнаружено в погребениях №№ 4, 13, 14, 16, 25, 46, 47, 58, 61, 64, 69, 76, 76а, 81, 95, 97, 106, 127, 161. Наиболее интересными из них являются погребения №№ 13, 14, 69, 97, 127, где резцы лося залегают вместе с бобровыми пластинками сплошной массой в области таза и нижних частях ног костяка, составляя, повидимому, украшение передника, спускавшегося ниже пояса. В погребении № 13 насчитывается свыше 50 резцов. Абсолютное большинство их повернуто концами с нарезками вверх, а коронками вниз. Подобие такого же украшения, но выраженного менее отчетливо, наблюдается и на соседнем захоронении № 14.¹ Остатки пояса, составленного из резцов лося, можно видеть также в погребении № 127, где насчитывается 90 резцов.

6. Оригинальный характер расположения резцов лося имеет погребение № 57. Помимо резцов, обнаруженных в области черепа костяка и связанных, вероятно, с головным убором, а также в области костей рук (украшение рукавов), значительная группа из них находится в нижней части голени, ближе к ступням ног. Расположение их тесной массой и направленность концов с нарезками в одну сторону, свидетельствует, как мне кажется, о том, что они были связаны с обувью и являлись украшением последней — как бы бахромой близ ступней ног. Подобное же расположение, но выраженное менее отчетливо, прослеживается на костяке из погребения № 76.

7. Не менее оригинальный способ использования резцов лося в качестве украшения можно наблюдать в погребении № 61. Не-

¹ Захоронения №№ 13 и 14 парные.

трудно заметить что резцы лося¹ располагаются здесь компактной массой в непосредственной близости к сланцевому ножу. Направленные нарезками строго в одну сторону (к ножу), они расходятся от него лучеобразно. Данная группа резцов несомненно связана с ножом и, вероятнее всего, являлась украшением чехла, в котором его носили на груди.

Такое же примерно расположение группы резцов лося, связанное со сланцевыми ножами и клыками медведя, прослеживается, хотя и гораздо менее отчетливо, в погребении № 45.

Употребление резцов лося в качестве украшения одежды и гораздо более редкое использование их как подвесок не могло не отразиться на характере поверхности резцов.

Будучи плотно нашитыми на одежду, они не подвергались трению об нее и потому следов залощенности не имеют, в противоположность подвескам из клыков медведя.

Территория распространения археологических памятников, в которых встречаются резцы лося в качестве подвесок, весьма широка — от Прибалтики до Сибири и от Онежского озера до Кавказа. Они известны в серовских погребениях Сибири,² фатьяновских средней полосы Европы,³ южных степных могильниках,⁴ на стоянках и могильниках Прибалтики,⁵ стоянках каргопольской культуры⁶ (рис. 83, 20, 21).

ПЛАСТИНКИ ИЗ РЕЗЦОВ БОБРА

Одним из видов украшений, почти столь же широко распространенных, как и резцы лося, являлись пластинки из резцов бобра. Они обнаружены более чем в 70 погребениях. Подобно резцам лося пластинки из резцов бобра встречались целыми десятками и даже сотнями (погр. № 100) и только в исклю-

чительных случаях насчитывались единицами.

В двух погребениях обнаружены резцы бобра вместе с челюстями. В погребении № 116 челюсть принадлежала молодой особи (рис. 81, 12). В погребении № 100 найдено 6 челюстей взрослого бобра, каждая вместе с резцом¹ (рис. 81, 13). Интересной деталью всех шести челюстей является сквозное отверстие в задней части, служившее для подвешивания. Форма отверстий овальная, вытянутая к верхней части (наискось). Характер их краев показывает, что они были не просверлены, а прорезаны ножом, чему способствовали тонкие стенки в этой части челюсти.

Наличие отверстий в челюстях, направление их вытянутости и следы залощенности внешней поверхности с бесспорностью свидетельствуют о том, что они служили в качестве подвесок. Кроме двух упомянутых погребений, где резцы бобра были найдены вместе с челюстями, во всех остальных случаях они встречались отдельно.

Как правило, резец бобра раскалывали в длину и делили затем на несколько пластинок и лишь в совершенно исключительных случаях использовали полностью для одной пластинки (длина пластинки при этом достигала 10 см).

В естественном виде резец бобра имеет в поперечном сечении форму сильно уплощенного четырехугольника, внешняя сторона которого представляет собой слегка выпуклую блестящую эмалевую поверхность. Последняя как бы надета в виде тонкого чехла на костяной остов. В большинстве случаев этот костяной каркас оставлен на пластине, в ряде же погребений были найдены лишь тонкие и очень хрупкие внешние эмалевые части резцов.

Благодаря блестящей и красивой поверхности, пластинки из резцов бобра служили нарядным украшением. Абсолютное большинство их использовалось в качестве нашивок на одежду, поэтому на обоих концах пластинки наносились достаточно глубокие нарезки для прикрепления с помощью нитей (рис. 81, 14). Форма нарезок показывает, что их наносили двумя типами инструментов — очень острым, имеющим в поперечном сечении острый угол, и более тупым,

¹ Помимо наличия некоторого количества их у кистей рук.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, рис. 84.

³ Кузминский могильник: Гос. Эрмитаж, колл. № 300.

⁴ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 67—146, рис. 54 и др.

⁵ Стоянка Сарнаге: Рижский исторический музей; Кунда: Институт истории АН Эстонск. ССР, колл. № 3359-145.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, рис. 25, 4.

¹ Длина резцов, находящихся в бобровых челюстях, достигает 15 см.

придающим определенную округлость узкой части насечки. Наиболее распространенным способом являлся первый. В этом случае использовался острый кремневый нож, лезвие которого было образовано плоским брюшком и частью спинки, направленной под углом к нему (обработанный конец пластинки подобно негативу запечатлел форму инструмента, которым была нанесена нарезка). Так как толщина пластины очень незначительна, для нанесения нарезок вполне достаточно было одного движения.

Значительно реже нарезка в разрезе имеет не острый угол, а очень сильно вытянутый овал. Повидимому, в этом случае инструмент, которым наносилось отверстие, был не очень острым, скорее всего он представлял собой кремневый нож с лезвием, обработанным довольно крутой ретушью.

Не остается сомнений, что пластинки, имеющие нарезки на обоих концах, нашивались вплотную на одежду. Однако в четырех погребениях были обнаружены пластинки с нарезками только на одном конце, в то время как другой, противоположный, конец их был закруглен и стесан (рис. 81, 16).¹

Данная форма пластинок указывает на то, что они нашивались на одежду лишь одним своим концом, тогда как второй оставался свободным и спускался вниз. Указанная форма пластинок весьма оригинальна и найдена лишь в очень ограниченном количестве погребений.

В погребении № 107 обнаружена одна пластинка с просверленным отверстием (рис. 81, 15).

Рассматривая местоположение бобровых пластинок в погребениях, можно прийти к выводу, что они располагаются довольно закономерно — в основном у черепа и в верхней части костяка в области груди.²

Одним из погребений, где порядок залегания пластинок и резцов бобра в области груди прослеживается с наибольшей от-

четливостью, является погребение № 5. Они располагались здесь компактной массой, указывая на то, что были нашиты на часть одежды, закрывающей грудь покойника. По обеим сторонам груди (ближе к рукам) размещались пластинки, образующие горизонтальные ряды (параллельные поясу), а в середине и внизу, в два ряда, пластинки, нашитые вертикально (перпендикулярно поясу).

Нередко бобровые пластинки сочетаются с резцами лося, составляя с ними общий узор (например, поясное украшение из погребения № 13).

Наиболее часто пластинки из резцов бобра встречаются в области черепа; здесь они служили, повидимому, украшением головного убора.

Исключительного внимания в этом плане заслуживает погребение № 115, в котором пластинки из резцов бобра сохранились почти в первоначальном положении.

Все пластинки имеют нарезки на обоих противоположных концах. Это свидетельствует о том, что они употреблялись не в качестве подвесок, подобно резцам лося, а плотно пришивались к головному убору. Вероятно, это была шапка, украшенная спереди двумя рядами бобровых пластинок, на которых нижний ряд приходился на лоб, тогда как верхний (из 3 пластинок) — на теменную часть головы. Сочетание пластинок крупных с мелкими и симметричное их расположение создавали приятный для глаза узор.

Значительно менее отчетливо сохранилось украшение из бобровых пластинок в погребениях №№ 111 и 114. Однако и здесь можно видеть, что все они сконцентрированы на темени, вероятно, являясь нашивками на шапку.

Подобно клыкам медведя и резцам лося бобровые пластинки хорошо известны и по другим археологическим памятникам лесной полосы. Так, они встречаются, например, в приладожских стоянках,¹ Нижнем Веретье,² Кубенино³ и на Оленеостровском могильнике Баренцова моря,⁴ где были обнаружены не только отдельные бобровые пластинки, но и челюсть бобра (рис. 83, 16—18).

¹ Подобно клыкам медведя и некоторым резцам лося затачивание этих пластин производилось на шлифовальной плите. На внутренней поверхности совершенно отчетливо видны мелкие, параллельные друг другу штрихи, расположенные под некоторым углом к краям пластинки.

² Поскольку, однако, пластинки очень легки, они часто сдвигались с места грызунами или корнями деревьев, нередко нарушавшими погребения, и поэтому далеко не всегда удается уловить в их положении определенный порядок.

¹ А. А. Иностранцев, ук. соч., табл. XI, 8.

² М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, табл. VII, 6.

³ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 216.

⁴ П. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла. . . , стр. 374, рис. 20.

ПОДВЕСКИ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ

К числу украшений, пользовавшихся весьма широким распространением, относятся костяные подвески. В подавляющем большинстве случаев они представляют собой части трубчатых костей животных, в той или иной степени обработанные, на конце которых нанесены нарезки для прикрепления нити. Иногда в качестве подвесок использованы подъязычные кости млекопитающих. Вторую группу составляют подвески с просверленным отверстием.

Украшения данного типа встречены в 22 погребениях (№№ 13, 16, 30, 45, 47, 58, 61, 64, 68, 69, 70, 76а, 85, 102, 106, 108, 109, 113, 129, 144, 146, 156). Наибольшее количество обнаружено в погребениях №№ 113 (30 экз.) и 68 (27 экз.). В остальных погребениях имеется от 1 до 4 подвесок.

Более единообразные и отчетливо выраженные типы их обнаружены в погребении № 113 (рис. 84, 1—18). Здесь они представлены начиная от крупных (13,5 см) с хорошо прослеживаемой обработкой (рис. 84, 14) до очень мелких (2,5 см), с едва намеченными нарезками для прикрепления нити (рис. 84, 11). Наибольшей величиной и полным сходством друг с другом обладают пять подвесок, изготовленных из массивных трубчатых костей животного (рис. 84, 12—16). Последние расчленены не путем распиливания или надреза резцом, а простым раскалыванием, о чем свидетельствуют их неровные края и неодинаковая ширина. По форме они удлиненные, с дугообразным поперечным сечением. Обработка поверхности довольно небрежная; края слегка сглажены, губчатая поверхность с внутренней части кости удалена, шлифовка произведена гораздо менее тщательно, нежели на других орудиях, на вогнутой части она совершенно отсутствует.

На всех пяти подвесках без исключения один конец сужен и на нем с обеих противоположных узких сторон нанесены нарезки, имеющие в плане треугольную форму. По сохранившимся следам можно сделать вывод, что они произведены острым кремневым ножом. На степень заостренности ножа указывают очень тонкие следы надрезов, длиной 1 см, расположенные у концов на-

резок. Происхождение их объясняется тем, что при нанесении углубления подвеска держалась узкой боковой стороной вверх, в силу чего наибольший нажим падал на среднюю ее часть, в то время как самый конец ножа, слегка касаясь расположенного дальше участка, оставлял на нем очень легкий след в виде как бы прочерченных линий.

Сравнительно большая глубина нарезок на подвесках вызвана относительно большим весом их, требующим более толстой нити, нежели, например, резец лося.

Некоторым своеобразием в этой группе обладают две подвески (рис. 84, 12, 15). Их концы, противоположные концам с нарезками, сильно расширены, слегка загнуты и имеют меньшую толщину стенок, так как эта часть подвески совпадает с концом кости, очень близкой к эпифизу, где твердый костный покров становится значительно тоньше, а ширина кости увеличивается.

Остальные подвески из погребения № 113 (19 экз.) отличаются от вышеописанных лишь меньшим размером и недостаточно отчетливо выраженной формой. Нарезки их менее глубоки, внешняя поверхность зашлифована сравнительно слабо, наблюдаются некоторые следы залощенности.

Следует отметить, что сглаженность краев и некоторая залощенность внешней поверхности подвесок свидетельствуют о том, что они использовались в быту и не были изготовлены лишь со специальной целью — сопровождать умершего в загробный мир.

На некоторых мелких подвесках нарезки не сохранились, однако следы заполированности поверхности указывают на применение их, возможно, в качестве нашивок на одежду.

Сходными по типу с основной массой подвесок из погребения № 113 являются 4 подвески из погребения № 69 (рис. 84, 24—27) и 21 подвеска из погребения № 68 (рис. 85, 9—29), различающиеся лишь по размеру.

Несколько иную форму имеют три подвески из того же погребения № 68 (рис. 85, 6—8), пять из погребения № 45 (рис. 85, 1—5) и две из погребения № 61 (рис. 85, 36, 37). Для их изготовления были использованы не крупные трубчатые кости животных,

как обычно, а подъязычные кости, на узкой части которых нанесены нарезки. Характер обработки этих подвесок

довольно небрежный. Следует указать, что подвески такой формы известны, например, в стоянках Приладожья¹ (рис. 83, 8).

Некоторыми индивидуальными чертами обладают две подвески из погребения № 13 (рис. 84, 19, 21), имеющие правильную удлиненную форму, уплощенное поперечное сечение и заостренный под углом конец. Противоположный, округлый суженный конец снабжен круговыми нарезками. Подвески по своей форме напоминают прямые наконечники стрел и отличаются от них лишь наличием указанных круговых нарезок, свидетельствующих о применении данных предметов в качестве подвесок. Им свойственна исключительная тщательность шлифовки внешней поверхности и сохранившиеся следы залощенности от употребления.

Подвеска из погребения № 86 является кусочком нижней челюсти жвачного животного — оленя или молодого лося (рис. 87, 12). Она массивнее других подвесок; на одном из концов ее нанесены глубокие нарезки.

Особое место занимает подвеска из погребения № 64 (рис. 84, 28), изготовленная из кварцита, имеющая удлиненную форму. Один конец ее расширен, второй сужен. На узком конце с двух сторон сделаны глубокие нарезки для привязывания.² Имеются две подвески из погребения №№ 13 и 30 (рис. 84, 22; 87, 6), представляющие собой ульны бобра с сохранившимися эпифизами, в узкой верхней части которых нанесены нарезки. Внешняя поверхность не имеет отчетливо выраженных следов обработки и лишь слегка залощена от употребления.

Вторую, менее многочисленную группу составляют костяные подвески с отверстием для продевания в них нити, сходные с подвесками, изготовленными из камня.

Наиболее отчетливо в этом отношении выражены 10 подвесок из женского погребения № 102 (рис. 86, 1—4, 6—11) и подвеска из погребения № 129 (рис. 86, 26). Все они изготовлены из очень тонких пластин, овальных или круглых по форме, вырезанных, вероятнее всего, из тазовых костей или лопатки

крупных животных. Внешняя поверхность их хорошо зашлифована, на одном из концов имеется узкое просверленное отверстие.

Подвески из погребения № 102 залегали все вместе в области колен, указывая на то, что они являлись, по видимому, нашивками на подол одежды или конец передника.

Менее выраженными являются шесть подвесок из погребения № 61 (рис. 86, 20—25). Одна из них (рис. 86, 24) изготовлена из части крупной трубчатой кости с одной слегка выпуклой и другой плоской стороной. На выпуклой стороне заметны незначительной глубины штрихи от шлифовки. Еще более отчетливо выступают они на плоской стороне, подвергнутой интенсивной обработке, располагаясь группами в различном направлении. Края пластинки ровные, обработанные, по видимому, ножом. На одной из сторон сохранились следы просверливания.

Вторая подвеска из того же погребения № 61 (рис. 86, 23) вырезана из тонкой кости мелкого животного. Форма ее слегка вытянутая, широкий конец округлый, на узком с двух сторон имеются нарезки, предназначенные для прикрепления нити.

Все шесть подвесок, так же как и предыдущие, залегали вместе в левой части груди костяка, в непосредственном соседстве с костяными украшениями, и составляли, по видимому, с ними один общий убор.

Близким по внешнему виду к рассмотренным подвескам, однако более крупным и, быть может, имеющим иное назначение, является предмет и несколько его фрагментов из погребения № 69 (рис. 86, 31, 32, 35), изготовленный из массивной и плоской кости (возможно, лопатки или таза). По сохранившимся частям можно судить о его округлых очертаниях. Одна из сторон обработана очень тщательно шлифованием, вторая, хотя и достаточно ровная, следов зашлифовки не имеет. На обеих сторонах предмета прослеживаются слабые следы от употребления в виде залощенности.

На двух противоположных концах предмета имеется по одному просверленному отверстию (частично разрушенному), образованному с помощью двухстороннего сверления. Назначение данного предмета не совсем понятно, поскольку нельзя полностью восстановить его форму. Вероятнее всего, в нем нужно видеть украшение, на что указывает и залегание предмета в области груди костяка.

¹ А. А. Иностранцев, ук. соч., табл. XI, 4.

² Небезынтересно отметить, что аналогичная подвеска, только из сланца, найдена была в нижнем слое стоянки Веретье. См.: М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, табл. VII, 11.

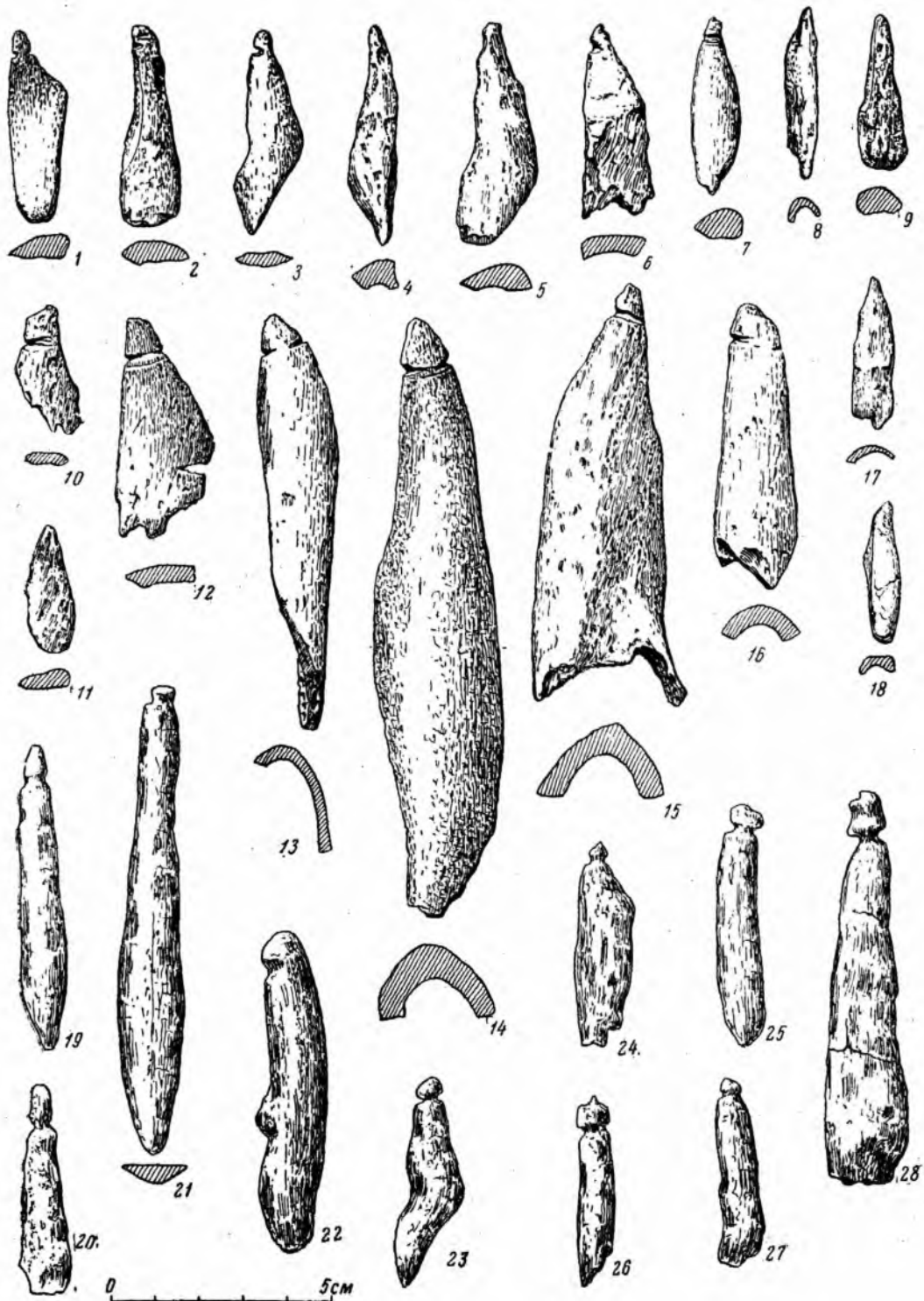

Рис. 84. Подвески из Оленеостровского могильника.

1—27 — костяные подвески (1—18 — погр. № 113; 19—22 — погр. № 13; 23 — погр. № 108; 24—27 — погр. № 69); 28 — кварцевая подвеска (погр. № 64).

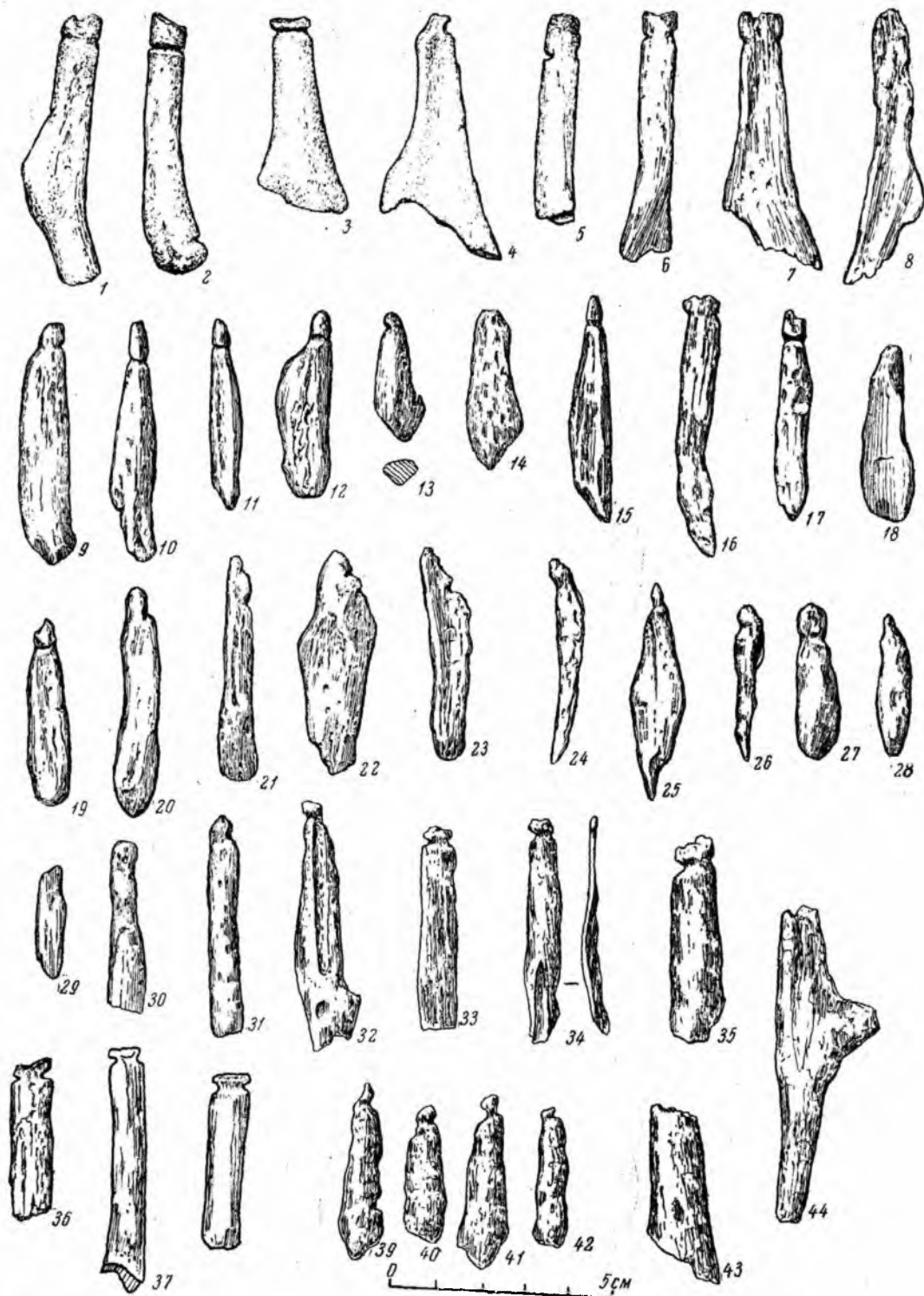

Рис. 85. Костяные подвески (1—42) и обломки костяных предметов (43, 44) из Олене-островского могильника.
 1—5 — погр. № 45; 6—29 — погр. № 68; 3—31 — погр. № 64; 32—34 — погр. № 16; 35, 43, 44 — погр. № 47; 36, 37 — погр. № 61; 38 — погр. № 76а; 39—42 — погр. № 146.

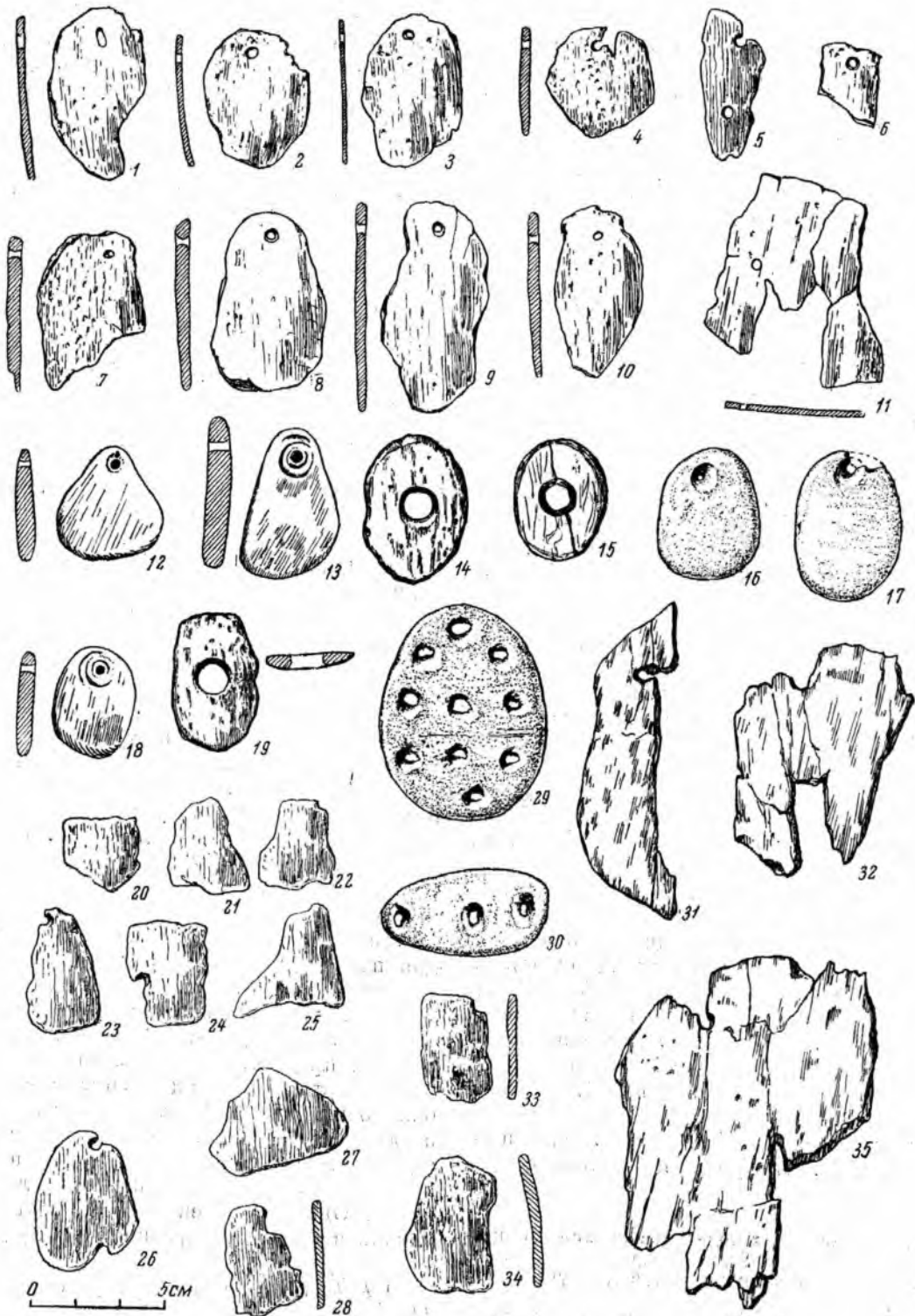

Рис. 86. Костяные и каменные подвески и другие изделия из Оленеостровского могильника.

1—4, 6—11 — погр. № 102; 5, 12, 13, 18 — погр. № 144; 14, 19—25 — погр. № 61; 15 — погр. № 85; 16, 17, 29, 30 — погр. № 109; 26, 27 — погр. № 129; 28, 33 — погр. № 156; 34 — погр. № 106; 31, 32, 35 — погр. № 69.

Последнюю группу, которую также до некоторой степени условно можно причислить к подвескам, составляют три костяных предмета из погребений №№ 61 и 85 (рис. 86, 14, 15, 19), чрезвычайно близкие по форме и, вероятно, идентичные по назначению. Они изготовлены из крупных трубчатых костей животных, имеют овальную форму, небольшой размер (от 2.8 до 3 см длиной и от 2.1 до 2.3 см шириной), одну слегка выпуклую, другую уплощенную стороны и круглое отверстие в середине (8 мм в диаметре).¹ Следы от зашлифовки в виде мелких параллельных друг другу штрихов, расположенных по диагонали, особенно хорошо заметны на плоской стороне предмета.

На всех экземплярах удается проследить обработку их краев. Вначале из кости была вырезана грубо округлая болванка, а затем, постепенно поворачивая ее и стесывая на шлифовальной плите небольшими участками, предмету придавали нужную округлую форму.

Близкие предметы, но изготовленные из камня, известны из коллекции А. А. Иностранцева² и Нижнего Веретья.³

Данные предметы использовались в качестве украшений. С особой уверенностью это можно утверждать в отношении предмета из погребения № 85 (рис. 86, 15), местоположение которого позволяет безошибочно сделать вывод, что это украшение носили на голове (на лбу или нижней части темени). Предметы принадлежали, повидимому, мужским захоронениям.⁴

К группе подвесок относятся также три экземпляра из погребения № 144 (рис. 86, 12, 13, 18), изготовленные из плоских кварцевых галек небольшой величины (от 2.5 до 3.5 см в диаметре), обкатанных водой. Каждый из экземпляров имеет в слегка суженной части отверстие, служащее для продевания нити. На двух предметах сохра-

нились следы от работы сверлом, судя по которым можно сделать вывод о форме последнего. Повидимому, сверло имело острый конец длиной не более 3 мм, после чего оно резко расширилось, достигая 8 мм в диаметре. В процессе работы острый конец сверла просверлил подвеску насквозь, а уступ, образующий расширение, оставил на ее поверхности, вокруг высверленного отверстия, слегка прочерченный круг, значительно больший по диаметру, чем само отверстие.

Чем толще галка, тем отчетливее выступают на ней следы второго широкого кольца (например, подвеска, изображенная на рис. 86, 13, имеющая толщину 4 мм), чем тоньше галка, тем они менее заметны (подвеска на рис. 86, 18, толщина 2.5 мм). В том же случае, когда толщина подвески совсем незначительна (например, представленной на рис. 86, 12, равной 2 мм), второй большой круг едва намечен. Так же как и в других предметах, просверливание произведено с двух сторон.

Подвески такого типа известны, например, из коллекции А. А. Иностранцева¹ и из стоянок Кубенино,² Модлона³ и др. (рис. 83, 1—6, 11—14).

К числу каменных подвесок следует условно отнести четыре предмета из погребения № 109 (рис. 86, 16, 17, 29, 30). С наибольшей долей вероятности можно считать подвесками две поделки, снабженные на одном из концов обычным для этой цели отверстием (рис. 86, 16, 17).

Два других предмета, хотя и очень близки к первым по форме, имеют по несколько отверстий, что совершенно излишне для подвески (рис. 86, 29, 30). Однако несомненная их связь с двумя первыми (принадлежность к одному погребению и совместное залегание) заставляет рассматривать их как предметы одинакового назначения.

Все четыре экземпляра представляют собой сравнительно небольшие (от 3 до 5 см в диаметре) гранитные галки овальной формы, незначительной толщины, внешняя поверхность которых хорошо зашлифована водой. Одна из галек имеет расплывчатое отверстие близко к одному из краев просверленного от-

¹ Отверстия у всех подвесок сохраняли концентрические круги от действия сверла.

² А. А. Иностранцев, укр. соч., табл. XI, 20.

³ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, табл. V, 4.

⁴ Погребение № 83 определено как мужское антропологами, погребение № 61 можно определить как мужское, исходя из характера сопровождавшего его инвентаря.

¹ А. А. Иностранцев, укр. соч., табл. XI, 19.

² Раскопки М. Е. Фосс; материал хранится в Гос. Историческом музее.

³ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. . . , стр. 39, рис. 10, 1.

верстие, диаметр которого с одной стороны равен 5 мм, с другой — 2 мм. У второй подвески процесс сверления не был доведен до конца. Два других предмета имеют по несколько отверстий. Один из них — галька овальной формы (2×4 см) — в средней части снабжен тремя отверстиями, расположенными в одну, хотя и не совсем правильную линию (рис. 86, 30). Характерной особенностью отверстий является то, что они не просверлены, как во всех остальных каменных подвесках, а пробиты с одной стороны мелкими ударами (типа точечной ретуши), в силу чего форма их почти овальная. Заглаженности краев отверстий не прослеживается.

Вторая галька имеет почти правильную округлую форму, 5 см в диаметре (рис. 86, 29). От предшествующей ее отличает большая величина и наличие десяти пробитых отверстий, восемь из которых расположены по кругу, а два — в середине. Расстояние между отверстиями приблизительно одинаково. Форма их неправильная — иногда подтреугольная, в других случаях близкая к овалу; сглаженности внутри отверстий не наблюдается.

Назначение описанных предметов определить трудно.¹ Вследствие твердости каменной породы каких-либо следов от употребления проследить не удается.

КОСТЯНОЕ НАГРУДНОЕ УКРАШЕНИЕ

Среди украшений привлекает к себе внимание один предмет из погребения № 133

(рис. 122, 7—18). К сожалению, фрагментарность¹ не позволяет восстановить его в полном виде.

Части данного предмета представляют собой узкие костяные пластинки с поперечным сечением, близким к уплощенному четырехугольнику, с одной слегка вогнутой внутрь стороной. Судя по легкой изогнутости фрагментов, можно сделать вывод, что форма предмета в целом представляла собой большой полукруг, внешняя поверхность которого гладкая, хорошо зашлифованная, внутренняя (вогнутая) имеет губчатую структуру.

В местах пересечения граней на двух противолежащих сторонах располагается орнамент в виде коротких, сравнительно широких, но неглубоких нарезок² размером от 0.5 до 1 мм. Расстояние, отделяющее их друг от друга, равно 1—2 мм. Наибольшим размером нарезок соответствует и наибольшая их глубина. Округлая форма углубления указывает, что нарезки нанесены не особенно острым инструментом.

Помимо орнамента, образованного нарезками, на некоторых фрагментах имеются расположенные в средней части широкой грани круглые, неглубокие ямки. В данном предмете, по видимому, следует видеть украшение, носившееся на шее, на что указывает его местоположение — под нижней челюстью. Небезынтересно отметить, что погребение принадлежало мужчине зрелого возраста.

ГРУППА ПРОЧИХ ПРЕДМЕТОВ

ИГОЛЬНИКИ

Среди вещей могильника обнаружено 5 экземпляров трубчатых костей крупной птицы. Эпифизы их удалены; на поверхности прослеживаются следы обработки.

Наибольший интерес вызывает экземпляр из погребения № 69 (рис. 73, 10), представляющий собой кусок трубчатой кости лебедя или гуся; оба конца кости обломаны. На внешней поверхности отчетливо прослеживаются следы обработки — значительное ко-

личество мелких штрихов, расположенных иногда группами, параллельно друг другу.

На одну из уплощенных сторон нанесены мелкие, короткие (1.5 мм) нарезки, имеющие в разрезе форму острого угла.

Близкими по назначению только что описанному экземпляру можно считать 3 предмета из погребения № 67 (рис. 73, 11, 12).

Подобно предыдущему они представляют собой части трубчатых костей крупной птицы, эпифизы которых обломаны. Наибольшей величиной (15.5 см) отличается предмет с од-

¹ Возможно, что подвески с несколькими отверстиями служили так называемыми срединными звеньями, удерживавшими в одном положении нити ожерелья, как это наблюдается у ожерелий из яггара.

¹ Несмотря на значительное количество, фрагменты не склеиваются между собой, по видимому, вследствие плохой сохранности кости.

² Такой же орнамент мы видим на костяной трубочке-игольнике из погребения № 69.

ним слегка расширенным концом (рис. 73, 12). Сходную с ним форму имеет и другой предмет несколько меньшего размера (рис. 73, 11).

Оба названных предмета на одном из концов имеют глубокие круговые нарезки, служащие для закрепления нити, на которой они подвешивались. Рассмотрение желобка на предмете, изображенном на рис. 73, 12, показывает, что он сделан очень острым инструментом; внутренняя часть его имеет мельчайшие параллельные черточки, свидетельствующие, что углубление произведено в несколько приемов.

Сравнение описанных трубчатых костей с аналогичными предметами из ряда археологических памятников и, в частности, из серовских и китойских погребений Прибайкалья,¹ Оленеостровского могильника Баренцова моря,² Мариупольского могильника,³ а также сопоставление с этнографическими данными,⁴ приводит к мысли о применении их в качестве игольников или трубочек для хранения нитей (рис. 66, 1—2).

Небезынтересно отметить при этом наличие сходства в орнаментации одного из них (рис. 73, 10), с орнаментацией игольников из серовских погребений и Мариупольского могильника.

УДЛИНЕННЫЕ КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНКИ С ОТВЕРСТИЯМИ

Определенный интерес вызывают три костяных предмета, несколько различные по форме.

Предмет из погребения № 24 (рис. 87, 1) представляет собой удлиненную пластинку, изготовленную из очень массивной трубчатой кости с сильно уплощенным овальным поперечным сечением. На одном краю предмета имеется два небольших, почти круглых выреза, на противоположном — шесть. Такие же вырезы расположены на концах пластинки, по одному на каждом. Судя по округлой форме вырезов и их размещению по самому краю пластины, надо думать, что они представляли собой круглые отверстия.⁵

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 276, рис. 87, 3; стр. 391, рис. 121.

² А. В. Шмидт, ук. соч., табл. IV, 2, 3.

³ М. Макаренко, ук. соч., табл. X.

⁴ См., например: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 276, рис. 87, 1.

⁵ Деформация отверстий, повидимому, явилась следствием частого употребления орудий.

Внешняя поверхность предмета тщательно обработана с помощью шлифования. На конце орудия заметны очень мелкие округлые точки. Несомненно, что именно края предмета с отверстиями и являлись рабочими частями орудия.

Несколько иным по внешнему виду выглядит предмет из погребения № 70 (рис. 87, 9); однако наличие у него ряда общих черт с предыдущим позволяет, мне кажется, рассматривать их как близкие по назначению.

Он представляет собой сравнительно тонкую и плоскую костяную пластинку, расширенную к одному концу и резко суженную к другому. На пластинке имеется пять небольших круглых отверстий, три из которых располагаются в узком конце пластинки (одно — вверху и два — ниже, почти на одной линии), два других просверлены по краю пластинки на расстоянии 2 см одно от другого. Тыльная часть предмета отсутствует.

В характере отверстий наблюдается любопытная деталь. Рассматривая орудие, можно видеть, что с одной стороны два отверстия, расположенные по краю пластинки, и одно, находящееся в ее узком конце, имеют совершенно правильную округлую форму, два же других, расположенных рядом на узком конце пластинки, заметно вытянуты к средней части пластинки, в сторону друг друга — одно вправо, другое влево. Перевернув пластинку другой стороной, мы увидим, что характер вытянутости отверстий меняется. Два из них, расположенные по краю пластинки, вытянуты к ее центру, тогда как два других, расположенных в конце пластинки, вытянуты под углом друг к другу в сторону третьего отверстия. Таким образом, форма отверстий (за исключением одного в конце пластинки) с этой стороны орудия вытянутая.

Овальную форму отверстия нельзя объяснить техникой высверливания, как в ряде случаев на других предметах. Этому противоречит двухсторонняя вытянутость обеих отверстий (расположенных рядом в узкой части пластинки), чего никогда не может получиться при одностороннем высверливании.¹ Исходя из этого, вытянутую форму

¹ Наблюдения, произведенные над предметом, не вызывают сомнений в одностороннем его высверливании.

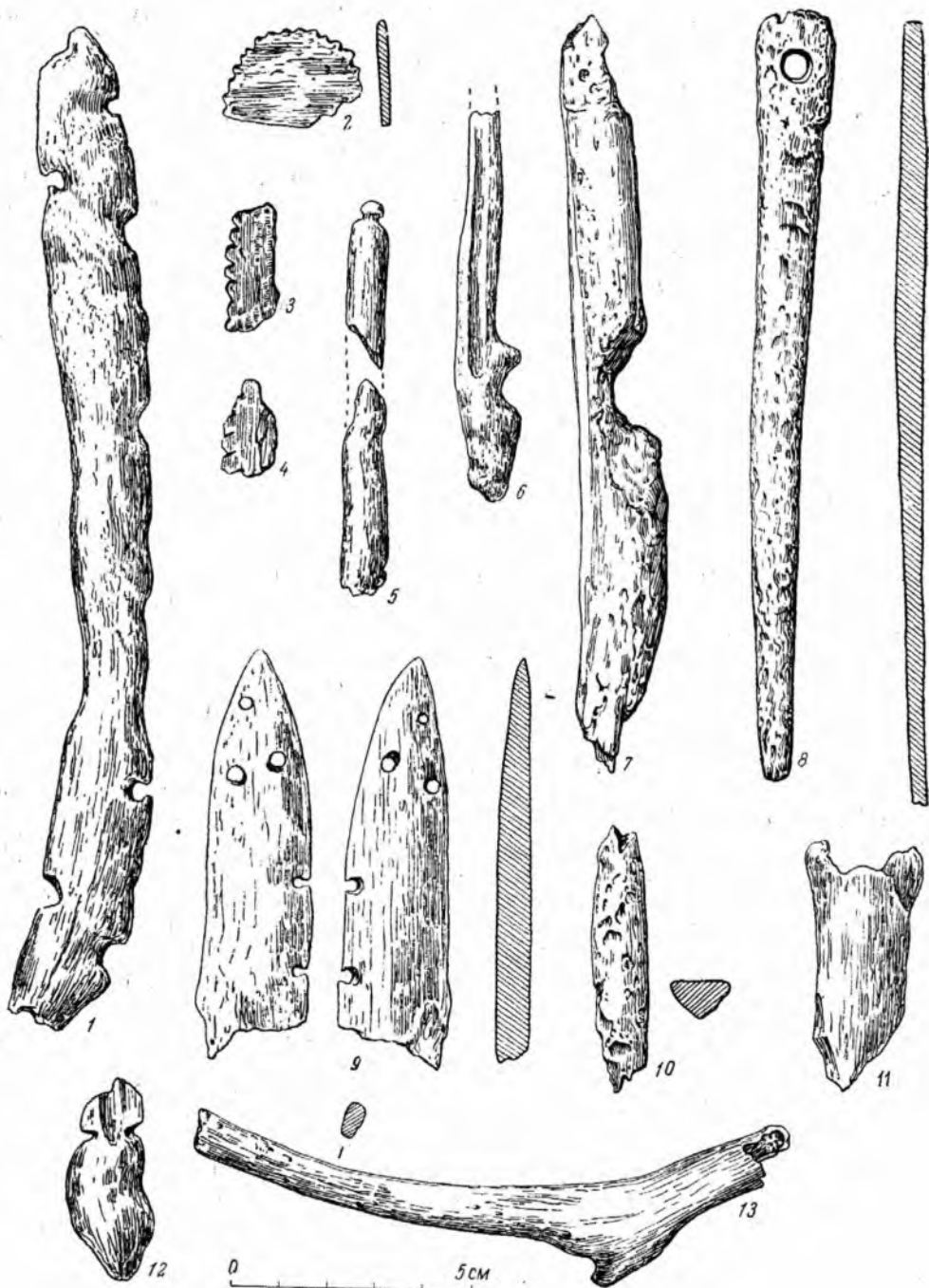

Рис. 87. Костяные и роговые изделия из Оленеостровского могильника.

1 — погр. № 24; 2 — погр. № 100; 3, 4 — погр. № 58; 5, 6 — погр. № 30; 7 — погр. № 61; 8 — погр. № 113; 9 — погр. № 70; 10 — погр. № 107; 11 — погр. № 56; 12 — погр. № 86; 13 — погр. № 102.

отверстий следует объяснять их сработанностью.

Учитывая известную общность в расположении и характере отверстий данного предмета с предметом из погребения № 24, рассмотренным выше, можно высказать предположение, не использовались ли они в качестве инструментов для плетения сетей или раскручивания жильных нитей.

О частом употреблении этих предметов наглядно свидетельствует очень интенсивная залощенность их внешней поверхности. Среди археологического материала вещи, близкие по форме к предмету из погребения № 70, известны по коллекциям, относящимся к Берингоморской культуре (рис. 66, 8—10). Однако, повидимому, это лишь внешнее сходство, так как наш предмет имеет меньшие размеры и не так массивен.¹

Третий предмет, обнаруженный в погребении № 61 (рис. 87, 7), несколько отличается от двух предыдущих. Он изготовлен из длинной трубчатой кости с одной уплощенной стороной, полученной вследствие продольного расщипывания с помощью пилы, следы которой отчетливо сохранились в виде мелких, параллельных друг другу и краю орудия штрихов. Таким образом, поперечное сечение предмета имеет форму, близкую к полукруглой. Поверхность его хорошо зашлифована. С одного края имеется выемка неправильно округлой формы, в непосредственной близости от которой расположено два незначительных по глубине и диаметру круглых, высверленных углубления. Такое же мелкое углубление заметно и на одном из концов предмета.

Назначение данного орудия не ясно, возможно, оно являлось лишь заготовкой.

СТЕРЖЕНЬ С ОТВЕРСТИЕМ

К числу предметов, не совсем понятных по назначению, следует отнести костяной стержень из погребения № 113 (рис. 87, 8). Он изготовлен из трубчатой кости крупного животного, имеет удлиненную форму, четырехугольное поперечное сечение в средней и нижней части и уплощенное ближе к тыльной. К одному концу предмет сужен, к противоположному расширен, конец не заострен

¹ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, табл. 6, 19.

(повидимому, обломан). На широком конце — очень тщательно просверленное отверстие.

Внешняя поверхность предмета хорошо зашлифована, на некоторых участках проступает заполированность от употребления. Каких-либо иных следов установить не удается, в силу чего назначение предмета точно определить невозможно. Не исключено, что он служил иглой для плетения сетей или украшением — подвеской, на что указывает положение его в области пояса, в непосредственной близости с четырьмя медвежьими клыками.

Подвески значительно большей величины известны среди этнографического материала.¹

КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНКИ С ЗУБЧАТЫМ КРАЕМ

Всего предметов, относящихся к этой категории, обнаружено 4 — в погребениях №№ 30, 58, 100 (рис. 87, 2—5).

Во всех случаях это очень тонкие и плоские костяные пластинки различной формы, полученные в результате расщепления крупной трубчатой кости животного по естественным ее слоям. Поверхность их зашлифована, края выровнены и обработаны мелкими зубчиками.

Пластинка из погребения № 100 (рис. 87, 2) имеет вид неправильного полукруга с округлым зубчатым краем. Внешняя поверхность его несколько залощена от употребления.

Поделка из погребения № 30 (рис. 85, 5) удлиненной формы, плоская в поперечном сечении.² К одному концу она слегка сужена и снабжена нарезками для привязывания. Противоположный, округлый, конец имеет четыре зубца. Внешняя поверхность залощена.

Третий экземпляр, из погребения № 58 (рис. 87, 3, 4), также представляет собой удлиненную и сильно уплощенную пластинку, одна из длинных сторон которой³ имеет небольшие зубчики. Внешняя поверхность свидетельствует о весьма частом употреблении.

¹ С. А. Ратнер - Штернберг, ук. соч., стр. 89, 91, табл. I и рис. 1.

² Имеется два фрагмента, не соединяющиеся между собой.

³ Возможно, что и противоположная сторона также имела зубцы. В настоящее время она обломана.

Таблица 13 (продолжение)

№ погребения	Наконечники стрел и копий		Ножи				Гарпуны	Кинжалы	Рыболовные крючки	Топоры, тесла	Шифовальные плиты и точила	Лопила	Проколки	Игольники	Отщепы кремня, кварца и сланца	Гальки и сланцевые плитки	Клыки медведя	Резны кости	Бобровые пластины	Подвески из камня и кости	Скульптура			Пластины с орнаментом	Обломки костяных предметов	Кости животных и птиц	Общее количество (включая менателю, указывает число вещей, костей и бобрowych пластинок)	Различные вещи
	костяные	каменные	сланцевые	кремневые	кремневые пластины	змея															лось	человек						
35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
36	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	
37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	
38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
39	8	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	13	—	—	—	—	—	—	—	
40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
42	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
45	33	23	2	—	10	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	23	30	9	—	—	—	—	—	—	—	
46	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	22	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
47	8	11	1	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	21	23	4	—	—	—	—	—	—	—	—	
48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	
49	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
50	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
51	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	
52	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
54	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
55	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
56	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
57	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
59	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
61	10	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
63	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
64	10	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
67	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
68	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
69	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
70	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Кусок песчаника с орнаментом.

Два фрагмента штампа (?)
Клык собаки с нарезкой для подвешивания.

Стержень костяной с выемкой.

Длинное сланцевое орудие.

Таблица 13 (продолжение)

№ погребения	Наконечники стрел и копий		Ножи			Гарпуны	Кинжалы	Рыболовные крючки	Топоры, тесла	Шлифовальные плиты и точила	Ложки	Проколки	Игольницы	Отщепы кремня, кварца и сланца	Гальки и сланцевые плитки	Клыки медведя	Реапы лоса	Бобровые пластинки	Подвески из камня ¹ и кости	Скульптура			Пластинки с орнаментом	Обломки костяных предметов	Кости животных и птиц	Общее количество (аналитический учет) и число реактов лоса и бобровых пластинок	Различные вещи	
	костяные	каменные	сланцевые	кремневые	кремневые пластинки															вмеси	лось	человек						
71	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—			
72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—/1			
73	18	3	1	1	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	32/—			
74	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	9/15			
75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
76	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	125	9	—	—	—	—	—	—	8/134			
76а	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	140	25	1	—	—	—	—	—	6/165			
77	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/1			
79	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1/1		
80-81	17	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	106	54	—	—	—	—	—	10	—	32/160		
82	—	—	4	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	1	+	9/14		
83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
84-85	1	10	4	—	3	—	—	3	—	1	—	—	—	—	2	1	8	265	67	1	—	—	—	—	11	+	42/392	
86	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	43	7	1	—	—	—	—	—	1	+	4/50	
87	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	+	—/6	
88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
89	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
90	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10/—		
91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—/22	
93-94	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—		
95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
96	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	67	12	—	—	—	—	—	—	—	8/79	
97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—/83	
97	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185	36	—	—	—	—	—	—	+	1/171		
98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	1/—	
99	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	+	6/1		
100	10	16	3	1	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	303	126	6 ¹	—	—	—	—	—	+	47/429	Штамп из кости для керамики (?).	
101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	—/27		
102	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	120	—	11	—	—	—	—	—	17/120	Костяная поделка с отверстием.	
103-104	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	+	2/16	
104	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	3/—	

¹ Шесть челюстей бобра с отверстиями.

Таблица 13 (продолжение)

№ погребения	Наконечники стрел и копий		Ножи			Гарпуны	Кинжалы	Рыболовные крючки	Топоры, тесла	Шлифовальные плиты и точила	Лощила	Прокольни	Игольницы	Отщепы кремня, кварца и сланца	Гальки и сланцевые плитки	Клыки медведя	Реэцы дос	Бобриные пластины	Подвески из камня и кости	Скульптура			Пластинки с орнаментом	Обломки костяных предметов	Кости животных и птиц	Общее количество (знаменатель указывает число резцов лося и бобриных пластинок)
	костяные	наменные	сланцевые	кремневые	кремневые пластинки															змея	лось	человек				
136	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	2/3	
137	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	5/2	
138	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	9	12	—	—	—	—	—	—	4/15	
139-	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1/1	
-140	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2/2	
141	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	1/9	
142	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—	
143	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
144	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	4	—	—	—	—	—	—	
145	9	1	—	—	—	—	—	—	1(?)	—	—	1	—	—	—	—	4	2	—	—	—	—	—	+	5/5	
146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	7	—	—	—	—	+	12/2	
147	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	+	14/7	
148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54	—	—	—	—	—	—	—	—	1/54	
149	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	
151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	8	—	—	—	—	—	—	—	1/6	
152-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/8	
-153	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1/—	
154-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	3/2	
-155	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
156	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	4	46	3	—	—	—	—	—	—	2	10/49
157	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	151	24	—	—	—	—	—	—	+	7/175	
158	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—	
159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
161-	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
-162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	25	2	—	—	—	—	—	+	6/27	
163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
164	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
166	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
168	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
169	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2/—	
170	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—	

Примечания. 1. Знак плюс (+) обозначает наличие предметов, количество которых не устанавливается. 2. В предпоследней графе числитель обозначает количество найденных предметов, знаменатель — количество подвесок из резцов лося и пластинок из резцов бобра; кости птиц в общее количество предметов не включаются.

Назначение данных предметов не вполне ясно, вероятнее всего, их следует считать штампами для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Об этом говорит округлость зубчатых граней (удобная для того, чтобы, поворачивая предмет, создавать длинные гребенчатые линии) и округлость самих зубьев.

Наиболее близкой аналогией к данной группе предметов является костяная поделка из стоянки Веретье¹ (рис. 83, 9, 10).

К числу менее ясных по назначению следует отнести семь предметов из погребений №№ 30, 56, 61, 82, 102, 107, 125, различных по форме.

Среди них имеется массивный костяной стержень с треугольным поперечным сече-

¹ М. Е. Ф о с с. Стоянка Веретье, табл. VII, 2, 3.

нием, найденный в погребении № 107 (рис. 87, 10), подъязычная кость какого-то крупного животного с обоими обломанными концами из погребения № 102 (рис. 87, 13) и костяная пластинка из погребения № 56 (рис. 87, 11).

Не исключена возможность, что часть из них является обломками или заготовками.

Для того чтобы закончить описание предметов, не совсем ясных по назначению, следует указать на большую группу костяных стержней, являющихся в большинстве случаев обломками наконечников стрел, преимущественно их тыльными частями (рис. 51, 1—25). Абсолютное большинство их было выявлено после разборки монолитов с наконечниками.

ХОЗЯЙСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Пытаясь представить форму хозяйственной деятельности и степень развития производительных сил древних оленеостровцев, нельзя забывать о том, что подбор вещей в могильниках часто преломляется через призму определенных культовых представлений, вследствие чего далеко не всегда отсутствие тех или иных видов и форм орудий должно означать, что люди, совершившие захоронения, подобных орудий не применяли в быту.

Кроме того, следует помнить, что с умершим клали лишь вещи личного пользования, в то время как орудия производства, находившиеся в коллективном владении, захоронению не подлежали.

Для того чтобы в какой-то мере понять условия жизни древних оленеостровцев, мы должны использовать все источники, которые в той или иной степени могут помочь ответить на поставленный вопрос. К последним относятся: 1) окружающая физико-географическая среда (местоположение могильника); 2) остатки фаунистического материала, сопровождающие погребения; 3) инвентарь, встреченный в могильнике; 4) паскальные изображения Онежского озера; 5) этнографические наблюдения из жизни северных народов.

Береговая линия северо-западной части Онежского озера, так называемого Заонежья, где расположен Оленеостровский могильник, представляет собой чередование длинных мысов с очень узкими заливами, глубоко вдающимися в материк. Сильная изрезанность береговой линии, тихие, почти закрытые бухты создают весьма благоприятные условия для передвижения по воде, в то время как остальная часть озера,

имеющая ровные берега, плохо защищена от частых больших волнений.

Поверхность Оленьих, Клименецкого и Кижского островов хранит на себе следы ледника. Почвенный слой повсюду перемешан с мелкими и крупными камнями, затрудняющими земледелие.¹

В настоящее время поверхность островов поросла хвойным лесом и кустарником, за исключением участков, где коренная порода — гранит — выходит на поверхность. В этих местах скалы покрывают только мох и лишайник.

Климат указанной части побережья Онежского озера сравнительно мягкий, средняя годовая температура не падает ниже 2.6°. Сильные ветры, наблюдаемые на юго-западном и юго-восточном побережье, отсутствуют.

Несомненно, со времени существования Оленеостровского могильника и до наших дней в естественных условиях этого края произошли изменения, тем не менее было бы неверно представлять, что природа в древности слишком резко отличалась от современной. Ни характер береговых очертаний, ни породы, слагающие острова, ни, наконец, почвенный покров не претерпели больших перемен с того времени. Некоторые изменения могли произойти лишь в климатическом отношении, раститель-

¹ При обработке полей и участков под покос современное население вынуждено затрачивать огромные усилия для выборки и удаления камней. Повсюду можно наблюдать здесь огромное количество камней различной величины, сложенных в кучи — «ровняцы», составляющие местами как бы целые циклопические стены. Такого обилия камней не встречается ни в одном из других районов южной Карелии.

ность была богаче; а зверя и птицы значительно больше.¹ Еще путешественники XVIII—начала XIX в. отмечали огромное количество зверя и птицы, водившихся в этой части Карелии, являвшейся еще и тогда подлинно «страной непуганых птиц». Охота («полесование») до самого последнего времени являлась в Заонежье одной из важных отраслей хозяйственной деятельности местного населения.

Воды Онежского озера и рек, впадающих в него, очень богаты рыбой, причем состав воды, ее температура и наличие хорошего корма способствуют не только обилию рыбы, но и высокому ее качеству. В озере водятся следующие виды рыб: корюшка, ряпушка — «килец», сига, озерный лосось, хариус, форель, окунь, язь, плотва, лещ, подлещик, ерш, щука, налим, судак, карась, сом, палья, колюшка, бычок, пескарь, елец, гальян — «пестряк», укля, вьюн-голец и др.

Животный мир южной Карелии также чрезвычайно разнообразен. Здесь встречается лось, северный олень, росомаха, рысь, волк, бурый медведь, белка, горностаи, куница, огромное количество зайцев и лисиц. Многочисленны разнообразные породы птиц, видное место среди которых занимают водоплавающие: лебедь, дикий гусь и различные разновидности утки — кряква, овсянка, серуха, гоголь, чирок, нырок, черныш и гага. Из лесной дичи следует упомянуть и тетеревиные породы — тетерев, или косач, мошник, или глухарь, белая куропатка, рябчик, серая или настоящая куропатка; из болотной — крившеп, вальдшнеп, дупель, бекас.²

Надо полагать, что в древней Карелии количество зверя, дичи и рыбы было значительно большим, а виды их, вероятно, более разнообразными.

К сожалению, многочисленные неолитические стоянки и поселения Карелии в силу особых стратиграфических условий не сохранили до нас остатков костей животных и ихтиофауны и не дают достоверного материала для суждения о видах животных,

¹ Так, ряд данных позволяет предполагать наличие в то время бобра и соболя, а в южных районах — кабана. Летописы свидетельствуют о нахождении кабанов около Новгорода.

² Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866. Петрозаводск, 1866, ч. II, стр. 39—40, 57—59.

окружавших древнего человека. Поэтому особое значение в этом плане приобретают три вида источников: материал из раскопок А. А. Иностранцева на приладожских стоянках, наскальные изображения Онежского озера и остатки фауны, встречающиеся в Оленеостровском могильнике.

А. А. Иностранцев, исследовавший приладожские стоянки, дает следующий список фауны, встреченный при раскопках:

1) тюлень (<i>Phoca sp.</i>)	20 ¹
2) косуля (<i>Cervus capreolus</i>)	1
3) северный олень (<i>Cervus tarandus</i>)	5
4) лось (<i>Cervus alces</i>)	10
5) тур (<i>Bos primigenius</i>)	1
6) плосколобый бык (<i>Bos latifrons</i>)	2
7) кабан (<i>Sus scrofa ferus</i>)	8
8) беляк (<i>Lepus variabilis</i>)	3
9) бобр (<i>Castor fiber</i>)	6
10) водяная крыса (<i>Hydromys amphibius</i>)	1
11) бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	4
12) соболь (<i>Mustela zibellina</i>)	5
13) куница (<i>Mustela martes</i>)	1
14) хорек (<i>Mustela putorius</i>)	1
15) выдра (<i>Lutra vulgaris</i>)	2
16) собака (<i>Canis familiaris</i>)	14
17) волк (<i>Canis lupus</i>)	2
18) лисица (<i>Canis vulpes</i>)	1

Данные по видам птиц следующие:

1) беркут (<i>Aquila nobilis</i>)	2
2) белохвост (<i>Haliaeetus albicilla</i>)	1
3) глухарь (<i>Tetrao urogallus</i>)	5
4) полевой тетерев (<i>Tetrao tetrix</i>)	2
5) белая куропатка (<i>Lagopus albus</i>)	1
6) серая цапля (<i>Ardea cinerea</i>)	1
7) турухтан (<i>Machetes pugnax</i>)	1
8) лебедь-кликун (<i>Cygnus musicus</i>)	2
9) дикий гусь (<i>Anser sp.</i>)	2
10) дикие утки (<i>Anas sp.</i>): кряквовая утка (<i>Anas boschas</i>), сокун (<i>Anas clupearia</i>) и черная утка (<i>Anas fusca</i>)	9
11) гагара (<i>Columbus arcticus</i>)	2
12) чайка (<i>Larus sp.</i>)	2
13) мартышка (<i>Sterna hirundo</i>)	1
14) ястреб-тетеревятник (<i>Astur palumbarius</i>)	1
15) сарыч-сарп (<i>Buteo vulgaris?</i>)	1
16) ворон (<i>Corvus corax</i>)	1
17) тупик (<i>Mormon arctica</i>)	1

Исследовавший материал М. Н. Богданов в заключение детального разбора этих данных приходит к выводу, что фауна не отличается от современной, хотя в отдельных случаях отмечает более крупный размер животных, в частности лося.²

Среди массы костных остатков встречаются во множестве и кости рыб. В про-

¹ Числа указывают количество особей.

² А. А. Иностранцев, ук. соч., стр. 24—84.

пессе изучения были определены следующие породы:

1) сом (<i>Silurus glanis</i>)	13
2) судак (<i>Lucioperca sandra</i>)	43
3) налим (<i>Lota vulgaris</i>)	48
4) сиг (<i>Cerogonus sp.</i>)	4
5) окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	3
6) плотва (<i>Leuciscus rutilus</i>)	1
7) берш (<i>Lucioperca volgensis</i>)	1

К. Ф. Кеслер, изучавший остатки ихтиофауны, делает вывод, что «виды рыб, живших в каменный век при южной оконечности Ладожского озера, повидимому, те же самые, которые и в настоящее время водятся в Ладожском и Онежском озере».¹

Сопоставляя эти данные с изображением животных, выбитых на скалах Онежского озера, расположенных в непосредственной близости от Оленеостровского могильника,² мы находим большое совпадение. Так, на петроглифах встречаются следующие животные: лось, олень, медведь, волк, лисица, заяц, выдра. Среди изображений птиц можно отметить: лебедя, гуся, гагару, утку, лесную дичь. А. М. Линеvский, кроме того, различает на петроглифах налима, сига и стерлядь.³

Таким образом, все животные, изображенные на скалах Онежского озера, оказываются представленными в приладожских стоянках.

Переходя к рассмотрению наиболее важной для нас части данного вопроса — анализу костных остатков, встреченных в могильнике, прежде всего следует указать на то, что они были обнаружены в 50 погребениях.

Определение костных остатков Оленеостровского могильника, произведенное палеозоологами В. В. Карачаровским и В. И. Бибиковой, приводится в табл. 14.

Как следует из табл. 14, в Оленеостровском могильнике мы видим в основном остатки тех же животных, которые изображены на скалах Онежского озера и встречены в приладожских стоянках, а именно: лося, северного оленя, бурого медведя, бобра и волка. Многочисленны и кости птиц.

Все перечисленные виды животных и птиц являются типичными представителями

таежной фауны; часть из них связана с водными бассейнами.

Итак, древние оленеостровцы жили в окружении густых хвойных и смешанных лесов, заселенных различными животными, в том числе такими, которые давали человеку обильную мясную пищу и теплые шкуры для одежды.

Найденные в могильнике фаунистические остатки не в состоянии, конечно, дать полного представления о численном превосходстве того или иного вида животных, но они могут, однако, указывать, на каких именно зверей производилась охота и какой вид животного привлекал наибольшее внимание оленеостровца-охотника.¹

Как показывает таблица, численное превосходство крупных сухопутных животных (лось и олень) является совершенно бесспорным: каждый вид представлен остатками 11 особей. Вместе с тем, если учесть украшения из резцов лося, мы должны будем увеличить количество убитых лосей во много десятков раз. Несколько в меньшей мере это относится к остаткам бобра и бурого медведя, зубы, челюсти и даже фаланги которых также использовали в качестве украшений. Наконец, необходимо указать на большое количество птичьих костей, захороненных вместе с покойниками. Таким образом, фаунистические остатки, вне всякого сомнения, свидетельствуют о весьма развитой и успешно осуществлявшейся охоте на разного вида зверей и прежде всего лося.¹

Из приведенной таблицы инвентаря (табл. 13), а также описания погребений видно, что целый ряд захоронений содержит огромное количество украшений — подвесок из резцов лося и пластинок из резцов бобра. Так, ожерелье в погребении № 100 было составлено из резцов не менее 50 особей, в погребении № 107 — из 46 особей, в погребении № 85 — из 45 особей и т. д. Даже для сравнительно небогатого, каза-

¹ Изучение костного материала, из которого изготовлены орудия, произведенное палеозоологами, также показывает, что в подавляющем большинстве случаев наиболее крупные орудия выделывались из костей и рогов лося: крупный кинжал из погребения № 100, головы лося (жезлы) из погребений №№ 57 и 153, а также вся резная скульптура. К сожалению, встречается немало таких экземпляров, где порода животного, из костей которого они изготовлены, определяется условно или вовсе остается без определения.

¹ Цит. по: А. А. Иностранцев, ук. соч., стр. 88.

² Наскальные изображения Онежского озера (Бесов, Перий, Кладовец, Толстой Нос) расположены на расстоянии 50 км по прямой через озеро.

³ А. М. Линеvский, Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, стр. 15.

Распределение фауны в Оленеостровском могильнике по видам

№№ п.п.	В и д	№№ погребений	Количество особей	Примечания
1	Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>).	56, 61, 64, 82, 107, 133, 138.	11	В погребениях №№ 61, 138 — по 3 особи, в остальных погребениях — по 1 особи.
2	Лось (<i>Alces alces</i> Og.).	5, 25, 64, 67, 97, 119, 153, 157.	11	В погребении № 97 — 3 особи, в погребении № 5 — 2 особи, в остальных погребениях — по 1 особи.
3	Бобр (<i>Castor fiber</i> L.).	5, 13, 64, 100, 103, 114, 116, 125, 127.	14	В погребении № 13 — 2 особи, в погребении № 100 — 5 особей, в остальных погребениях — по 1 особи.
4	Волк (<i>Canis lupus</i>).	56, 74, 111, 115, 116, 132, 144.	7	Во всех погребениях — по 1 особи.
5	Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>).	57, 68, 116, 132.	4	
	Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	25, 59.	2	
7	Кости птиц.	5, 14, 55, 56, 58, 61, 64, 65, 66, 67, 69, 74, 82, 85, 87, 92, 99, 100, 116, 119, 125, 130, 138, 144, 146.	—	В погребении № 58 и 87 кости птиц определены условно (возможно, кости мелкого животного).
8	Кости животных. ¹	29, 39, 45, 46, 57, 58, 87, 97, 100, 108, 118, 127, 145, 156, 157, 161.	—	В погребениях №№ 58 и 87 кости животных определены условно (возможно, кости птицы).

лось бы, украшения в погребении № 102 потребовалось убить 20 лосей.²

Следует при этом учесть, что указанные нами цифры явно занижены; трудно предположить, чтобы все резцы все х убитых лосей использовались для ожерелья. Трудно допустить также, чтобы зубы-подвески никогда не терялись и сохранились в ожерелье все до одного в течение долгой жизни охотника. Нельзя исключить и такую возможность, что в ожерелье использовались лишь зубы крупных особей или только часть зубов, как это имеет место у эскимосов, которые от каждого убитого лося сохраняют лишь один зуб.³

Совершенно очевидно, что количество убитых лосей, которое можно установить на основании костных остатков, сохранившихся в могильнике (739), будет далеко не полным; к этому следует прибавить прежде

¹ Данные виды животных определению не поддаются.

² Мы делим число подвесок из резцов лося на 6, т. е. на количество резцов, имеющихся у взрослой особи лося.

³ М. В. Степанова. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ. Сб. МАЭ, XI, 1949, стр. 67.

всего, вероятно, большое количество молодых особей, не представленных костными остатками и резцами. Кроме того, древними оленеостровцами было употреблено в пищу множество других животных. Сюда относятся, например, мелкие звери, такие, как заяц, белка, лисица, водящиеся в большом количестве в современных лесах Карелии. Нет сомнения, что первобытный человек должен был широко использовать их в пищу. Этнографические данные свидетельствуют, что у северных народов в пищу употреблялись почти все виды животных, за исключением лишь хорька.¹

Таким образом, совершенно очевидно, что охота была широко развита и хорошо вознаграждала человека за его труды. Любопытно в этом отношении одна черта, которая сразу бросается в глаза каждому, кто хотя бы бегло знакомится с черепами оленеостровцев, даже не будучи антропологом. При исключительно хорошей общей сохранности зубов обращает на себя внимание удивитель-

¹ Известно также употребление в пищу северными народами в случае нужды крыс, мышей и лягушек.

тельно сильная стертость как верхних, так и нижних резцов и не только у старых или пожилых, но и у молодых, коренные зубы которых почти или вовсе не стерты. Вероятно немало способствовало стиранию их глодание костей, что может свидетельствовать о частом употреблении мясной пищи.¹

Переходя далее к рассмотрению основной части инвентаря — орудий производства, нельзя не заметить его ярко выраженный охотничий характер. Бросается в глаза не только численное превосходство орудий охоты — наконечников стрел, гарпунов, кинжалов и ножей, но и их крайнее разнообразие. В зависимости от определенной функции — поражения той или иной породы зверя — наконечникам придавалась самая разнообразная форма. Чтобы подтвердить сказанное, следует напомнить, что только основных типов костяных наконечников стрел (исключая переходные) насчитывается восемь. К этому надо прибавить также большее количество кремневых наконечников и несколько экземпляров, изготовленных из кварца.

Такое разнообразие форм и размеров наконечников стрел свидетельствует о значительной дифференциации охоты, начиная от крупных животных и кончая маленькими пушистыми зверьками, шкурка которых заботливо оберегалась от повреждений. Нет сомнений, что указанная дифференциация охотничьего инвентаря могла появиться лишь в результате длительного существования этой отрасли хозяйства и ее главенствующей роли в жизни человека.

Таким образом, характер инвентаря, с точки зрения его функционального назначения, свидетельствует о том, что охота у древних оленеостровцев являлась ведущей формой хозяйства, но, однако, не единственной. Инвентарь показывает, что наряду с очень большим количеством орудий охоты встречаются и предметы, связанные с рыболовством. Правда, количество последних весьма ограничено. Имеются только несколько рыболовных крючков, повидимому, игл для вязания сетей и предмет, являющийся, вероятно, грузилом. Нельзя не принять во внимание, что их ограниченное количество не может быть адекватно роли

рыболовства в экономике древних оленеостровцев. При решении вопроса о значении рыболовства и степени его развития необходимо учитывать, что могильник не может дать достаточно правильного ответа. Отсутствие ихтиофауны среди костных остатков, вероятнее всего, объясняется неблагоприятными условиями для сохранения мелких костей в течение столь продолжительного времени¹ или, возможно, существовавшим тогда каким-то особым обрядом, не позволявшим класть остатки рыбы в могилу умершего. Далее, следует учитывать, что рыболовные крючки отражают лишь индивидуальные способы ловли рыбы, являясь личной собственностью данного захороненного человека. Нет сомнений, что помимо индивидуальных способов рыболовства широко применялись и коллективные — ловля рыбы с помощью всевозможных сооружений и сетей, которые принадлежали всему обществу и не могли быть поэтому захоронены с отдельными членами родовой организации. Знакомство со способами рыболовства северных народов с бесспорностью свидетельствует, что наиболее ранней формой этого промысла был коллективный, имевший и в последующее время значительный удельный вес.

Количество орудий Оленеостровского могильника, связанных с рыболовством, по всей вероятности, можно умножить также за счет имеющихся гарпунов и наконечников стрел с шипами, употреблявшихся при охоте не только на животных, но и на морского зверя и крупную рыбу.

Учитывая обилие рыбы в Онежском озере, а также то, что рыболовство могло обеспечить население пищей почти в течение круглого года, при условии подледного лова, неправильно было бы отводить рыболовству малую роль. Как известно, многие из северных народов при наличии развитой охотничьей формы хозяйства вполне успешно сочетают с ней рыболовство. Последнее продолжает играть важную роль даже и тогда, когда значительное развитие получает и более прогрессивная форма хозяйства — оленеводство. Наглядным примером этого могут служить хотя бы саамы, у которых помимо оленеводства большой удельный вес в хозяйстве занимает рыболовство, причем

¹ В. Н. Чернецов высказывает предположение, что стирание резцов происходило от пережевывания кожи, предназначенной для изготовления ремней (устное сообщение).

¹ Нельзя забывать, что сохранность большинства даже очень крупных костей человека и животных чрезвычайно плохая.

последнему придается гораздо более важное значение, чем охоте. Так, в годовом хозяйственном цикле саамов рыболовство занимает не менее половины времени.¹ Ту же картину можно наблюдать и у долган.²

Итак, географическая среда, окружавшая древних оленеостровцев, игравшая на той ступени развития производительных сил общества существенную роль в направленности хозяйства, предоставляла все возможности для развития охоты и рыболовства, не создавая вместе с тем предпосылок к появлению земледелия. Нет серьезных оснований предполагать, что могло существовать и скотоводство, хотя бы в форме, наиболее приемлемой для севера, — оленеводства. Последнее, как известно, связано с кочевым образом жизни. Поскольку оленья стада требуют частой смены пастбищ, оленеводы вынуждены большую часть времени года кочевать в поисках необходимого для оленей корма. Факты, наблюдаемые по Оленеостровскому могильнику, свидетельствуют о том, что оставившее его население жило оседло. На это указывает прежде всего огромная площадь могильника (особенно если учесть, что раскопкам подверглась лишь его половина или, возможно, только третья часть).

В большинстве случаев кочевые народы не имеют постоянных кладбищ, а хоронят умерших в непосредственном соседстве с местом временного обитания. Об этом свидетельствует, например, известный исследователь русских лопарей — Н. Харузин. Говоря о выборе мест для захоронения лопарей, автор замечает: «Мы не находим единообразия: если лопарь умер зимой в то время, как все продолжают жить еще в зимнем погосте, его хоронят, как хоронили древние лопари своих умерших, в лесах, на горах, по берегам рек и озер, подальше от погоста. . . Если случается, что лопарь умирает во время весеннего, летнего или осеннего промысла, следовательно, вдали от своего погоста, а также во время переходов с одной топи на другую — его родственникам некогда везти его к погосту или на кладбище — они хоронят его недалеко от того места, где он умер».³

Трудно допустить, что в те отдаленные времена древние оленеостровцы поступали бы иначе.

В самом деле, как представить себе постоянно кочующую родовую группу или даже несколько родственных родовых групп, которые в случае смерти одного из своих сородичей принуждены были бы преодолевать значительное пространство для того только, чтобы отвезти умершего на родовое кладбище? При этом не следует забывать, что для этой цели пришлось бы неизбежно пользоваться лодками (иначе нельзя попасть на Олений остров), переправляя умершего по рекам или Онежскому озеру.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют об оседлом образе жизни древних оленеостровцев, отнюдь не исключая, однако, далекие походы охотников-мужчин в поисках зверя или на ловлю рыбы, которая, как известно, при пересте вынуждает и современных рыбаков совершать весьма далекие от дома поездки. Кроме того, причиной относительно далеких походов могло служить и скопление в определенных местах птицы во время ее перелета, в особенности ранней весной. О существовании в древности таких съездов людей к местам промысла на рыбу и дичь свидетельствуют наскальные изображения Онежского озера и Белого моря.¹

Нельзя не упомянуть и еще одного источника добычи пищи — собирательства. Нет сомнений, что при относительно высокой степени развития производительных сил по сравнению с эпохой раннего палеолита собирательство не могло быть главной отраслью хозяйства, однако, оно продолжало еще долго играть очень существенную роль в экономике людей. Так, собирательство было свойственно жителям Камчатки еще в XIX в. С. И. Руденко указывает, что одним из основных занятий камчадалских женщин было добывание при помощи специальных кирок-мотыг съедобных корней, а также выкапывание запасов из мышиных нор.²

Увеличение пищевых запасов за счет собирательства было хорошо известно и чукотским женщинам. Помимо полупереварившегося мха, извлекаемого из оленьего желудка

¹ В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей. Л., 1930, табл. № 3.

² А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. Сб. памяти В. Г. Богораза, М.—Л., 1937, стр. 152 и сл.

³ Н. Харузин, ук. соч., стр. 323.

¹ А. М. Линевский, ук. соч., стр. 34 и сл.

² С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. Сов. этногр., № 1, 1948, стр. 158.

(моняло), в пищу шли листья ивы и различные корни, выкапываемые из земли чукчанками.¹

Примеры употребления в пищу разного рода растений можно умножить, обращаясь к другим северным народам. Собираемые коры и съедобных корней наблюдалось у якутов. Обыкновенным весенним местным блюдом у населения бывшей Пермской губернии были пицаны — трава с пустотелым стеблем, перистыми листьями и зонтичными цветами, растущая на покосах. Ее собирали очень молодой и употребляли в пищу в вареном виде. Там же ранней весной поедали в сыром виде или в пирогах цветущий полевой хвощ (плетник), а летом и осенью в большом количестве употребляли грибы.²

Можно упомянуть также многочисленные указания историков об употреблении в XVIII—XIX вв. наиболее бедными крестьянами Карелии в голодное время года в пищу лебеды, сосновой коры и мякны. Об этом свидетельствуют и исследователи северных народов. Так, Н. Харузин говорит, что лопари-бедняки скоблили сосновую кору, сушили ее, рубили, смешивали пополам с ржаной мукой и ели с ухой или мясным супом, называя это «пиэць-хут», т. е. «сосновая каша».³ М. И. Михайлов пишет, что коми в голодные годы ели мякыну, кору и молодые побеги ели.⁴

Растительная пища в виде съедобных корней, ягод и грибов, произрастающих в огромном количестве в карельских лесах, без сомнения играла немаловажную роль в жизни древних оленеостровцев, а в голодное время года являлась, вероятно, единственной.

К разделу собирательства следует отнести и сбор яиц, которым могли заниматься древние оленеостровцы, учитывая огромное количество птицы, гнездящейся еще и в настоящее время в узких бухтах и на небольших островах окружающей территории.⁵

¹ В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей, стр. 5, 6.

² Пермский сборник, кн. II. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860, стр. 17.

³ Н. Харузин, ук. соч., стр. 90.

⁴ М. И. Михайлов. Физические и нравственные свойства зырян. Журн. Мин. внутр. дел, ч. 37, № 4, 1852, стр. 51.

⁵ До революции отдельные острова на реках Баренцова моря (например на Туломе) являлись собственностью монастырей, которые держали там особых старцев, охранявших остров от посягательств населения и занимавшихся планомерным сбором птичьих яиц.

Сбор яиц в качестве совершенно самостоятельного промысла существует, например, у долган. «Весной, когда еще тундра имеет пестрый вид от лежащих отдельными островками снежных покровов, охотники, разъезжая на санках, собирают утиные и гусиные яйца».¹ Собираемые яйца производились и северными якутами.²

Таким образом, в питание древних оленеостровцев помимо мяса и рыбы должны были входить и различные продукты собирательства, в частности растительная пища, причем преобладание того или иного вида пищи зависело от времени года и возможности добычи ее.

Низкое развитие производительных сил того времени не давало возможности одним видом труда (например охотой) накапливать необходимые запасы пищи на весь год, вследствие чего приходилось прибегать к другим промыслам — рыболовству и собирательству. Только сочетая все эти виды труда и пользуясь ими в различное время года, древнее население могло существовать в суровых условиях севера.

Изучая хозяйственную деятельность северных народностей, ряд этнографов обращает внимание на определенную закономерность в их хозяйстве, имеющую строго выработанную цикличность, зависящую от образа жизни животных и рыб. Так, исследователь русских лопарей В. В. Чарнолуский указывает, что хозяйство лопаря носит разносторонний характер. Одновременно существует три вида промысла — оленеводство, охота и рыболовство, причем последнее занимает в экономике главное место. «Лопари буквально по пятам гонятся за рыбой», — замечает В. В. Чарнолуский.³ Мотовские лопари по мере подъема рыбы в верховья рек и озер меняют место в течение осени по 3—4 раза. «Таким образом, передвижение лопарей и места обитания по сезонам года находятся в прямой зависимости от мест и времени скопления рыбы. Ввиду продолжительности лова на местах этих строятся жилища».⁴

Определенную цикличность хозяйственной деятельности устанавливает А. А. По-

¹ А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 179.

² Устное сообщение А. А. Попова.

³ В. В. Чарнолуский, ук. соч., стр. 86.

⁴ Там же, стр. 86.

пов у нганасанов. Для нганасанов, так же как и для лопарей, характерно сочетание трех различных видов хозяйственной деятельности: оленеводства, рыболовства и охоты, с той лишь разницей, что удельный вес охоты здесь несравненно больше, чем у лопарей.

Привожу таблицу, составленную по материалам А. А. Попова¹ (табл. 15). Из данных этой таблицы можно сделать вывод, что у нганасанов охота на диких оленей имеет наиболее важное хозяйственное значение.

«Если в настоящее время нганасаны на лето откочевывают на 600—700 км от лесотундры (в одну сторону), то это делается исключительно ради охоты, причем иногда даже в ущерб оленеводству»² — замечает А. А. Попов.

Миграция диких оленей происходит два раза в год: с севера на юг и с юга на север. «Зимой в безграничных просторах тундры свирепствуют метели и ураганы, снежные просторы становятся пустынями, все живое скрывается где только может. Дикие же олени, которые совершенно не выносят ветра, поспешно устремляются на юг. Летом оленей гонит на север жара со своими неизменными спутниками — комарами и оводами»³. Учитывая эту миграцию, кочуют и нганасаны.

Цикличность хозяйства была прослежена А. А. Поповым и на примере долган. Приводим соответствующие данные⁴ (табл. 16).

Как следует из таблицы, для каждого времени года характерным является особый род деятельности, который определяется в свою очередь образом жизни животных и рыб, являющихся продуктом питания долган. Не случайны поэтому и названия месяцев, существующие у лопарей, нганасанов и долган. В основном они отражают определяющую роль того или иного вида промысла, имеющего огромное хозяйственное значение.

Приводимые примеры цикличности в хозяйстве у саамов, долган и нганасанов отнюдь не означают, конечно, что тождественная картина могла иметь место у древних оленеостровцев. Нет сомнения в том,

что вследствие отсутствия у них такой важной отрасли труда, как оленеводство, цикличность их хозяйства могла быть несколько иной. Однако данные материалы позволяют заключить, что если смена охоты и рыболовства, а также весь образ жизни саамов, долган и нганасанов, поднявшихся уже на гораздо более высокую ступень развития производительных сил, нежели оленеостровцы, так тесно зависел от образа жизни животных и рыбы, то в неизмеримо более сильной степени это должно было иметь место во время существования Оленеостровского могильника, когда охота и рыболовство являлись почти единственным источником жизни людей.

Какой же цикл годовой хозяйственной деятельности следует предполагать у древних оленеостровцев?

Наиболее трудным временем для охоты, вероятно, являлись декабрь, январь и февраль — особенно холодные и темные месяцы года. Охота в течение этого времени могла производиться лишь на лося (в местах, где были большие сугробы, затруднявшие передвижение животного), на мелкого пушного зверя (зайца, лису, белку), а также на лесную птицу. При этом подобно саамам, нганасанам, долганам и другим народам севера древние оленеостровцы, вероятно, применяли всевозможные ловушки. Медведя они могли бить в берлоге. Рыболовство в эти месяцы было только подледным (вероятнее всего, производился лов налима, нерестующего у берега).

В феврале—марте большое значение должна была приобретать охота на крупного сухопутного зверя — оленя и лося, а также мелкого пушного. Рыболовство в эти месяцы играло уже большую роль, поскольку в конце марта происходит нерест рыбы, во время которого она близко подходит к берегу.

В мае—июне большое значение приобретала охота на водоплавающую птицу. В начале апреля птица перелетала с юга на север и скапливалась целыми стаями на мысах Онежского озера. В июне она начала линять и вследствие этого становилась наиболее легкой добычей человека. В это же время могла продолжаться охота на лосей, но несколько иными способами, чем ранней весной, а также на пушного зверя. Значительную роль должно было играть рыболовство, так как именно в этот период большин-

¹ Таблица составлена по тексту работы А. А. Попова «Нганасаны» (М.—Л., 1948, стр. 15—17).

² А. А. Попов. Нганасаны, стр. 19.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Таблица составлена по тексту работы А. А. Попова «Охота и рыболовство у долган» (стр. 151—155).

Таблица 15

Годовой хозяйственный цикл у нганасанов

№№ п.п.	Название месяца	Местожительство	Основное занятие мужчин	Основное занятие женщин
Л е т н ы й г о д				
1	Отела первых телят месяц (15 мая—15 июня).		Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, 2) куропаток — сетками.	
2	Летования месяц, или (появления) рыбы месяц, или (отела) последних телят месяц (15 июня—15 июля).	Относительно оседлая жизнь (ожидание отела важенок).	Охота на: 1) уток — с ружьем и сетками, 2) куропаток — с ружьем. Насторожка капканов на утиных и гусиных гнездах. Сбор лиц, лов рыбы сетями, ремонт и изготовление летних нарт.	Укладка зимней одежды, вышивка, починка обуви.
3	(Линьки) гусей месяц (15 июля—15 августа).	То же.	Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, иногда с манщиком, 2) на линяющих гусей — коллективно.	Вяление гусей и мяса, вытапливание жира, вышивка и шитье одежды.
4	(Линьки) гусиных птенцов месяц (15 августа—15 сентября).	Откочевка обратно на юг к краю леса.	Охота на: 1) диких оленей, 2) гусиных птенцов — с собаками. Занятие кузнечным промыслом, изготовление частей для нарт.	Вяление мяса диких оленей, вытапливание жира из костей, приготовление зимней одежды из новых шкур. Шитье обуви, рукавиц.
З и м н ы й г о д				
1	Большой месяц, месяц сохатого (лося) (15 сентября—15 октября).	Откочевывание к лесу.	Охота на: 1) диких оленей — сетями, с ружьем и оленями-манщиками, 2) в местах, где не замерзают реки — поколка оленя, 3) песцов. Подледный лов рыбы.	Обработка шкур и шитье зимней одежды, обуви, рукавиц.
2	Осени месяц (15 октября—15 ноября).	Продолжение откочевывания к лесу.	Охота на: 1) диких оленей — сетями, с ружьем, 2) песцов — с ружьем и капканами. Рыболовство редко (спорадически).	Мелкие работы по хозяйству (шитье прекращается из-за темноты).
3	Комолого оленя месяц (15 ноября—15 декабря).	То же.	Охота на: 1) диких оленей — гоном, с ружьем и со шитком, 2) песцов — капканами и пастями.	Мелкие работы по дому.
4	Темный месяц (15 декабря—15 января).	Граница лесов. Относительно оседлый образ жизни.	Заготовка дров для топлива, насторожка капканов на песцов.	То же.
5	Восхода солнца месяц (15 января—15 февраля).	То же.	То же.	» »
6	С инеем на деревьях месяц (15 февраля—15 марта).	» »	Охота на: 1) диких оленей — сетями, изредка с ружьем, 2) песцов — с капканами, 3) куропаток — сетями.	Мелкие работы по хозяйству.
7	Погребения деревьев месяц (ветви деревьев освобождаются от снега) (15 марта—15 апреля).	Начало откочевки на север.	Охота на: 1) диких оленей с ружьем и сетями, 2) куропаток — сетями, 3) песцов — капканами. Ремонт нарт.	То же.
8	Холодный месяц (когда дрожат от холода яловые важенки) (15 апреля—15 мая).	То же.	Охота на: 1) диких оленей — с ружьем и сетями, 2) куропаток — сетями, 3) песцов — капканами.	» »

Годовой хозяйственный цикл у долган

№ п.п.	Название месяца	Местожителство	Основное занятие мужчин
1	Месяц истоков озер (декабрь—январь).		Ловля рыбы у истоков озер.
2	Месяц глубин (январь—февраль).	Оседло в балаганах и землянках.	Ловят рыбу в глубоких местах озер.
3	Месяц переездов (февраль—март).	Переезд из оседлых зимников в легкие шестовые чумы.	Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, 2) зайцев — пастями и капканами.
4	Месяц налима (март—апрель).		Подледный лов налима.
5	Месяц (увеличения) вымени у (стельных) важенок (апрель—май).		Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, 2) зайцев — силками, 3) куропаток — сетями и силками.
6	Месяц отела оленей (май—июнь).		Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, 2) зайцев и куропаток — силками, 3) куропаток — сетями, 4) уток в озерах — сетями, 5) гусей — с ружьем и луком.
7	Месяц половодья (июнь—июль).		Охота на: 1) диких оленей — с ружьем, 2) зайцев и куропаток — силками, 3) куропаток — сетями. Ловля налимов костяными удочками, остальной рыбы — сетями. Начало охоты на линяющих гусей.
8	Месяц комара (июль—август).		Охота на: 1) линяющих гусей и уток — сетями, 2) дикого оленя с копытами у переправы. Лов рыбы.
9	Месяц овода (август—сентябрь).		Исправление старых снастей и изготовление новых. Ловля рыбы мережами и сетями. Окончание лова рыбы в мелких речках. С выпадением первого снега настораживают на оленя самострел в засеках. Охота на оленя с манщиками.
10	Месяц (спадания) хвои (лиственницы) (сентябрь—октябрь).		
11	Месяц пороза (порозования быка домашнего оленя) (октябрь—ноябрь).		Охота на: 1) дикого оленя — с помощью манщика и ружья, 2) песца — пастями. Ловля рыбы на больших реках сетями. Перегораживание рыбы подо льдом и ловля ее мережами.
12	Месяц «почернения» пороза (обрастание зимней шерстью домашнего скота) (ноябрь—декабрь).		Замораживание озер, ловля рыбы сетями.

ство рыб нерестуется у берега. Производился сбор птичьих яиц, подснежных ягод, съедобных корней.

В июле—августе продолжалась охота на зверя, водоплавающую и лесную птицу, рыболовство и собирательство (съедобные корни, грибы, ягоды).

В сентябре—ноябре производилась охота на оленя, возвращающегося к югу, на лосей, в особенности при переправах их через замерзающие реки, и на отлетающую к югу перелетную птицу. Начинаясь зимний способ ловли рыбы. В конце периода наступала, вероятно, охота на пушного зверя.

Таким образом, древние жители Заонежья имели возможность добывать пищу с большим или меньшим трудом в течение всего года. Однако количество пищи по сезонам распределялось неравномерно. Самым голодным периодом был, конечно, период с января до начала марта. Охота в это время могла производиться лишь в очень ограниченных размерах на крупного зверя (наст не образовался и охотиться на лося было трудно) и на лесную птицу, поскольку перелетная птица еще не достигла берегов Онежского озера. В эти месяцы рыба почти не подходила к берегу. Несомненно, что на зимнее время древние оленеостровцы должны были создавать запасы пищи, так как в противном случае им угрожал голод. Но к весне запасы постепенно иссякали. «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы — это глупая побасенка. . . Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»,¹ — писал В. И. Ленин.

Пытаясь представить себе способы и приемы охоты, применяемые древними оленеостровцами, нельзя не учитывать точкой наблюдательности и глубокого чувства природы, свойственных первобытному человеку, являвшихся следствием суровой школы жизни. Именно это качество и создавало ему возможность существования при тех весьма примитивных орудиях производства, которыми обладал первобытный человек. Он знал повадки животных, их образ жизни, их привычки и наклонности и умело использовал их в своих целях. Он знал время и направление перекочевки оленей, сроки залегания в берлоге медведя, знал, когда и куда ходит на водопой лось и олень. Именно эта рациональная сторона мышления человека и дала ему возможность при объединении в коллектив и постепенном развитии и усовершенствовании орудий труда выйти победителем в борьбе с природой.

«Нужда есть великий учитель, — дикарь изумляет изобретательностью и умением заманивать, сторожить и ловить жителей вод, пернатых, плавающих в воздухе, и обитателей лесов».²

В. В. Чарнолуцкий¹ отмечает, что если не всем в одинаковой мере, то лучшим охотникам-саамам бывают хорошо известны сроки появления мигрирующих животных.

Попытаемся представить себе на основе имеющихся материалов характер и способы охоты и рыболовства, применяемые древними оленеостровцами.

ОХОТА НА СУХОПУТНОГО ЗВЕРЯ

Как следует из таблицы фауны Оленеостровского могильника (табл. 14), лось и олень служили главными объектами охоты. Не случайно поэтому, что на скалах Онежского озера и Белого моря среди изображений сухопутных животных чаще всего встречаются именно лось и олень. По подсчетам А. М. Линецкого,² среди беломорских изображений они составляют 18% и на Онежском озере 10% от общего числа всех фигур. Преобладающую роль охоты на лося отмечает и А. А. Иностранцев: «Большой избыток костей лося свидетельствует, что этот зверь наичаще делается добычей нашего человека».³

Немалое значение, повидимому, имела и охота на оленей. Способы и приемы охоты на них, вероятно, следует считать более или менее сходными с теми, какие применялись на лося, так как лось и олень имеют примерно равную величину, общность в строении тела и близкий по характеру образ жизни. Правда, между двумя этими животными наблюдаются и определенные различия: олень совершает регулярные миграции с севера на юг и обратно, лось же зиму и лето чаще держится в определенных районах. Таким образом, если охота на лося возможна в одном и том же месте в течение круглого года, то охота на оленей бывает связана с определенным сезоном. С другой стороны, лось и олень обладают общими чертами — привычкой держаться стадами, в особенности в периоды спаривания. В этот момент чувство стадности настолько развито, что если убить вожака-оленя, важеньки несколько раз возвращаются к месту его гибели. Как лось, так и олень регулярно посещают одни и те же места водопоя, протаптывая к ним тропы, которые охотники используют для особых приемов охоты.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 95.

² Фр. Велявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. VI.

¹ В. В. Чарнолуцкий, ук. соч., стр. 77.

² А. М. Линецкий, ук. соч., стр. 14.

³ А. А. Иностранцев, ук. соч., стр. 183.

Широкий размах охота приобретала, по всей вероятности, в момент массовых перекочевок оленя, в особенности в местах переправы через реки и узкие заливы озера, как это практиковалось до самого последнего времени охотниками северных народов — лопарями, нганасанами и долганами. Вот что пишет по этому поводу А. А. Попов: «Часто миграции диких оленей с севера на юг принимают грандиозные размеры. Стада, насчитывающие по несколько десятков тысяч оленей, приходят лавиной, превращая на своем пути снег в сплошной ледяной наст. . . Мне пришлось быть очевидцем массовой миграции диких оленей в октябре 1936 г. у станка Черное на р. Пясины. Дикие олени в течение нескольких дней переходили через р. Пясины по льду сплошной массой, не боясь криков и стрельбы охотников».¹

Переходы оленей с севера на юг и с юга на север происходят не только в одном и том же направлении, но и по одним и тем же местам, вследствие чего миграция оленей имеет огромное хозяйственное значение в жизни северных народов.

А. А. Попов указывает, что пути кочевков нганасанов в известной мере совпадают с путями миграции диких оленей и что до последнего времени нганасаны собирались у больших рек и озер, устраивая в этих местах поколки. Массовая поколка северных оленей в осеннее время производилась и долганами.

«К этому времени к истари известным местам переправ диких оленей налегке, вместе с семьями съезжаются охотники. И когда стада диких оленей начнут переплывать через реку, несколько человек на челноках стараются замедлить их ход. Другие охотники, вооружившись длинными специальными копьями „уцуу“, имеющими древки длиной до четырех метров, врезаются на челноках-однодеревках „t 66“ в самую середину плывущих оленей. Иногда стада оленей загоняются в воду собаками. Удар копыя направляется в пах оленя и почти всегда бывает смертельным. Охотники при этом подвергаются большой опасности, и нужно быть чрезвычайно ловким, чтобы не перевернуть челнок, так как обезумевшие олени начинают кусать и бить передними ногами. Диких оленей-одиночек загоняют

в воду при помощи собак, затем, догоняя их на челноке, закалывают копьем».¹

В условиях Заонежья такого рода массовое истребление оленей могло происходить не менее двух раз в год — ранней весной (в конце февраля—начале марта) и осенью (в октябре или ноябре).² Оседлый образ жизни древних оленеостровцев не может находиться в противоречии с возможностью переезда группы охотников (одних или с частью членов семьи) на время массовых перекочевков оленей к месту переправы животных через реки или узкие бухты озера. По окончании охоты они снова возвращались на постоянное место своего жительства, перевоза туда и основную часть добычи. Следует учесть, однако, что это расстояние не могло быть очень большим, поскольку древние оленеостровцы располагали весьма ограниченным видом транспорта — лодками и, вероятно, лыжами.

Какие же орудия применяли древние оленеостровцы при охоте на оленя и лося? Среди охотничьего инвентаря Оленеостровского могильника нет отчетливо выраженных наконечников копий и дротиков, однако, ряд экземпляров, отнесенных к наконечникам стрел, вполне мог применяться и как наконечники копий.

К ним принадлежат костяные наконечники, имеющие значительную длину и снабженные одним или несколькими зубцами, и вкладышевые, а также наиболее крупные кремневые наконечники. Обладая большой остротой, наконечник легко вошел в тело животного, а его зубец, часто также значительного размера, способствовал задержке его в ране. В этом случае древко копья должно было иметь достаточную длину, чтобы с помощью его можно было достать животное на расстоянии не менее 3 м. Копья же, предназначенные для массовой поколки оленей или лосей с лодки, необходимо было снабжать древком не короче 4 м (как указывает А. А. Попов), так как в противном случае охотник, находящийся в лодке и мечущий копьё в животное, легко мог нанести себе самому смертельную рану.

¹ А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 166.

² Перекочевка оленей могла совершаться не только к морю, но и ближе к горам, расположенным на севере, в районе Медвежьегорска, где было меньше комаров.

Не считая возможным проводить полное отождествление орудий охоты древних оленеостровцев с орудиями охоты творцов наскальных изображений вследствие некоторой разновременности памятников, полагаю, однако, правомочным привлечение наскальных изображений в качестве ближайших аналогов¹ при рассмотрении, например, некоторых форм хозяйства, особенно если учесть удивительную стабильность их на севере.

Охота на лосей и оленей с помощью копья отчетливо зафиксирована первобытным художником на наскальных изображениях Онежского озера и Белого моря. На одном из рисунков Бесова Носа показан момент, когда человек вонзил копье в грудь животного (рис 88, 4). На Пери Носу охотник вонзает копье в грудь какого-то, повидимому, хищного зверя (88, 1). Наконец, на одной из скал Залавруги также изображен охотник, мечущий копье (объект, в которого он целился, не показан; рис. 88, 2). Судя по этим изображениям, длина копья была не менее 3 м, поскольку древко его в большинстве случаев превышает рост человека.

Костные остатки фауны показывают, что для оленеостровцев немалое значение имела охота и на медведя. Как известно, в еще недавнее время наиболее распространенными орудиями охоты на медведя у крестьян были рогатина и копье. Вероятно, и в эпоху неолита охота на медведя велась приблизительно теми же способами и тем же оружием, хотя не исключена возможность и применения лука.

Охота с копьем на медведя, как мне представляется, отображена на одном из рисунков Онежского озера (Пери Нос).² Человек здесь показан вонзающим копье в тело хищника (рис. 88, 1), у которого четко высечена лишь голова, а тело как бы забито мелкими точками.³ Судя по тому, что голова животного располагается значительно ниже плеч охотника, эта сцена, очевидно, должна изображать охоту человека с копьем на медведя, находящегося в берлоге. Вероятно, не раз при случайном

или умышленном открытии берлоги медведя древнему оленеостровцу приходилось прибегать к такому способу охоты. Известно, например, что саамы чаще всего охотятся на медведя именно ранней зимой, когда зверь находится в берлоге.

Учитывая большое значение охоты с помощью копья, допускавшего разнообразные приемы [как коллективной, так и индивидуальной охоты, мы должны будем все же признать, что наиболее массовым и широко применяемым орудием был лук. Последний являлся орудием универсальным, с помощью которого производилась охота не только на сухопутного зверя, но также на птицу и даже, вероятно, на рыбу. В соответствии с видом объекта менялась лишь форма наконечника стрелы.

Основываясь на этнографическом материале, следует полагать, что в охоте на крупного животного должны были употребляться весьма массивные костяные наконечники стрел с одним, реже двумя зубьями и хорошо заостренным концом. Такие наконечники, например, показаны на рис. 37, 1—4, 8, 12—14; 40, 1—8, 10 и др.

При охоте на крупного лося и оленя наиболее эффективными были, вероятно, комбинированные наконечники — с каменными носками, с помощью которых проколоть толстую лосевую или оленью шкуру было значительно легче, чем костяными, а также вкладышевые наконечники, имеющие весьма крупные размеры. Наконечники таких типов представлены на рис. 42, 1—17; 46, 11—13; 48, 1—7. Кремневые носки, вставленные в костяной стержень, достаточно массивны и очень остры. Помимо того, силе удара, наносимого наконечником, способствовал также и его значительный вес. Существенно отметить, что эти наконечники, как правило, встречались на груди или между ног скелета, лежащими (повидимому в колчане) целой группой, плотно прижатыми друг к другу. Подобные наконечники известны у народов, населяющих северную часть Америки (алеутов, тлингитов, эскимосов); употребляются они в качестве наконечников дротиков или стрел и предназначаются для охоты на крупного зверя.¹

Каких-либо остатков лука в могильнике найдено не было, о наличии его можно

¹ Гораздо более близкие, чем этнографические параллели.

² В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. I. М.—Л., 1936, табл. 20, 28, 29, 29а.

³ Не является ли данная заштриховка тела стремлением художника показать, что охотнику видна только голова зверя?

¹ Ф. К. Волков и С. И. Руденко, ук. соч., стр. 164, рис. 5, j, 7, 14, e.

судить лишь по многочисленным и разнообразным стрелам. Вследствие этого мы не имеем возможности точно установить форму и размер лука. Можно говорить лишь о некоторых крайних величинах, основываясь на наличии весьма длинных костяных наконечников — до 30 см (рис. 42, 1—3), которые скреплялись с каменными носками (7—8 см длиной) и затем вставлялись в древко, о чем достаточно точно свидетельствует их заостренная тыльная часть. Следует считать, что такие наконечники стрел имели длину около 70 см или немного больше, так как 70 см являлись тем максимальным размахом, который может допустить человеческая рука, оттягивающая тетиву; при условии, чтобы конец стрелы заходил за край дуги лука. Такая длина, судя по этнографическим данным, вполне допустима, примером чего являются некоторые из гнанасанских стрел. Следует предполагать, что длина всех стрел у одного охотника была одинаковой, поскольку расстояние от натянутой тетивы до края дуги лука было постоянным. Вероятно, в тех случаях, когда сам костяной наконечник был небольшим, деревянное древко стрелы делалось длиннее.

Какова же была длина самого лука? Учитывая, что максимальная длина стрел равнялась 70 см, можно предположить, что и длина самого лука была немногим больше. Так, гнанасаны, изготовляющие стрелы 70 см длиной, употребляют лук приблизительно того же размера. На небольшую величину лука у древнего населения Карелии указывают и наскальные изображения Белого моря. Судя по серии человеческих фигур, вооруженных луком, лук ни в одном случае не превышает $\frac{1}{3}$ роста человека. Как бы ни были условны изображения реальных предметов первобытным художником, однако нельзя отказать ему в соблюдении относительных пропорций. При таком положении лук, которым владели древние жители Белого моря, также не мог превышать 70 см.

Из чего изготовлялся лук — остается пока загадкой. Можно лишь сделать заключение, что он был деревянным и, повидимому, не имел никакой костяной обкладки, иначе до нас должны были бы дойти какие-нибудь из ее частей. Допустимо предположить, что он делался из ветвей листовых деревьев, так как хвойные мало пригодны для данной цели.

Косвенным доказательством того, что древний оленеостровец, очевидно, охотился на лося и оленя с луком, могут служить изображения подобной охоты (свыше шести сцен) на скалах Белого моря. Во всех случаях охотник помещен позади бегущего лося или оленя, преследуя животное.

Если наиболее продуктивной охотой на оленей была массовая погонка их во время перекочевки и в особенности в момент перехода через реки и озера, то наиболее добычливой охотой на лосей являлась охота зимой и ранней весной по насту.

В большие снегопады лосю трудно передвигаться и он легко может стать добычей человека. Однако особенно успешной является охота по насту. Крупное тяжелое животное при беге подламывает наст и проваливается в снег, при этом острые края ледяной кромки сильно ранят его ноги. Ослабевая от бега и потери крови, зверь легко может быть настигнут охотником. Оба способа охоты предполагают владение человека лыжами.

Весенняя охота на оленей, например, в Пудожском районе Карелии протекала так: «По первому насту перед наступлением весны, охотники отправляются на промысел с собаками, которые догоняют целые стада оленей и с лаем преследуют их по лесам, пока они не придут в совершенное изнеможение. Тут приближаются на лыжах охотники, застигают целое стадо оленей, окруженное собаками, и убивают иногда от 5 до 15 штук зверей».¹

Петроглифы указывают на знакомство человека с лыжами и применение их во время охоты. Ряд изображений зафиксировал погоню за лосем и оленем охотника на лыжах. Последний вооружен луком или копьем (рис. 88, 3, 5, 6; 89; 90, 1). Настигая зверя, человек вонзает в него сзади копьё и убивает животное, измученное преследующей погоней. Таким образом, на наскальных изображениях показаны два вида оружия при охоте на лосей и оленей в зимний сезон (вероятнее, в самом начале весны, когда образовался крепкий наст) — лук и копьё. Следует предполагать, что лыжи были знакомы и древнему оленеостровцу, так как иной способ передвижения зимой в засне-

¹ Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии, стр. 64—65.

Рис. 88. Наскальные изображения охоты.
1 — Пери Нос; 2, 5, 6 — Залавруга; 3 — Бесовы Следни; 4 — Бесов Нос.

женных карельских лесах практически невозможен.¹

Знакомство древнего оленеостровца с лодкой и лыжами помогало ему при охоте, позволяя производить массовую посылку оленей и охоту на лосей при переправах и ранней весной, по насту. Помимо лука, вооружение его, вероятно, состояло из копья.

цев, нельзя не упомянуть самоловы, игравшие, без сомнения, немалую роль в указанном промысле. Правда, мы не имеем их следов в нашем памятнике и, вероятно, никогда не найдем их остатков и в других стоянках или могильниках, однако огромный этнографический материал из жизни различных охотничьих племен заставляет

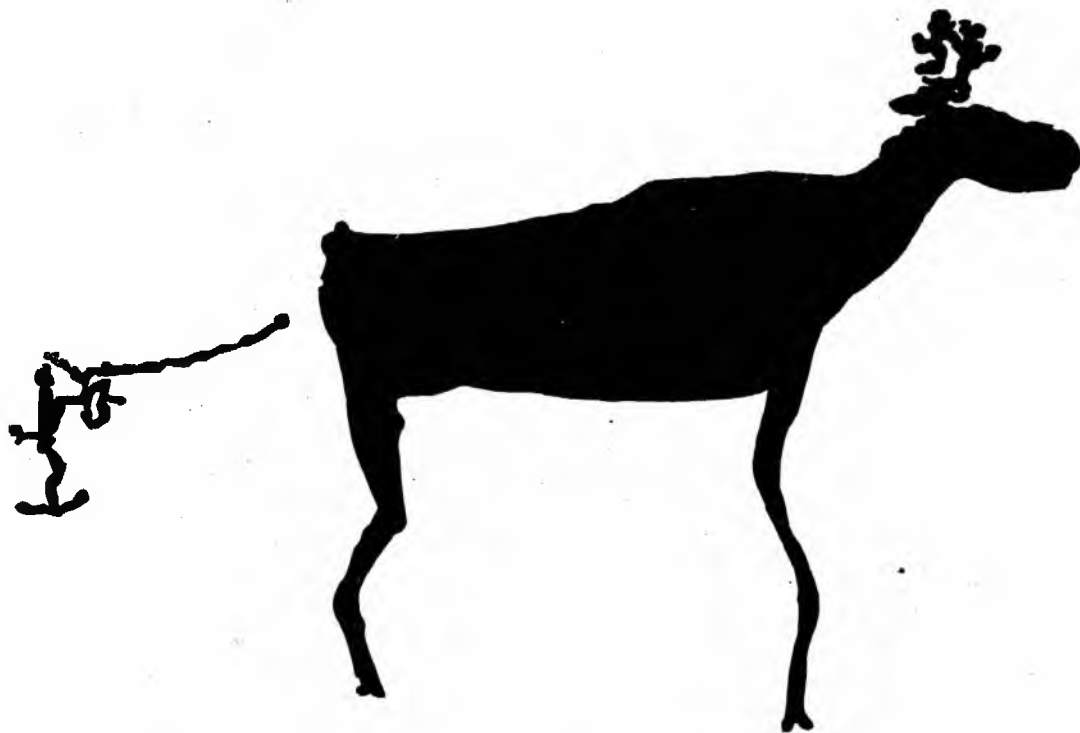

Рис. 89. Наскальные изображения охоты. Залавруга.

Значительную роль в успехе этого вида охоты должна была играть собака, клык и челюсть которой были найдены в погребениях могильника. Об использовании собаки при охоте на лося свидетельствуют и наскальные изображения Онежского озера (Пери Нос; рис. 90, 2).¹

Чтобы реально представить себе различные способы охоты древних оленеостров-

прийти к выводу о несомненном применении их первобытным человеком.

Широкое распространение всевозможных самоловов и ловушек следует объяснять прежде всего простотой их устройства и легкой доступностью материала, из которого они изготавливаются (камни, дерево, оленьи ремни и жилы). Помимо того употребление самоловов высвобождает охотнику некоторую долю времени для других работ. Большое количество расставленных ловушек способно в значительной степени облегчить пропитание человека в трудное зимнее время и доставить ему шкуры животных для одежды и обуви.

У нганасанов, например, один из видов ловушек делался из каменных плит и имел

¹ Как известно, остатки лыж в неолитических памятниках были неоднократно обнаружены археологическими раскопками, см., например: П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 57; Н. Я. Нестеровский. Об открытии лыжи, остатков мамонта, быка и сосны. Зап. Уральск. общ. любит. естествозн., 1891—1894, XII, вып. 2, стр. 45.

Рис. 90. Наскальные изображения охоты.
 1 — Пери Нос; 2 — Залавруга; 3 — Бесовы Следни; 4, 5, 6 — Бесов Нос.

по существу весьма простое устройство.

«Из четырех больших каменных плиток укладывалось подобие короба, открытого с одной стороны. Перед отверстием при помощи четырех кольшиков укреплялась в виде порога узкая и длинная каменная плитка. Поверх нее пропускалась слегка из длинной тяжелой жерди, при настораживании она поднималась с помощью поперечной палочки, которая, упираясь нижним концом в каменный порог, одновременно покоилась на конце длинной палки со вдетой наживкой. Один конец слегги придавливался для большей тяжести камнем. Песец, пройдя под слегу, выдергивал палку с наживкой и ронял на себя слегу».¹

Охота самоловами очень простой конструкции применялась, например, саамами не только на мелкого пушного зверя, но и на оленей. Для этой цели к сучьям деревьев, растущих у тропы, по которой постоянно ходят олени, подвешивалась петля, сплетенная из толстых веревок или ремня. На бегу животное попадало в настороженную петлю и при попытке выбраться из нее крепко затягивало ее на шею.

Наличие очень большого количества костей лося в могильнике должно свидетельствовать, повидимому, о применении древними оленеостровцами и более эффективных способов охоты на лося — устройстве ловчих ям, самоловов и самострелов, которые имеют широкое применение у северных народов.

Так, например, у долган известны сети (рис. 91) и сооружение, называемое «засеки», применяемые для охоты на оленей. Принцип устройства «засеки» состоит в следующем. По краю леса валятся деревья в виде зигзагообразной линии с двухметровым промежутком между парой деревьев. На одной из сторон этого промежутка, на ине или специальном кольшике с вырезом посередине, настораживают самострел, представляющий собой лук, изготовленный из лиственницы, у которого посредством особого сооружения — «прикляда» — натягивается тетива. От «приклада», поперек открытого прохода, протягивается нитка — «сито». Олень, направляясь через проход, разрывает нитку, тетива лука освобождается и посланная им стрела убивает оленя.²

¹ А. А. Попов. Нганасаны, стр. 40.

² А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 165.

В более широких масштабах охота с помощью всевозможных самоловов применялась на мелких животных — зайцев, лисиц, бобров и т. д.

Саамы, например, при охоте на зайцев применяли простейшие сооружения. «Зайцев, которых так много по тундре, ловят обыкновенно на петлю, сделанную из белых тонких, но крепких ниток. Петлю эту вешают на приподнятый очап и наставляют его на тропе, которую прокладывает зайцы. Днем зверь убегает назад при виде петли; зато ночью всегда попадает в нее. При этом очап поднимается вместе с зайцем и таким образом давит его до смерти».¹

Практиковалась также охота на зайцев с помощью сетей, сплетенных из расщепленных сухожилий или волокон крапивы. В таких случаях охота носит ярко выраженный массовый характер.

Ловля зайцев сетями хорошо известна была также и в древней Руси. В расставленные сети их загоняла толпа охотников, пугая криками.²

Среди чукотских рисунков В. Г. Богораз приводит один, показывающий момент облавы (рис. 92). Зайцы собрались на бугре перед сетями, охотники пугают их криками и кусками шкуры, мечут в них стрелы и бросают арканы.³

Немалое значение имело применение самоловов при охоте на бобров. Об этом свидетельствуют не только этнографические материалы, но и древнерусские источники.

Так, Н. Аристов приводит содержание уставной грамоты Витовта 1453 г., разбирающей спор между великим князем и боярами за право охоты на бобров в определенных участках. Из этого документа явствует, что бобровая охота носила массовый характер и способы ее были весьма различными, причем немалое значение, повидимому, имела собака. Ловушки, судя по их названиям, были довольно разнообразными.⁴

В южной Карелии употребление самоловов в очень широких масштабах продолжалось до XIX в. (кашканы, кляпцы и др.).

¹ С. В. Максимов. Год на севере, ч. II. М., 1890, стр. 518.

² Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 7.

³ В. Г. Богораз. Чукотские рисунки. Сб. в честь Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 406, рис. 9.

⁴ Н. Аристов, ук. соч., стр. 9.

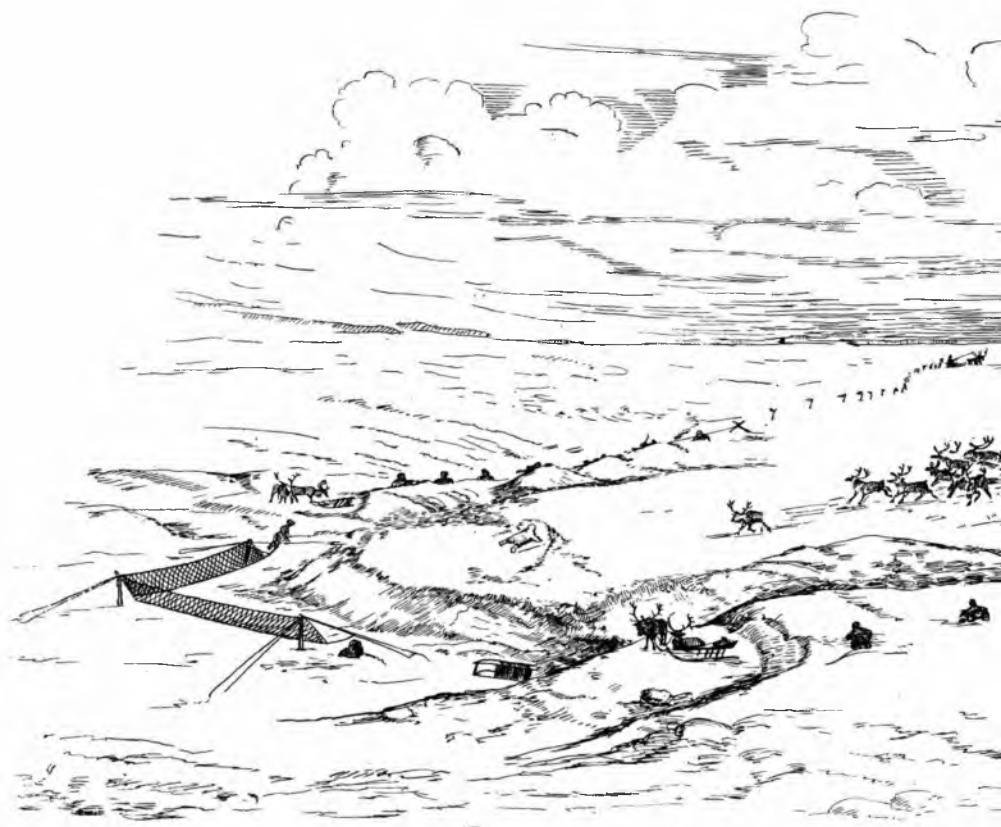

Рис. 91. Охота на диких оленей у игансаюв.

Таким образом, охота с помощью всевозможных ловушек, петель и сетей была известна многим народам и практиковалась ими на протяжении очень длительного времени, что дает известное основание предполагать наличие их (хотя бы простейшей конструкции) у древних оленеостровцев.

В пользу этого предположения свидетельствуют, с моей точки зрения, и наскальные изображения Онежского озера. А. М. Линевский¹ отмечает наличие изображений различных капканов, употреблявшихся, по видимому, на зверя.

ОХОТА НА ПТИЦ

О важном значении птицы в обеспечении питанием древних оленеостровцев говорит обилие птичьих костей, найденных в могильнике.² Существенно заметить, что этот вид охоты нашел отражение и в петроглифах. Значительное количество изображений птиц, главным образом водоплавающих, выбито на гранитных скалах Онежского озера и Белого моря (табл. 17).³

Такое обилие изображений птиц на Онежском озере А. М. Линевский связывает с существованием культа перелетной птицы, что в свою очередь следует рассматривать как производное от экономики древнего человека — огромной роли птицы в качестве объекта охоты.

¹ А. М. Линевский, ук. соч., стр. 18—28.

² К сожалению, виды птиц определить не удалось, однако, судя по характеру костей, следует полагать, что значительный процент их составляли водоплавающие.

³ Таблица составлена по работе А. М. Линевского «Петроглифы Карелии». Изображения всех мысов Онежского озера (Каредкого, Перя, Бесова Носа и Кладовца) объединены.

После долгой голодной зимы древние оленеостровцы с огромным нетерпением должны были ждать появления перелетной птицы как источника своего питания в труд-

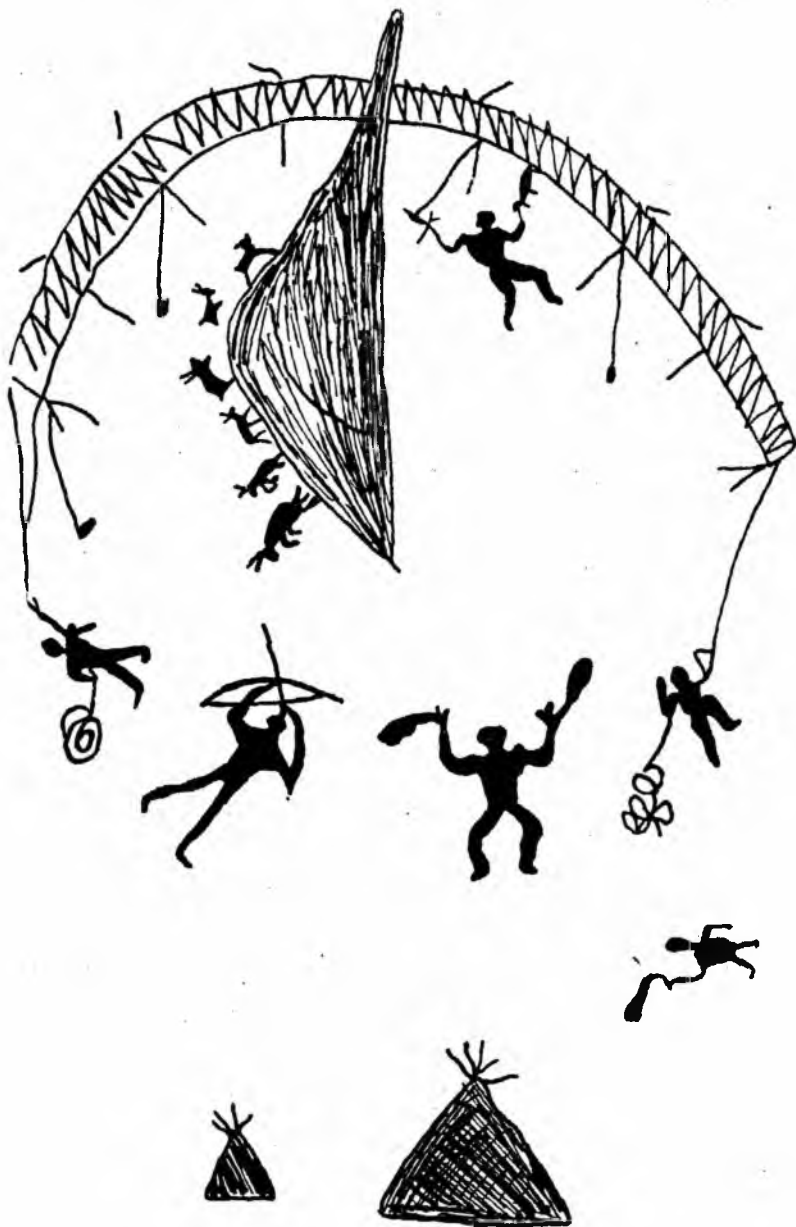

Рис. 92. Ловля зайцев сетями. Чукотские рисунки.

ное весеннее время. И не только весной, но и в течение всего лета, вплоть до глубокой осени, т. е. до отлета птиц на юг, они являлись существенным объектом охоты, давая древним обитателям Заонежья боль-

пое количество вкусной и питательной пищи. Надо полагать, что древние олениостровцы знали немало разных способов охоты на птиц. Простейшим из них следует счита-

Рис. 93. Наскальные изображения метательных орудий и птиц (1, 2). Онежское озеро.

тать метание в птиц камней и палок — способ, не требовавший большой изобретательности, а лишь ловкости и быстроты действий. В изображениях, выбитых на скалах Онежского озера и Белого моря, А. М. Линеvский усматривает целый ряд метательных орудий (рис. 93).

Таблица 17

Количественное соотношение изображений птиц на петроглифах Онежского озера и Белого моря

	Количество изображений	На Онежском озере	На Белом море
Всего петроглифов . . .	996	496	500
Из них:			
лебеди	62 (34%)	60	2
гуси и гагары	48 (33%)	41	7
утки	18 (10%)	16	2
сухопутная, лесная дичь	40 (22%)	37	3

У северных племен известны различные метательные приспособления. Один из чукотских рисунков фиксирует особый метательный снаряд, состоящий из связки шнур-

ков с костяными шариками на концах. Охотник бросает эту связку в птицу, которая, опутываясь ими, теряет способность лететь.¹

Среди орудий, применяемых древними олениостровцами для ловли птицы, видное место должны были занимать также всевозможные ловушки. У многих северных народов, у которых охота на птиц имеет важное место в экономике, существуют разнообразные несложного типа самоловы, изготовляемые из простейших материалов. Их удивительно примитивное устройство приводит к убеждению о несомненном существовании таких же или подобных им ловушек и в глубокой древности.

Весьма интересные способы ловли водяной птицы силками известны, например, у чукчей. Так, один из рисунков, приведенный в книге В. Г. Богораза,² показывает, как два охотника ловят в устье речки водяную птицу с помощью нескольких силкопетель, прикрепленных на один длинный шнур (рис. 94, 3). В петлю птицы попадает головой или лапой. Силки обычно делаются из китового уса.

Два интересных и притом простейших способа ловли гусынь, высидивающих яйца, существуют у долган (рис. 94, 2). Первый из них заключается в том, что «около гнезда втыкают две палочки и между ними натягивают петлю, в которую и попадает птица», во втором случае «на гнездо раскидывается петля, короткий конец веревки привязывается к дереву, растущему вблизи, длинный конец отводится за какое-нибудь прикрытие, где лежит подстерегающий охотник. Как только птица усядется на гнездо, охотник тянет за длинную веревку и этим самым затягивает петлю вокруг шеи самки гуся».³ С помощью петель ловят долганы и куропаток. «Для этого из снега сгребают горку, на которой втыкают веточки и сучья в виде изгороди, оставляя в середине свободный проход, где и настораживают петлю; перед петлею в качестве приманки кладут почки ольхи».⁴

Ловля птиц силками хорошо была известна саамам. Они часто использовали их при охоте на куропаток, бегающих обычно

¹ В. Г. Богораз. Чукотские рисунки, стр. 407, рис. 10.

² Там же, стр. 410—411, рис. 11.

³ А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 179.

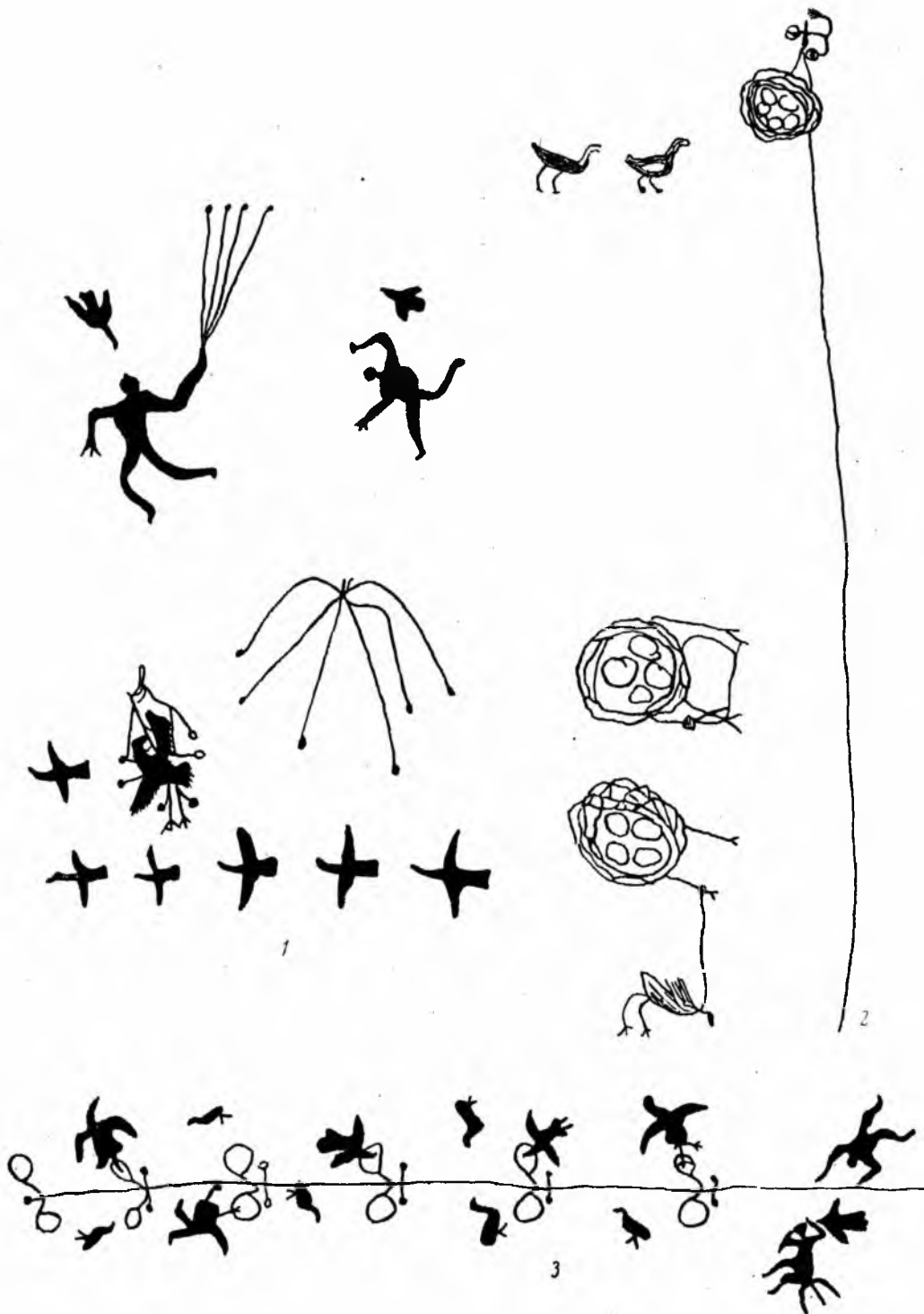

Рис. 94. Охота на уток при помощи метательного снаряда (1) у чукчей; ловля гусей (2) у долган; ловля водоплавающих птиц (3) у чукчей.

в одиночку или стаями в определенном направлении. «Зная это, — пишет С. В. Максимов, — лопари устраивают ловушку, весь нехитрый состав которой состоит в том, что к двум колышкам, наклонно воткнутым в снег привязывают небольшую петельку, плетеную из ниток и называемую «гангасом». Около гангаса этого делают коротенький заборик с двух сторон из сосновых и еловых лапок. Куропатка, вбегая в этот переулочек, узенький и коротенький, принуждена стремиться вперед и, стало быть, прямо в петлю».¹

Применение самоловов, близких по конструкции к только что описанным, наблюдалось еще во второй половине XIX в. у жителей южной Карелии (в Пудожском районе).

В «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1866 г.» встречаются весьма разнообразные названия ловушек: «сак», «силья», «пасти», «колода» и др. Степень сложности их устройства различна, но во всех случаях без применения металла. Вот, например, как устраивались «силья» (на рябчиков и куропаток): «Делается из конского волоса. Заметив на земле место, где в осеннее время садится птица, крестьянин разбивает тут дерн до чистого песку и делает с обеих сторон огородку, оставляя для входа воротца, в которых полагается немного ягод для приманки. В огородке ставится сило, один конец которого привязывается к поперечной палочке воротца, а другой образует петлю».²

Несколько сложнее устройство пасти: «Над огородкой из еловых прутьев поднимают вверх два или три нетолстых бревна длиной 1½ аршина до сажени и более. По середине огородки забивают по колышку, в которых делают рубежки (зарубки); на колышки накладывают в один конец кольцо из березового или ивового прута, в которое прокладывается через перекладицу палочка; на другой конец накладывают витой березовый пруттик, к которому привязывается особая палочка, по местному «симка» (т. е. пружина), которая кладется в рубежок. Симка поддерживается по середине третьей воткнутой в землю палочкой. Поверх этих палочек набрасывают на симки тоненьких прутьев».³

По утверждению автора приведенной статьи, наиболее распространенным способом ловли птиц (тетеревов, белых и серых куропаток, рябчиков) было применение пастей и сильев.

Как мы видим, указанные сооружения существуют у ряда народов на протяжении большого отрезка времени. Они отличаются исключительной простотой своего устройства и применимы в большую часть года. Однако охота на птицу носила особенно массовый характер в период ливьки. О размахе ее свидетельствуют многие этнографы, занимавшиеся изучением северных народностей.

В июне гуси и утки начинают линять, причем настолько сильно, что теряют всякую способность летать. Наиболее простейшим способом ловли их в это время следует считать эскимосский, который заключается в том, что люди гоняют лишнюю возможность летать птицу, утомляя ее, и затем избивают палками.¹

Широко распространенным способом ловли гусей в момент линьки является загон их в сети, известный, например, у гиляков. В Вилюйском округе практиковалась ловля линяющих гусей с помощью неводов, которые расставлялись между двумя озерами, сильно мелеющими летом. Загнав птиц в сети, люди били их палками (рис. 95, 96).

Ловят сетями линяющих гусей и уток и иганасаны.² Эта форма коллективной охоты имеет для них большое хозяйственное значение. Она длится со второй половины июля до октября и требует значительного напряжения сил, причем в ряде случаев приостанавливаются все остальные занятия, в том числе и рыболовство. Подъезжают к озерам с большой осторожностью, чтобы не спугнуть гусей. Если гусей немного, иганасаны выгоняют их на берег и затравливают собаками. Однако наиболее эффективной является охота с помощью сетей. Последняя состоит из мотни, или тупика, плетеного из тонких ремней размером 4×1 м. Под углом к мотне устраиваются крылья длиной от 30 до 35 м. Иногда крылья делаются из обыкновенных рыболовных сетей. Чтобы гуси не могли убежать из-под сети, нижнюю тетиву прикрепляют к земле особыми

¹ С. В. Максимов, ук. соч., ч. I, стр. 229.

² Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии, стр. 60.

³ Там же.

¹ А. А. Иностранцев, ук. соч., р. 184—185.

² А. А. Попов. Иганасаны, стр. 42—44.

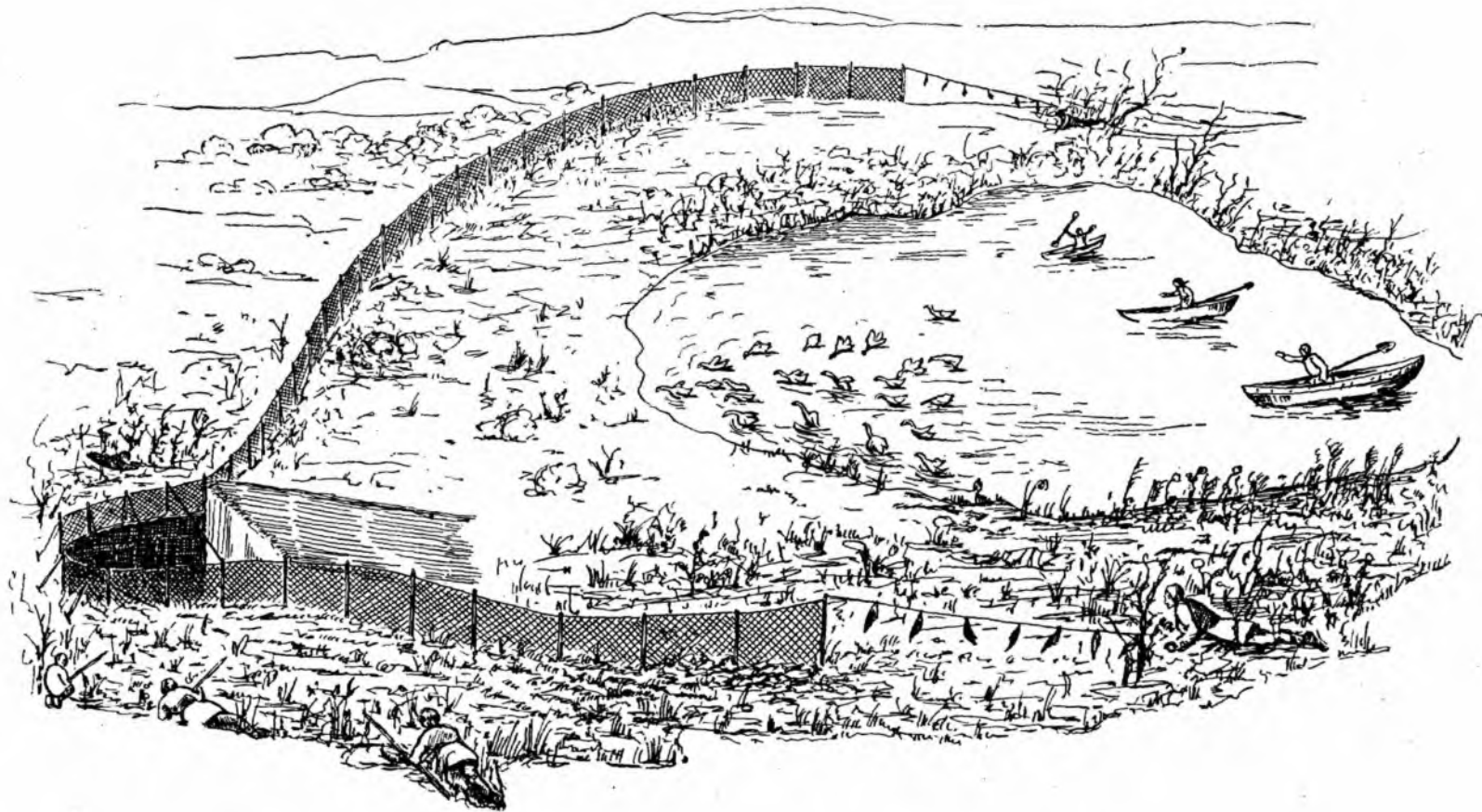

Рис. 95. Охота на линяющих гусей у долган (по А. А. Попову).

крючками. При такой охоте задача заключается в том, чтобы выгнать гусей из озера и загнать в сети. Для этой цели озеро оцепляют людьми и оставляют лишь свободный небольшой участок берега, примыкающего к сетям. С озера гусей выгоняют на лодках, а на берегу дорогу к сетям сторожат с обеих сторон люди, всеми спосо-

В инвентаре, найденном в могильнике, нет наконечников стрел, которые можно было бы выделить как имеющие прямое назначение для охоты на птицу. Судя по этнографическим наблюдениям, эти наконечники чаще всего имеют раздвоение на конце, что способствует точности попадания в сравнительно некрупный объект. Нужно

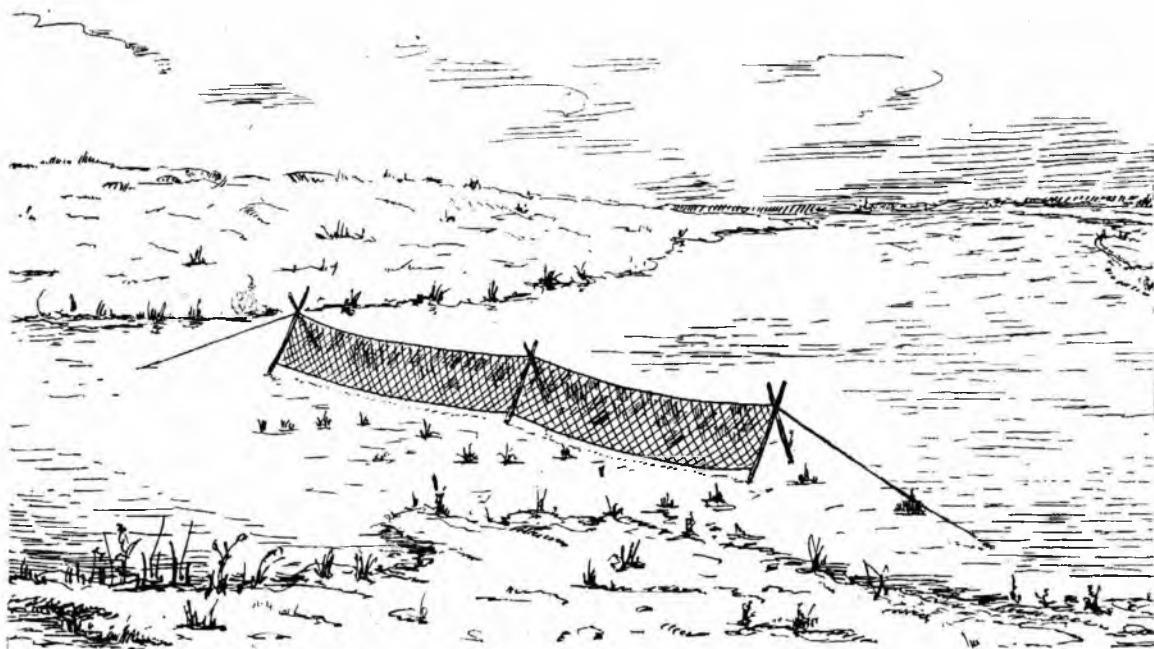

Рис. 96. Охота на уток у нганасанов (по А. А. Попову).

бами старающиеся напугать гусей. Если в стойбище не хватает людей, то используется платье охотников, которое развешивается так, чтобы оно походило на живого человека.

Подобные массовые охоты дают большую добычу. А. А. Попов приводит данные по этому виду промысла у нганасанов, у которых убивали по 300, а в удачные годы до 1000 и более гусей в течение одной охоты.¹

Учитывая огромное количество водоплавающей птицы, которая до самого последнего времени населяла узкие заливы Онежского озера, едва ли можно сомневаться, что древние оленеостровцы использовали моменты линьки птицы для массовой охоты на нее.

иметь в виду, что в данном случае требовалась лишь сила удара, а не острота наконечника, совершенно необходимая, например, при охоте на лося, оленя, медведя и т. д., когда стрела должна прорвать крепкую шкуру животного и вонзиться в его тело. Птице достаточно было нанести сильный удар в грудь или поранить крыло, чтобы она потеряла способность летать. Для данной цели среди материалов Оленеостровского могильника более всего подходят наконечники с широкими, но тупыми концами, изображенные на рис. 46, 4, которые, впрочем, могли быть употреблены также и на пушного зверя. Несмотря на отмеченную специализацию наконечников стрел, существовавших у древних оленеостровцев, следует полагать, что в ряде случаев одни и те же стрелы использовались при охоте на сходные по характеру объекты, какими

¹ А. А. Попов. Нганасаны, стр. 45.

являлись, например, птицы и некрупные пушные зверьки, которых можно было поранить силой удара стрелы.

РЫБОЛОВСТВО

Как указано выше, физико-географические условия местности, где жили древние оленеостровцы, должны были способствовать широкому развитию рыболовства. Поэтому, несмотря на весьма ограниченное количество найденных в могильнике орудий, характеризующих этот промысел (рыболовные крючки, вероятно, иглы для плетения сетей, грузила и некоторая часть наконечников стрел, а также гарпунов), мы должны отвести рыболовству должное место.¹

Исходя из обилия рыбы в Онежском озере в настоящее время и основываясь на заключении К. Ф. Кеслера, что в Ладожском и Онежском озерах в период неолита водились те же рыбы, что и в современных их водах, можно сделать вывод, что древние оленеостровцы имели возможность питаться рыбой во всяком случае в течение более полугода, поскольку в продолжение всего этого времени происходил ее нерест. Если даже допустить, что в древнем Онежском озере и не водилось такого большого количества рыбы, которое наблюдал, например, Л. Шренк на Амуре и его притоках, когда «рыба сама причаливает к берегам», а «на мелких местах ее там ловят просто руками, а в более глубоких вытаскивают из воды крючьями или саками»,² то все же ее было очень много.

Ихтиологи дают следующую картину нереста рыб в Онежском озере в близкое к нам время:

- 1) конец апреля. — язь, лосось, корюшка, судак;
- 2) начало мая — щука;
- 3) вторая половина мая — окунь, ерш, плотва;
- 4) начало июня — лещ, подлещик;
- 5) конец сентября, начало октября — палья, ряпушка;

¹ Отсутствие остатков ихтиофауны в захоронениях объясняется плохими условиями для их сохранности. Те немногие археологические памятники, где рыбы кости могли сохраниться, например приладожские стоянки, на которых обнаружено около 2140 твердых частей рыб, свидетельствуют об очень широком развитии рыболовства.

² Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 215.

6) январь — налим;

7) карась нерестует ежемесячно.¹

Таким образом, следует сделать вывод, что на протяжении значительного времени года, когда совершался массовый ход нерестующей рыбы, древний оленеостровец имел возможность ловить ее непосредственно у берегов озера, что несомненно облегчало технику лова. Рыбы было много, но для того чтобы достать ее, требовались хотя бы самые примитивные приспособления, вплоть до простых кусков шкур, позволяющих черпать рыбу из воды.

Как указывалось выше, орудия рыболовства представлены в могильнике не с той полнотой, которая необходима для воссоздания характера и способов лова. Из-за отсутствия остатков сетей, мы не можем судить о материале, употреблявшемся на их изготовление, о размере, конструктивном устройстве и т. д. Однако наличие игл для плетения сетей и каменного грузила свидетельствуют о факте знакомства древних оленеостровцев с этими орудиями рыболовства. Многочисленные и весьма разнообразные грузила, находимые в изобилии на неолитических стоянках Карелии, указывают на широкое применение сетей древними обитателями этой территории. Большое значение для подтверждения знакомства с сетями населения Карелии имеют находки сетей близ Антреа, относящихся к очень раннему этапу развития неолита.² Судя по ним, а также учитывая аналогичные находки на территории Эстонской ССР, близ г. Нарвы, вероятнее всего предположить, что древнее население побережья Онежского озера изготовляло сети из лыка или волокон крапивы.

Наряду с ловлей рыбы сетями, предполагающей коллективный способ промысла, материалы могильника указывают на наличие у древних оленеостровцев также индивидуальные приемы рыболовства. Найденные составные части рыболовных крючков свидетельствуют о том, что кроме цельных рыболовных крючков, изготовленных из одного куска кости применялись и составные рыболовные крючки, значительно облегчающие технику их выделки. Размеры

¹ Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии, стр. 39—40.

² S. Pälssi. Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti. SMYA, XXVIII, Helsinki, 1920, стр. 1—19.

некоторых из найденных частей указывают на ловлю весьма крупной рыбы.

Части составных рыболовных крючков (каменных), подобно грузилам от сетей, достаточно известны по материалам карельских неолитических стоянок, в частности расположенных на восточном побережье Онежского озера.¹

К числу орудий рыболовства, обнаруженных в могильнике, следует также отнести гарпуны (рис. 34, 1—6), используемые, как правило, для битья рыбы и охоты на морского зверя. «Гарпун употребляется преимущественно при охоте за морскими животными (например тюленями) и крупной рыбой. Пораженный гарпуном тюлень ныряет и стремится уйти от охотника, но последний преследует зверя и настигает его при помощи древка гарпуна, плавающего на поверхности воды».²

В настоящее время в водах Онежского озера не встречается морских животных, однако, по данным А. А. Иностранцева, в Ладожском озере тюлень водился во время существования там древнего поселения. Поскольку у нас нет точных сведений, были ли тюлени в Онежском озере в древности, следует предположить, что имеющиеся в Оленеостровском могильнике гарпуны главным образом использовались при рыболовстве. Судя по величине этих гарпунов, они употреблялись на весьма крупную рыбу и предусматривали достаточно прочное скрепление их со шнуром (маутом) при помощи крупного утолщения на тыльной части наконечника гарпуна, резного зубца или, наконец, отверстия. К крупным породам рыб, водящимся в Онежском озере, прежде всего относятся щука, сом, судак, падь, лосось, налим и др.

На центральной скале Бесова Носа выбиты два изображения, показывающие способы битья рыбы с помощью гарпуна.³ Одно изображение фиксирует момент, когда брошенный гарпун попал в рыбу и на поверхности осталось лишь кольцо, которое, повидимому, было привязано к концу древка гарпуна (рис. 90, 5). Однако рыба попала

крупная, и охотник в дополнение к первому мечет второй гарпун. Последний имеет четыре зубца, три из которых направлены в одну сторону, а четвертый — в противоположную. Это зубец, за который привязывается маут, или веревка, скрепляющая наконечник гарпуна с древком. Обращает на себя внимание точность изображения этой детали. На гарпунах Оленеостровского могильника для скрепления с маутом также в большинстве случаев служит четвертый (реже третий) зубец наконечника гарпуна, направленный в противоположную сторону. Приведенное изображение особенно интересно тем, что представленные на нем два гарпуна — один воткнутый в тело рыбы, а второй находящийся в процессе метания — дополняют друг друга и помогают с большими подробностями восстановить способы употребления гарпунов, обнаруженных в Оленеостровском могильнике.

Второе изображение на скале Бесова Носа, представляющее крупную рыбу с воткнутым в нее оружием, также должно, повидимому, изображать охоту с гарпуном (рис. 90, 6). Наконечник последнего полностью вошел в тело животного и зубцы его (как у первого гарпуна на указанном выше изображении) совершенно скрыты. На поверхности видно лишь древко копья и какое-то приспособление с тремя отростками на его конце. Назначение последних состояло в том, чтобы утяжелить и уравновесить гарпун при метании или сделать заметным его на поверхности и тем самым облегчить наблюдение за ходом раненой рыбы.

Немаловажное значение в рыболовстве древних оленеостровцев имели, по всей вероятности, всевозможные сооружения, близкие к тем, которые устраивались на берегах озер в дореволюционной Карелии и носили название «заборов». Подобные самолоты применялись и на более южных территориях, а также в Сибири («заколы», «котцы» и т. д.).

На озерах и реках Карелии, в особенности впадающих в Белое и Баренцево моря, еще в недавнее время чрезвычайно широкое распространение имели «заборы», «заколы», «убеги» и «тайники». Устройство их отличалось различной степенью сложности и было приспособлено к условиям моря или озера. В первом случае все построено на учете прилива и отлива морской воды. Во время прилива, в ловушки, заливаемые

¹ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. 1, стр. 115.

² Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Труды V Археолог. съезда, 1887, стр. 383.

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. 1, табл. 30, рис. 60, 61, 65—67.

водой, заходит рыба, а при отливе она не успевает найти выхода и застревает в западне. Устройство сооружений на берегах озер и рек имеет несколько иной принцип. Ловля рыбы с помощью подобных сооружений известна также у саамов, долган, нганасанов и др.

Одно из простейших сооружений по ловле семги на территории Карелии описано С. В. Максимовым. Оно представляет собой деревянную изгородь, устанавливаемую поперек реки, в центре которой имелись «воротца» (проход) с вершей.¹ Значительный интерес представляют сооружения, наблюдаемые на Кольском полуострове (в устье р. Колы), носящие названия «тайников».

Принцип их устройства сводится к следующему: в мелкой части губы в дно моря вбиваются палки высотой не ниже 6 м, расположенные в форме замкнутого полуовала, одна сторона которого вогнута внутрь. К верхней части этих палок привязываются сети, закрепленные внизу плотным рядом камней.

В момент прилива на поверхности воды выступает лишь верхняя часть сетей и кольца, к которым она привязана. В момент отлива, когда они обнажаются полностью, по дну только что отступившего моря ходят рыбаки, собирая попавшую в момент прилива рыбу, которая не могла во время отлива выйти из «тайника». Близкими к этим сооружениям следует считать «убеги», применявшиеся еще недавно в селах Карелии Нюхче и Колежме.²

Ловля рыбы с помощью различных сооружений была самым распространенным способом и в древней Руси, она носила название «еза» или «кола». «Ез — значит перегородка из прутьев или кольев, делаемая через речку и имеющая отверстие для верши, или кошеля, в который заходит рыба».³

Удивительная простота устройства сооружений для ловли рыбы, необыкновенная широта их распространения, начиная от крайнего севера и до полосы лесостепи включительно (а также разнообразие в формах) могут свидетельствовать о том, что

наиболее примитивные из них зародились, вероятно, еще в глубокой древности. Замечательная в этом плане находка была сделана в районе Кирколетта, в непосредственной близости от неолитической стоянки, особо благоприятные стратиграфические условия которой способствовали сохранности дерева. Сооружение состояло из стволов деревьев, вбитых в дно существовавшего здесь некогда протока, имело спиральную форму и предназначалось для ловли рыбы.¹ Доказательством применения на севере в древности рыболовных сооружений подобного типа является, с моей точки зрения, и весьма широкое распространение по берегам Баренцова и Белого морей лабиринтов, выложенных из камня и связанных с магическими обрядами рыбаков, совершаемыми для того, чтобы обеспечить успешный заход рыбы в расставленные ловушки.²

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ БЫТА

Специфика могильника и отсутствие на территории острова или в непосредственной близости одновременных ему отчетливо выраженных поселений лишает возможности говорить о целом ряде сторон жизни древних олениостровцев. Прежде всего у нас нет никаких указаний на то, где жили люди и какого типа было их жилище. Однако открытие на поселениях лесной полосы европейской части СССР большого числа остатков жилищ, относящихся к неолитической эпохе, позволяет в настоящее время представить их характер и форму.³ Значительную помощь оказывают этнографические материалы, касающиеся характера жилищ северных народов. Ряд остатков жилищ сооружений, обнаруженных непосредственно на территории Карелии и смежной с ней Ленинградской области (Карельский перешеек), дает основание предполагать, что в летнее время жилищем древних олениостровцев служили легкие шалаши, а в зимнее — полуземлянки, имевшие округлую форму и утепленные шкурами животных (олений и лосей).³

¹ S. Pälvi. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset Asuinpaikat Kaukolassa. SMYA, XXVIII, Helsinki, 1920.

² Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья. СА, X, 1948, стр. 125—142.

³ На р. Суне, Вой-Наволоок 9, Оров-Наволоок, Вой-Наволоок 7, Курмойла, Питкаярви.

¹ С. В. Максимов, ук. соч., ч. I, стр. 236—237.

² Н. Н. Гурина. Неолитические поселения Кольского полуострова. МИА, № 20, 1951, стр. 162.

³ Н. Аристов, ук. соч., стр. 23.

Как правило, все неолитические поселения Карелии размещаются в заливах, защищенных от северного ветра и открытой части озера. На открытых участках озера, даже там, где берег песчаный и пологий, поселения отсутствуют. Судя по исследованным неолитическим поселениям и данным этнографии, вероятно, каждый отдельный поселок, в котором жили древние олени островки, был сравнительно невелик и располагался на берегу бухты, где не было сильных ветров и имелись удобные стоянки для лодок. Очевидно, поселки размещались группами, в непосредственной близости друг от друга — картина, часто наблюдаемая на неолитических стоянках лесной полосы и в особенности на побережье Онежского озера и прилегающих к нему территорий.¹

Тесная группировка поселений и стоянок на сравнительно небольшой территории является для южной Карелии прави-

¹ В непосредственной близости от Оленьего острова, на восточном берегу Онежского озера, известна группа стоянок близ Бесова Носа — стоянка на самом Бесовом Носу, на реке Черной в бухте, примыкающей к Бесову Носу (А. Я. Брюсов, История древней Карелии, стр. 207—213). Несколько севернее также же стоянки группируются в районе Оров-Наволока (Оров-Наволока 3, Оров-Губа, Оров-Наволока 2, местонахождение на вершине оза). Особенно многочисленны поселения и стоянки в районе поселка Повенец. Помимо нескольких стоянок, открытых на р. Повенчанке, в непосредственной близости от нее находится целый куст поселений, разделенных между собой расстоянием не более чем 1—2 км: Вой-Наволока 3, Вой-Наволока 4, Вой-Наволока 5, Вой-Наволока 6, Вой-Наволока 7, Вой-Наволока 9, стоянка у Пушсовхоза I, стоянка у Пушсовхоза II, а также ряд стоянок еще не подвергшихся исследованию, расположенных на вершине оза (Н. Н. Гурин, Поселения эпохи неолита и раннего металла..., стр. 77—142). Наконец, большая группа стоянок, в значительной степени раскопанных, располагается на окраинах г. Медвежьегорска.

Такое же положение прослеживается и на западном берегу Онежского озера, в частности, у поселка Соломенное близ г. Петрозаводска — стоянка Соломенное, Соломенное I, Соломенное II, Томица (А. Я. Брюсов, История древней Карелии, стр. 237, 238—242; материалы раскопок Н. Н. Гурин 1951—1952 гг., хранящиеся в ЛОИИМК). Многочисленная группа имеется на оз. Сямозере — Сямозеро, Шведский остров, Анген-Лахта, Курмойла I, Курмойла II, Курмойла III, Сяргилахта, Чуйнаволока, Шапнаволока и др. Отчетливо выраженная группа поселений известна также близ устья р. Суны — Сунская I, Сунская II, Сунская III, Сунская IV (материалы Карельской экспедиции 1949—1951 гг., хранящиеся в ЛОИИМК).

лом, и наоборот, единичные стоянки — весьма редкое исключение. Расстояние, отделяющее одну стоянку от другой, различно — от нескольких сот метров до десятка километров

По всей вероятности, поселки древних олениостровцев располагались на Клименецком острове и в южной части Заонежского полуострова. Население этих поселков должно было состоять между собой в родственной связи, что получило свое отражение в известной группировке погребений Олениостровского могильника.

Определенное место в характеристике образа жизни древних олениостровцев следует отнести вопросу их одежды. Это сделать тем более необходимо, что характер костюма древнего населения Карелии не может получить сколько-нибудь удовлетворительного освещения ни по материалам стоянок, ни по петроглифам Онежского озера и Белого моря. Все многочисленные фигуры людей изображены на петроглифах без одежды¹ (рис. 97), за исключением одного рисунка, где голова человека, повидимому, покрыта шапкой.

Таким образом, наскальные изображения, хотя и дают ценный материал для суждений о форме хозяйства и даже о половозрастном разделении труда, не помогают нам составить хотя бы приблизительного представления о характере костюма древних жителей Карелии.

В могильнике не сохранилось никаких следов одежды хотя бы в виде кусков кожи или ткани, как это часто бывает в курганах и более поздних погребениях. До нас не дошло ничего, кроме украшений, по которым естественно нельзя составить полного представления о характере костюма, однако, они все же могут до некоторой степени

¹ Отсутствие костюма на человеческих изображениях следует понимать как определенную условность, продиктованную стремлением подчеркнуть характерные признаки пола. Неоспоримым доказательством условности изображения на петроглифах людей, лишенных одежды, следует считать голые человеческие фигуры, идущие на лыжах. Следует заметить, что несмотря на твердость материала, на который наносились фигуры, творец наскальных изображений в ряде случаев передает человеческие тела весьма правдиво. Примером этого может служить группа лыжников выбитая на скале Залавруга, на которой отчетливо видны идущие впереди дети и юноши, затем женщины и мужчины.

послужить источником для общих суждений об одежде древних оленеостровцев.

Прежде всего следует подчеркнуть, что костюм захороненных отличался нарядностью, о чем свидетельствуют обильные украшения в виде резцов лося, пластинок из резцов бобра, ожерелий из медвежьих клыков, а также подвесок, изготовленных из кости.

Наблюдение над расположением этих украшений на скелетах приводит к выводу, что древние оленеостровцы, повидимому, хоронили своих близких в теплой одежде.¹ В тех случаях, когда первоначальное положение их не было нарушено, резцы лося сосредотачиваются преимущественно вдоль внешней стороны плечевых и локтевых костей, начиная от плеча до кисти руки. То же самое можно сказать и о расположении их по внешней стороне бедра и голени. Порядок в залегании (резцы обращены корнями с нарезками во внутреннюю сторону, к костям рук или ног) указывает на то, что они были пришиты к одежде, а не спускались свободно, гирляндой. Исходя из расположения резцов лося — вдоль всей руки — можно сделать заключение о длинном рукаве одежды. Длину же самого платья позволяют определить украшения, располагавшиеся в области бедер и голени. Во всех погребениях, где резцы лося сохраняют правильные ряды вдоль костей ног (погр. №№ 13, 14, 64, 69, 95, 97, 107, 127 и др.), они никогда не доходят до ступней, а оканчиваются у колен или несколько ниже их, из чего можно заключить, что как мужской, так и женский костюм спускался несколько ниже колен. На нижнюю часть тела должно было натягиваться нечто вроде чулок, вероятно составивших одно целое с обувью и доходивших сверху до пояса. Такая форма одежды является широко распространенной, если не единственной у племен, обитающих на севере; не исключена возможность, что обувь имела вид сплошного чулка, почти без выделения носка, близкая к обуви, существовавшей у нганасанов, поскольку она является простейшей по своей конструк-

¹ Огромное количество примеров из области этнографии свидетельствует о погребении умерших в зимней одежде. Возможно, что исключение делалось лишь в том случае, когда человек умирал на летнем стойбище, куда теплое платье не привозилось, а оставлялось в зимних складах.

ции. Рукава одежды, один (погр. №№ 9, 76, 86, 102; рис. 98) или оба (погр. №№ 4, 107 и др.), украшались гирляндой из резцов лося, нашитой в продольном направлении от плеча до кисти. Такое же украшение нашивалось чаще всего от пояса до колен

Рис. 97. Наскальные изображения группы лыжников (Белое море).

(погр. №№ 25, 97), а в отдельных случаях обрамляло и край платья (погр. №№ 100, 127). Обычным было украшать костюм на груди резцами лося, сочетающимися с пластинками из резцов бобра. Нередко на шею надевали ожерелье из нескольких клыков медведя.

Расположение резцов лося в непосредственной близости от начала ступни (погр. №№ 57 и 76) свидетельствует о том, что обувь в этой части также иногда украшалась подвесками из резцов лося.

На основании имеющегося материала можно до некоторой степени говорить и о форме головного убора. Наибольший интерес в этом плане представляют погребения №№ 65 и 115. Судя по расположению резцов лося (погр. № 65) от затылка до

подбородка, в виде воротника (рис. 99), можно сделать заключение, что они являлись украшением шапки, имевшей форму юкагирского капора,¹ с той лишь разницей,

Рис. 98. Украшения из резцов лося на руке и груди (погр. № 102).

что вместо бахромы из меха шапка оленеостровцев украшалась подвесками из резцов лося, нашитыми по ее краю. Нередко и в других погребениях мы также встречаем значительное число резцов лося и бобровых пластинок, располагающихся в области черепа, но не в таком строгом порядке, как в погребении № 65.

Еще более интересные остатки головного убора, состоящие из двух рядов бобровых

пластинок, нашитых один над другим (рис. 100), обнаружены в погребении № 115. Три больших (6 см) пластинки верхнего ряда были плотно, с двух сторон, пришиты к части шапки, закрывающей темя, нижний же ряд состоял из 9 более мелких пластинок (5 см) и спускался до самых бровей, причем к шапке пришивался лишь один конец их, тогда как другой оставался свободным.¹ Таким образом, при движении человека пластинки нижнего ряда колебались, как бахрома. Вероятно, и в этом случае шапка

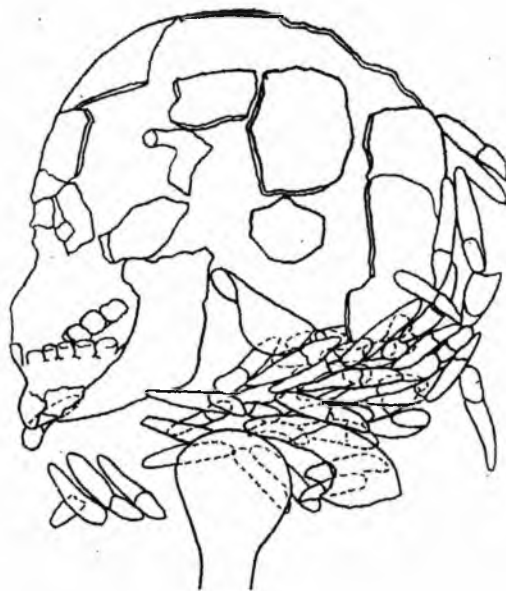

Рис. 99. Украшения из резцов лося (погр. № 65).

имела форму капора, чрезвычайно удобного в условиях холодного севера.

Резцы лося и бобровые пластинки, хотя и являлись главными элементами украшения головного убора, не были единственными. На черепе погребения № 85 (рис. 101) была обнаружена круглая костяная пластинка с просверленным отверстием посередине. Судя по тому, что пластинка находилась в первоначальном положении, следует заключить, что она была нашта на верхнюю часть шапки.

Едва ли можно сомневаться в том, что вся одежда древнего оленеостровца изго-

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 278.

¹ Бобровые пластинки верхнего ряда имеют нарезки с двух концов, пластинки нижнего ряда только с одного (верхнего) конца.

товлялась из шкур животных, начиная от обуви и кончая головным убором, как мы можем наблюдать это у всех племен, живущих в условиях севера. Возможно, что помимо резцов лося, бобровых пластинок и различных подвесок, изготовленных из

так же как не существенно оно у всех северных народов. Женщины подобно мужчинам носили, вероятно, штаны, составлявшие единое целое с обувью. Вместе с тем все же удастся подметить некоторые элементы отличий, на которые указывает большое

Рис. 100. Украшение из бобровых пластинок на черепе (погр. № 115).

кости, для украшения одежды использовались и разного цвета меха, предварительно подвергавшиеся соответствующему окрашиванию — прием, широко применяемый почти всеми племенами, обитающими на севере.

Различие между мужской и женской одеждой вряд ли могло быть существенным,

число резцов лося, сконцентрированных в области таза женских захоронений, таких, например, как погребения №№ 64, 95, 97, 106, 111, 127 и 161 (рис. 101—104). В погребении № 13 резцы лося размещены особенно отчетливо. Пол захоронения, правда, не определен, однако большая грациальность его костей по сравне-

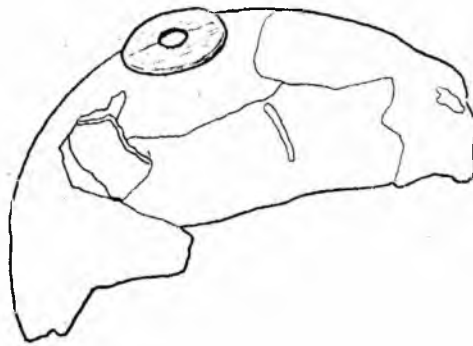

Рис. 101. Расположение костяной пластинки на черепе (погр. № 85).

Рис. 102. Расположение резцов лося в области таза (погр. № 64).

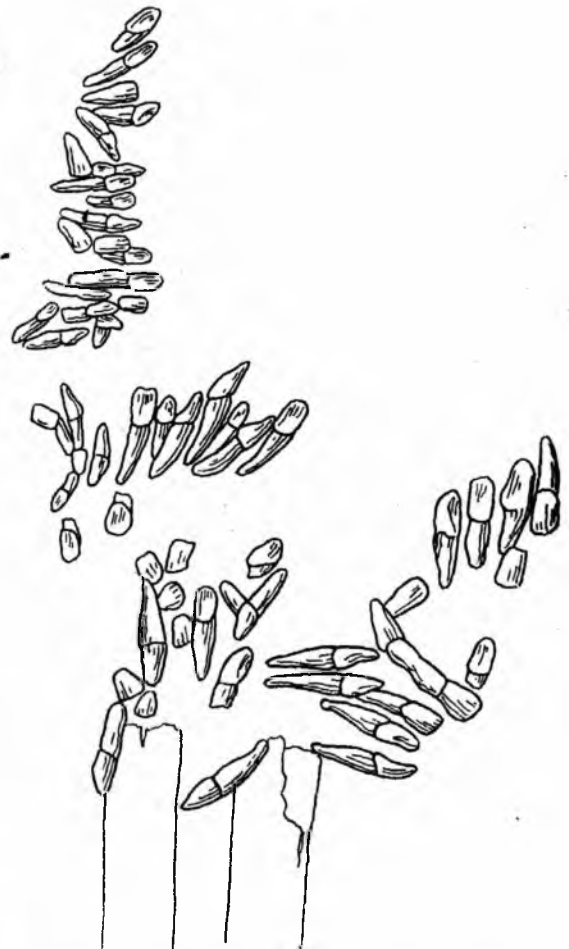

Рис. 103. Расположение резцов лося в области таза (погр. № 95).

нию с костяком № 14, лежащим в той же могильной яме, заставляет считать его женским.

Рис. 104. Расположение резцов лоса вдоль бедренных костей (погр. № 97).

Таким образом, все захоронения, при которых обнаружены гирлянды из резцов лоса, располагающиеся полукругом в области таза, оказываются женскими.

Значительное число повторяющихся примеров позволяет сделать заключение, что нижний край женской одежды часто украшался резцами лоса (рис. 104). Заметим, что примерно такое же расположение зубов

животных прослеживается на женских костяках в могильнике Вестербьерса.¹

Размещение резцов правильными рядами, корневой частью с нарезками строго в одну сторону, свидетельствует о том, что они были напеты непосредственно на одежду или скорее на кусок меха, представлявшего

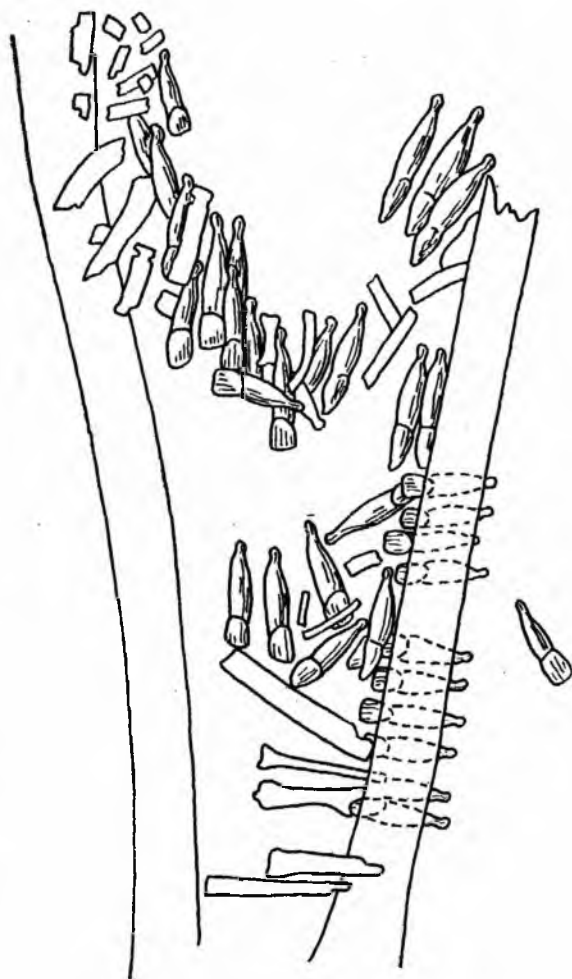

Рис. 105. Расположение резцов лоса и пластинок из резцов бобра на бедренных костях (погр. № 13).

собой нечто вроде фартука (рис. 105, 106), иногда закрывавшего только бедра, в других же случаях — более длинного, спускавшегося ниже колен. Судя по материалам этнографии, вероятнее всего, его носили под зимней одеждой (так, например, носят украшения нганасанские женщины).

¹ М. Stenberger, ук. соч., стр. 67—69.

Если женский костюм, в основном сходный с мужским, как отличительный признак включал в себя род фартука, обшитого

вкладывались в кожаные чехлы, о чем свидетельствует погребение № 61, на котором в области груди был обнаружен сланцевый

Рис. 106. Реконструкция женской одежды по данным Оленеостровского могильника.

резцами лося и бобровыми пластинками, то дополнением к мужскому костюму (рис. 107) служил колчан со стрелами, а также подвешенные к поясу или помещенные на груди сланцевые ножи вместе с медвежьими клыками. Нередко ножи

нож, лежащий непосредственно на медвежьем клыке (рис. 108). По нижнему краю ножа располагался правильный ряд резцов, повернутых к нему корневой частью с нарезками. Исключительно правильное расположение резцов приводит к мысли, что они были

пришиты одним концом к краю чехла, в который был вложен сланцевый нож с медвежьим клыком, а другой их конец

пол погребенных был мужским¹ (погр. №№ 73, 81, 90, 99, 100, 115, 118а, 135 и 145). Можно заключить, что они в ряде

Рис. 107. Реконструкция мужской одежды по данным Оленеостровского могильника.

спускался в виде бахромы. На существование такого же чехла указывает и расположение резцов в области бедра в погребении № 58.

Колчаны были встречены в 10 погребениях (рис. 109 и 110), причем в 9 случаях

случаев располагались на груди костяков. Особенно отчетливо видно это в погребении

¹ Пол погребенного № 36 (также с колчаном) определить не удалось, но, судя по характеру инвентаря, его следует считать также мужским.

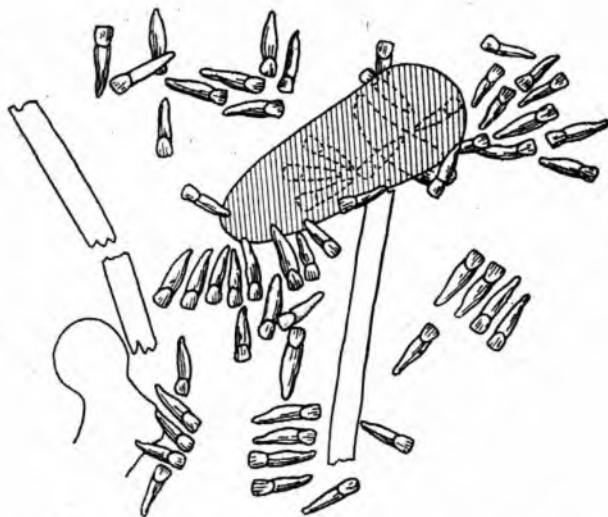

Рис. 108. Положение сланцевого ножа, клыка медведя и резцов лося (погр. № 61).

Рис. 109. Положение костяных наконечников стрел (погр. № 115).

Рис. 110. Положение костяных наконечников стрел (погр. № 90).

нии № 100. Колчан находился на левой половине груди. Верхний край его приходился значительно ниже плеча. Длина комбинированных наконечников стрел,¹ повидимому, не превышала 70 см, что соответствовало размеру лука. Таким образом, длина колчана равнялась примерно 60 см (поскольку

Поскольку и данный колчан также содержал комбинированные стрелы, следует полагать, что длина его была немногим меньше вышеописанного.

Вторая, значительно большая, группа колчанов со стрелами находилась между ногами захороненных (погр. №№ 36, 90, 99, 135).¹

Рис. 111. Антропологические типы. Оленеостровский могильник (1, 2). Реконструкция М. М. Герасимова.

верхняя часть наконечников стрел должна была выдаваться из колчана).

Положение колчана в погребении № 118а, из-за сильной разрушенности, установить с такой же отчетливостью, как в погребении № 100, не удастся. Однако залегание значительной группы наконечников компактной массой в одинаковом направлении, а также отчетливо выраженная выравненность в одну линию их нижних концов свидетельствуют, что они находились в колчане.

Поскольку колчаны, располагающиеся в нижней части скелетов, только в одном случае (погр. № 90) залегают в области живота, а во всех остальных погребениях значительно ниже, следует предполагать, что они были положены на указанные места лишь по требованию обычая, тогда как при жизни их носили на груди, на боку или на спине. Ношение колчанов со стрелами в том поло-

¹ Они состояли из каменного носка и костяного стержня, вставленных в деревянное древко.

¹ Некоторая нарушенность других скелетов в этой части затрудняет установление положения колчанов с полной определенностью. В погребении № 81 колчан лежал, повидимому, на левой голени, а в погребении № 145 — близ правого бедра.

жении, в каком они были найдены на скелетах (между голеньями или между коленами), практически невозможно, так как это сильно затрудняло бы движение человека при ходьбе, во время погони за зверем или под-

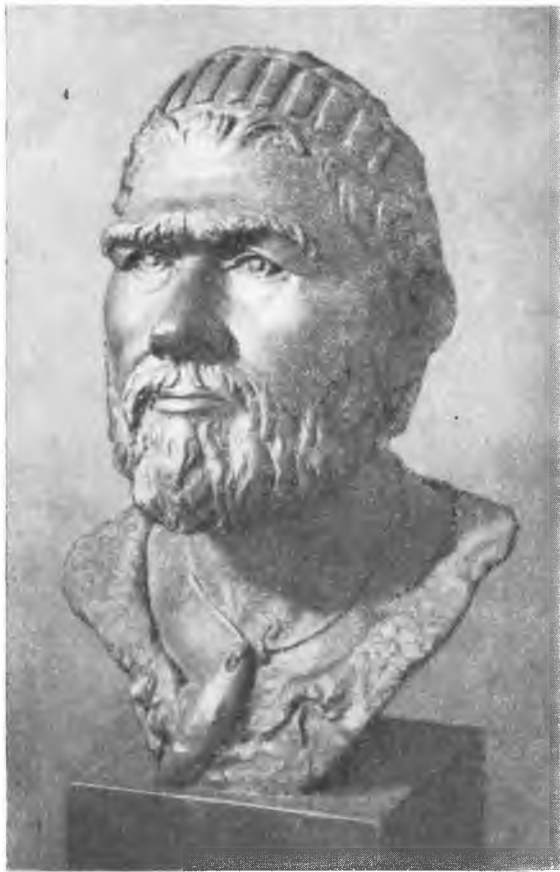

Рис. 112. Антропологический тип. Оленеостровский могильник. Реконструкция М. М. Герасимова.

ползания к нему. Этнографические наблюдения указывают на пошение колчанов только на груди, спине или у пояса охотника. Вероятнее всего, они изготовлялись, как и обычно у охотничьих народов, из шкур животных и, весьма возможно, украшались цветным мехом подобно колчанам иганасанов, долган и саамов.

* * *

Итак, рассмотрение формы хозяйства и образа жизни древних оленеостровцев приводит нас к заключению, что экономи-

ческой основой древних оленеостровцев была охота и рыболовство, дополняемые собирательством. Следует полагать при этом, что помимо орудий охоты, остатки которых сохранились в могильнике, существовало немало таких, которые исчезли для нас бесследно и о которых мы можем судить лишь по наскальным изображениям Карелии и этнографическим материалам севера.

Повидимому, население вело оседлый образ жизни, который отнюдь не исключал периодических уходов охотников в соседние районы в поисках добычи. Наиболее вероятно предполагать, что место поселения древних оленеостровцев находилось на Клименецком острове или южном побережье Заонежского полуострова.

Приходится пожалеть, что полное изучение обширного антропологического материала Оленеостровского могильника к настоящему времени еще не закончено, в силу чего нельзя дать ответ на многие вопросы, имеющие исключительно важное значение для истории севера европейской части СССР, в частности пути его заселения и формирования физического типа древнего населения. В данный момент мы располагаем лишь весьма краткой публикацией результатов изучения черепов из Оленеостровского могильника, произведенного Е. В. Жировым.¹ Из нее мы узнаем следующее.

Древние оленеостровцы имели лоб более или менее сильно наклонный. Надпереносье развито значительно, но опять-таки колеблется от слабого до весьма сильного. У некоторых черепов оно сильно выпячено и сопровождается слабо выраженными надбровными дугами. Примерно в половине случаев имеется лобный гребень. Собачья ямка развита чрезвычайно слабо. Широтные размеры лицевого скелета очень велики. Зубы сохранились прекрасно. Случаи пожизненного выпадения их крайне редки. Более половины мужчин имели рост 170 см, а некоторые из них были выше 175 см. Имеется ряд особей с резко выраженными монголоидными признаками. Физический тип древних оленеостровцев на основании антропологических материалов был реконструирован М. М. Герасимовым (рис. 111, 112).

¹ Е. В. Ж и р о в. Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. КСИИМК, VI, 1940, стр. 52.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Пытаясь представить себе общественные отношения древних оленеостровцев, мы сталкиваемся с большими трудностями, обусловленными характером самого памятника, являющегося могильником. В этом случае факты, наблюдаемые нами, не всегда могут быть адекватными действительности, поскольку они преломляются через призму существовавших тогда религиозных представлений.

Как мы видим из описания формы захоронений, в Оленеостровском могильнике прослеживается несколько способов погребения умерших и при этом наблюдается известная неравномерность в распределении вещей между захороненными. В этом отношении Оленеостровский могильник заметно отличается, например, от могильников серовского этапа, исследованных А. П. Окладниковым.¹ Последний отмечает удивительное единообразие в инвентаре погребенных. Каждый из умерших наделялся равным количеством вещей одного и того же характера, причем никаких различий между мужчиной и женщиной не существовало. В этом случае не остается никаких сомнений в полном равноправии членов коллектива.

В связи с этим естественно возникает вопрос, можно ли усматривать в факте наличия различного количества вещей у погребенных в Оленеостровском могильнике хотя бы некоторые элементы имущественного неравенства?

Как мы уже видели, весь инвентарь могильника изготовлен исключительно из камня и кости и носит отчетливо выражен-

ный охотничье-рыболовческий характер. Погребения отличаются одно от другого главным образом количеством резцов лося, бобровых пластинок, клыков медведя, сланцевых ножей или, наконец, числом наконечников стрел. Вместе с тем и характер предметов, и техника их изготовления одинаковы. Исключение представляет лишь погребение № 100, которое имеет несколько своеобразный состав инвентаря. Погребения №№ 19, 45, 47, 61, 69, 73, 81, 102, 108, 113, 118а, хотя и отличаются от всех прочих захоронений заметно большим количеством предметов, однако не представляют чего-либо оригинального.

Причину количественного различия вещей в инвентаре погребенных на Оленьем острове, как мне кажется, не следует искать в наличии у них имущественного неравенства.

Общественная организация древних оленеостровцев определялась степенью развития их производительных сил. При рассмотрении формы хозяйства людей, оставивших после себя могильник, мы могли убедиться, что основой их существования являлись охота и рыболовство. Пытаясь далее представить себе конкретные способы промыслов, учитывая огромное количество костей животных, сохранившихся в могильнике, а также привлекая данные этнографии, мы должны были прийти к выводу, что большое распространение у древних оленеостровцев имели коллективные формы охоты и рыболовства, поскольку в условиях низкого развития производительных сил только коллективный труд был в состоянии обеспечить человеку возможность его существования.

Высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса об общественном труде и общественной

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 265—266.

собственности на средства производства в период древней истории человечества было затем подтверждено всеми этнографами на примере образа жизни огромного количества культурно отсталых народностей.

В этом плане особую ценность представляют для нас работы Л. Я. Штернберга,¹ В. Г. Богораза,² Н. Харузина,³ А. А. Попова,⁴ В. В. Чернолуского⁵ и др., связанные с изучением охотничье-рыболовческих племен севера.

Как показывают многочисленные материалы, народы, основой хозяйства которых служат охота и рыболовство, дольше, чем народы с иным типом хозяйства — скотоводством и земледелием, — сохраняют в производстве коллективные формы труда и общинные традиции. Это особенно отчетливо выражено у охотничье-рыболовческих племен, обитающих на севере. В трудных и суровых условиях севера люди вынуждены всю свою энергию и силы направлять на борьбу с природой, затрачивая на это гораздо больше труда, нежели люди, живущие на юге и широко пользующиеся ее щедрыми дарами. Если при низком развитии производительных сил первобытных человеческих обществ, обитавших на юге, борьба с природой в одиночку была крайне трудна, то в условиях севера она абсолютно исключалась. Обитатели севера вынуждены были вырывать у природы каждую частицу своего благополучия. При этих условиях объединение человеческих усилий в одном коллективе становилось совершенно обязательным. Охота и рыболовство на севере требовали прочного объединения людей, которое только и могло обеспечить им возможность существования.

Приведенные нами в предыдущей главе материалы по изучению в прошлом отсталых северных народов показывают, какое значительное место в охоте и рыболовстве имеют коллективные способы труда — поковка оленей, ловля их с помощью огромных загородей, охота с сетями на линяющую

птицу, устройство «заборов», «заколов» для ловли рыбы и т. д.

Все эти способы охоты и рыболовства, будучи массовыми, требуют неперемного участия всего коллектива поселка. Они являются наиболее продуктивными и обеспечивают население пищей на большую часть года. Именно эта необходимость совместного коллективного труда и обусловила у этих народностей сохранение в течение продолжительного времени многих элементов первобытного коммунизма. Так, например, А. А. Попов¹ отмечает, что у нганасанов крупные орудия охоты, требующие для своего производства значительной затраты труда, часто являются собственностью целого поселка или группы лиц. Примерно ту же картину, но уже как пережиточное явление наблюдал Л. П. Потапов у северных алтайцев.² А. Ф. Анисимов в своем исследовании родового общества эвенков указывает, что основные орудия охоты — различные ловушки и приспособления — устраивались у них «обычно сообща всем обществом... и являлись их производственными орудиями: они находились в пользовании и владении всего рода и составляли его общественную собственность».³

Общественному способу производства соответствовало и общественное распределение.

В недавнем прошлом у нганасанов большое экономическое значение имели коллективные способы охоты на оленей — поковка и загоны их в сети, причем добытые во время охоты олени распределялись поровну между всеми участниками.⁴

В ряде случаев у нганасанов даже при индивидуальной охоте с помощью ружья или небольших сетей, когда птица становится собственностью охотника, остаются многие элементы, свидетельствующие о наличии признаков первобытного коллективизма. Так, например, при неудаче одного из охотников товарищи делились с ним пищей, чтобы он не голодал, выделяя ему «на варево». Семья охотника обязательно выделяла некоторое количество из своих запа-

¹ Л. Я. Штернберг. 1) Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933; 2) Гильяки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

² В. Г. Богораз. Чукчи, т. I, Л., 1934; т. II, Л., 1939.

³ Н. Харузин, ук. соч.

⁴ А. А. Попов. 1) Нганасаны; 2) Охота и рыболовство у долган, стр. 147—206.

⁵ В. В. Чернолуский, ук. соч.

¹ А. А. Попов. Нганасаны, стр. 51.

² Л. П. Потапов. Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев. Сб. МАЭ, XI, 1949, стр. 19—35.

³ А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 64—65.

⁴ А. А. Попов. Нганасаны, стр. 34.

сов семье соседа, причем это было возведено почти в степень закона. Если один из охотников, с которым другие делились «на варево» продуктами при индивидуальной охоте, в свою очередь отказывался делиться с теми, кто помогал ему, последние могли принести на него жалобу старикам, говоря: «из-за того что наш охотник не делился с нами „на варево“, мы обедняли и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были в течение такого-то времени убивать для еды столько-то домашних оленей из своего стада». В этих случаях охотника обязывали возместить соседям убитых ими домашних оленей.¹ Даже тогда, когда добыча была настолько мала, что из нее нельзя было выделить «на варево», женщины делились с соседями, испытывающими острый недостаток в пище, кусочками мяса или рыбы прямо из котла.

То же самое наблюдалось и во время массовой охоты на линяющих гусей. Такое же правило считалось обязательным и при рыбной ловле крупными сетями и загородами.

Нганасаны не представляли собой какого-либо исключения. Общественное распределение продуктов охоты и рыболовства существовало и у других народов севера. У нивхов «при общей охоте, например, за морскими животными на одной лодке, хозяин этой последней, он же обыкновенно и самый искусный добытчик, получает не больше последнего подростка-гребца и, кроме того, часть добычи раздается и тем семьям, члены которой почему-либо не могли участвовать в охоте. Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляка, рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышли запасы, берет ее у соседа без всяких возражений. Во всяком случае никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы».²

Пережитки общественной собственности на продукты охоты до недавнего времени сохранялись у северных алтайских племен. У тубаларов, пишет Л. П. Потапов, «охотничья добыча считалась принадлежностью всей артели, и охотники-артельщики делили ее строго поровну».³

Следы такого же первобытно-коммунистического распределения были в прошлом широко распространены и среди эвенков. Наибольшего интереса в этом плане заслуживает обычай «нимат». «Согласно этому обычаю, — пишет А. Ф. Анисимов, — охотник, убивший крупного зверя (медведя, лося, дикого оленя), обязан отдать его одному из охотников в стойбище».¹ Если кочуют только два чума, то олень отдается соседу; последний мясо делит поровну между обеими семьями, а шкуру берет себе. Если на стойбище несколько чумов, то, как правило, шкура дается самой бедной семье, а мясо распределяется между всеми жителями этого стойбища.

Важно подчеркнуть, что общественное распределение продуктов охоты у нганасанов и эвенков, так же как, впрочем, и у других народностей, существовало только по отношению к промыслам, непосредственно удовлетворяющим потребности человека в пище. Коллективность распределения не распространялась на продукты охоты, идущие на рынок (например на шкурки песцов).

Итак, этнографические материалы с бесспорностью свидетельствуют о том, что при основных видах хозяйства — охоте и рыболовстве — должны были существовать коллективная собственность на орудия производства и общественное распределение продуктов. Это в полной мере может относиться к древним оленеостровцам, где значение родовой организации было неизмеримо сильнее. Коллективные способы производства неизбежно влекли за собой и коллективное потребление добытых продуктов, и в связи с этим не создавалось никаких предпосылок к появлению элементов имущественного неравенства. Имущественное неравенство не могло появиться и в силу самого по себе низкого развития производительных сил того времени. Даже при коллективных способах охоты и рыболовства добывался лишь необходимый минимум продуктов, который полностью шел на удовлетворение каждодневных жизненных потребностей людей. Таким образом, совершенно исключалась возможность накопления избыточного продукта и присвоение его отдельными членами общества.

¹ Там же, стр. 52.

² Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии, стр. 40.

³ Л. П. Потапов, ук. соч., стр. 35.

¹ А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов), стр. 76—77.

Возвращаясь к вопросу наличия различного количества инвентаря в погребениях Оленеостровского могильника, по всей вероятности, мы должны объяснять его, исходя из различного удельного веса того или иного члена коллектива в родовой организации, который он имел в силу своих индивидуальных качеств. Одни отличались большей удачливостью в охоте, другие успешнее ловили рыбу или проявляли сноровку в каком-либо ином виде промысла.

О наличии определенных индивидуальных склонностей у членов родовой организации, где общественное разделение труда не успело еще принять настолько отчетливо выраженную форму, чтобы появились отдельные мастера, свидетельствуют и этнографы. «Все нганасаны, — сообщает А. А. Попов, — с малых лет начинают охотиться с ружьем, но не все становятся хорошими охотниками. Нганасаны сами отмечают, что у каждого человека с детства вырабатываются наклонности к определенному роду занятий. Плохой охотник зачастую бывает полезен для хозяйства в другом отношении: умеет хорошо делать нарты, пасти оленей, вязать сети и т. д. В стойбище, состоящем из нескольких чумов, обычно выделяются один или два рыболова или охотника, трудами которых кормятся все остальное население, поскольку потребление у нганасанов носит коллективный характер. Но это не означает, что эти рыболовы или охотники при необходимости не будут в состоянии выполнить любую работу по хозяйству. У нганасанов преобладает натуральное хозяйство, и разделение труда еще не имеет столь четких границ».¹

В глазах всех остальных членов рода удачливый охотник обладал особой силой, благодаря покровительству со стороны «хозяина» зверей. Такой человек должен был пользоваться уважением у членов коллектива не только при жизни, но и после своей смерти. Л. Я. Штернберг указывает, что у нивхов человек, наделенный особой храбростью, ловкостью, силой или умом, пользовался большим уважением. К его помощи прибегали во всех трудных случаях жизни рода как в военное, так и в мирное время.

Наличие погребений в Оленеостровском могильнике с более богатым в количествен-

ном отношении инвентарем может быть объяснено тем, что данные члены рода обладали большей способностью к охотничьему промыслу. Не случайно инвентарь этих захоронений содержит особенно много орудий охоты и украшений из зубов и костей животных.

Многочисленные подвески из клыков медведя, резцов лося и пластинки из резцов бобра, обильно украшающие одежду отдельных покойников, захороненных на Оленьем острове, помимо определенного магического значения в качестве амулетов (см. раздел «Верования», стр. 105 и сл.), имели и социальный смысл. М. В. Степанова, изучавшая эскимосские пояса, составленные из резцов дикого оленя, на основе многих источников по целому ряду народностей севера приходит к выводу, что «накопление частей охотничьей добычи имело целью поднять социальный престиж охотника».¹ Положение внутри общины юношеского эскимоса определялось количеством убитых им животных, мясо которых поступало в общее пользование, а также числом накопленных им охотничьих трофеев. В одной из алеутских песен, приводимых М. В. Степановой, рассказывается о том, как юноша-алеут завоевал уважение среди членов своего общества, привезя после охоты большое количество зубов бобра; от всех убитых им животных он брал только по одному зубу.

«Каждый кусок кивмед, — пишет М. В. Степанова, цитируя Ф. П. Врангеля, — добыв животное, оставляет у себя какой-либо знак в память или нарисует это животное на луке своем, или (обыкновенно), выбив у него один зуб, составляет наконец из большого числа зубов убитых оленей пояс, который надевает в собраниях, немало гордясь таким знаком отличия».²

Большое количество различного рода украшений из зубов и костей животных, встреченное в отдельных погребениях могильника, следует расценивать как трофеи захороненных здесь более опытных охотников. Последнее их качество подчеркнуто также и наличием у них большого числа охотничьего вооружения (наконечников стрел, сланцевых ножей и т. д.), являющихся их личным оружием, что отнюдь

¹ А. А. Попов. Нганасаны, стр. 51.

¹ М. В. Степанова, ук. соч., стр. 66.

² Там же, стр. 68.

не противоречит общественной собственности на средства производства в условиях первобытно-общинного строя.

Совершенно особое положение занимает в Оленеостровском могильнике захоронение № 100. Прежде всего обращает на себя внимание обряд погребения. Покойник был захоронен в самом центре северной части могильника, поставлен во весь рост ногами на скалу и прислонен спиной к наклонной стенке могильной ямы. Весь костяк с ног до головы был густо засыпан слоем красной охры. Повидимому, погребение в центре могильника и отчетливое выделение по обряду захоронения соответствовали особому положению, которое покойник занимал при жизни среди членов общества.

Об исключительной его значимости для рода говорит и инвентарь покойника. Помимо того, что вся одежда погребенного была увешана подвесками из резцов лося (300 экз.) и бобровыми пластинками, на груди находился колчан с большим количеством наконечников стрел, наиболее совершенного типа, длинный костяной вкладышевый кинжал, украшенный нарезным орнаментом, подвески из клыков медведя, сланцевые ножи, шесть челюстей бобра с просверленными отверстиями.

При взгляде на скелет погребенного нетрудно понять, что одной из причин, обусловивших данному субъекту особое положение среди древних оленеостровцев, были его физические качества: он отличался от всех своим высоким ростом и могучим телосложением. По характеру охотничьего вооружения и в особенности по количеству подвесок из резцов лося следует полагать, что это был смелый и храбрый охотник. Очевидно, прежде всего благодаря именно этим его способностям он пользовался особым уважением сородичей.

Подобные случаи наличия погребений, особенно богатых инвентарем, известны в археологических памятниках эпохи неолита. В качестве примера назовем погребение № 3, обнаруженное на стоянке Кубенино,¹ где захороненный был обильно украшен пластинками из резцов животного, символизировавших, по мнению М. Е. Фосс, производившей раскопки, силу и храбрость охотника. Следует указать при

этом, что и здесь захороненный, судя по костяку, обладал высоким ростом и, повидимому, большой физической силой.

Погребение с особенно богатым инвентарем было обнаружено и А. В. Шмидтом в Оленеостровском могильнике Баренцова моря.¹ В этом случае скелет также резко отличался от всех прочих своей величиной.

Во всех трех перечисленных погребениях следует, по всей вероятности, видеть людей, обладающих большой физической силой и выдающимися охотничьими способностями, что позволило им занять особое положение в первобытном обществе. Повидимому, это были вожди рода или целого племени.

Пережитки родового строя, сохранившиеся до последнего времени у ряда северных народов, дают возможность составить некоторое представление о положении вождя в роде и племени. Так, например, у эвенков совет рода, состоявший из всех взрослых членов данного рода, выбирал гражданского вождя, носившего название «хозяйства рода хранитель» или «караульщик родового хозяйства». Этим вождем мог быть только наиболее физически сильный и ловкий охотник, имеющий известные заслуги перед родом. В эвенкийском фольклоре его часто награждают эпитетом «зверей много убивающий».

Весьма показательной является сама по себе процедура посвящений гражданского вождя. Испытуемый в присутствии членов рода должен был по сигналу шамана легко и быстро перепрыгивать с одного помоста на другой, поворачиваться на тонкой жерди и издавать звуки, точно подражая крику птиц (лебедя, тетерева, глухаря и т. д.). Таким образом, обряд посвящения являлся как бы своего рода публичным экзаменом на опытного охотника. «Это совершенно понятно, — пишет А. Ф. Анисимов, — так как основной функцией деятельности *urilon etajnji* (гражданский вождь, — Н. Г.), как мы увидим, являлись организация и руководство коллективной охотой; избранный, следовательно, кандидат должен был быть прежде всего хорошим и ловким охотником».²

Наличие у древних оленеостровцев родовых и племенных вождей не является тем не менее показателем существования

¹ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 78—80, 86.

¹ А. В. Шмидт, ук. соч., стр. 136.

² А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов), стр. 89.

у них каких-либо элементов социального неравенства — господства одних и подчинения других. Власть вождя не могла опираться на аппарат принуждения, а была лишь моральной.

«Все члены ирокезского общества, — пишет Л. Морган, — были лично свободны и были обязаны защищать свободу друг друга; они пользовались одинаковыми привилегиями и личными правами, причем сахемы и вожди не претендовали на какое-либо преимущество в этом отношении, это было братство, связанное узами родства. Свобода, равенство и братство, хотя и не были никогда формулированы, были основными принципами рода».¹

У эвенков в прошлом общий совет рода не только выбирал, но и смещал вождя. Нередко в случае неудовлетворительного исполнения вождем своих функций его наказывали, или лишали всех прав, после чего он становился обычным членом рода.²

Помимо погребения № 100, в Оленеостровском могильнике обнаружено еще 3 захоронения, в которых покойники были поставлены почти вертикально (погр. №№ 68, 123 и 125). В одном случае это женское захоронение с весьма богатым инвентарем, характерным для охотника, — наконечниками стрел, крупным сланцевым оружием, большим количеством подвесок из резцов лоса (погр. № 68). Два других погребения (№№ 125 и 123) не выделялись из прочих богатством набора сопровождающих их вещей. Одно из них принадлежит мужчине, второе — девушке.

Если в первом случае (погр. № 100) мы можем рассматривать захороненного как вождя рода или племени, а во втором (погр. № 68) как особенно удачливого охотника или, возможно, также родового вождя, несмотря на то, что это была женщина, то в последних двух вертикальных погребениях трудно видеть лиц, принадлежащих к одной из указанных категорий. Инвентарь захороненных мужчины и девушки по сравнению с другими весьма беден, в то время как крайне оригинальный обряд погребения свидетельствует об особом к ним отношении со стороны сородичей. В связи с этим возникает предположение: не были

ли здесь захоронены «шаманы»? Несомненно, оленеостровских «шаманов» нельзя полностью отождествлять с шаманами более позднего времени. Это могли быть своего рода «хранители веры», или «стражи веры», о которых писал Л. Морган, характеризуя индийские племена.¹ Мы знаем многочисленные примеры, когда шаманами были не только мужчины, но также женщины и юноши, отличавшиеся, в частности, повышенной нервозностью.

К этой категории, повидимому, следует отнести и те вытянутые на спине погребения, которые сопровождалась особо оригинальными вещами — вырезанными из рога крупными головами лося.

Вертикальные захоронения почти не встречаются в археологических памятниках, если не считать одного погребения на Урале.² О них чрезвычайно мало известно и в этнографической литературе. Один из случаев вертикальных захоронений засвидетельствовал Плано Карпини в XIII в. у татар: «Между двух насыпей вырывают яму, наподобие погребца, ставят в нее тело умершего, кладут . . . вещи, засыпают все землей, а сверху сеют растения, чтобы никто не мог найти могилу».³ Такой способ захоронения, как утверждает Плано Карпини, применяется только к вождям. Имеются также указания на вертикальный способ захоронений и уйгуров.⁴ Об особом обряде захоронения вождей говорит и Морган.⁵

Рассматривая количественное различие в инвентаре, сопровождающем покойников, в связи с положением их в обществе при жизни, мы не можем пройти мимо погребений, вовсе лишенных инвентаря. В разделе «Форма погребений» уже говорилось о намечающейся некоторой группировке погребений без инвентаря: они расположены в определенных местах могильника, в частности, на окраине южной, средней и северной его частей.

Наличие группы захороненных без инвентаря, с моей точки зрения, также не может служить показателем существования у древ-

¹ Л. Морган. Древнее общество, стр. 49.

² К. В. Сальников, ук. соч., стр. 15—23.

³ Н. Ф. Катанов, ук. соч., стр. 112.

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ Л. Морган. Первобытное общество. Исследование прогресса человечества из дикого состояния к варварству и из варварства к цивилизации. СПб., 1900, стр. 83.

¹ Л. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 51.

² А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов), стр. 89.

них оленеостровцев социально-имущественного неравенства. Объяснение этому явлению можно искать, во-первых, в характере самой смерти человека, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, допустимо предположить, что данные члены родовой организации в силу каких-либо физических особенностей (слабости организма) не могли быть полноценными охотниками и рыбаками, вследствие чего не пользовались таким же уважением, как все другие их сородичи, и не обладали достаточным количеством нужного инвентаря (охотничье вооружение и украшения, являющиеся в свою очередь охотничьими трофеями). Наконец, можно высказать и третье предположение, что люди, захороненные без инвентаря, были иноплеменными. Однако едва ли можно при этом рассматривать их в качестве военнопленных, лишенных прав членов рода и занимавших в силу этого положение, равное положению «домашних рабов», существовавших у некоторых народов севера (глингиты, улчи и др.). Во всех случаях элементы рабства возникали здесь или в результате более высокого развития производительных сил, или вследствие внешнего влияния — общения с народами, уже имеющими отчетливо выраженное классовое расслоение (европейцами, американцами, китайцами). При отсутствии указанных условий появление института рабства вряд ли было возможно.

Так, Морган, исследовавший ирокезские племена, категорически отрицал у них существование рабства: «Военнопленные или умерщвлялись, или усыновлялись каким-нибудь родом. Пленные женщины и дети обыкновенно получали помилование в этой форме. Усыновление давало не только права рода, но также и национальность племени. Тот, кто усыновлял пленного, делал через это его или ее своим братом или своей сестрой: усыновлявшая становилась в отношении матери к сыну или дочери, и затем уже усыновленное лицо считалось в том или другом родственном отношении к усыновившему, как будто бы оно было в этой степени родства по рождению».¹

Л. Я. Штернберг, изучавший род у племен северо-восточной Азии, устанавливает ту же картину.² По его утверждению,

прежде род в целях численного увеличения весьма часто практиковал усыновление, в том числе и военнопленных мужчин (женщины и дети никогда не уничтожались, а принимались в род). В случае же принятия в род чужеродного (адоптации) последний получал все права и принимал на себя все обязанности вплоть до брачных регламентаций.

Если этот закон действовал у всех племен Северной Америки и существовал у значительной части народов северо-восточной Азии, то во времена древних оленеостровцев, стоявших на несравненно более низком ступени развития, едва ли он мог проявляться с меньшей силой.

На наш взгляд, рассматриваемые погребения, лишенные инвентаря, могли принадлежать людям другого племени, в силу каких-либо случайных обстоятельств оказавшихся среди древних оленеостровцев в момент своей смерти. Возможно, наконец, что данное явление могло быть вызвано и какими-то иными причинами, вскрыть которые трудно из-за отсутствия необходимых фактов.

Рассматривая вопрос общественных отношений, существовавших у древних оленеостровцев, необходимо попытаться дать объяснение и наличию парных и тройных захоронений.

В могильнике было обнаружено 3 тройных и 16 парных захоронений. Среди тройных погребений одно — детское (№ 103-104-105), другое — мужское (№ 25-26-27), в третьем находились один мужской и два женских костяка (№ 55-56-57).

Среди парных захоронений встречаются мужчины с женщинами, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, мужчина с детьми и женщина с детьми. Вследствие столь пестрой картины сочетания разного пола и возраста в тройных и парных захоронениях, решение вопроса о причинах совместных погребений представляет значительное затруднение. Наиболее простое и понятное объяснение, пожалуй, может быть найдено для детских захоронений, как тройных, так и парных. Учитывая частые случаи эпидемических заболеваний, захватывающих большое количество детей, одновременная или очень близкая по времени смерть была в то время, вероятно, обычным явлением.

Подобное объяснение вполне может быть применимо и в отношении взрослых захо-

¹ Л. М о р г а н. Первобытное общество, стр. 79.

² Л. Я. Ш т е р н б е р г. Семья и род у народов северо-восточной Азии, стр. 169.

ронений. Широко известны факты, когда вспыхнувшие среди людей, стоящих на низкой ступени культурного развития, эпидемии уничтожали полностью население целых поселков.

Помимо того, не исключена возможность, что трое мужчин (погр. №№ 26-27-28) могли погибнуть во время охоты или войны. По той же причине могло быть произведено совместное захоронение двух женщин или двух мужчин. В случаях как тройных, так и парных захоронений отнюдь не обязательно видеть насильственную смерть одного из субъектов.

Вопрос о возможности насильственной смерти может быть с большим основанием поставлен лишь в отношении четырех погребений: №№ 2-2а, 3-3а, 55-56-57, 152-153.

В погребениях №№ 2-2а и 3-3а, вместе со взрослыми были захоронены маленькие дети. В обоих случаях они лежали между ногами костяков взрослого, по всем данным — женщин. Возраст детей и их положение по отношению к костякам подчеркивают неразрывную связь с матерью. Быть может, после смерти матери был умерщвлен и ребенок (поскольку все равно его ожидала скорая смерть). Случаи умерщвления детей в связи со смертью матери известны в этнографической литературе.¹ Вместе с тем этнография знает и такие примеры, когда с умершим ребенком хоронят мать, бабушку или любимую тетку с тем, чтобы они помогли душе его найти правильный путь в иной мир.²

Гораздо большую сложность для объяснения представляют случаи одновременного тройного (№ 55-56-57) и парного (№ 152-153) погребений. В первом из них центральное место занимал мужчина, по обе стороны и лицом к нему лежали женщины. Во втором были погребены мужчина и женщина, положенные на спину и параллельно друг другу. Для обоих захоронений весьма характерным является обилие украшений и, главное, как у первого, так и у второго мужского костяка, — крупные скульптурные изображения головы лося. Своеобразие и большая ценность сопровождавшего мужские захоронения инвентаря (изготовление

подобной величины скульптурных изображений животных с помощью примитивных орудий труда несомненно представляло для оленеостровца — резчика по кости значительные трудности) свидетельствуют о том, что оба мужчины при жизни занимали в обществе весьма почетное место и погребение вместе с ними женщин, возможно, не было случайным. Однако пытаться объяснять на этом основании женские захоронения с мужским наличием у древних оленеостровцев института своего рода рабства (женщины-наложницы) или патриархата было бы ошибочным. Мы знаем, что даже в ранний период, когда рабство находилось лишь в самом зачаточном состоянии, — в эпоху бронзы — положение в могиле насильственно лишенных жизни неравноправных членов рода или жен, убитых для сопровождения мужей в загробный мир, определялось рядом весьма отчетливо выраженных признаков. К числу их, например, следует отнести ориентировку в могиле по правилам антитезы, как это установлено в курганах с окрашенными костяками В. А. Городцовым¹ и в китайских могильниках А. П. Окладниковым.²

В оленеостровском же могильнике в обоих случаях захороненные вместе лежали вплотную друг к другу. Сопровождающий их инвентарь приблизительно одинаков. Важно при этом отметить, что одна из женщин тройного захоронения (погр. № 57) имела скульптуру змеи. Данный факт несомненно подчеркивает ее равноправное положение по отношению к мужчине, захороненному рядом с ней. Учитывая обилие резцов лося, украшавших ее костюм, и упомянутую скульптуру змеи, следует сделать второй вывод, что эта женщина имела в обществе определенный вес.

Таким образом, рассмотренные нами двойное и тройное погребения, где женщины, возможно, были насильственно умерщвлены в связи со смертью мужчины, не могут служить доказательством существования у древних оленеостровцев неравноправного положения женщины в их родовой организации. По всей вероятности,

¹ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии, стр. 171.

² В. М. Михайловский. Шаманство. Изв. Общ. любит. естеств., антрополог. и этнограф., т. LXXV, вып. 1, М., 1892, стр. 14.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. Труды XII AC 1902 г., т. I, М., 1905, стр. 179, 192.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 379.

перед нами явление особого порядка, когда в силу, возможно, каких-то религиозных представлений умерших мужчин, игравших особую роль в совершении религиозных культов (своего рода «хранителей веры»), должны были сопровождать в потусторонний мир его ближайшие родственники.

Для подтверждения тех или иных высказываемых положений мы старались привлечь этнографический материал, однако этнография хотя и дает многочисленные факты, помогающие выяснению тех или иных явлений, встречающихся в археологии, тем не менее не в состоянии объяснить с исчерпывающей полнотой многообразного и сложного процесса развития человеческого общества на ранних стадиях его развития. Не находим мы в ней примеров и к данному конкретному случаю. Этнографы отмечают лишь существенные для нас многочисленные примеры обычая насильственной смерти близких к умершему сородичей. Так. Д. К. Зеленин¹ подчеркивает,

Все другие парные погребения, встреченные в большом количестве в оленеостровском могильнике, отчетливо свидетельствуют о равноправии захороненных. Об этом говорят как одинаковое положение костяков, лежащих близко друг к другу, так и общность в количественном и качественном отношении сопровождавшего их инвентаря. Наблюдаемые некоторые отличия связаны лишь с полом или возрастом захороненного. В мужских погребениях преобладает охотничий инвентарь, в женских — предметы домашнего обихода; количество вещей в детских захоронениях вообще незначительно.

Говоря об отсутствии общественного разделения труда у древних оленеостровцев, мы не можем, однако, отрицать у них наличие другого вида разделения труда — половозрастного. Данное положение наглядно иллюстрируется результатом анализа инвентаря захоронений различных по полу и возрасту (табл. 18—21).

Таблица 18

Инвентарь, сопровождающий юношеские захоронения

№ погребения	С о п р о в о ж д а ю щ и й и н в е н т а р ь																				Характер захоронения	
	наконечники стрел		ножи		бляхи медведя	кинжалы	гарлуны	рыболовные крючки	лошпа	проколки	скребки	резцы	тесла, долота	подвески		резцы доса	пластинки из резцов собора	скульптура				
	костяные	каменные	кремневые	сланцевые										костяные	каменные			человек	лось	змея		костяные поделки
64	+	+													+	+	+					Единичнос.
70	+	+																				»
74				+																		»
87																	+					Совместное залегание с погребением 86 — женским, но более позднее.
95					+	+											+	+				Единичное.
116																				+		»
123																						»

что насильственная смерть в представлении отсталых народов считалась почетной. Об этом же свидетельствует обычай «ухода к верхним людям» у чукчей, описанный В. Г. Богоразом.²

¹ Д. К. Зеленин, ук. соч., стр. 64.

² В. Г. Богораз. Чукчи, т. I, стр. 106—112.

Охотничий инвентарь (костяные и в особенности каменные наконечники стрел, кинжалы, сланцевые ножи) находится в мужских захоронениях. С особой отчетливостью мужские погребения выделяются по имеющимся в них колчалам. В женских погребениях все эти предметы или полностью отсутствуют, или встречаются лишь в виде

Инвентарь, сопровождающий детские захоронения

№ погребения	С о п р о в о ж д а ю щ и й и н в е н т а р ь																	Характер захоронения									
	нако- вечни- ни стрел		кремневые пластины	кости		илжи медведя	кинжалы	гарпуны	рыболовные крючки	дощица	проколки	скребки	репы	тепла, топоры	подве- ски		резцы лося		пластинки из резцов бобра	скульпту- ра			пластинки с орнамен- том	костяные поделки	кремневые отщепы	кости животных	
	костяные	каменные		кремневые	сланцевые										костяные	каменные				костяные	каменные	человек					лось
2a	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, между его ног (погр. № 2).
3a	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, между его ног (погр. № 3).
80	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, мужским (погр. № 81).
84	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, мужским (погр. № 85).
92	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Единичное.
103	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совмест- ное за- легание.
-104	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-105	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
109	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, мужским (погр. № 108), но более позд- нее.
121	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совмест- ное за- легание.
-122	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
122a	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Единичное.
154	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совмест- ное за- легание.
-155	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
162	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Совместно со взрослым, женским (погр. № 161).

исключения. Следует заметить, что во всех женских захоронениях, кроме одного случая (погр. № 68), костяные наконечники стрел носят к тому же настолько невыраженный характер, что только часть из них может быть причислена к этой категории орудий. Не исключена возможность, что значительное количество их являлось проколками. Сланцевые же ножи, связанные, повидимому, с охотой на медведя, встречаются лишь в трех погребениях (№№ 107, 157, 161). Наибольшее число инвентаря составляют различные костяные мелкие поделки и украшения в виде резцов лося и пластинок из резцов бобра.

Подобное распределение прослеживается и в рыболовном инвентаре. Так, рыболовные крючки найдены лишь в одном женском погребении (№ 102).

Что касается детских и юношеских захоронений, то прежде всего следует отметить весьма ограниченное количество предметов, сопровождающих их. Орудия охоты представлены еще более бедно, нежели в женских захоронениях, орудия рыболовства полностью отсутствуют.

По всей вероятности, у древних оленеостровцев женщины и даже дети привлекались к участию в массовой охоте, в частности при загоне зверя, и здесь им отводилась немалая роль. Более того, судя по погребению № 68 (женское погребение, снабженное исключительно богатым охотничьим инвентарем), отдельные представители этого пола обладали и особыми охотничьими способностями. Однако это было не правилом, а лишь исключением. Основным участником охоты, да, вероятно, и рыболовства, был мужчина, на долю же женщины приходилось домашнее хозяйство и собиравательство.

Данное положение находится в полном соответствии с высказыванием Ф. Энгельса по вопросу половозрастного разделения труда в первобытно-общинном строе: «Разделение труда чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, тклет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изгото-

вляемых и употребляемых им орудий: мужчина собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари».¹

Подобный порядок до последнего времени существовал и у народов севера, примером чего могут служить хотя бы нганасаны.

Приведенная выше таблица годового цикла хозяйства нганасанов (табл. 15) показывает, что в то время, как основной задачей мужчин является обеспечение семьи питанием, главным занятием женщины становится реализация и сохранение добытых продуктов, обеспечение семьи теплой одеждой и обувью, поддержание тепла в чуме и уход за детьми. Правда, нередко и женщины принимают участие в охоте, в особенности когда она носит коллективный, массовый характер.

Помимо отчетливо выраженного разделения труда по полу и возрасту, анализ того же инвентаря погребений указывает на известную склонность тех или иных лиц к определенным занятиям. В этой связи обращает на себя внимание погребение № 69, в котором, кроме хорошо сохранившегося одного костяного рыболовного крючка и фрагментов от трех других крючков, было обнаружено 7 особых предметов, изготовленных из грифельных костей лося и имеющих совершенно одинаковую форму и величину. Наиболее правильно рассматривать эти предметы как иглы для плетения сетей.

Для того чтобы закончить рассмотрение общественных взаимоотношений древних оленеостровцев, следует сказать несколько слов о том, как рассматривать данный могильник с точки зрения принадлежности его к определенной общественной организации.

При описании формы захоронений в Оленеостровском могильнике была указана весьма отчетливая группировка погребений в северной и южной частях могильника. В связи с этим естественно не может не встать вопрос о причине такого деления.

Сопоставление инвентаря обеих частей могильника приводит к убеждению, что между ними нет существенных различий во времени. Поскольку, однако, погребения

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 164.

в северной части располагаются весьма близко друг к другу и нередко перекрывают одно другое (в южной части это наблюдается лишь однажды), следует считать, что северная часть могильника сравнительно долго служила местом для погребения древних оленеостровцев и была покинута позже других.

Учитывая далее огромный размер кладбища и группировку захоронений не по временным признакам, можно сделать вывод, что Оленеостровский могильник должен представлять собой племенное кладбище, где совершали захоронения покойников во всяком случае две родовые организации, находившиеся в родственных отношениях и обитавшие поблизости друг от друга.

Характеризуя род у североамериканских индейцев, Морган указывает, что в числе признаков, определяющих ирокезский род, следует считать обязательное наличие общего родового кладбища.¹ Эту же особенность рода устанавливает и Л. Я. Штернберг применительно к нивхам.²

Оба названных автора с одинаковой убедительностью доказывают огромное значение рода для названных народностей не только как хозяйственной единицы, но как религиозной и социальной организации. Именно в связи с этим стоит и вопрос об обязательном наличии родового кладбища.

«Племя имеет общее кладбище, — пишет Л. Морган об ирокезах, — и умершие

члены одного рода кладутся в могилы в одном и том же ряду. Один ряд состоит из могил умерших членов рода «бобр», два ряда — рода «медведь», ряд — рода «серый волк», ряд — рода «большая черепаха» и т. д., всего восемь рядов. Умершие супруги разлучены друг с другом и похоронены в разных рядах, то же самое относится к отцам и детям, но мать и ее дети, и братья, и сестры лежат в одних и тех же рядах».¹

Перечисляя главные признаки, характеризующие род нивхов (гиляков) «хал», Л. Я. Штернберг указывает наличие общего родового кладбища. «„Хал“ имеет общее кладбище, недоступное для чужеродных . . . Когда род живет в разных селениях, умершего хоронят в его селении, Но где бы ни умер гиляк, его прах должен покоиться рядом с его сородичем. Если человек умирает на чужбине, сейчас же извещают об этом сородичей, которые приезжают и увозят тело для сожжения — на родину . . . Но если даже гиляку приходится быть сожженному на чужбине, все-таки одну косточку бережно поднимают, привязывают к куску дерева и отправляют на родину».²

Таково свидетельство этнографов о наличии у рода своего родового кладбища.

Оленеостровский могильник, с моей точки зрения, отражает эту черту общественной организации древних оленеостровцев, тем более что сила родовой организации у них должна была чувствоваться неизмеримо сильнее, нежели у ирокезов или нивхов.

¹ Л. Морган. Первобытное общество, стр. 82—83.

² Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии, стр. 6—7.

¹ Л. Морган. Первобытное общество, стр. 83.

² Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии, стр. 6.

ИСКУССТВО

Помимо орудий труда, характеризующих хозяйственную деятельность, в Оленеостровском могильнике сохранилось также и значительное количество предметов искусства. Они раскрывают перед нами одну из интереснейших сторон материальной и духовной культуры древних оленеостровцев, свидетельствуют о достигнутой ступени в развитии эстетических запросов и вместе с тем дают известное представление о характере верований.

Помимо скульптурных и графических изображений, к данной категории предметов следует отнести также подвески, используемые для украшения одежды и в качестве амулетов. Наиболее многочисленными из них являются резцы лося, пластинки из резцов бобра и клыки медведя. Расположение различных подвесок на costume или в ожерелье отражает определенные художественные вкусы оленеостровцев. Это сказывается прежде всего в стремлении к разнообразному размещению зубов и пластинок в ожерелье, головном уборе и особенно на поясах. При этом весьма отчетливо проступает представление о симметрии и ритмичности. Так, на головном уборе, украшенном пластинками из резцов бобра, три верхние длинные пластинки располагались точно над серединой нижнего ряда. Непосредственно под ними были нашиты три пластинки несколько меньшей величины, от которых к краям убора в обе стороны отходило также по три еще более коротких пластинки. В целом убор напоминает кокошник с уплощенной верхней частью.

Определенный характер узора создавали нашивки резцов лося на поясах. Судя по расположению нарезок (в середине или с боковых сторон), можно заключить, что в цент-

ральной части пояса они нашивались прямо (т. е. как бы в естественном положении их в десне), а по обе стороны от центра (вправо и влево) — в профиль, что создавало приятную для глаза ритмичность.

Ярче всего художественные способности и вкусы древних оленеостровцев выступают перед нами в подлинных предметах искусства — в скульптуре и графике.

В погребениях могильника был найден 21 предмет такого рода, среди них 14 скульптур, 6 костяных изделий, украшенных резьбой, а также кусок песчаника с нанесенным на нем орнаментом.

Скульптурные предметы представляют собой изображения лося, преимущественно головы его (9 экз.), человека (3 экз.) и змеи (2 экз.). Резной, линейного характера орнамент имеется на костяном кинжале, двух костяных пластинках и на своеобразном предмете, повидимому, являющемся нагрудным украшением. Помимо того, встречены две костные поделки, орнаментированные точками.

Наибольший интерес вызывает скульптура. Прежде всего обращает на себя внимание как численное превосходство предметов с изображением лося, так и реалистическая манера их исполнения. Следует указать при этом на сравнительно разнообразное использование головы лося в качестве украшений — рукояти кинжала, крупных предметов (повидимому культового характера) и, возможно, нашивок на одежду (маленькие плоские головки).

Одним из предметов, обращающих на себя внимание, является кинжал из погребения № 61, уже описанный в разделе инвентаря могильника (стр. 102—105) и воспроизведенный на рис. 118, 7. Голова животного располагается

на конце тыльной части кивжала, а его шея превращена в собственно рукоять оружия. Как и на всех других предметах, изоб-

Рис. 113. Рукоять с головой лося из рога (погр. № 56).

ражение лося дано весьма реалистично, хотя некоторая фрагментарность его лишает нас возможности рассмотреть часть деталей.

Чрезвычайно интересными являются крупные изображения лося на двух изогнутых стержнях. Близким к ним по форме и, вероятно, по назначению является третий экземпляр, имеющий, однако, значительно меньшие размеры.

Один из указанных предметов (рис. 113) обнаружен в верхней области груди (частично у головы) среднего мужского костяка в тройном захоронении №№ 55-56-57 (погр. № 56). Это массивный стержень, изогнутый в виде буквы «Г», изготовленный из рога крупного животного — вероятнее всего, лося. Общая длина предмета равна 42.5 см. Короткий конец его (около 16 см) представляет собой резную голову лося, длинный — как бы вытянутую шею его. Поперечное сечение стержня в удлиненной части неправильно овальное — с двумя несколько уплощенными противолежащими сторонами. Конец предмета обломан, однако, судя по аналогии с изображением лося из погребения № 153, можно предположить, что он был заострен.

Несмотря на фрагментарность предмета, опознать в нем скульптурное изображение лося не представляет особого труда. Об этом свидетельствуют характерные признаки животного — горбатый нос и толстая, отвислая нижняя губа. С большой точностью вырезаны ноздри лося в виде удлиненных углублений, суженных в одном конце и расширяющихся в другом. Ясно очерчен и рот животного, обведенный округлым желобком.

К сожалению, в том месте, где должны быть глаза и уши, голова лося сильно повреждена. Оспыываясь на сравнении с изображениями этого животного в других захоронениях могильника, можно высказать предположение, что уши лося были выполнены в виде двух отростков овальной формы, слегка суженных на конце.

Не исключена возможность, что подобно голове лося из погребения № 153 в верхней части шеи находились отростки, изображающие, как следует полагать, гриву животного.¹

Любопытной деталью является орнамент, прослеживаемый достаточно четко на морде лося. Начиная примерно от середины ее заметны две слегка углубленные линии, расходящиеся под углом к шее. В нижней же части морды, ниже глаз и ближе к шее,

¹ Эта часть шеи лося отсутствовала и при реставрации заполнена гипсом.

отчетливо выступают вытянутые в один ряд довольно глубокие, правильно округлые ямки. Противоположная сторона головы лося сильно повреждена, по судя по всему, подобный узор, вероятно, находился и на ней.

Напомним, что близкий по форме и, повидимому, сходный по назначению предмет был встречен в Оленеостровском могильнике Баренцова моря: на нем по всей морде животного, по его ушам и шее располагался нарезной геометрический орнамент в виде перекрещивающихся линий.¹

Рассматривая поверхность предмета в той части, где она сохранилась в полной мере, нетрудно заметить следы залощенности, доведенной до блеска, наиболее отчетливо выраженной на нижнем, узком конце стержня. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что именно эта часть предмета чаще всего находилась в руках человека.

Второй экземпляр почти столь же крупной головы лося, увенчивающий изогнутый в форме буквы «Г» костяной стержень (рис. 114), обнаружен в двойном погребении № 152-153, где он также лежал в области груди костяка мужчины (погр. № 153). Длина предмета от основания ушей лося до конца стержня равна 40 см, длина самой головы 14 см. По своей величине и форме этот предмет аналогичен только что описанному, но отличается прекрасной сохранностью, позволяющей проследить все мельчайшие скульптурные детали.

Морда животного имеет заостренную форму, несколько несвойственную лосю, однако отчетливо выраженный горбчатый нос и утолщенная нижняя губа указывают на характерные признаки именно этого животного. Ноздри сделаны различно: одна из них удлиненная и глубокая, другая округлая, гораздо меньшего размера и менее углублена. Несмотря на известную разницу, обе ноздри в одинаковой мере сильно раздуты, что очевидно, должно было отражать состояние настороженности животного. Глаза трактованы в виде овальных выпуклостей, в центре которых располагается круглое углубление — зрачок. Последний нанесен с помощью сверла, на что указывает не только правильно круглая его форма, но и едва заметные concentрические круги.

¹ Н. Н. Гурьина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского п-ва. МИА, № 39, 1953, стр. 375.

Уши животного вырезаны как два параллельно идущих отростка, разделенные между собой небольшим пространством. Очень ин-

Рис. 114. Рукоять с головой лося из рога (погр. № 153).

тересна верхняя часть шеи, снабженная сравнительно крупными выступами, которые, очевидно, изображают гриву лося. Видимо, древний скульптор стремился подчеркнуть, что перед ним крупное животное, вероятнее всего, лось-самец. Правда, у него отсут-

ствуют рога, однако изображений лося с рогами вообще не встречается не только среди скульптурных предметов Оленеостровского могильника, но и в других памятни-

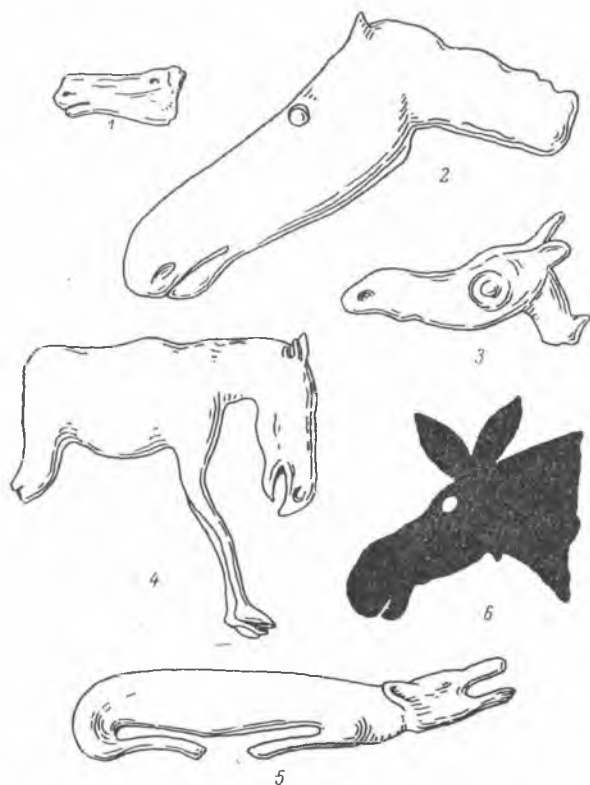

Рис. 115. Археологические параллели к изображениям лося.

1 — случайная находка, Свердловск; 2 — Шигирский торфяник; 3 — Готланд (бронза); 4, 5 — Базаиха; 6 — Цицикино.

ках эпохи неолита, что объясняется, надо думать, полной невозможностью изготовления имевшимися тогда весьма примитивными орудиями столь тонких и хрупких деталей. Примером изображения лося, лишенных рогов, может служить костяная скульптура из Базаихи,¹ Шигирского² и Горбуновского³ торфяников, а также украшения на сланцевых топорах из карельских стоянок⁴ (рис. 115, 116). Изображение сам-

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, рис. 90.

² Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, вып. X, 1940, рис. 41, 42, 44.

³ Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. Матер. по изуч. Тагильского округа, вып. 3, полут. I, Тагил, 1929, рис. 3.

⁴ Сланцевый молот с головой лося из дер. Падозеро: ИАЭ, колл. № 54.

цов с рогами встречается лишь в рисунках. Напомним, например, петроглифы Онежского озера и Белого моря (рис. 117).

В рассматриваемой скульптуре верхний (первый от ушей) отросток гривы имеет у основания круглую ямку, просверленную тем же сверлом, что и глаз животного (диаметр отверстия совершенно одинаков). Назначение этой ямки не ясно. Возможно, она является следом попытки мастера украсить голову лося таким же рисунком, в виде ряда

Рис. 116. Археологические параллели к изображениям лося.

1 — Горбуновский торфяник; 2 — Шигирский торфяник.

ямок, каким украшена голова лося из погребения № 56.

Нельзя не отметить, что с технической точки зрения создание такой сложной скульптуры представляло несомненные трудности. По сохранившимся в отдельных местах следам, не уничтоженным окончательно последующей зашлифовкой, можно установить, что при изготовлении скульптуры применялись резец и острый нож, употребление последнего в особенности заметно в области шеи, где наблюдаются мелкие бороздки, являющиеся продолжением более глубоких надрезов, наносимых при выделке выступов гривы.

Третий предмет, близкий двум только что описанным, отличается гораздо меньшим размером (рис. 118, 4): общая длина его — от основания ушей до конца стержня—

равна 13 см, длина морды вместе с ушами — 9.5 см.¹ Подобно предыдущим данный экземпляр изготовлен из отростка рога и имеет такую же Г-образную форму. Верхняя часть предмета представляет собой голову животного, нижняя, более длинная — шею. Она округла в поперечном сечении, но несколько уплощена к концу. Самый конец

нере, что и на голове лося из погребения № 153.¹

Остальные скульптурные фигурки представляют собой 4 сравнительно маленьких головки лося и туловище без головы.

Прежде всего наше внимание привлекают к себе головки, найденные в погребении № 81 (рис. 118, 1, 2), одна из которых ле-

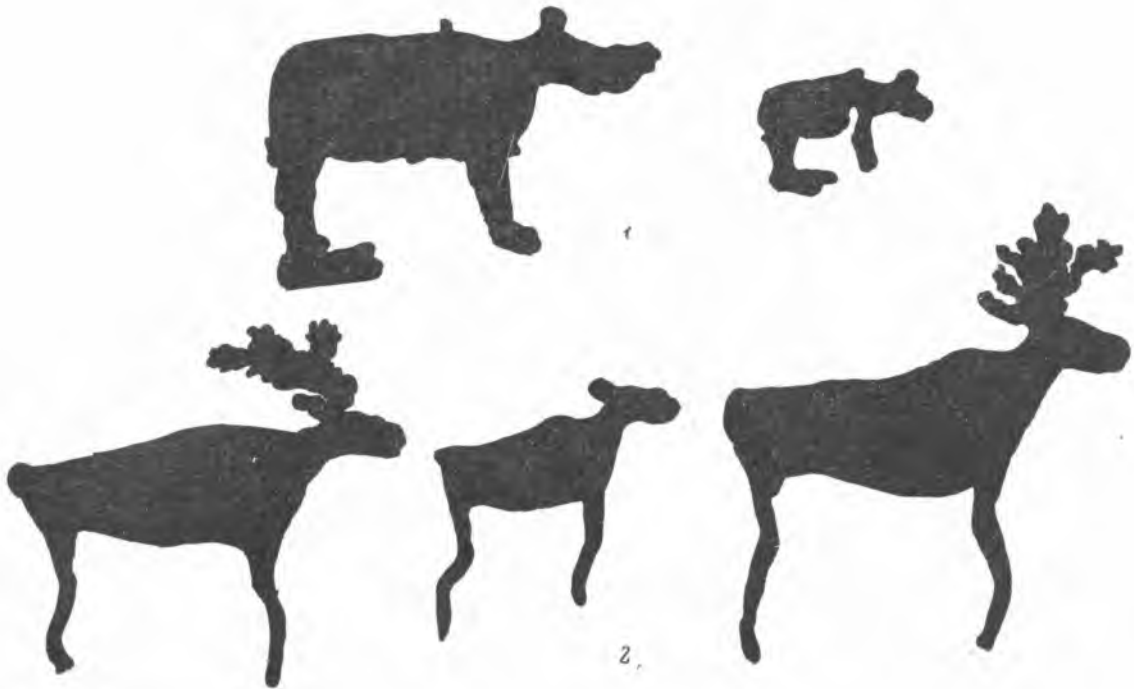

Рис. 117. Наскальные изображения медведей и лосей.
1 — Бесовы Следки; 2 — Залавруга.

стержня утрачен. Морда животного резко вытянута и слегка уплощена. Глаз изображен в виде полукруглой выпуклости, расположенной в верхней части, и круглой ямки зрачка — под ней, что передает естественное строение глаза и делает изображение удивительно реалистичным (глаз сделан тоньше, чем в скульптуре из погребения № 153). В том же плане выполнена и нижняя часть морды — ноздри и рот. Характерные черты лося — горбатый нос и слегка отвислая нижняя губа — здесь подчеркнуты столь же отчетливо, как и в других скульптурных изображениях. Ухо вырезано в той же ма-

жала на бедренной кости мужского скелета вторая обнаружена при промывке мелких костей, оставшихся после разборки костяка, в силу чего ее первоначальное положение не устанавливается. Несмотря на разницу в размерах и некоторое различие в мелких деталях, бросается в глаза поразительное сходство обеих фигур. Нет никакого сомнения, что они сделаны рукой одного художника-резчика. Фигурки выполнены из трубчатой кости крупного животного, чем и следует объяснять их довольно сильную уплощенность. В них нет необходимой для скульптуры объемности, они на-

¹ В каком погребении была найдена данная скульптура, установить не удалось.

¹ Сохранилось лишь одно ухо, второе утрачено.

поминают собой скорее барельеф. Длина большего изображения равна 6.5 см, меньшего 3.8 см.

Обе скульптуры представляют собой голову животного и часть шеи. Характерные признаки головы лося особенно отчетливо переданы в более крупной фигурке, в меньшей же черты животного несколько смягчены, даны как бы более расплывчатыми. Исходя из этого и учитывая некоторую утолщенность морды, в меньшей фигурке, как мне кажется, следует видеть изображение головы лосенка. Возможно, что именно по этой причине сама скульптура и сделана меньших размеров.

Реализм в технике выполнения этих фигурок выступает еще ярче, нежели во всех других и в том числе в уже рассмотренных выше. Морда животного слегка утолщена, губа отвисла, рот изображен с помощью округлой, глубокой и достаточно широкой линии. Глаз трактован в виде некоторого утолщения — бугорка, под которым расположено круглое углубление — зрачок. Уши небольшие и не торчат, как у предыдущих изображений, а прижаты к шее. Отличительными чертами меньшей скульптуры следует считать лишь более утолщенный конец морды.

На большей скульптуре можно наблюдать интересные детали. Одной из них является подчеркнутая отвислость шеи у головы, столь характерная для взрослых лосей. Первобытный художник постарался передать это даже в едва намеченных складках, чего, кстати сказать, не сделано ни на одном из других изображений лося. Другой любопытной деталью являются два бугорка, находящиеся близ глаз животного, которые представляют собой следы от рогов. Повидимому, мастер запечатлел в скульптуре голову сохатого в тот период, когда он сбросил старые рога и от них остались только пеньки. Интересно отметить, что у второй, меньшей, фигурки, в которой мы склонны видеть лосенка, эти следы рогов отсутствуют.

Две оставшиеся еще нерассмотренными фигурки лося гораздо менее выразительны. Одна из них (погр. № 82; рис. 118, 3), очень небольшого размера (3.5 см длиной), представляет собой голову с частью шеи, несколько расширенной в конце, примыкающей к туловищу. В силу не вполне удовлетворительной сохранности морда животного приоб-

ретает несвойственную лосю заостренность. Однако и в данной скульптуре, учитывая манеру изображения глаз и положения ушей, можно опознать, вероятнее всего, молодого лосенка. С одной стороны шеи животного заметен сравнительно широкий желобок. Не исключена возможность, что данная головка прикреплялась к какому-нибудь стержню и желобок служил для более прочного их скрепления.

Вторая головка, также небольшого размера (3.5 см длиной), но значительно более массивная, обнаружена в погребении № 68 (рис. 118, 5). Из-за некоторой аморфности она скорее напоминает заготовку, нежели законченную скульптуру, однако и в ней не так трудно увидеть изображение лося, о чем свидетельствует утолщенная нижняя губа и характерные особенности в передаче глаз и ушей.

Наконец, последний экземпляр скульптуры (погр. № 64) представляет собой сильно уплощенное туловище животного, лишенное головы (рис. 118, 6).¹ Сохранились лишь туловище и шея. Задние ноги утрачены почти полностью. Передняя нога только одна (поскольку фигура сделана из легко расслаивающегося ребра, создается впечатление о наличии двух ног, тесно прижатых друг к другу). Форма ноги слегка угловата, что должно соответствовать естественному сочленению бедренной и берцовых костей (хотя в действительности у лося на передних конечностях они не выступают так отчетливо, как на задних).

Пропорции тела не соблюдены: туловище животного несоразмерно вытянуто. — Если у нормального лося длина туловища относится к толщине его как 8 : 3.5, то в нашей фигуре это соотношение измеряется как 9.5 : 2, т. е., иными словами, длина корпуса более чем в 4.5 раза превышает его ширину. Сильная залощенность внешней поверхности свидетельствует о частом употреблении предмета.

Скульптурных фигурок с изображением человека в Оленеостровском могильнике, как было указано, встречено три: одна из них изображает мужчину, вторая — женщину, определение пола третьей фигурки затруднено. Все они вырезаны из рога животного. В отличие от рассмотренных выше изобра-

¹ Оно изготовлено из ребра крупного животного, в силу чего и распалось вдоль на две половинки.

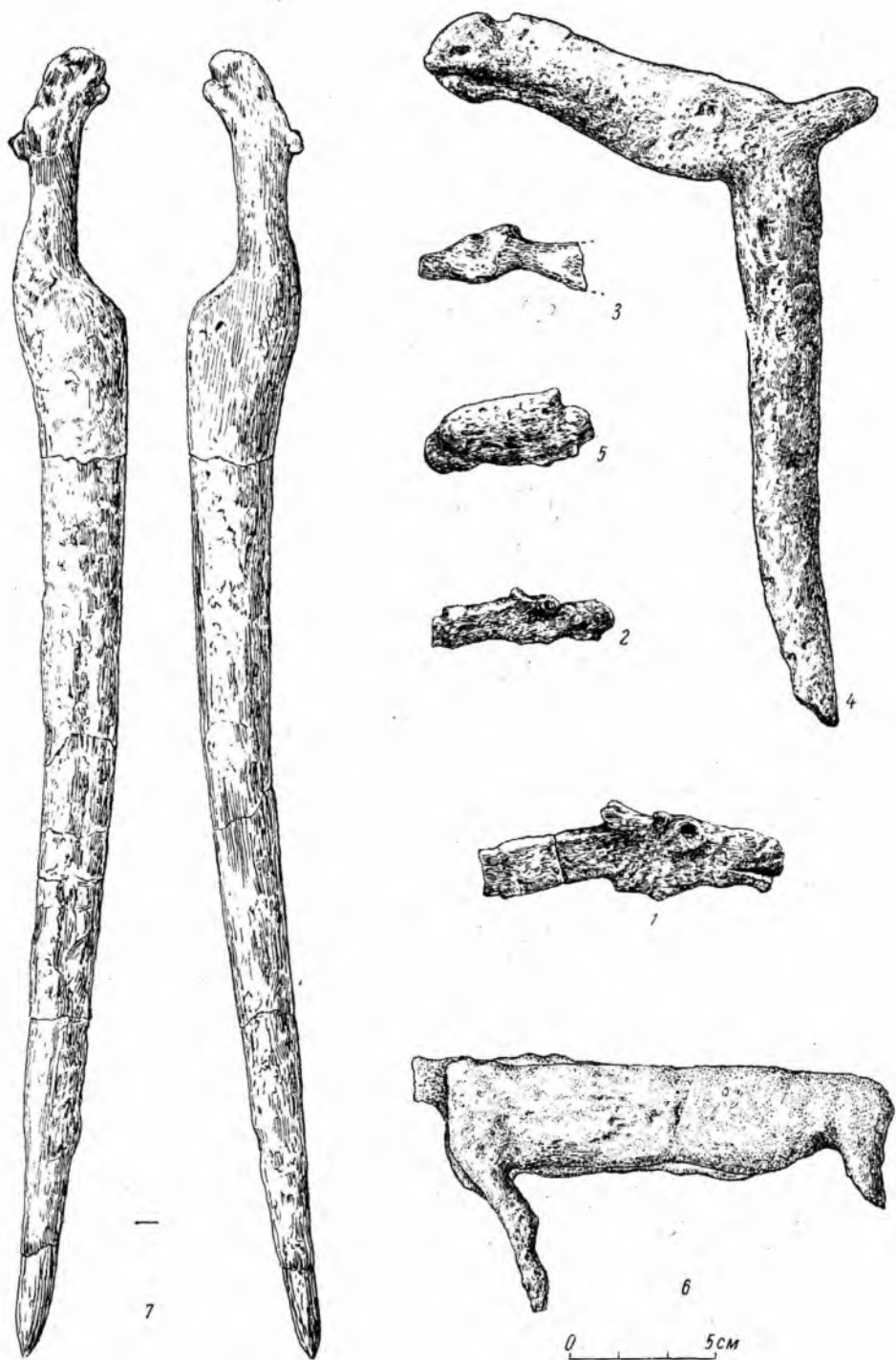

Рис. 118—119. Скульптурные изображения лося из Оленеостровского могильника.
 1, 2 — погр. № 81; 3 — погр. № 82; 4 — номер погр. не известен; 5 — погр. № 68; 6 — погр. № 64;
 7 — погр. № 61.

жений лося, реалистически обрисовывающих характерные черты этого животного, изображения людей выполнены весьма схематично.

ли, таз широкий, опущенный несколько ниже нормального, ноги длинные, округлые в сечении, с легким расширением на концах, повидимому, изображающим ступни. Руки

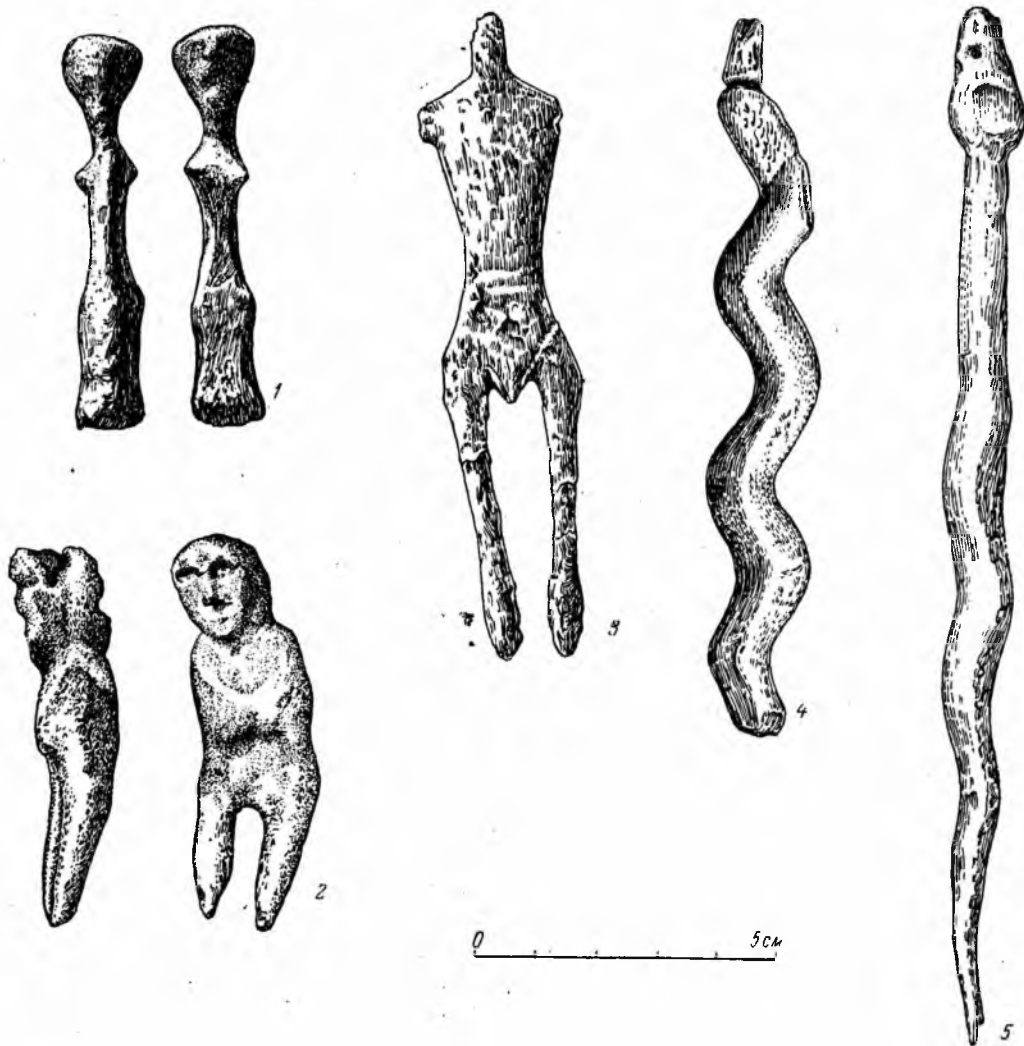

Рис. 120. Предметы искусства из Оленеостровского могильника.
1—3 — человеческие фигурки (1 — погр. № 18; 2 — погр. № 23; 3 — погр. № 130); 4, 5 — изображения змей (4 — погр. № 57; 5 — погр. № 23).

Скульптурное изображение человека (рис. 120, 3), найденное в погребении № 130, изготовлено из довольно плоской роговой пластинки, в силу чего поперечное сечение ее представляет сильно вытянутый овал. Судя по корпусу и нижней части фигуры, в данном изображении следует видеть мужчину. Тело его подчеркнуто уплощенное, широкое в плечах и суженное в области та-

выражены нечетко: правая намечена небольшим выступом, левая не показана вовсе. Плечи довольно резко переходят в узкую шею, голова отсутствует. Трудно решить, объясняется ли отсутствие головы ее утратой (что вполне возможно, поскольку конец шеи несколько фрагментирован) или тем, что она вообще по каким-то соображениям не была вырезана. Предполагать, что рез-

чик не сумел выполнить ее, нет оснований, так как эта фигура более чем остальные показывает умение мастера передать правильное соотношение различных частей человеческого тела. Данная скульптура является наиболее пропорциональной в различных своих частях и всем своим обликом подчеркивает черты, свойственные строению именно мужских фигур — резкую уплощенность, ширину в плечах и, наконец, некоторую угловатость.

Любопытно положение фигуры на костяке — в области таза, что указывает, по всей вероятности, на способ ее ношения человеком при жизни: очевидно, она подвешивалась к поясу. Пол погребенного точно определить затруднительно, но больше данных за то, что захоронение мужское, при этом скорее всего старческого возраста.

Второе человеческое изображение найдено в погребении № 18, близ правой плечевой кости скелета¹ (рис. 120, 1). В целом скульптура выполнена довольно схематично, и формы человеческого тела в ней переданы неотчетливо. Голова изображена в виде утолщения подтреугольных очертаний, суживающейся к шее и значительно расширяющейся кверху, темя несколько уплощено. Лицевая часть почти совершенно не выражена, на ней едва заметен выступ, возможно, намечающий нос. Задняя часть головы округлая, шея тонкая, постепенно переходящая непосредственно в корпус. Наиболее отчетливо обрисована выпуклая, явно женская грудь. В поясе фигура сильно сужена, оттеняя этим талию. В нижней части, в особенности в области бедер и ног, фигурка расширена. Ноги не только не расчленены, но даже не намечены.²

Особенности пола подчеркнуты не только формой груди но и всем обликом фигурки, явно говорящим, что здесь дано изображение, по видимому, молодой женщины. Все эти признаки особенно становятся заметными при сопоставлении данной фигурки со скульптурой мужчины из погребения № 130. Последняя отмеченной выше значительной

уплощенностью, шириной плеч и общей массивностью отчетливо оттеняет женские признаки второй фигуры: тонкую талию и округлость очертаний. Весьма странная, уплощенная в верхней части форма головы, возможно, объясняется тем, что первобытный скульптор хотел изобразить женщину в головном уборе.

Третье — и последнее — человеческое изображение обнаружено в погребении № 23 (рис. 120, 2). К сожалению, погребение оказалось в значительной мере разрушенным. Скульптура была найдена за пределами охристого пятна во вторичном залегании, в силу чего первоначальное положение ее на скелете не устанавливается. С другой стороны, плохая сохранность костяка не позволяет определить пол захороненного.

Скульптура представляет собой человека неопределенного пола, изображенного в полный рост (общая длина фигурки 6,5 см). Корпус его имеет округлые очертания, ноги представлены в виде двух довольно широко расставленных отростков, заканчивающихся легким скосом с задней стороны. Голова посажена непосредственно на туловище, шея отсутствует. Фигура имеет два лица, направленных в противоположные стороны. Одна из сторон фигуры (передняя) выражена значительно отчетливее, вторая (задняя) более расплывчата. На передней стороне фигуры руки намечены слабыми выступами, они сложены на груди. Лицо хорошо моделировано. Глаза переданы овальными углублениями, нос выпуклый, прямой, рот трактован также в виде углубления слегка округлой формы, подбородок острокопечный. Противоположная сторона скульптуры рук не имеет. Детали лица ее как бы стертые.

Фигура в целом рисует слегка согнувшегося человека: ее передняя сторона несколько вогнута, а задняя слегка выпуклая. В верхней части головы, на пространстве между лицами, имеется небольшая ямка, назначение которой не вполне ясно. Возможно она нанесена для определенных ритуальных целей.

Последней категорией рассматриваемых предметов искусства являются скульптурные изображения змей. Они найдены в Оленеостровском могильнике в двух экземплярах. Одно из них (рис. 120, 4) обнаружено в погребении № 57 (тройное погребение № 55-56-57) в области левой плечевой кости женского скелета. Скульптура изготовлена

¹ К сожалению, ввиду плохой сохранности костей пол захороненного определить не удастся.

² Спереди эта часть фигурки уплощена и слегка расширена к основанию, сзади несколько сужена. Таким образом, в нижней части статуэтка имеет подтреугольное поперечное сечение со слегка сглаженным одним ребром. В области талии она близка к овалу, а в верхней части и голове снова приобретает подтреугольные очертания.

из трубчатой кости довольно крупного животного. Одна сторона ее (нижняя) совершенно плоская, вторая (верхняя) выпуклая, с ребром, проходящим посередине, вследствие чего поперечное сечение змеи подтреугольное, с двумя округлыми и одной плоской гранью.

Тело змеи изображено извивающимся. К хвосту оно сильно суживается. Противоположный конец заметно расширен; повидимому, здесь была голова, впоследствии утраченная, о чем свидетельствует отчетливо заметный слом.

На хвосте змеи имеется глубокая, почти круговая нарезка (слабо заметная на плоской стороне), служившая для привязывания предмета. Внешняя поверхность скульптуры тщательно сглажена. Плоская сторона очень отчетливо сохранила на себе следы, которые указывают, что зашлифовка велась в диагональном направлении по отношению к центральной оси предмета. Незначительная глубина штрихов говорит о том, что зашлифовка производилась на мелкозернистой шлифовальной плите. Внешняя — выпуклая — поверхность также имеет штрихи, но гораздо менее ярко выраженные. В целом же поверхность носит следы сильной залощенности, свидетельствующие о частом употреблении предмета.

Второе скульптурное изображение змеи (рис. 120, б) обнаружено в погребении № 23, в области правой бедренной кости.¹ Пол погребенного вследствие плохой сохранности костяка не устанавливается.

Скульптура изготовлена из трубчатой кости. Она представляет собой узкий, длинный стержень, округлый в поперечном сечении, с одной слегка уплощенной стороной. Данный экземпляр змеи сохранился полностью — с головой и хвостом. Примерно третья часть тела совершенно прямая, дальше оно показано извивающимся, но значительно слабее, нежели тело только что рассмотренной нами змеи из погребения № 57. Хвост очень тонкий.² Голова изображена весьма отчетливо: она слегка округла сверху и уплощена с нижней стороны. Глаза переданы глубокими округлыми ямками, одна из которых вследствие фрагментарности этой части головы выражена менее отчетливо. На середине головы имеется небольшое,

неправильно округлой формы углубление передающее, вероятно, уплощенную часть головы пресмыкающегося. Тело змеи тщательно зашлифовано и на участках, сохранившихся в нетронутом виде, имеет отчетливые следы залощенности, указывающие на весьма длительное употребление данного предмета.

Кроме описанных выше скульптурных изображений, в Оленеостровском могильнике было найдено семь предметов, украшенных резным орнаментом, который дает определенное представление о характерных особенностях рисунка древних оленеостровцев. К ним относятся: оригинальный трехгранный предмет, изготовленный из песчаника, кинжал, подвеска и четыре костяных предмета неизвестного назначения.

Трехгранный кусок песчаника обнаружен в погребении № 44, у левой голени захороненного (рис. 121), пол которого определить не удается. Орнамент покрывает все три грани и представляет собой преимущественно косые нарезки, образующие углы и

Рис. 121. Обломок песчаника с орнаментом (погр. № 44).

зигзагообразные линии. Наиболее отчетливо он сохранился только на одной из сторон; на двух других рисунок улавливается с трудом. Однако, насколько удастся проследить на сохранившихся участках, можно говорить об известном различии в орнаментации граней: элементы, составляющие узор, одинаковы, но композиция иная.

Наибольший интерес представляет орнаментация на лучше сохранившейся грани. Здесь она заметно сложнее, чем на других сторонах. Вдоль всей грани по диагонали

¹ Предмет найден в двух фрагментах.

² Самый кончик его обломан.

проходит полоса, слабо врезанная на одном из краев и более глубокая посредине и на противоположном крае. Вблизи узкого конца предмета указанную диагональную линию пересекают две такие же глубокие, но короткие линии, нанесенные под небольшим углом одна к другой и сближающиеся вследствие этого на конце. Вся остальная поверхность грани заполнена короткими менее глубокими линиями, направленными под углом одна к другой и образующими зигзаги.

Орнамент на второй грани, насколько удается проследить, состоит из мелких коротких линий, расположенных под углом и тоже образующих зигзаги.

Третья грань в основной своей части, так же как и две предыдущие, покрыта зигзагообразной линией, пересеченной на краях рядом коротких косых линий, образующих узор в виде сетки.¹ Судя по тому, что орнамент сильно стерт и местами едва заметен, следует сделать вывод о частом применении данного предмета.

Зигзагообразный орнамент, близкий к тому, который покрывает данный кусок песчаника, с большей отчетливостью прослеживается еще на трех костяных предметах, найденных в могильнике.

Одним из них (рис. 122, 1) является кинжал из погребения № 100, описанный выше, в разделе инвентаря; второй — костяная подвеска (рис. 122, 2), обнаруженная в области груди костяка в погребении № 114 (погребение мужское), и третий (рис. 122, 3) — часть неизвестного предмета, найденного близ черепа в погребении № 102. Несмотря на различное функциональное назначение, данные предметы сближаются между собой тождественностью орнамента. Последний представляет собой параллельные, зигзагообразные линии, составленные из мелких, расположенных под углом друг к другу нарезок. В целом полосы зигзагов размещены на предмете в поперечном направлении. Длина линий, создающих зигзаг, величина угла, образованного ими, и расстояние, отделяющее одну зигзагообразную линию от другой, в подавляющем большинстве случаев на предмете совершенно одинаковы. Все это способствует правильности узора, создающей приятную для глаза ритмичность. Ор-

намент такого характера широко известен по костяным орудиям Прибалтики,¹ многочисленным сланцевым и шиферным предметам Норвегии и Дании,² а также нижнего слоя Веретья³ (рис. 123).

На предметах Оленеостровского могильника этот орнамент, не будучи усложненным другими элементами, выступает особенно отчетливо. Можно смело сказать, что зигзагообразные линии являлись не только излюбленным рисунком древних оленеостровцев, но и почти единственным, если не считать мало выразительного точечного орнамента на двух описываемых ниже предметах.

Существенно отметить, что данный орнамент широко представлен и в многочисленных палеолитических памятниках, таких, как Костенки,⁴ Мальта,⁵ Мезин⁶ и Авдеево⁷ (рис. 123, 18—29), причем, например, в Мезине он даже более сложен. Это обстоятельство имеет значение для датировки нашего памятника.

Два предмета, орнаментированных точками, представляют собой: один костяную подвеску (рис. 122, 5), обнаруженную в погребении № 76а, близ верхней части левого бедра костяка (погребение мужское), второй — костяную пластинку (рис. 122, 6), найденную в погребении № 1, около черепа скелета.⁸

На внешней поверхности подвески замечен орнамент в виде очень мелких точек, три из которых расположены в нижней части в один ряд. Четыре других точки, находящиеся в средней части, размещены без особого порядка. Точечный орнамент на костяной пластинке неопределенного назначения нанесен посредине, вдоль всего пред-

¹ Стоянка Лубанского озера: Рижский исторический музей, колл. №№ 31395, 32794, 32279, 32795 и др.; стоянка Кунда: Институт истории АН Эстонск. ССР, № 3410.

² А. V. Brogger, ук. соч., рис. 23, 34, 35, 80, 92, 93.

³ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 61, рис. 2.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 380.

⁵ М. М. Герасимов. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

⁶ Мизин І. Визначніші серії кістяних виробів Мизинської палеолітичної стації в освітлені Федора Вовка. Київ, 1931, табл. XVIII, XXI—XXIV.

⁷ М. В. Воеводский и А. Е. Алихова-Воеводская. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 14, рис. 7, 10.

⁸ Пол погребенного не устанавливается.

¹ Это особенно отчетливо выступает на участках, внешняя поверхность которых сохранилась лучше других.

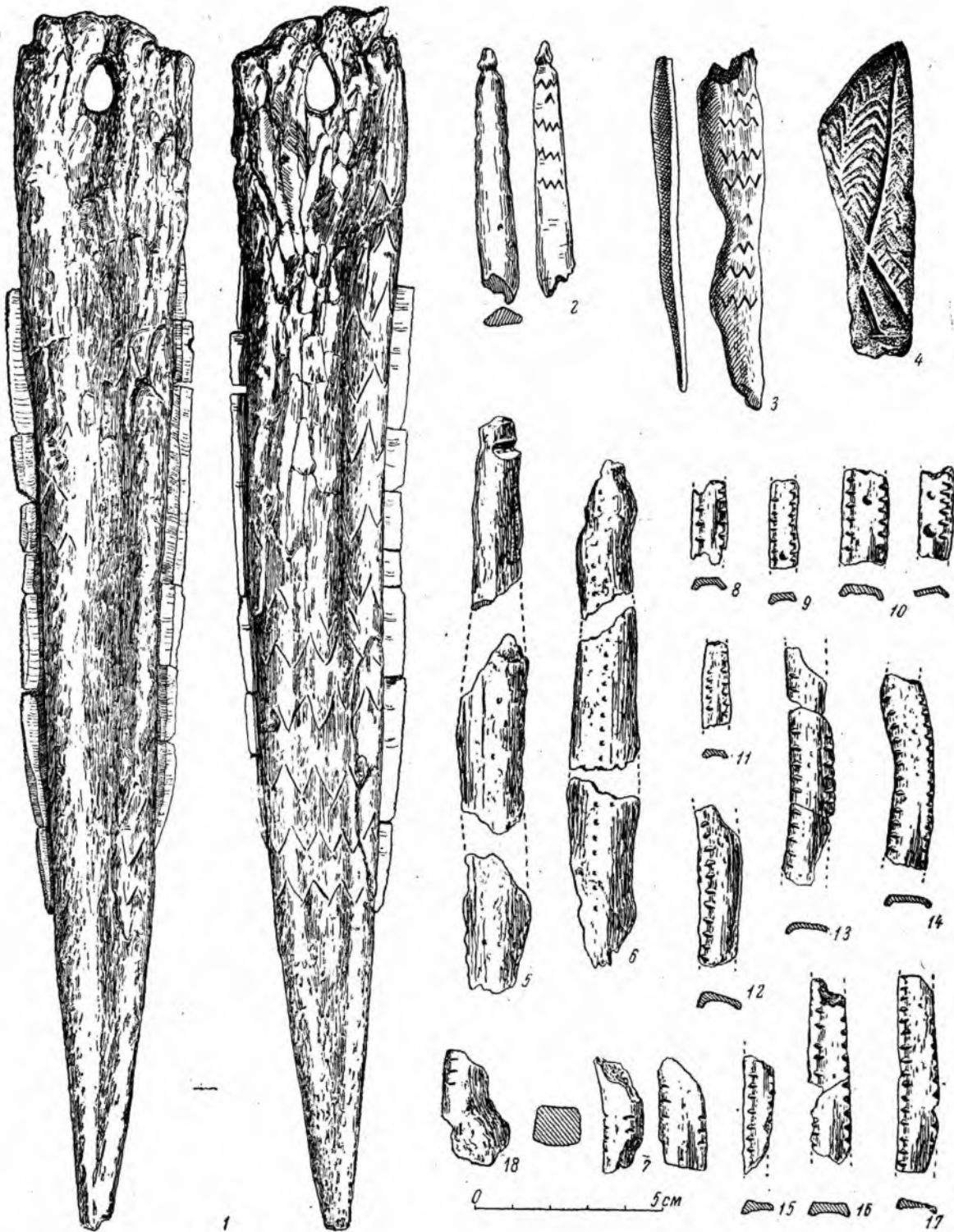

Рис. 122. Орнаментальные мотивы из Оленегорского могильника.

1 — костяной шпатель с выдвухами (погр. № 100); 2 — костяная пластинка с орнаментом (погр. № 102); 3 — обломок костяной пластинки с орнаментом (погр. № 114); 4 — орнаментированная песчаниковая плитка (погр. № 44); 5, 6 — костяные пластинки с орнаментом (5 — погр. № 76а; 6 — погр. № 1); 7—18 — фрагменты костяного шейного украшения (погр. № 133).

мета. Точки имеют около 1 мм в диаметре и очень неглубоки. Следует отметить ярко выраженную залощенность внешней поверхности предмета.

украшены довольно глубокими нарезками, образующими четкий орнаментальный узор, придающий предмету в целом определенную нарядность.

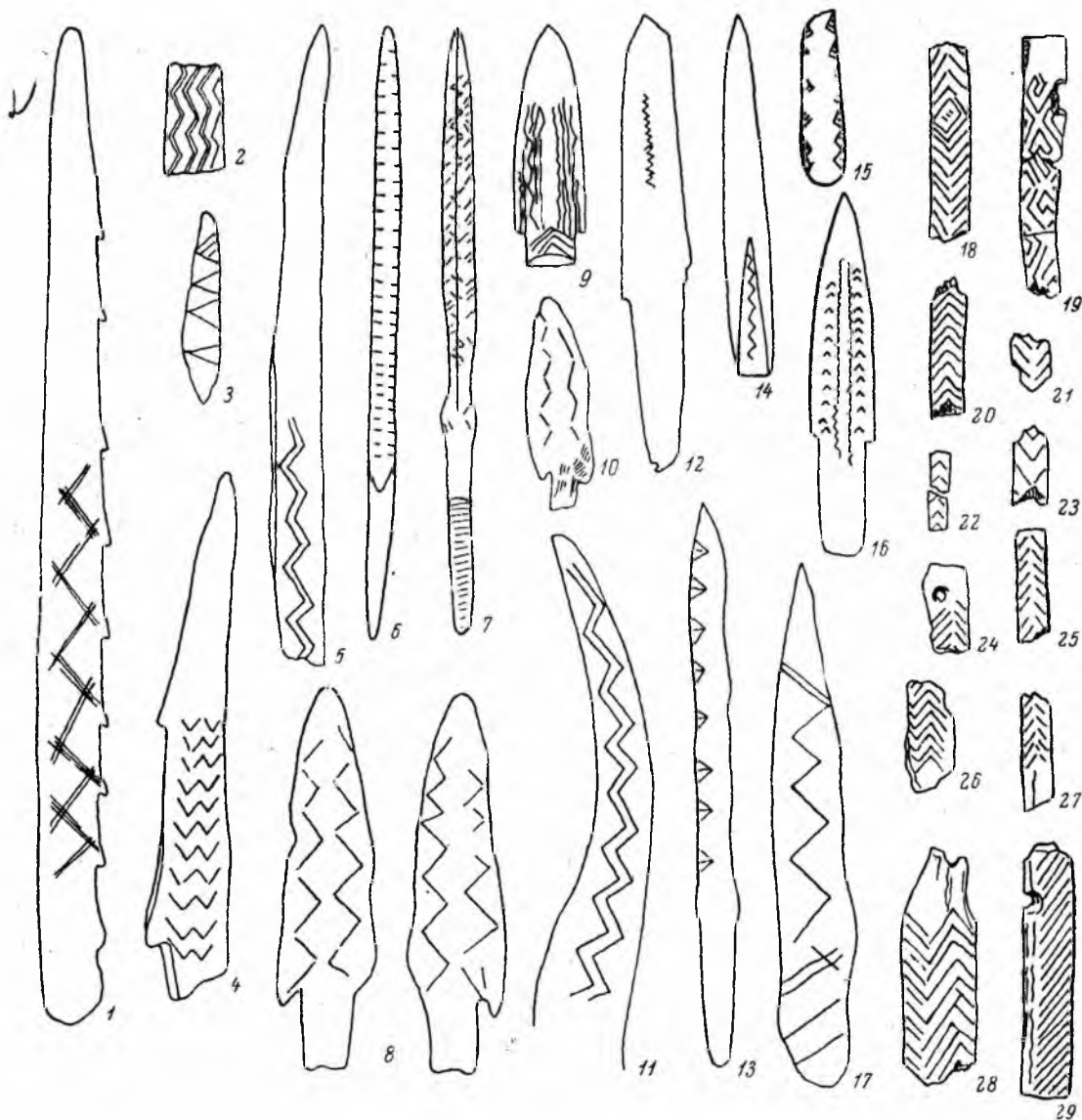

Рис. 123. Орнамент на костяных наконечниках стрел и пластинках.

1, 4—7, 11, 13, 17 — Лубанское озеро; 2 — Нижнее Верстье; 3 — Риннуально; 8, 9, 10, 12, 14, 16 — Скандинавия; 15 — Кунда; 18—29 — Мезин.

Наконец, последним образцом искусства является украшение, изготовленное из кости, обнаруженное в погребении № 133 (мужском; рис. 122, 7—18). Подробное описание его было сделано в разделе инвентаря. Отметим только, что края данного предмета

Таков перечень предметов Оленеостровского могильника, отражающих определенную ступень развития художественных вкусов и степень художественного мастерства древних оленеостровцев. Все эти образцы искусства можно считать в основном наивно-

реалистическими, а техническое выполнение их для того времени довольно совершенным.

Рассматривая изобразительное искусство древних оленеостровцев, мы видим, что оно проявлялось в трех основных формах: украшениях одежды, линейной резьбе на предметах быта и скульптуре. В последней доминирующее положение занимают изображения животных и в первую очередь лося. Именно лось является если не единственным, то во всяком случае центральным сюжетом скульптуры. Нет сомнений, что объяснение этому факту следует искать в материальной жизни человека.

Как мы уже видели, огромное значение в хозяйстве древних оленеостровцев имела охота. Главнейшим объектом охоты являлся лось: мясо его доставляло человеку обильную пищу, а теплая шкура предохраняла от холода. Таким образом, оленеостровцы, как и творцы наскальных изображений, отчетливо отобразили в своем искусстве экономический уклад древнего человеческого общества.

Искусство древних обитателей побережья Онежского озера не было отвлеченным и не являлось только результатом проявления художественных способностей индивида, направленных на удовлетворение его эстетических запросов. В существе своем оно было общественным, в полном смысле этого слова, и не столько по той причине, что первобытный художник еще не выделился из массы охотников, но главным образом в силу того, что искусство выросло из потребностей общества, отражало его мировоззрение и выполняло определенные общественные функции, в основе которых лежало прежде всего стремление обеспечить успех охоты.

Будучи тесно связанным по своему содержанию с трудовой деятельностью человека, изобразительное искусство оленеостровцев по форме было реалистическим. Постоянно занимаясь охотой, хорошо зная облик зверей, их характер и повадки, древний художник тонко подмечал наиболее типичные особенности изображаемых животных. Несмотря на определенную упрощенность манеры исполнения и нередко встречающуюся замену целого его частью, изображения поражают реалистической трактовкой. Простота исполнения сочетается с удивительным умением подчеркнуть самое важ-

ное, самое существенное, что является наиболее характерным для данного объекта. С особой наглядностью это проступает в изображении головы лося — подчеркивание горбатого носа и слегка отвислой нижней губы.

Указанные черты искусства древних оленеостровцев в полной мере присущи петроглифам Карелии, известным сланцевым топорам с лосиной или медвежьей головой, а также рисункам на глиняных сосудах. При изображении таких, например, близких по внешнему облику птиц, как лебедь, гусь и утка, отличающие их детали подчеркнуты (несмотря на известный схематизм) с удивительной точностью и это позволяет безошибочно определить породу каждой из названных птиц. Так, тело лебедя изображается с резко выгнутой спиной и длинной шеей, утки — наоборот, подчетыреугольных очертаний, с короткой шеей, гусь занимает промежуточное положение. Указанная манера характерна не только для изображения взрослых птиц, но и птенцов.

Изобразительное искусство древних оленеостровцев по своему содержанию и форме было сходно с изобразительным искусством людей неолитической эпохи, населявших как территорию современной Карелии, так и всю лесную полосу, лежащую от нее к востоку, — Урал и Сибирь. Общность прослеживается в выборе центрального сюжета и в манере исполнения. Достаточно напомнить превосходные скульптурные изображения лося из Базаихи, Шигирского и Горбуновского торфяников, а также наскальные изображения долины Ангары. Подобная общность не может рассматриваться как результат случайного совпадения, она отражает определенную ступень общественного развития, сходство природных условий, единство экономики и в основном одинаковое мировоззрение.

В искусстве древних обитателей побережья Онежского озера, хоронивших своих сородичей на Оленьем острове, а также оставивших изображения на прибрежных гранитных скалах, отразились и определенные религиозные представления — круг идей, связанных с ошибочным пониманием сущности взаимоотношений между человеком и животным миром. В этом случае созданные образы служили цели обеспечить человеку удачу промысла.

Судя по многочисленным наблюдениям этнографов, подобные изображения играли немаловажную роль в обрядовых действиях столь характерных для людей, стоявших на низкой ступени культурного развития.

Отмечая известную связь изобразительного искусства древних оленеостровцев с религиозными представлениями, следует подчеркнуть, что по своим задачам и функциям оно было значительно сложнее, чем простое служение обрядовым действиям. В нем отразились мировоззрение народа, его наблюдения и познания природы, художественные навыки и эстетические запросы.

Сравнивая скульптурные изображения людей и животных, найденные в Оленеостровском могильнике, нельзя не заметить, что животные трактованы более реалистично. В антропоморфных фигурах отсутствует единообразие исполнения: детали тела женской фигуры геометризваны, мужская фигура чрезмерно уплощена. Это несовершенство, свойственное антропоморфной скульптуре, мы наблюдаем и в наскальных изображениях, где рисунки животных выполнены с гораздо большей точностью, чем рисунки людей.

Причина данного явления, вероятно, кроется не только в сложности изображения человеческого тела, но прежде всего в характере трудовой деятельности человека, заставлявшей его развивать исключительную наблюдательность по отношению к животным (в первую очередь промысловым).

Есть основания предполагать, что предметы, характеризующие искусство древних оленеостровцев, дошли до нас лишь в незначительной части. Наряду с резьбой по кости гораздо большее распространение, вероятно, имела резьба по дереву и деревянная скульптура (как мы можем судить об этом по этнографическим данным). Однако из-за особых почвенных условий образцы последних не сохранились. То же относится к кожаным и берестяным предметам, которые бесследно исчезли. Нет сомнения, что при условии сохранности их мы могли бы иметь более полное представление о степени развития изобразительного искусства у древних жителей Карелии, хоронивших своих сородичей на Оленьем острове.

ВЕРОВАНИЯ

Обратимся теперь к обряду захоронения древних оленеостровцев и попытаемся на основании его составить некоторые суждения об их религиозных представлениях.

Источником для нашего понимания верований и культа, существовавших у древних оленеостровцев, могут служить: а) погребальный ритуал — месторасположение могильника и характер сопровождающего инвентаря (в частности предметы искусства); б) сравнительный материал, который мы можем почерпнуть в наскальных изображениях Онежского озера и Белого моря и, в особенности, в этнографической литературе. Значение этнографических материалов для понимания сущности археологических фактов, связанных с религиозными воззрениями древнего населения, неоспоримо. Фактический материал, получаемый в результате раскопок, в частности могильников, может быть правильно понят лишь в свете этнографических данных.

Л. Я. Штернберг писал по этому поводу: «В новейший период доисторических времен, в период полированного камня, мы находим уже некоторые памятники религиозных верований — могильники, амулеты, но объяснение их приходится искать в психике ныне живущих первобытных племен, многие из которых до сих пор являются еще живыми представителями этой формы культуры, бывшей некогда всеобщей».¹

В основе погребального ритуала древних оленеостровцев лежали анимистические представления и вытекающая отсюда убежденность в продолжении жизни человека после его смерти. Именно вера в загроб-

ную жизнь порождала все конкретные особенности погребального ритуала: характер захоронения покойников, наличие красной краски, состав сопровождающих вещей и т. д.

Со смертью человека, по представлению отсталых народов, не кончается его существование, а лишь переносится в другой мир, жизнь в котором нередко имеет полное или почти полное повторение жизни на земле.

Нивхи считали, например, что в загробном мире «все как и у нас: такая же земля, такое же небо, море, реки, леса, только солнце светит там, когда у нас ночь, а луна, когда у нас день. Ожившие покойники продолжают там жить в таких же селениях, как на земле, ловят рыбу, бьют зверей, устраивают родовые праздники, женятся и плодятся».¹

По понятиям нанайцев, «в загробном мире они будут жить так же, как и на земле: каждый в своей фанзе, с своей утварью, в своей семье».²

Загробная жизнь, по представлению эвенков, есть только продолжение земной... Покойники в этих мирах находят своих родных, живут семьями, имеют олений скот и, как уже было упомянуто, живут жизнью, мало чем отличающейся от настоящей.³

В представлении негров Золотого берега мир, в который попадают умершие, тождественен земному, с той лишь разницей,

¹ Л. Я. Штернберг. Гиляки. Этнограф. обзор., кн. 61, 1904, стр. 53.

² П. П. Шимкевич. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., 1896, стр. 15—16.

³ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, 1917—1922, стр. 97—98.

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 1.

что реально существующее на земле там приобретает бестелесную форму. Горы, реки, леса, вся окружающая природа умирает как же, как человек, и подобно человеку отправляется в потусторонний мир, животные после смерти превращаются в духов, питающихся душами тех же объектов, которые служили им пищей на земле.¹

Исходя из идеи продолжения жизни после смерти, древние оленеостровцы хоронили своих сородичей в земле, заботясь тем самым о сохранении целостности тела умершего.

Это стремление к сохранению целостности костей человека подтверждается многочисленными этнографическими примерами.

Самое ужасное для покойника, в представлениях многих народов, «когда с его костями поступают непочтительно или уничтожают их».² У австралийского племени Luritcha существовал обычай, по которому кости врагов уничтожались, чтобы враги не могли воскреснуть и вновь причинить вред.³

Но древние оленеостровцы не только старались сохранить целостность умершего сородича, но и наделяли его всем, что было необходимо при жизни. Вот почему подавляющее большинство захоронений могильника имело значительный по количеству и разнообразию сопровождающий их инвентарь.

Прежде всего возникала наиболее важная задача — снабдить умершего орудиями труда, обеспечивавшими ему добычу средств существования при жизни на земле. Поскольку древние оленеостровцы были охотниками и рыбаками, с умершим клали охотничье-рыболовческий инвентарь, куда входили различной формы наконечники стрел, иногда заполняющие целые колчаны, кремневые и сланцевые ножи, рыболовные крючки и т. д.

Обычай наделять умершего различным инвентарем прослеживается, как известно, начиная с эпохи палеолита. Объяснение этому мы находим в этнографии.

Н. Ф. Катанов указывает, например, что причиной широко распространенного среди народов Урало-алтайской семьи обычая погребать вместе с покойником и его

вещи служила глубокая вера, «что загробная жизнь есть продолжение настоящей».¹

У нанайцев на могилу покойника клали вещи, составлявшие личное имущество умершего. Если это был мужчина, то на деревьях развешивалась его одежда, а на земле клались оморочка с веслами, нарты, лыжи и некоторые орудия рыболовства и охоты; если это могила женщины, то на деревьях развешивалась ее одежда, а на самой могиле клался берестяной рабочий короб с иглками, нитками, лоскутами и т. п. На детских могилах клались, кроме одежды, нередко игрушки.²

Аналогичный обычай существовал и у телеутов,³ юкагиров,⁴ якутов.⁵ Ханты в могилу с покойником зарывали нарты с упряжкой оленей, трубку с табаком и огнивом, а также котел и другие хозяйственные принадлежности, «необходимые» умершему в загробном мире.⁶ Ненцы в могилу умершего мужчины наряду с одеждой, чашкой и ложкой клали ружье, хорей, сани, топор, нож и другие необходимые для промысла предметы, а вместе с женщиной — те же чашку с ложкой и, кроме того, наперсток, иголки, котел и прочие женские хозяйственные вещи.⁷

Наделение покойников необходимыми при жизни вещами наблюдалось и у чукчей.⁸ У якутов закапывали в могилу не только одежду и вещи, но и пищу — масло, табак, а позже даже металлические деньги.⁹

Приведенные примеры можно было бы значительно умножить, но достаточно сказать, что трудно найти народ, у которого не существовало бы обычая класть вещи с покойником, обычая, вытекающего из представления о загробном мире как прямом продолжении жизни на земле.

¹ Н. Ф. Катанов, ук. соч., стр. 110.

² И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские, стр. 287—289.

³ А. В. Анохин. Душа и ее свойства в представлении телеутов. Сб. МАЭ, т. VIII, 1929, стр. 260, 262.

⁴ В. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I. СПб. 1900, стр. 233.

⁵ Н. Щуккин, ук. соч., стр. 31.

⁶ В. Шавров. О шаманах остяцких. Москвитянин, 1844, ч. I, № 1, январь, М., 1844, стр. 297.

⁷ В. Иславин, ук. соч., стр. 136.

⁸ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, стр. 183.

⁹ А. А. Попов. Материалы по истории религии якутов. . . , стр. 307.

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 334.

² Там же, стр. 302.

³ Там же.

Подобно многим отсталым народам древние оленеостровцы заботились о том, чтобы близкий им человек явился в новый мир нарядно одетым, поэтому его костюм украшали всеми доступными для них средствами — подвесками из кости, резцами лося, клыками медведя и пластинками из резцов бобра. Как известно, для большинства народов характерно стремление надеть на покойника лучшие его одежды (обычай, сохранившийся и в наши дни). У многих северных племен, в частности у иганасанов, свадебный и погребальный наряды тождественны.¹ Для изготовления похоронного костюма коряки, например, работали годами. Именно этим, вероятно, прежде всего можно объяснить находки обильных украшений одежды в могилах древних оленеостровцев.

Как указывалось выше, значительное количество погребений Оленеостровского могильника в большей или меньшей степени были засыпаны красной охрой. О значении охры в верованиях первобытного человека было высказано много суждений, что вызывалось широким ее применением у народов, территориально и по времени далеко отстоящих друг от друга.

В. А. Городцов рассматривал охру, которой засыпали покойников в эпоху бронзы, как символ огня — источник света и тепла.² На значение охры в погребальном ритуале первобытного человека указывает П. П. Ефименко.³ Широкое применение засыпки красной охрой погребений китойского этапа отмечено А. П. Окладниковым.⁴ На роли охры в ритуале древних захоронений останавливается М. Е. Фосс. По ее мнению,⁵ души умерших, сохраняющие в представлении первобытных людей вкусы живых, нуждались в краске, так же точно, как нуждались в ней и живые люди.

Все высказывания по вопросу о значении охры можно свести в основном к двум положениям — охра являлась символом крови или символом огня. Вероятнее всего, что оба эти понятия не исключали, а дополняли

друг друга. Охра у целого ряда народов выступает как символ жизни. Из представлений отсталых народов о связи красной охры с кровью вытекало, например, применение ее в народной медицине, а также в ряде обрядовых действий.

Большое значение охры в представлении древнего населения Карелии не вызывает ни малейших сомнений. Об этом свидетельствует не только большое количество ее в погребениях Оленеостровского могильника, но и в многочисленных карельских стоянках.

Помимо насыщенности охрой культурного слоя карельских стоянок, придающей ему особый красноватый оттенок и позволяющей выделять карельские стоянки из всех неолитических стоянок прочих районов, на поселениях нередко встречаются небольшие ямки, заполненные чистой охрой. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о широком ее применении в быту древнего населения Карелии, повидимому, для украшения тела человека, его одежды и даже посуды; последнее весьма часто наблюдается в ранних неолитических памятниках.¹

Оленеостровский могильник показывает, что немалое значение имела охра и в верованиях древнего населения Карелии. Для древних оленеостровцев применение красной охры приобретало, повидимому, совершенно определенный и весьма важный смысл.

Так, в погребении № 27, в могильной яме, около костяка, было обнаружено небольшое скопление камней, выложенных в виде круга, внутри которого находилась охра. По форме оно живо напоминает типичные очаги, какие встречаются на стоянках. Насыпанная внутри его охра должна была символизировать огонь. В правильности понимания данного скопления камней как символического очага убеждает нас второе сооружение, встреченное в погребении № 25, представлявшее собой углубление размером 0.30×0.40 м, заполненное охрой и мелкими пережженными костями животных и птиц. Сочетание охры и пережженных костей не оставляет сомнений, что в этом случае перед нами имитация костра несколько иной формы, чем в погребении № 27, но тем не менее часто встречаемого в карельских неолитических стоянках.

¹ А. А. Попов. Иганасаны, рис. 63, табл. 32—35.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований... стр. 191.

³ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 410.

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 408.

⁵ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 85

¹ Внешняя поверхность сосудов с орнаментом типа «сперринге» часто имеет окраску охрой.

Оба приведенных случая указывают на то, что в представлении оленеостровцев красная охра являлась символом огня.

В этой связи уместно вспомнить особое сооружение, подобное встреченному в погребении № 27, обнаруженное при раскопках стоянки Оров-Наволок на северо-восточном побережье Онежского озера. В некотором отдалении от ряда стоянок,¹ на вершине скалистого берега, круто обрывающегося к озеру, был найден небольшой полукруг, сложенный из камней и заполненный ярко-красной охрой. Культурного слоя не прослеживалось; лишь в непосредственной близости от указанного сооружения наблюдалась легкая окрашенность земли красной охрой. Из находок было обнаружено только два фрагмента раннеолитической керамики типа «сперрингс».

Особое расположение данного комплекса на вершине горы, характер самого сооружения, равно как и отсутствие культурного слоя, заставляют видеть в данном пункте место, где, вероятно, совершались культовые обряды.

Рассматривая религиозные воззрения ряда северных народов, этнографы часто отмечают то огромное значение, какое имеет среди них огонь. Он почитается всеми, его оберегают от малейших «осквернений», ему приносят жертвы. Существует особый культ огня. У юкагиров «хозяин» огня считается покровителем семьи,² у нивхов — рода.³ По мнению последних, божество огня является родоначальником данного рода. Это божество, не только греющее человека, но посредничающее между сородичами и между родом и многочисленными божествами. Перед всеми важными событиями, в том числе и перед охотой, нивхи бросают в огонь жертву и просят о помощи.

Каждый род имеет родовое огниво, хранящееся у старейшины. От него зажигаются костры, горящие на родовом празднике. При делении рода и необходимости одной из частей его переселиться в отдаленные места старейшина ломает родовое огниво и вру-

чает половину старейшине отпочковавшейся части рода. Только после этого род считается формально разделенным.

Мы не можем, конечно, разгадать всей глубины смысла совершаемого обряда, связанного с устройством очагов в погребениях Оленеостровского могильника, но сам факт сооружения очага в могиле уже говорит о том, какое огромное значение придавали огню древние оленеостровцы. Ясно и то, что подобный очаг не имел здесь никакого практического смысла, т. е. не мог являться, например, остатками тризны, поскольку это был всего лишь символ очага.

Не пытаясь делать сколько-нибудь определенных выводов, не могу не указать вместе с тем на один интересный факт. При рассмотрении отмеченных выше погребений №№ 25 и 27 обращает на себя внимание известная оригинальность погребального обряда, выделяющая их из прочей массы захоронений. Особенно это относится к погребению № 25.

Прежде всего бросается в глаза необычайная поза покойника. Скелет был сильно согнут — верхняя часть туловища и голова находились в горизонтальном положении, кости же рук от локтя шли вниз, ноги опущены в яму. К числу особенностей погребения следует отнести и исключительное обилие охры — она заполняла всю засыпь могильной ямы, начиная от дневной поверхности. Среди весьма многочисленного инвентаря, сопровождавшего покойника, встречен своеобразный наконечник стрелы (единственный экземпляр этого типа, найденный в могильнике) и челюсть собаки.

Второе погребение, № 27, хотя и не имело инвентаря, но также отличалось от других захоронений — оно занимало центральное место по отношению к двум другим костякам, погребенным одновременно с ним.

Своеобразие погребального ритуала захоронений, сопровождавшихся «очагами», приводит к мысли, что погребенные здесь люди выделялись из остальной массы сородичей и, возможно, имели какое-то особое, более близкое отношение к огню.

Присутствие охры в Оленеостровском могильнике сближает в этом плане данный памятник с другими могильниками, в частности с погребениями в Кубенино,¹ Кара-

¹ Н. Н. Г у р и н а. Поселения эпохи неолита и раннего металла. . . , стр. 118 и сл. См. также материал вновь открытых в 1953 г. стоянок, хранящийся в ЛОИИМК.

² W. Jochelson. The Yukaghir and the Yukaghirised Tungus. (Jesup North Pacific Expedition, v. 9). Leiden—N.-Y., 1920—1924. стр. 150, 152.

³ Л. Я. Ш т е р н б е р г. Гиляки, стр. 72—74.

¹ М. Е. Ф о с с. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 85.

ваихе,¹ Мариуполе,² Криволучье,³ а также с захоронениями эпохи палеолита. Прямой аналогией могут служить погребения китойского времени,⁴ что должно свидетельствовать об общих воззрениях и культовых обрядах древних оленеостровцев и древнего населения Сибири, хоронивших своих близких в могильниках китойского этапа.

При рассмотрении состава костного материала, сопровождавшего захоронения Оленеостровского могильника, обращает на себя внимание отсутствие крупных костей животных. В погребениях представлены лишь зубы без челюстей, копыта без фаланг, отдельные фаланги или отдельные челюсти мелких животных (например бобра и собаки).

Характер костей говорит о том, что они не могли служить «пищей» покойнику, поскольку не были покрыты мясом. Такой подбор костей (зубы, копыта, фаланги, челюсти) и отсутствие на них царапин или других следов повреждений показывает, что для их отделения от соседних костей (например, чтобы вынуть зубы из челюсти) мясо животных необходимо было предварительно сварить. Это наводит на мысль, что кости могли являться остатками тризны по умершему, которую совершали над ним его сородичи. Мясо животного съедалось, а часть костей (обычно небольшая, по особому отбору) хоронилась с умершим.

Повидимому, в представлении древних оленеостровцев, как и в представлениях ряда культурно отсталых народов, определенная часть того или иного предмета могла выступать в качестве «заместителя» целого. «Среди частей тела, — пишет Л. Я. Штернберг, — есть такие, которые особенно привлекают к себе внимание примитивного человека».⁵ Возможность замены целого животного частью его признавалась, например, эвенками. Звериные шкурки, зубы, челюсти и другие части тела выступали у них как «заместители» реальных животных. Совершая магический обряд над ними, эвенки тем

самым считали, что зазывают под выстрел реально существующих животных.¹

Особо важными частями, заменявшими собой целых животных, древние оленеостровцы подобно приаянским эвенкам считали, видимо, зубы, копыта и челюсти. Захоронение их с покойником вызывалось стремлением обеспечить сородича в загробном мире необходимой пищей в виде животных, на которых он мог бы охотиться. Однако для того, чтобы животные могли следовать за умершим человеком, необходимо было произвести их насильственное умерщвление.

С точки зрения первобытного человека, то или иное повреждение сопровождающих покойника предметов — животных или орудий — совершенно необходимо. Все принадлежащие умершему вещи должны следовать за ним в загробный мир, но возродиться в том мире они могут лишь при условии, если подобно их владельцу, «умрут», т. е. станут такими же, каким стал их хозяин.

Представление о необходимости захоронения с покойником не целых, а поломанных («умерщвленных») вещей, по аналогии с умерщвленными животными, имеет у отсталых народов широкое распространение. В. И. Алучин указывает, что у кетов раньше покойников хоронили в ветках (маленьких лодках) или в нартах, причем положенные с покойником вещи, так же как нарту или лодку, предварительно ломали.² Подобный обычай существовал у нанайцев — вещи не клали целыми, а предварительно ломали и рвали.³ Наконец, у ряда народов покойнику не только давались предметы обихода, но и уничтожались даже деревья, сжигались жилища, и все это для того, чтобы они отправлялись вслед за умершим в страну мертвых и служили ему.⁴

Судя по ряду наблюдений, следует полагать, что подобное воззрение существовало и у древних оленеостровцев. Большое число костяных наконечников в могильнике обнаружено без кремневых носков, которые должны были вставляться в них, что указывает на умышленную поломку орудий. Об

¹ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. . . , стр. 51.

² М. Макаренко, ук. соч., стр. 14.

³ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, стр. 7—8.

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 407.

⁵ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 298.

¹ А. Ф. Анисимов. Представление эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии. Сб. МАЭ, XII, 1949, стр. 167.

² В. И. Алучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 12.

³ И. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские, стр. 289.

⁴ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 330.

этом же говорят и находки предметов, не только фрагментированных (последние легко могли сломаться случайно под тяжестью земли), но с недостаточностью отдельных частей, примером чего может служить хотя бы наконечник гарпуна (с просверленным отверстием) из погребения № 100, состоящий из двух не соединяющихся между собой кусков.

Вместе с тем многие орудия, изготовленные из камня (в частности наконечники стрел и ножи), были найдены целыми, однако, порча их могла не касаться части, изготовленной из камня, а переносилась, например, на деревянное древко или костяной стержень. Помимо того, быть может, достаточно было отчленив их от древка, с которым они скреплялись в обычное время, чтобы считать орудие поломанным.

Месторасположение могильника на острове, где совершали захоронения своих сородичей люди, заселявшие сравнительно большую территорию, проливает свет еще на одну черту религиозных воззрений древних оленеостровцев — представление о связи загробного мира с водным пространством.

Подтверждением расположению захоронений на севере, в древности, непременно на острове может служить могильник на Оленьем острове Баренцова моря, являвшемся лишь местом для погребения умерших. Само поселение, связанное с могильником, занимало другой большой остров, лежащий подобно Клименецкому вблизи материка. Таким образом, и в этом случае мир мертвых и живых был разделен водным пространством, недоступным для пешего перехода.

Существование у древнего населения Карелии представления о том, что мир мертвых находится «за водой», отражает и карельский эпос Калевала, сохранивший в себе древние основы.

Так, в руне XVI рассказывается о путешествии героя Калевалы — старого Вейнемейнена — в подземное царство Туони с целью отыскать там три магических слова, необходимых ему для завершения начатой постройки лодки. Это царство он находит на острове Маналы. Увидя дочь Туони, Вейнемейнен обращается к ней с такими словами:

«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Через пролив туда добраться».

На это обращение дочь Туони отвечает:

«Пригоню сюда я лодку,
Если скажешь ты причину,
По какой пришел к нам в царство,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный».

Вейнемейнен старается скрыть истинную причину своего посещения, ссылаясь на то, что его принес сам Туони (т. е. что он умер естественной смертью), что его привело железо (т. е. что он умер в бою), что его привела вода (т. е. что он утонул), что его доставил огонь. Дочь Туони последовательно каждый раз изобличает его во лжи, указывая на отсутствие признаков того или иного вида смерти, чем, в конце концов, и вынуждает Вейнемейнена открыть истинную причину своего прихода, после чего

«Дочка Маны едет в лодке,
Вейнемейнена сдого
Через пролив переправляет,
Перевозит через реку».

Как следует из приведенных отрывков Калевалы,¹ загробный мир, по мнению древних карел, находился в подземном царстве, куда путь лежал через реку.

Не традициями ли, рожденными древними представлениями, следует объяснять неизменное расположение современных кладбищ в Карелии на островах или в непосредственном соседстве с водой — на берегу озер?

Причина представлений древних оленеостровцев о том, что загробный мир должен находиться «за водой» лежала, по всей вероятности, в их экономике. Благополучие людей находилось в прямой зависимости от озера: оно доставляло пищу и служило лучшим путем передвижения. Поскольку загробный мир являлся прямым продолжением мира земного, реального, он связывался с водой и помещался в близком от нее расстоянии. Конечно, эта зависимость религиозных представлений от экономики не была прямой, а приобретала искаженный, фантастический характер.

Лучшим доказательством связи древних захоронений с водой в том случае, если при жизни рыболовство играло заметную роль

¹ Калевала. Карело-финский эпос. Руна XVI. Перевод Л. П. Бельского, М., 1949, стр. 166—168.

в экономике населения, могут служить могильники китойского и глазковского этапов Сибири, где покойники ориентированы ногами к реке.¹

Река или иной водный источник почти у всех народов обязательно лежит на пути в загробный мир. Эта черта мировоззрения сохраняется очень долго, даже в том случае, когда другие элементы верований уже преобладают существенные изменения.

Так, например, у юкагиров, по существу в прошлом воззрению души умерших жили за рекой, в стране теней. В якутском фольклоре говорится, что души умерших отправлялись по реке мертвых вниз по течению. По представлению долган, умершие уплывали в нижний мир по реке или морю болезней.² Убеждение, что загробный мир находится «за водой», породило в свое время обычай хоронить покойников в лодке, известный у манси, хантов,³ якутов⁴ и эвенков. Любопытное захоронение наблюдал, например, В. А. Приклонский на острове Сагастыре, где покойников хоронили в лодках, кладя вместе с ними весла и ковш для вычерпывания воды. Захоронение в лодках наблюдалось и у удэгейцев.

Абсолютное большинство погребенных в Оленеостровском могильнике лежало головой на восток, с небольшим отклонением в ряде случаев к югу или северу.⁵ Существенно отметить при этом, что захороненные обращены ногами в сторону Клименецкого острова, наиболее вероятного места поселения древних оленеостровцев.⁶

Ориентировка головой на восток, распространенная у многих народов и просле-

живаемая в ряде археологических памятников (например, большая часть захоронений Мариупольского могильника), указывает еще на одну черту в религиозных представлениях древнего населения Заонежья — особое почитание востока как страны восходящего солнца, страны света и тепла, столь необходимого в условиях сурового севера.

Наблюдаемые в Оленеостровском могильнике небольшие отклонения в ориентировке покойников от востока следует связывать с захоронением в различное время года. Укладывая умершего головой прямо в направлении восхода солнца, оленеостровцы естественно не могли не отклоняться от востока в ту или другую сторону. Исходя из этого, группу погребений, ориентированную на северо-восток, следует считать захороненной весной и соответственно группу, ориентированную головой на восток,¹ — летом, группу, ориентированную головой на юго-восток, — осенью, ближе к зиме. Что касается зимних захоронений в могильнике, то, с моей точки зрения, вряд ли они были возможны. Слишком трудно было вырыть в сильно промерзшем грунте достаточно глубокую могилу и укрепить ее камнями при тех примитивных орудиях, которыми владели древние оленеостровцы. Нельзя забывать и того обстоятельства, что вся площадь могильника была зимой покрыта толстым снежным покровом, который должен был скрыть надмогильные знаки, если они не были очень высокими. В случае захоронения зимой перекрытие одних могил другими явилось бы правилом, тогда как их следует считать исключением. Кроме того, имеется ряд впускных погребений, точно совпадающих по ориентировке и не нарушающих целостности скелета, захороненного ранее.

Не исключена возможность, что умершие зимой оставались не погребенными до весны, подобные случаи зафиксированы этнографами у ряда народов.

Как мы могли видеть, среди инвентаря, сопровождавшего погребения в Оленеостровском могильнике, прежде всего обращает на себя внимание огромное количество украшений из зубов лося, медведя и бобра. Наряду с этим в некоторых захоронениях были встречены скульптурные изображения лося и змеи. Все это дает основание считать, что в круге верований древних оленеостровцев большое место занимал культ животных.

¹ А. П. Окладников. 1) Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 371; 2) Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1 (2), 1938, стр. 254.

² Устное сообщение А. А. Попова.

³ В. И. Анучин. Очерки шаманства у енисейских остяков, стр. 12.

⁴ В. А. Приклонский. Похороны у якутов в северной части Якутской области. Сибирск. сб., вып. 1, 1890, стр. 7.

⁵ Только в одном случае (погр. № 89) ориентировка скелета была обратной всем остальным, т. е. головой на юго-запад.

⁶ Л. Я. Штернберг отмечает отчетливо выраженную стабильность погребального ритуала, являющегося в связи с этим важным этнологическим признаком. Ориентировка погребений в большей мере связана, по его мнению, с представлением людей о местонахождении их родины, откуда переселился народ (Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 324).

Культовые животные, как устанавливает этнографы, является одной из древнейших форм религиозных верований первобытного человека, уходящей своими корнями в эпоху палеолита. В основе этого культа лежит слабость положительных человеческих знаний, приводящая к невозможности расчленения мира.

Не понимая действительной причинной связи явлений, первобытный человек часто наивно соединял два последовательных по времени события. Не накопив достаточного опыта для объяснения происходящих вокруг фактов, он шел по пути сопоставления их с собой, двигаясь, таким образом, от известного к неизвестному. Первобытный человек наделял неживую и живую природу всеми теми чертами, каким обладал он сам — человек. Окружавшие его животные были теми же людьми, принявшими лишь иной образ. Они обладали такими же привычками, чертами характера и нередко были гораздо сильнее самого человека.

Следует иметь в виду, что религиозные представления первобытного человека не могли вместе с тем не носить на себе определенного отражения конкретных, реально существовавших условий материальной жизни людей.

Наибольшее значение в экономике древних оленеостровцев, как мы выяснили, имела охота, главным образом на лося, который и занял в культе животных первенствующее положение. Это подтверждается наличием в погребениях большого числа его костей и, что особенно важно, огромного количества подвесок из резцов этого животного и скульптурных его изображений.

Поскольку, помимо резцов лося, в качестве подвесок использовались также пластинки из резцов бобра и клыки медведя, следует сделать вывод, что и данные животные почитались древними оленеостровцами.

Наиболее часто древние оленеостровцы носили зубы-подвески в виде ожерелья на груди (в особенности клыки медведя), составляли из них пояса и головные уборы или нашивали на рукава и другие части одежды. Смысл таких украшений должен был выходить из рамок чисто эстетических потребностей человека. Последние могли проявляться в характере расположения зубов на одежде, в ритмическом их чередовании и заметной симметрии, однако, само содержание, вкладываемое в данное украшение,

имело другой, более глубокий смысл. По всей вероятности, они отражали определенные черты верований древних оленеостровцев.

Среди огромного количества племен, находившихся на различных ступенях развития, использование в качестве ожерелья или нашивок на одежду частей убитых животных (зубов, костей или высушенных отдельных частей тела) имело исключительно широкое распространение. Они являлись прежде всего амулетами, оберегающими людей при жизни на земле и в загробном мире. Амулеты-обереги достаточно отчетливо выступают уже в палеолитических погребениях Мальты,¹ Костенок² и др., сопутствуют многим неолитическим захоронениям — в Кубенине,³ Мариуполе,⁴ Нальчике,⁵ Вестерберге,⁶ Тамуле,⁷ в могильниках Сибири,⁸ а также в фатьяновских погребениях,⁹ Оленеостровском могильнике Баренцова моря¹⁰ и др.

Вместе с тем носимые в качестве подвесок части животных имели функцию не только оберегов, но часто служили и магическими предметами, способствующими успеху промысла. Естественно, что особенно широкое использование их с этой целью наблюдалось у охотничьих племен, вследствие чего они и удержались очень долго у северных народов.

Чукчи привязывали амулеты к различным охотничьим и рыболовным орудиям. Так, к тюленьей сети, например, прикреплялись деревянные фигурки этих животных в целях обеспечить лов тюленей.

Обычай хранить резцы от каждого убитого дикого оленя, чтобы иметь удачу во время охоты на него, известен у эскимосов

¹ М. М. Герасимов, ук. соч., стр. 26—30.

² Раскопки А. Н. Рогачева погребения на стоянке Костенки XV в. 1952 г.; материал хранится в ЛОИМК.

³ М. Е. Фосс. Погребение на стоянке Кубенино, стр. 77.

⁴ М. Макаренко, ук. соч.

⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 67—146.

⁶ М. Stenberger, ук. соч., стр. 60—105.

⁷ Л. Янитс. Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСНИМК, XLII, 1952, стр. 53—65.

⁸ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, стр. 273.

⁹ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 72.

¹⁰ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла. . . , стр. 374.

Берингова моря и саянских эвенков.¹ «По сведениям, сообщенным А. П. Окладниковым, им была найдена в Сиктяхе, в старом амбаре, сумка из шкуры дикого оленя с нашитыми на нее резцами дикого северного оленя. Внутри сумки помещался кусок оленьего рога... По объяснению саянских эвенков, резцы каждого убитого оленя хранили, чтобы иметь удачу в охоте на оленя».²

В этой связи нельзя не вспомнить расположение резцов лося в погребении № 61,

Рис. 124. Положение пластинок из резцов бобра в погребении № 100.

правильным рядом окружавших сланцевый нож и клык медведя — атрибуты медвежьей охоты. Судя по расположению, они были нашиты на охотничью сумку и в виде бахромы спускались по ее краю.

У древних оленеостровцев зубы лося употреблялись в качестве амулетов не только мужчинами, но и женщинами, причем у последних чаще всего они находились на поясах, тогда как у мужчин в большинстве случаев нашивались на рукава и на грудь. Интересно отметить в качестве аналогии пояса на женских погребениях в могильнике Вестербьерса,³ имеющие форму, близкую к оленеостровским, но составленные из зубов тюленя.

Употребление подобных поясов известно и в этнографии. Эскимосский пояс, по описанию М. В. Степановой, состоит из трех кус-

ков ремня, вырезанных из кожи морского животного и скрепленных между собой; к нему пришиты рядами (иногда перекрывая друг друга) 149 комплектов нижних резцов северного оленя, снятых с животного полностью, вместе с частями мягкой ткани, согласно описанию Нельсона, такой пояс охватывает нижнюю часть бедер, а оба его конца свободно спускаются от поясицы.¹

Эскимосская женщина носила эти фетиши для того, чтобы мужчинам ее семьи и будущему сыну сопутствовал большой успех в охоте.² Повидимому, близкий к этому смысл имело и употребление поясов из резцов лося оленеостровскими женщинами, как правило, не игравшими большой роли в охоте.³

Ношение зубов различных животных древними оленеостровцами преследовало, вероятно, и другую цель — подчеркнуть умение и сноровку, силу и ловкость его как охотника. Различное количество таких охотничьих трофеев, по всей вероятности, соответствовало той или иной мере ловкости

и удачливости охотника, а следовательно, и определяло положение его в родовой организации. Как пишет М. В. Степанова, у эскимосов «накопление частей охотничьей добычи имело целью поднять социальный престиж охотника».⁴ Эскимос с юношеских лет сохранял частицы своей охотничьей добычи.

Помимо зубов лося, клыков медведя и пластинок из резцов бобра, составляющих иногда целое ожерелье (рис. 124), особое

¹ E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology, Annual Report, 18, Washington, 1899, p. 59.

² М. В. Степанова, ук. соч., стр. 65.

³ Следует заметить, что клыки медведя и резцы лося встречаются и в детских погребениях — цель их также придать силу и удачу будущим охотникам. Подвески из клыков медведя, составлявшие иногда целые ожерелья, как, например, в погребении № 46, встречаются в женских захоронениях значительно реже, нежели в мужских.

⁴ М. В. Степанова, ук. соч., стр. 66.

¹ М. В. Степанова, ук. соч., стр. 66.

² Там же.

³ M. Stepanberg, ук. соч., стр. 60—105.

место древние оленеостровцы отводили бобровым челюстям. Во всех случаях — это нижние челюсти, с сохранившимися в них резцами. Так, в погребении № 100 найдено шесть экземпляров с прорезанными в задней части отверстиями, служившими для подвешивания челюстей (рис. 125). Уместно

животного (тотема). Такой же головной убор воина, с клювом птицы спереди, встречался у даяков Борнео.¹

Рис. 125. Положение челюстей бобра в погребении № 100.

заметить, что именно челюсти (правда, других животных) являлись обычно атрибутом шаманского костюма, например у тлингитов¹ (рис. 126, 127).

О значении бобра в религиозных представлениях древних оленеостровцев свидетельствует и факт использования пластинок из его резцов в качестве украшений головных уборов, наиболее ярким примером чего является погребение № 115.

По сведениям Л. Я. Штернберга, айны, даяки и жители острова Формозы (Тайвань) в торжественных случаях носили особые головные уборы, на которых укреплялись изображения или части тела почитаемого

Рис. 126. Костюм тлингитского шамана.

Вероятно, бобр, привлекая к себе внимание оленеостровцев прежде всего как объект охоты, благодаря его теплой, мягкой

¹ С. А. Ратнер - Штернберг, ук. соч., стр. 113.

¹ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, пигидальцы, айны, стр. 581.

и красивой шкурке, не мог не возбудить у них и известного любопытства строительством своих плотин из крупных деревьев, перегораживающих реки.

Обитателю Заонежья, вынужденному самому соорудить всевозможные заборы и

Рис. 127. Часть одежды тлингитского шамана.

заколы для ловли рыбы, не могла не броситься в глаза шноровка этих животных.

Как известно, использование челюстей бобра в качестве амулетов наблюдается в ряде археологических материалов (рис. 128).

Значительное место в культе животных у древних оленеостровцев занимал медведь. Доказательством этого, помимо наличия его

костей, служит большое количество клыков, встреченных во многих захоронениях, а также фаланга медведя с кольцевой зарубкой (подвеска), найденная в погребении № 125.

Широкое распространение культа медведя среди охотничьих народов севера — явление, всем известное. «Медведь — единственное животное, по отношению к которому енисеец проявляет видимое почтение. Когда удается добыть медведя, всегда устраивается особое празднество»,¹ — сообщает В. И. Анучин. О наличии культа медведя у народов

Рис. 128. Подвески из резцов и челюстей бобра из Оленеостровского могильника Баренцова моря.

Сибири говорят и многие другие исследователи. Н. Гондатти пишет, например: «Едва ли не самым важным событием в жизни инородца северо-западной Сибири является охота на медведя, особенно, если она кончается удачно, что бывает почти всегда: охота эта важна не только как доставляющая шкуру и мясо зверя, но главным образом по тем верованиям и по тем обрядам, которые ее сопровождают».² Во всех случаях медведя убивают с особыми предосторожностями, снятие шкуры производится очень аккуратно, из боязни нанести животному боль, кости не дробятся, а голова нередко

¹ В. И. А н у ч и н. Очерки шаманства у енисейских остяков, стр. 13.

² Н. Г о н д а т т и. Культ медведя у инородцев северо-западной Сибири. Труды Этнограф. общ. любит. естеств., археолог. и этнограф., кн. 8, М., 1888, стр. 74.

подвергается специальному захоронению. Иными словами, на протяжении всего совершаемого действия постоянно подчеркивается большое уважение к медведю, стремление показать, что убийство его совершено из чувства почтения к нему. Смысл этих обрядов сводится к желанию умиловить медведя и снова вернуть его к жизни, поскольку медведь в представлении примитивных народов не простое животное, а наделенное способностью все видеть и понимать.

Таким образом, почитание медведя является ярким свидетельством некогда широко распространенного культа животных. В этом отношении очень существенно то исключительно большое значение, которое получил медведь в искусстве северных народов.¹ Л. Шренк указывает, что «первое место между животными, идолами, которых гильяки делают из дерева, принадлежит медведю».² Не в меньшей мере это можно отнести к нивхам, нанайцам и ульчам.³ Следует отметить, что у нанайцев, например, разработаны определенные особенности скульптурного изображения медведя в зависимости от смысла, вложенного в ту или иную скульптуру.⁴

Мы не в состоянии утверждать, существовали ли у древних оленеостровцев особые медвежьи праздники, но на основании некоторых фактов можем говорить об их почтительном обращении с убитым медведем: кости его, повидимому, не дробились, клыки вынимались из челюсти без малейших повреждений.

К той же мысли приводит нас и факт постоянного сочетания в погребении сланцевых ножей и клыков медведя. Выше уже было высказано предположение о том, что эти сланцевые ножи, непригодные для использования в качестве орудий нападения или обороны, могли применяться как особый инструмент для снятия шкуры с убитого медведя. Употребление их, быть может,

следует объяснять не только чисто практическими соображениями, но и желанием не причинить убитому медведю „боль“.

Таким образом, по имеющимся материалам могильника, можно сделать вывод, что животными, которым древние оленеостровцы в своих верованиях уделяли особое внимание, были лось, медведь и бобр. То, что все они являлись важными объектами промысла, отнюдь не мешало, а, наоборот, способствовало выделению их из прочей массы зверей. И поскольку первостепенное значение в экономике имел лось, ему по праву принадлежало и первое место в культуре животных.

Важным в этом отношении является указание А. А. Попова¹ на то, что в верованиях долган, связанных с почитанием животных, главное место отводилось оленю соответственно той огромной роли, которую он играл в их хозяйстве. Наоборот, лось почти не нашел отражения в культе, так как он очень редко заходит в пределы районов, населенных долганами, и охота на него не ведется. Олень считался «чистым» животным, имел очень большое значение в шаманстве, ему приписывалась способность исцелять больного человека.

То же самое наблюдалось и у эвенков, у которых, по словам К. М. Рычкова, «наибольшее уважение заслуживает медведь, олень и другие звери, имеющие промысловую ценность. Не меньшим поклоном и почетом пользуется домашний олень. Ему приписываются сверхъестественные свойства, он знает все, предсказывает удачи и неудачи и бедствия».²

О значении лоса в верованиях древних оленеостровцев, помимо его костей и зубов, о чем уже было сказано выше, особенно наглядно свидетельствуют скульптурные изображения (рис. 129—132).

Естественное стремление понять смысл скульптурных изображений лосей уводит нас снова в область этнографии, зафиксировавшей интереснейшие данные из круга религиозных воззрений отсталых в культурном отношении народов.

Исключительно большое значение в этом плане, как мне кажется, имеют верования, связанные с понятием «хозяин», широко известные по целому ряду сибирских на-

¹ С. В. Иванов. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура. Сб. памяти В. Г. Богораза, М.—Л., 1937, стр. 1—45.

² Л. Шренк, ук. соч., т. III, СПб., 1903, стр. 114.

³ С. В. Иванов, ук. соч., стр. 3.

⁴ Главнейшими категориями изображений духов-медведей являются следующие: а) «духи-хозяева» мест и «хозяева» медведей, способствующие успешной охоте и рыболовству, б) духи — покровители и помощники шамана, в) духи болезней (С. В. Иванов, ук. соч., стр. 8).

¹ Устное сообщение А. А. Попова.

² К. М. Рычков, ук. соч., стр. 93.

родов — юкагиров, нивхов, ульчей, нанайцев, эвенков и др. В деталях представление об этих «хозяевах» у каждого народа различно, но основное содержание их сходно. «Хозяева» — это существа, управляющие частями видимой природы. У юкагиров, например, имеется три главных хозяина (*погильпе*) — «хозяин» земли, «хозяин» пресной воды и «хозяин» океана, им подчинены все соответствующие виды животных. Вместе с тем у каждого вида животных в свою очередь есть свой «хозяин» — «держатель» или пастух («держатель» оленей, «держатель» лосей, «держатель» зайцев и т. д.).¹

У нивхов существовало представление о «хозяине» моря — старике, имеющем большую седую бороду, который живет с женой в подводном доме, где у него расставлена различная рыба икра. Время от времени «хозяин» кидает пригоршнями эту икру в море и из нее появляется рыба.²

Представление о «духе-хозяине» мест охоты и промысловых животных, властителе всех зверей и тайги, существовало и у эвенков. Однако образ и местопребывание его носили более расплывчатый характер.

Отношения между «хозяином» и людьми строились на взаимном обмене, люди выделяли ему в виде жертвы определенные продукты, а за это «получали» промысловых животных.

А. Ф. Анисимов, подвергший глубокому анализу представления эвенков, связанных с культом животных,³ устанавливает, что понятие о «хозяине» животных и мест охоты как о духе возникло позже. Первоначально он почитался в неразрывной связи с олицетворением сил природы. Исходной формой «духа-хозяина» промысловых животных и мест охоты было зооморфное существо, и лишь в более позднее время оно стало приобретать антропоморфный облик.

Веским доказательством в пользу этого весьма важного вывода выступает представление эвенков о родовом божестве «хозяйке» земли — *бугады мушун*, — рисующейся им в виде огромных размеров лосихи или самки дикого оленя.⁴ Она является хранительни-

цей стада промысловых животных и от нее зависит, какую часть из них выделить роду.

У долган, по словам А. А. Попова, существовало представление о хозяйке промысловых животных, имеющей облик большого оленя.¹ Народности Амура хозяином гор и тайги считали медведя и к нему обращали свои просьбы об успешной охоте и рыбной ловле.²

Приведенные примеры указывают на большое значение в культе ряда народов таких крупных промысловых животных, как лось, олень и медведь, и на наличие представлений о их родственных связях с данным родом.

Для того чтобы попытаться хотя бы в какой-то мере понять то чувство, какое вызывал лось у древних оленеостровцев, являясь наиболее важным объектом их промысла,³ обратимся к яркому описанию быта сибирских народов, сделанному Ф. Врангелем: «Трудно себе представить, до какой степени, — пишет он, — достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая. Часто с половины лета люди питаются уже древесной корою и шкурами, до того служившими им постелями и одеждою. Случайно пойманный или добытый олень делится поровну между членами целого рода и съедается, в полном смысле слова, с костями и шкурою. Все, даже внутренности и толченые рога и кости употребляются в пищу, потому что надобно чем-нибудь наполнить терзаемый голодом желудок. В продолжение нашего здесь пребывания приход оленей был единственным предметом всех разговоров». Автор описывает далее, какое радостное оживление воцарилось среди туземцев, когда появилось, наконец, огромное стадо мигрирующих оленей, и какой ужас охватил их при известии, что стадо, повидимому, испуганное большим скоплением народа, изменило свой путь и скрылось в горах. «Отчаяние заступило место радостных надежд. Сердце разрывалось при виде народа, внезапно лишенного всех средств поддерживать свое бедственное существование. Ужасна была картина всеобщего уныния и отчаяния. Женщины и дети стонали громко, ломая руки, другие бросались на землю и с воплями взрывали снег и землю,

¹ W. Jochelson, ук. соч., стр. 144—146.

² Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 401.

³ А. Ф. Анисимов. Представление эвенков о шингкэн'ах. . . , стр. 165.

⁴ Там же, стр. 179.

¹ Там же, стр. 182.

² С. В. Иванов, ук. соч., стр. 5.

³ Вес одного лося достигает 565 кг.

Рис. 129. Скульптурное изображение головы лося
из погребения № 153.

Рис. 130. Скульптурное изображение головы лося из погребения № 56.

Рис. 131. Скульптурное изображение головы лося. Номер погребения не известен, н. в.

Рис. 132. Скульптурные изображения лосей из Оленеостровского могильника, II в.

1—2 — погр. № 81; 3 — погр. № 68; 4 — погр. № 82; 5 — погр. № 64.

Рис. 133. Скульптурное изображение змей из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 23; 2 — погр. № 57.

Рис. 134. Скульптурные изображения людей из Оленеостровского могильника.
 1 — погр. № 18; 2 — погр. № 130; 3 — погр. № 23.

как будто приготавливая себе могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, устремив безжизненные взоры на те возвышения, за которыми исчезла их надежда».¹

Следует думать, что нарисованная здесь картина периодических голодовок, наблюдаемых Ф. Врангелем у сибирских народов, страстного ожидания успешного результата охоты и отчаяния, которое охватывало людей в случае неудачи, не в меньшей, а значительно в большей степени переживались и древними жителями побережья Онежского озера. Разница заключалась лишь в том, что наиболее важное значение здесь имел лось как источник пищи, одежды и теплого жилища.

Вместе с тем слабое развитие производительных сил, выражающееся прежде всего в весьма несовершенных орудиях труда, нередко обуславливало неудачу охоты на этого жизненно необходимого животного. Такое бессилие и зависимость древних жителей Карелии от внешних сил природы «толкнуло в этом случае мысль охотника в сторону от его производственной практики, в область иррационального. Подгоняемое чувством отчаяния, мышление охотника теряло под собой практическую ориентацию».²

Отсюда рождалось особое отношение к лосю, чувство зависимости и почитания, наделение его такими разумом и силой, какими он не обладал.

Опираясь на указанные выше представления, наблюдаемые у эвенков и отчасти долган, связывающие образ лося с «хозяйном» промысловых мест охоты и предком рода, законно высказать предположение о наличии близких к ним по смыслу верований и у древних оленеостровцев. Вероятно, в их сознании лось рисовался в виде главного животного, своеобразного «хозяина» над прочей массой зверей, покровителя и, возможно, предка данного рода, обладающего сверхъестественными чертами.

Характеризуя родовую общину, К. Маркс писал следующее: «Условия их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни,

а значит и ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и в народных верованиях».¹

Такое фантастическое отражение реальной связанности людей в производственном процессе и порождало представление о мнимом кровном родстве между людьми и животными.

Археологические материалы, относящиеся к территории, близкой к Карелии по характеру природных условий, а следовательно и образу жизни древних людей, предоставляют возможность подкрепить высказанное здесь положение о наделении лося, в сознании древних оленеостровцев, сверхъестественными чертами.

А. П. Окладников, тщательно изучавший сибирские писаницы, приходит к выводу, что в фигурах лосей, выбитых на камнях, следует видеть не реалистические изображения этих зверей, а образы священных животных, близких к эвенкийским божественным матерям типа *буга энитта*.

Обращаясь далее непосредственно к археологическому материалу Карелии — наскальным изображениям Белого моря мы встречаемся с тем же культом животных и, в частности, с понятием «хозяин» зверей и промысловых мест охоты. Так трактует, с моей точки зрения совершенно правильно, А. М. Линевский фигуру «Беса» на петроглифах Белого моря.² Его антропоморфный образ свидетельствует лишь в пользу более молодого возраста наскальных изображений как археологического памятника по сравнению с Оленеостровским могильником.

Возвращаясь вновь к скульптурным изображениям лосей, найденных в Оленеостровском могильнике, мы не можем пройти мимо представлений тех же эвенков, связанных с понятием о своеобразном помощнике «духа-хозяина» промысловых животных имеет охоты — идоле *бэллэй* или *бараляк*, не имеющем, по словам А. Ф. Анисимова, устойчивой формы и изображаемом или антропоморфно, в виде маленького человечка (без рук), или зооморфно, чаще всего в виде лося. «Но даже в том случае, когда этот идол антропоморфен, он не в состоянии уйти от

¹ Ф. Врангель. Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, ч. II. СПб., 1841, стр. 105—106.

² А. Ф. Анисимов. Представление эвенков о шингкэн'ах. . . , стр. 168.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. Политиздат, 1951, стр. 86.

² А. М. Линевский, ук. соч., стр. 156 и сл.

своей исходной зооморфной формы: ему делают платье из уха медведя, а на голову надевают шапку из наружной оболочки сердца лося или дикого оленя. Этот помощник духа-хозяина мест охоты и промысловых животных окружен соответствующим культом. Его кормят перед началом промысла, бросая маленькие кусочки жира в огонь».¹ Идола развлекают, танцуют перед ним, с помощью его совершают гадания. Он сохраняется в специальной сумке и перевозится на специальном олене. Каждый раз, когда эвенку удается добыть оленя или лося, он украшает идола шапкой, в случае же отсутствия удачи охотник не только не делает ему подарка, но даже нередко избивает его. Почитание идола совершалось в неразрывной связи с образом реального зверя, что проявлялось в определенных обрядах. Так, например, у эвенков охотник, добывший крупного зверя (лося, дикого оленя), отделял у него голову, горло и легкие, нес их в свой чум, клал на коврик, подсовывал вниз помощника — идола *бэллэя* — и затем обращался к голове с просьбой о даровании дальнейшей удачи на промысле, обещал «ласково принимать, угощать и развлекать в чуме будущую добычу». После этого голова и мясо убитого животного варились и поедались, а из оболочки сердца *бэллэю* делалась новая шапка.²

Нам остается неизвестным характер совершавшихся обрядов у древних оленеостровцев, связанных с почитанием лося, но следует думать, что его изображениям отводилась значительная роль. Очень вероятно, что для древних оленеостровцев они также являлись своего рода *бэллэй*, понимаемые как материальный образ, воплощающий в себе почитаемого ими лося, «хозяина» зверей и промысловых мест охоты. В этом случае он не был, конечно, вместилищем «духа», а как бы сливался с образом реального зверя. Это был лишь помощник охотника, обеспечивающий ему удачу в промысле, — своего рода магический предмет, фетиш, или *шингкэн* на языке эвенков.

По всей вероятности, эти предметы занимали важное место в магических действиях, охотничьих танцах, совершаемых с целью обеспечения удачи промысла. По-

следние, как известно, широко практиковались у целого ряда охотничьих племен (долган, ительменов, эскимосов и др.). Особенно большого внимания заслуживает магический обряд — *шингкэнлавуи*, описанный А. Ф. Анисимовым у эвенков.¹

На использование древними оленеостровцами скульптуры лося в обрядовых действиях указывают крупные изображения голов лося, обнаруженные в погребениях №№ 56 и 153 (описанные нами подробно в разделе «Искусство»; рис. 129 и 130). Судя по их величине и форме, а также заполированности нижней части вследствие частого употребления, следует сделать вывод, что эти изображения играли весьма существенную роль в совершаемых культовых церемониях.

Нахождение их в верхней части костяков может указывать на то, что данные предметы, по всей вероятности, носили в руках и что они являлись своего рода жезлами. Обладателем такого жезла не мог быть каждый член родовой организации. Вероятно, это были люди, наделенные особыми полномочиями для совершения магических обрядов, нечто вроде «хранителей веры», существовавших, по наблюдению Л. Моргана, у индейских племен.²

На основании этнографических примеров следует думать, что эти обрядовые действия носили широкий, массовый характер, в них участвовала значительная часть не только родовой, но нередко и племенной организации.

Скульптурные изображения лосей не встречаются в женских погребениях, если не считать погребения № 68, являющегося по характеру инвентаря типично мужским, что наводит на мысль о значительной роли, которую играла захороненная здесь женщина в охоте. Повидимому, лось являлся покровителем мужчин-охотников.

Помимо крупных изображений лося, как известно, в могильнике найдено несколько маленьких лосиных головок (рис. 131, 132). Положение их на костяках (там, где удается это установить) указывает на то, что их подвешивали у пояса, вероятно, в специальных кожаных мешочках.

Изображение лосей встречается в целом ряде археологических памятников лесной

¹ А. Ф. Анисимов. Представление эвенков о *шингкэн'ах*. . . , стр. 165.

² Там же, стр. 166.

¹ Там же, стр. 177.

² Л. М о р г а н. Древнее общество, стр. 49.

полосы европейской и азиатской части СССР. Напомним, что они известны в уральских стоянках — Шигирском¹ и Горбуновском² торфяниках, а также Базаихе,³ Сейминском⁴ и Оленеостровском (Баренцево море)⁵ могильниках, среди наскальных изображений Сибири⁶ и Карелии.⁷ О почитании лося свидетельствует и скульптура этого животного, украшающая сланцевые молоты.⁸

Помимо почитания животных, представлявших человеку обильную мясную пищу и шкуры, оберегавшие его от зимних холодов, древний оленеостровец в отдельных случаях наделял особой силой и обожествлял тех животных, которые вовсе не могли играть какой-нибудь роли в его экономике. К числу таких священных животных относилась змея. Свидетельством особого отношения к змее являются два изображения ее, выполненные из кости (рис. 133).

На почитание древними жителями южной Карелии этого пресмыкающегося указывают и петроглифы Онежского озера, где имеется четыре изображения змеи.⁹ Образ змеи в рисунке или скульптуре широко известен по другим археологическим источникам от палеолита до эпохи железа включительно. Примером наиболее древнего изображения змеи может служить, в частности, костяная бляха, найденная на груди детского погребения из Мальты.¹⁰ В числе неолитических памятников следует указать Горбуновский торфяник,¹¹ где весьма грубое, но вместе с тем реалистическое изображение змеи

представлено деревянной скульптурой,¹ а в числе памятников эпохи бронзы — Сейминский могильник (рис. 135) и Галичский клад.²

Особого внимания заслуживает скульптура мезолитического времени, найденная близ г. Нарвы, в местечке Тырвала.³ Она изготовлена из округлого в поперечном се-

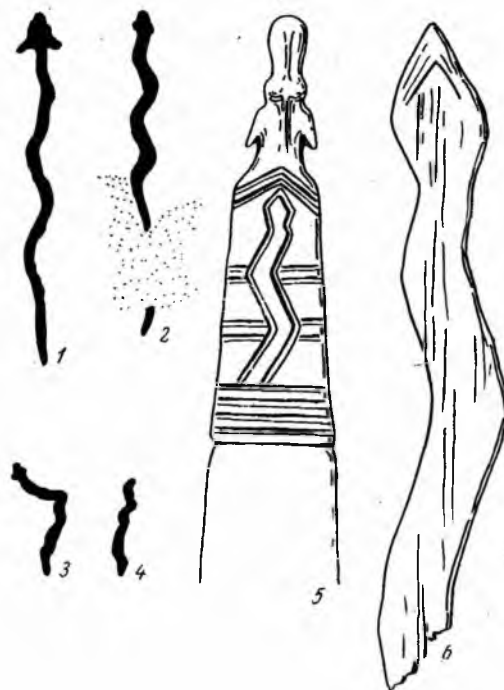

Рис. 135. Археологические параллели с изображением змей.

1—4 — наскальные изображения (1 — Пери Ноо; 2—4 — Залавруга); 5 — рукоять бронзового кинжала из Сейминского могильника; 6 — Горбуновский торфяник (дерево).

¹ Д. Н. Э д и н г. Резная скульптура Урала, рис. 41, 44.

² Там же, стр. 45 и предыдущая (вклейка).

³ А. П. О к л а д н и к о в. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 282.

⁴ В. А. Г о р о д ц о в. Культуры бронзовой эпохи в средней России, стр. 206.

⁵ Н. Н. Г у р и н а. Памятники раннего металла. . . , стр. 375.

⁶ А. П. О к л а д н и к о в. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I—II, стр. 283.

⁷ А. М. Л и н е в с к и й, ук. соч. — В. И. Р а в д о н и к а с. 1) Наскальные изображения Онежского озера, т. I. М.—Л., 1936 г.; 2) Наскальные изображения Белого моря, ч. II. М.—Л., 1938.

⁸ Молот из дер. Падозеро: ИАЭ, колл. № 54; молот из Толгубы: А. У в а р о в. Археология России. Каменный период, т. II. М., 1881.

⁹ На одном изображении змея имеет треугольную голову.

¹⁰ П. П. Е ф и м е н к о. Первобытное общество, рис. 236.

¹¹ Д. Н. Э д и н г. Резная скульптура Урала, рис. 61.

чении рога, один конец которого представляет голову пресмыкающегося, другой — хвост. Наибольший интерес вызывает тело, покрытое неглубокими нарезками округлой формы, передающими чешую. Это делает данное изображение настолько реалистическим, что позволяет отнести его к подлинным произведениям древнего искусства.

Изображение змеи из Тырвала чрезвычайно интересно также тем, что раскрывает характер совершаемого обряда. В средней части скульптуры, ближе к голове змеи,

¹ Там же, рис. 74.

² В. А. Г о р о д ц о в. Галичский клад и стоянка. ТСА РАНИОН, т. 3, М., 1928, стр. 15.

³ Институт истории АН Эстонск. ССР.

имеется просверленное отверстие, причем ось его проходит не перпендикулярно, а наклонно по отношению к оси самого предмета. Наличие данного отверстия указывает на способ употребления изображения. Повидимому, оно надевалось на толстый и длинный стержень, который во время совершаемых культовых церемоний или укрепляли в земле, или носили в руках. Вследствие того, что ось отверстия была наклонной, голова змеи поднималась вверх, а хвост ее был опущен вниз.

Частые находки изображений змеи в археологических памятниках свидетельствуют в пользу правильности утверждения Л. Я. Штернберга о древности и распространности во всех концах земного шара почитания этого пресмыкающегося.¹ Так, например, змея в качестве тотема известна в Австралии, Африке и Америке.

Одной из причин, заставившей древних оленеостровцев обратить особое внимание на змей, могло явиться исключительное обилие их на окружающей территории — Оленьем и в особенности Клименецком островах.² Эти пресмыкающиеся своими укусами причиняли им, очевидно, немало вреда.

Материалы могильника позволяют далее сделать некоторые заключения, связанные с культом змей. Одно из изображений пресмыкающегося обнаружено на груди женского захоронения № 57. Вторая скульптура найдена в погребении № 23. Правда, пол захороненного в погребении № 23 вследствие плохой сохранности скелета не мог быть определен, но, судя по инвентарю, сопровождавшему покойника, следует полагать, что это была женщина. В таком случае есть некоторые основания думать, что скульптура змеи присуща только женским захоронениям. Если это так, то змея у древних оленеостровцев считалась покровительницей женщин. Не исключена возможность, что, так же как и у многих отсталых народов, она связывалась с представлением о плодородии.

Итак, есть некоторые основания полагать, что лось был покровителем мужчин, змея — женщин. В этом плане показатель-

ным является погребение № 55-56-57, где у двух одновременно захороненных и рядом лежащих костяков находились на груди скульптурные изображения: у мужского — лось, у женского — змея.

Мы не имеем прямых указаний на почитание птиц древними оленеостровцами, поскольку они не нашли своего отражения в скульптуре и отдельные части их не были использованы в качестве амулетов. Однако, учитывая большое число птичьих костей, которые были встречены в 25 погребениях, а также весьма частые изображения птиц на кремневых и глиняных изделиях неолитических поселений — Модлоне,³ Кубенине,² Кузнечихе,³ Вой-Наволоку,⁴ Негежме,⁵ Ломми⁶ и на уральских стоянках,⁷ можно высказать предположение, что отдельные породы их могли почитаться древними оленеостровцами. Вероятнее всего, это были водоплавающие птицы — гусь, утка, лебедь, в пользу чего свидетельствуют многочисленные изображения указанных птиц на скалах Онежского озера.

Наряду с ярко выраженным культом животных — этой наиболее древней формой религиозных воззрений — нельзя не заметить у древних оленеостровцев и некоторых элементов представлений, связанных с культом предков.

Сам факт захоронений на Оленьем острове, обставленных нередко весьма сложным ритуалом, уже сам по себе указывает на заботу сородичей об умерших и определенное их почитание, что является основой для формирования идеи культа предков.

Существование верований такого характера, вероятнее всего в начальной их форме, подтверждают скульптурные изображения

¹ А. Я. Брюсов. Свайные поселения на р. Модлоне. . . , рис. 13.

² В. И. Смирнов. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино. КСИИМК, X, 1941, стр. 137—138.

³ В. И. Смирнов. Полевые археологические исследования. КСИИМК, IX, 1941, стр. 96.

⁴ Н. Н. Гурьина. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. КСИИМК, VII, 1940, стр. 28—36, рис. 7.

⁵ П. П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волгокам'я. Археологія, II, Київ, 1948, стр. 29.

⁶ Институт истории АН Эстонск. ССР, колл. № 3867-209.

⁷ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, стр. 69—71.

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 411.

² В силу ли особого характера поверхности острова, изобилующего камнями, или по каким-то иным причинам, но количество змей, встречающееся здесь, поистине огромно.

людей, найденные в трех погребениях могильника (№№ 18, 23 и 130; рис. 134) и подробно описанные в разделе «Искусство» (стр. 217—219). Их следует осмыслить, с моей точки зрения, как изображения предков, являющихся «покровителями» семьи или рода.

К. М. Рычков, изучавший религиозные представления эвенков, отмечал наличие у них скульптур, являющихся изображением «духов-охранителей», носящих у северных енисейских эвенков название *мухды*. «Они, — пишет К. М. Рычков, — имеют большей частью изображение человека из дерева, рога дикого оленя, железа и меди».¹

Идолы эти считались помощниками и покровителями людей; к ним обращались во всех трудных случаях жизни. Изображения идолов хранили в особых кожаных мешочках и перевозили на священных оленях. Их заботливо «кормили» — мазали кровью и мозгом убитых животных, окуривали дымом горящего жира. Из поколения в поколение они передавались по наследству, преимущественно старшему из сыновей, и при этом никогда не переходили в чужой род.

Указанные воззрения северных енисейских эвенков распространялись, по утверждению А. Ф. Анисимова, также и на другие группы этой народности. «Подобно северным енисейским эвенкам, — отмечает А. Ф. Анисимов, — у них также существовало разграничение помянутых „охранителей“ на семейных и общеродовых. Они представляли собой зооморфных и антропоморфных идолов из рогов дикого копытного зверя (лося, оленя) или сучков дерева с какими-нибудь зооморфными чертами».² Эти идолы почитались как «защитники» и «охранители» рода и семьи. Весьма существенно при этом, что «первые (общеродовые «охранители», — Н. Г.) изображались зооморфно (в форме лося, дикого оленя, медведя), вторые (семейные «охранители», — Н. Г.) — антропоморфно и почитались в тесной связи с воззрениями о покойниках».³

¹ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II (Приложение), 1922, стр. 104.

² А. Ф. Анисимов. Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков. Сов. этнограф., № 3, 1950, стр. 30.

³ Там же, стр. 30.

Рис. 136. Изображения людей из Шигирского и Горбуновского торфяников (1—3).

Приведенные этнографические материалы, с одной стороны, и соотношение скульптурных изображений людей и животных в могильнике, с другой, позволяют предполагать, что близкие к этим религиозные воззрения существовали и у древних оленеостровцев.

Наиболее ярко выраженным у них являлся культ животных. Люди чувствовали еще глубокую внутреннюю связь между человеческим обществом и животными, перенося на последних все черты своего характера и общественной организации. Вот почему наиболее сильным из них — лося — они считали покровителем и защитником всей родовой организации.

Наряду с этим у древних оленеостровцев уже зарождалось представление о наличии покровителей среди умерших сородичей, что и выразилось в возникновении культа предков.

Доказательством того, что эта форма религиозных представлений еще не получила у оленеостровцев достаточного развития, служит, с моей точки зрения, тот факт, что в скульптуре изображены люди разного пола (мужчина, женщина и человек, пол которого не подчеркнут). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что представление об этом предке-«покровителе» не приняло еще вполне законченной формы.

Известный интерес представляет и распределение скульптуры людей между погребениями могильника. К сожалению, плохая сохранность и некоторая нарушенность первоначального положения погребений №№ 18 и 23 не позволяет установить пол и возраст захороненных. Счастливым исключением является лишь погребение № 130, полная сохранность костей которого дала возможность произвести антропологическое определение.

Установлено, что костяк принадлежит мужчине старческого возраста. Залегание человеческой фигурки (мужской) на верхней части правой бедренной кости свидетельствует о том, что она носилась на поясе, вероятнее всего уложенной в соответствующий мешочек. Существенно, что точно такой же способ ношения человеческой фигурки, только на левом бедре, установила М. Е. Фосс в одном из погребений на стоянке Кубенино,¹ наиболее близких по материалу нашему могильнику. Скульптурные изображения людей встречены также и в ряде других неолитических памятников, примером чего могут служить Шигирский и Горбуновский торфяники (рис. 136).

¹ М. Е. Ф о с с. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 80.

ДАТИРОВКА МОГИЛЬНИКА

Едва ли не самым сложным вопросом, связанным с пониманием Оленеостровского могильника, является его датировка. Установление правильной даты данного памятника в настоящее время крайне затруднено целым рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать, что на Б. Оленьем острове, где расположен могильник, не было найдено поселения, материал которого указывал бы на его одновременное существование с могильником и тем самым способствовал бы уточнению датировки.¹ Правда, в непосредственной близости от изучаемого нами памятника в пределах Заонежья еще в дореволюционное время было собрано большое число крупных орудий из сланца, однако все эти предметы не находят себе аналогий в материалах Оленеостровского могильника, а кроме того, случайные находки, как известно, не могут служить надежным источником для датировки. Специальных археологических исследований до сих пор здесь не производилось.²

На более отдаленной от Оленьего острова территории известен целый ряд археологических памятников, часто весьма богатых материалом. Наиболее изученными следует считать группу поселений, расположенных на восточном берегу Онежского озера,³ в се-

веро-восточной,¹ северной² и северо-западной его частях.³

Сопоставление материала Оленеостровского могильника и указанных выше поселений затруднено тем обстоятельством, что во всех этих стоянках в силу особых стратиграфических условий не сохранилось изделий из кости.

Поскольку абсолютное большинство инвентаря Оленеостровского могильника составляют именно костяные орудия, отсутствие возможности сравнения их с орудиями из стоянок лишает нас очень важного источника для установления точной датировки могильника.

С другой стороны, в Оленеостровском могильнике совершенно не представлена керамика, являющаяся наиболее массовым материалом на стоянках, которая, как известно, служит надежным датирующим материалом. Единственно доступным источником для сопоставления могильника и стоянок является каменный инвентарь, тем более что последний в могильнике сравнительно многочислен.

Ярче других выраженными и наибольшими по численности являются здесь кремневые наконечники стрел и сланцевые ножи. Последние представляют собой очень оригинальный инвентарь и сравнение их со сланцевыми ножами из стоянок помогло бы выяснению вопроса датировки. Однако сланцевые ножи совершенно не известны

¹ В 1938 и 1953 гг. были обнаружены остатки стоянки с весьма невыразительным материалом, который не позволяет пока синхронизировать ее с Оленеостровским могильником.

² В 1953 г. нашей экспедицией были проведены краткие разведки на Клименецком острове, обнаружившие несколько местонахождений, давших весьма ограниченный материал. Раскопок произведено не было.

³ Стоянка Бесов Нос (см.: А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 207).

¹ Большая группа стоянок севернее и южнее пос. Повенец (см.: Н. Н. Гурьян. Поселения эпохи неолита и раннего металла. . . , стр. 77—142).

² Группа медвежьегорских стоянок: Гос. Эрмитаж, колл. № 1308.

³ Стоянки на р. Суне, близ Петрозаводска, Машозера и Лососинного (см.: А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 265—275, 285—298).

в карельских неолитических поселениях, за исключением стоянки Пески, расположенной на западном берегу Онежского озера. Небольшие раскопки, произведенные здесь А. Я. Брюсовым в 1930 г. (площадь всего раскопа равнялась 67 кв. м), захватили лишь остатки стоянки, разрушенной до того карьером. В результате работ было обнаружено некоторое количество сланцевых орудий и два фрагмента керамики. Наибольший интерес вызывают плоские сланцевые ножи с просверленным отверстием, идентичные сланцевым ножам Оленеостровского могильника (рис. 78). Все другие сланцевые орудия стоянки и могильника не сходны между собой.

Следует заметить, что датировка стоянки Пески не может считаться прочной, поскольку в ней найдены два фрагмента керамики, относящейся к различным периодам неолита: один — к более раннему (керамика типа «сперрингс»), другой — к позднему неолиту, точнее: к эпохе раннего металла (керамика с примесью асбеста).¹

Из сказанного следует, что стоянка Пески не может иметь решающего значения в датировке Оленеостровского могильника, хотя все же наличие ее позволяет говорить об определенной связи древних обитателей данного района Онежского побережья с жителями Заонежского полуострова и прилегающих к нему участков, хоронившим своих сородичей на Оленьем острове.

Все прочие сланцевые орудия — топоры и тесла, — найденные в могильнике, крайне невыразительны по форме и не находят себе аналогий среди орудий, обнаруженных в стоянках. В еще большей степени относится это к кремневым орудиям. Речь идет здесь не об отдельных предметах, а о кремневом материале в целом, не имеющем аналогий в стоянках Карелии. Как уже указывалось выше, ведущими формами среди кремневого инвентаря могильника являются наконечники стрел, ножи и ножевидные пластины из серого, пятнистого, розового и желтоватого кремня. Орудий, изготовленных из

указанных пород кремня, равно как и аналогичных по форме, на стоянках Карелии встречено почти не было. Учитывая, что мы располагаем 100 кремневыми наконечниками, это утверждение можно считать достаточно обоснованным. Нельзя, конечно, допустить, чтобы для сопровождения умерших в загробный мир выделялись особые формы наконечников стрел, которые не изготовлялись бы для обыденной, повседневной жизни. Тем более невероятно, чтобы люди, достигшие высокого совершенства в обработке кремня, применяли эти приемы лишь для изготовления наконечников стрел, предназначенных для захоронений с умершими, и отказались бы от их применения при выделке орудий, употреблявшихся в повседневной жизни.

Кремневые наконечники стрел из Оленеостровского могильника, все без исключения, изготовлены из ножевидных пластин, тогда как наконечники стрел со стоянок обработаны двусторонней ретушью и имеют листовидную форму. Исключение составляет лишь несколько наконечников стрел на пластинах (но не тождественных по форме оленеостровским), обнаруженных в нижнем слое стоянки Бесовы Следки¹ и в местечке Рыбрека.² Не встречается на стоянках и кремневых ножей, характерных для Оленеостровского могильника.

Таким образом, перечисленные обстоятельства, как то: отсутствие керамического материала в могильнике, несоответствие кремневого инвентаря и изделий из камня, найденных в погребениях и при раскопках поселений, наконец, невозможность сравнения костяных орудий — все это крайне осложняет решение вопроса о датировке могильника, создает изолированность его от многочисленных окружающих стоянок и поселений Карелии.

Для того чтобы определить время существования Оленеостровского могильника, нам приходится привлекать материал соседних территорий, сходных в физико-географическом отношении.

Нельзя забывать, однако, что при сравнении привлекаемого материала с мате-

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 280.

² Там же, стр. 235. Помимо наконечника, на стоянке найдено несколько кремневых ножевидных пластин, сланцевых орудий и фрагменты ямочно-зубчатой керамики. А. Я. Брюсов датирует эту стоянку концом III—началом II тысячелетия до н. э.

¹ Стоянка Пески к моменту раскопок почти полностью подверглась разрушению. Повидимому, это место было обитаемо в течение очень длительного отрезка времени. В противовес утверждению А. Я. Брюсова, топографическое положение стоянки весьма типично для карельских неолитических памятников. Она находится непосредственно на южном берегу озера, в настоящее время несколько отодвинувшаяся от современного уреза воды.

риалом могильника было бы ошибочно основывать свои выводы на сопоставлении отдельных, нехарактерных предметов, как, например, украшений, хотя не следует и отбрасывать их полностью. Необходимо учитывать, что многие из форм украшений живут весьма продолжительное время и имеют широкое территориальное распространение, а потому и не могут быть положены в основу датировки. К ним относятся хотя бы те же клыки медведя, представленные в большом количестве в олениостровских погребениях. Чтобы понять, как широко медвежьи клыки распространены территориально и во времени, достаточно напомнить, что они известны в материалах Кунда,¹ прибалтийских и северных стоянках,² фатьяновских могильниках,³ стоянках Берингова моря⁴ и, наконец, городищах.⁵

При сравнении памятников с целью установления их синхронности необходимо брать самое главное, определяющее, исходить из основных типов инвентаря и прежде всего из того, что отражает ведущую форму хозяйства. Нет сомнений, что наиболее правильным было бы сравнение всего комплекса материала. В случае совпадения памятников в главных чертах закономерно было бы их сопоставление и во времени. К сожалению, такого полного совпадения материала Олениостровского могильника ни с одним из памятников не прослеживается, в силу чего приходится прибегать к сравнению лишь отдельных деталей погребений и ведущих орудий.

Обзор памятников, расположенных как на территории, непосредственно примыкающей к побережью Онежского озера, так и на более отдаленной, показывает большие или меньшие черты сходства отдельных форм орудий с формой орудий могильника. Однако эти черты, взятые каждая в отдельности, позволяют сопоставлять наш памятник со стоянками и поселениями, относящимися к различным этапам неолита, что уже само по себе

не может способствовать уточнению датировки. Показательным в этом отношении является сравнение его материала с материалом стоянок и неолитических погребений Сибири. Олениостровский могильник имеет отдельные черты сходства как с памятниками более ранними (хиньской эпохой), так и со значительно более поздними (китойским этапом), но ни в одном случае не наблюдается полного совпадения. Близкая к этой картина выявляется и при сопоставлении его с памятниками других территорий, расположенных к востоку, югу и западу. Однако количество сходных черт между могильником и различными неолитическими памятниками далеко не одинаково.

Среди огромной массы поселений лесной полосы европейской части СССР удается все же отыскать группы стоянок и погребений, с которыми олениостровский могильник имеет существенные черты сходства, что дает возможность поставить его в определенные хронологические рамки. Вместе с тем определение точной датировки могильника в абсолютных цифрах представляет некоторую сложность. Как известно, вследствие сравнительно неблагоприятных физико-географических условий и отдаленности от торговых путей и источников сырья население севера с глубокой древности развивалось значительно медленнее, чем обитатели южных территорий. Поэтому племена Карелии и соседних с ней областей находились еще на этапе неолита, когда жители более южных районов не только знали бронзу, но и перешли к употреблению железа. Таким образом даже при совпадении характера материальной культуры поселений севера с материальной культурой южных памятников, мы все же не можем говорить о их совпадении в абсолютных датах. Для археологических памятников севера европейской части СССР, в частности Карелии, необходима своя схема абсолютной датировки. Следует сказать, что последняя не имеет еще достаточно твердой основы и требует пересмотра в свете нового накопившегося материала, вследствие чего абсолютная дата Олениостровского могильника в настоящее время может быть определена с известной долей условности.

Из числа памятников, ближе всего стоящих к Олениостровскому могильнику по характеру материала, прежде всего следует указать на стоянку Веретье на озере Лаче.

¹ Институт истории АН Эстонск. ССР, колл. № 3359-220.

² Двиста: Рижский исторический музей, колл. № 9586-411; стоянки Приладожья; А. А. Иностранцев, ук. соч., табл. XI, 9.

³ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай. . . , рис. 12, б.

⁴ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, табл. 16, 17.

⁵ А. В. Збруев а. Галкицкое городище, стр. 91, табл. III, 2.

исследованную М. Е. Фосс.¹ Отчетливо выраженные стратиграфические условия, наблюдаемые на стоянке, позволили исследователю четко разделить инвентарь ее на два различных по времени этапа — более ранний, около 2500 лет до н. э., и более поздний, относящийся к первой половине I тысячелетия до н. э. Помимо этого благоприятного для нас обстоятельства, дающего возможность сопоставить Оленеостровский могильник как с ранними, так и с более поздними комплексами, на стоянке Веретье найдено большое количество инвентаря, изготовленного из кости, позволяющего провести сравнение его с аналогичным по материалу инвентарем Оленеостровского могильника, хотя все же следует отметить, что мы не имеем здесь полного совпадения. Наряду с общностью форм ряда костяных орудий довольно отчетливо проступают своеобразные черты памятников.

Сравнение костяного инвентаря Оленеостровского могильника, прежде всего орудий охоты — наконечников стрел, гарпунов, — с такими же из нижнего и верхнего слоя стоянки Веретье приводит к выводу, что у Оленеостровского могильника гораздо больше общих черт с нижним, т. е. более ранним слоем Веретья, нежели с поздним. Это подтверждается не только совпадением отдельных форм наконечников стрел (таких, например, как игловидные, шигирские, вкладышевые), наличием одинаковых подвесок, зубчатого штампа, бобровых пластинок (рис. 36, 47—49, 83) и некоторых других предметов, но и тем, что весь тип костяных орудий Оленеостровского могильника стоит гораздо ближе к костяным орудиям нижнего Веретья. Все наконечники стрел имеют резко удлиненную форму, достаточно тщательную обработку, тогда как в верхних слоях Веретья выступают совсем иные формы.

Общей чертой, сближающей нижнее Веретье с Оленеостровским могильником, является и отсутствие керамики, хотя нельзя не учитывать при этом того обстоятельства, что отсутствие керамики в нашем памятнике могло быть вызвано особым ритуалом. Эта черта, как известно, характерна и для ряда других могильников, в том числе Мариу-

польского,¹ Кузнецкого,² Кубенино³ и др.

Весьма близкое сходство Оленеостровского могильника прослеживается с погребениями на стоянке Кубенино, в том же Каргопольском районе, исследованной М. Е. Фосс.⁴

В 1928 и 1930 гг. при раскопках стоянки Кубенино было обнаружено четыре погребения, три из них сохранившихся, а четвертое — содержавшее только отдельные кости.⁵ Ямы для покойников были вырыты в глине, поверх которой к моменту раскопок залегал культурный слой. Могила имели корытообразную форму, несколько покатуя к ногам скелета. Ориентировка костяков различна: головой на юг или на север, положение вытянутое, лицом вниз. Дно одной из могил оказалось засыпанным красной охрой (погр. № 3).

Наибольший интерес вызывают предметы, найденные в могилах.⁶ Среди них обращает на себя внимание особенно многочисленный инвентарь погребения № 3. Помимо кремневых орудий (наконечника копья и скребков) и отдельных не вполне выразительных костяных предметов (костяное долото, проколки), в погребении были найдены костяные наконечники стрел игловидной формы, совершенно идентичные игловидным наконечником стрел Оленеостровского могильника.

Значительный интерес также вызывает сообщение автора, что «под тазовыми костями обнаружено 29 бляшек, изготовленных из резцов бобра, ниже лежали фрагменты челюстей выдры и куницы».⁷ Правда, бобровые пластинки ни в одном случае не имеют на себе следов нарезок или затачивания, столь характерных для бобровых пластинок Оленеостровского могильника, тем не менее факт присутствия их вместе

¹ М. Макаренко, ук. соч.

² Н. А. Чернышев, ук. соч., стр. 336—346.

³ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 73—91.

⁴ Там же.

⁵ Помимо того, раскопки на той же стоянке, произведенные позже В. И. Смирновым, позволили обнаружить еще 2 захоронения, лежащие вверх лицом: В. И. Смирнов. Орнаментированный фриз на сосуде из стоянки Кубенино, стр. 137—138.

⁶ Только два захоронения сопровождалось инвентарем.

⁷ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 78.

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 206—211.

с челюстями выдры и куницы имеет для нас существенное значение. Судя по местоположению пластинок и челюстей, вероятнее всего, в них следует видеть остатки поясного украшения.

Существенное указание на близость кубенинских погребений к оленеостровским имеет один предмет, найденный в погребении № 2. У левого бедра обнаружена человеческая фигурка, лежавшая, так же как и скелет, вниз лицом. Необходимо напомнить, что одна из человеческих фигурок Оленеостровского могильника (погр. № 130) также была найдена на правой бедренной кости, близ верхнего эпифиза. Таким образом, по-видимому, в обоих случаях эти фигурки были подвешены к поясу, как правильно определила в отношении своего материала М. Е. Фосс.¹ Сравнение человеческой фигурки из Кубенино с человеческими фигурками из Оленеостровского могильника, прежде всего с фигуркой из погребения № 23, свидетельствует о некотором их сходстве, при наличии и известных различий. Ноги фигурки из стоянки Кубенино оканчиваются копытами. Формы головы и туловища несколько отличны, вместе с тем обе фигурки роднит отсутствие рук.

Из сказанного следует, что при сравнении Оленеостровского могильника с погребениями, найденными на стоянке Кубенино, мы не можем не заметить многих общих черт. Последние проглядывают, в частности, и в ряде существенных деталей. Между тем, отмеченное сходство далеко не полно.

Различия между кубенинскими погребениями и Оленеостровским могильником проступают также и в обряде захоронения (положение покойников, их ориентировка, глубина могильных ям, степень засыпки охрой, в отдельных случаях обкладка могил камнями и т. п.), и в характере инвентаря — наличие совершенно иных форм кремневых, сланцевых и костяных орудий. Объясняется это, вероятнее всего, определенными локальными особенностями археологических памятников обоих районов, позволяющих исследователям наметить две соседящих друг с другом археологических культуры — карельскую и каргопольскую. Помимо того, не исключена возможность и некоторого несовпадения датировки обоих указанных памятников. По мнению М. Е. Фосс, погребения

на стоянке Кубенино относятся к самому началу II тысячелетия до н. э. (ранний период существования стоянки),¹ тогда как материал Оленеостровского могильника имеет более древний облик.

Стремление найти аналогии для Оленеостровского могильника среди памятников ближайшей к нему территории заставляет обратиться к стоянке Погостище I,² имеющей наконечники стрел шигирского типа и проколки, сходные с оленеостровскими. Данная стоянка датируется А. Я. Брюсовым не позднее конца IV тысячелетия до н. э.

Продвигаясь далее на восток, мы найдем значительное число общих черт инвентаря Оленеостровского могильника с инвентарем стоянок шигирской культуры.³ А. Я. Брюсов, специально занимавшийся вопросом шигирской культуры, нашел возможным выделить среди огромного и разнообразного костяного охотничьего инвентаря ряд типов, которые следует считать наиболее ранними. Сопоставляя наши костяные наконечники с раннешигирскими, нельзя не видеть большого сходства между ними. Так, к числу очень близких и даже тождественных по форме относятся: а) длинные тонкие иглоподобные наконечники стрел с округлым поперечным сечением, б) длинные вкладышевые наконечники, доживающие, по наблюдению А. Я. Брюсова, до III тысячелетия до н. э., в) многозубые, с мелкими зубцами наконечники стрел и, по-видимому, г) веслоподобные наконечники.

Помимо того, наблюдается не только совпадение отдельных форм, но и всего облика охотничьего инвентаря в целом. Подавляющее большинство костяных орудий ранних стоянок шигирской культуры отличается от поздних особой тщательностью изготовления. Наконечники стрел более поздних стоянок, кроме того, имеют иную форму, ромбовидную в сечении, характерную для костяных городищ Урала. Следовательно, сопоставление инвентаря Оленеостровского могильника с наиболее древним инвентарем Шигирского торфяника не позволяет разрывать их далеко во времени.

¹ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 216.

² А. Я. Б р ю с о в. Свайное поселение на р. Модлоне. . . , стр. 46—47.

³ А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 146 и сл.

¹ Там же, стр. 80.

Ту же самую картину мы видим и при сравнении оленеостровских наконечников с наконечниками стрел некоторых прибалтийских археологических памятников. Материал из стоянок Прибалтики был использован довольно широко в качестве аналогий при описании различных категорий инвентаря. Сопоставление костяных наконечников стрел Оленеостровского могильника прежде всего следует провести с наконечниками стрел из стоянок Лубанского озера, в частности с шигирскими прямыми, игловидными наконечниками с мелкими зубцами (рис. 36, 47), гарпунами и т. д. Ряд общих черт прослеживается и с находками из Пярну.

Все перечисленные здесь типы наконечников стрел прибалтийских стоянок больше всего сходны с шигирскими и наконечниками стрел нижнего слоя стоянки Веретья. В этом случае наблюдается почти полное их тождество. Орудия же из Оленеостровского могильника наряду с общими их чертами имеют и свою специфику, которая не находит себе прямых аналогий в материале Прибалтики и нижнего слоя Веретья. И все же нельзя не заметить наличия общих элементов материальной культуры рассматриваемых памятников. Приходится только сожалеть, что в силу особых стратиграфических условий ни стоянки Лубанского озера, ни материал, найденный в р. Пярну, не могут служить прочной опорой для датировки. Тем не менее они указывают на общую связь между населением довольно широкой территории севера европейской части СССР и на то, что Оленеостровский могильник, несмотря на специфические черты, не представляет чего-то совершенно отличного от памятников соседних районов. Поскольку датировка стоянок Лубанского озера все же устанавливается через посредство других Прибалтийских стоянок, постольку привлечение этих материалов для датировки Оленеостровского могильника можно считать закономерным.

Таким образом, при сравнении материала Оленеостровского могильника с материалом ряда стоянок, лежащих от него к востоку (нижний слой Веретья, Кубенино, Погостище, ранние стоянки шигирской культуры) и к западу (стоянки Лубанского озера), нельзя не видеть значительного количества общих черт и в то же время наличия для каждой группы памятников определенных, только им присущих особенностей. Следует

при этом подчеркнуть, что черты сходства между Оленеостровским могильником и указанной группой памятников устанавливается почти исключительно по характеру костяного инвентаря, тогда как кремневый инвентарь заставляет нас сравнивать его с кремневыми орудиями другой группы памятников.

Среди орудий Оленеостровского могильника прежде всего обращает на себя внимание большое количество кремневых наконечников стрел (100 целых и более 20 обломков), а также некоторое число кремневых ножей и ножевидных пластин, совершенно тождественных по обработке. Все они изготовлены из тонких, длинных ножевидных пластинок, отжатых от нуклеуса. Типично неолитические наконечники листовидной или иной формы, обработанные двусторонней ретушью, в могильнике полностью отсутствуют. Все 120 наконечников почти одинаковы как по форме, так и по технике изготовления. Такое обилие и единообразие указанной категории орудий весьма облегчает сравнение их с орудиями других памятников.

При первом же взгляде на приведенные рисунки наконечников стрел возникает естественное желание сопоставить их с многочисленными наконечниками стрел эппиалеолитических и раннеолитических стоянок — Борки,¹ Елиц Бор,² Скнятино,³ Сюрень II,⁴ а также мезолитических стоянок Литвы⁵ и свидерских в Польше⁶ (рис. 59, 60). Хотя некоторые различия между наконечниками стрел перечисленных стоянок, с одной стороны, и оленеостровскими — с другой, и существуют, но они несравненно менее значительны, нежели различия между наконечниками стрел могильника и поздне-неолитических стоянок. Наконечники стрел мезолитических и раннеолитических памятников, так же как и оленеостровские, все изготовлены из кремневых ножевидных пластин, отретушированных лишь со спинки

¹ М. З. Паничкина, ук. соч., стр. 149—157, табл. III. — В. И. Зубков, ук. соч., стр. 141—150.

² М. В. Воеводский и П. И. Борисковский, ук. соч., стр. 77—99.

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 15—25.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международн. конфер. ЛИЧПЕ, вып. V, М., 1934, табл. VIII.

⁵ Р. Яблонские, ук. соч., стр. 40—52.

⁶ L. Sawicki, ук. соч.

(ретушь с брюшка нанесена только на конце орудия и близ тыльной части). Учитывая, что и в поздненеолитических стоянках и даже в памятниках раннего металла, как, например, Холомоиха¹ или могильник в Вестербьерсе,² встречаются единичные экземпляры наконечников стрел, близких к оленеостровским, следует заметить, что данный тип представлен там как редкое исключение наряду с основной массой наконечников совсем иной формы. Последние явно господствуют и, что особенно важно, преобладают также в более поздних памятниках. Данное обстоятельство очень существенно, так как показывает, что тип наконечников стрел на пластинах не является каким-то новым элементом в поздненеолитических памятниках, который затем, развиваясь, становится господствующим. Наоборот, они являются пережиточным моментом, а потому и не могут заслуживать серьезного внимания. Не исключена возможность, что в ряде случаев присутствие их на неолитических стоянках объясняется стратиграфическими условиями, допустившими смешение двух разновременных комплексов. Такую картину, например, проследил О. Н. Бадер на Левшинской стоянке.³

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что наконечники стрел на пластинах, типичные для мезолитических и ранненеолитических стоянок, не характерны для поздних памятников.

Исходя из данного положения и учитывая, что в Оленеостровском могильнике наконечников стрел на пластинах встречено очень большое количество, причем они являются здесь единственным типом, следует сделать вывод о весьма отчетливо выступающем сходстве могильника с ранними памятниками.

Небезынтересно в этом отношении сравнение наконечников стрел Оленеостровского могильника с немногочисленными, правда, но достаточно выразительными находками из Ягорбы. По стратиграфическим данным, указанная стоянка также относится к раннему периоду неолита.⁴

¹ Гос. Эрмитаж, колл., № 70.

² M. Stenberger, ук. соч., стр. 60—105.

³ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадигневская и Боровое озеро I на р. Чусовой, стр. 13.

⁴ Наконечник стрелы и костяной гарпун залежали в нижних слоях, отделенные от второго верхнего культурного слоя с поздним материалом до-

В плане определения возраста Оленеостровского могильника важно отметить, что нижний слой стоянки Бесовы Следки и стоянка Рыбрека, имеющие наконечники стрел, сходные с оленеостровскими, датируются А. Я. Брюсовым ранним неолитом.¹

Нельзя не указать при этом также на то обстоятельство, что обилие кремневых орудий вообще характерно лишь для ранненеолитических стоянок Карелии, тогда как на поздненеолитических поселениях и поселениях раннего металла кремнь встречается несравненно реже и техника обработки его становится менее совершенной.

К другой категории памятников, материал которых обладает некоторыми чертами сходства с материалом Оленеостровского могильника, но значительно меньшими, нежели рассмотренная выше группа, относится Языковская стоянка, где было найдено 7 скелетов,² лежащих на спине и ориентированных головой на юг. Так как погребения находились в культурном слое, богато насыщенном находками, решение вопроса о том, имеют ли вещи, обнаруженные при скелетах, прямое к ним отношение, является довольно сложным. Следует отметить также, что сравнению материала Языковской стоянки и Оленеостровского могильника мешает отсутствие в последнем керамики. Единственное сходство в этом случае можно усмотреть лишь в наличии как там, так и здесь клыков медведя с просверленным отверстием.

Немногом больше дает нам сравнение Оленеостровского могильника и с другими расположенными к югу от него стоянками, на которых обнаружены погребения; сюда относятся Федоровская,³ Гавриловская,⁴

статочко мощным слоем, липевым находок (А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 30).

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 235.

² О. Н. Бадер. 1) Археологические работы у д. Языково и на оз. Скорбеж летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лопанойдном компоненте в антропологическом типе современного населения Восточной Европы. Антрополог. журн., № 2, 1936, стр. 257—262; 2) Неолитические погребения на Верхней Волге, стр. 217—220.

³ Л. Казаринов. Прошлое Чухломского края. Тр. Чухломск. отд. Костромск. научн. общ. и Чухломск. муз., вып. IV, Солигалич, 1929, стр. 5.

⁴ И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником, стр. 70—78.

Панфиловская,¹ Володарская² и Нарвская.³ В лучшем случае здесь можно найти лишь весьма отдаленное сходство между отдельными типами орудий или обрядом захоронения, как, например, засыпка костяков охрой, прослеживаемая в погребениях на Володарской стоянке.

Памятниками, территориально примыкающими к Оленеостровскому могильнику, являются приладожские стоянки, исследованные А. А. Иностранцевым. Сопоставляя материал обоих памятников, мы, однако, не находим того сходства, которое естественно можно было ожидать, учитывая их территориальную близость.

Костяной инвентарь приладожских стоянок не похож на оленеостровский, хотя отдельные элементы его, как, например, украшения (медвежьи клыки, резцы лося, бобровые пластинки), полностью совпадают, но они не могут, о чем указывалось выше, быть определяющими. Костяные орудия и прежде всего предметы охоты (наконечники стрел, гарпуны) гораздо грубее оленеостровских. Последнее обстоятельство, а равно и определенно выраженное отличие антропологического материала не дает основания сблизать эти памятники в хронологическом отношении.

Пытаясь найти общие черты Оленеостровского могильника с памятниками, расположенными в районах к западу от него, необходимо остановиться, хотя бы кратко, на Вестербьерском могильнике⁴ на острове Готланд. Как известно, по своей величине этот могильник является одним из наиболее значительных среди северных памятников этой категории (в нем насчитывается свыше 40 погребений). Рассматривая его инвентарь и сопоставляя последний с инвентарем Оленеостровского могильника, нельзя не прийти к заключению о наличии некоторых сходных черт в обоих памятниках.

Прежде всего обращает на себя внимание наличие в Вестербьерском могильнике кремневых наконечников стрел, изготовленных из

ножевидных пластин, украшений из зубов животных, образующих, видимо, пояса или нашивки по краю одежды, а также вытянутое положение костяков. Вместе с тем кремневые наконечники стрел по форме не тождественны оленеостровским, они резко вытянуты и имеют отчетливо выраженный черешок. Костяные наконечники стрел с ромбическим поперечным сечением и плоско срезанным черешком также отличаются от оленеостровских и характерны для более позднего времени. Наблюдается отличие между костяными гарпунами: последние в Вестербьерсе гораздо грубее, нежели в Оленеостровском могильнике. Украшения из зубов животных в Вестербьерском могильнике встречались как редкое исключение, тогда как в Оленеостровском они были типичным явлением, притом в первом случае для украшений использовались преимущественно зубы кабана и тюленя, во втором — резцы лося, бобра и клыки медведя.

В противоположность Оленеостровскому могильнику в Вестербьерском покойники охрой не засыпались; наряду с массовым захоронением на спине, в вытянутом положении, наблюдались случаи сидячих захоронений, полностью отсутствующие в Оленеостровском могильнике. К этому следует добавить также резкое различие и в каменном инвентаре. Достаточно указать, что в Вестербьерском могильнике, при его 40 захоронениях, было найдено 35 шлифованных топоров, тогда как на 177 погребений Оленеостровского могильника приходится всего один топор. Наконец, особенно показательным является также наличие в Вестербьерском могильнике сверленных ладьевидных топоров, полностью отсутствующих в Оленеостровском могильнике.

Суммируя сказанное, можно сделать заключение, что между двумя указанными памятниками различие выступает несравненно резче, чем сходство.

Учитывая поздний характер инвентаря Вестербьерского могильника, в том числе шлифованные сверленные топоры, этот памятник правильнее всего сопоставить с фатьяновскими могильниками, от которых Оленеостровский весьма далек.¹

¹ Не исключена возможность, что могильник в различных своих частях разновременен. Так, например, автор отмечает, что погребения без инвентаря находятся в наиболее высокой части могильника.

¹ В. А. Городцов. Панфиловская палеолитическая стоянка. Труды Владимирск. Гос. обл. муз., вып. 2, Владимир, 1925.

² И. К. Цветкова. Стоянка Володары, стр. 5.

³ Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Древние поселения и городища. Сб. статей по археологии Эстонской ССР. Таллин, 1955, стр. 153—175.

⁴ M. Stejneger, ук. соч., стр. 60—105.

К тому же выводу можно придти, сопоставляя Оленеостровский могильник с поздненеолитическими погребениями, известными на территории Эстонии и, в частности, с могильником Соне и Тамула.¹ Наряду с отдельными чертами сходства — наличием подвесок из резцов лоса, пластинок из резцов бобра и некоторых других элементов — различия выступают настолько сильно, что одновременность обоих памятников становится вполне очевидной.

Отсутствие общности отчетливо проступает и при сравнении Оленеостровского могильника с Мариупольским² и Нальчикским³ могильниками. Сопоставляя инвентарь погребений и способ захоронения покойников Мариупольского и Оленеостровского могильников, мы приходим к выводу о почти полном отсутствии сходства между ними. Достаточно привести несколько примеров. Мариупольский могильник не только не занимает островного положения, но и вообще не связан с водой. Все его погребения вытянуты строго в ряд, тогда как на Оленьем острове они разбросаны без особого порядка. С другой стороны, если для всех погребений Оленеостровского могильника характерна ориентировка на восток (с большим или меньшим отклонением к северу или югу),⁴ то в Мариупольском она не подчинена такому строгому правилу; встречается ряд погребений с противоположной друг другу ориентировкой (на восток и на запад).

К элементам различия между обоими могильниками следует также причислить полное отсутствие костяного охотничьего инвентаря, в частности гарпунов и наконечников стрел, которыми изобилует Оленеостровский могильник. Правда, в Мариупольском могильнике был найден один наконечник стрелы, но техника изготовления и форма его иная.

Сравнение Оленеостровского могильника с другим крупным неолитическим могильником южного района — Нальчикским⁵ —

¹ Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР, стр. 53—65.

² М. Макаренко, ук. соч. — А. Д. Столяр, ук. соч.

³ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 67—146.

⁴ Из 177 погребений лишь одно ориентировано головой на запад (погр. № 86).

⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 67—146.

также приводит к выводу о значительном их различии, что становится понятным, если учесть близкое сходство и несколько более поздний возраст Нальчикского могильника по сравнению с могильником Мариупольским.

Несмотря на отдельные черты сходства, прослеживаемые между Нальчикским и Оленеостровским могильниками, проявляющиеся в способе захоронения — положение костяков, отсутствие строгой планировки могил, захоронение взрослых с детьми, засыпка охрой, — бросается в глаза существенное различие в материальной культуре обоих памятников. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в Нальчикском могильнике кремневых и костяных наконечников стрел, столь характерных для Оленеостровского могильника, иной характер орудий и наличие украшения из металла.

Все черты различия, взятые в совокупности, свидетельствуют о том, что оба указанных памятника не могут быть синхронизированы с Оленеостровским могильником, который характеризует более раннюю ступень развития культуры общества на нашем севере.

Черты различия выступают еще более рельефно, если мы продолжим сопоставления Оленеостровского могильника с памятниками позднего неолита и эпохи раннего металла, каковыми, например, являются фатьяновские могильники в средней полосе, ямные погребения на юге или, наконец, погребения глазковской стадии в Сибири.

Итак, сравнение Оленеостровского могильника с неолитическими памятниками лесостепной полосы европейской части СССР приводит к выводу о сходстве его с поселениями и погребениями, датируемыми более ранним периодом неолита, такими, как нижний слой стоянки Веретья, Кубенино, Погостище I, ранние стоянки шигирской культуры, ранние материалы из стоянки Лубанского озера и Пярну, а также, до некоторой степени, ранненеолитические и мезолитические стоянки средней полосы СССР.

В абсолютных датах все указанные памятники размещаются приблизительно в пределах от IV (Погостище I) до начала II тысячелетия до н. э. (стоянка и могильник Кубенино).¹ Таким образом, Оленеостровский

¹ Памятники ранненеолитические и мезолитические датируются несколько раньше.

могильник для своей абсолютной датировки имеет как бы верхнюю и нижнюю границы. Учитывая, однако, что Оленеостровский могильник содержит большое количество ранних типов кремневого инвентаря в виде наконечников стрел и ножевидных пластинок, этот памятник следует датировать ближе к III тысячелетию до н. э.

В качестве подтверждения раннего возраста Оленеостровского могильника может служить еще ряд фактов и прежде всего исключительно интенсивная засыпка охрой абсолютного большинства погребений. Наблюдения, сделанные на многочисленных стоянках Карелии, приводят к заключению, что обильное окрашивание культурного слоя охрой¹ (признак, резко выделяющий карельские неолитические стоянки из числа прочих неолитических стоянок лесной полосы) характерно только для ранних стоянок и, наоборот, чем стоянка позднее по времени, тем слабее окрашенность слоя охрой. На стоянках раннего металла она почти или вовсе отсутствует.

Существенно заметить, что засыпка погребений охрой прослеживается, как известно, с очень глубокого времени — начиная с эпохи палеолита. Она имела также место в мезолите, неолите и доходила даже до эпохи бронзы на ее более ранней стадии (ямные погребения). На более поздних этапах она постепенно исчезает: Интенсивность употребления охры как бы по нисходящей линии, с одной стороны, и столь широкое применение ее древними оленеостровцами — с другой, также является, на мой взгляд, доказательством в пользу раннего возраста Оленеостровского могильника.

Небезынтересно в плане датировки могильника сопоставление его с известными памятниками позднего неолита и раннего металла в Карелии. Как ни ограничены наши познания в этой области, все же известны уже многие памятники, бесспорно относящиеся к позднему неолиту и раннему металлу. Можно смело утверждать, что сравнение инвентаря этих поселений с инвентарем Оленеостровского могильника не дает никакого основания для сближения их во времени.

Показательно в этом отношении сравнение Оленеостровского могильника с могиль-

ником, расположенным на Оленьем острове Баренцова моря. Несмотря на наличие некоторых общих черт, свойственных обоим могильникам (одинаковое островное положение, определенная общность погребального обряда, некоторое сходство в инвентаре, в частности стержней с головкой лося), не остается никакого сомнения в том, что Оленеостровский могильник Баренцова моря гораздо моложе Оленеостровского могильника Онежского озера. Об этом наглядно свидетельствует весь облик инвентаря Оленеостровского могильника Баренцова моря, в особенности его охотничье вооружение (костяные и кремневые наконечники стрел и гарпунов), а также наличие в могильнике металлических предметов и отсутствие засыпки охрой погребений. Причина некоторой общности в материале обоих могильников, на мой взгляд, лежит в общности истоков культуры — определенной генетической связи древнего населения, оставившего могильник на одном из островов Баренцова моря, с населением, некогда обитавшим на берегах Онежского озера. Население Баренцова моря, видимо, сохранило в религиозных представлениях определенные элементы, присущие населению, жившему на побережье Онежского озера.

В пользу установления ранней датировки Оленеостровского могильника говорит и еще одно обстоятельство, на первый взгляд, казалось бы, не существенное, — техника изготовления наконечников стрел из кварца и роговика и сопоставление ее с техникой изготовления кремневых орудий. Рассматривая приемы обработки кварцевых наконечников, мы встречаемся с теми же приемами, что и при изготовлении кремневых, несмотря на совершенно иные свойства кварца. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что древние оленеостровцы, хорошо зная свойства кремня, не имели еще необходимых навыков в обработке кварца и не учитывали технических возможностей, допускаемых этим материалом.

Кварцевые наконечники Оленеостровского могильника очень отличаются по типу от всех других кварцевых наконечников, известных из стоянок Карелии. Это незнание свойств кварца и отсутствие определенных выработанных приемов изготовления из него орудий свидетельствует о том, что люди, оставившие Оленеостровский могильник, пришли на территорию Карелии, повидимому, не-

¹ На ряде стоянок охра встречается в виде скопления, нередко положенная в специально вырытые ямки.

задолго до этого времени и не успели еще освоиться в полной мере с ее природными ресурсами.

Наконец, некоторым доказательством в пользу раннего возраста Оленеостровского могильника может служить и характер предметов искусства. Как было уже отмечено выше, типичными для орнамента древних оленеостровцев являются ряды из зигзагообразных линий. Указанный орнамент широко представлен в Прибалтийских стоянках, в частности Лубанском озере¹ и Кунде,² а также стоянках арктического неолита скандинавских стран и Дании,³ где он применен к сланцевым и шиферным орудиям. Ряд этих памятников относится ко времени раннего неолита и мезолита (как, например, стоянка Кунда и часть материала со стоянок Лубанского озера).

На территории, наиболее близкой к Оленьему острову, орнамент подобного рода известен в нижнем слое Веретья.⁴

Привлекая орнамент древних оленеостровцев в какой-то мере для определения относительного возраста данного памятника, можно сопоставить искусство Оленьего острова с некоторыми образцами искусства палеолита. Для последнего типичным рисунком на предметах являются нарезные короткие линии, поставленные под углом друг к другу и образующие зигзагообразный или, реже, елочный узор. Количество таких предметов весьма велико в Авдеевской стоянке,⁵ Костенковской,⁶ Мезине,⁷ Мальте⁸ и некоторых других.

В ряде случаев встречается и гораздо более сложный рисунок, примером чего может служить хотя бы известный браслет и фигурки птичек из Мезина.⁹

Несомненно, было бы неправильно отождествлять искусство Оленеостровского могильника и палеолитических стоянок или на основании известного сходства синхронизировать их, однако нельзя совершенно не

учитывать общности в манере исполнения рисунка, свидетельствующей о том, что в нашем памятнике еще живо отражены традиции предшествующей поры — черты реализма, достаточно ярко выраженные в искусстве эпохи палеолита.

Все черты, характерные для рисунка на кости в палеолитических памятниках, очень ярко выражены в искусстве Оленеостровского могильника, являясь там единственными. Наоборот, в поздненеолитических памятниках зигзагообразная линия, не осложненная другими элементами орнамента, встречается чрезвычайно редко. Таким образом, и характер искусства Оленеостровского могильника подтверждает датировку Оленеостровского могильника не поздним неолитом и тем более не эпохой бронзы, а более ранней порой неолита.

Нет основания считать, что ранней дате Оленеостровского могильника должно противоречить, например, присутствие в нем большого количества сланцевых ножей с тщательной заполировкой. Сланец, как известно, очень легко поддается этому способу обработки и является породой широко распространенной в отличие от кварца, ареал распространения которого несравненно уже. Не вступает в противоречие с нашим выводом и наличие сверления на сланцевых ножах.

Как следует из последних работ, проведенных в Костенках, шлифование камня и даже сверление было известно еще в палеолите,¹ а в раннем неолите получило уже довольно широкое применение.

Кроме того, при внимательном взгляде на высверленные на ножах отверстия, мы не можем сказать, что этот прием у древних оленеостровцев достиг совершенства. Большинство ножей специально сточены с того конца, где нанесено отверстие, чтобы облегчить сверление. Последнее произведено не с одной, а, как правило, с двух сторон, причем иногда оба эти отверстия не совпадают друг с другом. Только в двух случаях отверстия на кварцитовых гальках-подвесках оказались просверленными, тогда как во всех остальных они пробиты, о чем отчетливо свидетельствует характер отверстий с неровными краями и неправильно овальной их форма.

¹ А. Н. Рогачев. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИИМК, IV, 1940, стр. 38.

¹ Рижский исторический музей, колл. №№ 31395, 32279, 32794, 32795 и др.

² R. Indreko, ук. соч.

³ B. Gogger, ук. соч., стр. 61, 85, 102, 103.

⁴ М. Е. Фосс. Стоянка Веретья, табл. VII, 5.

⁵ М. В. Воеводский и А. Е. Алихова - Воеводская, ук. соч., стр. 14, рис. 7.

⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 380.

⁷ Там же, стр. 469.

⁸ Там же, стр. 478—479.

⁹ Там же, стр. 466, 467.

Итак, все перечисленные выше факты, как то: 1) сходство костяного инвентаря Оленеостровского могильника с таковым из ранних памятников окружающей территории, 2) отчетливо выраженное отличие его орудий труда от орудий труда поздних памятников Карелии и соседних районов, 3) наличие кремневых наконечников стрел исключительно раннего типа, 4) интенсивная засыпка костяков красной охрой и некоторые другие признаки свидетельствуют о том, что Оленеостровский могильник нельзя датировать временем поздней поры неолита. Однако было бы неправильным считать, что он синхронен приводимым мною здесь в качестве аналогий эппалеолитическим памятникам, таким, как Борки, Елин Бор, Скнятино, Свидерские и др. Оленеостровский могильник моложе их. Такое сходство в их инвентаре объясняется, вероятно, окраинным положением Карелии, где древние традиции эппалеолитического характера задержались дольше, нежели в более южных районах. По всей вероятности, древних оленеостровцев следует считать одними из наиболее ранних обитателей Карелии, приступивших к освоению ее суровых, но богатых районов.¹

Очевидно, Оленеостровский могильник одновременен или, возможно, даже предшествует наиболее ранним стоянкам, известным в настоящее время на территории Карело-Финской ССР. Отсутствие керамики в могильнике я не склонна относить за счет того, что население, оставившее данный па-

мятник, вовсе не было знакомо с изготовлением глиняных сосудов. Вероятнее всего, это следует связывать с особым существовавшим тогда погребальным ритуалом, на что уже указывалось выше.

Повидимому, древние оленеостровцы уже знали керамику, и скорее всего она была близка или тождественна керамике типа «сперрингс», характерной для наиболее ранних стоянок Карелии.

Резюмируя сказанное выше по вопросу датировки Оленеостровского могильника, следует сделать вывод, что данный памятник, в свете всех имеющихся в настоящее время фактов, не может относиться к позднему неолиту Карелии, а должен отвечать его более раннему этапу развития. По всей вероятности, могильник на Оленьем острове возник в период между серединой и концом III тысячелетия до н. э.

Огромные размеры могильника (можно предполагать не менее 400 погребений) и наличие случаев впускных погребений, с одной стороны, и отсутствие значительного числа стоянок на территории, непосредственно примыкающей к нему, с другой, а также малочисленность родовых коллективов, обитавших на севере, — все это взятое вместе должно свидетельствовать о длительности существования Оленеостровского могильника, которое может исчисляться периодом приблизительно 500—600 лет.

Исключительно важны в этом плане наблюдения, сделанные А. Я. Брюсовым над Караваевским могильником и стоянкой, расположенными в непосредственной близости друг от друга.

По мнению А. Я. Брюсова, Караваевский могильник существовал чрезвычайно длительное время — около 1000 лет.¹

Длительному существованию Оленеостровского могильника не может противоречить, на мой взгляд, и относительное единообразие форм инвентаря, в частности костяного, из которого трудно выделить как ранние, так и более поздние типы. Как известно, многие формы костяных орудий существуют чрезвычайно длительное время, примером чего могут служить шигирские наконечники стрел. М. Е. Фосс,² рассматри-

¹ Я считаю, что датировка Оленеостровского могильника, данная В. И. Равдоникасом в предварительной публикации (см.: В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940, стр. 46—62) на основании сходства изображений головы лося на кинжале Оленеостровского могильника с головой лося на бронзовом кинжале Сейминского могильника, ошибочна.

Сходство, отмеченное В. И. Равдоникасом, между двумя изображениями лосей является чисто внешним. И в том и в другом случае действительно изображается лось. Однако характер изображения различен. Мы не можем не признать удивительного реализма в изображении этих животных древними оленеостровцами, в противоположность изображению лося на кинжале Сейминского могильника, на котором проступают явные черты схематизма.

Кроме весьма поверхностного сходства между двумя вышеназванными предметами, в обоих памятниках нет ничего общего. Анализ вещей приводит к убеждению, что они относятся к различному времени.

¹ Результаты исследования А. Я. Брюсовым Караваевского могильника за 1951—1952 и 1953 гг.; материал хранится в ГИМ.

² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 44—47.

вая вопрос распространения указанного типа наконечников стрел, пришла к выводу, что они занимают весьма широкую территорию и огромный отрезок времени (от Кунда до ранних ананьинских городищ и культуры дьякова типа), однако наиболее широкого распространения достигают в период, близкий к появлению ямочно-гребенчатой керамики.

Что касается другого типа наконечников стрел, игловидных (достаточно отчетливо представленных в нашем могильнике), то территория и время их распространения значительно уже. Начало бытования их, по мнению М. Е. Фосса, определяется второй половиной III тысячелетия, конец — началом II тысячелетия до н. э. Не менее продолжительное время существовали и многие типы костяных гарцунов.

Стабильность форм костяных орудий особенно сильно должна была сказаться на материале стоянок и поселений далекого севера,

древнее население которого жило более обособленно, нежели население южных территорий. Одну из причин медленного изменения типов орудий на севере следует видеть в общей стабильности форм хозяйства населявших его племен.

В заключение считаю необходимым заметить, что для окончательного решения весьма трудного и в то же время исключительно важного вопроса датировки Оленеостровского могильника совершенно необходимо проведение тщательного обследования близлежащей территории с целью поисков стоянок, синхронных могильнику. Нет никаких, на мой взгляд, оснований сомневаться в том, что упорные поиски увенчаются успехом. Такие памятники будут открыты, и датировка Оленеостровского могильника, являющаяся в настоящее время до некоторой степени гипотетичной, хотя и очень вероятной, получит твердую основу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончив рассмотрение материалов Оленеостровского могильника, мы видим, что этот огромный некрополь, расположенный на одном из островов Онежского озера, дает нам возможность восстановить в общих чертах и некоторых существенных деталях хозяйство и общественные отношения одного из древних племен, обитавших в Карелии на определенном, ранее не известном и очень интересном этапе.

Он позволяет также на основе сохранившихся предметов искусства выяснить уровень развития духовной культуры древних оленеостровцев; определение форм погребального обряда помогает вскрыть характер их верований.

Основой хозяйства древних оленеостровцев являлись охота и рыболовство, определявшиеся характером окружающей природы; главными объектами охоты были такие типичные для лесной зоны животные, как лось, медведь и волк.

Разнообразие охотничьего вооружения свидетельствует о различных формах охоты. Наличие большого количества костей животных указывает на применение коллективных способов промысла. Большое место в обеспечении питанием занимала также охота на птицу.

Вторым важнейшим видом промысла являлось рыболовство, успех которого обуславливался обилием в Онежском озере рыбы различных видов.

Дополнением к охоте и рыболовству служило собирательство, несомненно игравшее в определенное время года немаловажную роль.

Характер экономики древних оленеостровцев определял и общественные их отношения. Охота и рыболовство, требовавшие,

особенно в условиях суровой северной природы, применения коллективных способов, с одной стороны, и низкое развитие производительных сил, исключавшее накопление избыточного продукта, — с другой, не могли создать на той ступени развития человеческого общества предпосылок для появления имущественного неравенства. Поэтому основой общественной организации древних оленеостровцев должен был являться родовой строй. Во всяком случае инвентарь погребений, несмотря на некоторое его разнообразие в отдельных случаях, не дает оснований усматривать существования какого-либо имущественного неравенства, а отражает лишь частные особенности общественного положения того или иного члена первобытной общины.

Уровень развития производительных сил древних оленеостровцев не создавал условий для общественного разделения труда, но разделение труда по половозрастному признаку несомненно существовало.

Хотя родовому обществу и несвойственно имущественное расслоение, тем не менее отдельные захоронения Оленеостровского могильника резко выделяются и особым погребальным обрядом, и обилием инвентаря. Надо полагать, что эти погребения, к которым прежде всего мы относим захоронения в вертикальном положении, являются могилами родовых или племенных вождей (погр. №№ 100 и 68). Поскольку в числе вертикально захороненных имеется женщина, можно придти к выводу, что у древних оленеостровцев она еще не утратила своей важной роли в экономике и общественной жизни.

Помимо того, в некоторых погребениях, совершенных обычным способом (на спине,

в вытянутом положении), инвентарь также отличается особым обилием и разнообразием (погр. №№ 45, 73 и др.). Повидимому, в этих могилах были захоронены охотники, наделенные большой физической силой, ловкостью и другими качествами, благодаря которым они пользовались определенным уважением среди сородичей.

Огромный размер могильника и отчетливо выраженные в нем две группы захоронений (северная и южная) свидетельствуют о том, что данный памятник являлся племенным кладбищем, где совершали захоронения умерших сородичей две родовые организации, находившиеся в родственных отношениях и жившие в непосредственной близости одна от другой. Подтверждение данному выводу мы находим в этнографической науке. Л. Морган и Л. Я. Штернберг, специально занимавшиеся изучением родового строя у культурно отсталых народов в XIX в., установили, что одним из важных признаков рода является наличие у него именно такого родового кладбища, где не хоронили умерших, принадлежавших к чужому роду.

Найденные в могильнике образцы скульптуры и рисунки говорят об относительно развитом искусстве у древнего населения, оставившего данный памятник. Скульптура из рога показывает большую наблюдательность первобытных художников, умение подчеркнуть важнейшие отличительные признаки изображаемого предмета, в данном случае животных. В целом искусство древних оленинцев можно определить, как наивно-реалистическое первобытное искусство.

Благодаря большому числу погребений в Оленинском могильнике, позволяющему с достаточной подробностью проследить обряд захоронений, удастся сделать некоторые заключения о характере существовавших тогда верований.

В основе погребального обряда древних оленинцев лежали анимистические представления, исходя из которых умершего сородича наделяли необходимым производственным инвентарем, частями животных, украшениями. В могиле сооружалось подобие очага, присыпанного охрой, символизирующей огонь.

Расположение могильника на острове указывает, по всей вероятности, на то, что подобно многим северным племенам

древние оленинцы связывали нахождение загробного мира с водой, что, возможно, являлось отражением той огромной роли, какую играли водные бассейны в их экономике, основанной на охотничье-рыболовческом хозяйстве. Важнейшим элементом религиозных представлений древних оленинцев следует считать культ животных, свидетельством чего служит обилие отдельных частей их, захороненных с покойником, огромное количество украшений из зубов лося, бобра и медведя, а также скульптура животных. Наиболее почитаемым животным был лось — покровитель мужчин-охотников. Немалое значение в культе и верованиях имел и медведь, о чем можно судить на основании использования его клыков и фаланг в качестве амулетов. К числу почитаемых животных относились бобр и змея, последняя, по всей вероятности, почиталась женщинами. Наряду с культом животных как господствующей формой религиозных представлений можно отметить у древних оленинцев зарождение культа предков.

Определение возраста могильника ввиду оригинальности данного памятника, как показано в работе, представляет большую трудность, однако, учитывая всю сумму фактов, его скорее всего следует отнести к ранней поре неолита в Карелии, т. е. ко времени не позднее конца III тысячелетия до н. э.

Атипичность Оленинского могильника усложняет решение вопроса об этнической принадлежности древних оленинцев и путях проникновения их на побережье Онежского озера. Отсутствие аналогичных памятников в Карелии и на соседней территории не дает возможности прямо связать древнее население, оставившее после себя могильник на Б. Оленьем острове, ни с одним из древних племен, обитавших в эпоху неолита или в более раннее время в лесной полосе европейской части СССР. Однако наличие ряда общих черт с группой памятников, расположенных к востоку от Оленьего острова (стоянки и погребения каргопольской и пигирской культур), позволяет все же высказать предположение о связи древних оленинцев с древним населением именно этих областей.

Наиболее вероятным путем проникновения древнего населения в Карелию в эпоху, предшествующую возникновению могильника на Онежском озере, следует

считать восточный. В пользу этого предположения свидетельствует известная общность в погребальном ритуале и характере инвентаря с одним из памятников, открытых в Степном Зауралье (погребение у Пеган), а также монголоидные черты, прослеженные на черепах из Оленеостровского могильника. Не менее интересны также и некоторые

особенности, сближающие Оленеостровский могильник с еще более отдаленными областями на востоке СССР, как, например, с неолитическими могильниками в Прибайкалье.

Нужно ожидать, что важные выводы в этом плане будут сделаны антропологами, изучающими материал могильника.

ПРИЛОЖЕНИЯ I—V

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ¹

Погребение № 1 (кв. $M_{44}L_{44} - M_{45}L_{45}$; рис. 1).

Глубина залегания скелета от пикета L_{45} равнялась 0.76 (череп) — 0.78 м (кости стопы); ориентировка — головой на В при небольшом отклонении к Ю.

Покойник лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища.

Сохранность костей плохая: от черепа остались лишь фрагменты, кости ног распались на мелкие куски.

Погребение засыпано слоем красной охры (до 0.06 м толщиной).

И н в е н т а р ь:² 1) у нижней челюсти кость со следами обработки — лопило; 2) на груди, справа, у позвоночника — узкая длинная поделка из рога (проколка); 3) в области черепа — 4 фрагмента костяной пластинки с орнаментом в виде точек; 4) у левой берцовой кости — кости животного(?).

Погребение № 1а (кв. $M_{44}L_{44} - M_{45}L_{45}$; рис. 1).

Несколько ниже (на 0.04—0.05 м) погребения № 1 были обнаружены остатки погребения № 1а, (длинные кости рук, несколько

ребер и мелкие кости), сосредоточенные под черепом и костями туловища погребения № 1.

Покойник был засыпан красной охрой.

Очевидно, погребение № 1а было разрушено при рытье ямы для более позднего погребения № 1.

И н в е н т а р ь: 1) кремневый отщеп; 2) фрагмент костяного острия; 3) 33 резца лося с кольцевыми нарезками на конце и 19 фрагментов таких же резцов.

Погребение № 2 (кв. $L_{44}K_{44}U_{44} - L_{45}K_{45}U_{45}$); двойное захоронение (рис. 2).

Глубина залегания костяка от пикета u_{43} равнялась 0.95 (череп) — 1.00 м (стопа); ориентировка — головой к СВ.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицом вверх. Сохранился лишь частично (почти вовсе не сохранились кости ног и кости правой руки, черепная коробка раздавлена и ее фрагменты смещены).

Покойник был густо засыпан красной охрой, слой которой достигал толщины до 0.06 м.

Костяк принадлежал женщине (?), захороненной вместе с ребенком. Остатки скелета последнего (кости грудной клетки) лежали в области таза и между бедренными костями скелета женщины.

И н в е н т а р ь: на женском скелете были найдены: 1) в области груди (справа позвоночника, у его середины) — клык медведя с кольцевой зарубкой для привязывания; 2) у кисти правой руки — резец лося с кольцевой зарубкой на конце; 3) в области ступней — кремневый наконечник стрелы.

Погребение № 3 (кв. $Z_{44}K_{44} - Z_{45}K_{45}$); двойное захоронение (рис. 2).

Глубина залегания скелета от пикета K_{44} равнялась 0.43 (череп) — 0.46 м (стопа); ориентировка — головой на СВ.

¹ Данный раздел составлен на основании полевых дневников и чертежей В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова, Н. Н. Черныгина и Н. Б. Эмлер.

² Объяснение к чертежам:

1) контуры вещей, расположенных на погребениях, зачернены; кости животных и бобровые пластинки заштрихованы косой штриховкой; пунктиром обозначены вещи утраченные, приблизительная форма которых устанавливается по полевым чертежам, описанию в дневнике или описи.

2) цифры, помещенные на рисунках рядом с номером вещи и взятые в скобках, обозначают количество данных предметов, найденных на всем погребении;

3) кости птиц и животных, имеющие номер на чертеже погребения, в схематическом рисунке не даны.

Скелет лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища; правая рука несколько согнута в локте, кисть положена между ног. Сохранность костей плохая.

Покойник был засыпан слоем красной охры толщиной от 0.01 до 0.05 м.

Костяк, подобно погребению № 2, принадлежал, по видимому, женщине, захороненной вместе с ребенком. Скелет последнего лежал между ног женского скелета, в вытянутом положении, на спине. Кости сохранились очень плохо.

И н в е н т а р ь: 1) на детском скелете фрагмент кости со следами обработки.

Погребение № 4 (кв. $\kappa_{45}u_{45}$ — $\kappa_{49}u_{48}$; рис. 3).

Глубина залегания скелета от пикета κ_{45} равнялась 0.56 (череп)—0.58 м (стопа); ориентировка — головой на В с отклонением к С.

Скелет лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища; голова повернута направо. Сохранность костей очень плохая, большая часть их утрачена. Лучше сохранились череп (без лицевой части) и длинные кости левой руки.

Костяк засыпан густым слоем красной охры толщиной до 0.06 м.

И н в е н т а р ь: 1) у черепа — клык медведя с кольцевой зарубкой на корне; 2) у шеи, в области правого плеча — а) клык медведя с зарубкой и рядом с ним — б) кремневая пластинка с ретушью (нож?); 3) у конца правой берцовой кости — 2 наконечника стрел: а) один — кремневый, листовидной формы, с заостренным черешком, изготовленный на сколотой пластине, спинка которой сплошь покрыта отжимной ретушью; с брюшка ретушь имеется лишь на черешке, б) другой — костяной, веретенообразной формы; 4) у левой стопы: а) костяная пластинка (часть метоподия лося с естественным желобком на одной из сторон) — обломок лопатки; другая сторона срезана, концы обломаны; рядом с ней — б) галька со следами употребления (затачивающего предметов); 5) по всему скелету от черепа до колен располагались резцы лося с кольцевыми зарубками; они, очевидно, были нашиты на одежду, особенно вдоль левого ее края (или по рукаву) и у колен (возможно по нижнему краю одежды); всего с данного скелета было снято 65 резцов лося и 6 их фрагментов; 6) выше могильной ямы под дерновым слоем обнаружен кремневый отщеп дисковидной формы с ретушью — скребок.

Погребение № 5-6 (кв. $u_{44}^3u_{44}$ — $u_{45}^3u_{45}$); двойное захоронение (рис. 4).

Глубина залегания обоих скелетов от пикета κ_{45} — 0.45 м; ориентировка — головой на В.

Костяки лежали рядом, параллельно и лицом друг к другу, в общей могильной яме, на одинаковом уровне. Оба покойника были положены на спину, у скелета № 6 руки вытянуты вдоль туловища, локтевые кости несколько смещены; у скелета № 5 руки согнуты в локтях. Сохранность костей плохая, особенно погребения № 6, от которого сохранились лишь отдельные фрагменты черепа, длинные кости рук (от левой руки неполностью) и длинные кости ног. Погребение № 5 сохранилось лучше; однако череп раздавлен, лобная кость смещена, нижняя часть берцовых костей утрачена.

Дно могильной ямы под обоими костяками и сами костяки были засыпаны сплошным слоем охры; толщина охристого слоя от 0.02 до 0.07 м. Все данные в совокупности составляют считать захоронение обоих костяков одновременным.

И н в е н т а р ь погребения № 5: 1) у черепа с южной стороны — 2 костяные проколки; 2) рядом с черепом (с юга) — 6 вторых фаланг лося (лежали кучкой); 3) у нижней челюсти (снизу) — 6 фаланг лося (3 вторых и 3 третьих, от двух особей); 4) под левой ключевой костью — 2 фаланги лося; 5) на черепе — 3 вторых фаланги лося; 6) у нижней челюсти — 3 коренных зуба бобра (один фрагментирован) и часть копыта лося; 7) у черепа с северной стороны — коренной зуб лося, такой же зуб найден под верхней челюстью; 8) вокруг черепа, под черепом и у шейных позвонков — резцы лося с зарубками на конце для привешивания; 9) на правой части лобной кости — 2 пластинки из резцов бобра и одна такая же пластинка в левой глазнице; 10) у лобной кости снизу — кусок красной охры; 11) в области туловища — 22 пластинки из резцов бобра с зарубками по обоим концам для прикрепления к одежде или для связывания в общий убор (часть пластинок фрагментирована); 12) слева от позвоночника — костяная проколка, круглая в сечении; 13) в левой части груди — 2 поделки из ребра животного (фрагментированы); 14) у конца правой локтевой кости, в области кисти — кремневая пластинка с ретушью (нож); 15) у локтя левой руки —

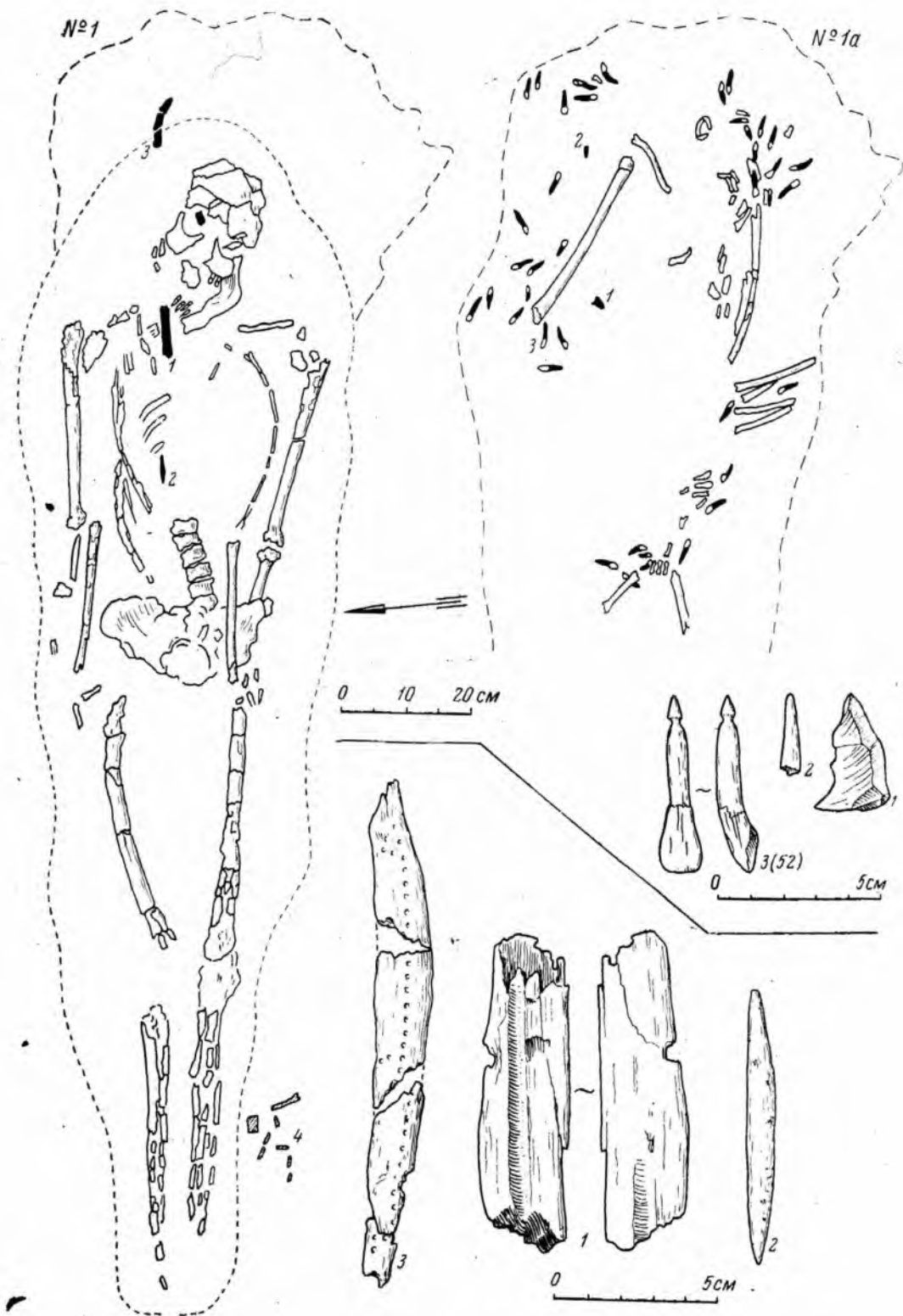

Рис. 1. Погребения №№ 1, 1а.

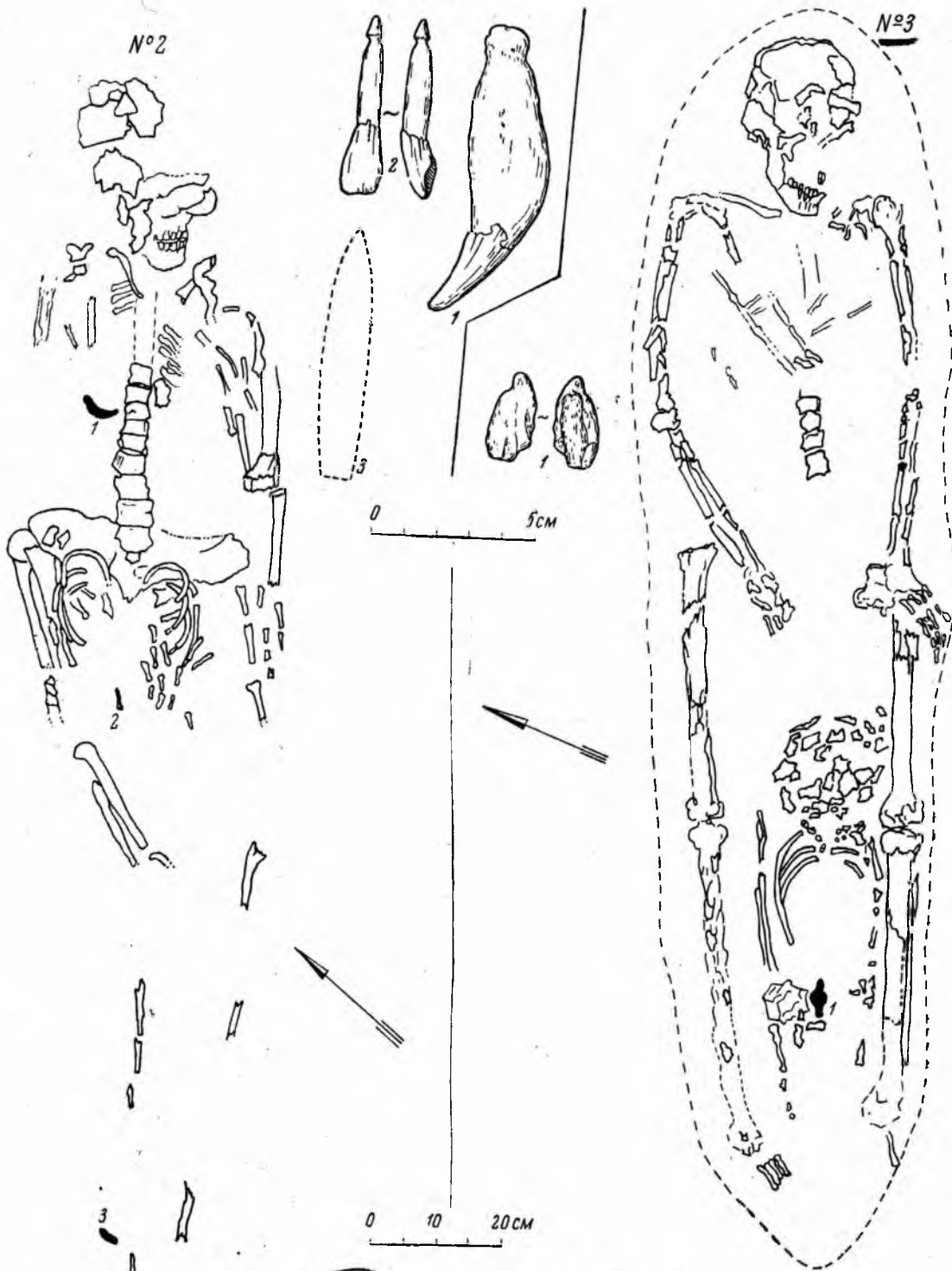
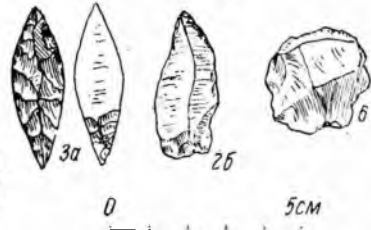
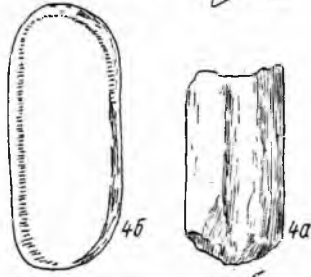
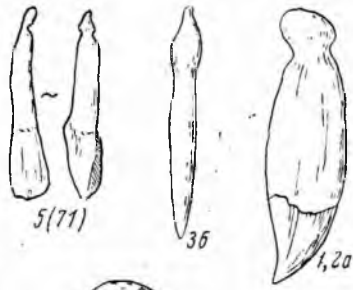
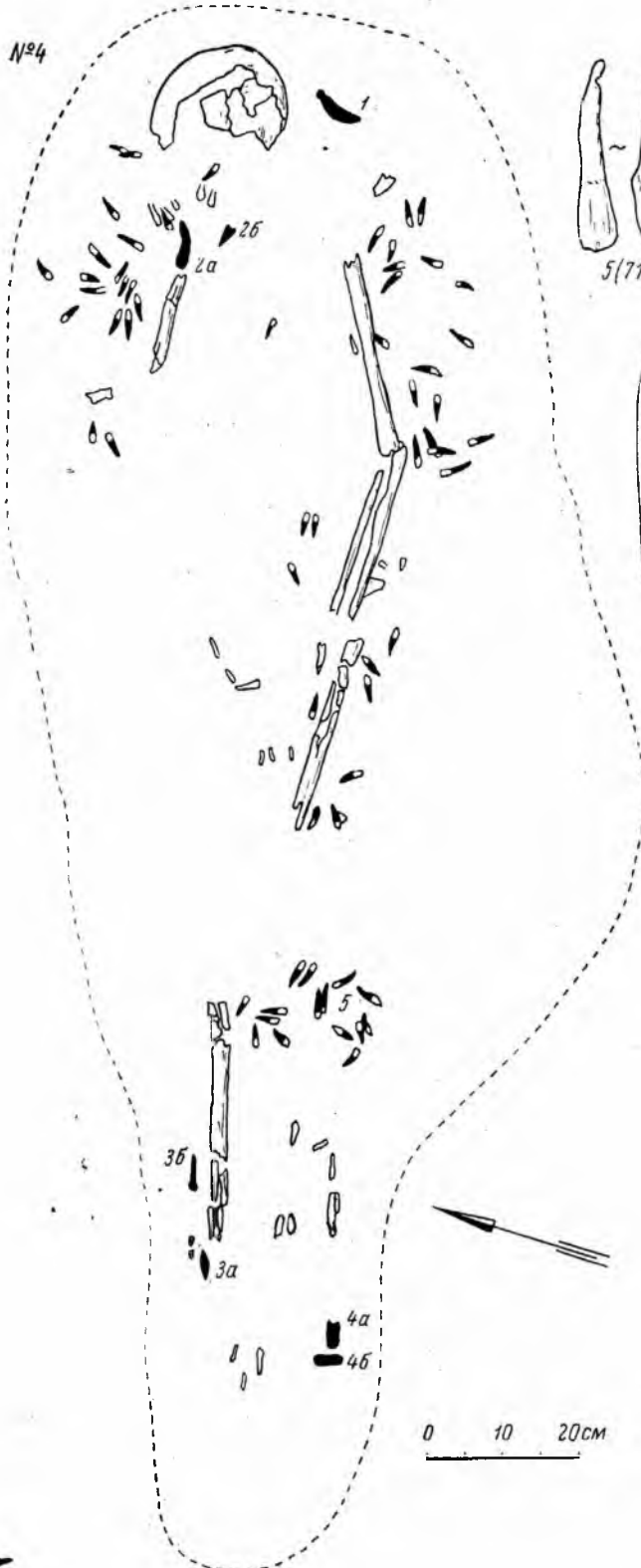

Рис. 2. Погребения №№ 2, 3.

№4

№29

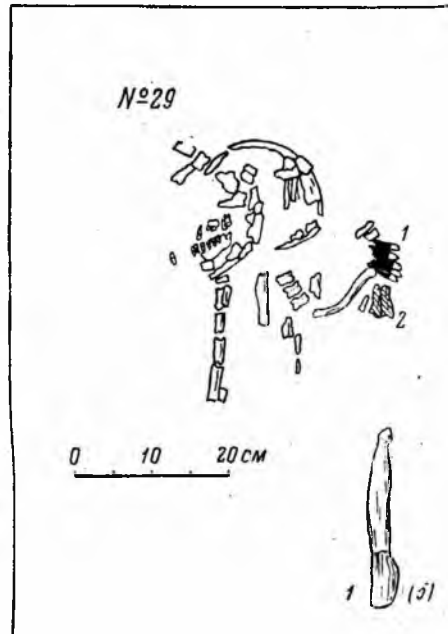

Рис. 3. Погребения №№ 4, 29.

2 фаланги лося (вторая и третья); 16) в области правой части груди — 4 фрагмента трубчатых костей птицы; 17) в области нижних концов бедренных костей — а) 4 резца лося с зарубками и б) фрагмент клыка медведя; 18) у середины левой берцовой кости — 2 резца лося с зарубками.

Инвентарь погребения № 6: 1) у теменной кости — 8 резцов лося с зарубками; 2) у правого плеча — фрагмент (нижняя часть) шлифованного широкого сланцевого ножа, воткнутого заостренной частью в землю; 3) там же — клык медведя с зарубкой; 4) в области правой стопы — крупный кусок красной охры.

Погребение № 7 (кв. κ_{43}^3 — κ_{44}^3 ; рис. 5).

Глубина залегания скелета от пикета u_{43} равнялась 0.39 (череп)—0.47 м (стопа); ориентировка — головой на В.

Положение скелета вытянутое; сохранность костей чрезвычайно плохая (сохранились лишь фрагменты некоторых длинных костей, позволяющих проследить общие черты погребения).

Засыпка охрой очень слабая, цвет охры буроватый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 8-9 (кв. u_{43}^3 — u_{44}^3); двойное захоронение (рис. 6).

Глубина залегания обоих костяков от пикета z_{44} равнялась 0.40 (череп) — 0.50 м (нижние концы берцовых костей); ориентировка — головами на В.

Скелеты залегали в одной плоскости, рядом, вплотную друг к другу, на спине, в вытянутом положении. Сохранность костей очень плохая.

Наблюдалась общая засыпка слоем красной охры толщиной от 0.02 до 0.06 м. Одновременность погребений несомненна.

Погребение № 8 мужское (?); **погребение № 9** женское (?).

Инвентарь погребения № 8: 1) между черепами обоих скелетов — клык медведя с отверстием на конце; 2) на груди у правой плечевой кости — сильно сработанный сланцевый топорик; 3) у локтя левой руки — небольшая сланцевая галька со следами заглаженности; 4) в области левой голени — 2 костяные поделки — а) фрагментированное лощило, б) трехгранный в сечении предмет; 5) на груди — 3 резца лося; 6) в ногах скелета — кости птицы.

Инвентарь погребения № 9: 1) у правого плеча — поделка из камня (шлифовальная плитка?); 2) в области правой руки — а) скопление резцов лося (61 экз.) и зуб-подвеска мелкого животного, б) 5 обломков пластинок из резцов бобра; 3) в нижней части ног — целый клык медведя и 2 обломка; 4) на различных частях костяка — 19 резцов лося.

Погребение № 10 (кв. z_{43}^3 — z_{44}^3 ; рис. 5).

Глубина залегания скелета от пикета z_{43} равнялась 0.49 (череп) — 0.39 м (ступни); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Длина его значительна, кости массивны. Сохранность костей (кроме черепа) относительно хорошая.

Засыпка охрой сверху костяка не наблюдалась. Прослеживалась лишь слабая засыпка дна могилы (толщиной 0.05—0.02 м). Цвет охры буроватый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 11 (кв. z_{44}^3 — z_{45}^3 ; рис. 7).

Глубина залегания скелета от пикета e_{43} равнялась 0.45 (череп)—0.53 м (кости ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С.

Скелет лежал на спине в вытянутом положении, лицом кверху, правая рука — вдоль туловища, левая — согнута в локте.

Кости плохой сохранности, засыпаны слоем буроватой охры, толщиной от 0.03 до 0.05 м.

Инвентарь: 1) в области груди — костяной наконечник (фрагментирован).

Погребение № 12 (кв. z_{45}^3 — z_{46}^3 ; рис. 82).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.71 м; ориентировка — головой на СВ(?)

Погребение в значительной степени разрушено карьером (сохранились лишь длинные кости ног).

Дно могильной ямы густо засыпано красной охрой.

Инвентарь отсутствует. Очень вероятно, что он был собран ранее в отвале разрушенной части погребения.

Погребение № 13-14 (кв. d_{43}^3 — d_{45}^3); двойное захоронение (рис. 8).

Глубина залегания скелета № 13: от дневной поверхности — 1 (череп)—0.62 м (стопа ног); скелета № 14: 0.96 (череп)—

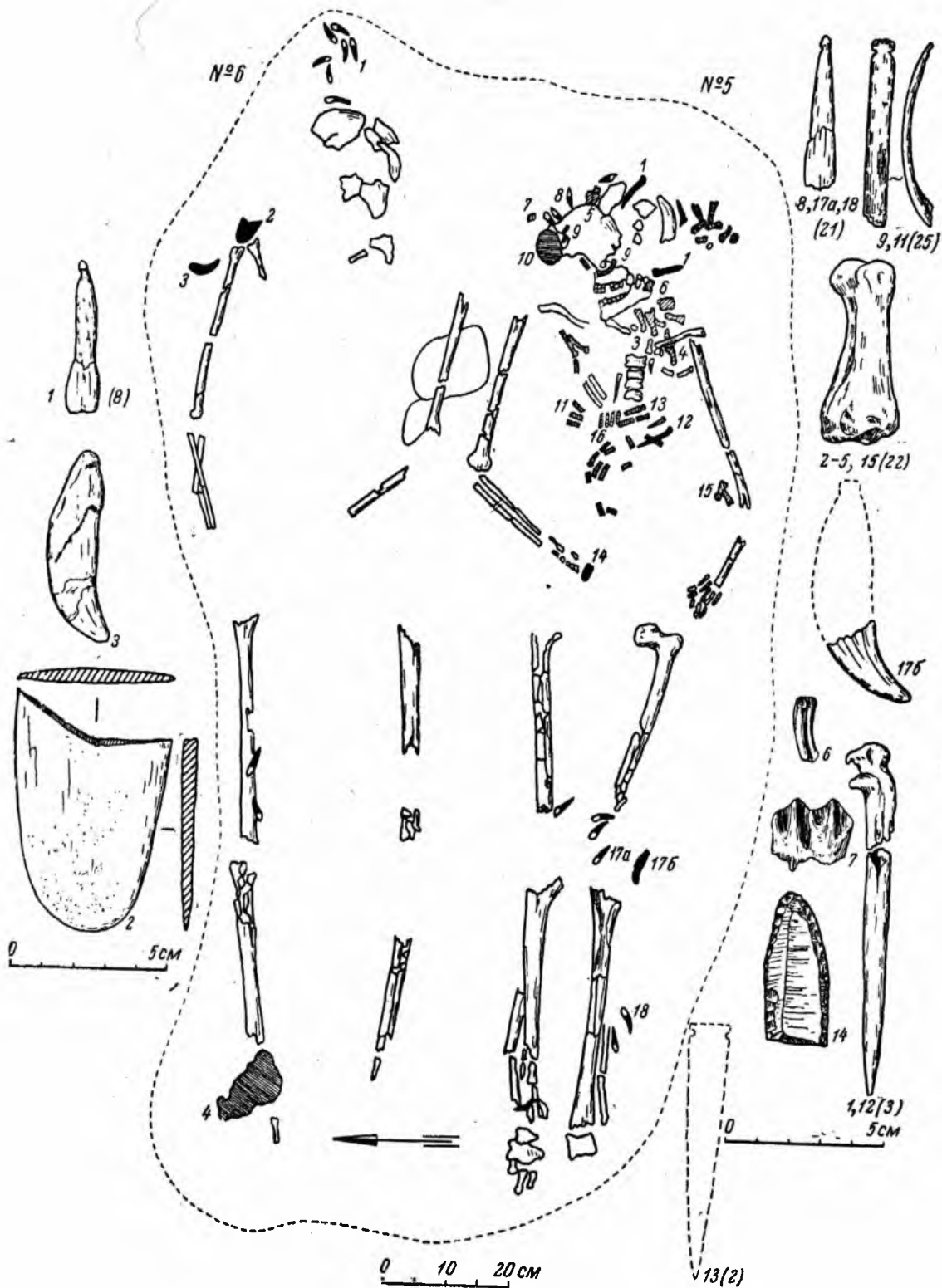

Рис. 4. Погребение № 5-6.

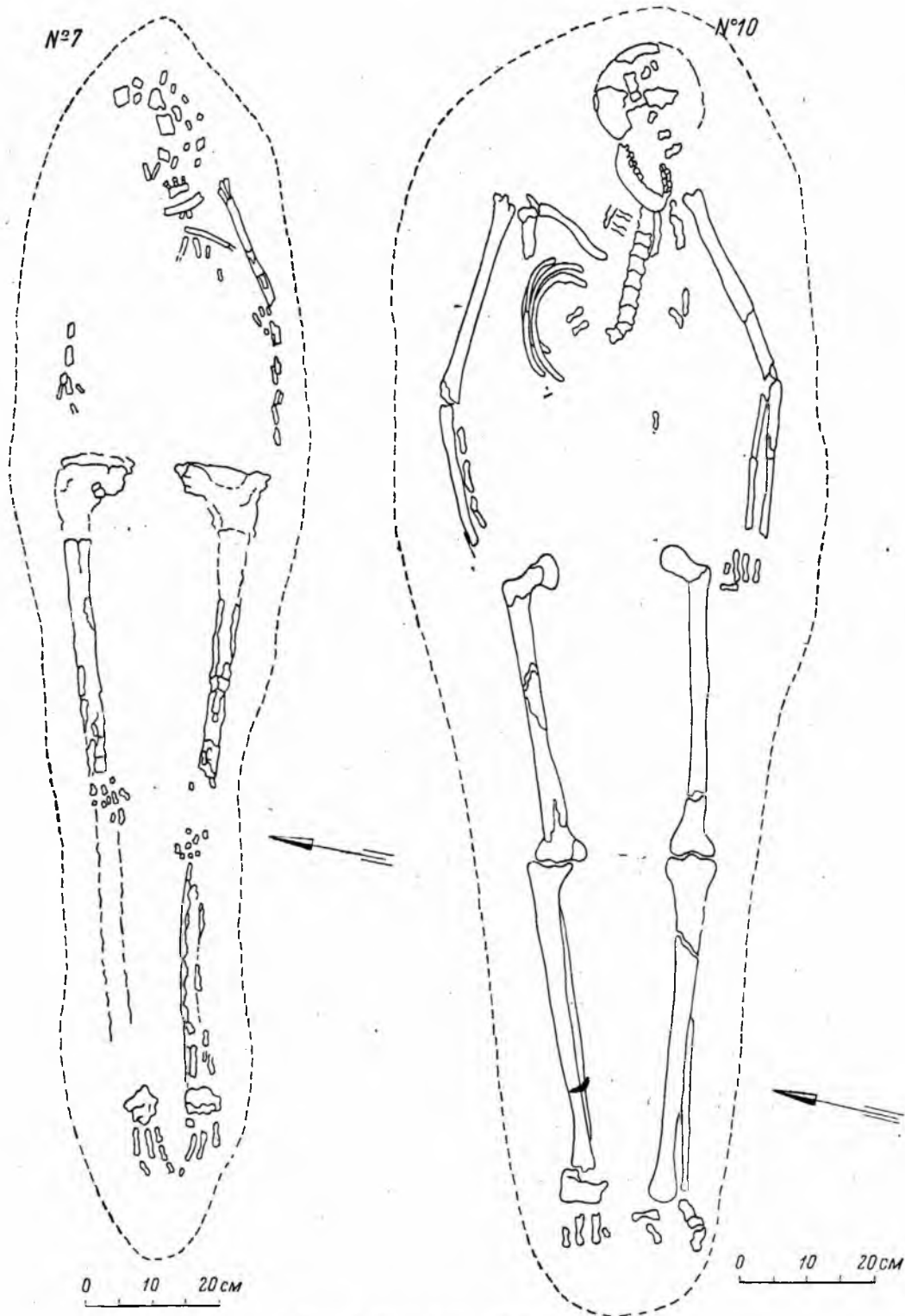

Рис. 5. Погребения №№ 7, 10.

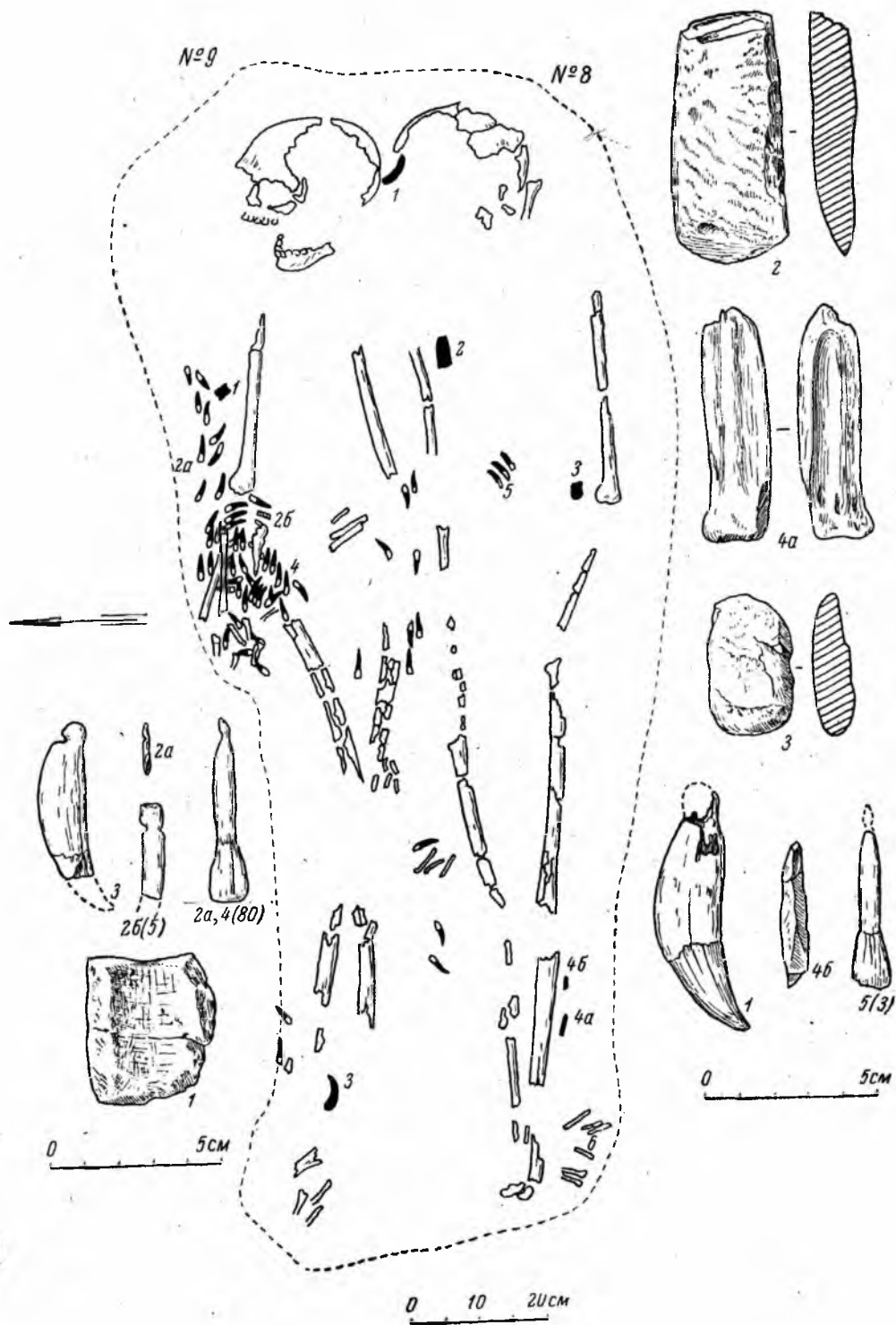

Рис. 6. Погребение № 8-9.

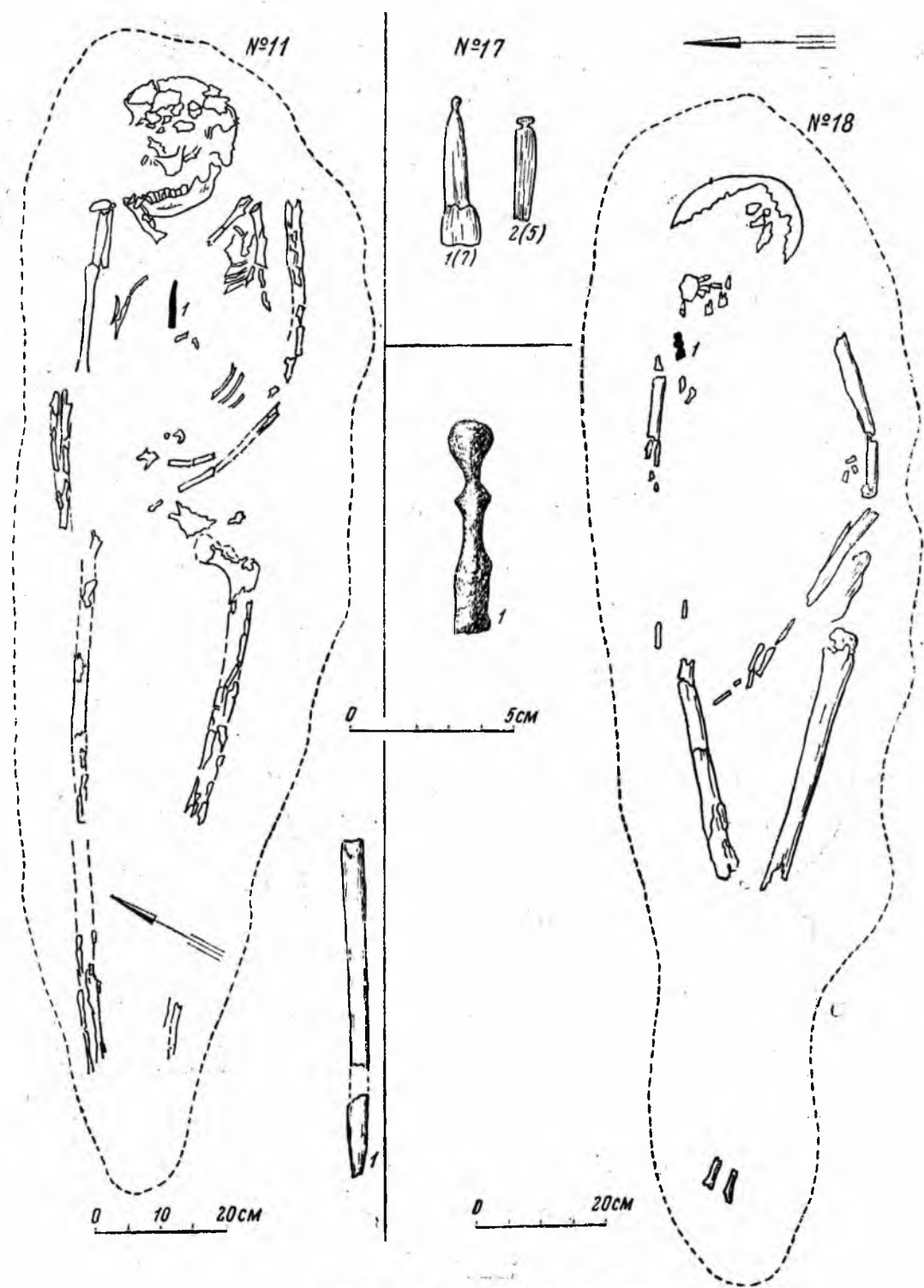

Рис. 7. Погребения №№ 11, 17, 18.

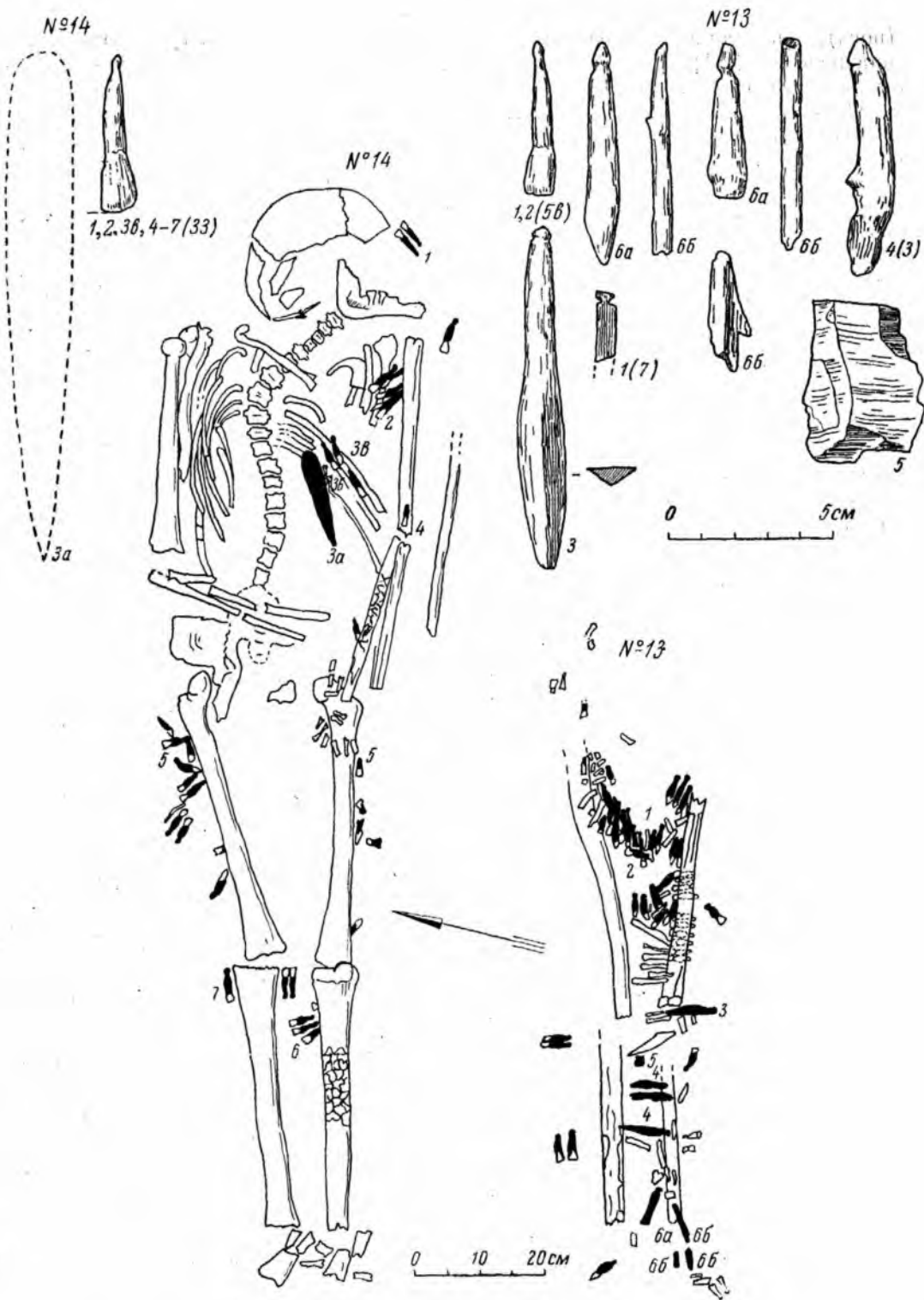

Рис. 8. Погребение № 13-14.

0.57 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Костяки лежали рядом, в общей могильной яме. Оба покойника были положены на спину. Левая рука скелета № 14 вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, череп повернут в левую сторону. Сохранность костей плохая (кости таза почти полностью отсутствуют). Погребение № 13 в значительной степени уничтожено карьером. Сохранились лишь кость правого плеча, прослеживаемая с трудом, правое и левое бедро, обе голени.

Костяки густо засыпаны красной охрой. Захоронение обоих костяков следует считать одновременным.

Инвентарь погребения № 13: 1) в области таза — ряд подвесок из резцов лося, образующих в целом пояс, в который входят и пластинки из резцов бобра с нарезками на концах, располагавшиеся у правого бедра; 2) ниже пояса, между правой и левой бедренной костью — подвески (резцы лося); 3) в области левого колена — костяная подвеска с нарезками на конце; 4) на левой голени — 3 подвески из ульны бобра; 5) слева у бедра (ближе к тазу) — сланцевый отщеп; 6) у левой голени (ближе к ступне): а) костяные подвески с нарезкой на конце, б) 9 обломков костяных острий, трехгранное костяное острие. Кроме того, обнаружены отдельные кости бобра (*Castor fiber*).

Инвентарь погребения № 14: 1) в области черепа (слева) — 2 подвески из резцов лося; 2) в области левого плеча — 5 подвесок из резцов лося, лежащих кучкой; 3) в области груди (несколько ниже ребер) — а) костяной предмет (наконечник), б) около него 2 птичьих кости и в) 3 резца лося; 4) на локте левой руки — подвеска-резец; 5) у правого бедра — 10 подвесок из резцов лося, расположение которых указывает, повидимому, на их связь с поясом; такие же подвески (в количестве 5 экз.) обнаружены на левом бедре; 6) между голенищами — 6 подвесок-резцов; 7) у правой голени (в области колена) — подвеска-резец.

Погребение № 15 (кв. $d_{43}e_{43} - d_{44}e_{44}$; рис. 9).

Глубина залегания скелета от пикета d_{43} —0.73 (череп)—1.15 м (стопы ног); ориентировка — головой на В с небольшим отклонением к С.

Скелет лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, кисти рук —

в области таза. Череп несколько смещен и фрагментирован. Под черепом положены камни; таким образом, скелет лежал несколько в наклонном положении. Сохранность костей плохая.

Дно могилы и кости засыпаны красной охрой (толщина слоя 0.03—0.05 м). Погребение мужское (?).

Инвентарь: 1) под правой стороной черепа — 11 фрагментов пластинок из резцов бобра.

Погребение № 16 (кв. $d_{42}e_{42} - d_{43}e_{43}$; рис. 9).

Глубина залегания скелета от пикета $ж_{43}$ равнялась 0.38 (череп)—0.49 м (стопа); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук — в области таза. Сохранность костей плохая. В ногах покойника наблюдался небольшой (0.40 м в диаметре) полукруг из мелких камней.

Толщина слоя засыпки красной охрой равнялась 0.02—0.05 м.

Инвентарь: 1) в области груди у правой плечевой кости — костяной наконечник стрелы; 2) у правого бедра — 5 костяных подвесок; 3) у таза и в области бедренных костей — 23 резца лося с кольцевыми зарубками и 23 их фрагмента.

Погребение № 17 (кв. $e_{40}d_{40} - e_{42}d_{42}$; рис. 7).

Погребение почти совершенно уничтожено карьером. Сохранились лишь фрагменты черепа и несколько мелких костей, лежащих в контурах красного охристого пятна.

Инвентарь: совместно с указанными остатками костей обнаружено: 1) 7 резцов лося и 2) 5 фрагментов пластинок из резцов бобра. За пределами пятна, но, повидимому, связанный с ним, лежал зуб лося.

Погребение № 18 (кв. $e_{41}e_{41} - e_{42}e_{42}$; рис. 7).

Глубина залегания скелета от пикета e_{42} равнялась 0.63 (череп)—0.80 м (ступни ног); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти — в области таза. Сохранность костей плохая (берцовые кости не сохранились).

Засыпка охрой слабая (до 0.03 м), цвет охры темный.

Инвентарь: 1) у правого плеча несколько ниже ключицы — резная из кости скульптура женщины.

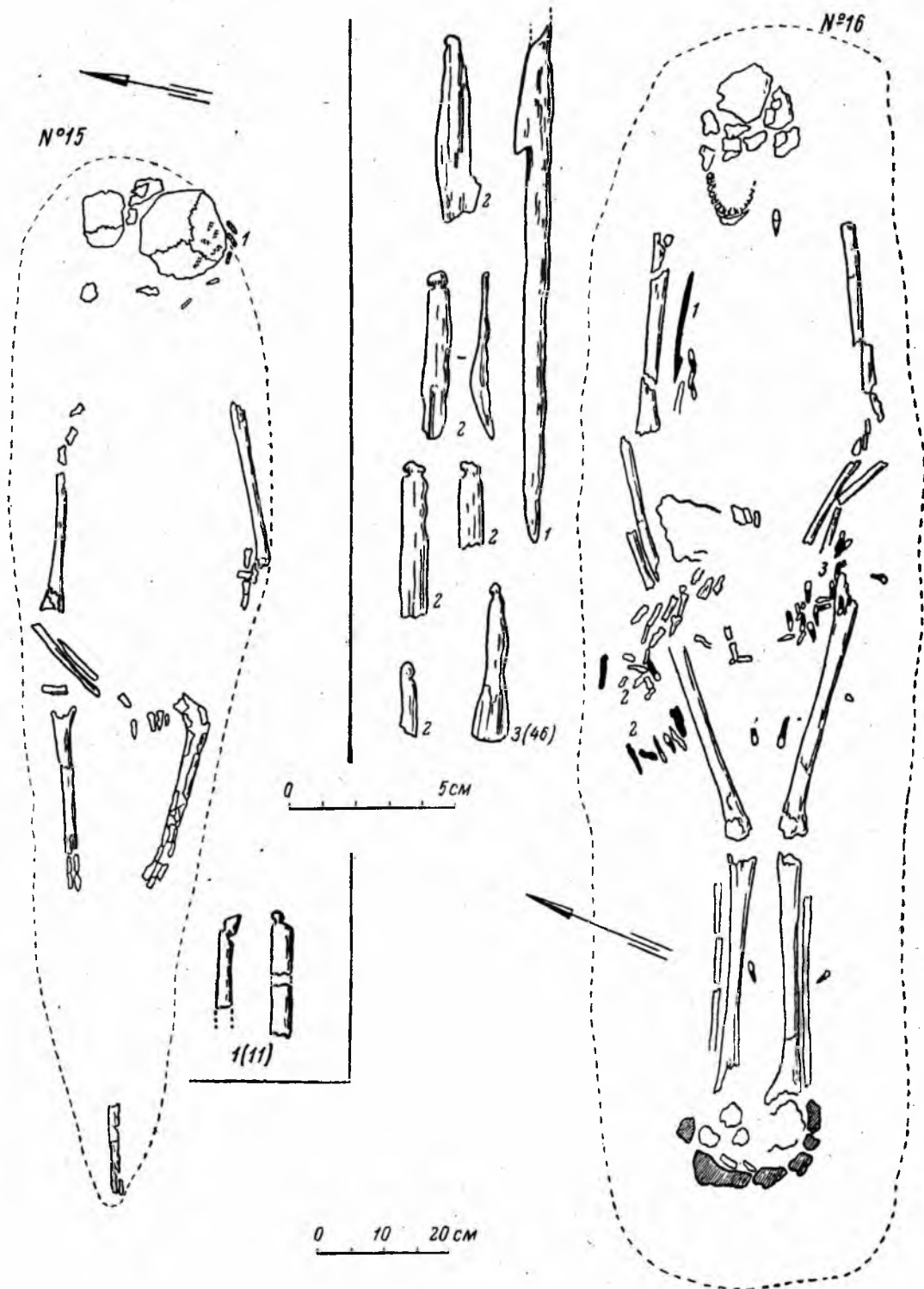

Рис. 9. Погребения №№ 15, 16.

Погребение № 19 (кв. $\varepsilon_{43}\delta_{43}$ — $\varepsilon_{44}\delta_{44}$; рис. 10).

Глубина залегания скелета от пикета ε_{43} равнялась 0.85 (череп)—0.93 м (ноги); ориентировка головой на В с отклонением к С.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук — в области таза. Череп относительно хорошей сохранности, хотя и расколот на две части.

Скелет засыпан слоем охры толщиной 0.01—0.05 м.

И н в е н т а р ь: 1) в области пояса, у головки левого бедра — а) клык медведя и б) сланцевый нож (сильно фрагментированный); 2) у берцовых костей — 12 наконечников из кости, обращенных (насколько это удалось установить) остриями вверх к черепу; 3) у левой берцовой кости, внизу — а) 3 кремневых наконечника стрелы, б) 10 кремневых пластинок, в) 16 обломков костяных поделок, в число которых входит 6 фрагментов наконечников.

Погребение № 20 (кв. $\varepsilon_{43}\varepsilon_{48}$ — $\varepsilon_{44}\varepsilon_{44}$; рис. 11).

Остатки сильно разрушенного погребения в виде отдельных, разрозненных человеческих костей встречались в слое красноватой охры на различной глубине (до 0.65 м). Местами прослеживалась большая интенсивность окраски. У точки ε_{43} найдена кость руки человека, лежащая в первоначальном положении.

И н в е н т а р ь: 1) рядом с костью руки — резец лося, в другом конце ямы — второй резец лося.

Погребение № 21 (кв. $\delta_{42}\varepsilon_{42}$ — $\delta_{43}\varepsilon_{43}$; рис. 11).

Глубина залегания скелета от пикета ε_{43} равнялась 0.62 (череп)—0.74 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С.

Скелет, насколько позволяли судить остатки костей, лежал на спине. Сохранность его плохая. Погребение сильно разрушено ямой. Сохранился лишь череп и кости ног (повидимому, в первоначальном положении).

Засыпка охрой слабая.

Погребение мужское.

И н в е н т а р ь: 1) резец лося.

Погребение № 22 (кв. $a_{43}Я_{43}$ — $a_{44}Я_{44}$; рис. 11).

Глубина залегания скелета от пикета $Я_{43}$ равнялась 0.63 (череп)—0.72 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине в вытянутом положении, руки прослеживались с трудом. Сохранность костей исключительно плохая. От черепа остались лишь незначительные фрагменты и зубы. Остальные кости едва удается проследить.

Скелет засыпан слоем охры толщиной 0.02—0.04 м.

И н в е н т а р ь: 1) у плечевой кости левой руки — кремневая пластинка (нож).

Погребение № 23 (кв. $a_{43}\delta_{43}$ — $a_{44}\delta_{44}$; рис. 12).

Глубина залегания скелета от пикета ε_{43} — 0.50 (место черепа)—0.53 м (кости ног); ориентировка — головой на В.

Кости ног залегали в первоначальном положении, кости туловища и рук частично смещены, частично вовсе отсутствуют, череп не сохранился (погребение повреждено карьером).

Засыпка охрой (дна могилы и костей) интенсивная (до 0.04 м толщиной).

И н в е н т а р ь: 1) в области утраченного черепа и на груди — 3 фрагментированных пластинки из резцов бобра; 2) несколько севернее фрагмента кости правой руки — костяная статуэтка, изображающая человеческую фигурку с двумя лицами (одно на своем обычном месте, другое на месте затылка); 3) в области правого бедра и в непосредственном соседстве с ним — 7 резцов лося; 4) там же — костяное скульптурное изображение змеи.

Погребение № 24 (кв. $a_{43}\varepsilon_{43}$ — $a_{45}\varepsilon_{45}$; рис. 12).

Глубина залегания скелета от пикета a_{44} равнялась 0.82 (череп)—0.71 м (кости ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Погребение оказалось в средней части разрушенным. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые кости ног со ступнями, частично череп и часть правой руки.

Скелет был густо засыпан охрой яркого цвета, толщина слоя засыпки в области черепа достигала 0.10 м.

И н в е н т а р ь: 1) в непосредственной близости от черепа (слева) — длинная костяная пластинка с отверстиями по краям (состоящая из четырех фрагментов); 2) в области кисти правой руки — клык медведя с просверленным отверстием (положение его было вертикальным, отверстием кверху); 3) вблизи черепа — кремневый ножичек;

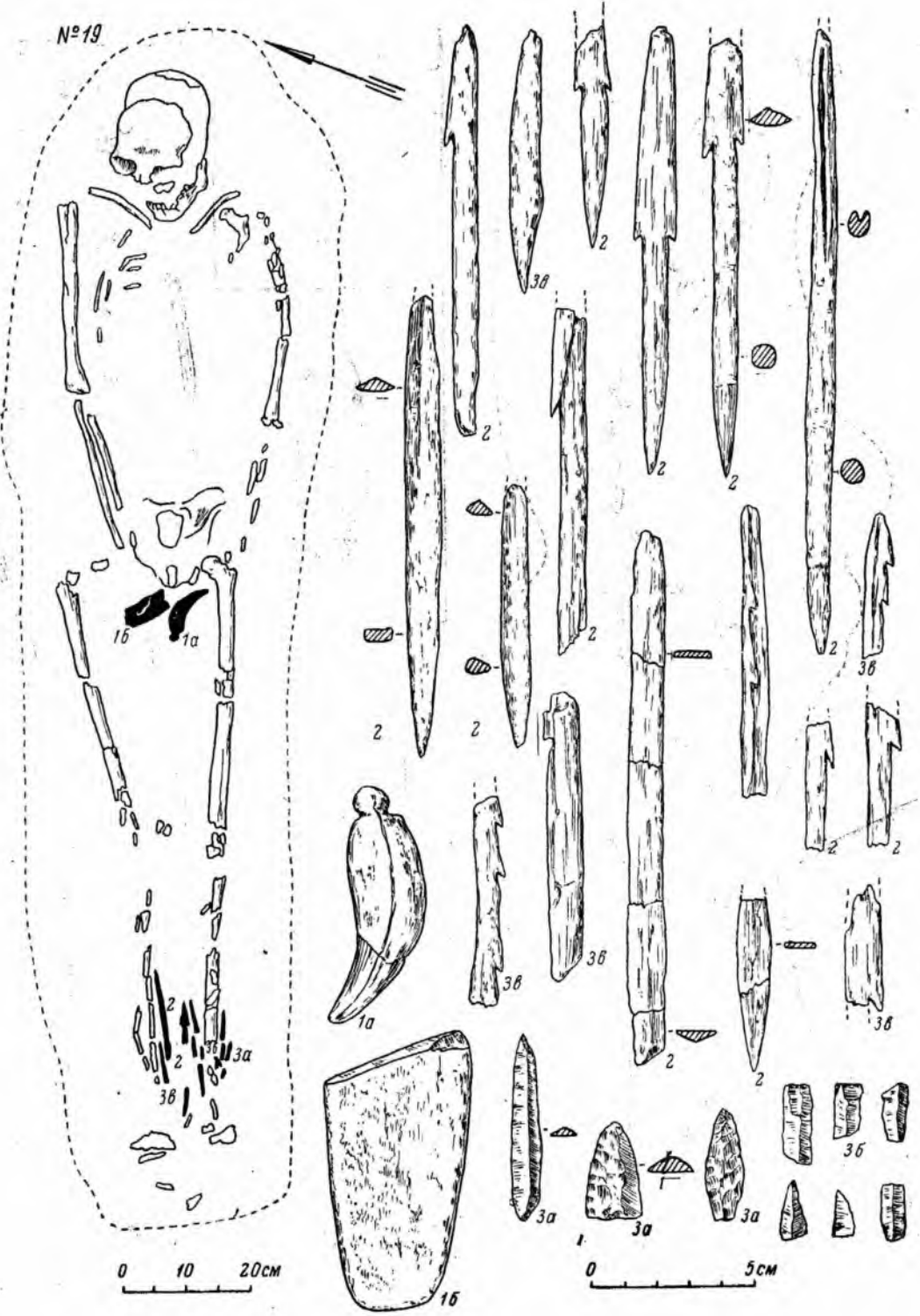

Рис. 10. Погребение № 19.

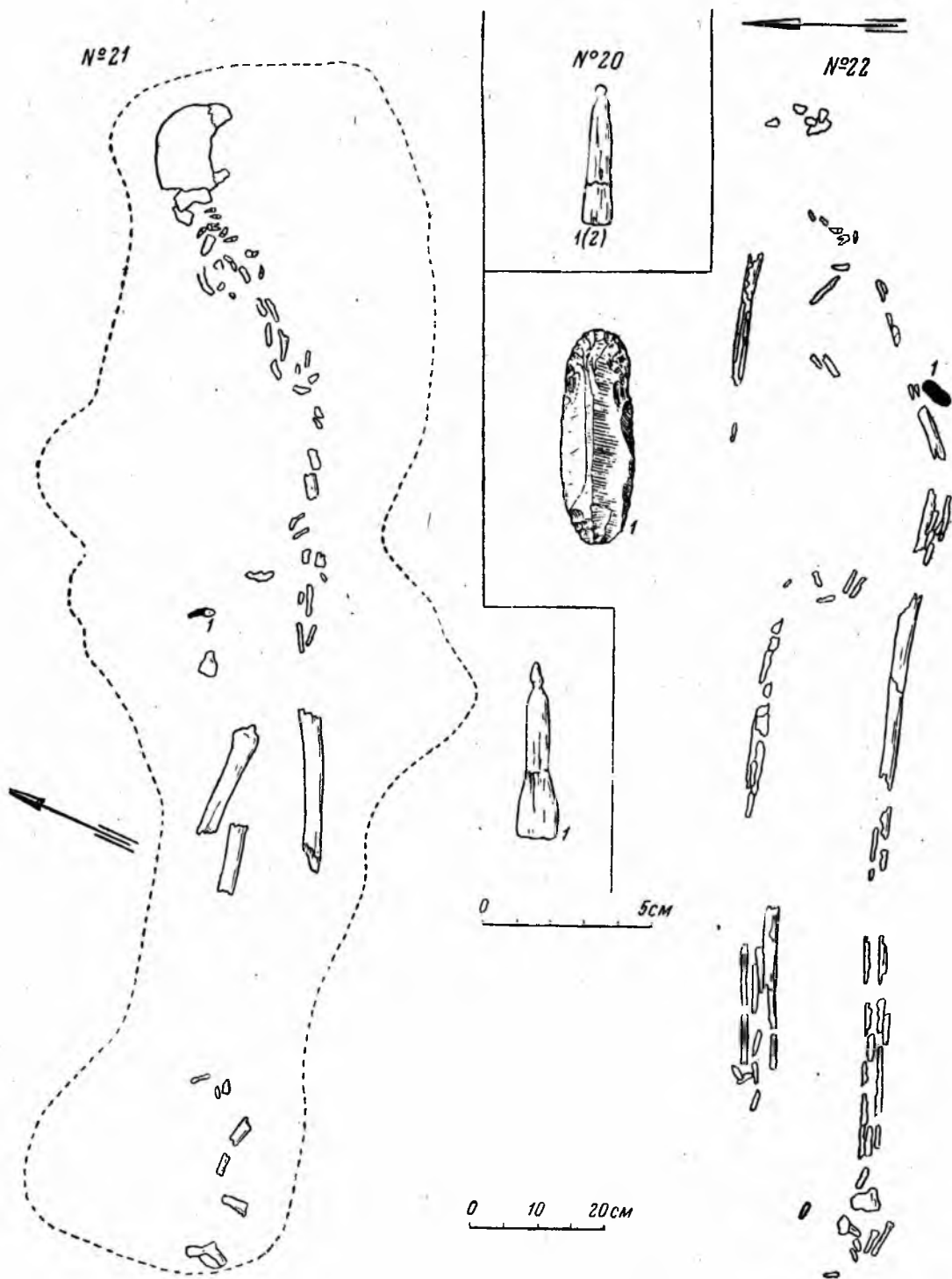

Рис. 11. Погребения №20, 21, 22.

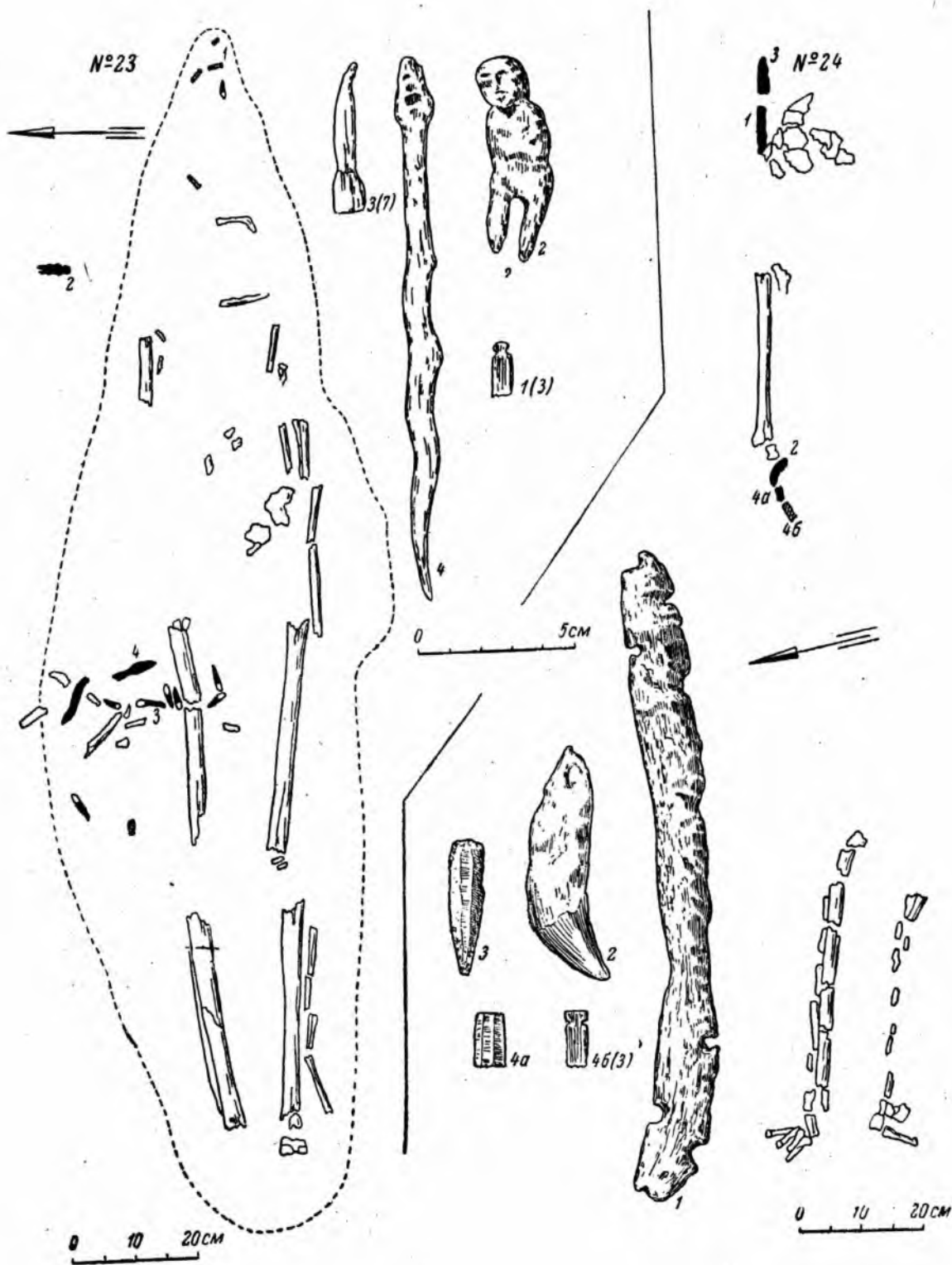

Рис. 12. Погребения №№ 23, 24.

4) в средней части скелета — а) ножевидная кремневая пластинка и б) 3 пластинки из резцов бобра.

Погребение № 25 (кв. $b_{43}e_{43}$ — $b_{45}e_{45}$; рис. 13).

Глубина залегания скелета от пикета e_{43} равнялась 0.50 (череп) — 1.15 м (фаланги ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Положение скелета довольно необычно. Верхняя часть туловища и череп лежали горизонтально, ноги опущены в яму (концы фаланг лежали на 0.65 м ниже черепа). Таким образом, скелет был согнут в области поясницы. Кости рук от локтя под углом шли вниз. Такое положение скелета могло быть вызвано сильным оседанием земли в нижней части костяка, происшедшим вскоре после захоронения, однако не исключена возможность, что оно было преднамеренным. Под костями туловища обнаружено несколько камней. Сохранность костей плохая. Череп фрагментирован, челюсти смещены и разбиты.

Засыпка охрой очень интенсивная. Начиная почти от дневной поверхности (0.05—0.08 м) слабое охристое пятно прослеживалось у пикета e_{44} , где оно имело размер около 1.00—0.80 м. По мере углубления интенсивность охристого пятна увеличивалась, цвет ее становился ярче. Красной охрой было засыпано и дно могилы. К северу от скелета, на одном уровне с его средней частью, в расстоянии 0.50 м от лучевой кости, за пределами охристого пятна, в гальке, находилось углубление вытянуто-округлых очертаний (0.30 × 0.45 м), конической формы, заполненное охрой и мелкими костями животных, побывавших в огне. Охра с костями несколько поднималась над верхней частью ямы.

Инвентарь: 1) под скелетом (в его средней части) — челюсть собаки; 2) к северу от средней части скелета — 4 фрагмента плоского костяного наконечника; 3) у правого предплечья: а) группа обломков наконечников из кости, б) пластинка из резца бобра, в) кремневая микролитовидная пластинка; 4) на скелете — резцы лося: в области живота у таза — 18, в области ног — 8; 5) у левой бедренной кости — клык медведя (являвшийся, по видимому, частью пояса из резцов лося); 6) начиная от груди скелета до его ступней ног — 39 пластинок (часть фрагментирована) из резцов бобра: наи-

большее число их расположено в области пояса; 7) рядом с теменной костью черепа — зубы лося.

Погребение № 26-27-28 (кв. $b_{45}e_{45}$ — $b_{46}e_{46}$); тройное захоронение (рис. 14).

Глубина залегания костяков от пикета e_{44} равнялась: погребения № 26 — 0.49, погребения № 27 — 0.51, погребения № 28 — 0.57 м; ориентировка — головами на В с некоторым отклонением к Ю.

Все три скелета лежали рядом друг с другом, почти в одной плоскости. В области ног погребения № 27 прослеживалось небольшое сооружение в форме круга, выложенное из камней, внутри которого была насыпана охра. Сверху сооружение покрыто круглой плитой. Сохранность костей очень плохая. Наличествуя лишь мелкие фрагменты. Насколько удастся проследить по ним, положение костяков вытянутое, на спине.

Дно могильной ямы и кости густо посыпаны красной охрой (слой мощностью до 0.05 м). Все погребения мужские.

Инвентарь погребения № 26: 1) в области груди — а) костяной наконечник, б) 2 фрагмента наконечников, в) 10 обломков костяных поделок.

Инвентарь погребения № 27 отсутствует.

Инвентарь погребения № 28: 1) в области груди — 4 резца лося.

Погребение № 29 (кв. $a_{47}b_{47}$ — $a_{48}b_{48}$; ¹ рис. 3).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.67 м.

Насколько удалось проследить, скелет лежал на спине, с головой, повернутой вправо. Погребение разрушено (сохранились лишь остатки раздавленного черепа, обломки челюсти, ключицы и часть костей правой руки).

Покойник был густо засыпан красной охрой.

Инвентарь: 1) в области левого плеча — 5 резцов лося (подвески); 2) 2 фрагмента трубчатых костей животного.

Погребение № 30 (кв. $a_{46}A_{46}$ — $a_{47}A_{47}$; рис. 15).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.82—0.84 м; ориентировка — головой на ЮВ (120°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Левая рука согнута в локте,

¹ Полевой чертеж отсутствует.

N^o25

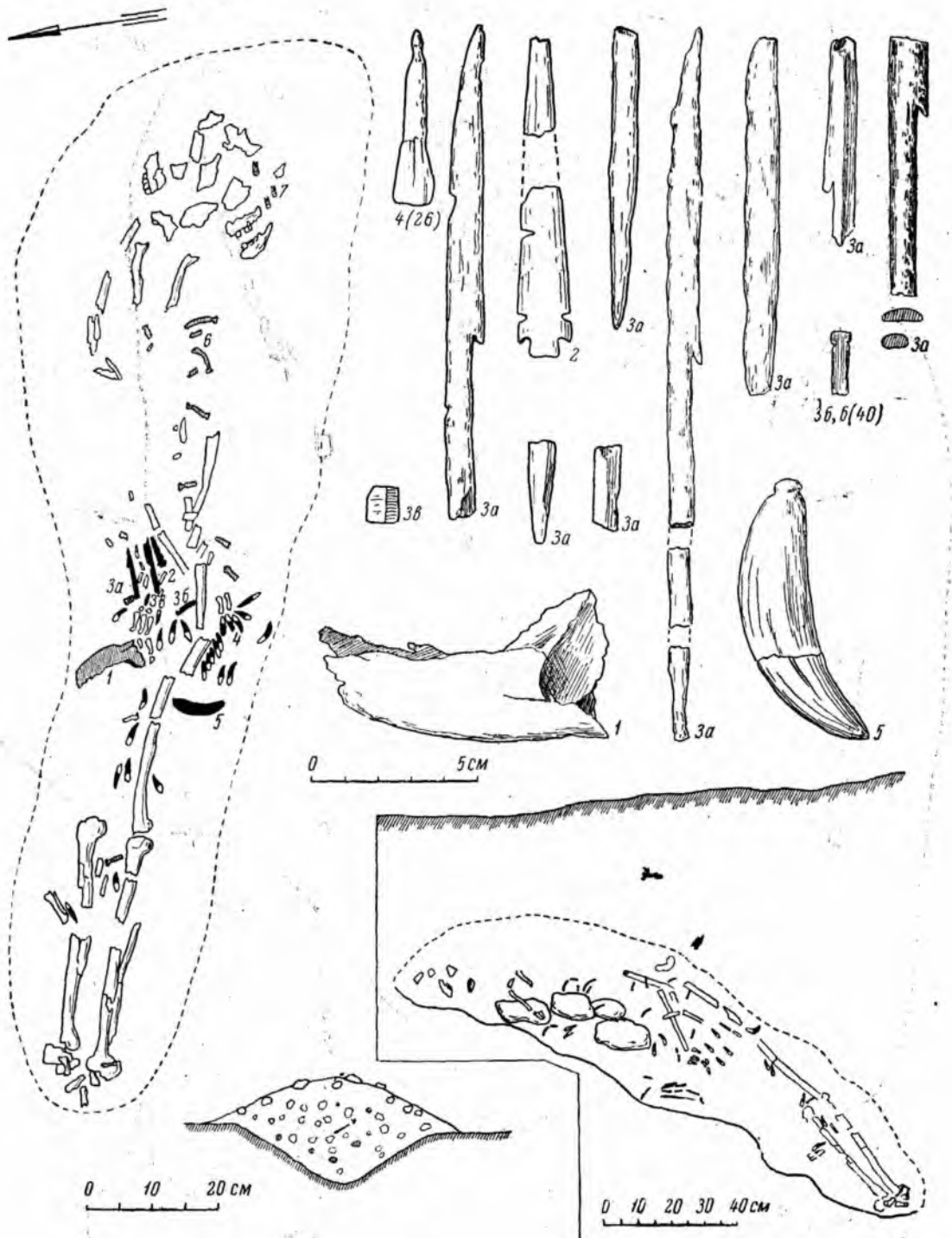

Рис. 13. Погребение № 25.

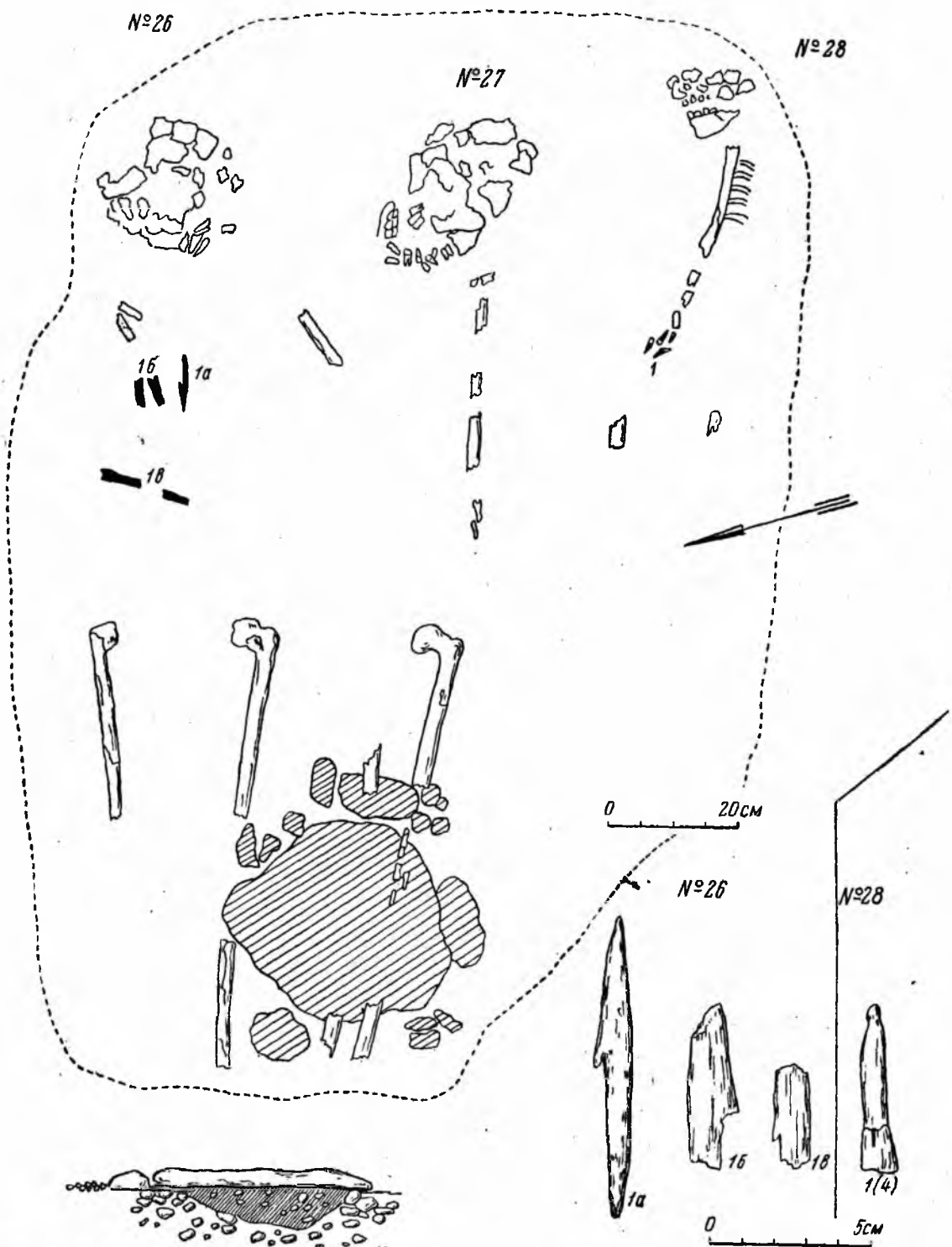

Рис. 14. Погребение № 26-27-28.

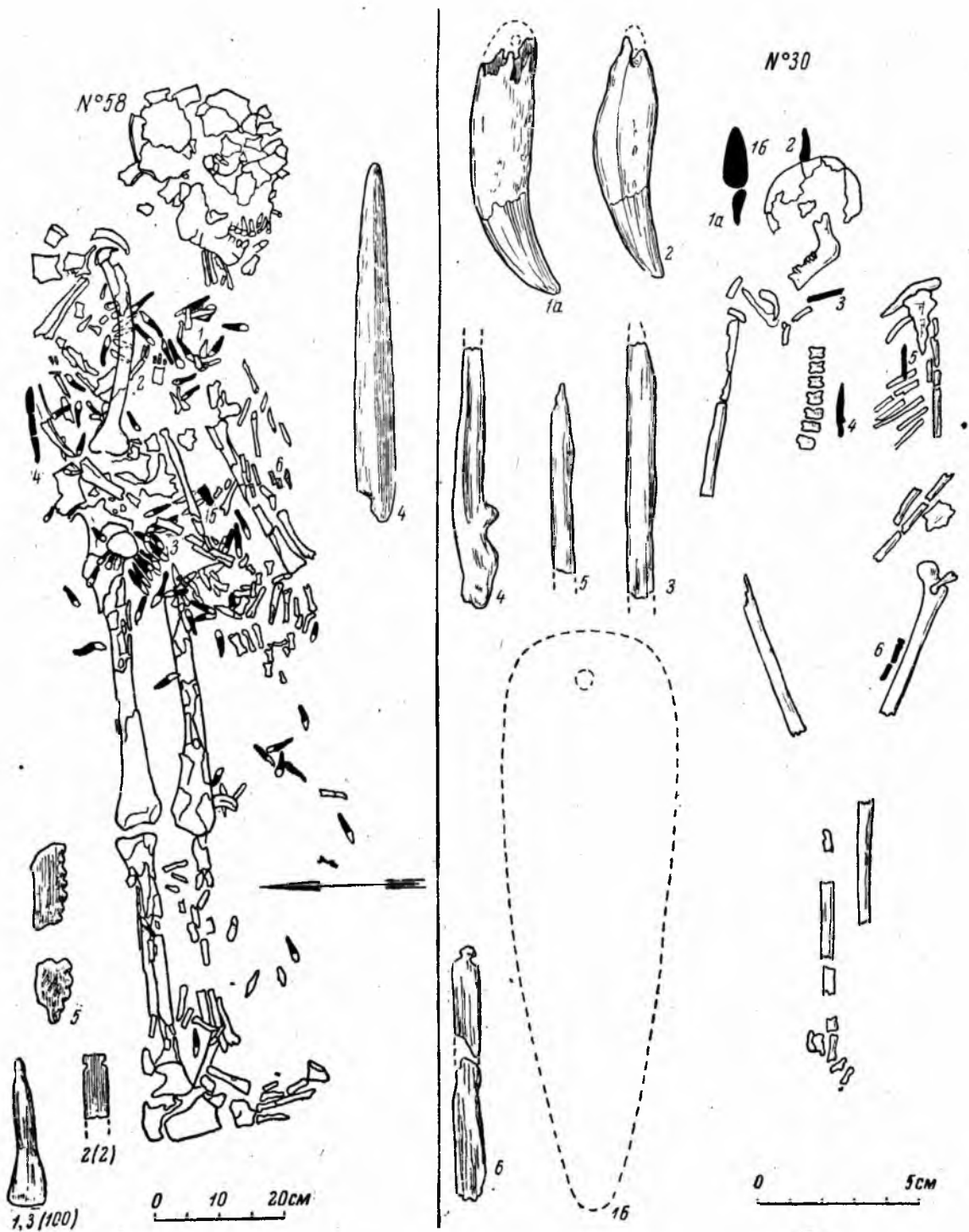

Рис. 15. Погребения №№ 30, 58.

череп повернут вправо. Сохранность костей плохая, череп раздавлен, мелкие кости в большинстве случаев отсутствуют. Сохранились лишь часть позвонков, ключица и несколько ребер.

Костяк сильно окрашен красной охрой, ею же густо засыпано и дно могилы. Над черепом, в контурах могильного пятна, обнаружен крупный валун. Вокруг могильной ямы также несколько валунов. Длина костяка 1.82 м.

Инвентарь: 1) у черепа, справа — а) подвеска из клыка медведя и б) сланцевый нож; 2) на черепе — подвеска из клыка медведя; 3) под челюстью — костяная пластинка (обломок костяного наконечника); 4) в области груди — ульна бобра; 5) у левого плеча — обломок костяного наконечника; 6) у левого бедра — подвеска в виде костяной пластинки из двух фрагментов.

Погребение № 31 (кв. $a_{48}Я_{48}—a_{49}Я_{49}$; рис. 16).

Глубина залегания скелета от пикета $Я_{49}$ равнялась 0.61 (череп)—0.74 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, правая рука — вдоль туловища, левая не прослеживалась. Сохранность костей плохая; лучше сохранилась правая половина погребения.

Засыпка охрой слабая (не более 0.01—0.02 м).

Инвентарь: 1) в области шеи — 2 клыка медведя с отверстиями; 2) на груди костяной наконечник (фрагментированный); 3) на левой стороне груди — плоская галька.

Погребение № 32 (кв. $a_{49}Я_{49}—a_{50}Я_{50}$; рис. 16).

Глубина залегания скелета от пикета $Я_{50}$ равнялась 0.71 м.

Костяк сохранился лишь от черепа до таза, нижняя половина уничтожена карьером. Череп повернут направо, сильно фрагментирован; от остальных костей сохранились лишь незначительные остатки.

Засыпка охрой слабая.

Инвентарь: 1) справа от скелета, у остатков плечевой кости — кремневый, тщательно обработанный наконечник.

Погребение № 33 (кв. $Ю_{45}Я_{45}—Ю_{47}Я_{47}$; рис. 17).

Глубина залегания скелета от пикета $Ю_{46}$ равнялась 0.66 (череп)—0.70 м (ступни ног); ориентировка — головой на В.

Положение костяка скорченное, на правом боку, руки согнуты в локтях и направлены к подбородку. Сохранность костей исключительно плохая — кости состояли из мельчайших фрагментов, несколько лучше сохранились кости ног. Череп сильно поврежден корнями. Кости туловища почти не прослеживаются, кости рук едва заметны.

Засыпка охрой очень слабая.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 34 (кв. $Ю_{43}Я_{43}—Ю_{45}Я_{45}$;

рис. 17). Глубина залегания скелета от пикета $Ю_{44}$ равнялась 0.65 (череп)—0.74 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на правом боку, ноги прижаты друг к другу, как будто бы они были связаны. Сохранность костей очень плохая.

Засыпка охрой едва заметная.

Инвентарь не обнаружен.

Погребение № 35 (кв. $Ш_{44}Ю_{44}—Ш_{45}Ю_{45}$; рис. 18).

Глубина залегания скелета от пикета $Э_{44}$ равнялась 0.70 (череп)—0.65 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, череп повернут налево, кисть левой руки — на тазе, кости правой руки отсутствуют. Ноги ниже колен плотно прижаты друг к другу (берцовые кости соприкасаются). Сохранность костей плохая.

Засыпка охрой слабая, окраска не яркая (розоватая).

Инвентарь: 1) в области черепа — 4 пластинки из резцов бобра, повидимому, относящиеся к головному убору; 2) между ног — пластинка из резца бобра; 3) у левого плеча — 5 резцов лося; 4) в области правой руки — кусок сланца со слабо заметными следами от затачивания на нем предметов.

Погребение № 36 (кв. $Э_{43}Ю_{43}—Э_{44}Ю_{44}$; рис. 18).

Глубина залегания скелета от пикета $Ш_{44}$ равнялась 0.61 (череп)—0.67 м (ноги); ориентировка — головой на В с некоторым отклонением к Ю.

Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей плохая.

Засыпка охрой интенсивная (до 0.02—0.07 м). Цвет охры яркокрасный.

Инвентарь: 1) у правой плечевой кости — сланцевый нож, прекрасно зашлифованный, четырехугольной формы; 2) здесь же — клык медведя с отверстием; 3) в не-

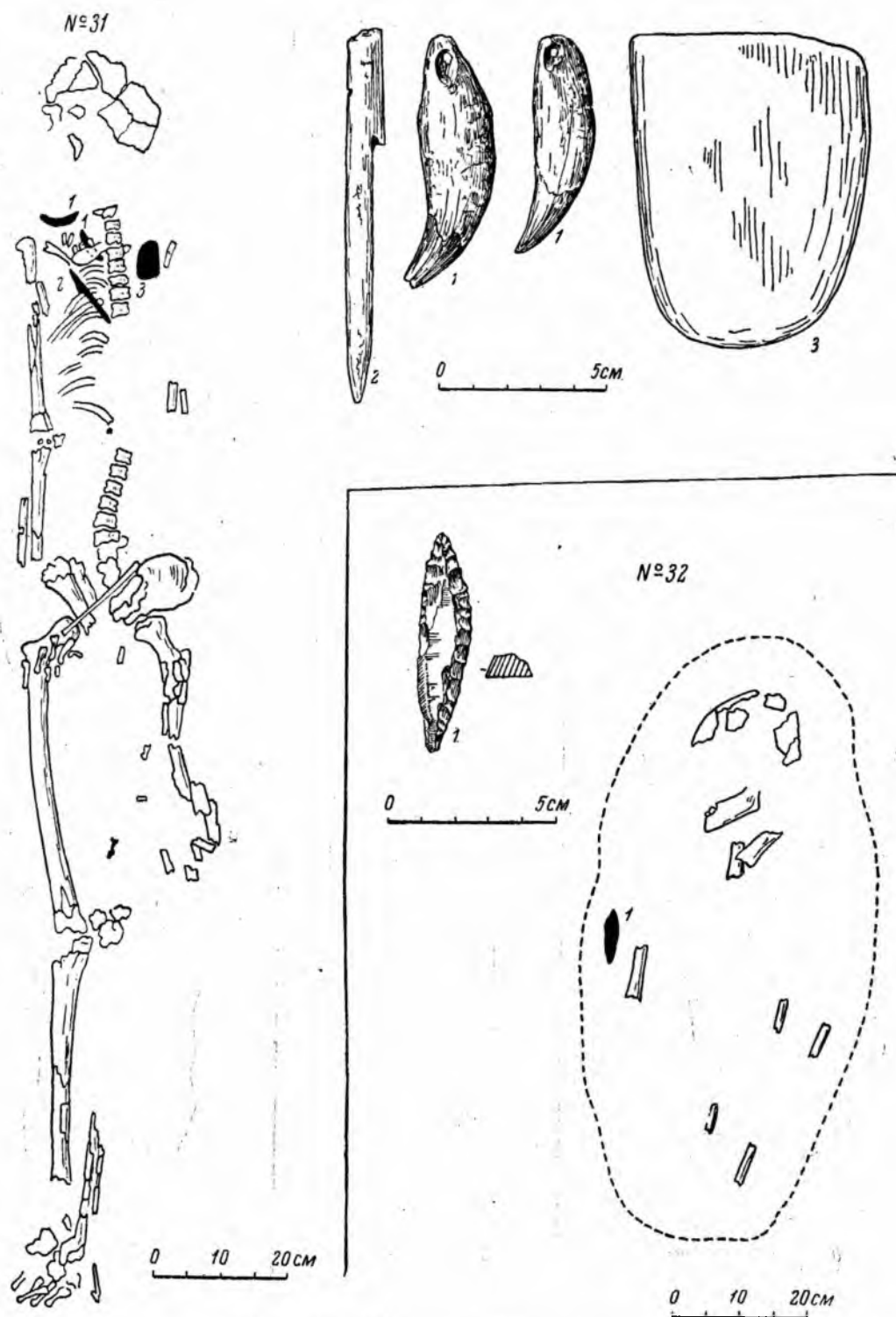

Рис. 16. Погребения №№ 31, 32.

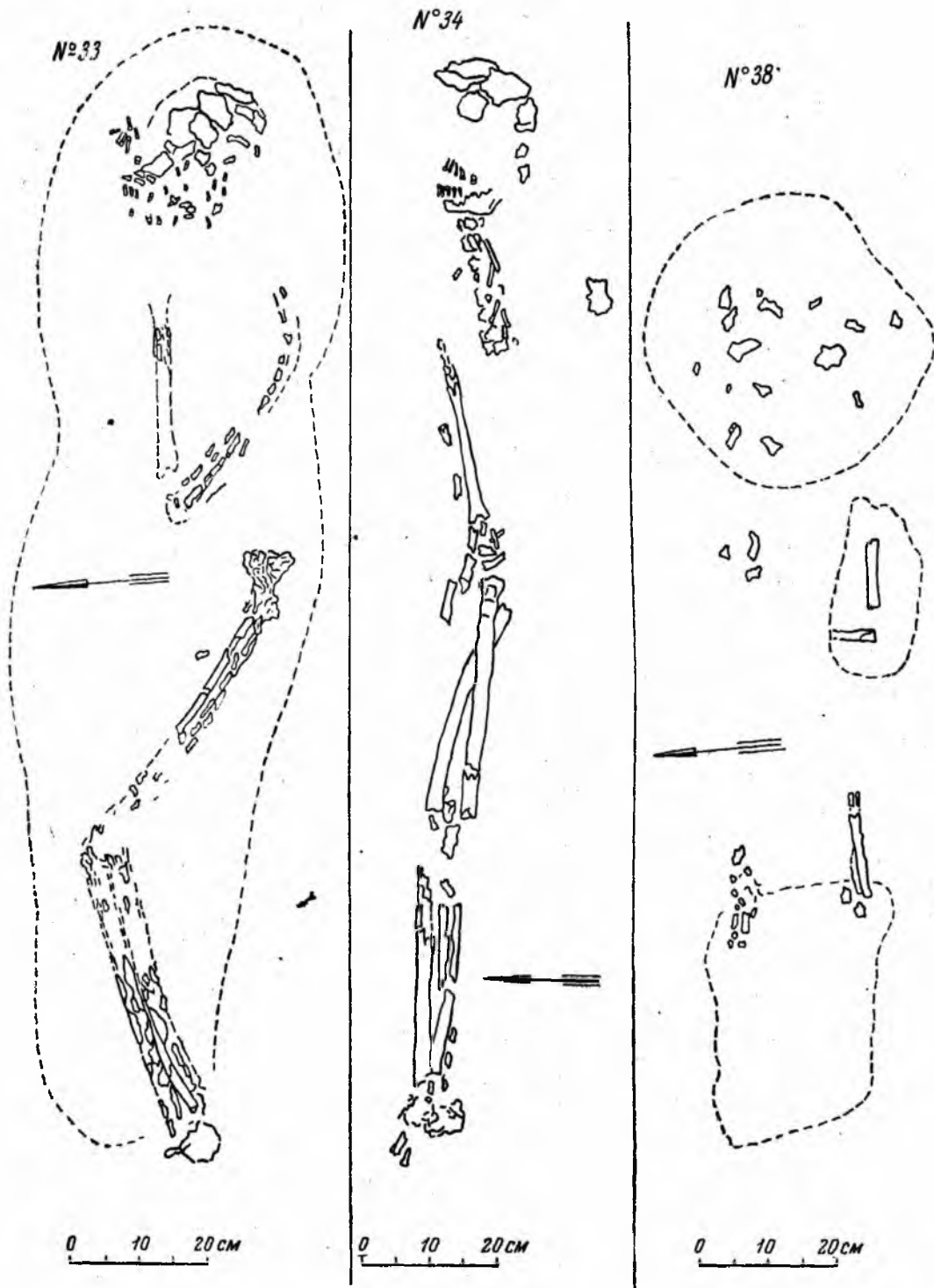

Рис. 17. Погребения №№ 33, 34, 38.

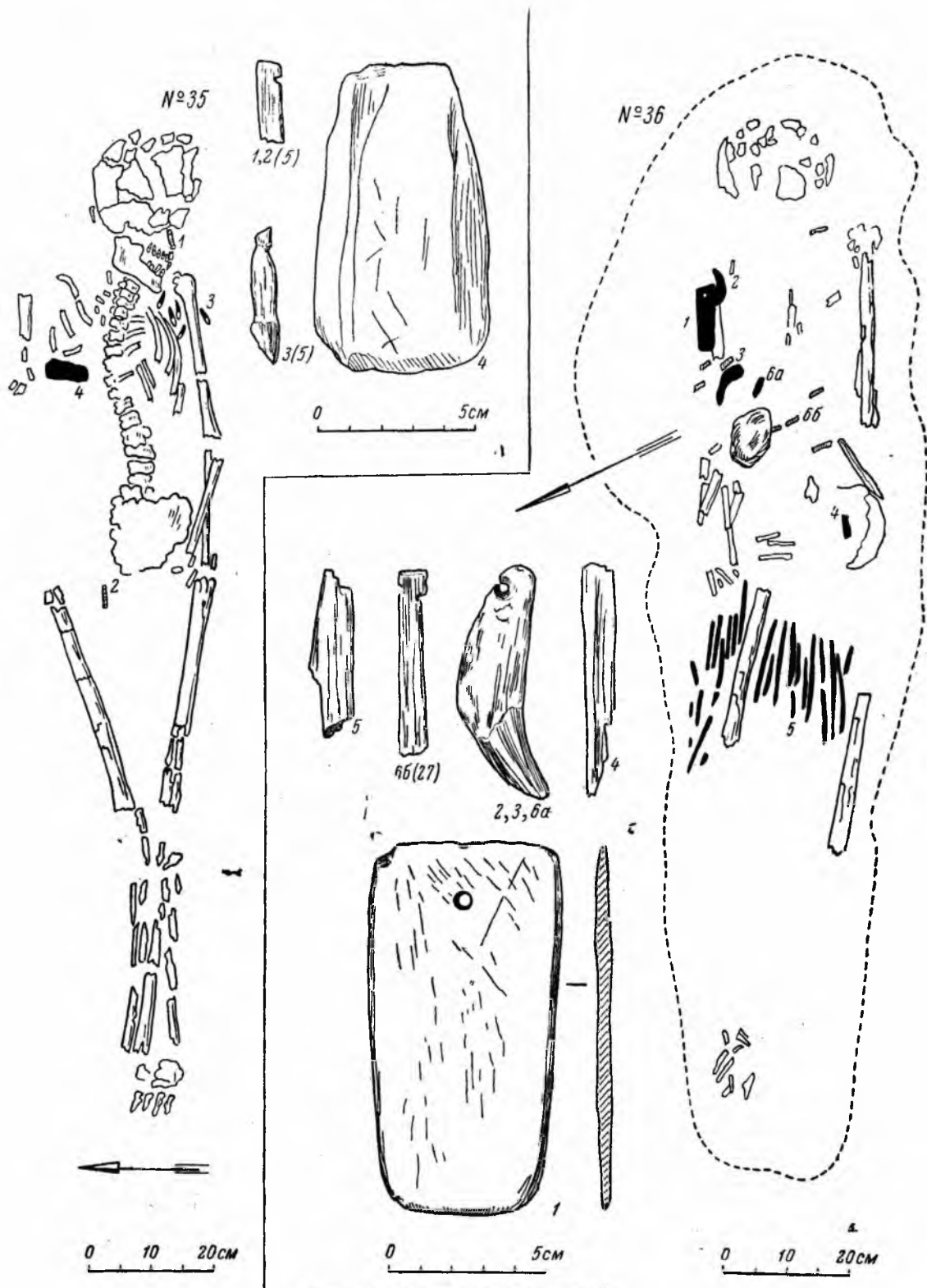

Рис. 18. Погребения №№ 35, 36.

посредственном соседстве с ножом, ближе к поясу — клык медведя с отверстием; 4) в области пояса — костяное орудие с желобком (сохранность плохая); 5) ниже таза, у бедренных костей — группа костяных наконечников (очень плохой сохранности); 6) в области груди — а) остаток клыка медведя (очень плохой сохранности), б) 27 пластинок из резцов бобра и 35 обломков их.

Погребение № 37 (кв. Ю₄₂Я₄₂—Ю₄₃Я₄₃).¹

Глубина залегания скелета от пикета Я₄₃ равнялась 0.66 (череп) — 0.70 м (ноги); ориентировка — головой на В с некоторым отклонением к Ю.

Скелет лежал в вытянутом положении. Сохранность костей чрезвычайно плохая; положение костяка прослеживается с большим трудом.

Засыпка охрой очень слабая.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 38 (кв. Э₄₂Ю₄₂—Э₄₃Ю₄₃; рис. 17).

Глубина залегания скелета от пикета Я₄₃ равнялась 0.62 м; ориентировка — головой на В(?).

Сохранность костей очень плохая; погребение в сильной степени разрушено в древности; положение скелета прослеживается с большим трудом. Несколько лучше сохранились длинные кости.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 39 (кв. Ш₄₂Э₄₂—Ш₄₃Э₄₃; рис. 19).

Глубина залегания скелета от пикета Ш₄₂ равнялась 0.79 (череп) — 0.70 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал в вытянутом положении, на спине. Положение рук ввиду очень плохой сохранности костей проследить не удалось.

Засыпка охрой достаточно интенсивная, ярко цвета. Примесь охры к земле прослеживалась над скелетом, начиная с глубины 0.20—0.25 м от пикета Ш₄₂.

И н в е н т а р ь: 1) в непосредственном соседстве с черепом — 4 трубчатые кости животного, положенные крест-накрест; 2) здесь же, рядом с одной из костей — костяная поделка (проколка или наконечник); 3) на черепе сверху — а) костяной наконечник и б) 4 резца лося; 4) у черепа в области шеи — 6 костяных наконечников стрел и их обломков, лежащих кучкой и направленных

остриями к черепу (сохранность очень плохая); 5) ниже черепа — а) фрагменты костяных поделок и б) 2 кремневых наконечника стрел; 6) на скелете найдено, кроме того, 13 пластинок из резцов бобра, располагавшихся в области черепа (одна из них на черепе, в глазной впадине), правой руки и пояса.

Погребения № 40, 41 (кв. Ш₄₁Э₄₁—Ш₄₂Э₄₂); двойное, разновременное(?). (рис. 20).

Глубина залегания обоих скелетов от пикета Э₄₆ — 0.70 (череп) — 0.72 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Положение костяков различно. Положение скелета № 40, насколько позволяют судить остатки костей, вытянутое. Сохранились лишь кости ног в виде мелких обломков, несколько фрагментов черепа и отдельные зубы, а также фрагменты кости правой руки. Погребение № 41 — скорченное, ноги согнуты в коленях, кости руки (прослеживаемые с чрезвычайным трудом) направлены к подбородку. Лучше сохранились ноги, остальные кости отсутствуют.

Засыпка охрой очень слабая.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 42 (кв. Ч₄₂Ш₄₂—Ч₄₃Ш₄₃; рис. 21).

Глубина залегания скелета от пикета Ч₄₂ равнялась 0.63 (череп) — 0.71 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, лицом вверх, руки слегка согнуты в локтях, кисти — в области таза.¹ Сохранность костей сравнительно удовлетворительная.

Степень засыпки охрой средняя (от 0.02 до 0.04 м).

И н в е н т а р ь: 1) в области груди — костяной наконечник; 2) у локтя правой руки — кремневый отщеп.

Погребение № 43 (кв. Ю₄₁Я₄₁—Ю₄₃Я₄₃; рис. 20).

Глубина залегания скелета от пикета Ю₄₂ равнялась 0.80 (череп) — 0.75 (колени) — 0.80 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С.

Скелет лежал на правом боку, руки вытянуты вдоль туловища, ноги от колен согнуты под углом, однако направлены не

¹ Полевой чертеж отсутствует.

¹ Кисти рук в момент захоронения были заложены за спину.

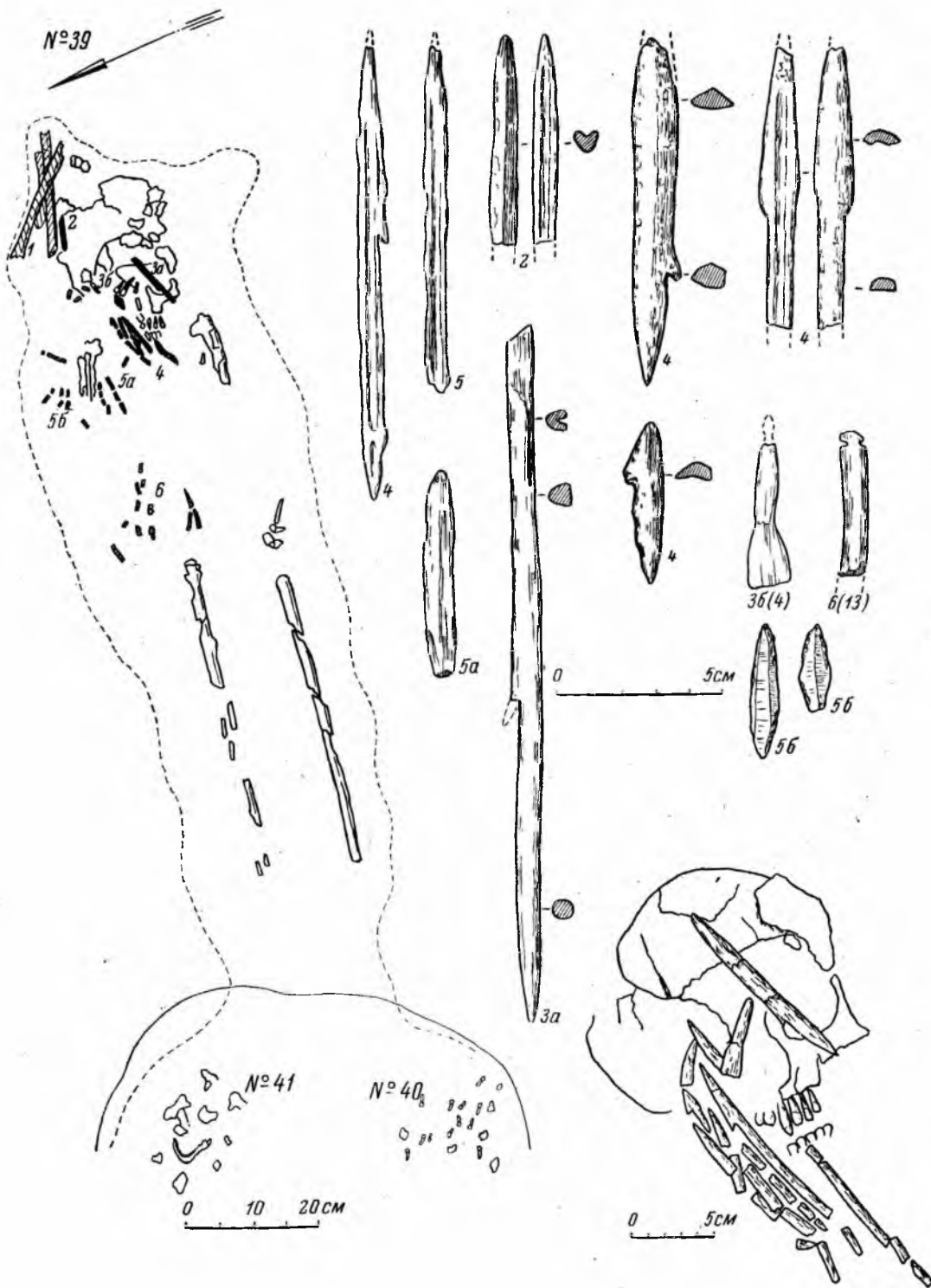

Рис. 19. Погребение № 39.

Рис. 20. Погребения №№ 40, 41, 43.

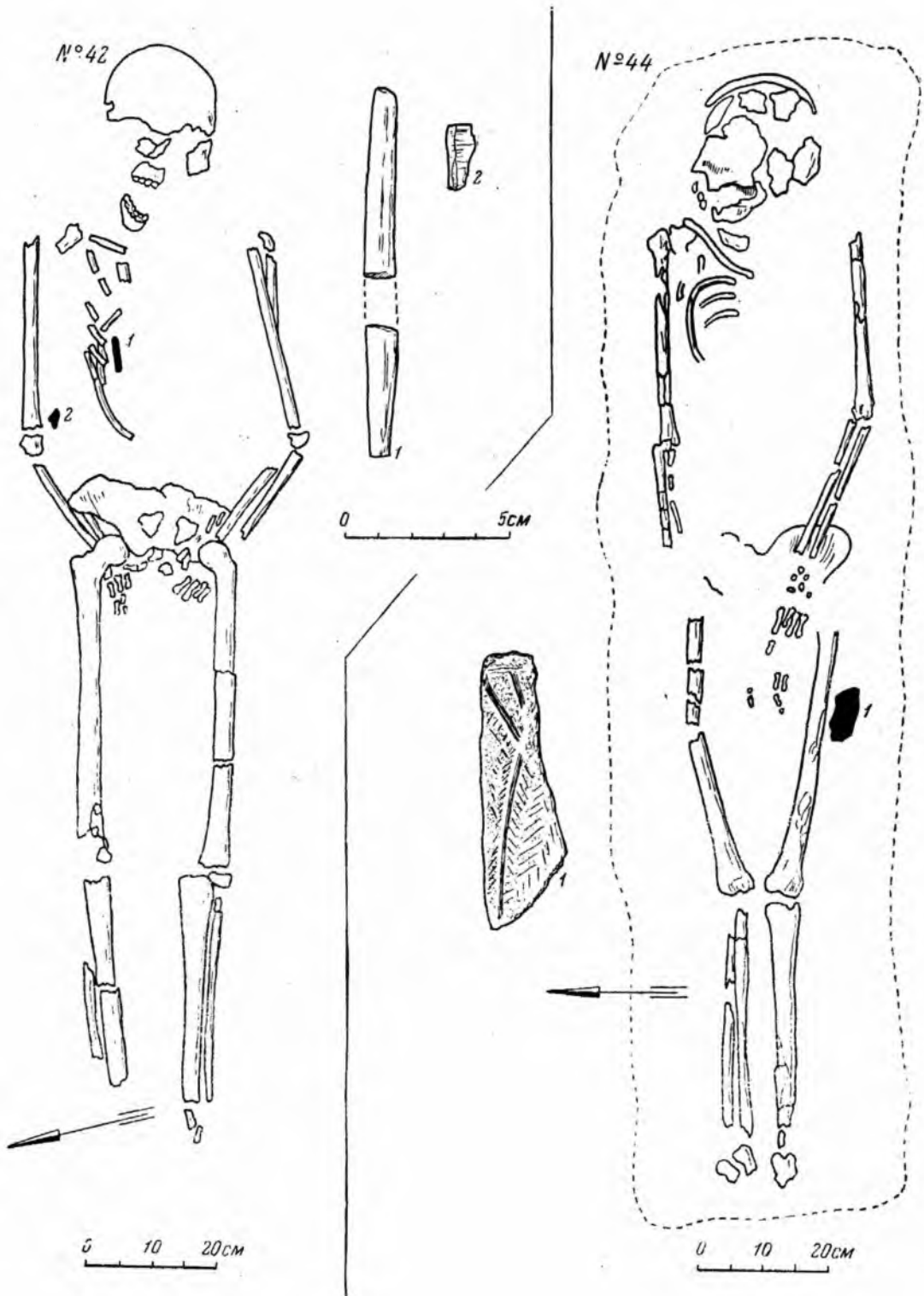

Рис. 21. Погребения №№ 42, 44.

вперед, как обычно в скорченном погребении, а назад. Сохранность костей плохая.

Засыпка охрой слабая.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 44 (кв. Ю₄₀Я₄₀—Ю₄₁Я₄₁; рис. 21).

Глубина залегания скелета от пикета Я₄₁ — 0.79 (череп) — 0.75 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, кисти — в области таза. Сохранность костей относительно удовлетворительная.

И н в е н т а р ь: 1) у левого бедра — трехгранный обломок песчаника с орнаментом на всех трех гранях в виде елки.

Погребение № 45 (кв. Ю₃₇Я₃₇—Ю₃₈Я₃₈; рис. 22 и 22а).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.75 (череп) — 0.71 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, левая рука слегка согнута в локте, кисти рук — в области таза, череп повернут правой стороной вниз. Сохранность костей относительно хорошая, хотя мелкие кости в подавляющем большинстве разрушились. Череп фрагментирован.

Засыпка охрой костяка и дна могильной ямы интенсивна, цвет охры красный. Легкая окрашенность грунта прослеживалась с глубины 0.35 м вплоть до дна ямы, становясь постепенно более интенсивной. Над костяком охристое пятно имело удлиненно-овальную форму и размер 1.80 × 0.55 м. На груди, коленях и у левого плеча лежали камни средней величины.

И н в е н т а р ь: 1) в области черепа и правого плеча (с северной стороны) — а) 9 пластинок из резца бобра, фаланга животного, б) подвеска из резца лося; 2) в области правой ноги (несколько выше колен) — 30 целых, 9 обломков костяных и 21 кремневый наконечник стрел, лежащих компактной массой, остриями в одну сторону, 10 кремневых пластинок (вкладыши) и отщеп кремня; 3) в непосредственной близости от правой ноги — длинный костяной наконечник; 4) между ног — а) костяной наконечник (значительной длины), б) фрагментированное лошито, в) кремневый наконечник стрелы и г) 3 резца лося; 5) в области груди — а) 2 сланцевых ножа, б) 3 клыка медведя, в) 20 пластинок из резцов бобра, г) 19 подвесок из резцов лося, д) кремневый наконечник

стрелы, резец бобра, длинная трубчатая кость, куски охры; 6) на костяке и рядом с ним — 8 подвесок из подъязычных костей животного и обломок подвески.

Погребение № 46-47 (кв. Э₃₆Я₃₆—Э₃₇Я₃₇); двойное захоронение (рис. 23 и 23а).

Глубина залегания погребений от дневной поверхности равнялась 0.63 м (череп); ориентировка — головами на В с отклонением к Ю. Длина костяка № 46—176 см, длина костяка № 47—141 см.

Костяки лежали в общей могильной яме, в одной плоскости, параллельно друг другу. Положение обоих костяков вытянутое, на спине. Руки костяка № 46 положены вдоль туловища, правая слегка согнута в локте. Правая рука погребения № 47 вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кисть направлена к подбородку. Сохранность костей относительно хорошая, однако черепа раздавлены.

Засыпка охрой интенсивная, особенно на дне могильной ямы, имевшей корытообразную форму. Сверху погребение было завалено камнями.

Под погребения № 46 мужской (?).

И н в е н т а р ь по г р е б е н и я № 46:

1) у нижней челюсти — 13 медвежьих клыков, направленных нижними концами в одну сторону (вверх); 2) у затылка черепа — 2 костяных наконечника стрел; 3) под костями черепа (в области нижней челюсти) — 5 пластинок из резцов бобра; 4) у правой плечевой кости — клык медведя; 5) у правой лучевой кости и в области бедер — а) 22 резца лося, б) 13 пластинок из резцов бобра и в) медвежий клык с нарезкой на эмали; 6) у ступни правой ноги — кость животного.

И н в е н т а р ь по г р е б е н и я № 47:

1) у нижней челюсти — а) сланцевый пож крупного размера, б) под ним — клык медведя; 2) в области черепа (слева) — кремневый наконечник стрелы; 3) в области груди и пояса — а) 21 подвеска из резцов лося и б) 23 пластинки из резцов бобра, лежащих частично несколько в стороне (влево) от левого бедра; 4) у правого колена — 4 подвески из подъязычных костей; 5) между костяками и возможно на них — 10 кремневых наконечников стрел, 18 кремневых пластинок, 8 целых и 4 обломка костяных наконечников.

Погребение № 48 (кв. У₂₈Ф₂₈—У₂₉Ф₂₉; рис. 24).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.68 (череп)—0.57 м (ноги), ориентировка — головой на В с небольшим отклонением к С.

Сохранность костяка чрезвычайно плохая; обнаружены лишь фрагменты раздавленного черепа, у которого отдельные части были смещены (челюсть находилась в области груди). Из длинных костей имеются сильно фрагментированные кости ног (бедренные). Мелкие кости отсутствуют. Насколько позволяют судить сохранившиеся части скелета, он лежал на спине, в вытянутом положении.

Засыпка охрой слабая, цвет охры розоватый.

И н в е н т а р ь: 1) на груди костяка — кремневый отщеп удлиненной формы; 2) в области правой ноги (у бедра) — 2 костяных поделки; 3) в области груди — 4 пластинки из резцов бобра; 4) под черепом — 6 пластинок из резцов бобра.

Погребение № 49 (кв. $C_{28}T_{28}$ — $C_{30}T_{30}$; рис. 24).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности — 0.50 (череп)—0.55 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с небольшим отклонением к Ю (100°).

Скелет лежал на спине, правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. Череп повернут на левую сторону (раздавлен). Сохранность костей очень плохая. Мелкие кости отсутствуют; крупные сильно фрагментированы.

Засыпка охрой слабая, за исключением области черепа, где наблюдается более значительный слой (до 0.06 м толщиной).

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) в области груди — 2 костяных наконечника (фрагментированы).

Погребения №№ 50, 51 (кв. $П_{23}P_{23}$ — $П_{25}P_{25}$; рис. 25).

Глубина залегания скелета от дневной поверхности равнялась 0.68 м (череп); ориентировка — головой на В.

Скелет № 50 лежал на спине, в вытянутом положении, правая рука слегка согнута в локте, кисть — в области таза, левая рука вытянута, череп повернут на правую сторону и сильно фрагментирован; под черепом квадратный камень. Сохранность крупных костей удовлетворительная, за исключением голеней, которые не сохранились.

Засыпка охрой слабая. Весь скелет расположен сверху камнями средней величины, плотно прилегающими друг к другу.

На берцовых костях скелета № 50 обнаружена верхняя часть другого погребения № 51 (до предплечья). Покойник был положен на спину, череп слегка повернут в правую сторону. Руки вытянуты вдоль туловища. Голова покойного, повидимому, была обложена камнями, на что указывает некоторая закономерность в их расположении. Ориентировка погребения совершенно тождественна погребению № 50. Глубина залегания 0.68 м. Сохранность костей хорошая. Нижняя часть обоих костяков (голеи погребенного № 50 и вся нижняя половина погребенного № 51) разрушены поздней ямой.¹

Погребение № 50 женское (?), более раннее.

И н в е н т а р ь погребения № 50: 1) в области нижней челюсти — сланцевая плитка; 2) на груди — костяной наконечник; 3) на правой стороне костяка, вдоль плечевой и локтевой костей, а также между ног покойника — 48 резцов лося (привески).

И н в е н т а р ь погребения № 51: 1) в правой стороне груди — костяной наконечник.

Погребение № 52 (кв. $П_{23}P_{23}$ — $П_{24}P_{24}$; рис. 31).

Глубина залегания скелета от пикета $П_{24}$ равнялась 1 (череп)—0.92 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (69°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки — в области таза. Сохранность костей очень плохая.

Засыпка охрой слабая — только по скелету, окраска темнокрасная.

Погребение женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 53 (кв. $П_{22}P_{22}$ — $П_{23}P_{23}$; рис. 26).

Глубина залегания скелета от пикета $П_{23}$ равнялась 0.73 (череп)—0.76 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (69°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, кисть — в области таза, правая рука — вдоль туловища. Сохранность костей плохая; че-

¹ Точное описание в полевом дневнике отсутствует.

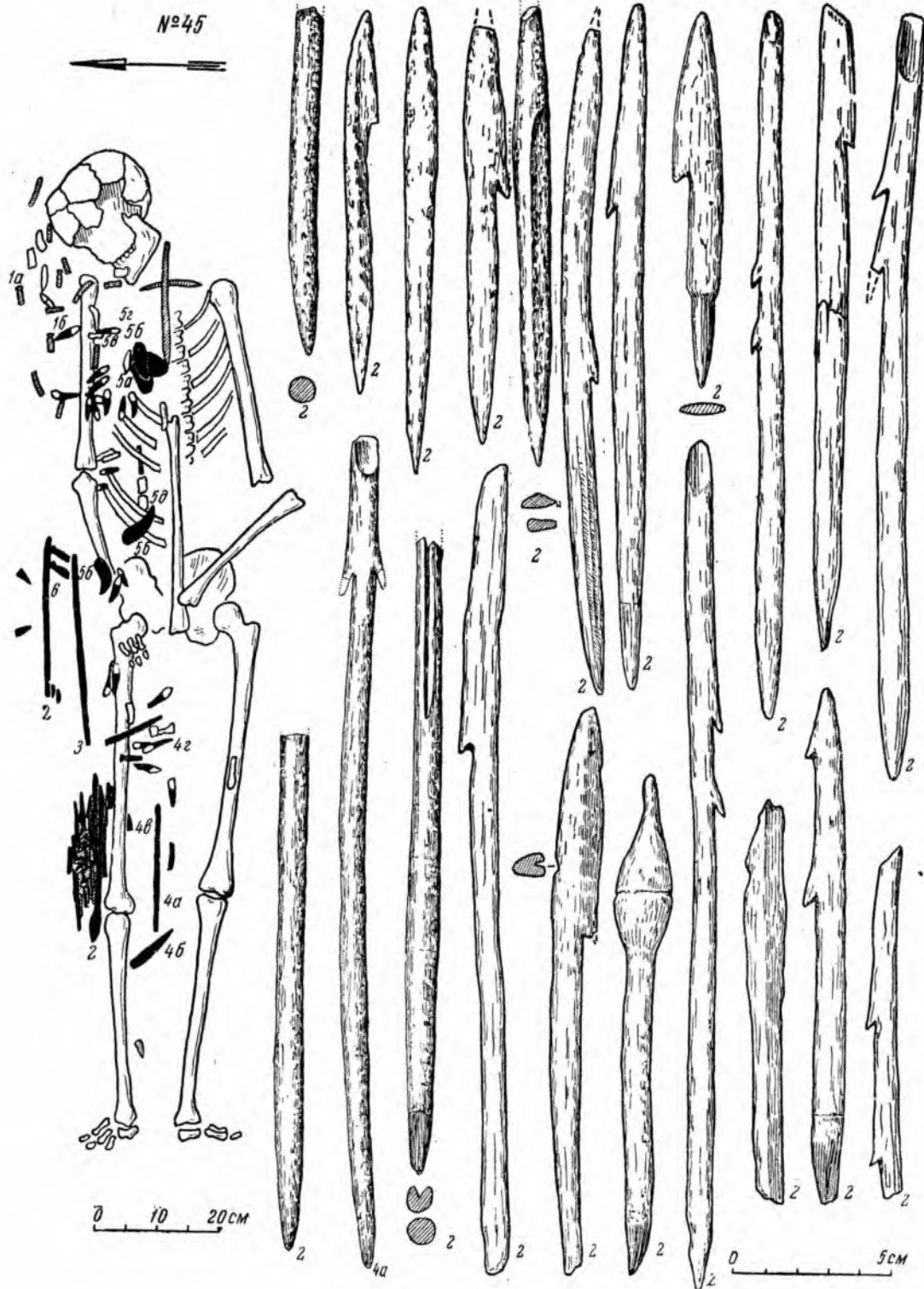

Рис. 22. Погребение № 45.

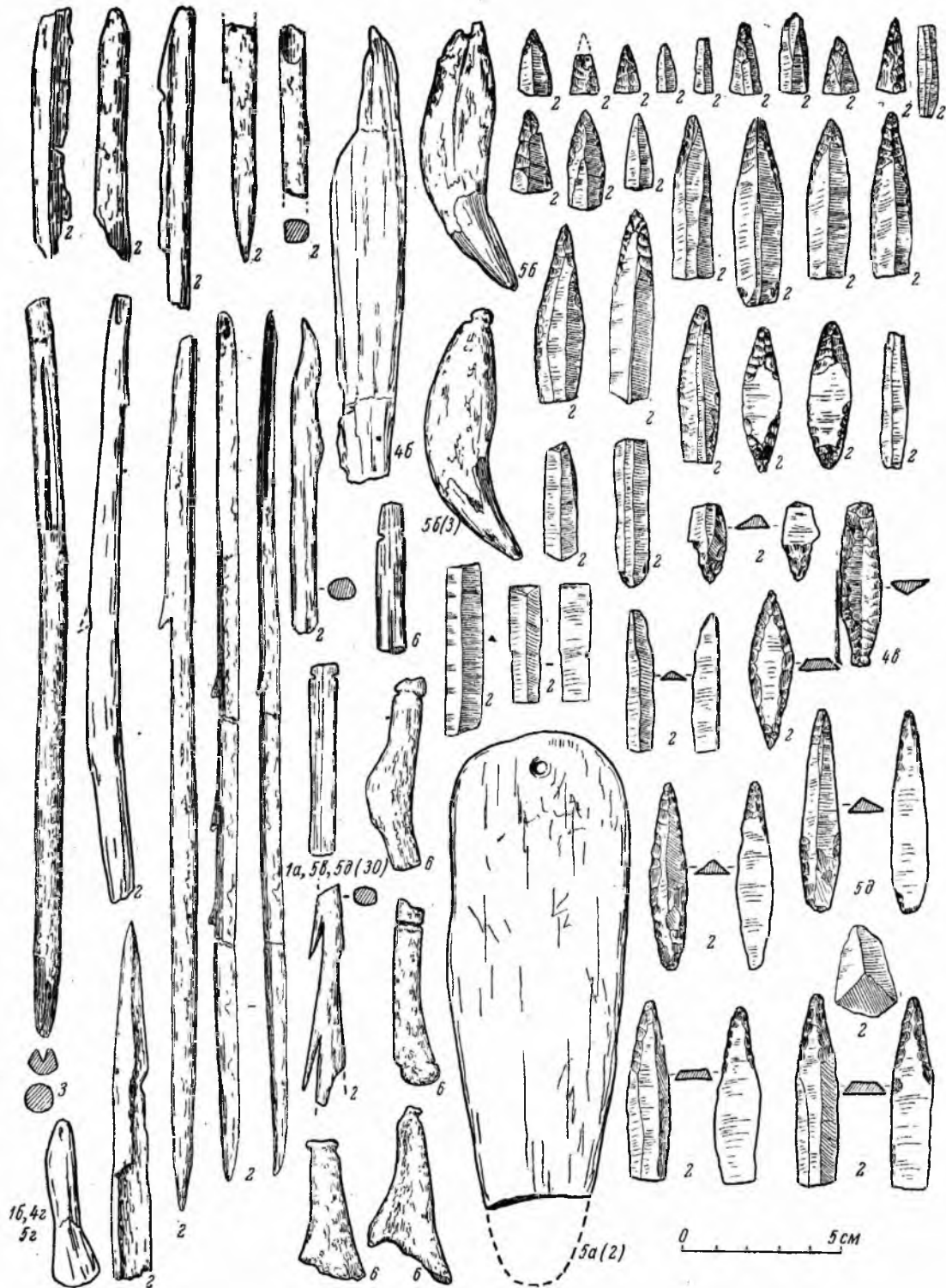

Рис. 22а. Погребение № 45.

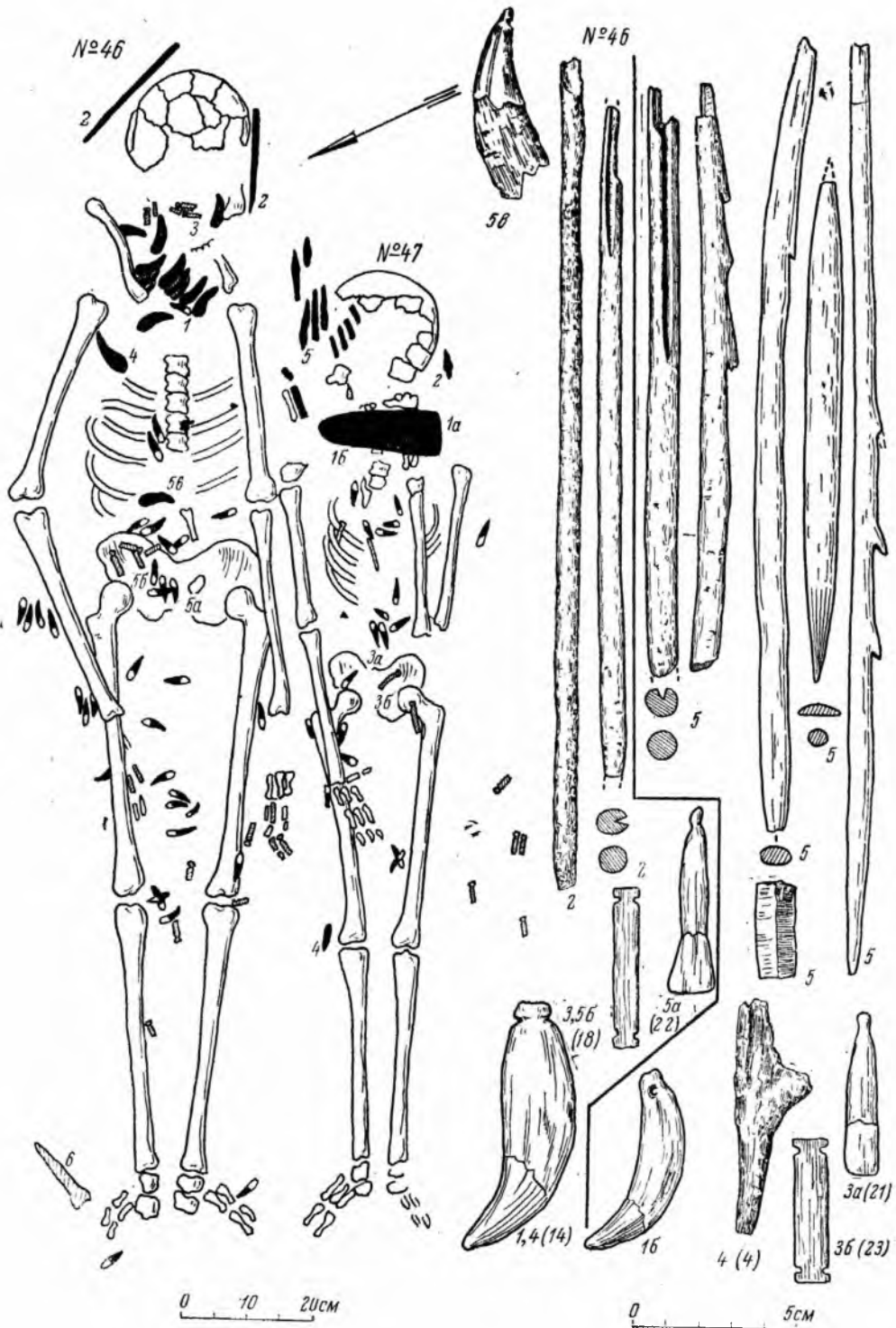

Рис. 23. Погребения № 46-47.

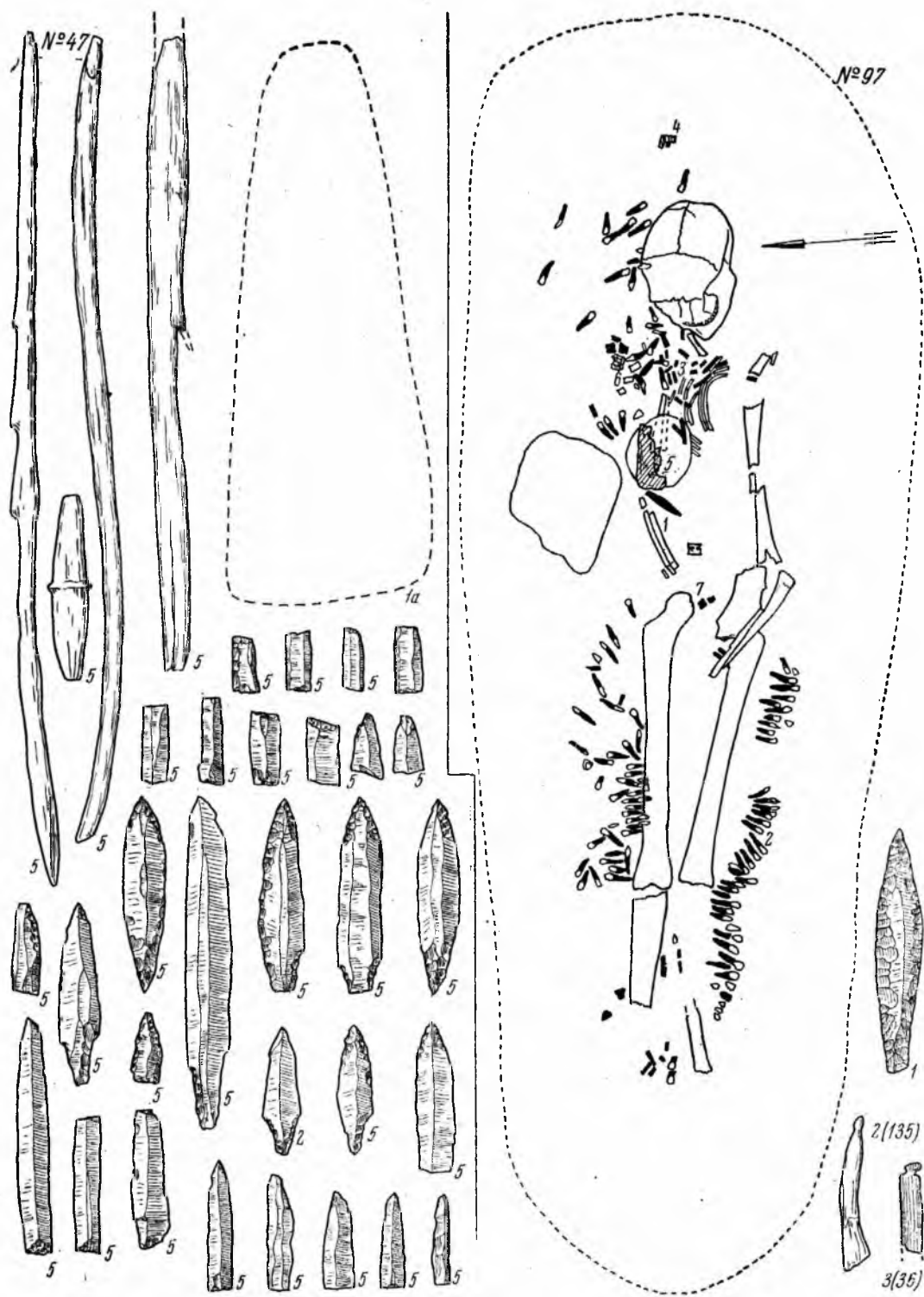

Рис. 23а. Погребения №№ 46-47, 97.

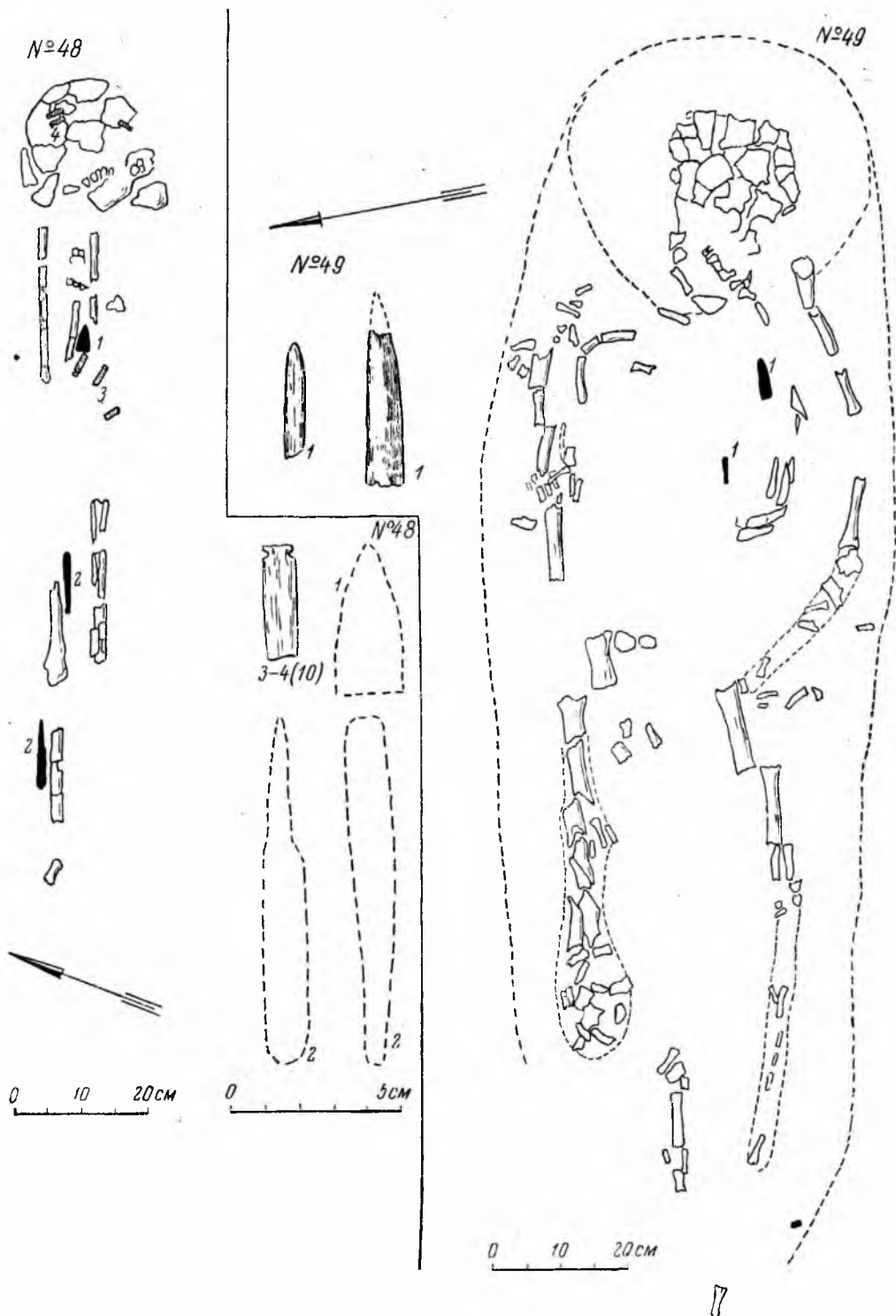

Рис. 24. Погребения №№ 48, 49.

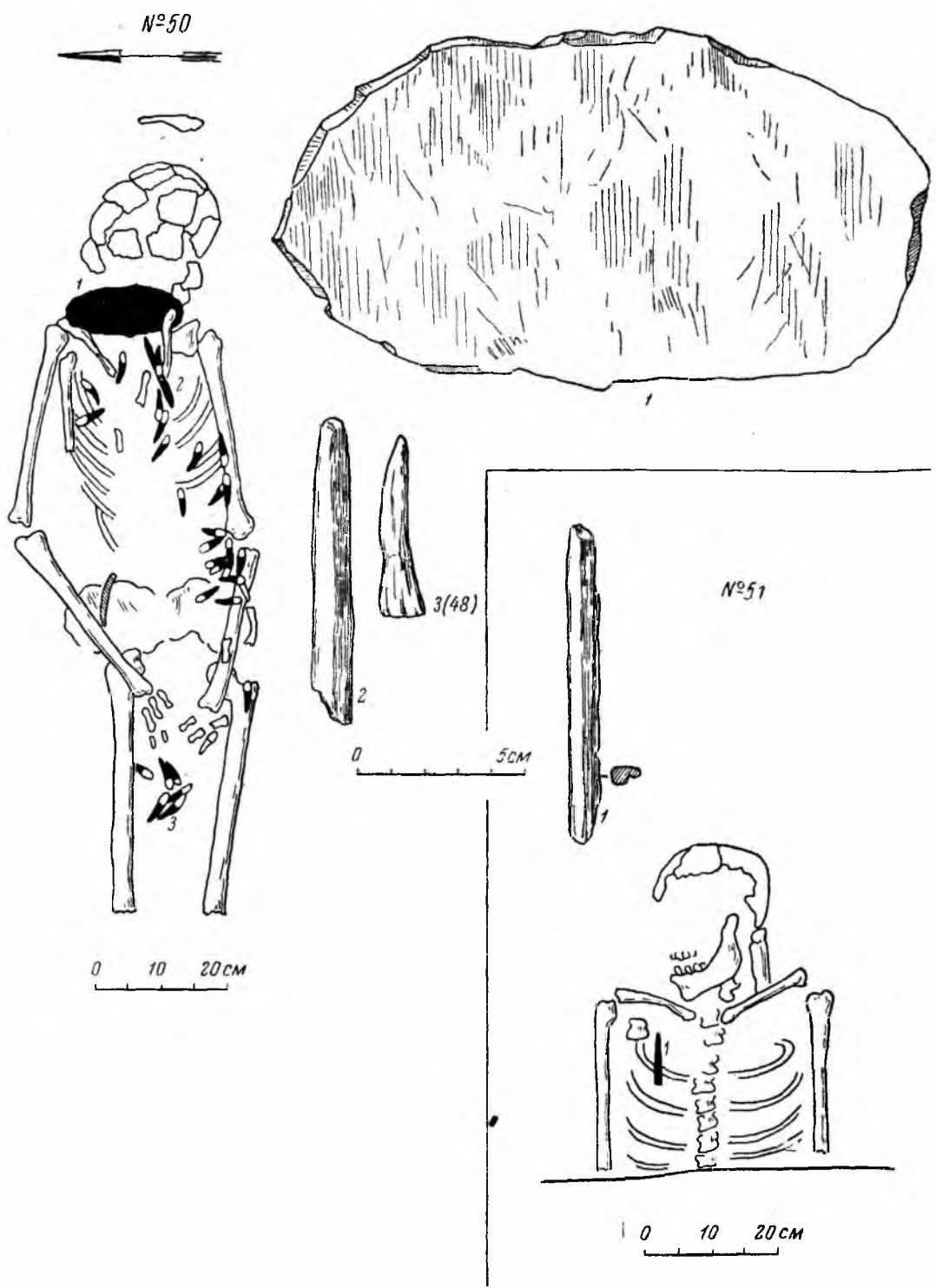

Рис. 25. Погребения №№ 50, 51.

реп раздавлен, нижние кости ног сильно фрагментированы, позвоночник и фаланги отсутствуют.

Засыпка охрой слабая (только костей скелета).

Погребение женское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у левой бедренной кости (слева) — резец лося.

Погребение № 54 (кв. $H_{22}O_{22}$ — $H_{23}O_{23}$; рис. 26).

Глубина залегания скелета от пикета O_{23} равнялась 0.94 (череп)—0.99 м (ноги); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Руки направлены вдоль туловища и несколько согнуты в локтях. Ноги странно подогнуты, повидимому, смещены. Сохранность костей чрезвычайно плохая, тазовые кости и голени (почти полностью) отсутствуют. Череп сильно фрагментирован и сохранился лишь частично.

Засыпка охрой едва заметная.

Погребение мужское, возраст старческий.

И н в е н т а р ь: 1) на груди скелета — костяной наконечник.

Погребение № 55-56-57 (кв. $H_{19}P_{19}$ — $H_{21}P_{21}$); тройное захоронение (рис. 27 и рис. 27а).

Глубина залегания всех трех скелетов от пикета H_{21} равнялась 1.16 (черепа) — 1.22 м (ноги); ориентировка общая — головами на СВ (57°). Скелеты залегали в общей могильной яме, в одной плоскости, на одинаковой глубине, в непосредственном контакте друг с другом, под общей каменной кладкой. Последняя была засыпана охрой. Более слабый слой охры прослеживался выше каменной кладки, начинаясь сразу под дерновым слоем. Костяки и дно могилы были довольно густо засыпаны слоем красной охры (мощностью 0.06 м). Особенно интенсивная засыпка охрой прослеживалась на скелетах № 56 и 57; скелет № 55 (с левой стороны) засыпан значительно слабее.

Скелет № 55 лежал в $3/4$ на правом боку, руки согнуты в локтях, кисти — в области таза, череп повернут вправо.

Скелет № 56 лежал на спине, лицом вверх, руки согнуты в локтях, кисти — в области таза. Два других скелета залегали по обе стороны от скелета № 56 и были обращены лицом к нему.

Скелет № 57 лежал на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти — в области таза, череп повернут влево.

Сохранность костей довольно плохая (у погребенных №№ 56 и 57 кости ног почти полностью отсутствуют). Лучше сохранился скелет № 55 (особенно в нижней части).

Одновременность захоронений всех трех скелетов не вызывает сомнений.

Погребение № 55 женское, возраст возмужалый; погребение № 56 мужское, возраст зрелый; погребение № 57 женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 55: 1) в области туловища — 18 пластинок из резцов бобра; 2) у головки правого бедра — костяная поделка с зарубкой; 3) там же — фрагмент костяной поделки и костяной наконечник; 4) слева от правого бедра — резец лося; 5) 13 тонких трубчатых костей птицы.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 56: 1) вдоль левой стороны черепа, слева от плеча — рукоять из рога (северного оленя), конец которой обработан в форме головы лося (фрагментирована); 2) на черепе — сланцевый нож (сильно фрагментированный); 3) под черепом — галька и 2 клыка медведя; 4) на черепе и у правой плечевой кости — а) 24 резца лося и б) пластинка из резца бобра; 5) на скелете — 16 резцов лося; 6) в правой верхней части груди — 2 пластинки из резцов бобра; 7) у правого локтя — костяная поделка; 8) ниже таза и у правой бедренной кости — 32 резца лося; 9) у правого колена — 2 пластинки из резцов бобра; 10) слева у черепа — остатки зеленоватой массы (возможно расслоившийся сланцевый нож); 11) выше ключицы — 3 кости волка (*Canis lupus*); 12) в области груди и живота — кости птицы и зубы северного оленя (*Rangifer tarandus*).

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 57: 1) у черепа со стороны лобной кости в лицевой части — 6 резцов лося; 2) там же — коренной зуб медведя, пластинки из резцов бобра и резец лося; 3) в области левого плеча — изображение змеи (резное из кости); 4) ниже — пластинка из резца бобра; 5) несколько ниже таза — а) 6 резцов лося, б) 3 пластинки из резцов бобра, кость животного; 6) у правого бедра — а) резец лося, б) 2 пластинки из резцов бобра; 7) на берцовых костях и на костях ступней ног — резцы лося (93 экз.), составлявшие, повидимому, в прошлом украшение обуви.

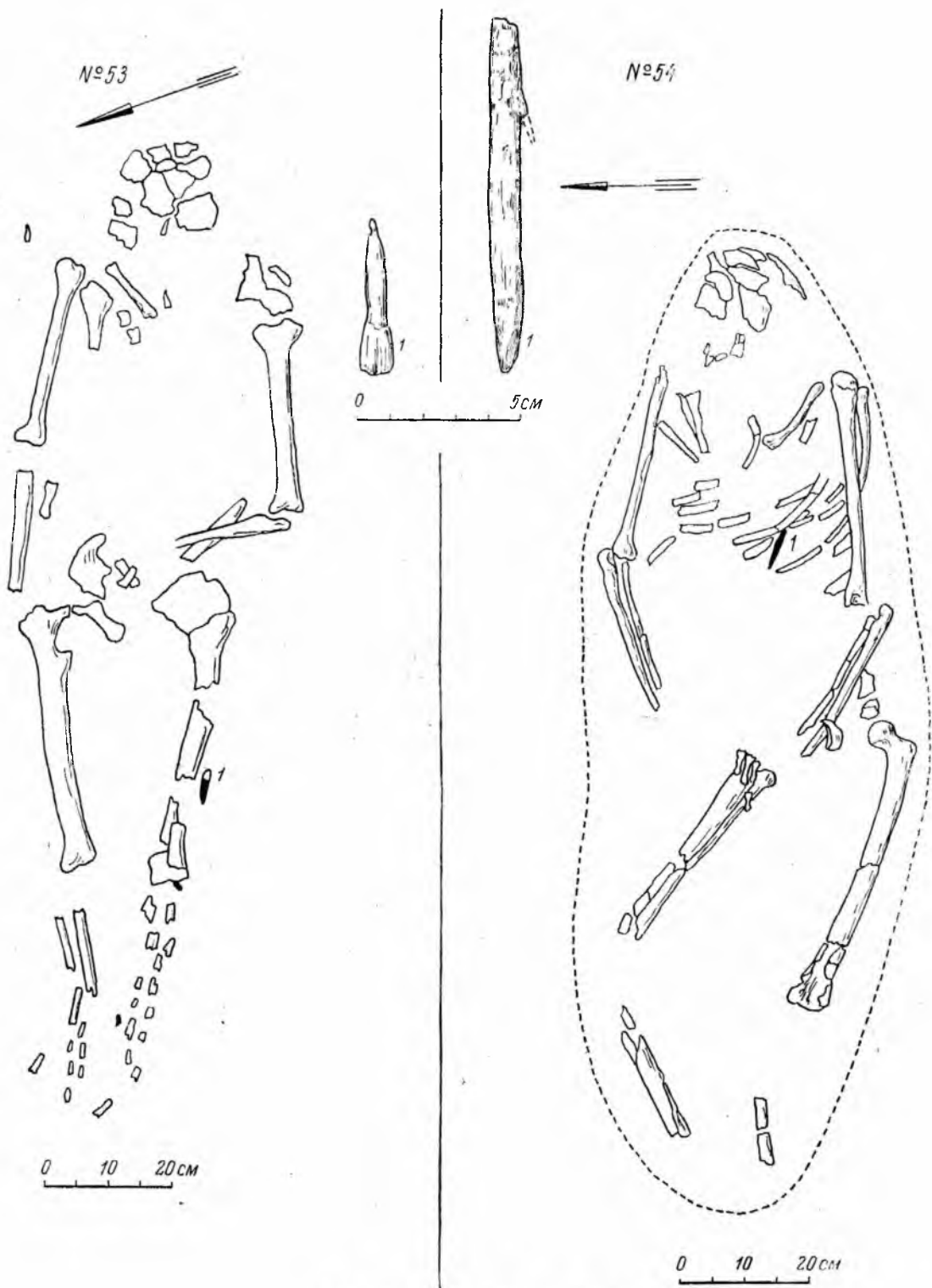

Рис. 26. Погребения №№ 53, 54.

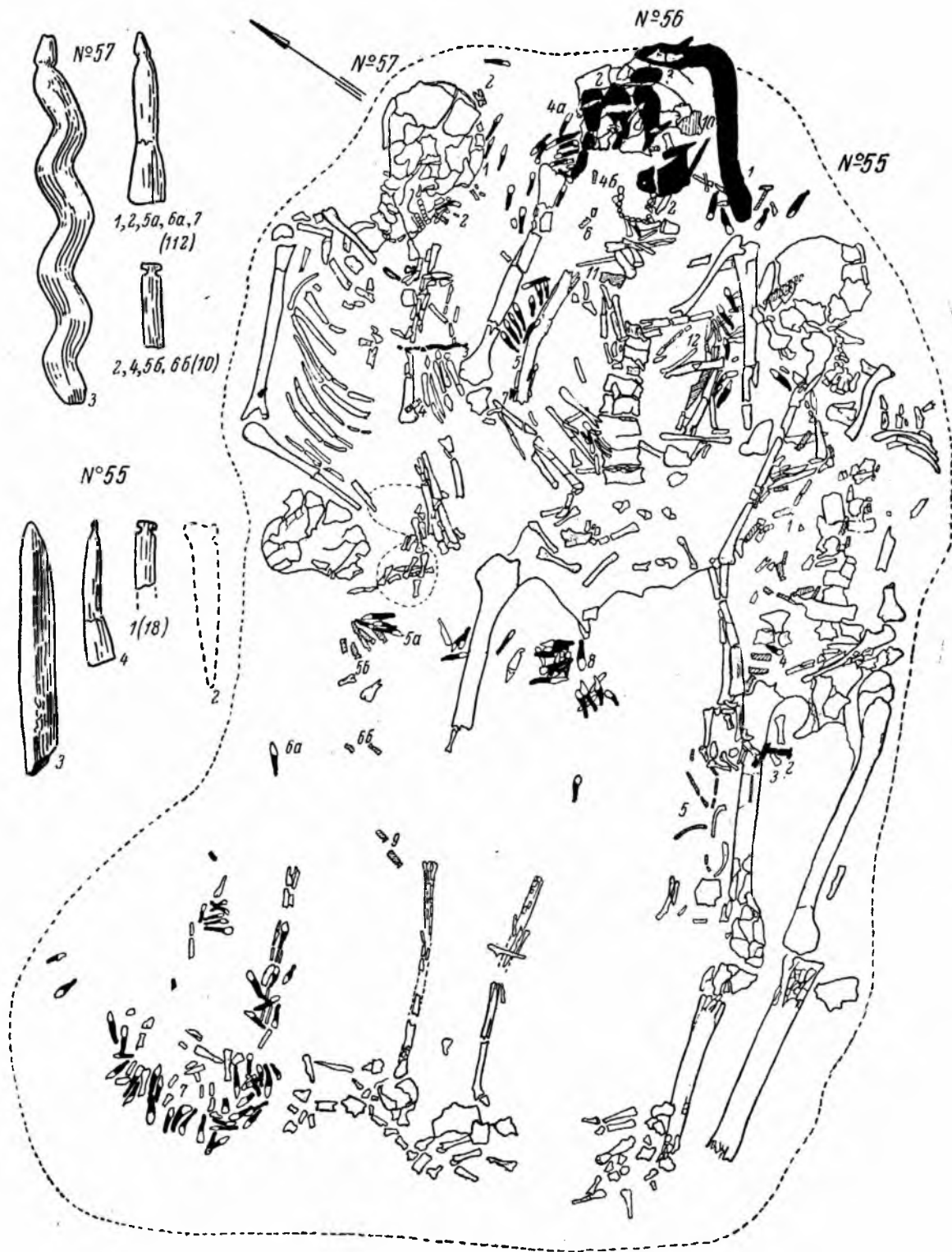

Рис. 27. Погребение № 55-56-57.

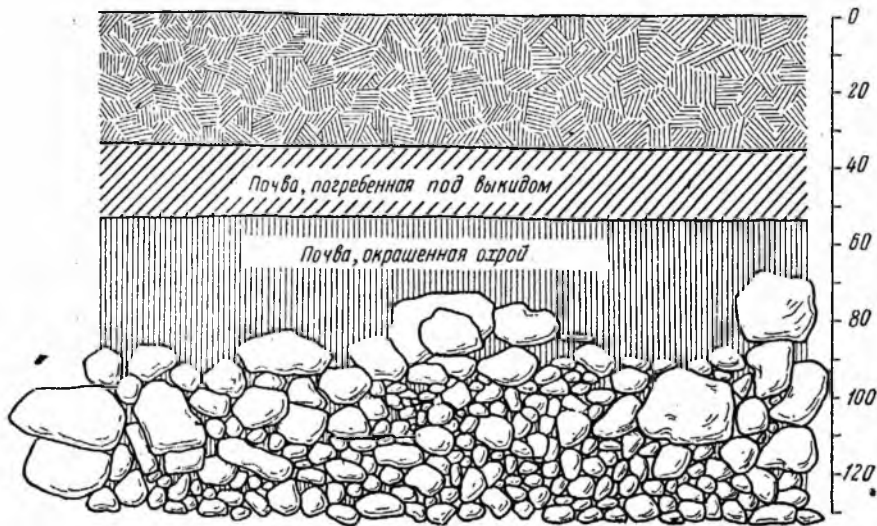
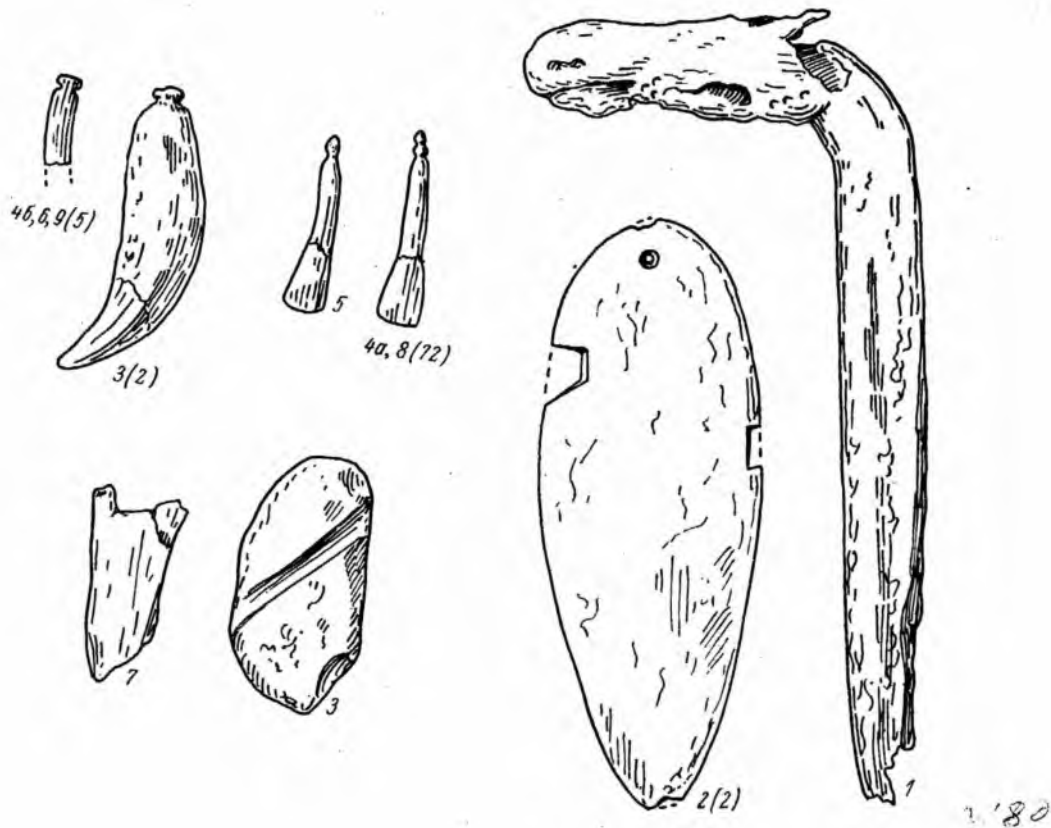

Рис. 27а. Погребение № 55-56-57.

Погребение № 58 (кв. $M_{20}H_{20}-M_{21}H_{21}$; рис. 15).

Глубина залегания костяка от пикета H_{20} равнялась 0.93 (череп) — 0.79 м (ноги); ориентировка — головой на В (89°).

Скелет лежал в вытянутом положении, на левом боку, руки выдвинуты вперед. Сохранность костей очень плохая; череп состоит из мельчайших кусков. Лучше сохранились лишь отдельные крупные кости (правая плечевая, правое и левое бедро).

Засыпка охрой сравнительно незначительная (0.01—0.02 м), наибольшая интенсивность ее прослеживалась в средней части туловища.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) на скелете, от верхней части плечевых костей и до колен — 45 резцов лося, повидимому, нашитых на одежду; 2) в области груди — 2 пластинки из резцов бобра; 3) под костями скелета (преимущественно вдоль костей ног и в особенности верхней части правого бедра) — 55 резцов лося; 4) у правой руки — костяное кинжаловидное орудие; 5) близ левого предплечья — костяная зубчатая поделка (фрагментированная); 6) у левой плечевой кости — кости птицы или мелкого животного.

Погребение № 59 (кв. $L_{19}H_{19}-L_{21}H_{21}$; рис. 28).

Глубина залегания скелета от пикета H_{20} равнялась 1.25 м (череп); от пикета M_{21} — 1.15 м (ноги); ориентировка — головой на В (87°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук — в области таза. Череп смещен в восточном направлении, повидимому, корнями деревьев. Лицевая часть находится почти в перпендикулярном положении по отношению к оси туловища. Позвоночник изогнут. Сохранность костей хорошая, в особенности ног, где полностью сохранились не только длинные кости, но и фаланги. Длинные кости рук фрагментированы.

Засыпка охрой интенсивная; местами слой ее достигает 0.05—0.06 м толщины (в области черепа и таза).

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у черепа слева — сланцевый нож; 2) у черепа сверху, у лобной кости — сланцевый нож; 3) у левого плеча — пластинка из резца бобра; 4) у правого плеча — фрагмент наконечника из кремня; 5) у позвоночника (слева, несколько

выше таза) — клык собаки; 6) по всему скелету от головы до ног расположены подвески из резцов лося; наибольшее скопление их наблюдается в области шеи и груди (повидимому, ожерелье), в области таза и у костей ног (нашивка на одежду) — всего 113 экз.

Погребение № 60 (кв. $L_{20}M_{20}-L_{21}M_{21}$; рис. 28).

Глубина залегания скелета от пикета L_{21} равнялась 0.88 (череп) — 1.10 м (ноги); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с руками, направленными вдоль туловища. Нижняя часть костяка разрушена погребением № 59; череп лежал выше таза, ноги смещены. Сохранность костей плохая; череп фрагментирован.

Засыпка охрой слабая (0.02—0.03 м толщиной); цвет охры бурый.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у правой плечевой кости — костяное кинжаловидное орудие.

Погребение № 61 (кв. $K_{19}L_{19}-K_{20}L_{20}$; рис. 29).

Глубина залегания скелета от поверхности равнялась 0.85 (череп) — 0.90 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (115°).

Скелет частично разрушен шурфом геологоразведки. Насколько удается судить по сохранившимся костям и расположению находок, скелет лежал в вытянутом положении, на левом боку, с руками, слегка согнутыми в локтях и откинутыми влево. Сохранность костей плохая, в частности, со стороны шурфа (северо-восточной); совершенно отсутствует правая плечевая кость и позвоночник, от ребер остались лишь незначительные фрагменты, череп сильно фрагментирован, значительная часть его утрачена. Все находки оказались сосредоточенными на левой стороне скелета от головы до его ног.

И н в е н т а р ь: 1) вдоль скелета — резцы лося; местами прослеживалась их концентрация, в частности вдоль края сланцевого ножа (как бы в виде бахромы чехла); 2) у левой голени, в верхней ее части — 2 костяные пластинки-подвески; 3) там же — костяной наконечник (фрагментированный); 4) у левого локтя — круглая костяная поделка с отверстием; 5) слева от скелета, вблизи бедренной кости и левой голени — фрагменты костяных наконечников стрел; 6) на левом предплечье —

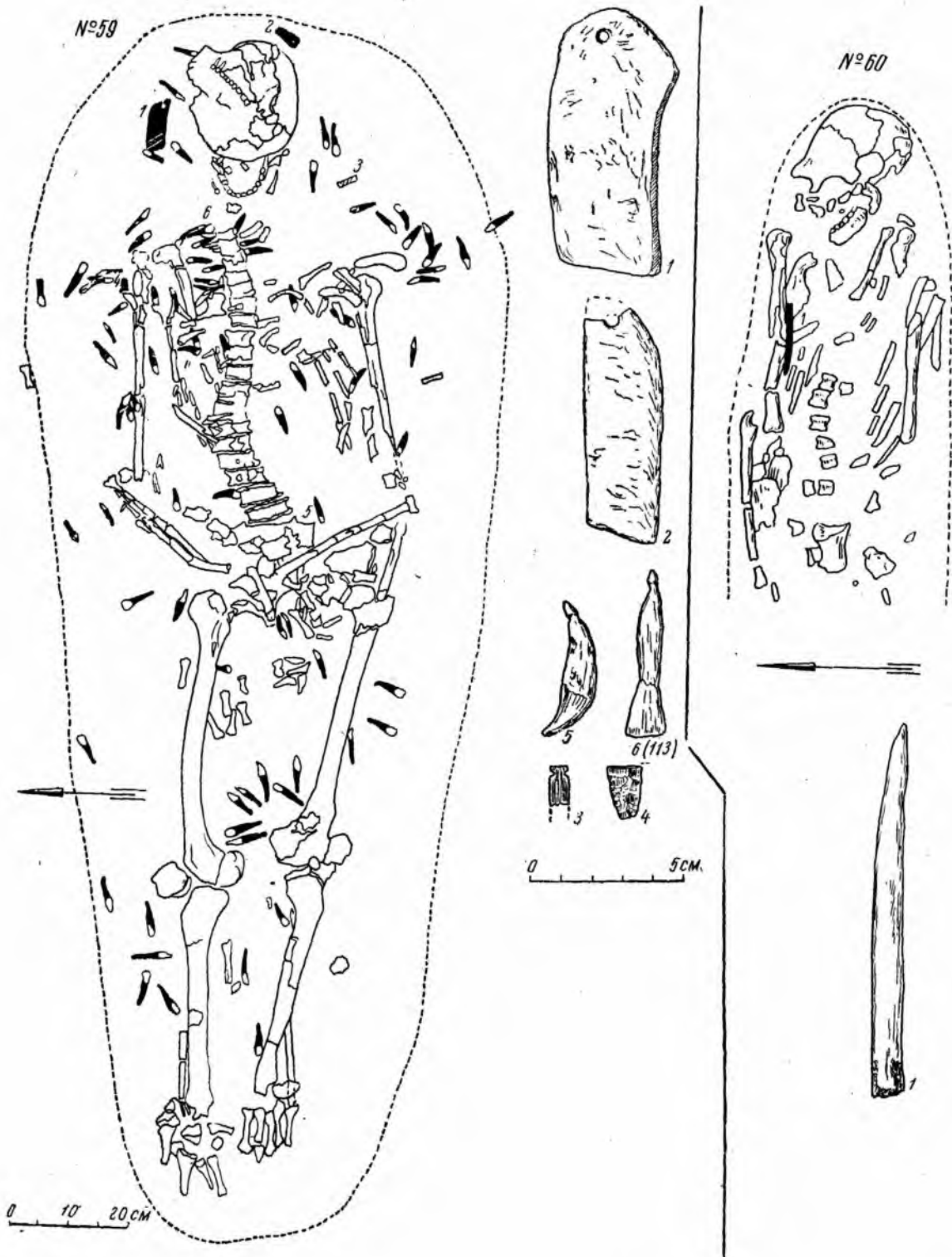

Рис. 28. Погребения №№ 59, 60.

сланцевый нож (сильно фрагментированный); 7) у левой плечевой кости — костяная пластинка с отверстием; 8) здесь же — тонкие костяные пластинки; 9) здесь же — фрагмент костяной поделки; 10) на кости левого предплечья (под сланцевым ножом) — клык медведя; 11) близ черепа — костяная поделка; 12) на кости левого предплечья — резцы лося (рядом с клыком); 13) под левой плечевой костью — клык медведя. Поверх левой плечевой кости, вдоль скелета по направлению к черепу найден ряд поделок, лежащих одна на другой: 14) длинный костяной наконечник сильно фрагментированный; 15) несколько ниже его (тесно соприкасаясь друг с другом) — длинный костяной кинжал с ручкой в виде головки лося и 16) длинный костяной стержень с выемкой, лежащий на головке лося, сильно фрагментированный; 17) в области груди — кости птицы; 18) у левой голени — зубы и челюсть северного оленя (*Rangifer tarandus*).

Погребение № 62 (кв. $O_{15}P_{15}-O_{17}P_{17}$; рис. 30).

Глубина залегания скелета от пикета P_{15} равнялась 0.76 (череп) — 0.82 м (ступни); ориентировка — головой на В с отклонением к С (67°).

Скелет сохранился лишь частично. Отсутствуют правая плечевая кость, тазовые кости, позвоночник, ребра. Лучше сохранились кости ног, хотя они также фрагментированы. Череп в лицевой части раздавлен. Верхняя половина скелета покрыта камнями. Судя по сохранившимся костям, скелет лежал в вытянутом положении, на спине, с головой, слегка повернутой влево. Левая рука согнута в локте, кисть правой — в области таза.

Засыпка охрой не слишком интенсивная, однако дно могильной ямы покрыто ею сравнительно густо.

Погребение женское, возраст взрослый.

Инвентарь: 1) у правой берцовой кости — пластинка из роговика.

Погребение № 63 (кв. $H_{15}P_{15}-H_{16}P_{16}$; рис. 31).

Глубина залегания скелета от пикета H_{15} равнялась 0.85 (череп) — 0.88 м (ноги); ориентировка — головой на СВ (45°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с головой, повернутой слегка в левую сторону, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза. Сохранность костей относительно хорошая (сохранились кости

рук и ног). Череп раздавлен, однако фрагменты его не смещены, челюсти в полной сохранности.

Засыпка охрой слабая.

Погребение женское (?)

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 64 (кв. $M_{16}H_{16}-M_{17}H_{17}$; рис. 30).

Глубина залегания скелета от пикета H_{15} равнялась 0.82 (череп) — 0.69 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (66°).

Очень плохая сохранность костей (череп раздавлен и состоит из мелких фрагментов, кости рук отсутствуют, наиболее хорошо сохранилось лишь правое бедро) не позволяет полностью проследить положение скелета. Однако, судя по имеющимся фрагментам и местонахождению вещей, можно предполагать, что костяк лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища.

Засыпка охрой слабая. Разрушение скелета было частично вызвано расположенной рядом с ним поздней ямой.

Погребение женское (?), возраст юношеский.

Инвентарь: 1) у затылочно-теменной кости, несколько выше черепа — а) группы костяных наконечников очень плохой сохранности, б) кремневый наконечник, в) 20 пластинок из резцов бобра; 2) на лицевой части черепа — а) фигурка лося из рога и б) несколько ниже ее — костяной наконечник; 3) с правой стороны черепа — сланцевая шлифовальная плитка; 4) под черепом — 3 клыка медведя; 5) в области груди — 3 клыка медведя; 6) у правой бедренной кости — а) кварцевая подвеска, б) костяной наконечник; 7) по всему скелету, преимущественно в области таза — 100 резцов лося, нашитых, повидимому, на широкий пояс; значительное количество зубов прослеживалось и в области колен, возможно, что здесь они служили украшением края одежды; 8) в области ног — костяная подвеска; 9) в области живота — трубчатая кость мелкого животного; 10) у правой бедренной кости — коренной зуб лося (*Alces alces*); 11) у затылочно-теменной кости, рядом с черепом — коренные зубы бобра (*Castor fiber*), трубчатые кости северного оленя и птицы.

Погребение № 65-66 (кв. $M_{15}H_{15}-M_{16}H_{16}$); двойное захоронение (рис. 32).

Глубина залегания скелетов от пикета

Рис. 29. Погребение № 61.

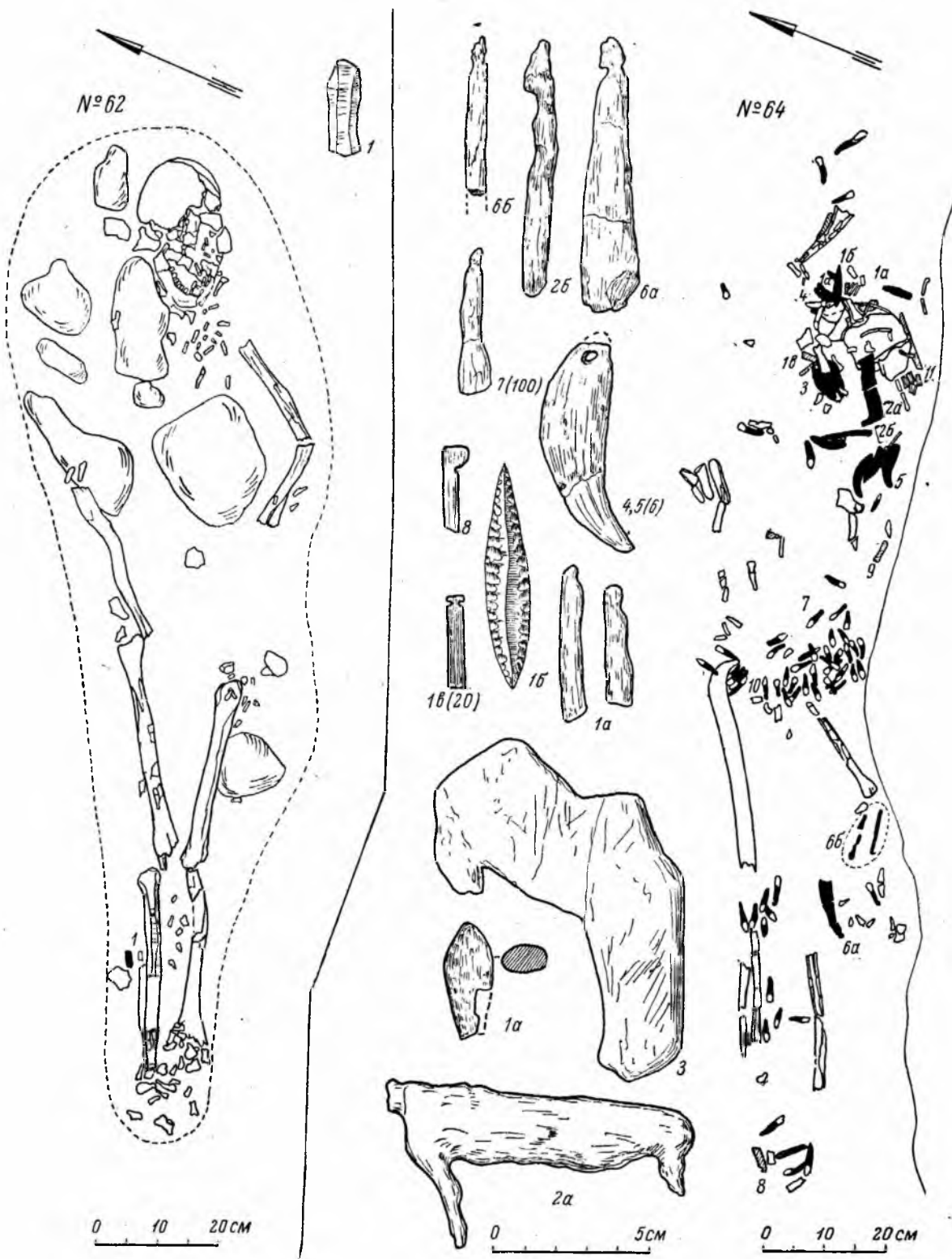

Рис. 30. Погребения №№ 62, 64.

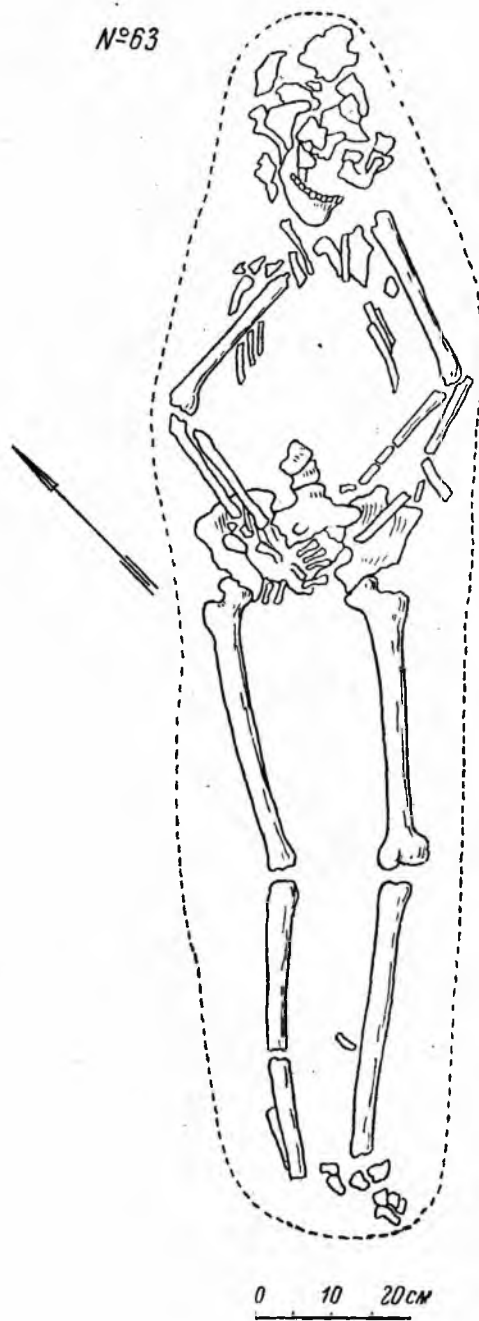
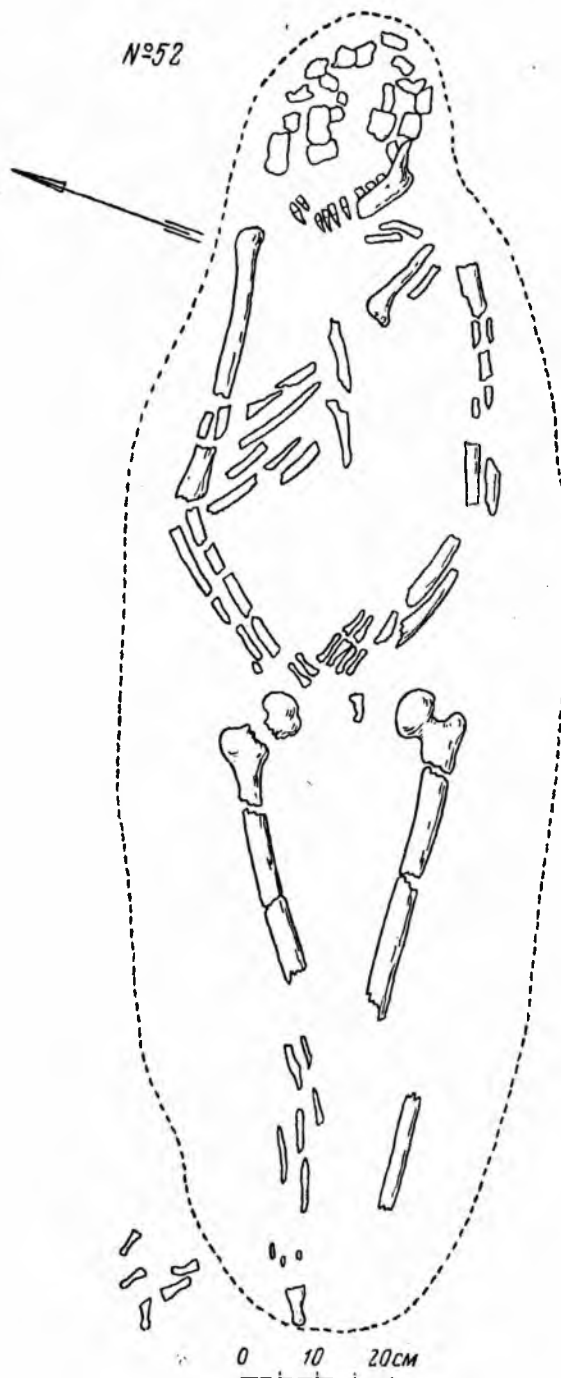

Рис. 31. Погребения №№ 52, 63.

M_{16} равнялась 0.90 (череп) — 1.03 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (67°).

Оба скелета лежали в одной могильной яме, на одинаковой глубине, параллельно друг другу. Положение скелетов почти тождественно.

Скелет № 65 лежал на правом боку, с руками, вытянутыми вдоль туловища и соединенными кистями ниже тазобедренных сочленений. Ноги вытянуты, нижние части их соприкасаются друг с другом.

Скелет № 66 лежал также на правом боку, но с большим разворотом влево (на $3/4$). Ноги несколько согнуты в коленях, кисти рук соединены ниже таза. Сохранность костей плохая; череп и все кости сильно фрагментированы, хотя находятся в анатомическом порядке. Засыпка охрой довольно интенсивная, особенно дна могильной ямы. Ширина охристого пятна несколько больше, нежели ширина обоих костяков.

Погребение № 65 мужское, возраст старческий; погребение № 66 женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь погребения № 65: 1) в верхней части скелета и в области таза — 62 резца лося, подавляющее большинство которых (50) располагалось в определенном порядке (почти все нарезками в одну сторону), у черепа — по затылочной кости и в области шеи, являясь остатками ожерелья или части головного убора; 2) у темени и на груди скелета — мелкие кости птицы.

И н в е н т а р ь погребения № 66: 1) на лицевой части черепа — 4 пластинки из резцов бобра; 2) у нижней челюсти (слева) клык медведя (фрагментирован); 3) у правой берцовой кости — кости птицы.

Погребение № 67 (кв. $L_{15}M_{15}$ — $L_{17}M_{17}$; рис. 33).

Глубина залегания скелета от пикета L_{15} равнялась 0.77 (череп) — 0.92 м (ступни); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал в корытообразной яме, густо засыпанной красной охрой, на спине, с легким поворотом на левый бок. Левая рука положена вдоль туловища, правая согнута в локте под прямым углом, кисть ее — у кисти левой руки; концы ног близко прижаты друг к другу. Сохранность костей плохая; череп раздавлен на мелкие куски и частично находится на стенках могильной ямы, за пределами охристого пятна (пови-

димому, это разрушение произведено корнями деревьев).

Кости скелета интенсивно засыпаны красной охрой (до 0.15 м толщины).

Погребение мужское, возраст старческий.

И н в е н т а р ь: 1) в области черепа — а) сланцевый нож, б) клык медведя, в) 3 трубчатые кости птицы (две с нарезками — игольники (?); 2) в области черепа, восточнее его, а также южнее левой берцовой кости — резцы лося, лежащие группами, всего 33 резца; 3) в области черепа — череп лося и несколько костей животных.

Погребение № 68 (кв. $L_{14}M_{14}$ — $L_{15}M_{15}$); вертикальное захоронение (рис. 34).

Глубина залегания скелета от пикета L_{14} равнялась 0.81 (фрагмент черепа) — 1.46 м (нижний конец голени); ориентировка — лицом на З.

Покойник был поставлен вертикально, несколько в наклонном положении, и обложен со всех сторон крупными камнями. Поскольку камни прилегали неплотно друг к другу и покойнику, постольку при разложении трупа имеющиеся пустоты обусловили сильную осадку костей вниз. Таким образом, анатомический порядок скелета был нарушен. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые и нижняя часть (фрагмент) левой бедренной кости. Обломки правой бедренной кости в самом начале осадки были задержаны камнем, выпавшим из окружавшей скелет кладки, что помешало им сползти вниз. Остальные кости находились в следующем положении: череп (раздавленный во время осадки) лежал затылочной частью вниз; лицевая часть не сохранилась. Среди фрагментов черепа встречались отдельные зубы. Ниже залегали кости скелета в самом необычном соотношении: ребра находились рядом с берцовыми костями, позвонки и кость левого предплечья лежали в ногах, отдельные фрагменты черепа — на уровне берцовых костей. Сохранность костей хорошая.

Засыпки охрой в верхней части могильной ямы не прослеживалось, грунт имел здесь гумусированную окраску. Засыпка самих костей была относительно слабой.

Погребение женское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у костей левой руки — 5 костяных поделок; 2) в области берцовых костей — а) 7 костяных поделок, б) 8 наконечников стрел из кости и рога (повиди-

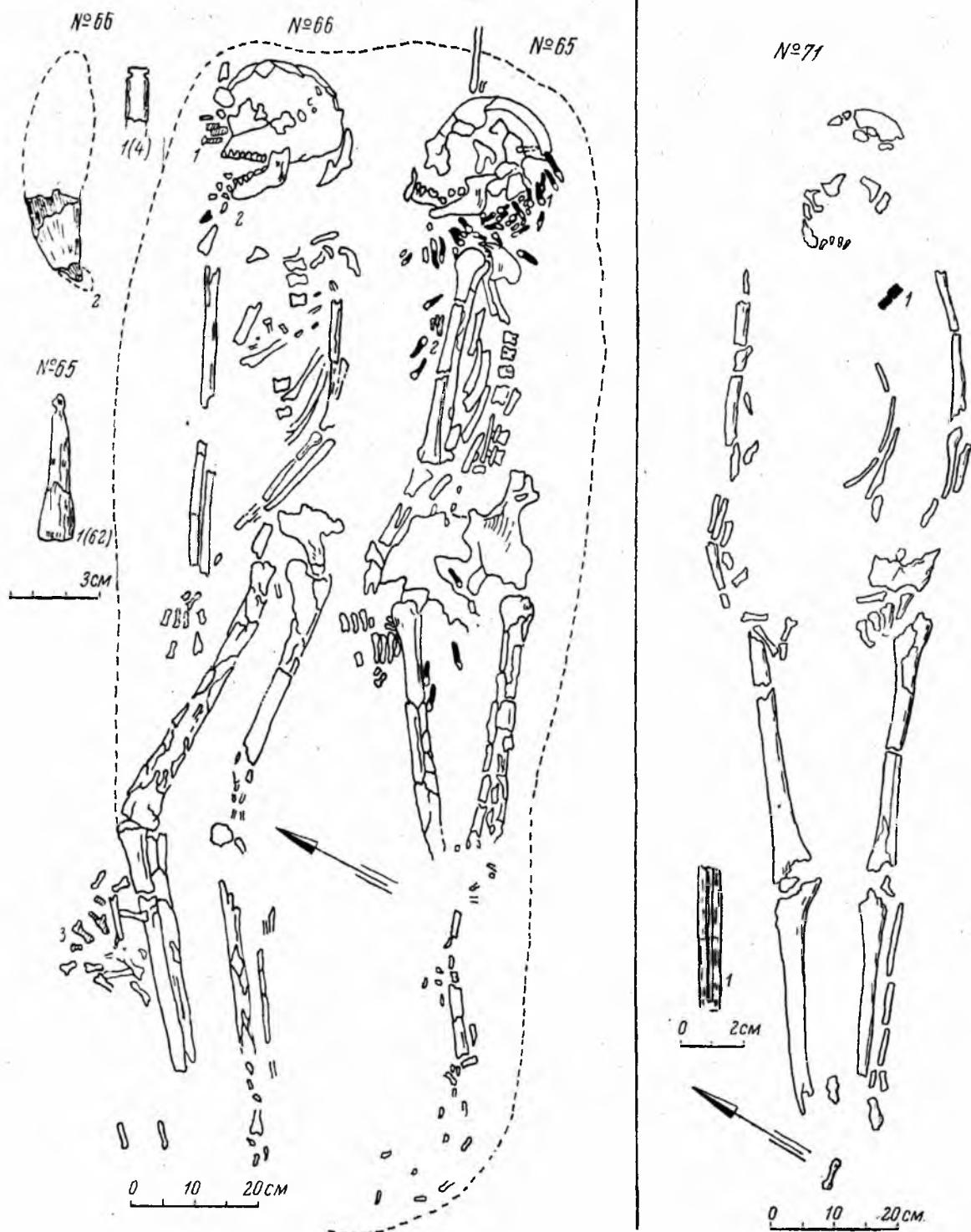

Рис. 32. Погребения №№ 65-66, 71.

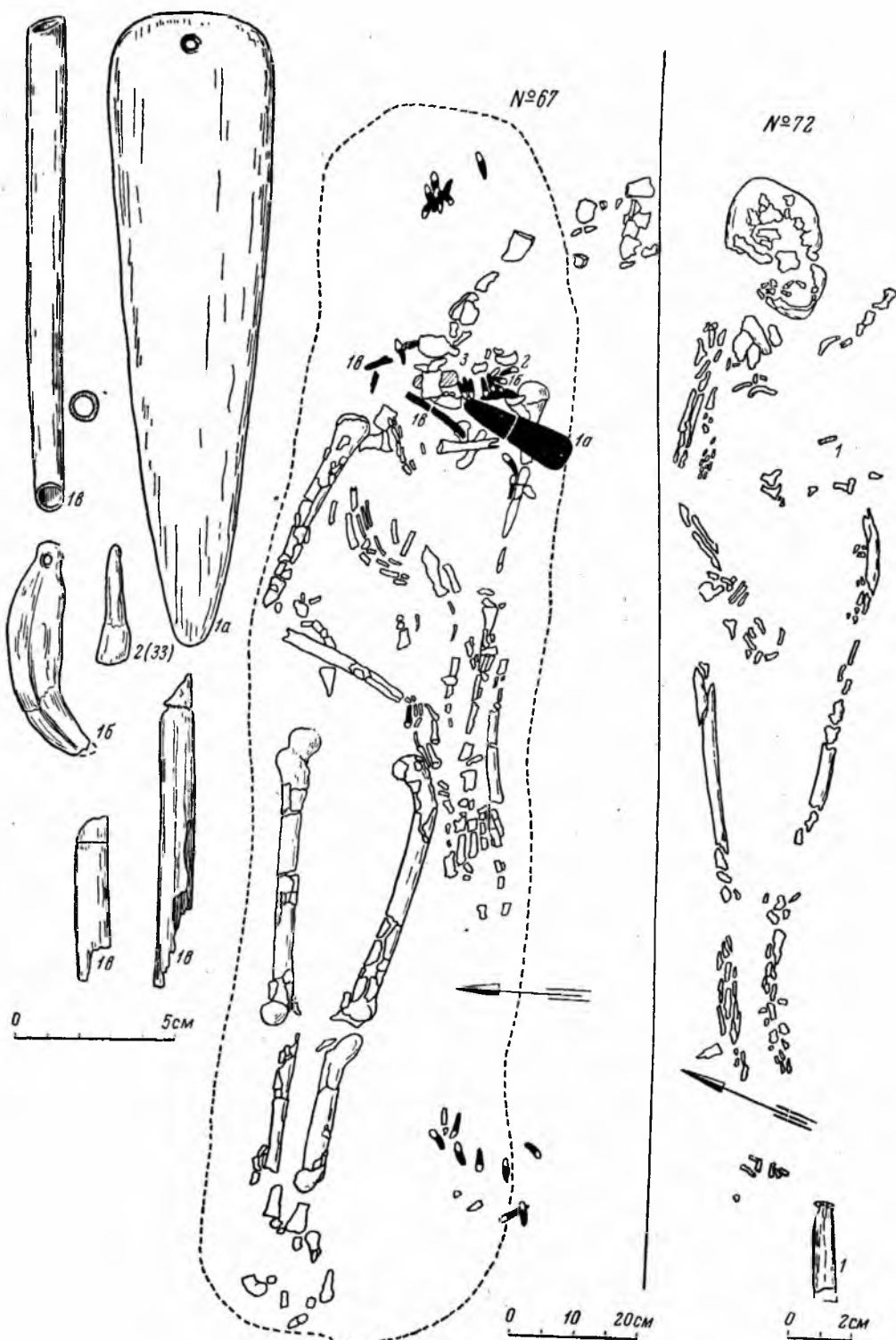

Рис. 33. Погребения №№ 67, 72.

тому, данные предметы сползли вниз при осадке костей); 3) у правой берцовой кости — скульптура (головка лося); 4) в верхней части скелета (между берцовыми костями и черепом) — длинное сланцевое орудие; 5) у правого бедра — 16 костяных подвесок, с зарубками на конце; 6) у левой берцовой кости — а) 1 клык и 3 зуба бурого медведя, б) 87 пластинок из резцов бобра; 7) в нижней части скелета — 135 резцов лося.

Погребение № 69 (кв. $K_{14}L_{14}$ — $K_{16}L_{16}$; рис. 35).

Глубина залегания скелета от пикета L_{14} равнялась 0.77 (череп) — 0.93 м (ступни); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении; левая рука согнута в локте, кисть руки — в области таза. Сохранность костей плохая; череп раздавлен и фрагменты его смещены, кости правой руки и позвоночник отсутствуют, из тазовых костей обнаружена лишь левая часть. Значительно лучше сохранились кости ног, лежащие в анатомическом порядке. Верхняя часть скелета, повидимому, разрушена корнями.

Засыпка охрой очень интенсивная (до 0.06 м), цвет охры яркокрасный.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

Инвентарь: 1) в области — черепа 4 части костяных рыболовных крючков; 2) у левого плеча — поделка из кости птицы с нарезками (игольник); 3) в области живота и таза — а) сланцевый нож (фрагмент), б) 7 орудий из грифельных костей лося, очень плохой сохранности, в) 3 фрагмента костяных плоских поделок с отверстием по краю (подвески); 4) у головки левого бедра — костяной наконечник; 5) в правой стороне груди и главным образом в верхней части правого бедра — 25 пластинок из резцов бобра; 6) на левом бедре — 4 костяных подвески; 7) 188 резцов лося, сконцентрированных в нижней части таза и спускающихся гирляндами по бедрам, повидимому, были нашиты на соответствующие части одежды; 8) между бедренными костями — птичьи кости.

Погребение № 70 (кв. $I_{14}K_{14}$ — $I_{15}K_{15}$; рис. 35).

Остатки разрушенного ямой погребения. Глубина залегания верхних костей 0.75 м, глубина дна ямы (с залегавшими в ней костями) — 1.10 м. Кости и дно ямы густо засыпаны красной охрой.

Анатомический порядок погребения совершенно нарушен; сохранились лишь отдельные кости, лежащие в различном направлении (части черепа рядом с бедренными костями, фаланги рук — рядом с костями ступни).

Возраст погребенного юношеский.

Инвентарь: 1) в выбросе ямы было найдено — а) кремневый наконечник стрелы, б) фрагмент резной поделки с отверстиями (из трубчатой кости); 2) среди костей погребения — а) 66 резцов лося, б) 3 пластинки из резцов бобра, в) фрагмент костяной поделки; 3) фрагментированный клык медведя.

Погребение № 71 (кв. $Z_{14}K_{14}$ — $Z_{16}K_{16}$; рис. 32).

Глубина залегания скелета от пикета Z_{15} равнялась 0.95 (череп) — 0.99 м (ступни); ориентировка — головой на СВ (60°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки — в области таза. Сохранность костей очень плохая (лучше сохранились кости ног): от черепа уцелели лишь небольшие фрагменты, так же как и от костей рук, позвоночник и ребра отсутствуют.

Засыпка охрой не прослеживалась. Погребение мужское, возраст старческий.

Инвентарь: 1) в области левого плеча — фрагмент костяного вкладышевого наконечника.

Погребение № 72 (кв. $Z_{14}K_{14}$ — $Z_{15}K_{15}$; рис. 33).

Глубина залегания скелета от пикета L_{14} равнялась 0.46 (череп) — 0.57 м (ступни); ориентировка — головой на В с отклонением к С (70°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Левая рука слегка согнута в локте, кисть — в области таза, правая рука вытянута вдоль туловища, череп повернут в левую сторону. Сохранность костей очень плохая: череп сильно фрагментирован, остальные кости прослеживаются с трудом.

Засыпка охрой слабая.

Погребение женское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) на груди скелета — пластинка из резца бобра.

Погребение № 73 (кв. $J_{14}Z_{14}$ — $J_{16}Z_{16}$; рис. 36).

Глубина залегания скелета от пикета J_{15} равнялась 0.81 (череп) — 0.79 м (ступни); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки согнуты в локтях, кисть

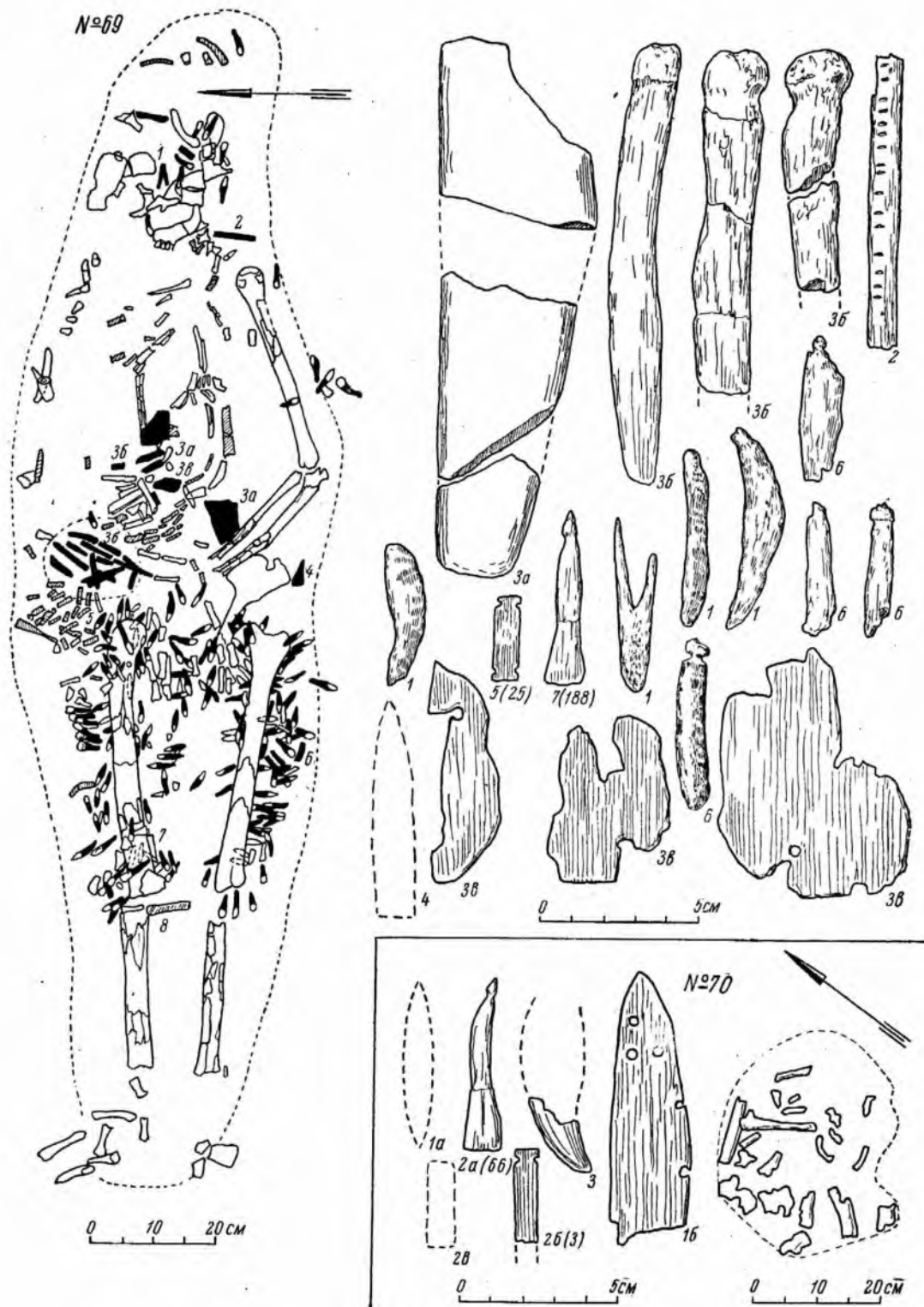

Рис. 35. Погребения №№ 69, 70.

правой руки находилась в области таза, левой — в области живота. Ноги от колен близко прижаты друг к другу.

Сохранность костей в верхней части скелета хорошая (отчетливо прослеживаются не только длинные кости рук, но и позвоночник). Кости ног сильно фрагментированы. Череп разрушен вырытой по соседству с ним ямой, челюсти сохранились несколько лучше.

Засыпка охрой относительно слабая (0.01—0.03 м), цвет охры темный.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) несколько севернее локтя правой руки — наконечник из кремня; 2) на правом плече — длинный кремневый нож (сломан на 2 части); 3) в области груди — фрагменты сильно расслоившегося сланцевого ножа; 4) у правой плечевой кости по обе ее стороны, под ней и ниже ее — 3 наконечника гаршунов, 15 костяных и 1 кремневый наконечник, лежащие пучком и направленные остриями в сторону черепа, а также 3 кремневых вкладыша; 5) по обе стороны правой плечевой кости — а) 3 клыка медведя и б) кремневый наконечник; 6) рядом с левой плечевой костью — 2 костяных наконечника; 7) у правой бедренной кости — костяной наконечник.

Погребение № 74 (кв. $E_{14}Ж_{14}$ — $E_{14}Ж_{18}$; рис. 37).

Глубина залегания скелета от пикета $Ж_{15}$ равнялась 0.82 (череп)—0.77 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю.

Сохранность костей чрезвычайно плохая. По слабым остаткам можно предполагать, что скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с руками, направленными вдоль туловища. Длина скелета очень незначительная. От черепа сохранились лишь фрагменты. Подавляющее большинство костей отсутствует.

Засыпка охрой интенсивная, толщина слоя равняется 0.04—0.05 м, цвет охры ярко-красный.

Погребение юношеское.

И н в е н т а р ь: 1) у черепа, слева — кремневый нож; 2) в области груди — обломок костяной поделки; 3) там же—15 резцов лося, свисавших, повидимому, гирляндой; 4) отщеп кремня (резец?); 5) у левой руки — мелкие кости птицы и зубы волка.

Погребение № 75 (кв. $L_{12}H_{12}$ — $L_{13}H_{13}$; рис. 37).

Глубина залегания скелета от пикета M_{12} равнялась 0.54 (череп)—0.64 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (73°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с руками, слегка согнутыми в локтях, кисти — в области таза. Сохранность костей относительно хорошая, особенно в верхней части, однако череп фрагментирован. Хуже сохранились нижние части ног.

Засыпка охрой слабая, несколько большая в области черепа и таза. Сверху костяк был заложено камнями довольно крупной величины, лежащими в одной плоскости.

Погребение мужское (?), возраст молодой.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 76 (кв. $K_{12}M_{12}$ — $K_{14}M_{14}$; рис. 38).

Глубина залегания скелета от пикета L_{13} равнялась 0.90 (череп)—0.95 м (ступни ног); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова повернута на правую сторону. Сохранность костей плохая; череп и кости сильно фрагментированы. Засыпка охрой интенсивная. Погребение сверху было заложено камнями, расположенными в один ряд и не образующими правильной фигуры.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) в области правой руки, тазобедренных костей и ступней ног — 125 резцов лося, нашитых, повидимому, на пояс по правому рукаву, на подол одежды и обувь; 2) в области груди — а) 3 клыка медведя и б) 2 сланцевых ножа; 3) между колен — сланцевый нож (сильно расслоившийся); 4) у правой бедренной кости (с внутренней стороны) — а) сланцевое долото и б) 9 пластинок из резцов бобра; 5) там же — обломок костяной поделки.

Погребение № 76а (кв. $K_{12}M_{12}$ — $K_{14}M_{14}$; рис. 39).

Скелет лежал в том же самом квадрате, что и предыдущее погребение № 76, параллельно ему, но несколько ниже (на 0.10—0.12 м). Таким образом, глубина залегания погребения № 76а от пикета L_{13} равнялась 1.02 (череп)—1.04 (таз)—1.05 м (ступни ног); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, правая рука вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью соединена с правой; череп — лицом кверху. Сохранность костей лучшая в верхней части скелета.

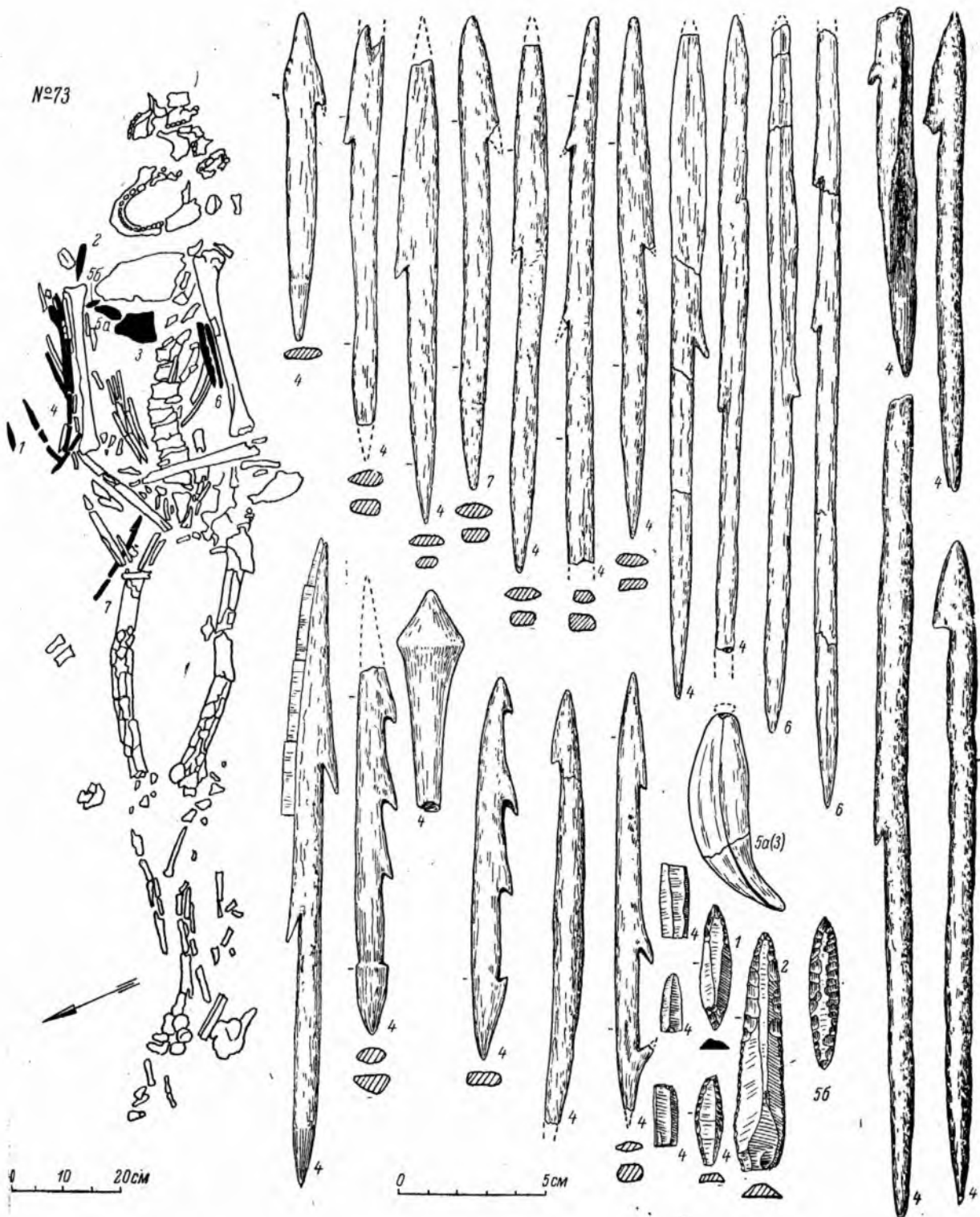

Рис. 36. Погребение № 73.

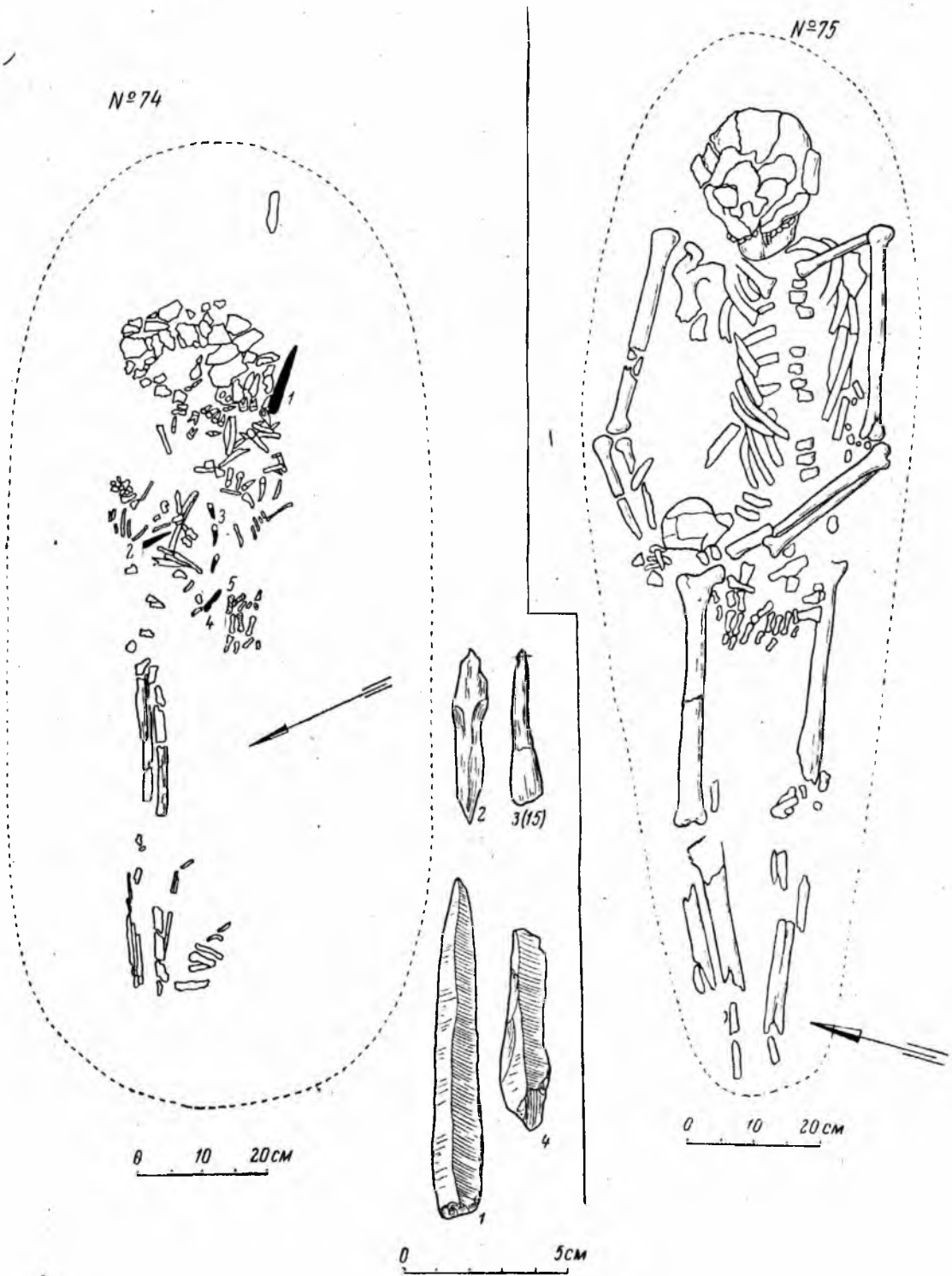

Рис. 37. Погребения №№ 74, 75.

№76

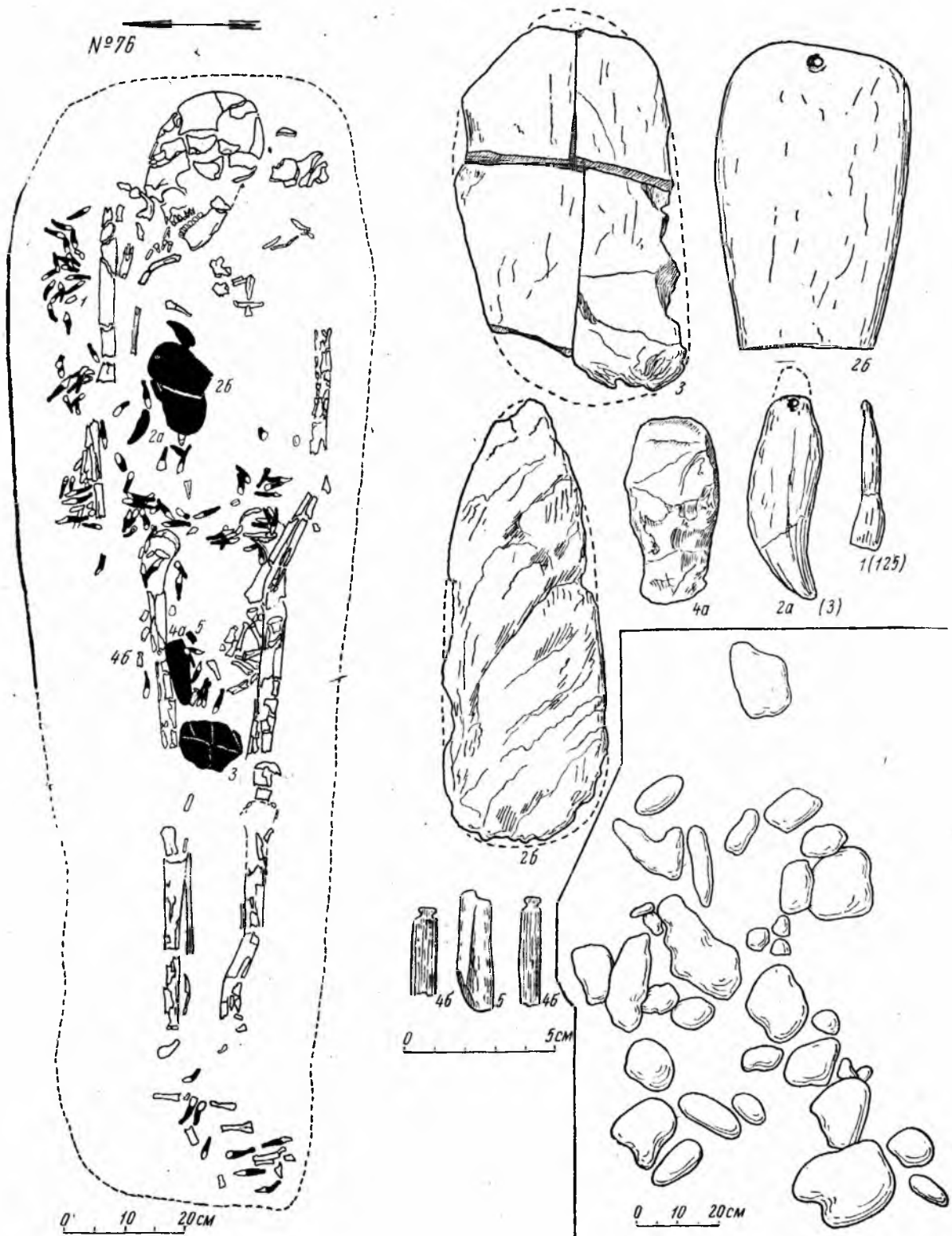

Рис. 38. Погребение № 76.

Берцовые кости совершенно отсутствуют, череп в верхней части фрагментирован.

Засыпка охрой очень интенсивная, цвет охры яркокрасный.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) на скелете — 140 резцов лося, нашитые, повидимому, на одежду, сплошь от шеи до колен; 2) у левой плечевой кости — 17 пластинок из резцов бобра; 3) в области груди — костяная проколка; 4) у правой берцовой кости — 8 пластинок из резцов бобра; 5) у верхнего конца левой бедренной кости — костяная поделка (подвеска); 6) между бедренными костями — сланцевый нож; 7) у правой берцовой кости — 3 кремневых наконечника.

Погребение № 77 (кв. $O_{11}P_{11}—O_{12}P_{12}$; рис. 39).

Остатки разрушенного погребения залегали на глубине 0.71—0.72 м от пикета P_{11} . Сохранились лишь отдельные фрагменты костей (часть бедра и отдельные ребра). Череп отсутствует.

Засыпка охрой не прослеживается.

Погребение разрушено старой ямой.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 78 (кв. $M_{10}H_{10}—M_{12}H_{12}$; рис. 40).

Глубина залегания скелета от пикета M_{10} равнялась 1.27 (череп)—1.33 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (67°).

Погребение сохранилось очень плохо; до нас дошли лишь часть черепа, фрагменты плечевой кости и голени. Засыпка охрой слабая.

Погребение женское, возраст старческий.

И н в е н т а р ь: 1) у затылочной кости черепа — фрагмент бобровой пластинки; 2) в области таза — 3 обломка поделок из кости.

Погребение № 79 (кв. $L_{11}M_{11}—L_{12}M_{12}$; рис. 40).

Ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет чрезвычайно плохой сохранности; череп отсутствует. Насколько можно судить, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, кисть ее — в области таза, правая рука положена вдоль туловища.

Засыпка охрой крайне слабая, охра буроватого цвета.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 80-81 (кв. $L_9M_9—L_{11}M_{11}$); двойное захоронение (рис. 41).

Глубина залегания обоих костяков от пикета L_{10} равнялась 0.72 (череп)—0.79 м (ноги); ориентировка — головой на В (90°).

Скелеты лежали параллельно, в одной могильной яме, на одинаковой глубине, с общей ориентировкой, повернутые лицевой частью друг к другу.

Костяк № 80 (детский) сохранился чрезвычайно плохо; от него остался лишь сильно фрагментированный череп и отдельные кости длинных костей ног. Судя по их направлению, можно думать, что положение скелета было вытянутым.

Костяк № 81 сохранился значительно лучше, хотя его череп оказался раздавленным. Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, слегка повернутый в левую сторону (правое плечо несколько выше левого), лицевая часть обращена к детскому скелету.

Засыпка охрой интенсивная.

Погребение № 80 — детское II, погребение № 81 — мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь погребения № 80: 1) несколько восточнее расплющенного черепа — костяная проколка; 2) резец лося.

И н в е н т а р ь погребения № 81: 1) у левого бедра скелета — отщеп кремнистого сланца; 2) верх левого бедра — головка лося из кости; 3) на левой берцовой кости — 17 костяных наконечников, 10 их обломков и одна проколка; 4) в области таза (преимущественно) и у других частей скелета — 106 резцов лося; 5) в области черепа — 54 пластинки из резцов бобра; 6) у левой плечевой кости — тонкая песчаниковая плита (в 5 фрагментах); 7) маленькая головка лося, обнаруженная после промывки остатков костей.

Погребение № 82 (кв. $M_9H_9—M_{10}H_{10}$; рис. 42).

Глубина залегания скелета от почвы, погребенной выкидом из ямы, равнялась 0.98 (череп)—1.18 м (кости рук); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Костяк лежал на спине, с лицом, обращенным кверху. Руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей плохая. Нижняя часть погребения (от пояса) разрушена поздней ямой.

Засыпка охрой относительно слабая, цвет охры буроватый.

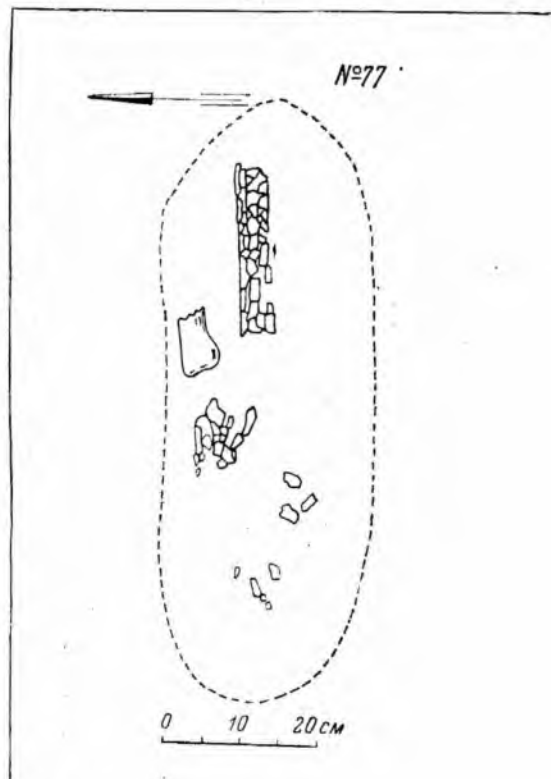
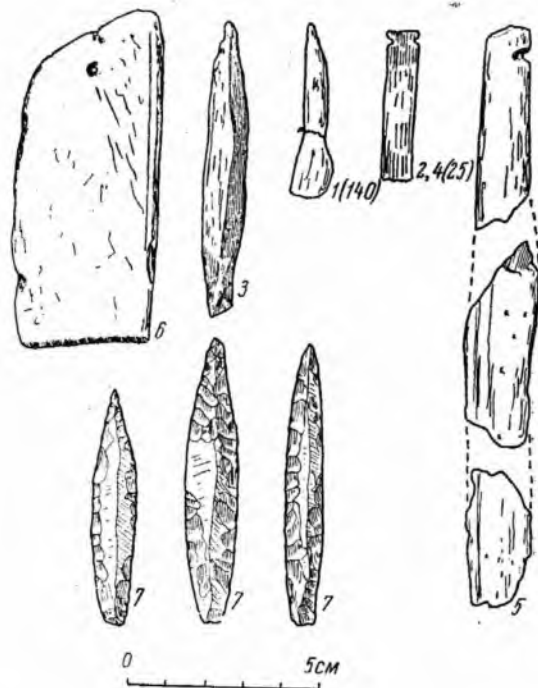
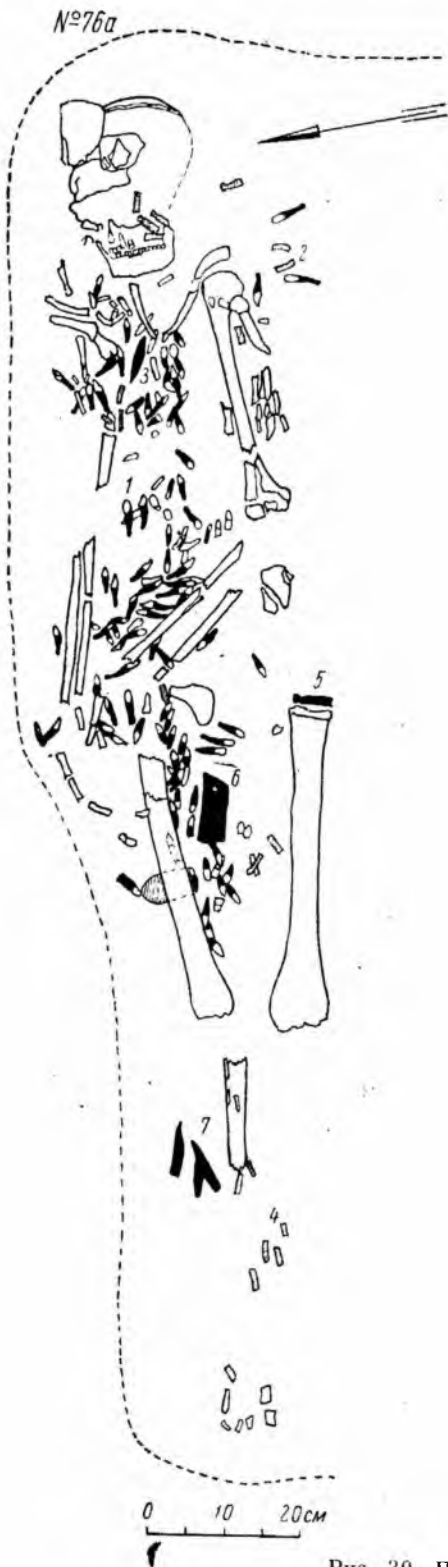
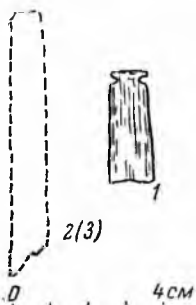
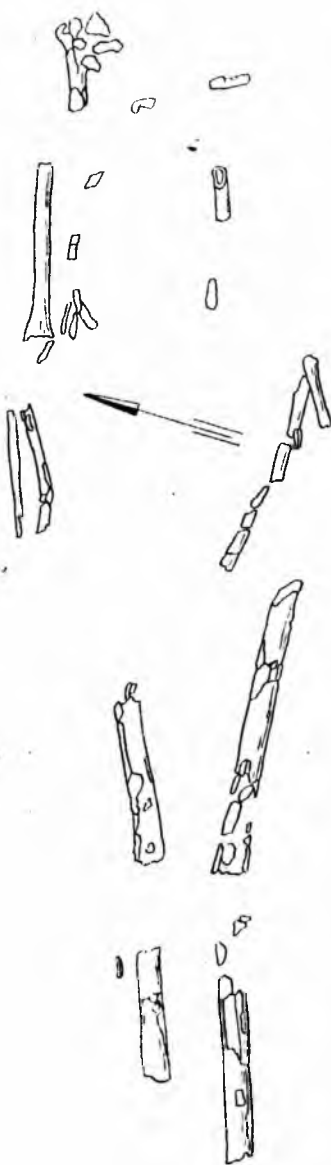

Рис. 39. Погребения №№ 76а, 77.

N°78

N°79

0 10 20 CM

N°83

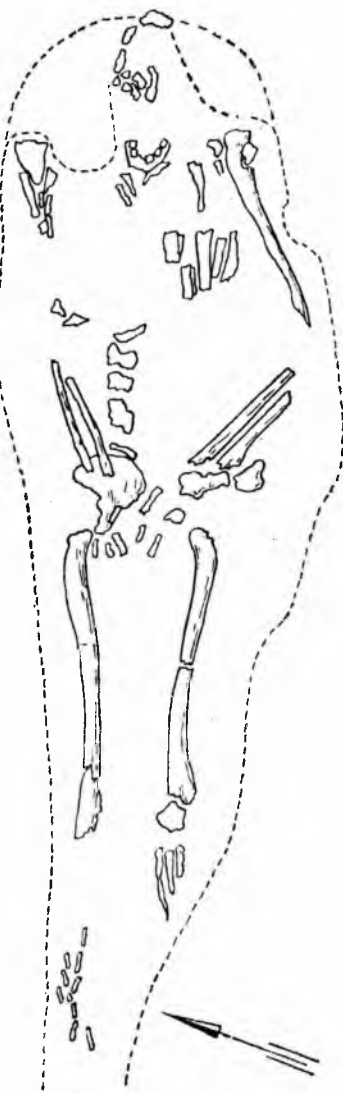

Рис. 40. Погребения №№ 78, 79, 83.

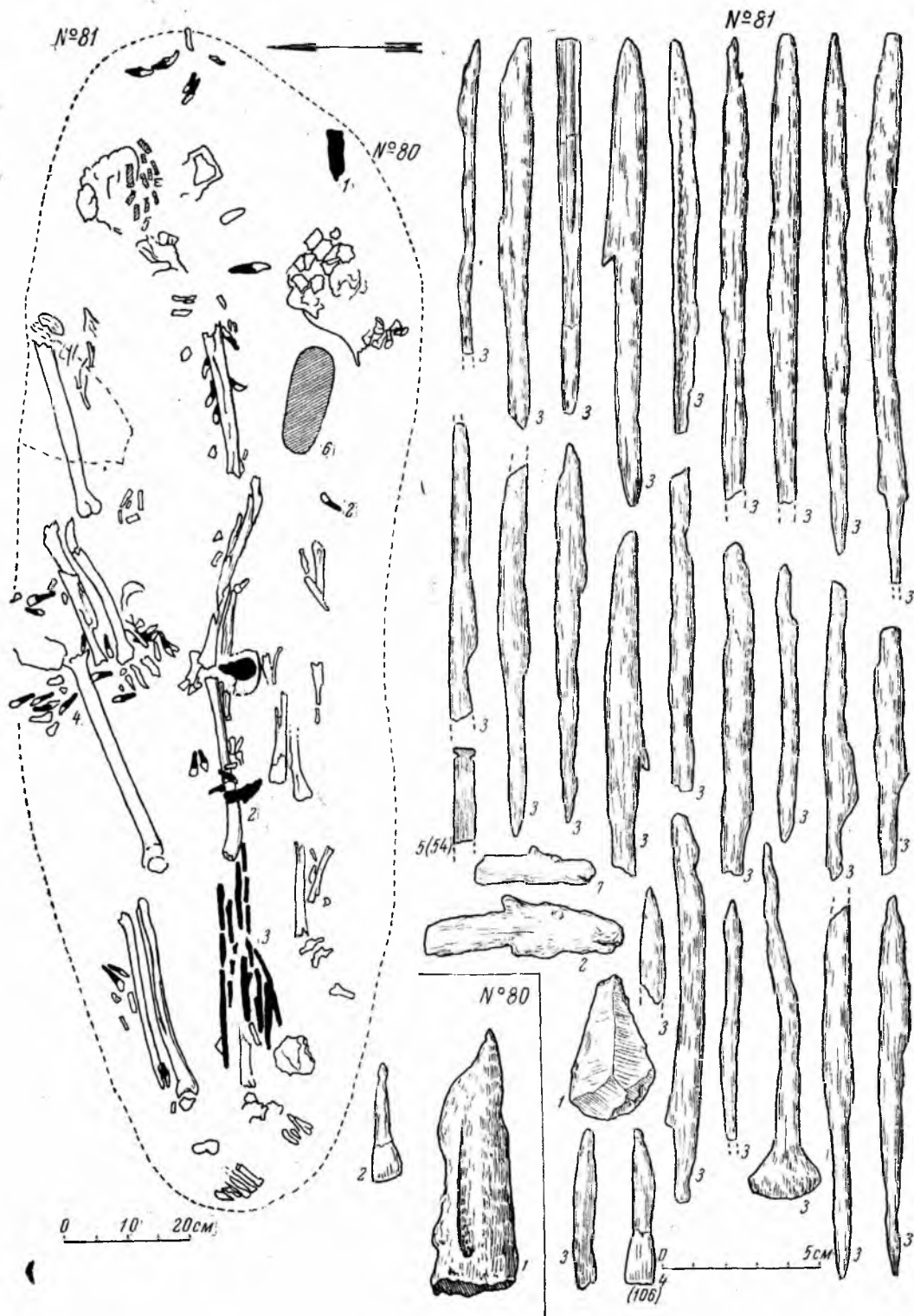

Рис. 41. Погребение № 80-81.

Погребение мужское (?).

И н в е н т а р ь: 1) у правой руки скелета — костяное лоцило; 2) у теменной кости черепа — а) фрагмент сланцевого орудия с полукруглым сечением, б) половинка сланцевого ножа, в) фрагмент сланцевого ножа, г) целый сланцевый нож, д) сланцевый топорик; 3) на груди скелета — сланцевый нож, оригинальной формы; 4) у правого плеча — резная головка лося из кости; 5) у теменной кости — желобчатая костяная поделка; 6) с левой стороны скелета — 14 пластинок из резцов бобра и коренные зубы северного оленя; 7) выше черепа — кости птицы.

Погребение № 83 (кв. $M_9H_9—M_{10}H_{10}$; рис. 40).

Глубина залегания скелета от пикета M_{10} равнялась 1.20 (череп)—1.35 м (ступни ног); ориентировка головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Руки слегка согнуты в локтях, кисти — в области таза. Сохранность костей плохая: череп почти совершенно уничтожен большим корнем, проросшим через самую его середину, остальные кости сильно фрагментированы.

Степень засыпки охрой средняя.

Погребение женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 84-85 (кв. $K_9L_9—K_{10}L_{10}$); двойное захоронение (рис. 43).

Глубина залегания скелетов от пикета L_{10} равнялась 0.86 (череп)—0.76 м (ступни). Ориентировка — головой на В (90°).

Оба скелета лежали в общей яме, приблизительно в одной плоскости и точно совпадали по ориентировке. Один костяк принадлежал взрослому субъекту, второй ребенку. От детского погребения № 84 сохранились лишь фрагменты черепа, 5 зубов, несколько ребер и ничтожные остатки длинных костей. Скелет взрослого сохранился значительно лучше.

Скелет № 85 лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, фаланги рук — между бедренными костями. Ноги в коленях плотно прижаты друг к другу. Позвоночник и ребра отсутствуют, череп раздавлен. Засыпка охрой обоих костяков весьма интенсивная (до 0.08 м). Охра яркочерного цвета.

Могильная яма выступала очень отчетливо, начиная с глубины 0.66—0.80 м от пикета

J_6 . Слой, заполняющий ее, имел заметно красноватую окраску и меньшую плотность.

Оба погребения одновременны. Погребение № 84 — детское II; погребение № 85 — мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь погребения № 84 отсутствует.

И н в е н т а р ь погребения № 85: 1) в непосредственной близости от черепа (к востоку) — а) остатки четырех сланцевых ножей, б) фрагмент костяного наконечника, в) 2 клыка медведя; 2) на теменной кости черепа — круглая костяная поделка с отверстием посредине; 3) на груди скелета (посредине) — 2 кремневых наконечника; 4) в области левой плечевой кости — а) резцы лося, идущие тройным слоем, б) скопленные фрагменты костяных наконечников; 5) под левой плечевой костью (в верхней части) — а) 4 кремневых наконечника, обращенные остриями к ногам, б) 2 клыка медведя; 6) под плечевой костью (в нижней части) — а) 2 клыка медведя, б) 4 кремневых наконечника, обращенных остриями к ногам, в) трубчатая кость птицы, 3 кремневых вкладыша (вероятно, связанные с костяными наконечниками, лежащими вдоль плечевой кости); здесь же (в третьем плане) — г) клык медведя, резцы лося и д) пластинки из резцов бобра; 7) у конца левого бедра — 5 поделок из кости (фрагментированы); 8) несколько южнее левой берцовой кости — а) кремневый отщеп, б) клык медведя; 9) у головки левого бедра (в третьем плане) — фрагмент поделки из кости; 10) у нижнего конца того же бедра — фрагменты поделок из кости, в числе их 3 составных части рыболовных крючков; 11) между берцовыми костями — фрагмент костяной поделки; 12) под левой берцовой костью — сланцевая поделка в виде плоской плиточки с оббитыми краями (сильно фрагментированная), кости животного; 13) по всему скелету (во всех горизонтах) большое количество — а) пластинок из резцов бобра, б) резцов лося, наибольшее скопление которых наблюдалось на левой половине скелета и особенно у левой руки (украшение рукава), в то время, как правая половина была почти свободна от них; 14) отщеп кремнистого сланца (его местоположение точно не устанавливается).

Погребения №№ 86, 87 (кв. $I_{10}K_{10}—I_{11}K_{11}$); разновременные (рис. 44).

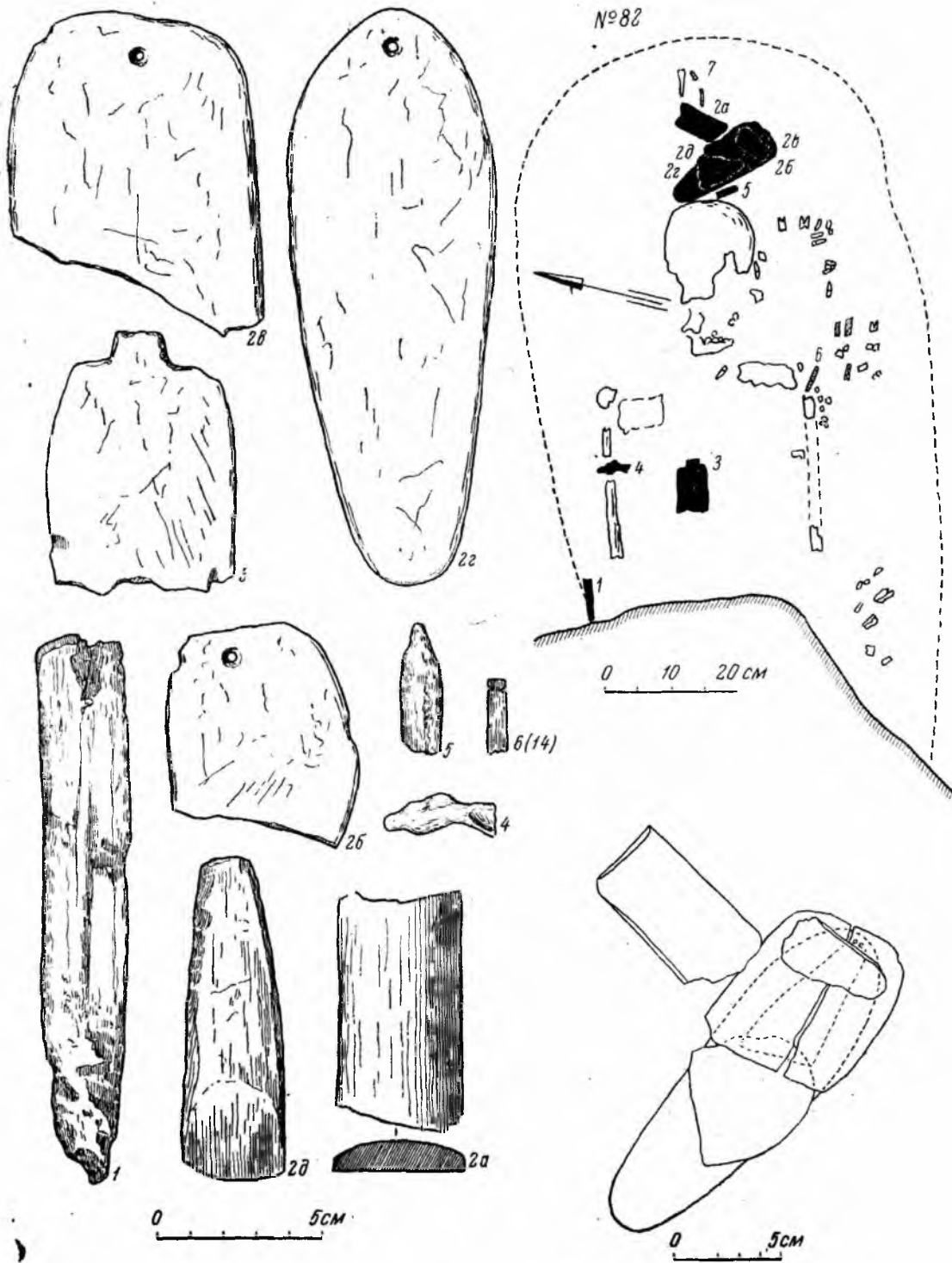

Рис. 42. Погребение № 82.

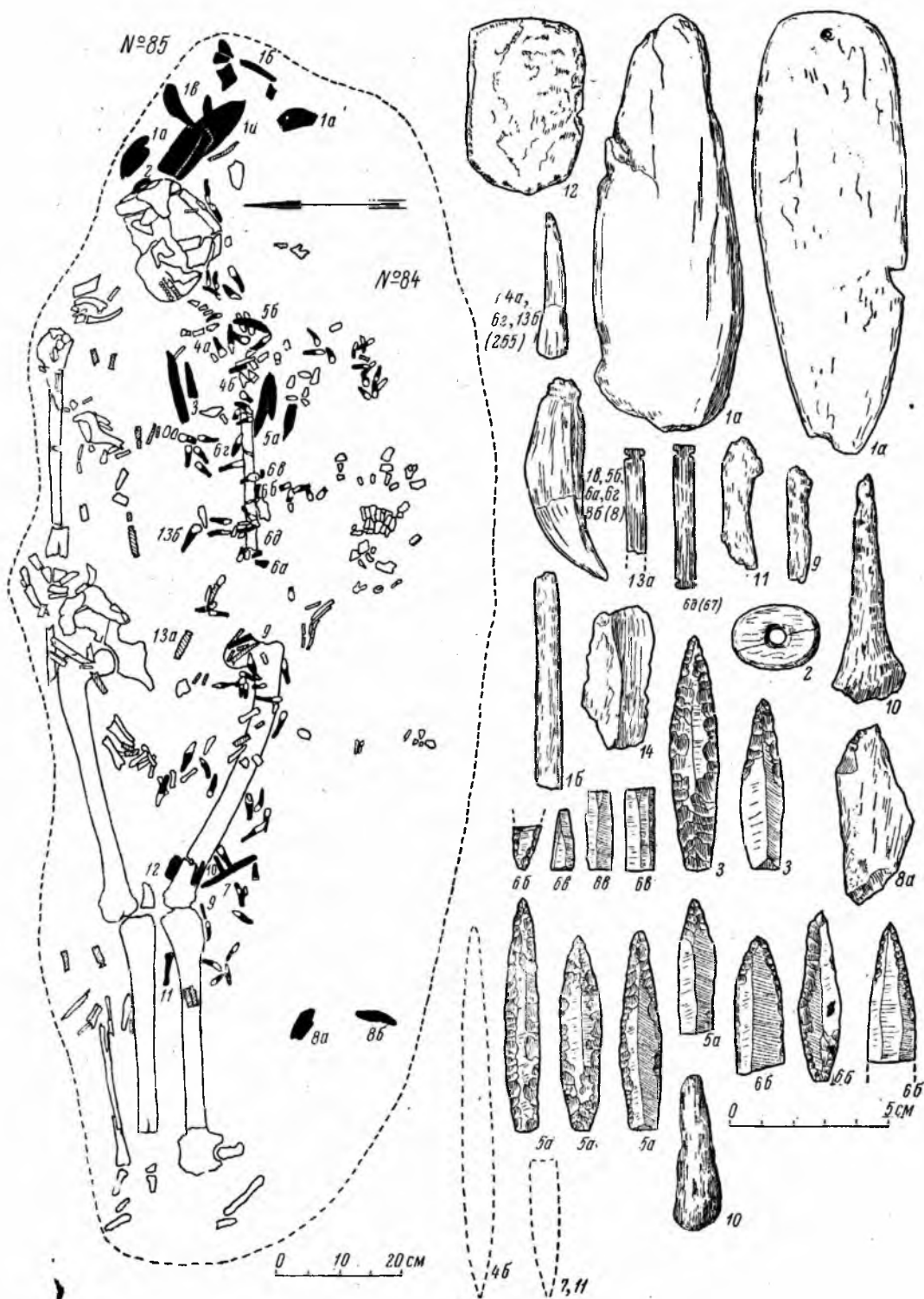

Рис. 43. Погребение № 84-85.

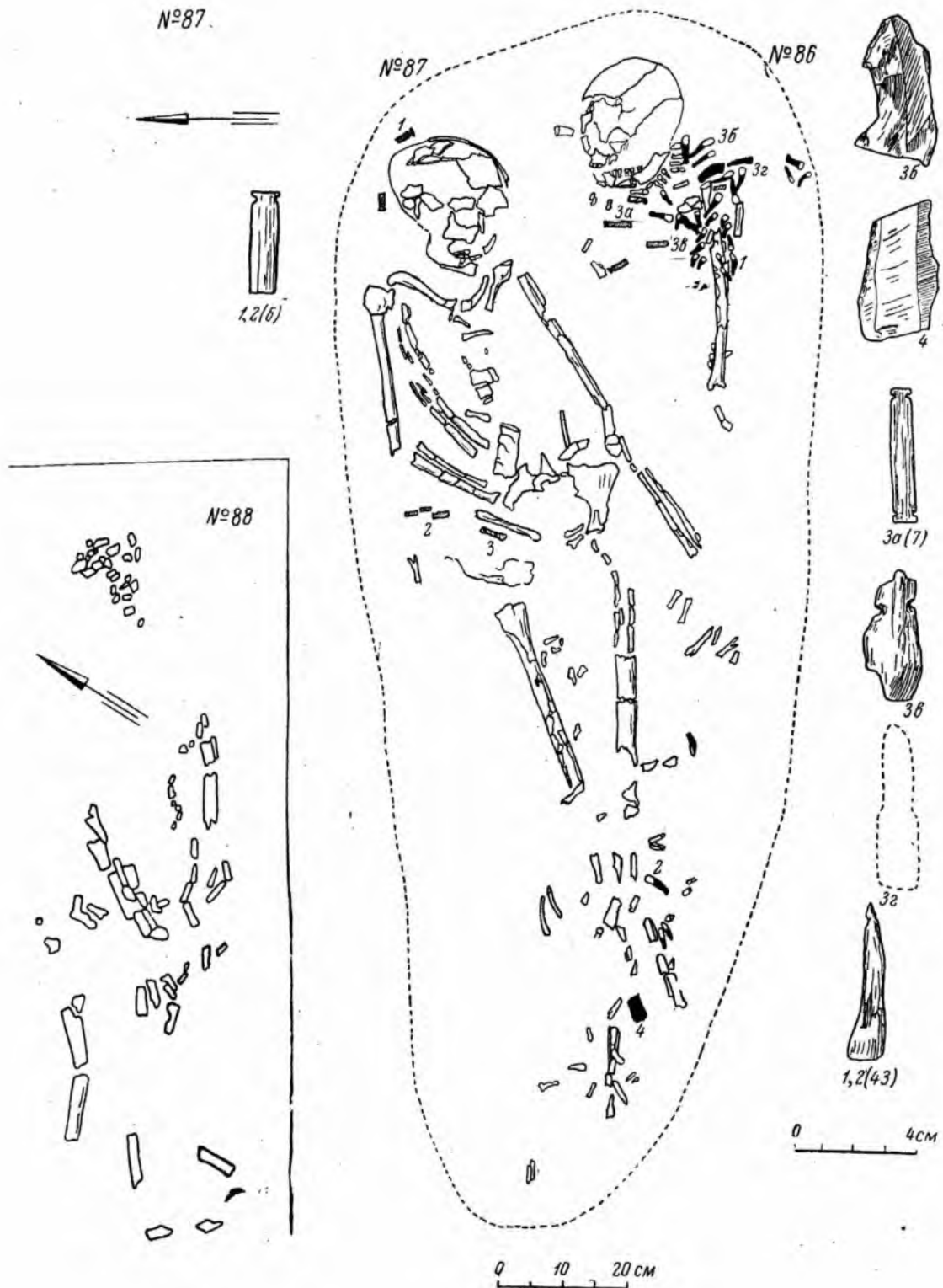

Рис. 44. Погребения №№ 86, 87, 88.

Глубина залегания скелета № 86 от пикета K_{11} равнялась 0.95 (череп)—0.88 м (ноги); глубина залегания скелета № 87 от того же пикета K_{11} — 0.83 (череп)—0.88 м (ноги); ориентировка костяка № 86 — головой на В, скелета № 87 — на В с отклонением к С.

Оба скелета лежали в одной могильной яме и имели общую засыпку охрой.

Скелет № 86 лежал несколько ниже скелета № 87. Сохранность его костей очень плохая: сохранился лишь череп (фрагментированный) и левая плечевая кость, положение остальных костей прослеживается с трудом.

Скелет № 87 лежал несколько выше скелета № 86, причем ноги его (от таза) были положены на скелет № 86, вследствие чего кости ног обоих скелетов перекрещивались. Положение костяка вытянутое, на спине, голова повернута в левую сторону, правая рука согнута в локте, левая откинута вперед. Кости сохранились плохо. Подавляющее большинство их фрагментировано.

Одновременность захоронений, несмотря на общую могильную яму, признать нельзя. Следует считать, что погребение № 86 более раннее. Погребение № 86 женское, возраст старческий; погребение № 87 — женское, возраст юношеский.

И н в е н т а р ь погребения № 86: 1) в области черепа и вдоль левой руки — 40 резцов лося (повидимому, нашивка на плечо одежды); 2) у берцовой кости — 3 резца лося; 3) на груди и у черепа — а) 7 пластинок резцов бобра, б) отщеп кремня, в) костяная подвеска из челюсти оленя или молодого лося, г) костяная поделка; 4) в области голени — пластинка кремнистого сланца.

И н в е н т а р ь погребения № 87: 1) у затылочной части черепа — 2 пластинки из резцов бобра; 2) в области правой половины таза — 4 пластинки из резцов бобра; 3) трубчатые кости птицы или животного.

Погребение № 88 (кв. $E_{11}Z_{11}$ — $E_{12}Z_{12}$; рис. 44).

Незначительные остатки костей скелета, залегающие на глубине 0.60 (череп)—0.81 м (кости ног) от пикета Z_{12} . Насколько удастся проследить, костяк ориентирован головой на СВ (60°), положение его вытянутое.

Засыпка охрой слабая.

Погребение мужское, возраст взрослый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 89 (кв. I_9K_9 — $I_{10}K_{10}$; рис. 45).

Глубина залегания костяка от пикета K_8 равнялась 0.76 (череп)—0.62 м (кости ног); ориентировка — обратная обычной, т. е. головой на ЮЗ.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, кисти рук на левой бедренной кости. Сохранность костей плохая: часть черепа, правое плечо и позвоночник отсутствуют, левая нога смещена.

Засыпка охрой почти не прослеживается, наблюдается лишь едва заметная буроватость слоя.

Погребение мужское, возраст зрелый. **И н в е н т а р ь** отсутствует.

Погребение № 90 (кв. I_8K_8 — I_9K_9 ; рис. 46).

Глубина залегания погребения от пикета E_4 равнялась 0.70 (череп)—0.73 м (концы ног); ориентировка — головой на СВ (45°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицевой частью кверху, руки положены вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая, позвоночник и мелкие кости не прослеживаются, кости рук и левое бедро сильно фрагментированы. Лучше сохранились кости правой ноги.

Толщина слоя охры, покрывавшей скелет, равна 0.04 м. Цвет ее бурый. Могильная яма прослеживалась довольно отчетливо. Она имела корытообразную форму.

Погребение мужское, возраст старческий.

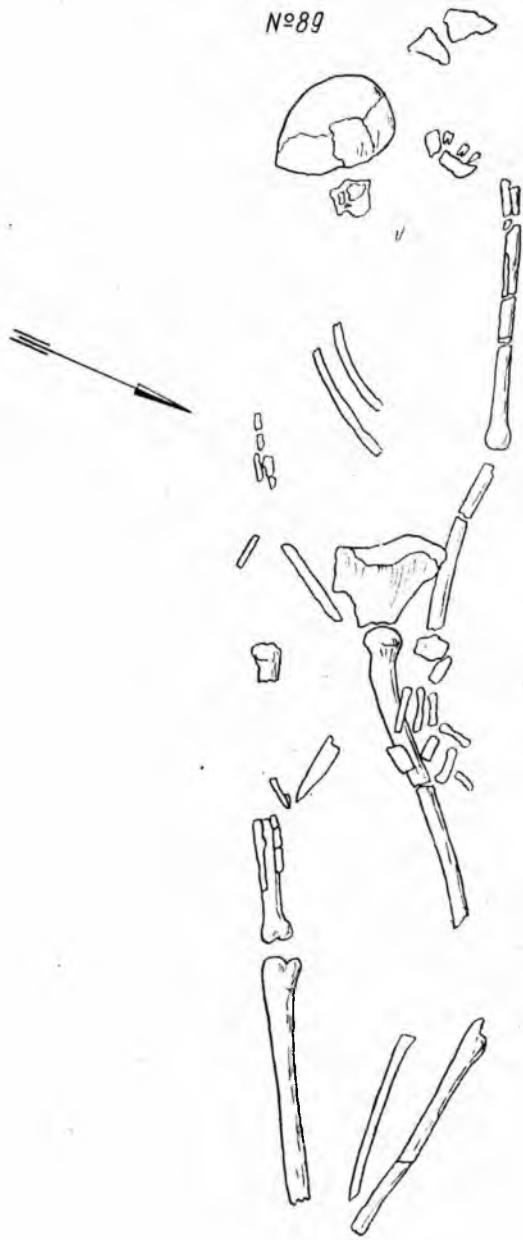
И н в е н т а р ь: 1) между бедренными костями большая группа накопечников стрел. минимум 10, среди которых встречаются с вкладышами.¹

Погребение № 91 (кв. Z_8I_8 — Z_9I_9 ; рис. 45).

Глубина залегания скелета от пикета I_8 равнялась 0.73 (череп)—0.80 м (ступни); ориентировка — головой на В с отклонением к С (63°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с руками, направленными вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая; череп отсутствует, кости сильно фрагментированы.

¹ Вследствие чрезвычайно плохой сохранности они взяты монолитом. Точную форму установить не удается; видно только, что часть их имела зубцы.

0 10 20cm

Рис. 45. Погребения №№ 89, 91.

Засыпка охрой слабая, цвет охры буроватый.

Погребение женское (?), возраст взрослый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 92 (кв. $H_7O_7—H_8O_8$; рис. 46).

Глубина залегания скелета от пикета H_7 равнялась 0.82 (череп)—0.88 м (ступни); ориентировка головой на СВ (57°).

Сохранность костей чрезвычайно плохая, череп и кости представляют собой мелкие фрагменты, в силу чего положение скелета прослеживается с трудом. Повидимому, покойник лежал на спине. Размер костей очень незначительный, они принадлежат ребенку.

Засыпка охрой слабая (0.01—0.02 м), цвет охры буроватый.

Погребение детское II.

Инвентарь: 1) на всем скелете и особенно в области пояса — 22 резца лося. Кроме того, обнаружена трубчатая кость птицы.

Погребение № 93-94 (кв. $M_6O_6—M_8O_8$): двойное захоронение (рис. 47).

Глубина залегания обоих костяков от пикета M_7 равнялась 0.88 (череп)—0.85 м (ноги); ориентировка—головой на В, с отклонением к С (75°).

Скелеты лежали в общей могильной яме корытообразной формы, на одинаковой глубине, под общей засыпкой охры, обращенные лицом друг к другу. Положение скелетов вытянутое, на боку (скелет № 93 — на правом, скелет № 94 — на левом). Левая рука скелета № 93 согнута в локте, кисть — в области таза, правая его рука и обе руки костяка № 94 не прослеживаются. Челюсти костяков широко раскрыты; у костяка № 93 между верхней и нижней челюстями находится кремневая пластинка.

Засыпка охрой интенсивная.

Оба захоронения следует считать одновременными. Погребение № 93 женское, возраст зрелый; погребение № 94 женское, возраст возмужалый.

Инвентарь погребения № 93:

1) у лобной кости черепа — орудие из рога в виде удлиненной пластины с округлыми концами и желобком вдоль его тыльной части (лощило); 2) между челюстями — кремневая пластинка (нож).

Инвентарь погребения № 94 отсутствует.

Погребение № 95 (кв. $M_6O_6—M_8O_8$; рис. 48).

Скелет лежал под двойным захоронением № 93-94, в той же могильной яме, на 0.10—0.12 м ниже указанных костяков; ориентировка его точно совпадала с ориентировкой погребения № 93-94 — головой на В с отклонением к С (75°). Сохранность скелета чрезвычайно плохая: череп сильно фрагментирован, кости рук, позвоночник отсутствуют. Таз оказался лежащим выше, между бедренными костями скелета № 93. Лучше сохранились кости ног. Повидимому, погребение было нарушено (но весьма острожно) более поздним захоронением № 93-94. Возможно, что общая могильная яма данного погребения с выше упомянутым двойным захоронением свидетельствует о наличии между ними определенных родственных связей.

Погребение женское, возраст юношеский.

Инвентарь: 1) в области черепа — 3 клыка медведя; 2) под костями черепа — сланцевый нож, фрагмент сланцевого ножа и сильно расслоившийся сланцевый нож; 3) на костях туловища и ног — 12 пластинок из резцов бобра; 4) на костях ног (в определенном порядке) — 67 резцов лося, составлявшие, повидимому, украшение на конце одежды; 5) у бедра (среди резцов лося) — клык медведя; 6) в области груди — расслоившаяся сланцевая пластинка.

Погребение № 96 (кв. $H_6O_6—H_7O_7$; рис. 48).

Глубина залегания скелета от пикета H_6 равнялась 0.71 (череп)—0.81 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (69°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Сохранность костей очень плохая. Направление рук отчетливо не прослеживается; повидимому, левая рука была согнута в локте. Череп сильно фрагментирован, позвоночник и тазовые кости отсутствуют.

Засыпка охрой слабая, цвет охры красноватый.

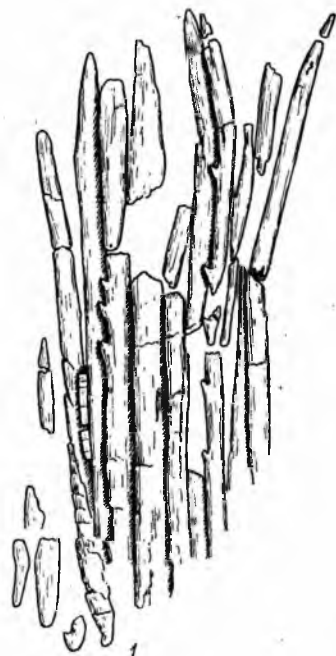
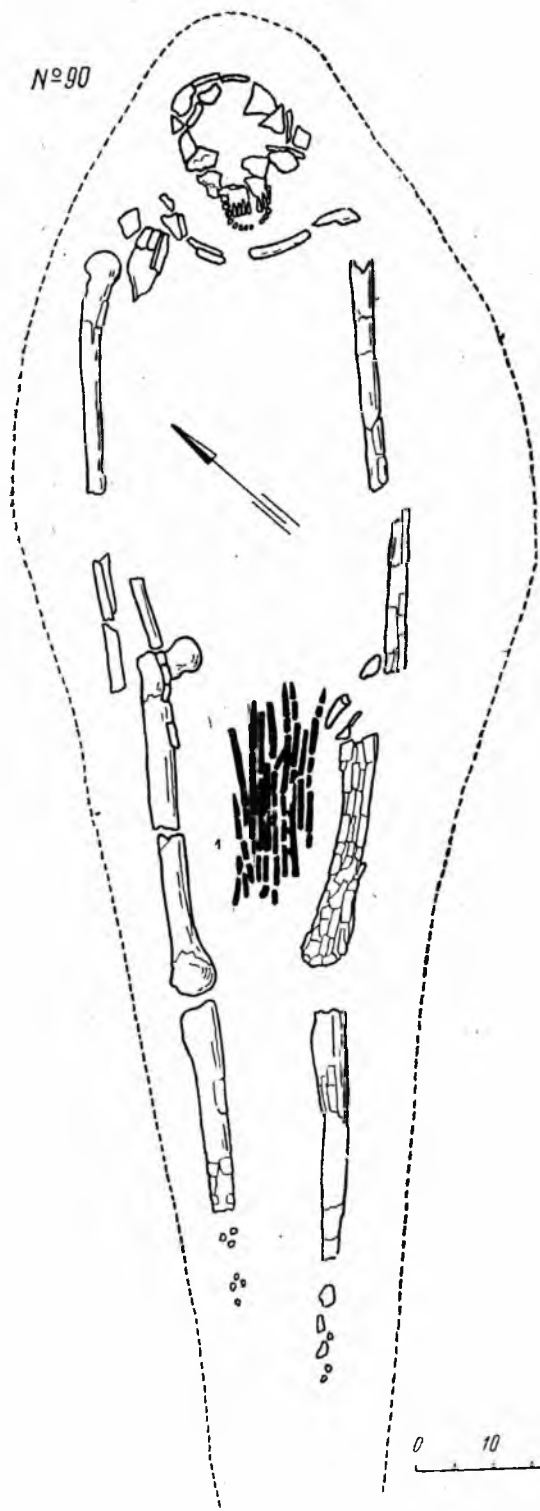
Погребение мужское, возраст возмужалый.

Инвентарь: 1) у правой плечевой кости и черепа — 83 резца лося.

Погребение № 97 (кв. $H_5O_5—H_6O_6$; рис. 23 и 23а).

Глубина залегания скелета от пикета O_5 равнялась 0.72 (череп)—0.69 м (концы ног); ориентировка — головой на В (97°).

Скелет лежал на спине, лицевой частью кверху, руки — вдоль туловища, кисти —

0 10 20 CM

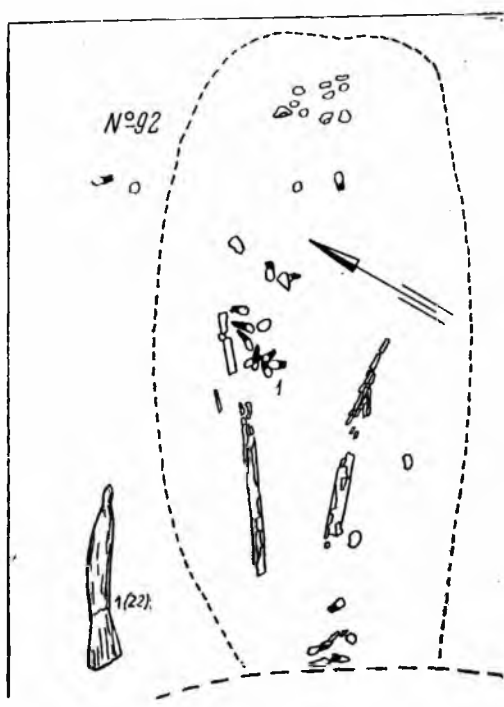

Рис. 46. Погребения №№ 90, 92.

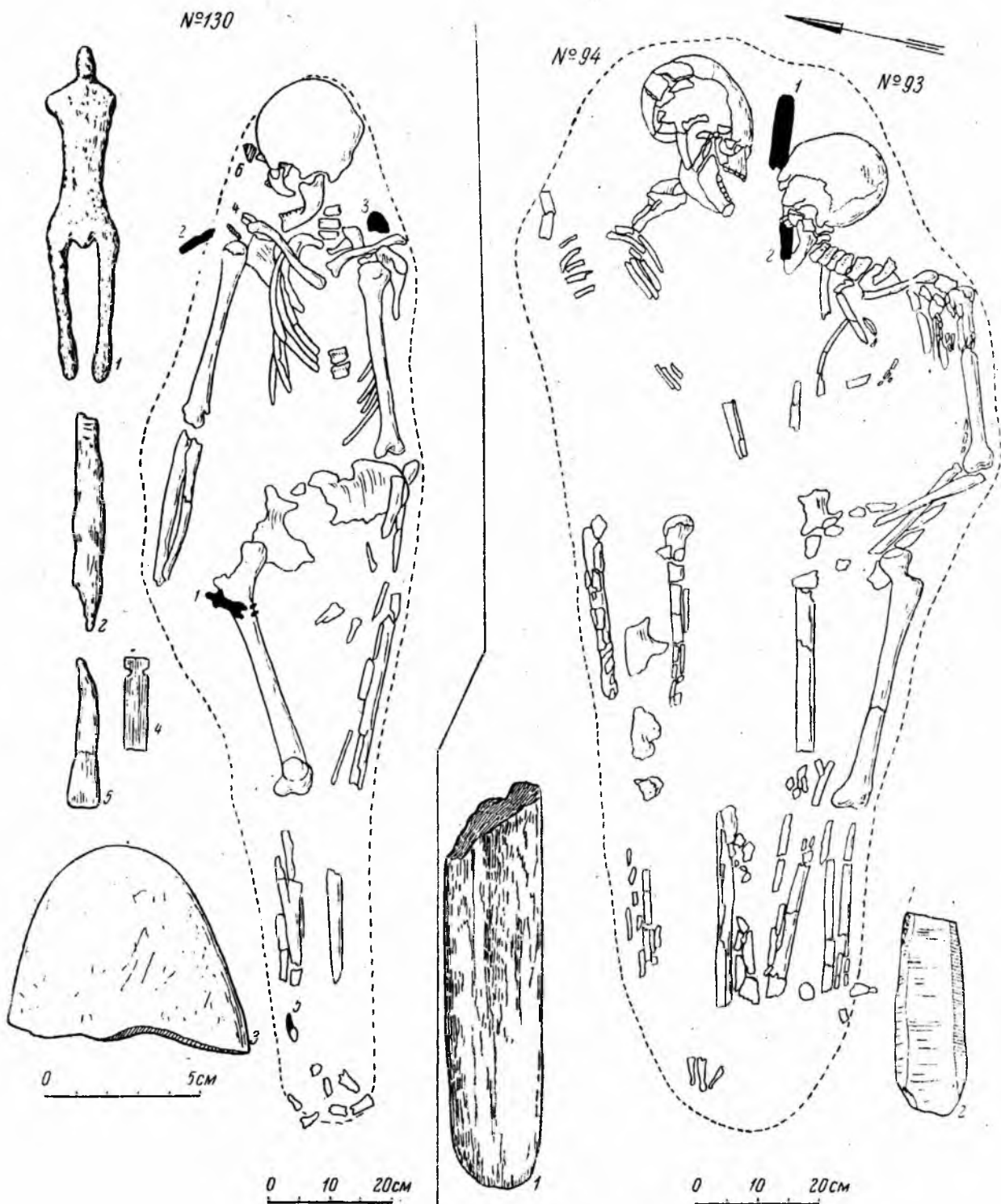

Рис. 47. Погребения №№ 93-94, 130.

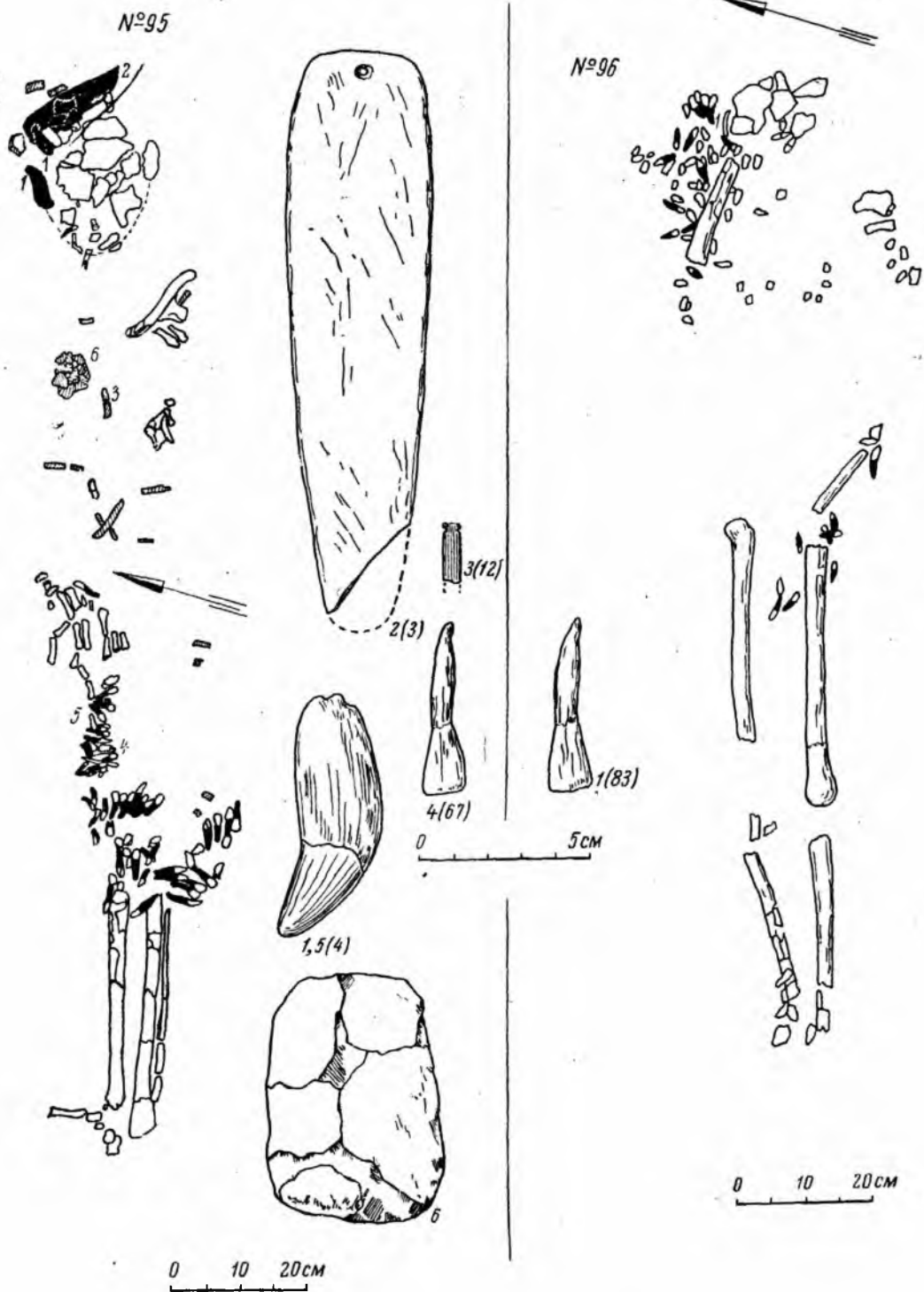

Рис. 48. Погребения №№ 95, 96.

между бедрами. Сохранность костей, за исключением бедренных, плохая. Череп слегка фрагментирован, кости правой руки не прослеживаются, левая рука, повидимому, вытянута вдоль туловища, кисть ее — в области таза. От тазовых костей сохранились лишь небольшие фрагменты.

Засыпка охрой очень интенсивная (до 0.08 м).

Погребение женское, возраст возмужалый(?)

И н в е н т а р ь: 1) у правого локтя — кремневый наконечник; 2) в области черепа, на груди и особенно по обеим внешним сторонам костей ног — 135 резцов лося; резцы, лежащие у костей ног, направлены концами с нарезками в одну сторону; несомненно они были нашиты на одежду и спускались гирляндами; 3) вместе с резцами лося — 36 пластинок из резцов бобра; 4) с восточной стороны черепа — коренной зуб лося (*Alces alces*); 5) несколько выше скелета, в засыпи (0.64 м) — челюсть животного; 6) у шеи с севера — 2 коренных зуба лося; 7) у тазовых костей — обломки коренных зубов животного.

Погребения №№ 98, 99 (кв. M_6O_6 — M_7O_7); захоронение одновременное (рис. 49).

В непосредственной близости один от другого залежали два костяка, захороненные в разное время. Об этом свидетельствовали отчетливо прослеживаемые две могильные ямы, различная ориентация и отсутствие правой бедренной кости скелета № 98, выброшенной в результате более позднего захоронения № 99.

Скелет № 98 залегал на глубине 0.74—0.82 м от пикета H_7 ; ориентировка — головой на В с отклонением к Ю. Положение скелета вытянутое, на спине, череп повернут в правую сторону, руки слегка согнуты в локтях, кисти — в области таза. Правая бедренная кость (как уже было указано) не сохранилась.

Засыпка охрой довольно интенсивная.

Погребение № 98 мужское, возраст зрелый.

Скелет № 99 залегал на глубине 0.80 (череп) — 0.74 м (фрагменты ног) от пикета H_7 ; ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении; руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза. Сохранность костей плохая. Череп и крупные кости сильно фрагментированы. Мелкие кости отсут-

ствуют. Хорошо сохранились лишь фаланги ног.

Засыпка охрой средняя (0.02—0.03 м толщиной).

Погребение № 99 мужское(?), возраст зрелый.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 98: 1) у левого плеча — обломок костяной поделки.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 99: 1) у правого плеча — фрагмент костяного наконечника стрелы; 2) между берцовыми костями — 5 (?) костяных наконечников стрел; 3) в области левой руки — резец лося; 4) несколько выше его — мелкие трубчатые кости птицы.

Погребение № 100 (кв. L_6M_6 — L_7M_7); вертикальное (рис. 50 и 50а).

Глубина залегания скелета от пикета M_7 равнялась 0.59 (нижняя челюсть) — 1.54 м (нижний конец берцовых костей); ориентировка — лицом к ЮЗ.

Скелет стоял на ногах, в наклонном положении, будучи прислоненным к северо-восточной стене ямы. С обоих боков и в особенности спереди (в юго-западной части) он был обложен камнями, промежутки между которыми засыпаны песком.¹ Положение скелета фронтальное, без искривлений, руки опущены вдоль туловища, ступни ног расположены под углом в 90° по отношению к берцовым костям. Плечевые кости, бедренные, голени и ступни ног находились в первоначальном положении, кости предплечья и кисти рук сползли вниз. Череп отсутствовал, на месте его находилась лишь часть нижней челюсти. Сохранность имеющихся костей, включая фаланги, хорошая.

Засыпка охрой всего скелета и вещей на нем очень интенсивная; в верхней части погребения, над сохранившейся нижней челюстью, она достигала 0.15 м; цвет охры яркочерный. Присутствие охры в виде красноватого пятна округлых очертаний (размером 0.60×0.70 м) прослеживалось с глубины 0.45 м от пикета M_7 . В контурах этого пятна, на глубине 0.50 м, были найдены отдельные вещи (3 резца лося и 4 бобровые пластинки).

На глубине 0.63 м показалась могильная яма округлых очертаний, вытянутая с СВ на ЮЗ. Контур ее не совпадали с кон-

¹ Впереди покойника яма наполовину была завалена камнями.

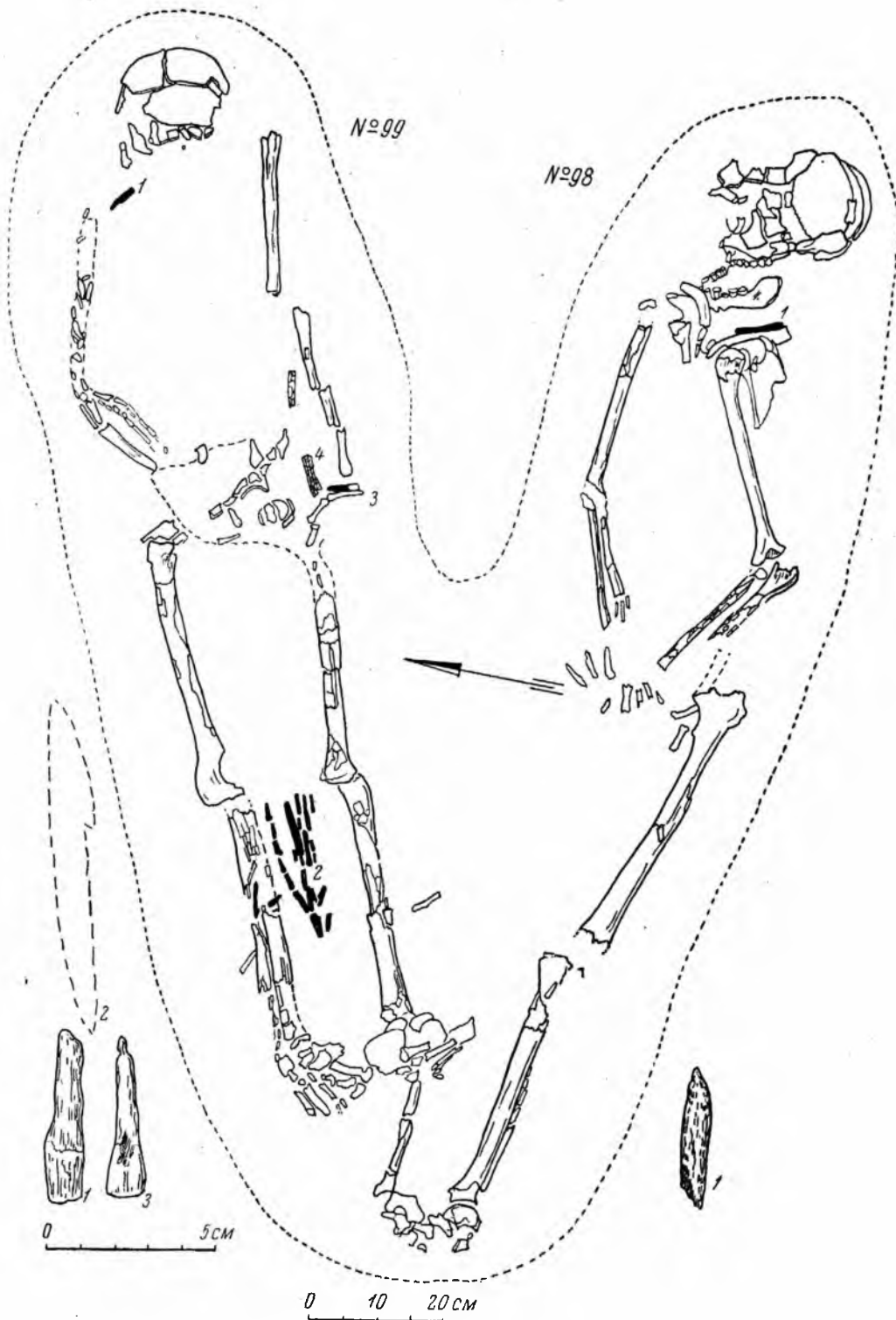

Рис. 49. Погребения №№ 98, 99.

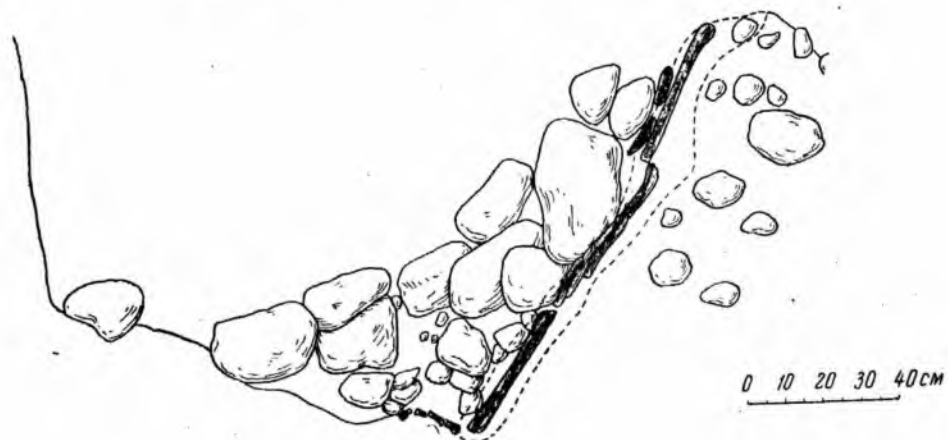
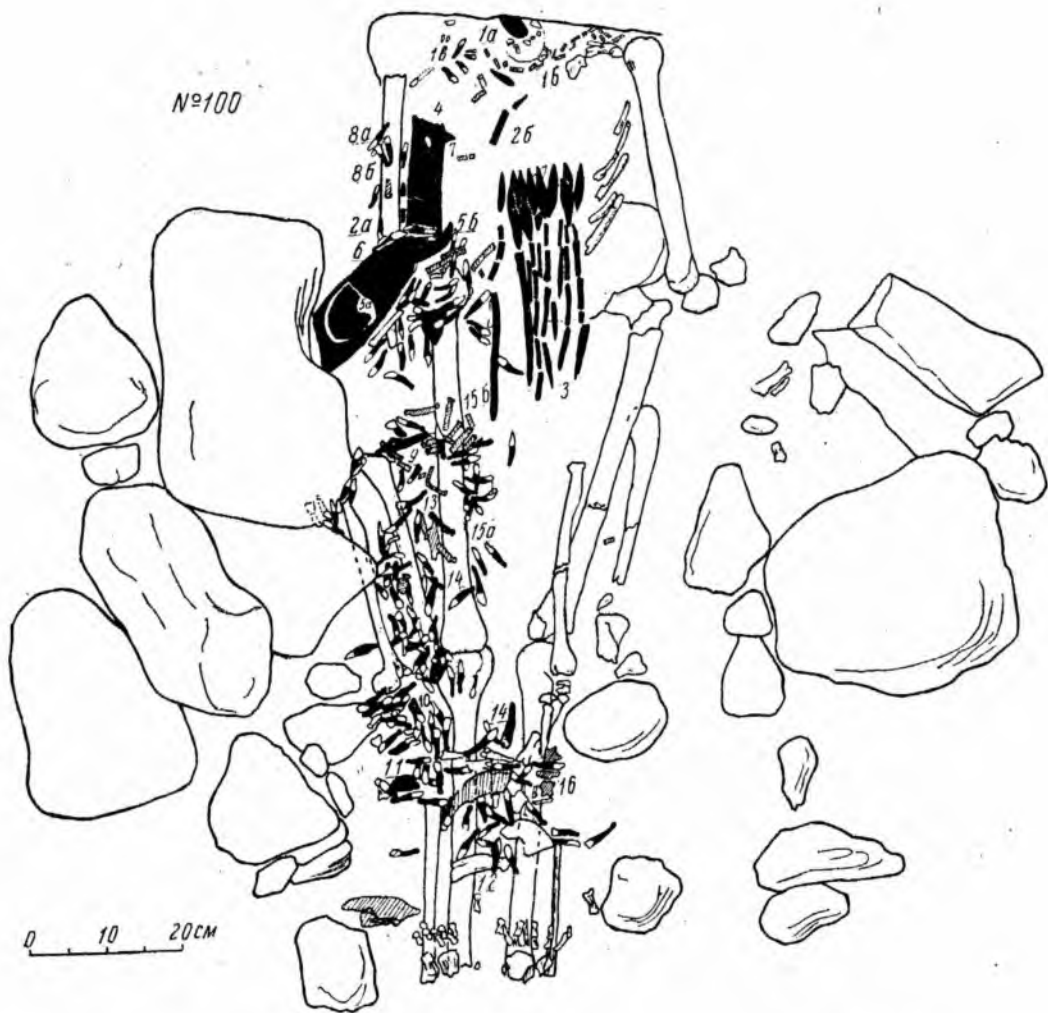

Рис. 50. Погребение № 100.

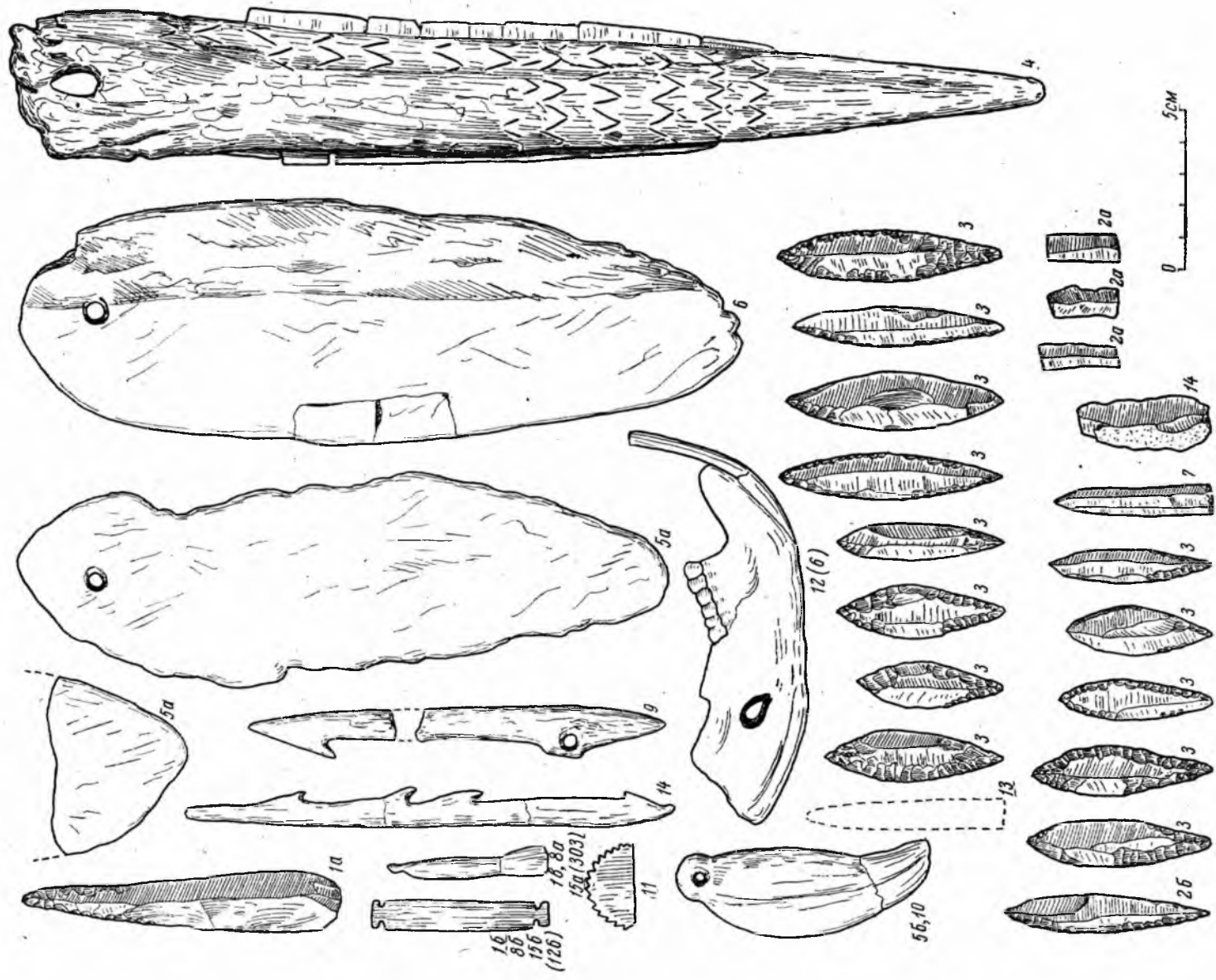

Рис. 50а. Погребение № 100.

турами охристого пятна вследствие наклонного положения захороненного. В верхней части за юго-западную границу охристого пятна она выступала на 1 м.

Последовательность захоронения данного покойника представляется в следующем виде: в песчано-валунном грунте была вырыта яма около 1.60 м глубиной, в форме конуса, одна стенка которой была наклонной, вторая — отвесной, вследствие чего верхняя часть ямы была значительно шире нижней. В момент захоронения покойник был опущен в яму в вертикальном положении, поставлен ногами на грунт, а спиной прислонен к северо-восточной наклонной стене. Вся одежда и вещи на нем были густо засыпаны красной охрой. Затем покойник с боков и спереди был плотно заложен камнями, промежутки между которыми засыпаны песком. Голова покойника и место над ней после захоронения были посыпаны охрой.

Надмогильное сооружение не прослеживалось.

Причина отсутствия черепа не совсем ясна. Ряд обстоятельств, как то: наличие слоя охры над челюстью погребенного и отсутствие каких-либо фрагментов черепа — привели автора раскопок В. И. Равдоникаса к суждению о возможности умышленного извлечения черепа для каких-то, вероятно ритуальных, целей.¹

Однако, как нам представляется, этому противоречит следующий факт: челюсть погребенного № 100 сохранилась лишь частично (левая половина ее и отдельные зубы, находящиеся поблизости). Если принять предположение об умышленном извлечении черепа с определенной ритуальной целью, то будет трудно найти объяснение тому факту, что была взята лишь часть челюсти. О том, что череп был случайно срыт с погребения в более позднее время (т. е. после того, как скелет полностью разложился, а память о захороненном здесь человеке уже исчезла), свидетельствует, помимо наличия обломка челюсти, отсутствие эпифиза правой плечевой кости, который сохранился бы (подобно левому эпифизу) при других обстоятельствах. Как раз именно на правой стороне отсутствует и часть ожерелья. Таким образом, повидимому, наиболее правильным будет считать удаление черепа случайным, причем

отчетливо видно, что это разрушение произошло именно с правой стороны (где был сбит эпифиз правой плечевой кости, правая часть украшения, правая часть челюсти и вся остальная часть черепа). Такое разрушение могло произойти как в древности, так и в более позднее время, при условии, что люди, вырывшие здесь череп и выбросившие его, вновь засыпали яму.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) вокруг челюсти, в горизонтальном положении — а) кремневый нож, б) остатки убора или ожерелья — 31 пластинка из резцов бобра (и их фрагменты) и в) 4 резца лося; 2) на фронтальной части скелета, в первом плане, под костями и на уровне с ними находилось подавляющее большинство вещей; в верхней части груди — а) кремневая пластинка и б) кремневый наконечник; 3) посредине груди — пучок кремневых (15 экз.) и 9 костяных наконечников стрел и 3 кремневых пластинки; кремневые наконечники, вероятно, были насажены на костяные древки (плохая сохранность костяных частей лишает возможности уточнить данный факт);¹ 4) в области правой плечевой кости — кинжал из рога с вкладышами, орнаментированный нарезками, образующими зигзагообразный узор, расположенный поперек кинжала; 5) поверх кинжала — а) расслоившийся сланцевый нож и обломок сланцевого ножа и б) клык медведя; 6) под кинжалом и ножом — второй сланцевый нож; 7) у верхнего конца кинжала — кремневая пластинка (нож); 8) вокруг правой же плечевой кости — а) 40 резцов лося, лежащие в двух планах, и б) пластинки из резцов бобра; 9) у середины правого бедра — 2 фрагмента костяного гарпуна с отверстием в нижней части; 10) у правой голени — клык медведя; 11) несколько выше правой берцовой кости — костяная зубчатая пластинка (возможно, гребенчатый штамп); 12) между берцовыми костями — 6 ветвей нижней челюсти бобра, одна из них слева, у конца правой берцовой кости (две ветви составляли одну челюсть); 13) у середины правого бедра близ костяного гарпуна — фрагмент костяного наконечника; 14) между берцовыми костями — костяной гарпун и

¹ Данное суждение было высказано В. И. Равдоникасом в полевых дневниках.

¹ Из данной группы были сняты 15 крупных кремневых наконечников, остальные взяты монолитом.

кремневый отщеп; 15) вдоль правой половины скелета, от верхней части плечевой кости до нижней части голени — а) большое количество резцов лося (подвески) и б) пластинок из резцов бобра, составлявших, повидимому, убор, пахитый на одежду; 16) вдоль левой берцовой кости — 4 позвонка животного, залегающие в анатомическом порядке.

Погребение № 101 (кв. L_7H_7 — L_8H_8 ; рис. 51).

Глубина залегания скелета от пикета L_7 равнялась 0.88 (череп) — 0.91 м (берцовые кости); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут в левую сторону, руки вытянуты вдоль туловища, ноги, по видимому, прижаты друг к другу. Сохранность костей плохая. Череп фрагментирован, от левой плечевой кости сохранились лишь отдельные части; тазовые кости, позвоночник и кости правой ноги отсутствуют.

Засыпка охрой слабая, однако прослеживалась начиная от глубины 0.55 м. Цвет охры розоватый.

Погребение женское, возраст возмужалый.

Инвентарь: 1) вдоль костей левой ноги — 27 резцов лося.

Погребение № 102 (кв. L_7H_7 — L_9H_9 ; рис. 51).

Глубина залегания скелета от пикета L_7 равнялась 1.02 (череп) — 1.07 м (концы берцовых костей); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут в правую сторону, руки слегка согнуты в локтях, кисти лежали в области таза. Сохранность костей относительно хорошая. Череп раздавлен.

Засыпка охрой интенсивная (0.04—0.10 м). Цвет охры яркокрасный.

Погребение женское, возраст возмужалый.

Инвентарь: 1) на правой половине лицевой части черепа, близ ключицы — обломки костяной поделки, украшенной зигзагообразным орнаментом; 2) на груди скелета и частично у начала правой плечевой кости — костяная пластинка с отверстием; 3) в середине груди — подъязычная кость млекопитающего; 4) у правого бедра — кремневый нож; 5) между бедренными костями — 10 костяных пластинок с отверстиями;

6) на тазовых костях — клык медведя; 7) под черепом — костяная поделка — часть рыболовного крючка; 8) у правого плеча и вдоль правого бедра — 120 резцов лося.

Погребение № 103-104-105 (кв. L_7M_7 — L_9M_9); тройное детское захоронение (рис. 52).

Глубина залегания скелетов от пикета L_7 равнялась 0.88 (череп среднего скелета) — 0.96 м (его ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (66°).

Все три скелета лежали в одной могильной яме, параллельно друг другу, с общей ориентировкой и засыпкой охрой, исходя из чего можно считать все три захоронения, по видимому, одновременными.

Скелет № 103 лежал в вытянутом положении, по видимому, на спине, руки направлены вдоль туловища, кисти рук — в области таза. Сохранность костей очень плохая; череп раздавлен, остальные кости также сильно фрагментированы. Костяк принадлежит ребенку 6-8 лет.

Скелет № 104 лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, кисти рук — в области таза. Сохранность костей относительно (для детского скелета) хорошая. Череп раздавлен. Отдельные кости фрагментированы. Костяк принадлежал ребенку 9-11 лет.

Скелет № 105 лежал на спине, руки согнуты в локтях и соединены на груди. Сохранность костей плохая. Череп скелета не сохранился (от него остались только зубы), остальные кости фрагментированы, вследствие чего трудно полностью восстановить положение скелета. Скелет принадлежит ребенку.

Инвентарь погребения № 103: 1) под черепом — а) клык медведя, б) сланцевый нож (фрагментирован); 2) в области черепа — 7 пластинок из резцов бобра (часть головного убора); 3) на поясе — 9 пластинок из резцов бобра; 4) у таза с левой стороны (под скелетом) — фрагмент челюсти бобра с резцом.

Инвентарь погребения № 104: 1) у черепа — один целый и фрагменты костяных наконечников; 2) у левой берцовой кости — костяной наконечник; 3) у правой берцовой кости — фрагмент костяного наконечника.

Инвентарь погребения № 105: 1) в средней части скелета и у правой ноги — 11 пластинок из резцов бобра.

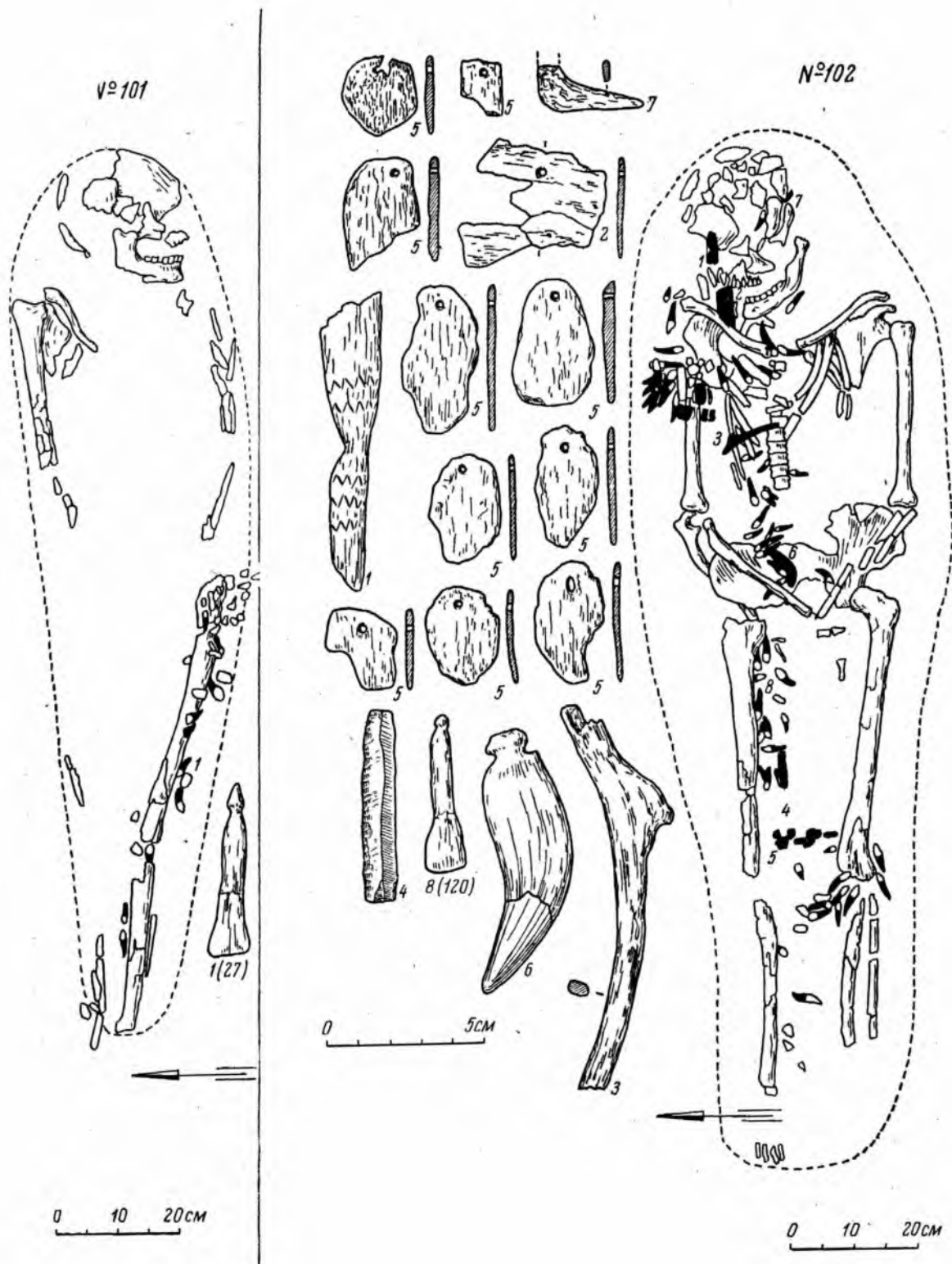

Рис. 51. Погребения №№ 101, 102.

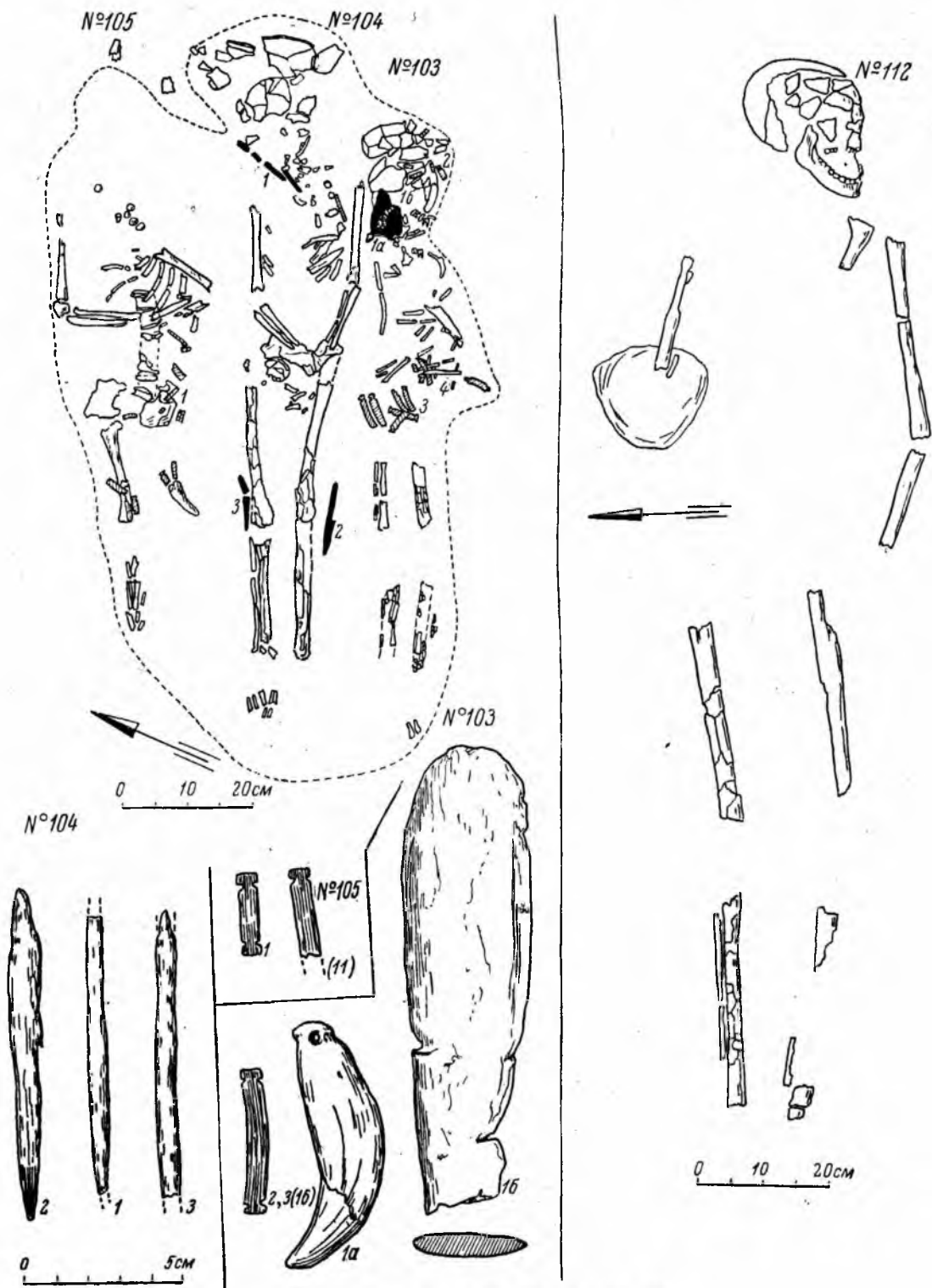

Рис. 52. Погребения №№ 103-104-105, 112.

Погребение № 106 (кв. $K_7L_7-K_8L_8$; рис. 53).

Глубина залегания скелета от пикета L_7 равнялась 0.81 (нижняя челюсть) — 0.95 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (78°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, правая рука — вдоль туловища; левая рука и череп отсутствуют (за исключением нижней челюсти). Повидимому, погребение было разрушено более поздним захоронением № 107. Сохранность костей плохая.

Засыпка охрой очень слабая. Контуры могильного пятна прослеживались с глубины 0.73 м.

Погребение женское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у головки правого бедра — обломок костяной пластинки; 2) в области таза и ниже его — а) 26 резцов лоса и б) 2 пластинки из резцов бобра.

Погребение № 107 (кв. $K_7L_7-K_8L_8$; рис. 53).

Глубина залегания скелета от пикета K_7 равнялась 0.93 (череп) — 0.99 м (ступни); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, руки вдоль туловища (левая рука сильно сдвинута корнями). Сохранность костей плохая: череп фрагментирован, позвонки отсутствуют.

Засыпка охрой очень интенсивная. Окрашенность слоя прослеживалась начиная с глубины 0.5—0.8 м от поверхности. Могильное пятно отчетливо обрисовалось с глубины 0.40 м от пикета K_6 .

Погребение № 107 прорезало могильную яму более раннего погребения № 106 и частично его разрушило (череп и кости левой руки).

Погребение женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) у черепа — а) сильно расслоившийся сланцевый нож и б) под ним — клык медведя; 2) у правой берцовой кости — трехгранная в сечении пластинка из кремнистого сланца; 3) в области таза — а) костяной наконечник, б) костяная подделка; 4) у левой плечевой кости (в самом нижнем плане) — 2 пластинки из резцов бобра; 5) у костей рук и таза — 274 резца лоса; 6) по всему скелету — 61 пластинка из резцов бобра, одна из которых с отверстием; 7) в области груди — зуб и обломок зуба северного оленя.

Погребения №№ 108, 109 (кв. $I_6K_6-I_8K_8$); двойное захоронение (рис. 54).

Оба скелета (взрослого и ребенка) залегали почти на одной глубине; скелет № 108 — 0.76 (череп) — 1.03 м (кости ног) от пикета I_8 ; скелет № 109 — 1.00—1.01 м от того же пикета; ориентировка общая — головой на В с незначительным отклонением к С (85°).

Помимо двух скелетов, в данном погребении были обнаружены разрозненные кости третьего погребения, залегавшие на различной глубине (0.73—0.83 м). Часть этих костей (5 зубов) была обнаружена в области правой берцовой кости погребения № 108. Здесь же, но несколько глубже, под сланцевым ножом — остатки челюсти; под левым бедром, несколько выше его — плечевая кость.

Сохранность костей погребений очень плохая. Кости сильно пострадали от времени и корней деревьев, значительная часть их отсутствует, особенно у детского костяка.

Засыпка охрой очень интенсивная, особенно погребения № 109, цвет охры ярко-красный.

Скелет № 108 (взрослый субъект) лежал на спине, в вытянутом положении, правая рука — вдоль туловища, левая отсутствует. Другие кости смещены, череп сильно фрагментирован.

Скелет № 109 (детский) сохранился лишь в очень незначительной части (череп, отдельно лежащие зубы, фаланги и две берцовые кости).

Судя по положению костей и разнице в интенсивности засыпки охрой, можно высказать предположение, что детское погребение является более поздним (разрозненные кости третьего субъекта, повидимому, следует считать принадлежащим более раннему захоронению).

Погребение № 108 мужское, возраст возмужалый; погребение № 109 детское II.

И н в е н т а р ь погребения № 108: 1) в области правого плеча — кремневый наконечник и нож; 2) у черепа (слева) — а) 2 кремневых наконечника, б) 2 костяных наконечника и несколько их фрагментов; 3) в области груди — целая костяная подвеска и фрагмент другой; 4) у правой руки — длинный сланцевый нож; 5) у правого бедра — часть костяного рыболовного крючка; 6) у правой берцовой кости — сланцевый нож; здесь же (под ножом) — второй широкий сланцевый нож; 7) рядом с этим ножом — медвежий клык; 8) у ко-

лен — медвежий клык; 9) у правого локтя — 2 медвежьих клыка; 10) в разных местах скелета — а) 14 пластинок из резцов бобра и б) 16 резцов лося; 11) у правого бедра — зуб мелкого животного и фрагменты костей животного.

Инвентарь погребения № 109: 1) в области ног — 15 пластинок из резцов бобра; 2) в средней части скелета — а) 4 гальки с просверленными отверстиями (одна из галек имеет 10 отверстий, одна — 3, и две — по 1 отверстию), а также б) 2 резца лося.

Погребение № 110-111 (кв. 3_5K_5 — 3_7K_7); двойное захоронение (рис. 55).

Глубина залегания обоих костяков от пикета K_8 приблизительно одинаковая; погребение № 110 находилось на глубине 0.68 (череп) — 0.66 м (ступни ног); погребение № 111 — 0.70 (череп) — 0.64 м (ступни ног); ориентировка — головами на В.

Скелеты лежали в общей могильной яме, на спине, в вытянутом положении, лицом друг к другу. Череп скелета № 110 повернут влево, правая рука слегка согнута в локте, кисть лежала в области таза, левая рука не прослеживается. Череп скелета № 111 повернут в правую сторону и приближен к костяку № 110. Положение нижней части рук не прослеживается, плечевые кости лежат параллельно туловищу. Сохранность костей плохая; череп и длинные кости сильно фрагментированы, мелкие почти полностью отсутствуют.

Засыпка охрой сравнительно слабая.

Судя по залеганию костяков в общей могильной яме, характеру их ориентации и положению — лицевой частью друг к другу — следует считать оба захоронения одновременными. Погребение № 110 женское, возраст старческий; погребение № 111 женское, возраст возмужалый.

Инвентарь погребения № 110: 1) у лицевой части черепа — 3 пластинки из резцов бобра; 2) на черепе — треугольная галька.

Инвентарь погребения № 111: 1) в непосредственной близости от черепа (к востоку) — 3 клыка медведя; 2) на теменной кости — пластинки из резцов бобра; 3) под затылочной костью — пластинки из резцов бобра; 4) вдоль левой руки и между бедренными костями, а также (отдельные экземпляры) на черепе и в ногах — 44 резца лося; 5) у правой берцовой кости — мелкие

и один крупный фрагменты костяных наколочников; 6) на левой плечевой кости — круглая галька; 7) у черепа — коренной зуб волка (*Canis lupus*). В погребении встречены кости птицы.

Погребение № 112 (кв. $O_4П_4$ — $O_5П_5$; рис. 52).

Глубина залегания скелета от пикета O_4 равнялась 0.62 (череп) — 0.72 м (кости ног); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, череп повернут в левую сторону. Сохранность костей плохая: череп фрагментирован, правое предплечье, тазовые кости, позвоночник и фаланги рук и ног не прослеживаются.

Засыпка охрой слабая. Покойник лежал в яме корытообразной формы, которая выступала довольно отчетливо.

Погребение взрослого субъекта.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 113 (кв. H_3O_3 — H_4O_4 ; рис. 56).

Глубина залегания скелета от пикета H_4 равнялась 0.70 (череп) — 0.80 м (концы ног); ориентировка — головой на ЮВ (115°).

Анатомический порядок костей погребения нарушен корнями деревьев или осадкой земли; череп сдвинут к западу — на место левой плечевой кости — и лежит на темени, нижняя челюсть — под черепом. Кости скелета очень плохой сохранности; подавляющее большинство их отсутствует. Можно предполагать, что в первоначальном положении находится лишь одно правое бедро.

Засыпка охрой не интенсивная. Могильная яма прослеживалась очень отчетливо, она имела овальную форму и корытообразное дно.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) в области первоначального положения черепа и частично на груди — 25 подвесок с зарубками, изготовленные из трубчатой кости; 2) у черепа — 6 кремневых наконечников и один обломок, ножевидная пластинка; 3) рядом с фрагментами таза — а) 5 клыков медведя, б) сланцевый нож, в) 5 костяных поделок из трубчатых костей; 4) у правой бедренной кости — а) сланцевый нож (расслоившийся), б) костяной стержень с отверстием; 5) в различных частях скелета — а) 46 резцов лося и б) 4 пластинки из резцов бобра.

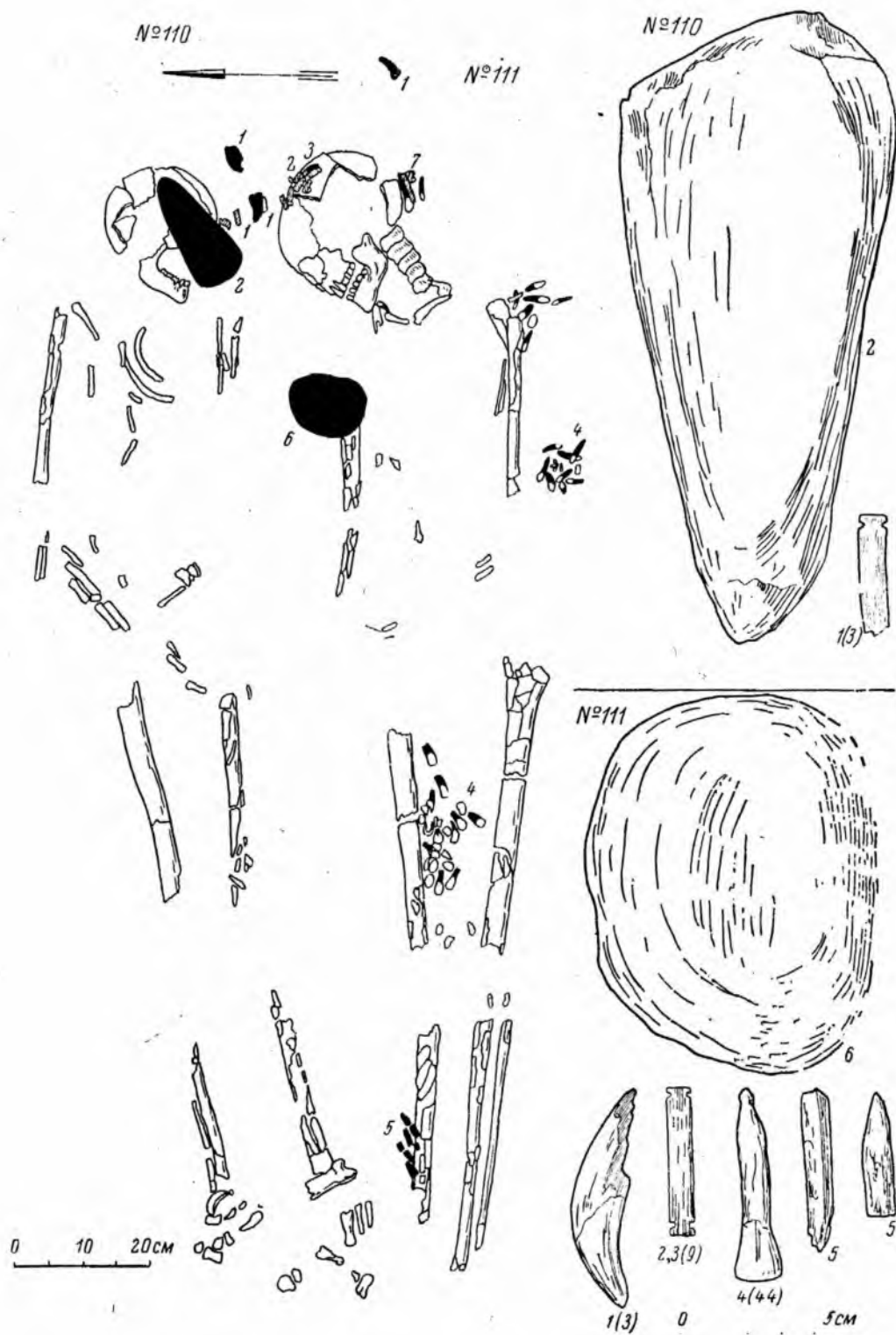

Рис. 55. Погребение № 110-111.

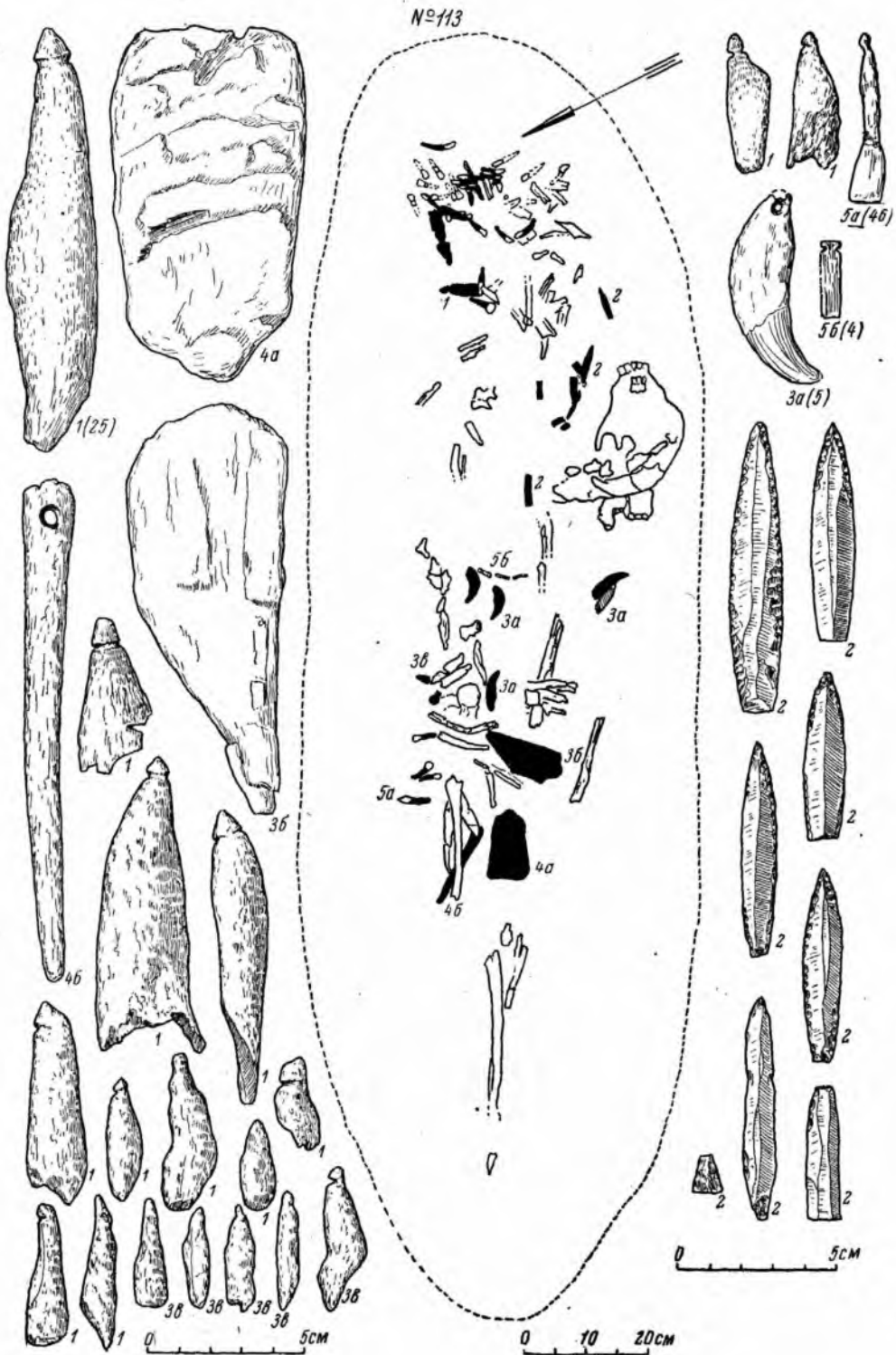

Рис. 56. Погребение № 113.

Погребение № 114 (кв. $H_5O_5—H_6O_6$; рис. 57).

Глубина залегания скелета от пикета O_5 равнялась 0.70 (череп) — 0.68 м (кости ног); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицевой частью кверху, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза. Сохранность костей плохая; череп расколот пополам. Положение костей прослеживается с трудом.

Засыпка охрой интенсивная; окрашенность слоя начиналась сразу под дерновым слоем, что дало возможность отчетливо проследить могильную яму. Последняя имела овальную форму и была вытянута длинной осью на В (96°), форма ее корытообразная.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) с левой стороны таза. в перпендикулярном к нему направлении — обломок костяного наконечника; 2) на груди, у правой плечевой кости — клык медведя; 3) у правой плечевой кости — кремневый скребок в дугообразной рукоятке из рога; 4) в области груди — дугообразная рукоять реза из рога с отростком, конец которого снабжен пазом; вблизи этого конца лежал обработанный кремль с рабочей частью, служивший в качестве реза; 5) у рукоятки скребка (частью под ней) — фрагмент костяного предмета с зигзагообразным нарезным орнаментом; 6) близ кости правого предплечья — кремневый нож; 7) между бедренными костями, ближе к правому бедру — группа пластинок из резцов бобра; 8) рядом с черепом (с востока) — а) сланцевый нож (фрагментированный), б) клык медведя; 9) у верхней части правой плечевой кости — сланцевый нож (сильно расслоившийся); 10) у локтя левой руки — клык медведя; 11) на скелете — а) пластинки из резцов бобра, б) резцы лося; 12) у левой бедренной кости — фрагмент черепа животного (бобра?) 13) костяной кинжал.¹

Погребение № 115 (кв. $M_4O_4—M_5O_5$; рис. 58).

Глубина залегания скелета от пикета H_4 равнялась 0.87 (череп) — 0.83 м (концы ступней), ориентировка — головой на В (90°)

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп слегка повернут в левую сторону, правая рука — параллельно туловищу, левая, повидимому, согнута в локте.

Сохранность костей хорошая. Длинные кости находятся в первоначальном положении, за исключением предплечья левой руки, которое сдвинуто с места и частично разрушено. Хорошо сохранились фаланги ног и отдельные мелкие кости.

Засыпка скелета охрой очень интенсивная. Она прослеживалась начиная от дернового слоя (мощностью 0.04—0.05 м) до глубины 0.35 м, после чего исчезала. На глубине 0.50 м от поверхности прослеживалась обкладка могильной ямы кольцом довольно крупных камней, ниже которых с глубины 0.70 м шла сплошная засыпка охрой по корытообразному дну ямы, в которой лежал скелет.

Погребение мужское, возраст возмужало-зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) на черепе — остатки головного убора из пластинок, изготовленных из резцов бобра; последние располагались на черепе в 2 яруса; на лбу — 3 крупных пластинки, ниже — второй ряд из близко расположенных более мелких пластин, несколько пластинок находились у нижней челюсти под основанием черепа (повидимому, смещенная со своего места часть головного убора); 2) у правой височной кости черепа — ножевидная пластинка из роговика; 3) у челюсти (с правой стороны) костяная пластинка с двумя отверстиями по краю (фрагментированная); 4) на груди — а) костяной наконечник с кремневыми вкладышами и б) костяной наконечник с зубцами; 5) между бедренными костями — группа наконечников, лежавших, повидимому, в колчане; 6) на груди скелета — а) 2 клыка медведя и между ними — б) мелкие резцы лося; 7) на скелете — а) резцы лося (обычной величины) и б) пластинки из резцов бобра. Кроме того, обнаружены зубы волка.

Погребение № 116 (кв. $M_2O_2—M_4O_4$; рис. 58).

Глубина залегания скелета от пикета H_4 равнялась 0.90 (череп) — 1.03 м (ноги); ориентировка — головой на СВ (66°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицом кверху. Левая рука согнута в локте, кисть лежала на тазе. Сохранность костей плохая, правое предплечье отсутствует, таз сохранился лишь частично, позвоночник не прослеживается, длинные кости ног (голени) сильно фрагментированы.

Засыпка охрой средняя. Могильная яма наблюдалась достаточно отчетливо, она имела

¹ Положение кинжала не устанавливается.

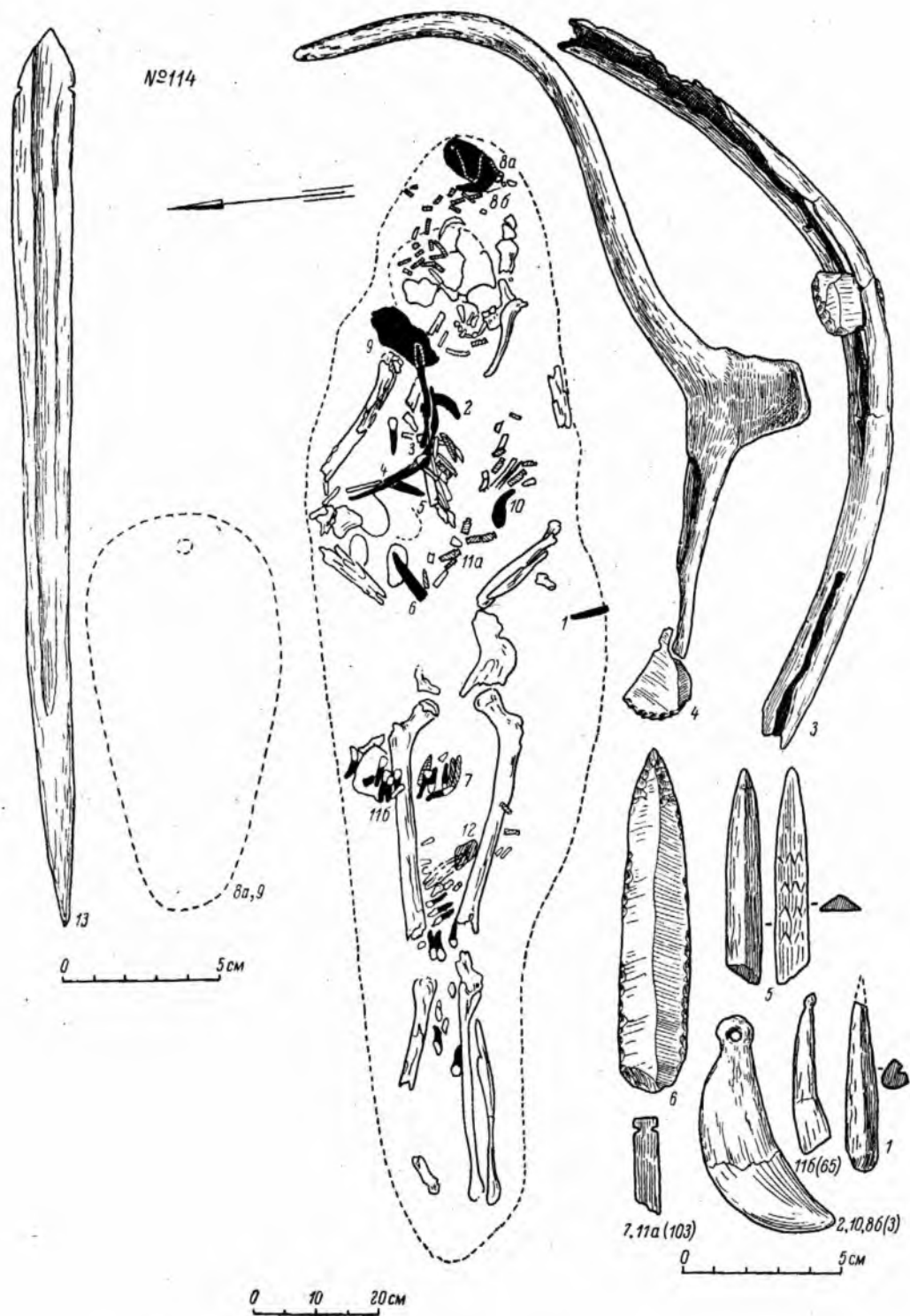

Рис. 57. Погребение № 114.

вытянутую овальную форму. Над ней, но не совпадая по направлению (под углом к длинной оси ямы), на глубине 0.70—0.75 м от пикета *M* прослеживалось желтоватое песчаное пятно.

Погребение женское, возраст юношеский.

И н в е н т а р ь: 1) у левого колена — клык медведя с остатками челюсти; 2) у левой плечевой кости — фрагмент костяной поделки и костяная проколка; 3) у берцовой кости — резец лося; 4) у левого бедра — челюсть бурого медведя (*Ursus arctos*); 5) у левой плечевой кости — а) коренной зуб волка (*Canis lupus*), б) челюсть бобра, в) 2 фрагмента костей птицы, фрагменты костей бобра.

Погребения №№ 117, 118 (кв. L_3H_3 — L_4H_4 ; рис. 59).

Глубина залегания скелетов от пикета L_4 равнялась: погребение № 117—0.99 (кости черепа) — 1.04 м (кости ног); погребение № 118—0.97 (череп) — 0.98 м (фаланги ног); ориентировка — головой на В (90°).

Оба скелета лежали в общей могильной яме, но были разновременными. Погребение № 118 являлось более поздним, потревожившим более раннее погребение № 117.

Погребение № 117 представляло собой незначительные остатки скелета. Сохранились фрагменты черепа, в том числе нижняя челюсть и части длинных костей, лежавшие в направлении анатомического положения скелета.

Погребение № 118 сохранилось значительно лучше. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп — лицом кверху, руки слегка согнуты в локтях, фаланги кистей рук лежали между бедренными костями.

Засыпка охрой интенсивная, особенно дна могильной ямы. Могильная яма прослеживалась с глубины 0.30—0.40 м. Она имела вид овального желтовато-красного пятна, вытянутого с В на З, длина — 2.40 м. С глубины 0.68—0.70 м на площади пятна обнаружился слой из валунов. В западной части пятна среди камней залегал крупный фрагмент черепной коробки, мелкие человеческие кости и 5 резцов лося. Непосредственно под камнями шел интенсивный слой красной охры, покрывавшей оба погребения.

Вследствие того, что фрагмент черепа, найденный между камнями, части черепной

коробки, обнаруженные вместе с костями погребения № 117, и, наконец, значительный фрагмент черепа, лежавший в ногах у костяка № 118, составляли более чем один череп, следует сделать заключение, что в данной могильной яме или рядом с ней был некогда захоронен третий субъект.

Погребение № 117 мужское, возраст возмужалый; погребение № 118 женское, возраст юношески-возмужалый.

И н в е н т а р ь погребения № 117: 1) в области черепа — а) кремневый отщеп с частичной ретушью, б) сланцевое орудие (грузило?), в) 7 резцов лося; 2) у фрагмента левой берцовой кости — целый резец лося и 5 фрагментов.

И н в е н т а р ь погребения № 118: 1) в области черепа — кремневый отщеп; 2) в верхней части груди — кости мелкого животного, кремневый отщеп; 3) у кости правого предплечья — чешуйка кремня; 4) у правой берцовой кости, на самой границе ямы, выше скелета на 0.06 м — кварцевый наконечник стрелы;¹ 5) под левой берцовой костью — крупный отщеп сланца; 6) у левой берцовой кости — крупный отщеп кремня (скребок); 7) в нижней части скелета — а) 18 резцов лося и б) 3 пластинки из резцов бобра.

Погребение № 118а (кв. L_3H_3 — L_4H_4 ; рис. 60).

Глубина залегания скелета от пикета L_4 равнялась 0.98—1.07 м; ориентировка — головой на В (87°).

Остатки скелета № 118а залегали под погребениями №№ 117, 118, в слое, ярко окрашенном красной охрой и отделенном от охристой засыпки дна могильной ямы указанных погребений прослойкой зеленоватого гравия (0.02—0.06 м мощностью). Данная прослойка прослеживалась не сплошным слоем, однако, на большей части площадки.

Положение скелета определяется с трудом. Судя по сохранившимся малым берцовым костям, можно сделать заключение, что костяк лежал в вытянутом положении. Из прочих костей найдены фрагменты плечевых, кость левого предплечья и несколько ребер. Череп отсутствовал. Повидимому, один из его фрагментов был найден в ногах у погребения № 118.

¹ По всей вероятности, относящийся к погребению 118а.

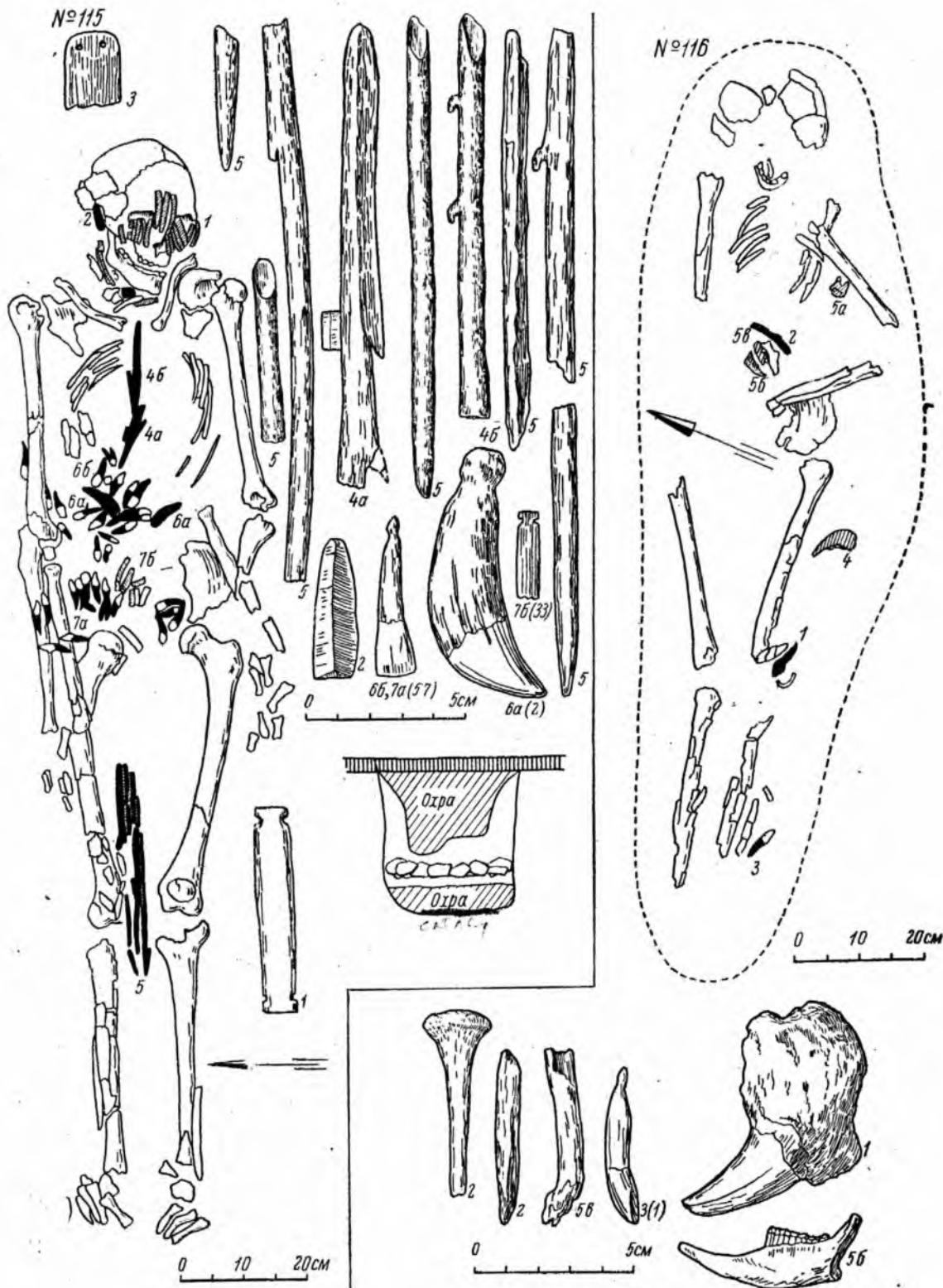

Рис. 68. Погребения №№ 115, 116.

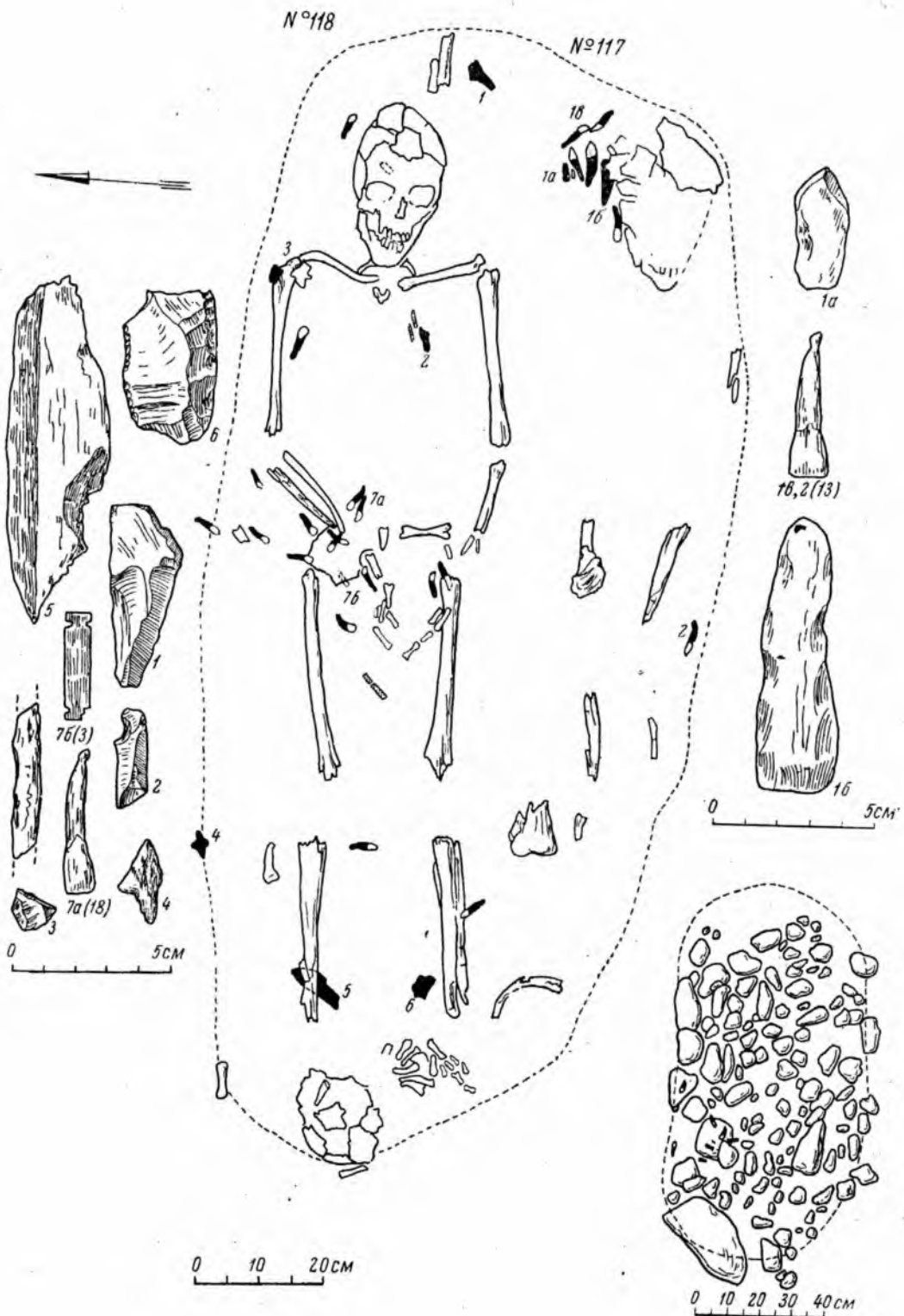

Рис. 59. Погребения №№ 117, 118

Остатки костей и вещи залежали в контурах яркокрасного охристого пятна, вытянутого в направлении с В на З. Толщина охристого слоя равнялась 0.08 м.

Порядок захоронения представляется следующим: в начале было совершено погребение № 118а, через некоторое время на этом же месте была вырыта вторая яма и захоронен новый покойник (погр. № 117). При этом захоронении были несколько потревожены кости нижележащего погребения № 118а. Наконец, через определенное время (достаточное для полного разложения скелета) на том же месте была вырыта в третий раз яма для погребения третьего покойника (скелет № 118), которая подобно первой нарушила целостность предыдущего погребения (№ 117). Таким образом, только последнее, третье, захоронение (№ 118) дошло до нас в неповрежденном состоянии.

Погребение мужское, возраст взрослый.

И н в е н т а р ь: 1) в восточной части пятна, в месте предполагаемого нахождения черепа — а) клык медведя, б) фрагмент сланцевого ножа, в) второй клык медведя, находящийся под сланцевым ножом; 2) несколько западней указанных находок, в области груди — 9 костяных наконечников стрел и фрагменты их, гарпун; 3) у восточного конца пучка наконечников стрел — 8 кварцевых и 1 кремневый наконечники стрел; 4) к северу от пучка костяных наконечников — а) 2 клыка медведя (один над другим) и б) между ними сланцевый нож, в) наконечник из роговика; 5) несколько севернее пластины — фрагмент костяного наконечника; 6) несколько западнее ножа — фрагмент костяного наконечника; 7) несколько западнее наконечника — а) фрагменты кости (расслоившейся), б) кремневый отщеп; 8) еще западнее — а) кремневый отщеп типа резца, б) в контурах красного пятна — 30 резцов лося и в) 40 пластинок из резцов бобра.

Погребение № 119 (кв. L_4H_4 — L_5H_5 ; рис. 61 и 61а).

Глубина залегания скелета от пикета L_5 равнялась 0.80 (фрагменты черепа) — 0.87 м (концы ног); ориентировка — головой на В (85°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, левая рука согнута в локте; правая половина скелета разрушена. В первоначальном положении сохранились лишь фрагменты черепа и длинные кости левой

руки и ноги. Ряд костей оказались смещенными — в области фаланг ноги находилась лопатка.

Могильное пятно красноватого цвета прослеживалось с глубины 0.40—0.50 м от поверхности. Оно имело овальные очертания, вытянуто с В на З (размеры 1.90×1.10 м). В заполнении его, на глубине 0.48 м от поверхности, были встречены обломки двух сланцевых ножей. Ниже глубины 0.75 м красная окраска пятна исчезла, однако засыпь могилы отчетливо выделялась на окружающем грунте — зеленоватом гравии с примесью мелкой гальки. Окрашенность слоя показалась вновь на глубине 0.80 м вместе с костями черепа. Дно могилы было очень интенсивно засыпано охрой.

Можно предположить, что частичное разрушение погребения произошло в древности.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) справа от черепа, несколько выше его — 2 сланцевых ножа; 2) под сланцевыми ножами (частично) — 3 клыка медведя; 3) под черепом — а) сланцевый нож, б) рядом с ним — клык медведя; 4) в области таза — 2 кремневых отщепов; 5) у верхнего эпифиза левого бедра — 4 обломка костяных поделок; 6) в области черепа и под ним, у левого бедра и непосредственно на кости левого бедра — 13 резцов лося; 7) у черепа и под ним — 8 пластинок из резцов бобра; 8) в засыпи ямы — 2 сланцевых ножа; 9) у черепа (под ним) — коренной зуб лося (*Alces alces*) и мелкие обломки трубчатой кости птицы.

Погребение № 120 (кв. L_5H_5 — L_6H_6 ; рис. 62).

Глубина залегания скелета от пикета L_6 равнялась 1.05 (черепа) — 1.18 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (78°).

Скелет лежал в вытянутом положении, на правом боку, вследствие чего кости левой половины скелета находились несколько выше, руки вытянуты и откинута вправо, левая рука — кистью на тазе. Сохранность длинных костей достаточно хорошая. Череп фрагментирован.

Засыпка охрой очень интенсивная (0.05—0.10 м). Окрашенность слоя в розоватый цвет прослеживалась, начиная от дерна. При дальнейшем углублении она исчезла. На глубине 0.80 м обрисовалось могильное пятно, заполненное желтоватым песком, от-

личающимся от окружающего грунта. Густая засыпка слоя красной охрой прослеживалась с глубины 1.05 м (т. е. на костях скелета и на дне могильной ямы).

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у правой плечевой кости — а) 5 сланцевых ножей и б) между ними клык медведя, второй клык медведя, лежащий на ноже, 2 клыка медведя, лежащих под сланцевым ножом, в) отщеп кремня с резовым сколом; 2) в области таза, у кисти левой руки — а) кремневый наконечник, направленный острием к голове, б) кварцевый отщеп, в) мелкие фрагменты костяных поделок.

Погребение № 121-122 (кв. $K_5L_5—K_6L_6$); двойное детское захоронение (рис. 63).

Глубина залегания скелетов от пикета L_6 равнялась 0.90 (череп) — 0.95 м (ноги); ориентировка — головой на В с отклонением к С (67°).

Скелеты лежали в общей могильной яме, на одинаковой глубине, положение костяков вытянутое, на спине, руки согнуты в локтях. Сохранность костей плохая; череп скелета № 121 раздавлен, сохранились ребра и обе плечевые кости, правое предплечье отсутствует, бедренные кости и голени сильно фрагментированы. От погребения № 122 остались лишь нижняя челюсть и мелкие куски черепной коробки, кости рук, часть ребер и бедренные кости.

Засыпка охрой интенсивная. Могильное пятно, слабо окрашенное охрой, прослеживалось с глубины 0.70 м, где оно имело неправильно овальные очертания и размер 0.85×0.53 м.

Оба скелета детские — II и I. Захоронение одновременное.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 121: 1) в области черепа (слева от него) — 6 неоконченных обработкой костяных наконечников и 4 обломка; 2) в области груди — костяной наконечник (фрагментирован); 3) у таза (слева) — 5 пластинок из резцов бобра.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 122: в области груди — пластинка из резца бобра.

Погребение № 122а (кв. $K_5L_5—K_6L_6$); разрушенное (рис. 63).

На глубине 0.65 м от поверхности было открыто красноватое могильное пятно неправильно овальных очертаний, вытянутое с З на В, размером 0.70×0.29 м.

В контурах могильного пятна обнаружены остатки детского скелета — зубы и

небольшой фрагмент голени. Других костей не сохранилось.

Погребение детское II.

И н в е н т а р ь: 1) у западной стенки могильного пятна — фрагмент костяной пластины.

Погребение № 123 (кв. $I_5L_5—I_6L_6$); вертикальное захоронение (рис. 63).

Глубина залегания скелета от пикета L_6 равнялась 0.70 м (верхние кости).

Покойник был поставлен в наклонном положении под углом в $50—55^\circ$ в яму округлых очертаний, с конусообразными стенками (суживающимися ко дну). В верхней части могильного пятна прослеживались достаточно крупные камни, промежутки между которыми были заполнены красной охрой.

Анатомический порядок костяка был нарушен в результате сползания костей вниз. В самом верху находились кости рук (одна из них смещена в горизонтальное положение). Ниже правой плечевой лежали ребра в вертикальном положении, еще ниже — кости правого и левого бедра, на одном уровне с которыми залегал череп (фрагментированный), повидимому, скатившийся сверху. Ниже черепа залегали кости левой голени (правая не сохранилась). Общая длина костяка (в том виде, как он сохранился) — 0.60 м.

Весь костяк густо окрашен красной охрой.

Погребение женское, возраст юношеский.

И н в е н т а р ь: 1) слева от скелета, в верхней его части, приблизительно у левого предплечья — клык медведя; 2) справа у черепа — клык медведя; 3) под черепом — клык медведя; 4) слева от черепа — клык медведя, фрагмент клыка; 5) под черепом — пластинки бобра; 6) в разных местах скелета: а) 10 резцов лося, б) около 36 пластинок из резцов бобра.

Погребение № 124 (кв. $K_3L_3—K_3L_5$; рис. 63).

Глубина залегания скелета от пикета L_5 равнялась 0.74 (череп) — 0.85 м (кости ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (105°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении и был, повидимому, разрушен в древности. До нас сохранились лишь череп (во фрагментарном состоянии), плечевые кости и отдельные фрагменты смещенных с места костей. Остальные кости отсутствовали.

№119

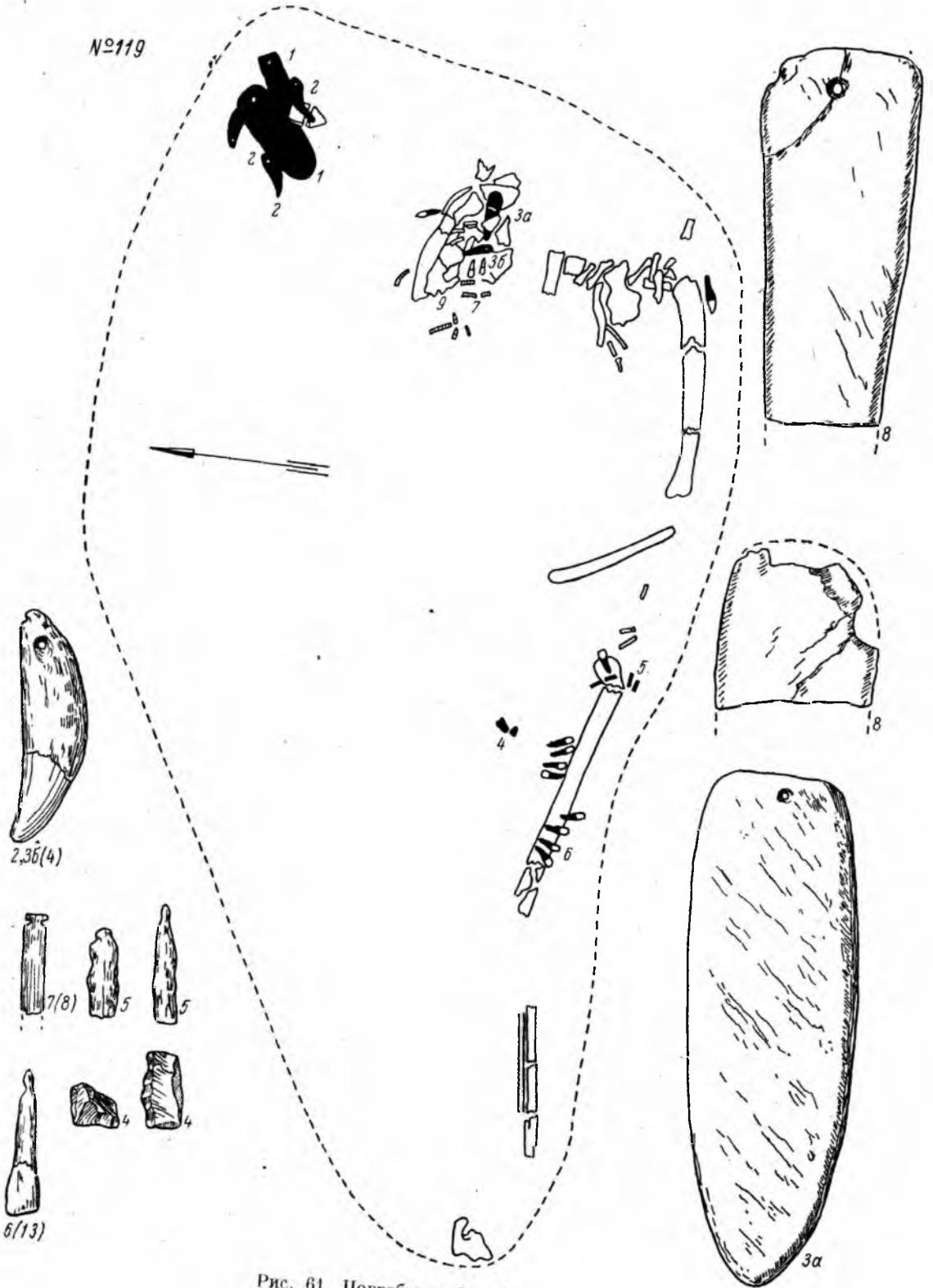

Рис. 61. Погребение № 119.

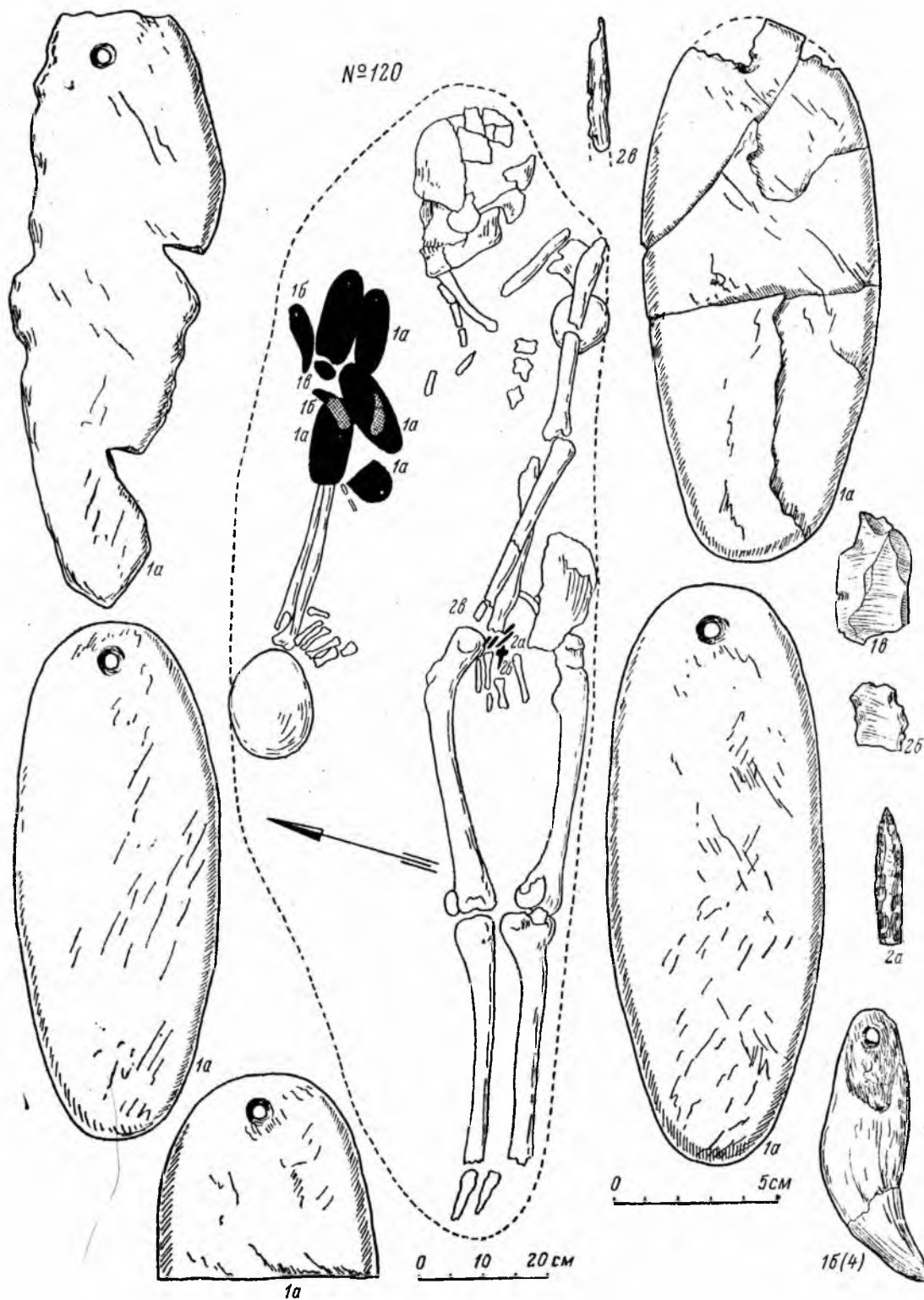

Рис. 62. Погребение № 120.

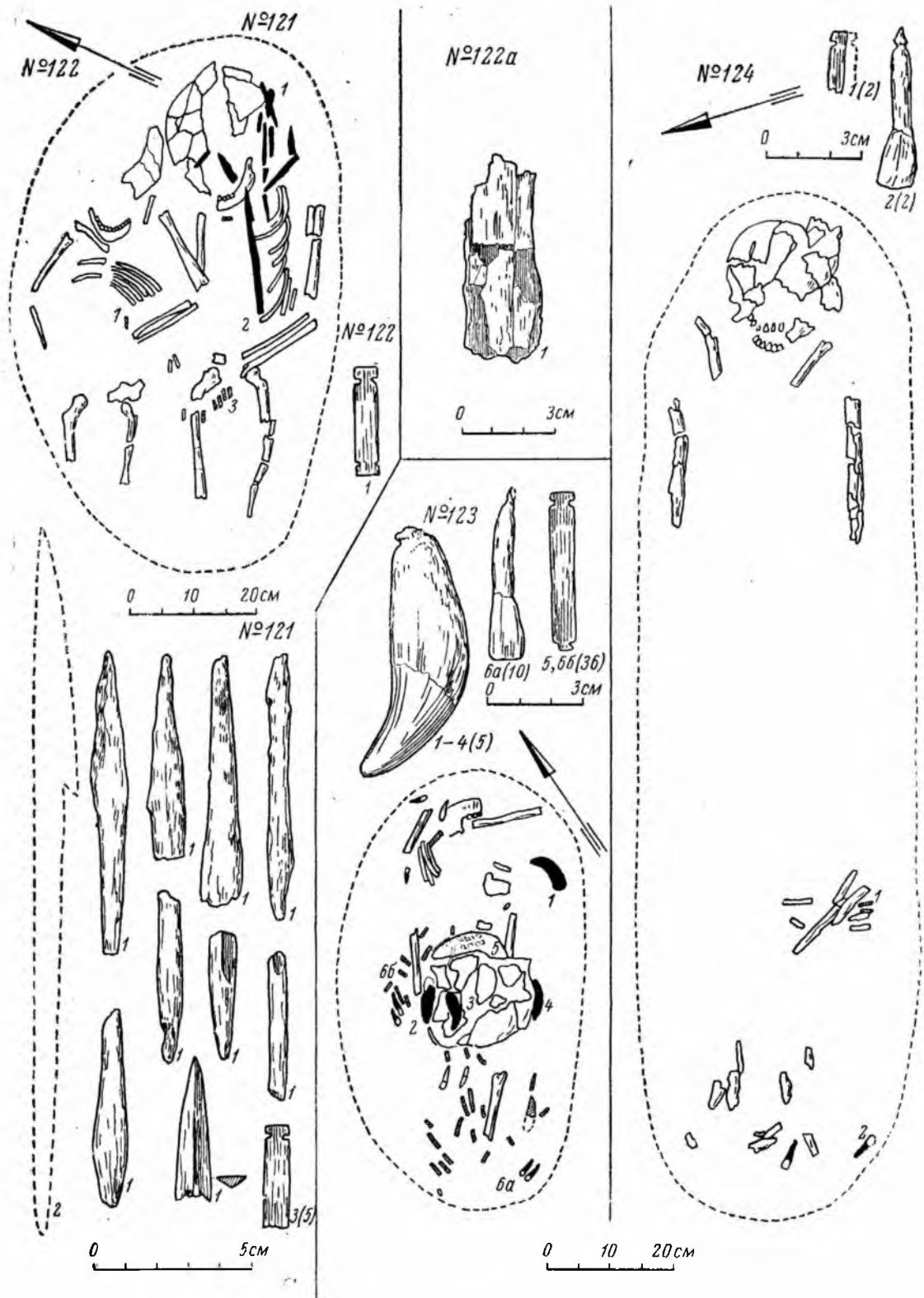

Рис. 63. Погребения №№ 121-122, 122а, 123, 124.

Могильное пятно прослеживалось начиная с верхних горизонтов, где оно имело вытянутую с ЮЗ на СВ форму и длину 2.36 м. При дальнейшей расчистке контуры и размер пятна изменились. На глубине 0.74 м от пикета L_5 длина его равнялась 1.62 м.

Дно могилы и кости покойника были густо засыпаны красной охрой. Интенсивность окраски могильного пятна над костяком была значительно слабей.

Погребение женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) в области левой ноги — 2 пластинки из резцов бобра; 2) у фаланг ног — 2 резца лося.

Погребение № 125 (кв. $K_3L_3—K_4L_4$); вертикальное захоронение (рис. 64).

Глубина залегания скелета от пикета L_4 равнялась 0.69 (фрагменты черепа) — 1.78 (фаланги ног) — 1.85 м (горизонт скалы); ориентировка — лицом на ЮЗ (120°).

Скелет находился в наклонном положении, под углом в 45° , и был со всех сторон обложен камнями. Подобно описанному выше погребению № 68, пустоты между камнями и трупом после его разложения обусловили сильное сползание костей вниз. В первоначальном положении сохранились лишь кости ног (берцовые все же несколько осели). Кости ступней оказались смещенными. Череп сильно фрагментирован.

Засыпка охрой наблюдалась от черепа до таза.

Могильная яма прослеживалась начиная с глубины 0.50—0.60 м от поверхности, где она имела вид пятна неправильных очертаний мешанной рыхлой земли. На глубине несколько ниже 0.69 м могильная яма приобрела овальную форму, вытянутую с СВ на ЮЗ. Размер пятна на данной глубине равнялся 1.60×0.88 м. Стенки ямы были обложены крупными камнями.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) в области таза (слева) — а) фрагмент челюсти бобра, б) 4 обломка костяных поделок; 2) у правой берцовой кости поделка из окостенелого хряща; 3) в области от пояса до ступней — 83 резца лося; 4) в нижней части ног — фаланга медведя с кольцевой нарезкой; 5) у конца левой берцовой — кости птицы и бобра.

Погребение № 126 (кв. $I_3K_3—I_4K_4$); рис. 64).

Глубина залегания скелета от пикета L_4 равнялась 0.63 (черепа) — 0.81 м (кости

ног); ориентировка — головой на ЮВ (169°).

Скелет лежал на спине, с руками, согнутыми в локтях, кисти рук — в области таза. Сохранность костей плохая: череп и кости рук фрагментированы, часть бедер и берцовые кости отсутствуют (срезаны соседней ямой).

Засыпка охрой слабая, цвет охры красный.

Погребение женское (?).

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 127 (кв. $3_4I_4—3_3I_5$; рис. 65).

Глубина залегания скелета от пикета B_3 равнялась 0.66 (черепа) — 0.73 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (114°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицом кверху, руки слегка согнуты в локтях, кисти — в области таза. Сохранность костей плохая; череп и длинные кости фрагментированы, мелкие кости и позвоночник отсутствуют. Засыпка охрой интенсивная.

Погребение женское, возраст старческий.

И н в е н т а р ь: 1) у правой плечевой кости — фрагмент костяной поделки, кость животного; 2) на скелете, в особенности в области пояса и у колен: а) 90 резцов лося, составлявших, повидимому, украшение на одежде, б) 3 пластинки из резцов бобра; 3) в области груди (ближе к левой руке) — кости животного; 4) у правого колена — зуб бобра.

Погребение № 128 (кв. $3_5K_5—3_6K_6$; рис. 82).

Глубина залегания скелета от пикета K_6 равнялась 0.61 (черепа) — 0.64 м (кости ног); ориентировка — головой на СВ (60°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с головой, слегка повернутой в правую сторону, руки согнуты в локтях; кисти рук — на тазе. Сохранность костей лучше в нижней части скелета (от таза до фаланг), череп и кости рук сильно фрагментированы, позвоночник не сохранился. Засыпка охрой слабая.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 129 (кв. $3_3I_3—3_4I_4$; рис. 66).

На глубине 1 м от пикета J_4 было обнаружено красное охристое пятно длиной

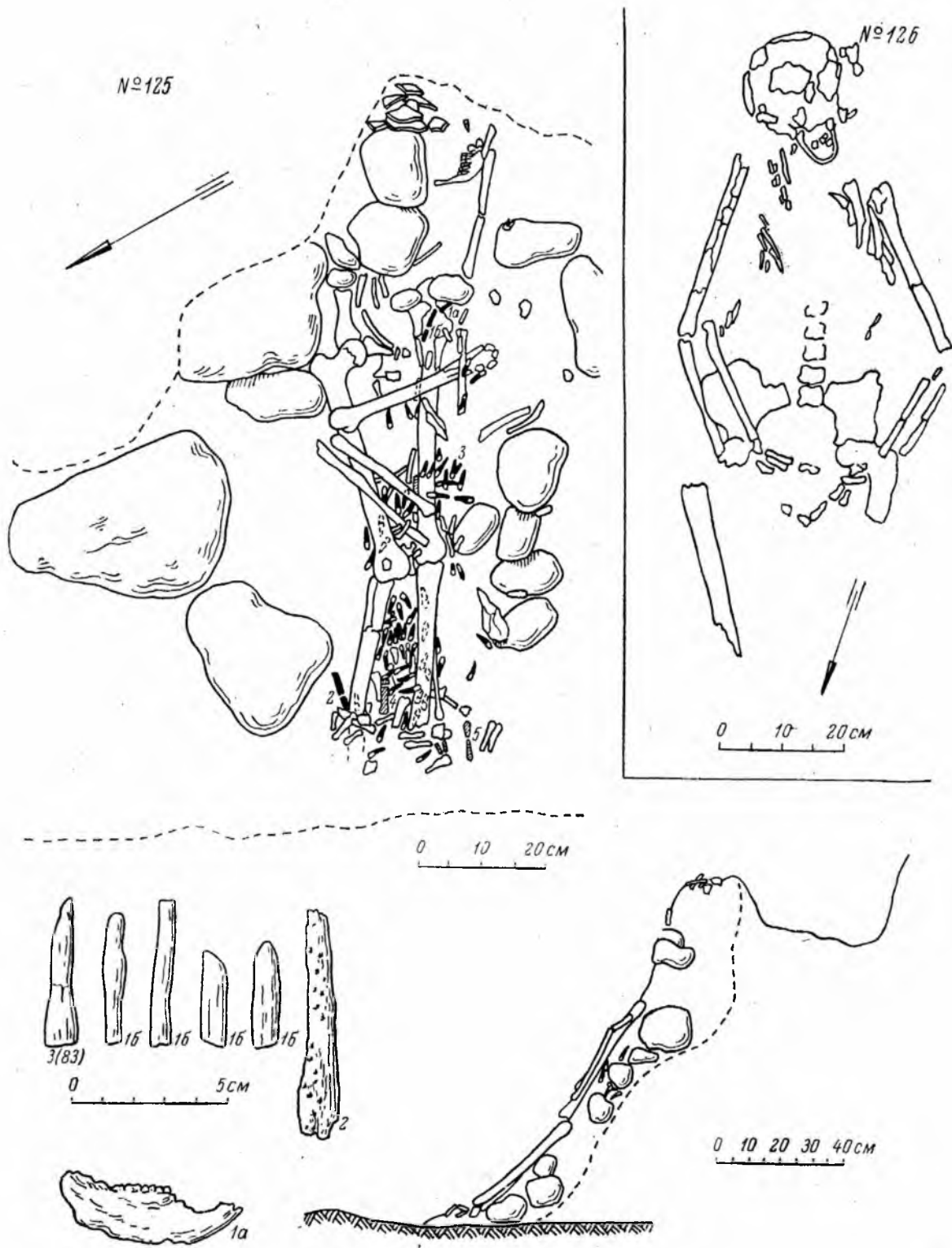

Рис. 64. Погребения №№ 125, 126.

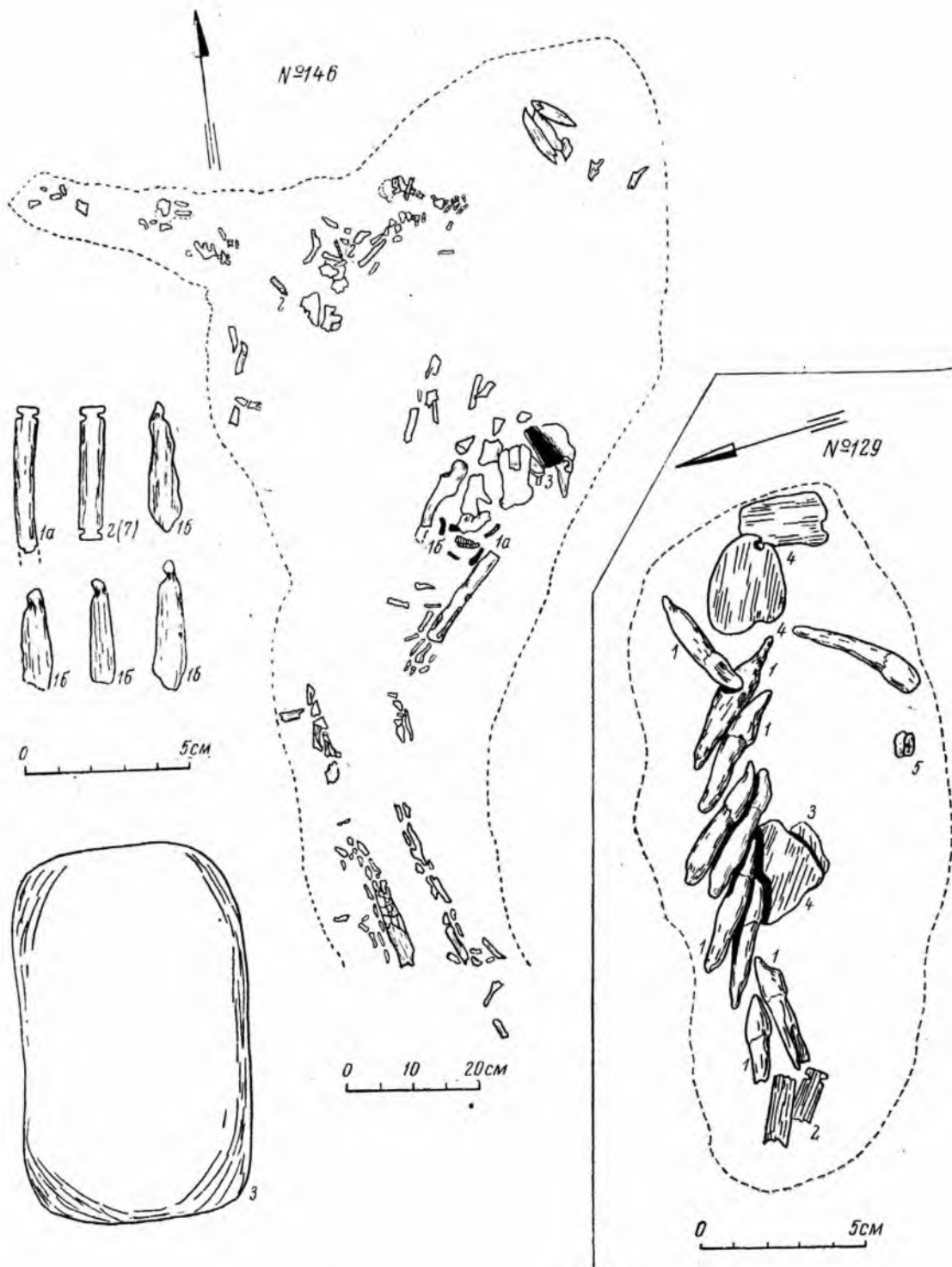

Рис. 66. Погребения №№ 129, 146.

1.34 м, ориентированное по длинной оси с З на В. При его расчистке костей скелета не обнаружено, за исключением одного зуба.

Охра залежала довольно густым слоем. Следов разрушения сверху не прослеживалось; повидимому, погребение было разрушено еще в древности.

И н в е н т а р ь: в средней части пятна, в один ряд располагались: 1) 9 резцов лося и 2) среди них — 2 пластинки из резцов бобра; 3) фрагмент костяной поделки; 4) 3 фрагмента тонких костяных пластинок (одна с отверстием) — подвески; 5) к юго-западу — зуб человека.

Погребение № 130 (кв. Ж₁И₁—Ж₃И₃; рис. 47).

Глубина залегания скелета от пикета З₁ равнялась 0.84 (череп)—0.86 м (кости ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (105°).

Скелет лежал на спине, с небольшим поворотом на левый бок, руки вытянуты вдоль туловища, правая несколько откинута в сторону. Сохранность черепа хорошая, остальные кости сохранились хуже. На затылочной части черепа имелось правильное округлое отверстие, вызывающее предположение о трепанации.

Степень интенсивности засыпки охрой средняя (0.04—0.06 м), цвет охры бурый. Могильная яма имела корытообразную форму.

Захоронение мужское (?), возраст старческий.

И н в е н т а р ь: 1) на правой бедренной кости, близ верхнего эпифиза — статуэтка, вырезанная из рога, изображающая человеческую фигурку; 2) у верхнего эпифиза правой плечевой кости — фрагмент костяной поделки; 3) у левого плеча — кусок песчаника; 4) у верхнего эпифиза правой плечевой кости — пластинка из резца бобра; 5) у конца правой берцовой кости — резец лося; 6) у черепа — кость птицы.

Погребение № 131 (кв. Ж₂З₂—Ж₃З₃; рис. 73).

Глубина залегания скелета от пикета Ж₄ равнялась 0.75 (череп)—0.85 м (кости ног); ориентировка — головой на В (90°).

Сохранность костей очень плохая. Череп сильно фрагментирован, остальные кости смещены и представляли собой лишь мелкие кусочки, вследствие чего восстановить положение скелета затруднительно.

Судя по расположению костей, повидимому, можно считать его вытянутым.

Засыпка охрой слабая, цвет охры буроватый. Могильная яма прослеживалась отчетливо. Она была неправильно овальных очертаний, с корытообразным дном.

Погребение мужское, возраст зрелый. **И н в е н т а р ь** отсутствует, если не считать фрагментов куска песчаника с сомнительными следами использования его для затачивания игл.

Погребение № 132 (кв. Ж₃З₃—Ж₆З₆; рис. 65).

Глубина залегания скелета от пикета Ж₄ равнялась 0.72 (череп)—0.68 м (концы ног); ориентировка — головой на ЮВ (138°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, правая вдоль туловища. Сохранность костей плохая: череп и длинные кости сильно фрагментированы, мелкие отсутствуют.

Засыпка охрой очень слабая, цвет охры буроватый. При скелете обнаружены фрагменты человеческих костей, повидимому, к данному скелету не относящиеся.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) у левой плечевой кости, правого бедра, близ черепа — фрагменты расколотых костей медведя (?); 2) на груди — поделка из трубчатой кости (сильно фрагментированная); 3) на скелете — 20 резцов лося (преимущественно в области груди); 4) кости волка.

Погребение № 133 (кв. Ж₄З₄—Ж₆З₆; рис. 67).

Глубина залегания скелета от пикета Ж₄ равнялась 0.88 (череп)—1.02 м (ноги); ориентировка — головой на ЮВ (129°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении; руки слегка согнуты в локтях и откинута вправо, позвоночник сильно искривлен (повидимому, смещен). Сохранность костей в отдельных частях плохая; череп сильно фрагментирован и смещен, нижние эпифизы бедренных костей и кости голени не сохранились.

Засыпка охрой не интенсивная.

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь: 1) в области правого плеча — 2 наконечника из кремня; 2) на правом предплечье (сверху) — клык медведя; 3) в нижней части скелета (несколько ниже таза) — 15 подвесок из резцов лося;

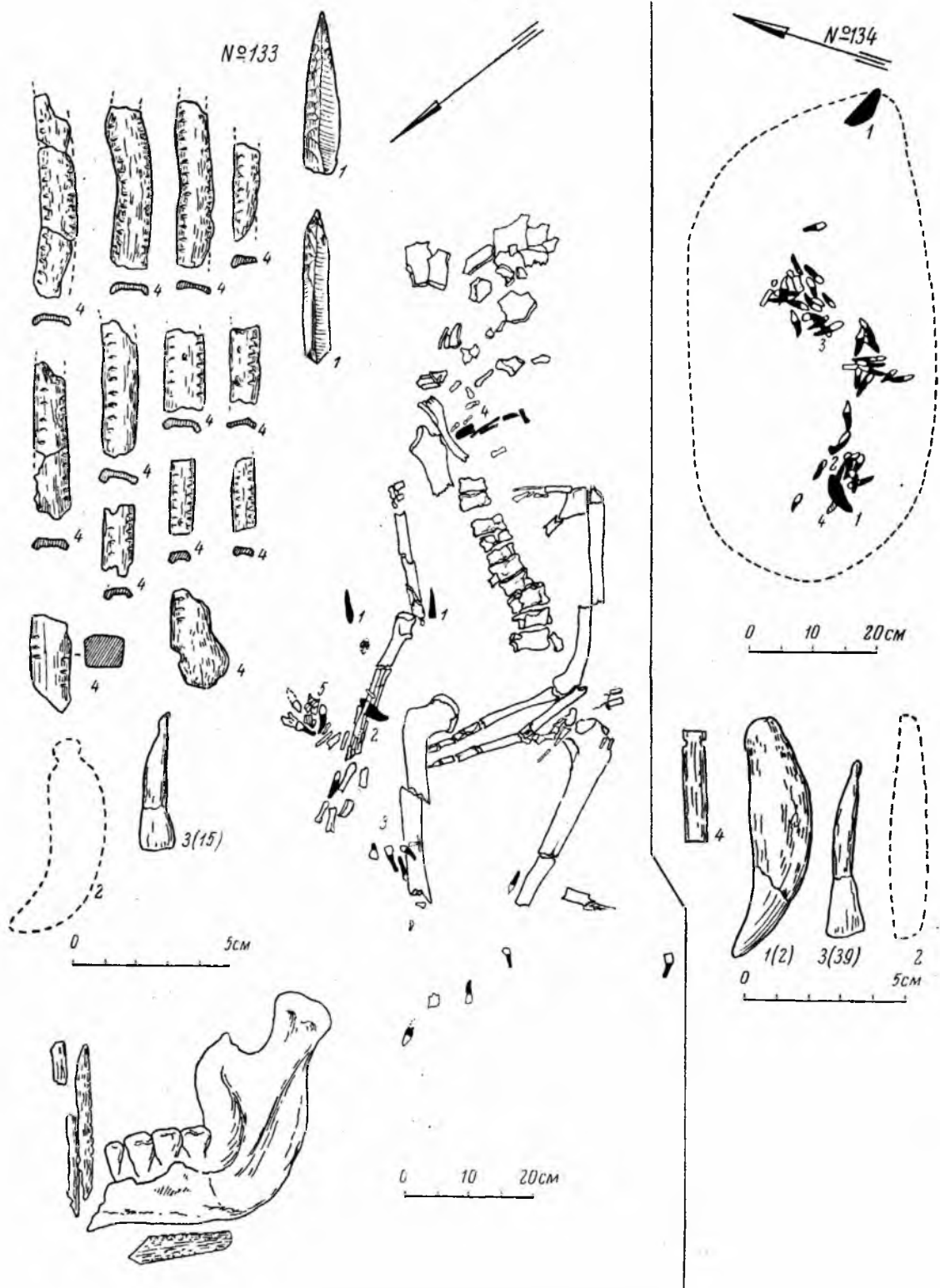

Рис. 67. Погребения №№ 133, 134.

4) в области шеи, под нижней челюстью и рядом с ней — 27 фрагментов костяных пластинок с насечками по краю и мелкими круглыми ямочками, составлявших, по-видимому, цельное шейное украшение; 5) у нижнего конца правого предплечья — 2 коренных зуба северного оленя (*Rangifer tarandus*).

Погребение № 134 (кв. E_5Z_5 — E_6Z_6 ; рис. 67).

Глубина залегания находок от пикета $Ж_6$ равнялась 0.73—0.78 м. Костей скелета не сохранилось.

Могильное пятно в верхнем горизонте не прослеживалось. Оно определилось лишь на уровне находок по контурам довольно интенсивной красной краски. Длина дна могилы 0.75 м. Находки концентрировались в средней части пятна. Возможно предположить детское захоронение.

Инвентарь: 1) у западного и восточного края могилы — 2 клыка медведя; 2) в западной части — 5 фрагментов костяной поделки; 3) в средней части — 39 резцов лося; 4) в западной части под клыком медведя — одна пластинка из резца бобра.

Погребение № 135 (кв. $Ж_6И_6$ — $Ж_8И_8$; рис. 68).

Глубина залегания скелета от пикета $Ж_7$ равнялась 0.72 (череп)—0.67 м (ноги); ориентировка — головой на В (90°).

Скелет лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Сохранность костей очень плохая: череп и длинные кости сильно фрагментированы, мелкие отсутствуют. Длина костяка очень значительна (1.95 м).

Засыпка охрой довольно интенсивная.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) у черепа — а) клык медведя, б) сланцевый нож, в) фрагмент костяной поделки; 2) у челюсти — клык медведя; 3) на груди — фрагмент костяного орудия-проколки; 4) там же — костяное орудие с желобком (лопцо); 5) в области таза (слева) — костяной наконечник; 6) в области таза (справа) — сланцевый отщеп; 7) на конце правой бедренной кости и между бедренными костями — группа костяных наконечников.

Погребение № 136 (кв. E_6Z_6 — E_7Z_7 ; рис. 69).

Глубина залегания скелета от пикета E_7 равнялась 0.93 (череп)—1.00 м (ноги); ориентировка — головой на СВ (60°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут в правую сторону, правая рука положена параллельно туловищу, левая слегка согнута в локте; кисть — в области таза. Сохранность костей очень плохая, верхняя часть черепа отсутствует. Скелет сильно сдавлен с боков узкой могильной ямой с корытообразным дном и, возможно, был обвязан берестой или кожей.

Засыпка охрой слабая, цвет ее буроватый.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) в засыпи могильной ямы — заготовка под орудие типа топорика; 2) на груди — обломок круглого в сечении костяного наконечника; 3) между голеньями — 3 пластинки из резцов бобра.

Погребение № 137 (кв. $E_5Ж_5$ — $E_6Ж_6$; рис. 69).

Глубина залегания скелета от пикета E_6 равнялась 0.62 (череп)—0.66 м (концы ног); ориентировка — головой на В.

Скелет лежал в вытянутом положении, череп повернут в правую сторону, руки слегка согнуты в локтях; кисти — в области таза. Сохранность костей исключительно плохая: череп и длинные кости представляют собой мельчайшие фрагменты, мелкие кости отсутствуют.

Засыпка охрой очень слабая.

Погребение мужское, возраст взрослый.

Инвентарь: 1) у черепа (под челюстью) — фрагмент поделки из кости; 2) справа от черепа — фрагмент поделки из кости, 2 целых поделки из кости; 3) на тазе — кремневое орудие с ретушью по скопленному краю (нож); 4) слева от таза — 2 резца лося.

Погребение № 138 (кв. $D_4Ж_4$ — $D_6Ж_6$; рис. 70).

Глубина залегания скелета от пикета $Ж_6$ равнялась 0.78 (череп)—0.71 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (72°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, череп повернут в правую сторону (поворот на $\frac{3}{4}$). Сохранность костей исключительно плохая; череп состоит из мелких фрагментов, длинные кости местами прослеживаются с трудом.

Засыпка охрой едва заметна, цвет охры буроватый.

Погребение мужское (?).

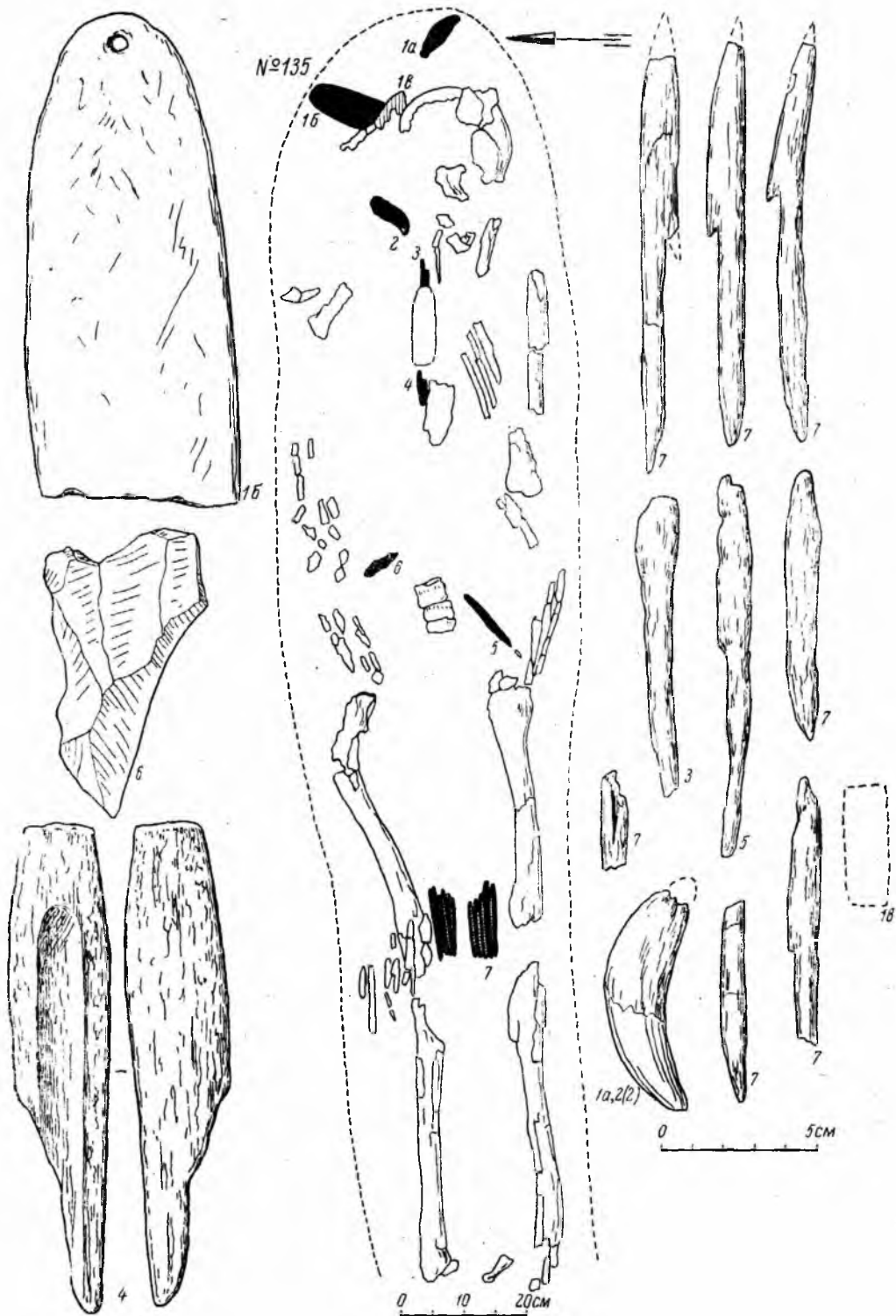

Рис. 68. Погребение № 135.

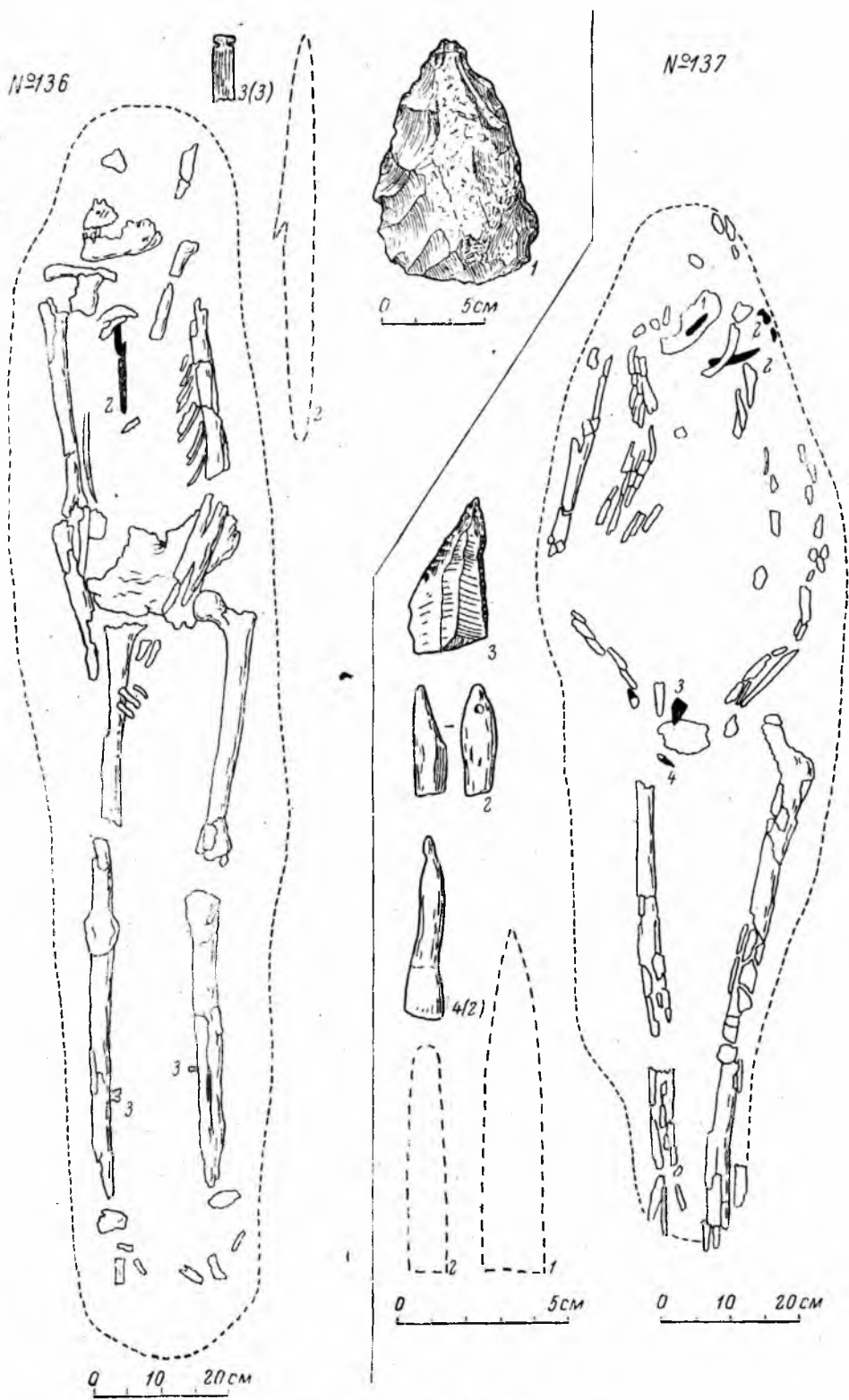

Рис. 69. Погребения №№ 136, 137.

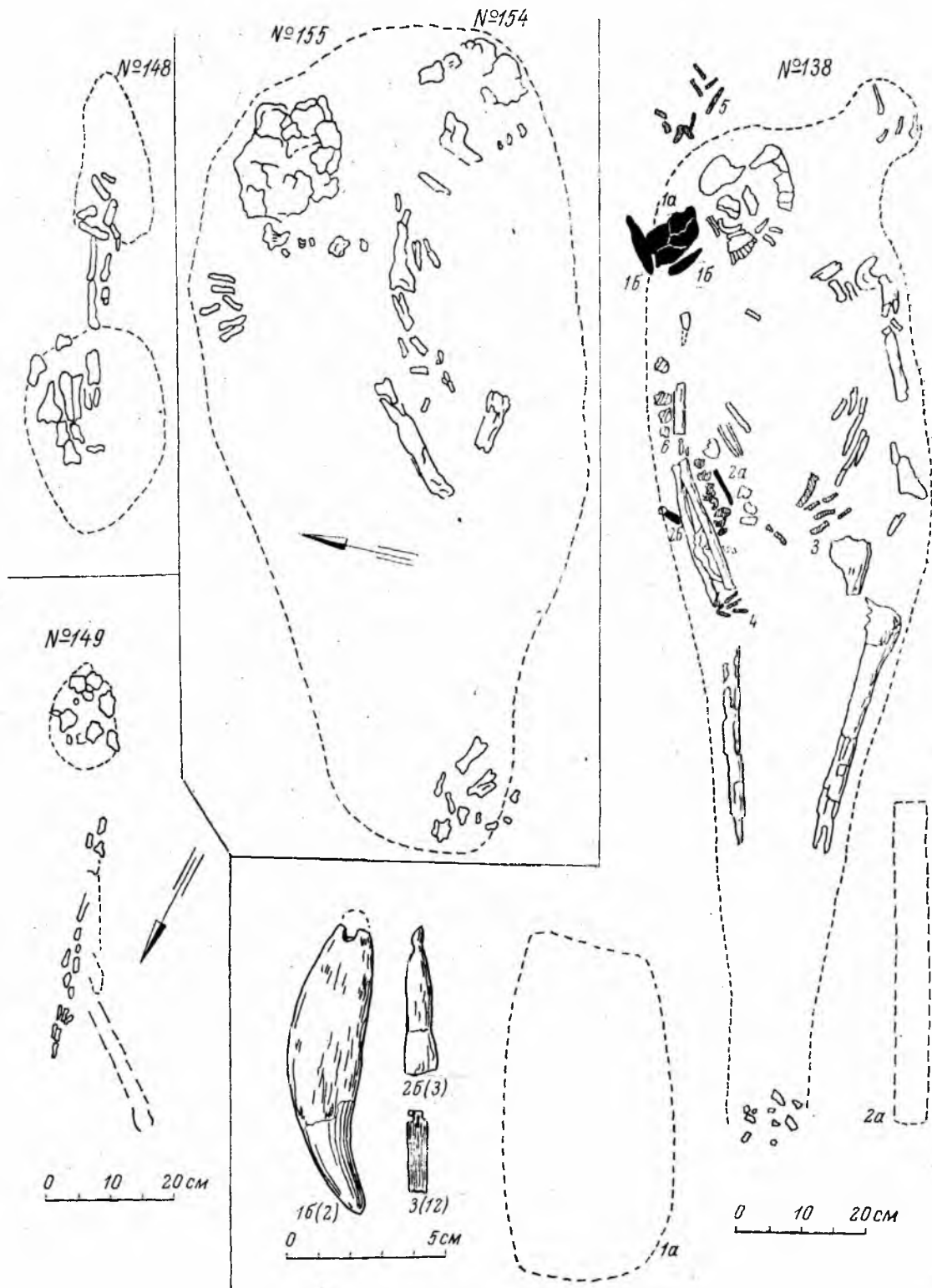

Рис. 70. Погребения №№ 138, 148, 149, 154-155.

И н в е н т а р ь: 1) у черепа (с северной стороны) — а) сланцевый нож, сильно расслоившийся, б) 2 клыка медведя; 2) вдоль костей правой руки и частью под ними: а) фрагмент костяной поделки, б) 3 резца лося; 3) у таза — 12 пластинок из резцов бобра; 4) у правого бедренного сустава — мелкие трубчатые кости птицы; 5) вокруг черепа — мелкие трубчатые кости птицы; 6) коренные зубы северного оленя (*Rangifer tarandus*), лежащие в ряд у правой плечевой кости.

Погребения №№ 139-140, 141 (кв. $E_2Ж_2$ — $E_4Ж_4$; (рис. 71).

Глубина залегания скелетов от пикета E_5 равнялась 0.80—0.93 м; ориентировка — головами на ЮВ (120—126°).

Исходя из положения костей, можно предполагать следующий порядок захоронения. Погребение № 141 следует считать более ранним, погребения №№ 139-140 — более поздними. Кости скелетов №№ 139-140 лежали в первоначальном положении; кости погребения № 141 сильно смещены; кости таза находились в области правой голени скелета № 140 и несколько выше ее (от пикета *Б* на глубине 0.83 м). Правая плечевая кость, кости левой руки и ключица — под костями скелета № 140. Кости черепа находились в одной линии с остальными черепами. Сохранность костей плохая.

Засыпка охрой достаточно интенсивная. Могильная яма слабо обрисовывалась, начиная с глубины 0.05—0.08 м от поверхности (непосредственно под дерновым слоем), где она была заполнена мелким галечником, смешанным с желтоватым песком. Несколько ниже она выступила отчетливо благодаря примеси к грунту красноватой охры. Здесь могильное пятно имело неправильно овальные очертания и было ориентировано с ЮВ на СЗ (размер 1.80×0.80 м). В контурах пятна на этой глубине встречена отдельная человеческая кость.

Скелет № 139 лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут на правую сторону, левая рука слегка согнута в локте. Правая плечевая кость и кости таза не сохранились, позвонки и ребра имели порошкообразный вид. Череп сильно фрагментирован. Засыпка охрой очень интенсивная. Погребение мужское, возраст старческий.

Скелет № 140 лежал на спине в вытянутом положении, лицом кверху, левая рука согнута в локте, правая вытянута вдоль туловища. Кости ног сильно сближены одна с другой, правая голень налегает на левую. Сохранность костей несколько лучшая, чем в погребении № 139, однако и они фрагментированы. Засыпка охрой интенсивная, цвет охры красный. Погребение мужское, возраст старческий.

От погребения № 141 сохранились частично лишь ребра, лежавшие, повидимому, в первоначальном положении, и правая плечевая кость. Глубина залегания костей различна. Погребение женское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь погребения № 139: 1) у левой голени — резец лося; 2) на черепе — обломок костяного наконечника.

И н в е н т а р ь погребения № 140: 1) в области груди — костяное кинжаловидное орудие; 2) в области таза — 2 резца лося; 3) у левой ноги — костяной наконечник (фрагментирован).

И н в е н т а р ь погребения № 141: 1) у черепа — 9 пластинок из резцов бобра; 2) у кисти правой руки — костяной наконечник.

Погребение № 142 (кв. $E_1Ж_1$ — $E_2Ж_2$; рис. 72).

Глубина залегания скелета от пикета E_3 равнялась 1.17 (череп)—1.08 м (концы ног); ориентировка — головой на ЮВ (135°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, лицом кверху, руки согнуты в локтях; кисти рук — в области таза. Череп хорошей сохранности, остальные кости сильно фрагментированы; левая плечевая кость, позвоночник, тазовые кости и фаланги ног отсутствуют.

Засыпка охрой интенсивная, однако, на дне не сплошным слоем.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) под черепом — а) костяная проколка и б) фрагмент костяного наконечника.

Погребение № 143 (кв. D_7E_7 — D_8E_8 ; рис. 73).

Глубина залегания скелета от пикета E_7 равнялась 0.83 (череп)—0.76 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением на Ю (100°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут вправо, руки раскинуты. Сохранность костей плохая; че-

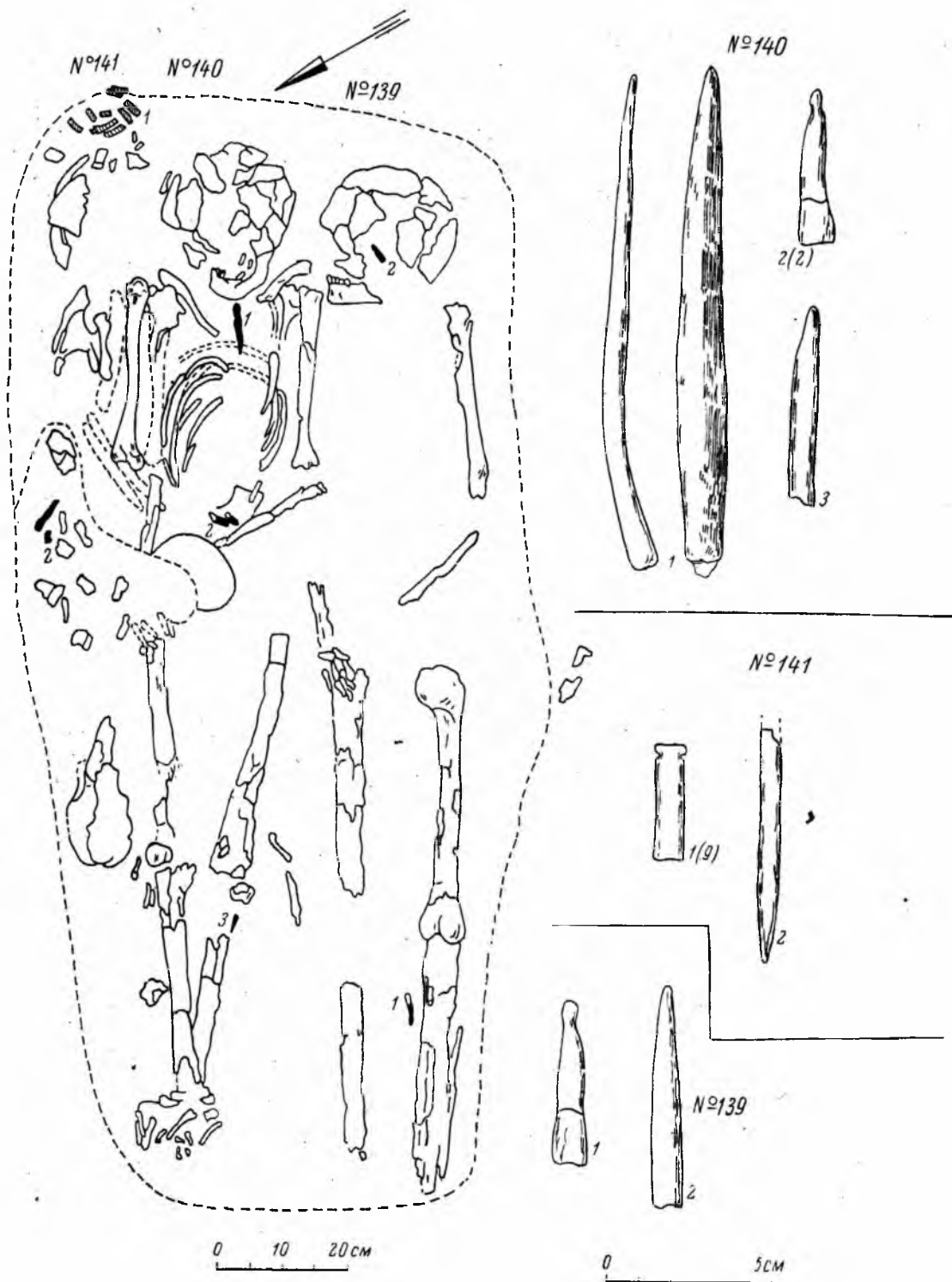

Рис. 71. Погребения №№ 139-140, 141.

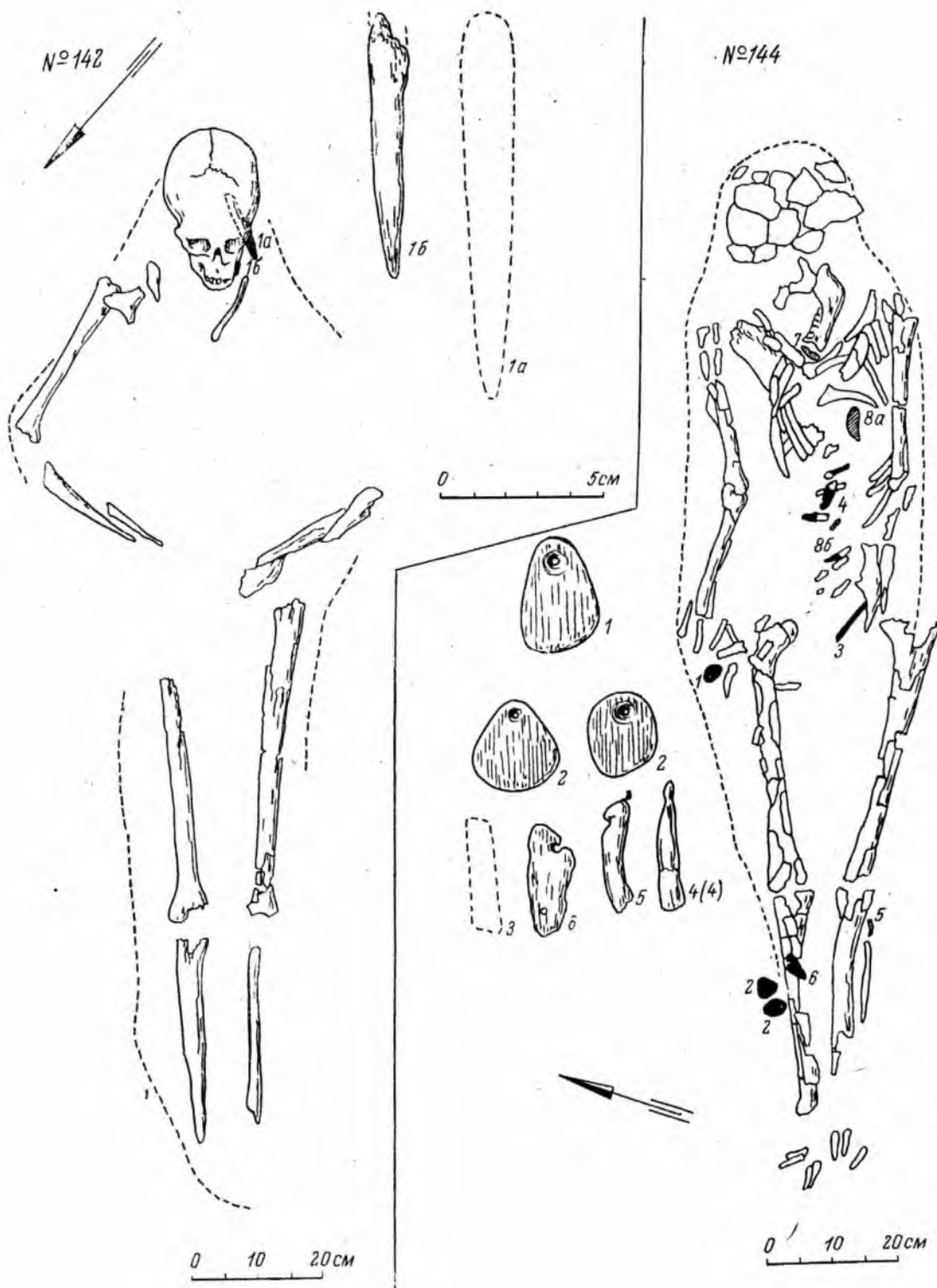

Рис. 72. Погребения №№ 142, 144.

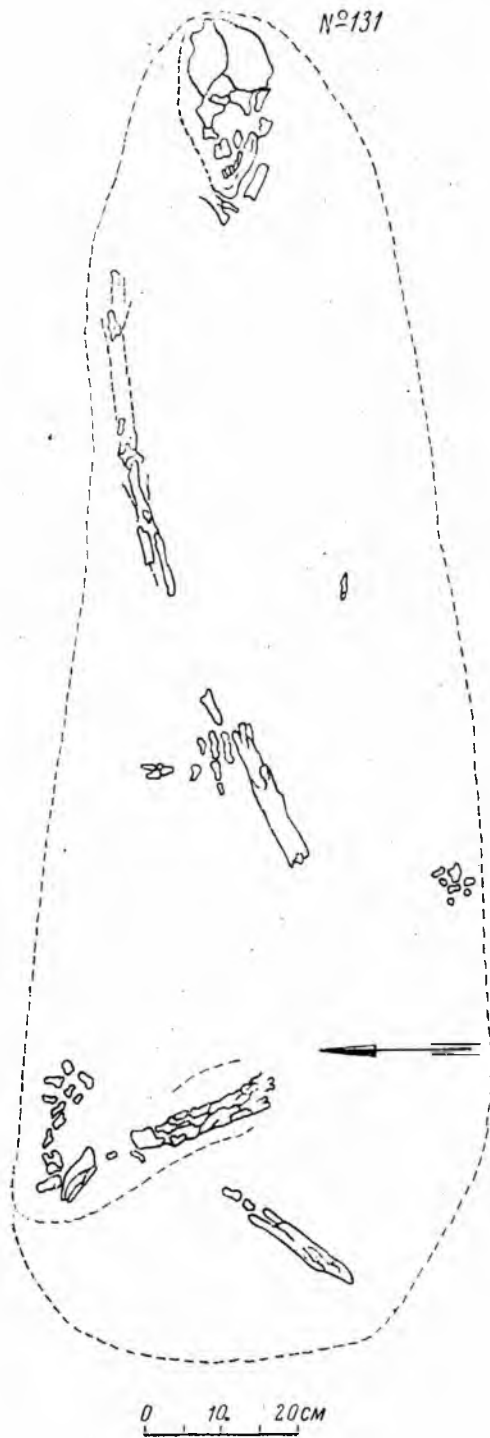

Рис. 73. Погребения №№ 131, 143

реп и длинные кости фрагментированы, мелкие вовсе не прослеживаются.

Засыпка охрой слабая.

Погребение женское, возраст зрелый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 144 (кв. D_6E_6 — D_7E_7 ; рис. 72).

Глубина залегания скелета от пикета E_0 равнялась 0.83 (череп)—0.88 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением на С (72°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, средняя часть несколько приподнята (на 12 см), череп повернут вправо (на $\frac{3}{4}$), нижняя челюсть сползла вниз, руки параллельны туловищу. Сохранность костей очень плохая, все кости (включая и череп) состоят из отдельных фрагментов.

Засыпка охрой слабая, цвет охры буроватый.

Погребение женское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) у тазобедренного сустава — просверленная галька; 2) у правой берцовой — 2 просверленных гальки; 3) на левой части таза — костяная поделка; 4) на груди (ближе к черепу) — 4 резца лоса; 5) у левой берцовой — пластинка из резца бобра; 6) на правой голени — костяная подвеска; 7) на груди, близ нижней челюсти — клык волка (*Canis lupus*); 8) на груди — а) зуб волка и б) кость птицы.

Погребение № 145 (кв. Γ_5E_5 — Γ_6E_6 ; рис. 61 и 61а).

Глубина залегания скелета от пикета D_5 равнялась 0.77 (череп)—0.80 м (кости ног); ориентировка — головой на СВ (63°).

Скелет лежал в вытянутом положении, на правом боку, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук отнесены несколько вперед, ноги плотно прижаты друг к другу. Сохранность костей, за исключением черепа, плохая, они сильно разрушены корнями.

Засыпка охрой слабая.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) у лобной кости черепа — пластинка из резца бобра; 2) на груди — костяной наконечник (большого размера); 3) в области таза — пластинка из резца бобра; 4) вблизи таза — а) фрагменты костяных наконечников (не менее 8)¹ и б) обломок кремневого наконечника; 5) у головки бедра — костяная проколка;

6) у берцовых костей — кусок расслоившегося песчаника (шлифовальная плитка?); 7) у нижней челюсти — рог животного (очень плохой сохранности).

Погребение № 146 (кв. Γ_3E_3 — Γ_4E_4 ; рис. 66).

Глубина залегания скелета от пикета E_4 равнялась 0.73—0.77 м.

Погребение представляло собой разбросанные в беспорядке кости, залегающие на различном уровне (кости таза на глубине 0.79 м, левое бедро — 0.80 м, берцовое — 0.81 м); фрагменты черепа прослеживались на широкой площади. Кости ног в соответствии с костями таза дают основания предполагать, что здесь было погребение с подогнутыми в коленях ногами (скорченное?) при положении скелета на правом боку. Кости туловища, рук и черепа были, очевидно, растащены грызунами.

Засыпка охрой слабая, цвет охры буроватый.

Погребение женское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) в области таза — а) 3 пластинки из резцов бобра, б) 13 фрагментов костяных поделок, из которых можно выделить 7 подвесок; 2) в области костей черепа — 4 пластинки из резца бобра; 3) в области таза — сланцевая галька со следами зашлифовки (?); в погребении встречены кости птицы.

Погребение № 147 (кв. $B_3\Gamma_3$ — $B_4\Gamma_4$; рис. 74).

Глубина залегания скелета от пикета B_4 равнялась 0.52 (череп)—0.57 м (кости ног); ориентировка — головой на ЮЮВ (145°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Череп сильно разрушен. Судя по положению нижней челюсти, он был повернут вправо. Сохранность костей очень плохая: длинные кости ног фрагментированы, кости рук не прослеживаются.

Засыпка охрой костей и дна могилы интенсивная, выше она не прослеживалась.

Погребение женское, возраст возмужало-зрелый.

Инвентарь: 1) вдоль левого бедра, справа от правого колена, в области черепа, на груди и верхней части таза — 54 резца лоса; 2) у груди, ниже челюсти — костяной наконечник, обращенный острием к ногам.

Погребение № 148 (кв. $B_3\Gamma_3$ — $B_4\Gamma_4$; рис. 70).

Глубина залегания скелета от пикета B_3 равнялась 0.61—0.63 м.

¹ Подсчет произведен по тыльным частям. Кроме того, имеется много мелких обломков.

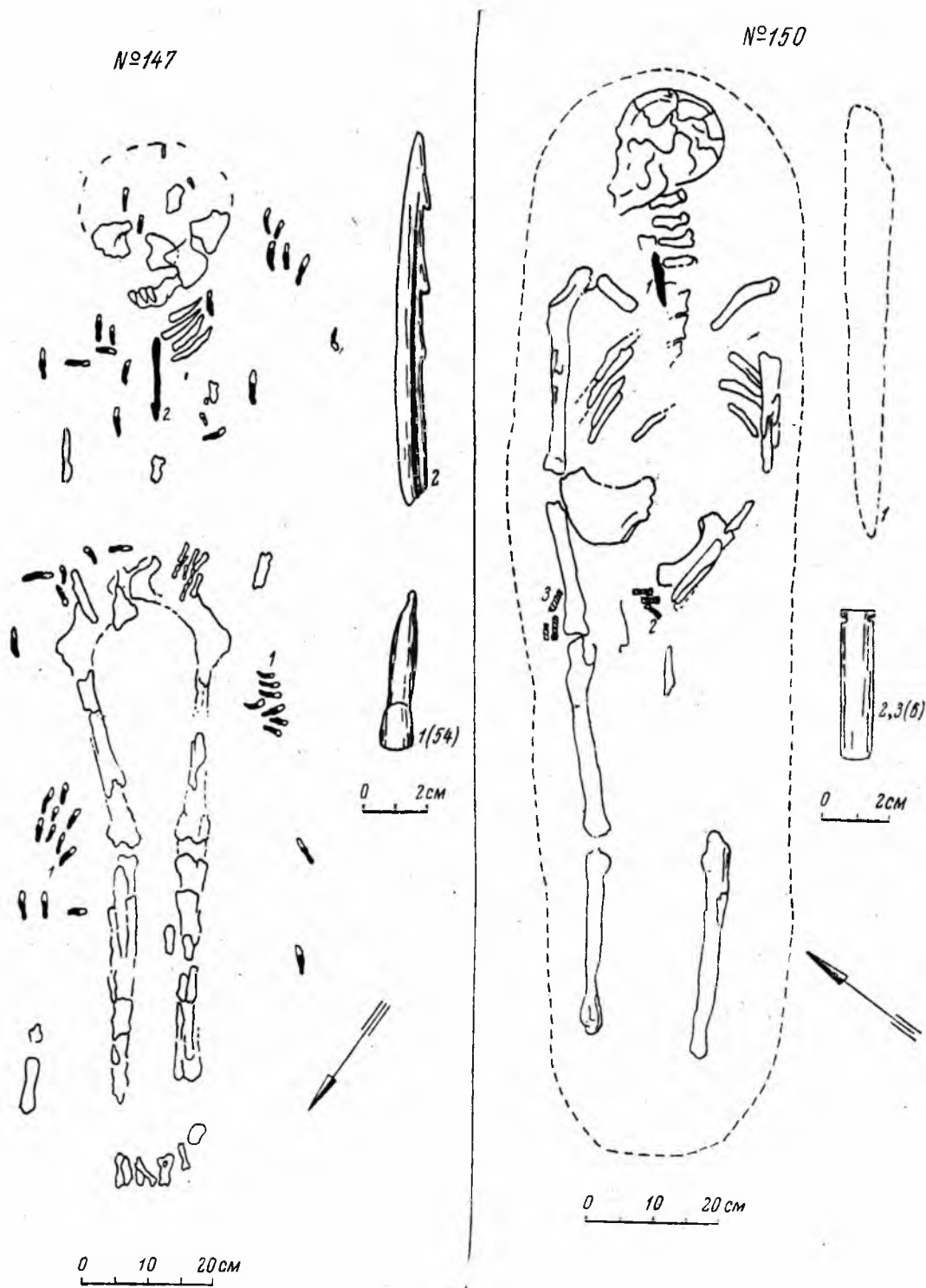

Рис. 74. Погребения №№ 147, 150.

Положение скелета не прослеживается вследствие того, что сохранилось всего лишь несколько небольших фрагментов костей (оба предплечья и бедро).

Засыпка охрой не наблюдалась. Погребение мужское (?), возраст взрослый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 149 (кв. $B_2B_2—B_3B_3$; рис. 70).

Глубина залегания скелета от пикета B_2 равнялась 0.80 (череп)—0.84 м (кости ног); ориентировка — головой к ЮЮВ (?). (150°). Положение скелета точно не прослеживалось. Сохранность костей исключительно плохая: уцелело лишь несколько фрагментов затылочной кости, мелкие фрагменты предплечья, часть левого (?) плеча, бедро и фаланги рук.

Засыпка охрой не наблюдалась. Контуры могильной ямы не прослеживались — погребение лежало в слое оподзоленного песка.

Погребение женское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 150 (кв. $B_5Г_5—B_6Г_6$; рис. 74).

Глубина залегания скелета от пикета B_6 равнялась 0.67 (череп)—0.66 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением на С (70°).

Скелет лежал на спине, череп повернут вправо, левая рука согнута в локте; кисть — в области таза; правая рука вытянута вдоль туловища, кисть ее — на правом бедре. Сохранность костей относительно удовлетворительная, но череп фрагментирован, левое бедро отсутствует.

Окрашенность охрой дна могильной ямы и костей интенсивная, но в засыпи она не прослеживалась.

Погребение женское (?), возраст зрелостарческий.

И н в е н т а р ь: 1) в верхней части груди, рядом с шейным позвонком — костяное острие,¹ обращенное острым концом к ногам; 2) на костях таза — 3 пластинки из резцов бобра; 3) у правого бедра — 3 пластинки из резцов бобра (порядка в расположении пластинок не прослеживается).

Погребение № 151 (кв. $O_3P_3—O_5P_5$; рис. 75).

Глубина залегания скелета от пикета P_3 равнялась 0.88 (череп)—0.99 м (ступни ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (110°).

¹ Очень плохой сохранности.

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, правая плечевая кость смещена. Сохранность костей относительно хорошая.

Засыпка охрой дна могильной ямы и костей интенсивная. Выше, в засыпи могилы, охры не прослеживалось. В области левого бедра, до костей левой стопы, встречено скопление человеческих костей, относящихся к другому погребению (фрагменты черепа, таза и ребер), лежащих в беспорядке. В засыпи могилы был найден позвонок. Глубина залегания данных костей от пикета P_4 равнялась 0.75—0.79 м.

Погребение мужское, возраст зрелый.

И н в е н т а р ь: 1) в области левого предплечья (слева) — 4 резца лося; 2) между бедренными костями — 4 резца лося; 3) в области ребер и правой плечевой кости — клык медведя; 4) у левой бедренной кости — клык медведя; 5) у нижнего эпифиза правой плечевой к кости — клык медведя.

Погребение № 152-153 (кв. $O_5P_5—O_7P_7$): двойное погребение (рис. 76).

Скелеты лежали в общей могильной яме, параллельно друг другу. Глубина их залегания от пикета P_6 равнялась: погребения № 152—0.69 (череп)—0.84 м (концы ног); погребения № 153—0.68 (череп)—0.79 м (концы ног); ориентировка обоих костяков — головой на СВ (60—65°).

Скелет № 152 лежал на спине, в вытянутом положении, голова повернута вправо (к погребению № 153), левая рука согнута в локте, кисть лежала на тазобедренном сочленении, правая рука вытянута вдоль туловища. Сохранность крупных костей удовлетворительная; хуже сохранилась нижняя часть берцовых костей и кости стопы. Погребение № 152 женское, возраст зрелый.

Скелет № 153 лежал на спине, в вытянутом положении, лицом кверху, руки согнуты в локтях; кисти левой руки — в области таза, правой — на верхней части бедра. Сохранность костей удовлетворительная; хуже сохранились нижние части костей ног. Погребение мужское, возраст зрелый.

Судя по общей могильной яме и положению костяков, их следует считать захороненными одновременно.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я № 152: 1) в области груди (справа), вдоль правой плечевой кости — костяная проколка, направленная острием к ногам.

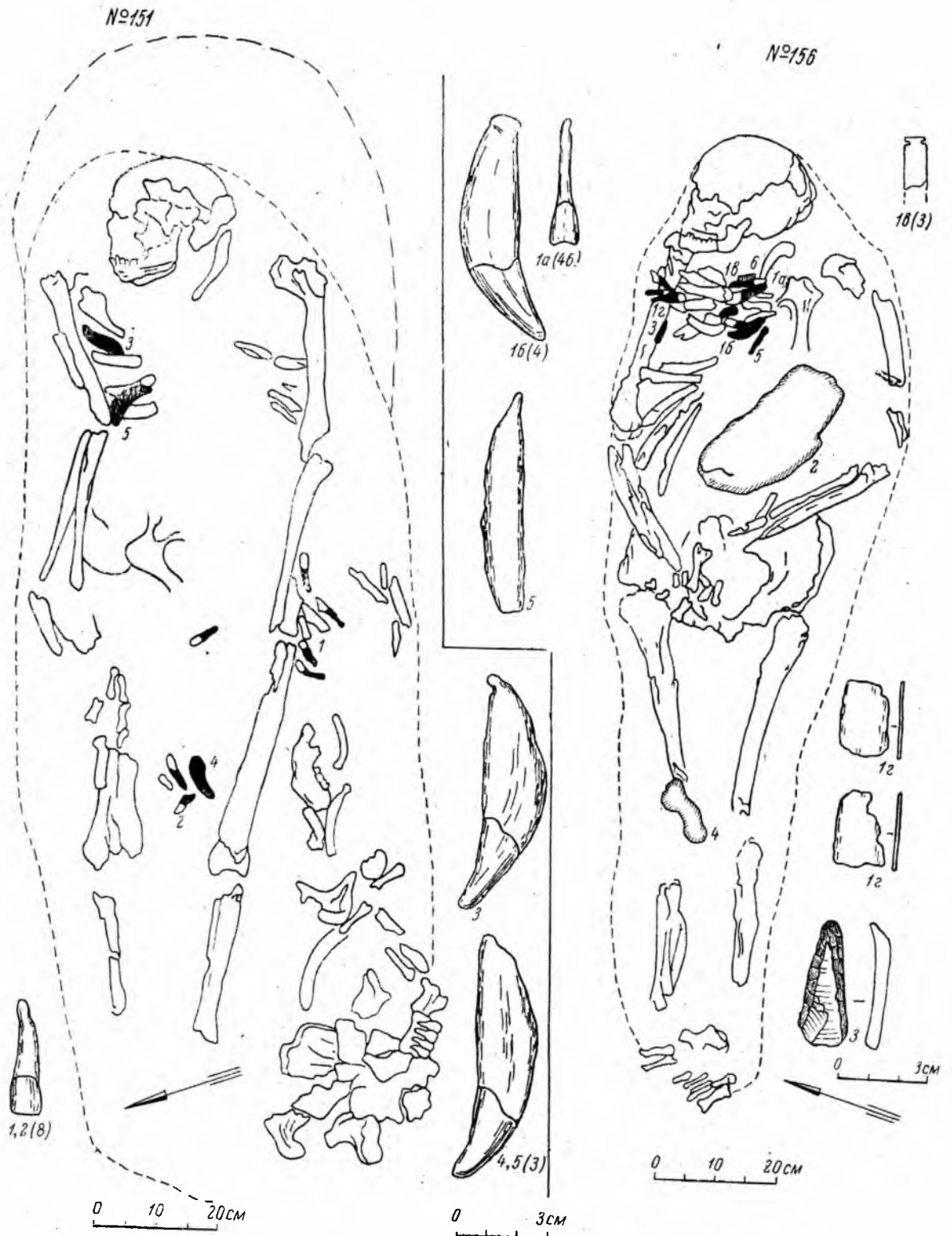

Рис. 75. Погребения №№ 151, 156.

Инвентарь погребения № 153: 1) справа от черепа — резец лося; 2) вдоль левой плечевой кости — а) костяной наконечник, лежащий острым концом на верхнем эпифизе, б) несколько ниже его — костяной наконечник; 3) на груди (слева), вдоль плечевой кости — крупная скульптурная поделка из рога с головой лося на конце; 4) на лицевых костях черепа — обломок пластинки из резца бобра; 5) у правого колена (справа от него) — 5 коренных зубов лося, лежащих без особого порядка.

Погребение № 154-155 (кв. P_4C_4 — P_5C_5 ; рис. 70).

Глубина залегания скелетов от пикета P_4 равнялась 0.72 (череп скелета № 154), 0.75 (череп скелета № 155)—0.66 м (ноги скелета № 154); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет № 154 очень плохой сохранности, вследствие чего трудно установить его положение. Сохранились лишь фрагменты теменных и затылочных костей, нижняя челюсть, фрагменты правой плечевой кости и обоих предплечий, несколько фрагментов ребер и костей стопы. Судя по положению предплечий, руки были слегка согнуты в локтях; кисти рук — в области таза.

Скелет № 155 также представляет собой остатки разрозненных костей, атомический порядок которых нарушен. Сохранились лишь фрагменты лобной, теменной и затылочной костей, фрагмент скулы, несколько зубов и ребер, а также отдельные части правой плечевой кости.

Могильное пятно прослеживалось с глубины 0.61 м от пикета P_4 . Окраска и засыпка костяка красной охрой интенсивная.

Судя по характеру могильной ямы, оба погребения следует считать одновременными. Весьма малая длина скелетов и характер костей указывают на то, что оба погребения являются детскими — I и II.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 156 (кв. P_3C_3 — P_5C_5 ; рис. 75).

Глубина залегания скелета от пикета P_3 равнялась 0.87 (череп)—0.81 м (кости ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, череп повернут вправо, руки согнуты в локтях, кисть левой руки на верхней части таза, правой — в области тазобе-

ренного сочленения. Сохранность длинных костей, черепа и фаланг относительно хорошая.

Засыпка охрой интенсивная, особенно дна могилы. Могильное пятно прослеживалось в виде включения мешанной земли в мелкозернистый серовато-зеленоватый грунт. Охра располагалась отдельными пятнами, не заполняя засыпи сплошным слоем.

Погребение женское (?), возраст старческий.

Инвентарь: 1) в верхней части груди (ниже челюсти), в области ключиц и верхней части правого плеча — а) 46 резцов лося, б) 4 клыка медведя, лежавших без особого порядка, в) 3 пластинки из резцов бобра, г) 2 фрагмента костяной пластинки; 2) в области предбедренной до верхней части таза (слева) — плоская крупная плита, слегка обработанная по краям; 3) у правой плечевой кости — кремневая пластинка (с крутой ретушью по краю — нож); 4) в области правого колена — сланцевая массивная галька с выемкой; 5) на груди (в левой ее части), ниже скопления резцов лося — костяная проколка, направленная острой частью к ногам; 6) в верхней части груди — 2 фаланги животного.

Погребение № 157 (кв. C_3V_3 — C_4V_4 ; рис. 77).

Глубина залегания скелета от пикета T_3 равнялась 0.84 (кости черепа)—0.88 м (кости ног); ориентировка головой на В с отклонением к Ю (120°).

Кости скелета сильно смещены, поэтому положение костяка точно установить невозможно. Череп отсутствовал. Нижняя челюсть лежала слева от левой плечевой кости, левая бедренная сдвинута в область предплечья, кости лопатки находились в области стоп (не сохранившихся). Частично сохранилась лишь левая берцовая кость. Ребра сдвинуты до уровня средней части бедра.

Могильная яма в верхних горизонтах (до 0.70 м от пикета T_3) занимала значительно больший размер, чем само погребение. Дно ямы и кости были покрыты толстым слоем охры. Повидимому, данное погребение было разрушено в древности; кости его и вещи к моменту раскопок находились во вторичном залегании.

Погребение женское, возраст возмужалый.

Инвентарь: в расположении вещей не наблюдается определенного порядка: всего обнаружено: в верхней части костяка — 1) 24 пластинки из резцов бобра; в нижней

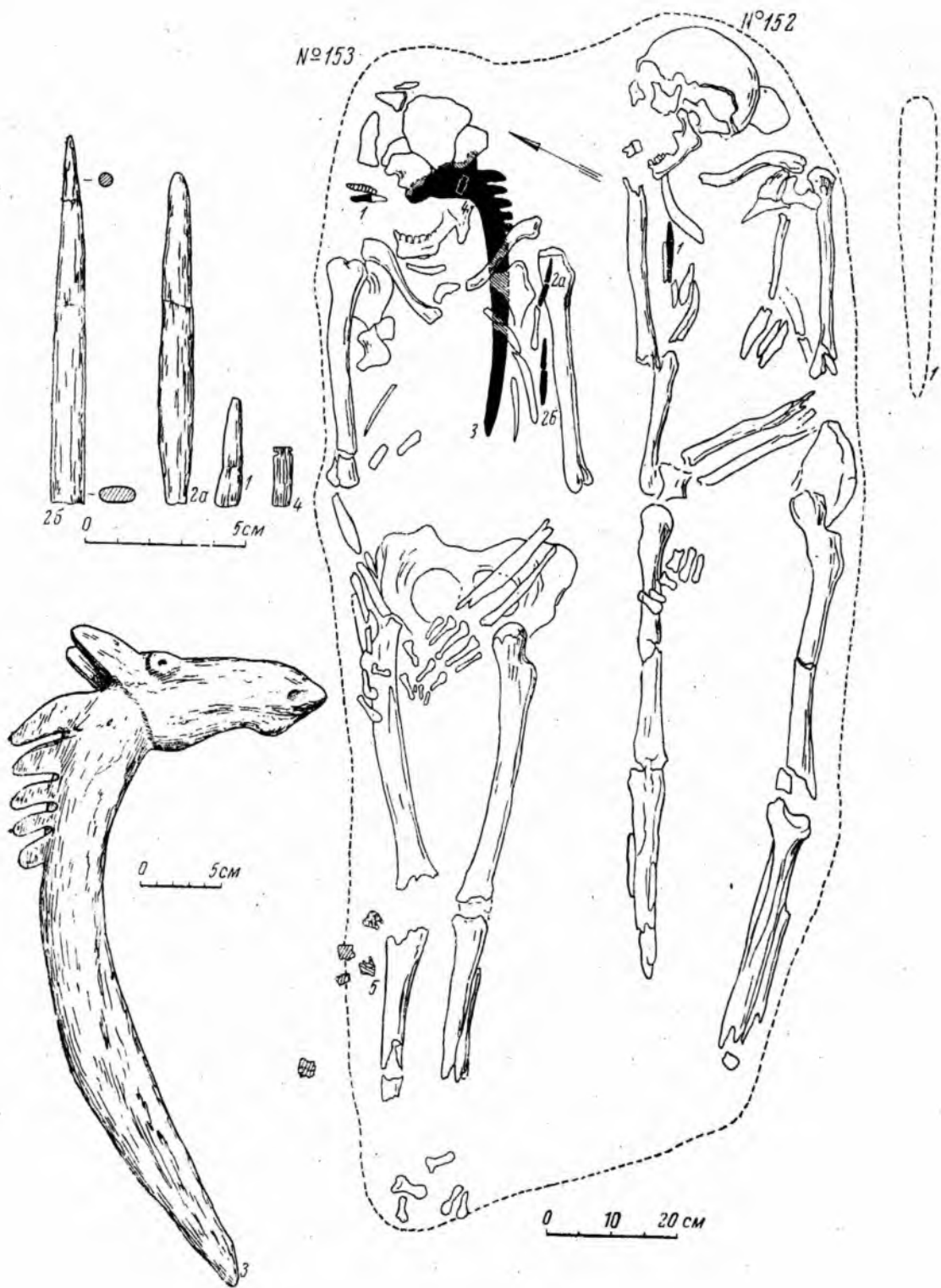

Рис. 76. Погребение № 152-153.

части — 2) 3 клыка медведя; 3) обломки костяных острий; 4) обломок кремневой пластинки; 5) 2 сланцевых ножа, небольшой обломок рога, кости мелкого животного, зуб животного; на скелете — 6) 151 резец лося. Обнаружены также обломок трубчатой кости мелкого животного и скопление костей грызуна вместе с коренными зубами лося.

Погребение № 158 (кв. $I_{22}L_{22}$ — $I_{24}L_{24}$; рис. 77).

Глубина залегания костяка от пикета I_{23} равнялась 0.79 (череп) — 0.78 м (фаланги ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (120°).

Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, череп несколько повернут вправо, левая рука слегка согнута в локте, кости правой руки, повидимому, смещены. Сохранность костей хорошая, особенно нижней части скелета.

Засыпка охрой дна могильной ямы и костей слабая. Окрашенность слоя над погребением прослеживалась с глубины 0.29 — 0.31 м от поверхности.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь: 1) на груди (сверху вниз) — а) костяное острие, б) костяной наконечник.

Погребение № 159 (кв. $B_{23}D_{23}$ — $B_{24}D_{24}$; рис. 78).

Глубина залегания скелета от пикета G_{24} равнялась 0.72 (выше левого плечевого сочленения) — 0.63 м (конец левой голени); ориентировка — головой на В с отклонением к С (80°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Сохранность костей плохая; погребение сильно пострадало от позднейшей ямы. Череп отсутствует, кости ног смещены. Имеются лишь кости правой плечевой, левого предплечья, таза и ног.

Засыпка охрой не прослеживается.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 160 (кв. $C_{10}T_{10}$ — $C_{11}T_{11}$; рис. 78).

Глубина залегания скелета от пикета T_{11} равнялась 0.66 (череп) — 0.67 м (кости ног); ориентировка — головой на ЮВ (135°).

Скелет лежал на левом боку, ноги согнуты в тазобедренном сочленении под прямым углом и в коленях так, что голени оказались прижатыми к бедренным костям. Левая рука слегка согнута в локте и отнесена

вперед, правая рука не прослеживается. Сохранность костей очень плохая, череп фрагментирован (лучше сохранились челюсти).

Могильная яма обозначалась слабо (в виде пятна рыхлой мешанной земли), дно ее и кости скелета окрашены красной охрой.

Погребение мужское, возраст зрелый.

Инвентарь отсутствует.

Погребение № 161-162 (кв. P_9T_9 — $P_{10}T_{10}$; рис. 79).

Глубина залегания скелетов от пикета U_{11} равнялась 0.70 (череп) — 0.75 м (концы ног); ориентировка — головой на В с отклонением к С (75°).

Скелет № 161 (взрослый субъект) и остатки костяка № 162 (детского) залегали в общей могильной яме, на одинаковой глубине.

Скелет № 161 лежал на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза. Сохранность костей относительно удовлетворительная, хотя череп и длинные кости фрагментированы. Засыпка охрой интенсивная, в особенности дна могильной ямы. Погребение женское, возраст возмужалый.

Остатки скелета № 162 (детского) в виде мелких фрагментов черепа, плечевой, нескольких ребер и фрагментов бедренной и берцовой костей залегали вдоль правой руки погребения № 161. Сохранность костей чрезвычайно плохая.

Засыпка охрой интенсивная.

Инвентарь погребения № 161: 1) в области черепа, выше теменных костей — а) 2 сланцевых ножа, между которыми находился — б) клык медведя, в) под нижним сланцевым ножом — сланцевая пластинка со следами обработки по краям; 2) ниже таза (справа от левой бедренной кости) — 11 резцов лося, обращенных нижним концом к коленному суставу; 3) у правого тазобедренного сочленения — 11 резцов лося; 4) у левого плечевого сочленения — 3 резца лося; 5) в верхней части правой половины груди — 2 пластинки из резцов бобра; 6) в области таза (слева от позвоночника) — фрагмент костяной поделки и 3 кости грызуна; 7) под затылочной костью — клык медведя.

Инвентарь погребения № 162 отсутствует.

Погребение № 163 (кв. $B_{14}J'_{14}$ — $B_{15}J'_{15}$; рис. 80).

Глубина захоронения скелета от пикета B_{15} равнялась 0.57 (череп) — 0.63 м (концы

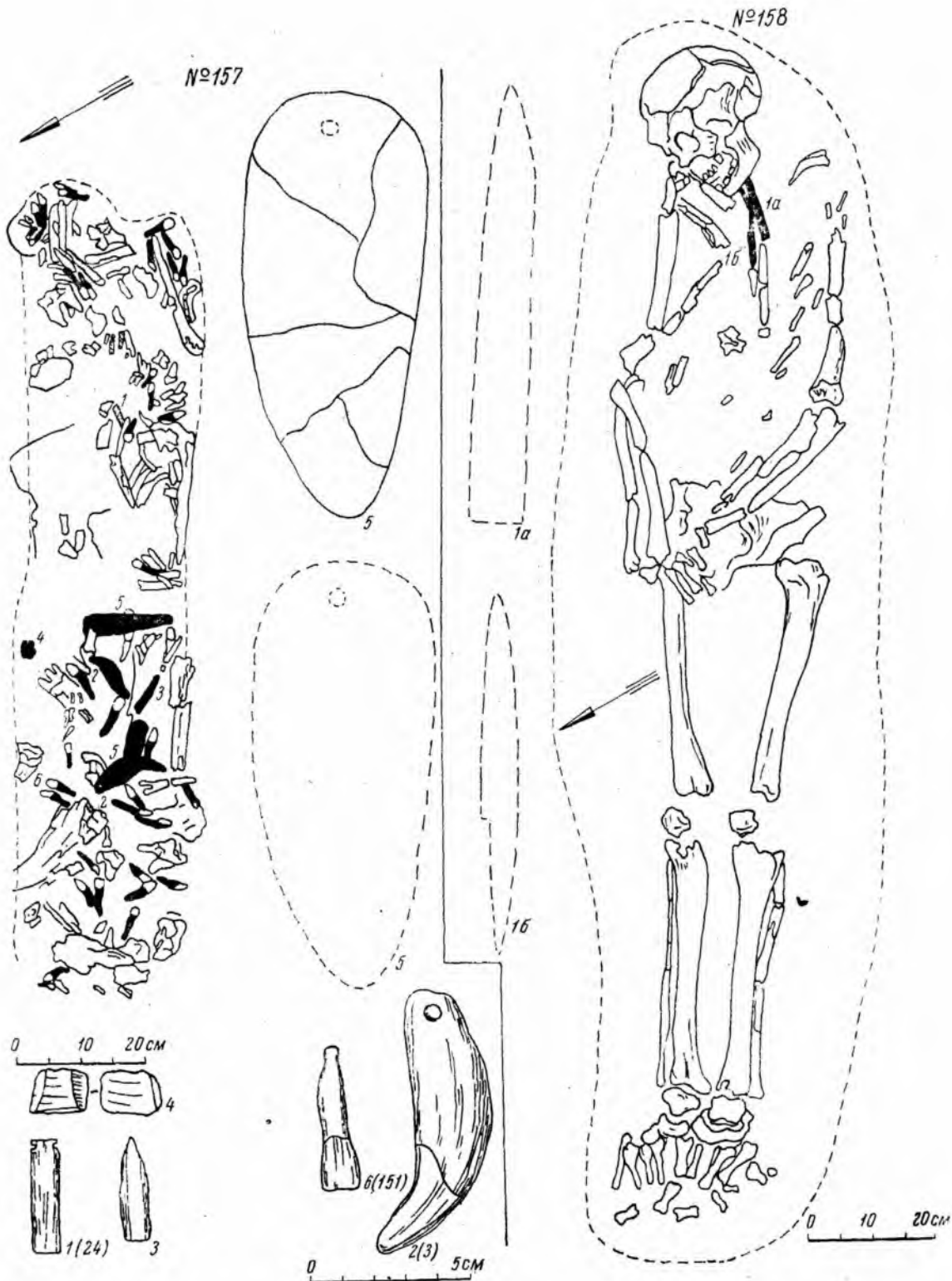

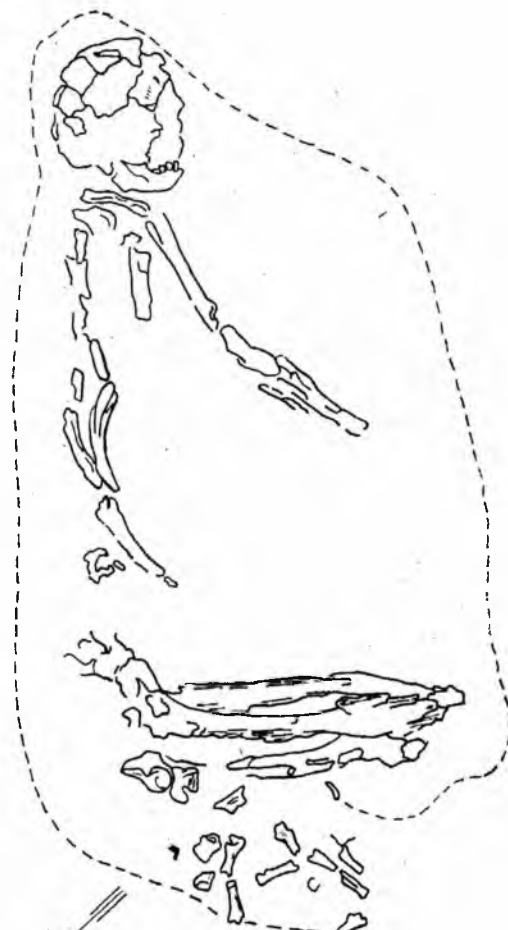
Рис. 77. Погребения №№ 157, 158.

№159

0 10 20 см

№160

0 10 20 см

Рис. 78. Погребения №№ 159, 160.

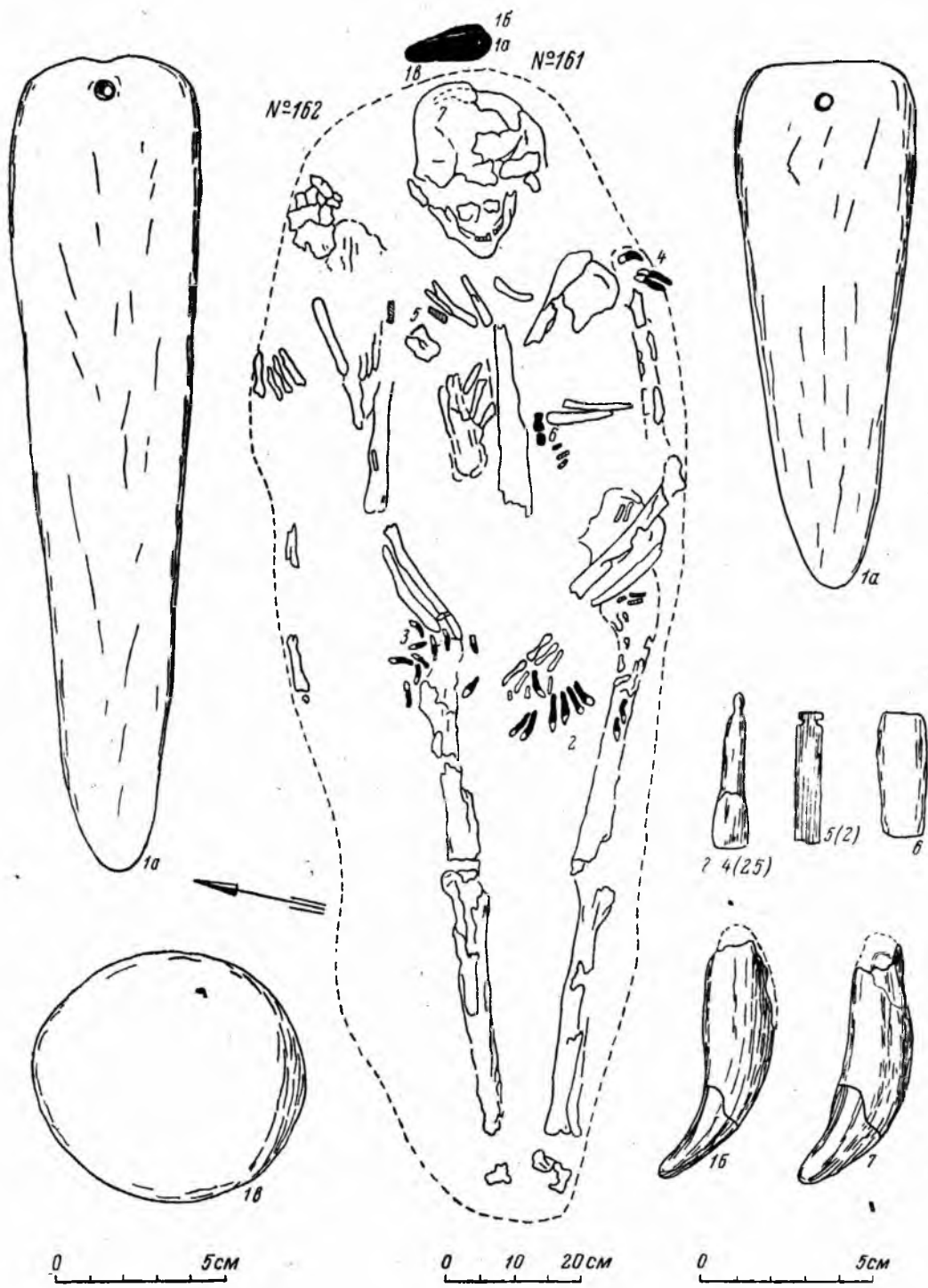

Рис. 79. Погребение № 161-162.

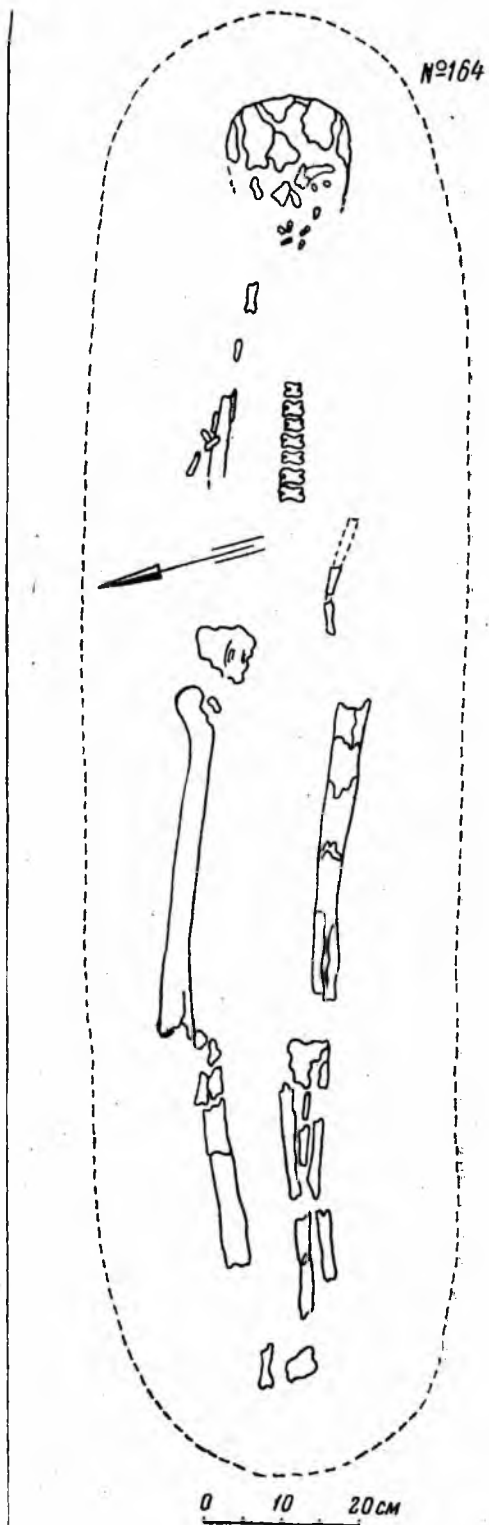

Рис. 80. Погребения №№ 163, 164.

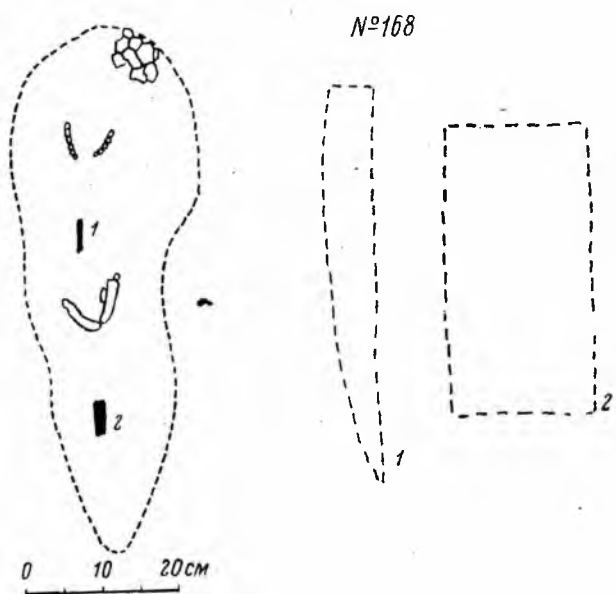
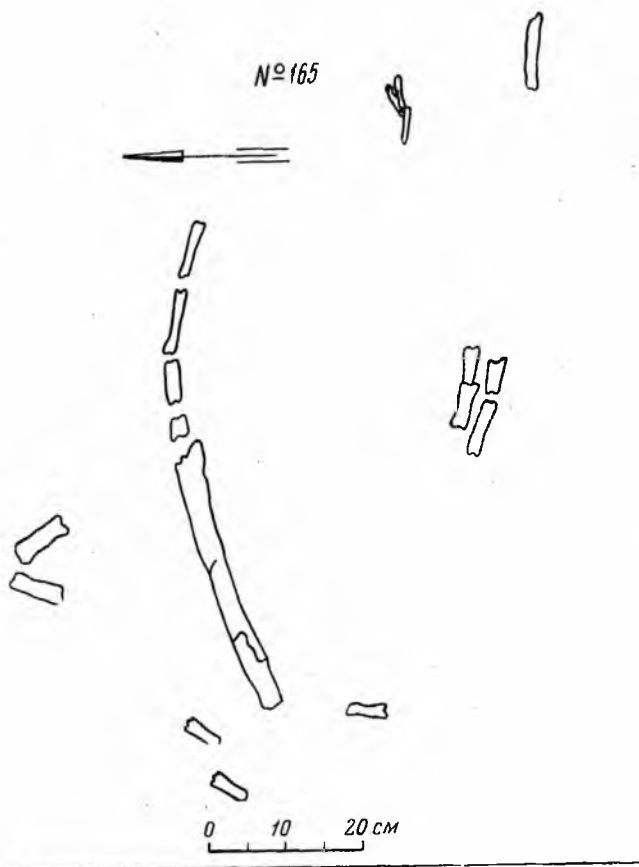

Рис. 81. Погребения №№ 165, 167, 168.

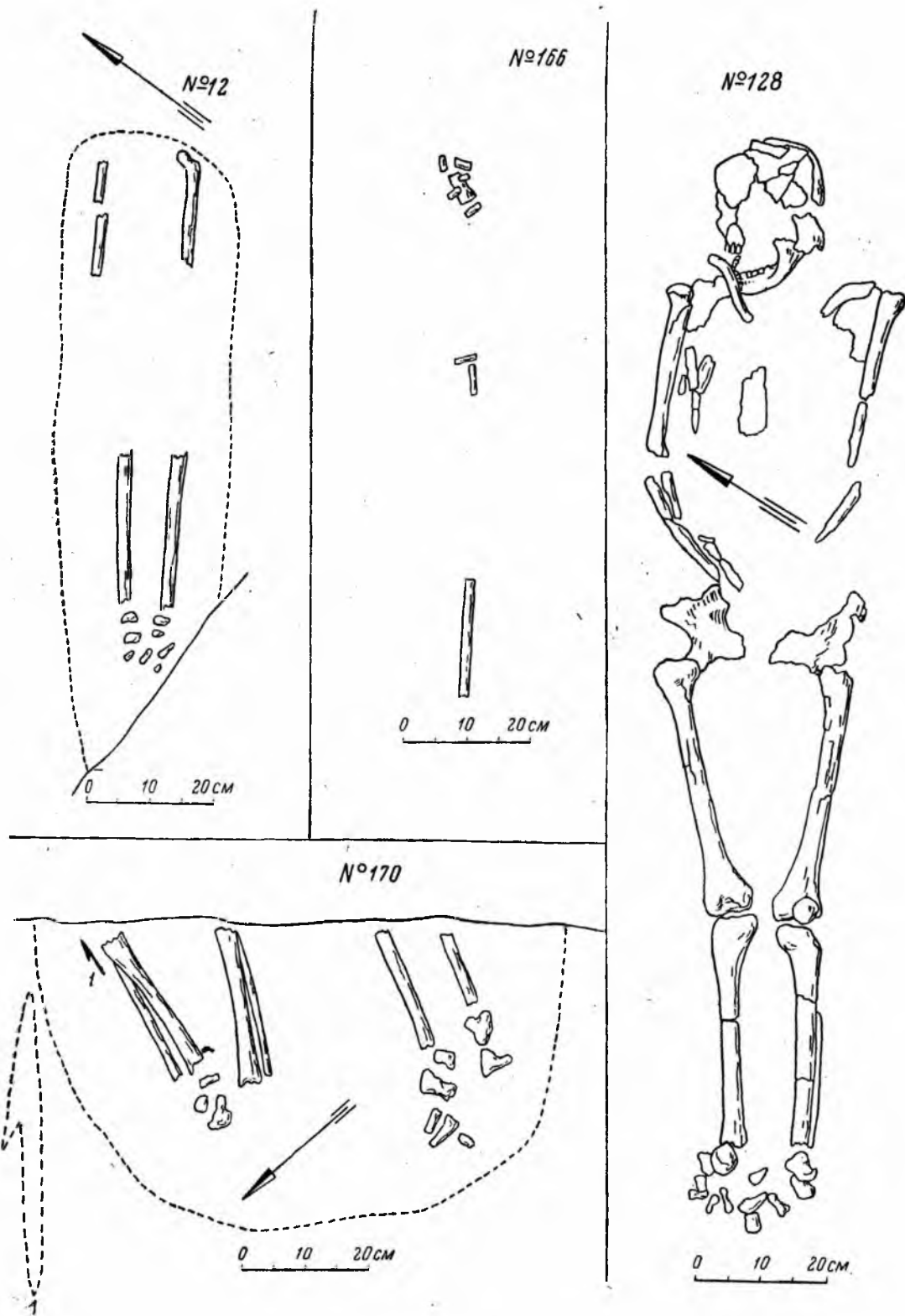

Рис. 82. Погребения №№ 12, 128, 166, 170.

ног); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (116°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки согнуты в локтях; кисти рук — в области пояса. Сохранность костей плохая: череп раздавлен, его обломки, ребра и кости правого предплечья смещены; длинные кости фрагментированы, фаланги отсутствуют.

Могильное пятно в виде буроватой охры прослеживалось с глубины 0.40 м от пикета B_{15} .

Погребение мужское, возраст возмужалый.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 164 (кв. $E_{22}Z_{22}$ — $E_{24}Z_{24}$; рис. 80).

Глубина залегания скелета от пикета E_{23} равнялась 0.69 (череп)—0.70 м (нижние конечности); ориентировка — головой на В с отклонением к Ю (112°).

Скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Вследствие разрушения костей корнями деревьев они сильно фрагментированы и смещены, значительная часть вовсе отсутствует; череп раздавлен на мелкие части, кости рук не сохранились; лишь местами прослеживается белая порошкообразная масса.

Могильное пятно, состоящее из галечника, перемешанного с желтоватым песком, наблюдалось с глубины 0.08—0.15 м от дернового слоя. На глубине 0.40 м от поверхности появилась розовая окраска, которая прослеживалась затем до уровня расположения костей.

Погребение мужское, возраст старческий.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 165 (кв. $\Gamma_{22}D_{22}$ — $\Gamma_{23}D_{23}$; рис. 81).

На глубине 0.55 м от пикета Γ_{23} были обнаружены остатки человеческих костей — фрагменты рук и ног, лежащих в беспорядке. Череп отсутствовал.

Засыпка охрой не прослеживалась.

Погребение, повидимому, было разрушено соседней ямой.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 166 (кв. K_8L_8 — K_9L_9 ; рис. 82).

На глубине 0.85—0.42 м от пикета L_8 были обнаружены остатки человеческих костей: фрагменты черепа, часть правой бедренной кости и правой голени.

Засыпка охрой не прослеживалась.

И н в е н т а р ь отсутствует. Вероятно, кости находились во вторичном залегании.

Погребение № 167 ($B_{IX}B_{IX}$ — $B_{VIII}B_{VIII}$; траншея III; рис. 81).

На глубине 0.78—0.93 м от пикета А были обнаружены фрагменты человеческих костей, разбросанные в беспорядке (отдельные части длинных костей, ребра и позвонки). Череп отсутствовал. Зона распространения костей была вытянута с СЗ на ЮВ.

Засыпка охрой исключительно слабая.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 168 (траншея в юго-западной части могильника; рис. 81).

На глубине 0.45 м от поверхности были обнаружены остатки захоронения.

Кости — обломки таза и части ног — лежали в беспорядке. Череп отсутствовал. По отдельным сохранившимся частям можно предполагать, что скелет был ориентирован на В.

Засыпка охрой слабая. Могильное пятно прослеживалось с глубины 0.27 м от поверхности.

И н в е н т а р ь: 1) у груди — обломок костяной поделки; 2) точильный брусок.

Погребение № 169 (траншея в юго-западной части могильника).¹

На глубине 0.55—0.70 м от поверхности были обнаружены остатки захоронения. Насколько удастся установить, положение скелета вытянутое, руки лежат вдоль туловища. Ориентировка костяка — головой на В.

Сохранность костей исключительно плохая. Кости ног и череп, находящиеся в первоначальном положении, превратились в труху; остальные прослеживаются с трудом. Левая половина костяка сильно пострадала от выкопанной по соседству ямы.

И н в е н т а р ь отсутствует.

Погребение № 170 (кв. $Z_{45}u_{45}$ — $Z_{46}u_{46}$; рис. 82).

Глубина остатков двух скелетов от поверхности равна 0.89 м.; ориентировка — головой на В. В обоих случаях сохранились лишь голени и частично ступни ног, остальное разрушено карьером. Засыпка охрой почти отсутствует.

И н в е н т а р ь: 1) близ правой голени — костяной наконечник.

¹ Полевой чертеж отсутствует.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ПОГРЕБЕНИЙ

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
1	От пикета № 45 0.76—0.78.	На В с небольшим отклонением к Ю.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища.	Едиичное.	—
1а	От погр. № 1 0.04—0.05 м.	—	Разрушенное.	»	—
2-2а	От пикета № 43 0.95—1.00 м.	На СВ.	На спине, лицом вверх.	Двойное.	Женщина (?) с ребенком; последний лежал в области таза и между бедренными костями взрослого скелета.
3-3а	От пикета № 44 0.43—0.46 м.	То же.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута в локте.	»	Женщина (?) с ребенком: последний лежал между ног.
4	От пикета № 45 0.56—0.58 м.	На В с отклонением к С.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова повернута вправо.	Едиичное.	—
5-6	От пикета № 45 0.45 м.	На В.	№ 5 — на спине, руки согнуты в локтях; № 6 — на спине, руки вытянуты вдоль туловища.	Двойное, лицом друг к другу, на одном уровне.	—
7	От пикета № 43 0.39—0.47 м.	То же.	На спине, вытянутое.	Едиичное.	—
8-9	От пикета № 44 0.40—0.50 м.	»	На спине, вытянутое.	Двойное, в одной плоскости, рядом.	№ 8 — мужской (?); № 9 — женский (?).
10	От пикета № 43 0.49—0.39 м.	»	На спине, руки вытянуты вдоль туловища.	Едиичное.	—

ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
До 0.06 м.	1 ложило, 1 проколка, 4 фрагмента костяной пластинки с орнаментом в виде точек.	Несколько.	Более позднее, чем погребение № 1а.	Сохранность костей плохая.
Средняя.	1 кремневый отщеп, 1 фрагмент костяного острья, 52 резца лося.	—	Более раннее, чем погребение № 1.	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
До 0.06 м.	№ 2 — 1 кремневый наконечник стрелы, 1 клык медведя, 1 резец лося; № 2а — отсутствует.	—	Двойное — матери с ребенком; одновременное.	От скелета ребенка остались лишь кости грудной клетки.
0.01—0.05 м.	№ 3а — 1 фрагмент кости со следами обработки.	—	Одновременное.	Сохранность костей плохая.
До 0.06 м.	1 костяной и 1 кремневый наконечники, 1 ложило (1 кремневый скребок в засыпи), 2 клыка медведя, 1 галька со следами употребления, 71 резец лося, 1 кремневая пластинка с ретушью (нож?).	—	—	То же.
0.02—0.07 м.	№ 5—1 кремневый нож, 3 костяных проколки, 1 клык медведя, 2 костяных поделки, 21 резец лося, 25 бобровых пластинок; № 6—1 сланцевый нож, 1 клык медведя, 8 резцов лося.	Коренные зубы бобра, фаланги и зубы лося, часть копыта лося, кости птицы.	Одновременное.	» »
Очень слабая.	—	—	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
0.02—0.06 м.	№ 8 — 1 сланцевый топорик, 1 сланцевая галька со следами заглаженности, 1 костяная поделка, клык медведя, 3 резца лося, 1 ложило; № 9 — 1 поделка из камня — шлифовальная плитка (?), 1 клык медведя, 80 резцов лося, 5 бобровых пластинок.	№ 8 — кости птицы; № 9 — зуб животного — подвеска.	Общая могильная яма, одновременное.	Сохранность костей очень плохая.
Слабая засыпка дна могилы.	—	—	—	—

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
11	От пикета e_{43} 0.45—0.53 м.	На В с отклонением к С.	На спине, вытянутое, правая рука — вдоль туловища, левая — согнута в локте.	Едиичное.	—
12	От дневной поверхности 0.71 м.	На СВ (?).	Сильно разрушено карьером.	»	—
13-14	От дневной поверхности: № 13—1.00— —0.62 м, № 14 —0.96—0.57 м.	На В с отклонением к С.	№ 13 — на спине, вытянутое; № 14 на спине, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте.	Двойное, рядом.	—
15	От пикета d_{43} 0.73—1.15 м.	На В с небольшим отклонением к С.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук — в области таза.	Едиичное.	Мужской (?).
16	От пикета $ж_{43}$ 0.38—0.49 м.	На В.	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза.	»	—
17	—	—	Почти совершенно уничтожено карьером.	»	—
18	От пикета e_{42} 0.63—0.80 м.	На В.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук — в области таза.	»	—
19	От пикета z_{43} 0.85—0.93 м.	На В с отклонением к С.	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза.	»	—
20	До 0.65 м.	—	Сильно разрушенное.	»	—
21	От пикета z_{43} 0.62—0.74 м.	На В с отклонением к С.	На спине, сильно разрушено ямой.	»	Мужской.
22	От пикета $Я_{43}$ 0.63—0.72 м.	На В.	На спине, вытянутое, руки плохо прослеживаются.	»	—
23	От пикета z_{43} 0.50—0.53 м.	То же.	На спине, в первоначальном положении сохранились лишь кости ног, череп отсутствует.	»	—
24	От пикета a_{44} 0.82—0.71 м.	На В с отклонением к Ю.	Разрушено в средней части, видимому, положение вытянутое.	»	—

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
0.03—0.05 м.	Костяной наконечник.	—	—	Сохранность костей плохая.
Дно могильной ямы густо засыпано охрой.	—	—	—	—
Густая.	№ 13 — 3 подвески из ульны бобра, 2 костяных подвески, 1 костяное острие и 9 обломков костяных острий, 56 резцов лося, 7 бобровых пластинок, 1 сланцевый отщеп; № 14 — 1 костяной наконечник, 33 резца лося.	№ 13 — кости бобра; № 14 — кости птиц.	Одновременное.	Сохранность костей плохая. Значительная часть скелета № 13 уничтожена карьером.
0.03—0.05 м.	11 бобровых пластинок.	—	—	Под черепом положены камни.
0.02—0.05 м.	1 костяной наконечник, 5 костяных подвесок, 46 резцов лося.	—	—	Сохранность костей плохая. В ногах — небольшая обкладка из камней.
Красное охристое пятно.	7 резцов лося и 5 бобровых пластинок.	—	—	—
До 0.03 м.	1 резная из кости фигура женщины.	—	—	Сохранность костей плохая.
0.01—0.05 м.	12 костяных наконечников, 16 обломков костяных поделок, 1 сланцевый нож, 1 клык медведя, 3 кремневых наконечника стрел, 10 кремневых пластинок.	—	—	—
Средняя.	2 резца лося.	—	—	—
Слабая.	1 резец лося.	—	—	Сохранность костей плохая.
0.02—0.04 м.	1 кремневый нож.	—	—	Сохранность костей исключительно плохая.
До 0.04 м.	1 костяная скульптура человека, 1 костяная скульптура змеи, 7 резцов лося, 3 бобровых пластинки.	—	—	Погребение повреждено карьером.
Очень интенсивная.	1 кремневый ножичек, 1 кремневая пластинка, 1 костяная пластинка с отверстиями, 1 клык медведя, 3 бобровых пластинки.	—	—	—

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
25	От пикета ϵ_{43} 0.50—1.15 м.	То же.	Необычное. Верхняя часть туловища и череп лежали горизонтально. Ноги опущены в яму. Кости рук от локтей направлены под углом вниз.	Едиличное.	—
26-27-28	От пикета ϵ_{44} 0.49—0.51— —0.57 м.	» »	Вытянутое, на спине.	Тройное.	Мужской.
29	От дневной поверхности 0.67 м.	—	Частично разрушено. На спине, голова повернута вправо.	Едиличное.	—
30	От дневной поверхности 0.82—0.84 м.	На ЮВ (120°).	На спине, в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, череп повернут вправо.	»	—
31	От пикета $\mathcal{A}_{49}$ 0.61—0.74 м.	На В.	На спине в вытянутом положении.	»	—
32	От пикета $\mathcal{A}_{50}$ 0.71 м.	—	На спине, голова повернута вправо, нижняя половина скелета уничтожена карьером.	»	—
33	От пикета $\mathcal{I}_{46}$ 0.66—0.70 м.	На В.	Скорченное, на правом боку, ноги прижаты друг к другу, руки согнуты в локтях и направлены к подбородку.	»	—
34	От пикета $\mathcal{I}_{44}$ 0.65—0.74 м.	То же.	На правом боку, ноги прижаты друг к другу, как бы связаны.	»	—
35	От пикета $\mathcal{D}_{44}$ 0.70—0.65 м.	» »	На спине, череп повернут налево, кисть левой руки в области таза, правая отсутствует, берцовые кости соприкасаются.	»	—
36	От пикета $\mathcal{I}_{44}$ 0.61—0.67 м.	На В с некоторым отклонением к Ю.	На спине, руки вытянуты вдоль туловища.	»	—
37	От пикета $\mathcal{A}_{43}$ 0.66—0.70 м.	То же.	На спине, вытянутое.	»	—
38	От пикета $\mathcal{A}_{43}$ 0.62 м.	На В (?).	Сильно разрушено.	»	—
39	От пикета $\mathcal{I}_{42}$ 0.79—0.70 м.	На В.	На спине, вытянутое, руки не прослеживаются.	»	—

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Очень интенсивная.	5 костяных наконечников стрелы, 4 обломка костяных поделок, 1 кремневая пластинка, 1 клык медведя, 26 резцов лося, 40 бобровых пластинок.	Челюсть собаки, зубы лося.	—	К северу от скелета, за пределами охристого пятна находилось углубление округлых очертаний (0.30 × 0.45 м), заполненное охрой и мелкими костями животных (перезаженными?).
До 0.05 м.	№ 26 — 3 костяных наконечника и 10 обломков костяных предметов; № 27 — отсутствует; № 28 — 4 резца лося.	—	Одновременное.	Сохранность костей очень плохая. В области ног погребения № 27 — небольшое сооружение из камней, в форме круга, внутри охра, сверху покрыто круглой плитой.
Интенсивная.	5 резцов лося.	2 трубчатых кости животных.	—	Сохранность костей плохая.
»	1 сланцевый нож, 2 клыка медведя, 1 костяная подвеска, 2 обломка костяных наконечников, 1 костяное острие.	—	—	То же.
0.01—0.02 м.	1 костяной наконечник, 1 плоская галька, 2 клыка медведя.	—	—	» »
Слабая.	1 кремневый наконечник.	—	—	Сохранность костей очень плохая.
Очень слабая.	—	—	—	То же.
Едва заметная.	—	—	—	» »
Слабая.	1 сланцевая плитка, 5 резцов лося, 5 пластинок из резцов бобра.	—	—	Сохранность костей плохая.
0.02—0.07 м.	1 костяной наконечник и значительное количество мелких обломков костяных наконечников стрел, 1 сланцевый нож, 3 клыка медведя, 27 бобровых пластинок.	—	—	То же.
Очень слабая.	—	—	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
Интенсивная.	8 костяных наконечников стрел и много их мелких обломков, 2 кремневых наконечника, фрагменты костяных поделок, 4 резца лося и 13 бобровых пластинок.	4 трубчатых кости животных.	Могильная яма частично нарушена погр. №№ 40, 41.	Сохранность костей очень плохая.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
40	От пикета Э ₄₆ 0.72—0.70 м.	На В с отклонением к Ю.	На спине, вытянутое.	Двойное, разновременное (?).	—
41	То же.	То же.	Скорченное, ноги согнуты в коленях, кости рук направлены к подбородку.	»	—
42	От пикета Ч ₄₂ 0.63—0.71 м.	» »	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук в области таза.	Единичное.	—
43	От пикета Ю ₄₂ 0.80—0.75 м.	На В с отклонением к С.	На правом боку, скорченное, руки вытянуты вдоль туловища, ноги от колен согнуты под углом и направлены назад.	»	—
44	От пикета Я ₄₁ 0.79—0.75 м.	На В.	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза.	»	—
45	От дневной поверхности 0.75—0.71 м.	То же.	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза, череп повернут вправо.	»	—
46-47	От дневной поверхности 0.63 м.	На В с отклонением к Ю.	№ 46 — на спине, вытянутое, руки — вдоль туловища, правая слегка согнута в локте; № 47 — на спине, вытянутое, левая рука согнута в локте и кисть направлена к подбородку.	Двойное, в одной плоскости; одновременное.	погр. 46— Мужской (?).
48	От дневной поверхности 0.68—0.57 м.	На В с небольшим отклонением к С.	Сохранился плохо, повидимому, на спине, в вытянутом положении.	Единичное.	—
49	От дневной поверхности 0.50—0.55 м.	На В с отклонением к Ю (100°).	На спине, вытянутое, правая рука — вдоль туловища, левая слегка согнута в локте.	»	Мужской, возмужалый.
50	От дневной поверхности 0.68 м.	На В.	На спине, вытянутое, правая рука слегка согнута в локте.	»	Женский (?).
51	То же.	То же.	На спине, череп повернут на правую сторону, руки вытянуты; нижняя часть погребения разрушена.	Единичное, более позднее.	—

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Очень слабая.	—	—	В одной могильной яме с № 41.	Сохранность костей очень плохая (за исключением костей ног).
То же.	—	—	—	То же.
0.02—0.04 м.	1 костяной наконечник, 1 кремневый отщеп.	—	—	—
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
—	1 трехгранный обломок песчаника с орнаментом.	—	—	—
Интенсивная.	33 костяных и 23 кремневых наконечника, 2 сланцевых ножа, 10 кремневых пластинок, 1 кремневый отщеп, 3 клыка медведя, 23 резца лося, 30 бобровых пластинок, 9 костяных подвесок, 9 обломков костяных наконечников стрел, 1 ложило.	Фаланга животного, трубчатая кость.	—	На груди, коленях и у левого плеча скелета лежали камни средней величины. Удлиненно-овальная могильная яма.
Интенсивная, особенно на дне могильной ямы.	№ 46 — 2 костяных наконечника стрелы, 15 клыков медведя, 22 резца лося, 18 пластинок из резцов бобра; № 47 — 8 костяных и 11 кремневых наконечников стрел, 1 сланцевый нож, 18 кремневых пластинок, 1 клык медведя, 21 резец лося, 23 пластинки из резцов бобра, 4 подвески из костей животных.	Кость животного.	Общая могильная яма, дно корытообразное.	—
Слабая.	1 кремневый отщеп удлиненной формы, 2 костяных пластинки, 10 бобровых пластинок.	—	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
Слабая; в области черепа до 0.06 м.	2 обломка костяных наконечников.	—	—	То же.
Слабая.	1 костяной наконечник, 1 сланцевая плитка, 48 резцов лося.	—	В одной могильной яме с № 51; № 50 залегал ниже № 51.	Скелет заложен сверху камнями средней величины, плотно прилегающими друг к другу.
—	Костяной наконечник.	—	—	Череп обложен камнями.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головой	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
52	От пикета P_{24} 1.00—0.92 м.	На В с отклонением к С (69°).	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза.	Единичное.	Женский возмужалый.
53	От пикета P_{23} 0.73—0.76 м.	То же.	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, кисть — в области таза, правая рука вдоль туловища.	»	Женский, зрелый.
54	От пикета O_{23} 0.94—0.99 м.	На В (90°).	На спине, вытянутое, руки направлены вдоль туловища и несколько согнуты в локтях.	»	Мужской, старческий.
55-56-57	От пикета H_{21} 1.16—1.22 м.	На СВ (57°).	№ 55 — на правом боку в $3/4$, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза, череп повернут вправо; № 56 — на спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза; № 57 — на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза, череп повернут влево.	Тройное, в одной плоскости, в непосредственном контакте друг с другом.	№ 55 — женский, возмужалый; № 56 — мужской, зрелый; № 57 — женский, возмужалый.
58	От пикета H_{20} 0.93—0.79 м.	На В (89°).	На левом боку, вытянутое, руки выдвинуты вперед.	Единичное.	Мужской, зрелый.
59	От пикета H_{20} 1.25 м (череп); от пикета M_{21} 1.15 м (ноги).	На В (87°).	На спине, вытянутое, кисти рук — в области таза.	»	То же.
60	От пикета L_{21} 0.88—1.10 м.	На В.	На спине, вытянутое, руки — вдоль туловища.	»	» »
61	От дневной поверхности 0.85—0.90 м.	На В с отклонением к Ю (115°).	На левом боку, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях и откинуты влево.	»	—
62	От пикета I_{15} 0.76—0.82 м.	На В с отклонением к С (67°).	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, кисть правой — в области таза.	»	Женский, взрослый.
63	От пикета H_{15} 0.85—0.88 м.	На СВ (45°).	На спине, вытянутое, голова повернута влево, кисти рук в области таза.	»	Женский (?).

Степень насыпни охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей очень плохая.
Слабая (только на костях скелета).	1 резец лося.	—	—	Сохранность костей плохая.
Очень слабая.	1 костяной наконечник.	—	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая, кости ног смещены.
0.06 м.	№ 55 — 1 костяной наконечник, 2 поделки из кости, 18 пластинок из резцов бобра, 1 резец лося; № 56 — 2 сланцевых ножа, 2 клыка медведя, 1 роговая рукоять с головой лося на конце, 1 костяная поделка, 1 галька, 72 реза лося и 5 бобровых пластинок; № 57 — 1 резное из кости изображение змеи, 112 резцов лося, 10 бобровых пластинок.	№ 55 — 13 трубчатых костей птицы; № 56 — кости волка и птицы, зубы северного оленя; № 57 — зуб бурого медведя, кость животного.	Одновременное.	Общая каменная кладка
0.01—0.02 м.	1 костяное кинжаловидное орудие, 1 костяная зубчатая поделка в двух обломках, 100 резцов лося, 2 бобровых пластинки.	Кости птицы или мелкого животного.	—	Сохранность костей очень плохая.
0.05—0.06 м.	1 кремневый наконечник, 2 сланцевых ножа, 113 резцов лося, 1 бобровая пластинка, 1 клык собаки с парезкой.	—	—	—
0.02—0.03 м.	1 костяное кинжаловидное орудие.	—	—	Нижняя часть костяка разрушена погребением № 59.
—	10 костяных наконечников, 1 костяной кинжал с рукоятью в виде головки лося, 1 костяной стержень с выемкой, 2 костяных подвески с отверстием, 1 сланцевый нож, 2 клыка медведя, 120 резцов лося, 8 тонких костяных пластинок — подвески, поделка из кости.	Зубы северного оленя, кости птицы, челюсть северного оленя.	—	Сохранность костей плохая, частично разрушен.
Средняя, дно могильной ямы открыто густо.	1 пластинка из роговика.	—	—	Скелет сохранился частично.
Слабая.	—	—	—	—

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентированная головой	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
64	От пикета H_{15} 0.82—0.69 м.	На В с отклонением к С (66°).	На спине, вытянутое, руки — вдоль туловища, частично разрушено задней ямой.	Едиичное.	Женский (?), юношеский.
65-66	От пикета M_{16} 0.90—1.03 м.	На В с отклонением к С (67°).	№ 65 — на правом боку, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук в области таза; № 66 — на правом боку, на $\frac{3}{4}$ влево, ноги несколько согнуты в коленях, кисти рук соединены ниже таза.	Двойное.	№ 65 — мужской, старческий; № 66 — женский, возмужалый.
67	От пикета L_{15} 0.77—0.92 м.	На В.	На спине, вытянутое, слегка повернут на левый бок. Левая рука — вдоль туловища, правая согнута в локте под прямым углом.	Едиичное.	Мужской, старческий.
68	От пикета L_{14} 0.81—1.46 м.	Лицом на З.	Вертикальное, кости сползли вниз.	»	Женский, зрелый.
69	От пикета L_{14} 0.77—0.93 м.	На В.	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, кисть руки — в области таза.	»	Мужской, возмужалый.
70	От дневной поверхности 0.75—1.10 м.	—	Разрушено ямой, порядок костей скелета совершенно нарушен.	»	Юношеский.
71	От пикета Z_{15} 0.95—0.99 м.	На СВ (60°).	На спине, вытянутое, кисти рук в области таза.	»	Мужской, старческий.
72	От пикета L_{14} 0.46—0.57 м.	На В с отклонением к С (70°).	На спине, вытянутое, левая рука слегка согнута в локте, кисть — в области таза, правая рука вытянута.	»	Женский, зрелый.
73	От пикета $Ж_{15}$ 0.81—0.79 м.	На В с отклонением к Ю.	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, правая кисть — в области таза, левая — на животе.	»	Мужской, возмужалый.
74	От пикета $Ж_{15}$ 0.82—0.77 м.	То же.	На спине, вытянутое, руки направлены вдоль туловища.	»	Юношеский.
75	От пикета M_{12} 0.54—0.64 м.	На В с отклонением к С (73°).	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Мужской (?), молодой.

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Слабая.	10 костяных наконечников очень плохой сохранности, 1 кремневый наконечник, 1 фигура лося из рога, 1 сланцевая шлифовальная плитка, 1 костяная и 1 кварцитовая подвески, 6 клыков медведя, 100 резцов лося, 20 бобровых пластинок.	Кости северного оленя и птицы, коренные зубы бобра и лося.	—	Сохранность костей очень плохая.
Интенсивная, особенно dna могильной ямы.	№ 65 — 62 резца лося; № 66 — клык медведя, 4 бобровых пластинок.	Кости птицы.	Одновременное.	Общая могильная яма.
Интенсивная.	1 сланцевый нож, 1 клык медведя, 3 трубчатых кости птицы с нарезками (игольники?), 33 резца лося.	Череп лося, кости птицы, кости животных.	—	Могильная яма корытообразной формы.
Относительно слабая.	8 костяных наконечников стрел, 28 костяных подвесок, 1 резная головка лося из кости, 1 клык медведя, 135 резцов лося, 87 бобровых пластинок, 1 длинное сланцевое орудие.	3 зуба бурого медведя.	—	Могильная яма обложена камнями.
Очень интенсивная.	1 костяной наконечник, 4 части костяных рыболовных крючков, 1 сланцевый нож, 7 игл для плетения сетей, 1 игольник, 7 костяных подвесок, 188 резцов лося, 25 бобровых пластинок.	Кости птицы.	—	Сохранность костей плохая.
Густая.	1 кремневый наконечник стрелы, 1 фрагментированная костяная поделка, 1 клык медведя, 66 резцов лося, 3 бобровых пластинок, 1 поделка из кости с отверстием.	—	—	Инвентарь найден в выбросе ямы.
—	1 обломок костяного наконечника.	—	—	Сохранность костей очень плохая.
Слабая.	1 бобровая-пластинка.	—	—	То же.
До 0.01—0.03 м.	18 костяных наконечников, 3 кремневых наконечника, 3 гарпуна, 1 кремневый нож, 1 сланцевый нож, 3 кремневые пластинки, 3 клыка медведя.	—	—	—
0.04—0.05 м.	1 кремневый нож, 1 отщеп кремня, 1 обломок костяной поделки, 15 резцов лося.	Кости птицы, зубы волка.	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
Слабая.	—	—	—	—

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
76	От пикета Л ₁₃ 0.90—0.95 м.	На В (90°)	На спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова повернута вправо.	Единичное.	Мужской, зрелый.
76а	От пикета Л ₁₃ 1.02—1.04— —1.05 м.	На В.	На спине, вытянутое, правая рука — вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью соединена с правой.	»	Мужской, возмужалый.
77	От пикета П ₁₁ 0.71—0.72 м.	—	Погребение разрушено старой ямой.	»	—
78	От пикета М ₁₀ 1.27—1.33 м.	На В с отклонением к С (67°).	Погребение сохранилось лишь частично.	»	Женский, старческий.
79	Глубина полевой документации не устанавливается.	На В с отклонением к С (75°).	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, кисть ее — в области таза, правая рука вдоль туловища.	»	Мужской, возмужалый.
80-81	От пикета Л ₁₀ 0.72—0.79 м.	На В (90°).	№ 80 — вытянутое; № 81 — на спине, вытянутое, слегка повернуто на левый бок, лицом к погребению № 80.	Двойное.	№ 80 — детский II; № 81 — мужской, зрелый.
82	От погребенной почвы 0.98— —1.18 м.	На В с отклонением к С (75°).	На спине, руки вытянуты вдоль туловища.	Единичное.	Мужской (?).
83	От пикета М ₁₀ 1.20—1.35 м.	То же.	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Женский, возмужалый.
84-85	От пикета Л ₁₀ 0.86—0.76 м.	На В (90°).	№ 84 — положение не прослеживается; № 85 — на спине, вытянутое, руки — вдоль туловища, ноги в коленях плотно сжаты.	Двойное.	№ 84 — детский II; № 85 — мужской, возмужалый.
86	От пикета К ₁₁ 0.95—0.88 м.	На В.	Прослеживается с трудом.	Двойное разновременное.	Женский, старческий.

Степень запыль-ности охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залежание в общей могильной яме	Примечания
Интенсивная.	3 сланцевых ножа, 3 клыка медведя, 1 сланцевое тесло, 1 обломок костяной поделки, 125 резцов лося и 9 бобровых пластинок.	—	—	Сохранность костей плохая, костяк заложен сверху одним рядом крупных камней.
Очень интенсивная.	3 кремневых накопечника, 1 сланцевый нож, 1 костяная проколка, 1 костяная поделка — подвеска, 140 резцов лося и 25 бобровых пластинок.	—	В одной могильной яме с № 76, но ниже его.	—
Слабая.	1 фрагмент бобровой пластинки, 3 фрагмента костяных поделок.	—	—	—
Очень слабая.	—	—	—	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
Интенсивная.	№ 80 — 1 костяная проколка, 1 резец лося; № 81 — 17 костяных наконечников стрел и 10 обломков, 1 песчаниковая плита, 1 отщеп кремнистого сланца, 2 головки лося из кости, 106 резцов лося, 54 бобровых пластинки, 1 костяная проколка.	—	Одновременное.	№ 80 — сохранность костей очень плохая.
Слабая.	1 костяное лошило, 4 сланцевых ножа, 1 сланцевый топорик, 1 обломок сланцевого орудия 1 головка лося из кости, 14 бобровых пластинок, обломок костяной поделки.	Зубы северного оленя, кости птицы.	—	Нижняя часть погребения разрушена кустарной ямой.
Средняя.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
До 0.08 м.	№ 84 — отсутствует; № 85 — 1 костяной наконечник и много фрагментов, 10 кремневых наконечников, 4 сланцевых ножа, 3 кремневых вкладыша, 3 части рыболовных крючков, 2 кремневых отщепы, 1 сланцевая плитка, 1 костяная подвеска, 11 обломков костяных поделок, 8 клыков медведя, 265 резцов лося, 67 бобровых пластинок.	№ 85 — кости птицы и животных.	Одновременное.	№ 84 — сохранность костей чрезвычайно плохая.
Средняя.	1 пластинка из кремнистого сланца с ретушью, 1 отщеп кремня, 1 костяная подвеска, 1 обломок костяной поделки, 43 резца лося, 7 бобровых пластинок.	—	В одной могильной яме с № 87; № 86 несколько ниже, очевидно, более раннее.	Сохранность костей очень плохая.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
87	От пикета K_{11} 0.83—0.88 м.	На В с отклонением к С.	На спине, вытянутое, голова повернута влево, правая рука согнута в локте, ноги (от таза) положены на скелет № 86.	То же.	Женский, юношеский.
88	От пикета J_{12} 0.60—0.81 м.	На СВ (60°).	Вытянутое, сохранились лишь незначительные остатки костей скелета.	Единичное.	Мужской, взрослый.
89	От пикета K_8 0.76—0.62 м.	На ЮЗ.	На спине, вытянутое, руки вдоль туловища, кисти рук — на левом бедре.	»	Мужской, зрелый.
90	От пикета E_4 0.70—0.73 м.	На СВ (45°).	На спине, вытянутое, руки — вдоль туловища.	»	Мужской, старческий.
91	От пикета I_8 0.73—0.80 м.	На В с отклонением к С (63°).	На спине, вытянутое, руки вдоль туловища.	»	Женский (?), взрослый.
92	От пикета H_7 0.82—0.88 м.	На СВ (57°).	Прослеживается с трудом, повидимому, на спине.	»	Детский II.
93-94	От пикета M_7 0.88—0.85 м.	На В с отклонением к С (75°).	№ 93 — вытянутое, на правом боку, левая рука согнута в локте, кисть — в области таза; № 94 — вытянутое, на левом боку.	Двойное, лицом друг к другу.	№ 93 — женский, зрелый; № 94 — женский возмужалый.
95	На 0.10—0.12 м. ниже погребения № 93-94.	То же.	Погребение нарушено более поздним захоронением № 93-94.	Единичное.	Женский, юношеский.
96	От пикета H_6 0.71—0.81 м.	На В с отклонением к С (69°).	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте.	»	Мужской, возмужалый.
97	От пикета O_5 0.72—0.69 м.	На В (97°).	На спине, вытянутое, левая рука вытянута вдоль туловища, кисть между бедрами, правая рука не прослеживается.	»	Женский, возмужалый (?).
98	От пикета H_7 0.74—0.82 м.	На В с отклонением к Ю.	На спине, вытянутое, череп на правой стороне, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Мужской, зрелый.
99	От пикета H_7 0.80—0.74 м.	На В с отклонением к С.	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Мужской (?), зрелый.
100	От пикета M_7 0.59—1.54 м.	Лицом на ЮЗ.	Вертикальное, руки опущены вдоль туловища, кости предплечья и кисти рук сползли вниз, череп отсутствовал.	»	Мужской, возмужалый.

Приложение II

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Средняя.	6 пластинок из резцов бобра.	Кости какого-то животного или птицы.	—	То же.
Слабая.	—	—	—	—
Почти не прослеживается.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
0.04 м.	Группа наконечников из кости, минимум 10 экз.	—	—	Сохранность костей очень плохая, могильная яма имела корытообразную форму.
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей очень плохая.
До 0.01—0.02 м.	22 резца лося.	Трубчатая кость птицы.	—	То же.
Интенсивная.	№ 93 — кремневая пластинка — нож, 1 костяное лощило; № 94 — отсутствует.	—	Одновременное.	Могильная яма корытообразной формы.
—	3 сланцевых ножа, 4 клыка медведя, 67 резцов лося, 12 бобровых пластинок, шлифовальная плитка.	—	В общей могильной яме с погр. № 93—94, но более раннее.	Сохранность костей чрезвычайно плохая.
Слабая.	83 резца лося.	—	—	То же.
До 0.08 м.	1 кремневый наконечник, 135 резцов лося, 36 бобровых пластинок.	Коренные зубы лося, челюсть животного.	—	Сохранность костей плохая.
Интенсивная.	1 костяная поделка.	—	В одной могильной яме с № 99; № 98 более раннее.	То же.
0.02—0.03 м.	6 костяных наконечников, 1 резец лося.	Кости птицы.	—	То же.
Очень интенсивная, в верхней части до 0.15 м.	10 костяных и 16 кремневых наконечников, 3 сланцевых и 1 кремневый нож, 4 кремневых пластинки, 2 костяных гарпуна и 1 кинжал, 1 кремневый отщеп, 2 клыка медведя, 6 челюстей бобра с отверстиями, 303 резца лося и 126 бобровых пластинок, 1 костяной штамп.	Позвонки животного и кости птицы.	—	Могильная яма обложена камнями.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
101	От пикета Л ₇ 0.88—0.91 м.	На В (90°).	На спине, вытянутое, череп повернут влево, руки вытянуты вдоль туловища.	Единичное.	Женский, возмужалый.
102	От пикета Л ₇ 1.02—1.07 м.	То же.	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	То же.
103-104-105	От пикета Л ₇ 0.88—0.96 м.	На В с отклонением к С (66°).	№ 103 — на спине, вытянутое, руки направлены вдоль туловища, кисти рук — в области таза; № 104 — на спине, вытянутое, руки вдоль туловища, кисти рук — в области таза; № 105 — на спине, руки согнуты в локтях и соединены на груди.	Тройное.	Детский.
106	От пикета Л ₇ 0.81—0.95 м.	На В с отклонением к С (78°).	На спине, вытянутое, правая рука — вдоль туловища, левая отсутствует.	Единичное.	Женский, зрелый.
107	От пикета К ₇ 0.93—0.99 м.	На В с отклонением к С (75°).	На спине, вытянутое, руки вдоль туловища.	»	Женский, возмужалый.
108	От пикета И ₈ 0.76—1.03 м.	На В (85°).	На спине, вытянутое, правая рука вдоль туловища, левая отсутствует.	Двойное, разновременное(?).	Мужской, возмужалый.
109	От пикета И ₈ 1.00—1.01 м.	То же.	Сохранился в очень незначительной части.	»	Детский II.
110-111	От пикета К ₆ 0.68—0.66 м, 0.70—0.64 м.	На В.	№ 110 — на спине, вытянутое, череп повернут влево, правая рука согнута в локте, кисть — в области таза; № 111 — на спине, вытянутое, череп повернут вправо.	»	№ 110 — женский, старческий; № 111 — женский, возмужалый.
112	От пикета О ₄ 0.62—0.72 м.	На В (90°).	На спине, вытянутое, руки вдоль туловища, череп повернуть влево.	Единичное.	Взрослый.
113	От пикета Н ₄ 0.70—0.80 м.	На В с отклонением к Ю (115°).	Разрушенное. Анатомический порядок костей нарушен, большинство их отсутствует.	»	Мужской, зрелый.

Степень запытки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Загелание в общей могильной яме	Примечания
Слабая.	27 резцов лося.	—	—	Сохранность костей плохая.
0.04—0.10 м.	1 кремневый нож, 1 обломок костяной пластинки с орнаментом и 1 часть рыболовного крючка, 11 костяных подвесок, 1 клык медведя, 120 резцов лося.	—	—	—
Интенсивная.	№ 103 — 1 сланцевый нож, 1 клык медведя, 16 бобровых пластинок; № 104 — 2 целых и несколько обломков костяных наконечников; № 105 — 11 бобровых пластинок.	Челюсть бобра.	Погребения №№ 103, 104 одновременные, погребение № 105, возможно, более раннее. Обнаружены отдельные кости четвертого захоронения (женского).	Сохранность костей очень плохая.
Очень слабая.	1 обломок костяной пластинки, 26 резцов лося и 2 бобровых пластинок.	—	—	То же.
Очень интенсивная.	1 костяной наконечник, 1 сланцевый нож, 1 пластинка из кремнистого сланца, 1 фрагмент костяной поделки, 1 клык медведя, 274 резца лося, 61 бобровая пластинка.	Зубы северного оленя.	Могильная яма прорезала № 106 и частично его разрушила.	—
То же.	2 костяных и 3 кремневых наконечника, 3 сланцевых ножа, 1 кремневый, часть рыболовного крючка, 4 клыка медведя, 16 резцов лося, 14 бобровых пластинок, 2 костяных подвески.	Кости животного, зубмелкого животного.	В одной могильной яме с № 109; № 108 более раннее.	Сохранность костей очень плохая
То же.	4 гальки с просверленными отверстиями, 2 резца лося и 15 бобровых пластинок.	То же.	—	Обнаружены разрозненные кости третьего погребения.
Слабая.	№ 110 — галька и 3 бобровых пластинок; № 111 — 1 костяной наконечник и 8 обломков, 1 галька, 3 клыка медведя, 44 резца лося и 9 бобровых пластинок.	№ 111 — зубы волка и кости птицы.	Одновременное.	Сохранность костей плохая.
»	—	—	—	Могильная яма корытообразной формы.
Средняя.	6 целых кремневых наконечников и 1 обломок, 1 пластинка-вкладыш, 2 сланцевых ножа, 5 клыков медведя, 30 костяных подвесок, 46 резцов лося, 4 бобровых пластинок, 1 костяной стержень с отверстием.	—	—	Могильная яма овальной формы и с корытообразным дном. Сохранность очень плохая.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
114	От пикета O_5 0.70—0.68 м.	На В.	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук в области таза.	Еди́нчное.	Мужской, возмужалый.
115	От пикета H_4 0.87—0.83 м.	На В (90°).	На спине, вытянутое, голова повернута влево, правая рука вдоль туловища.	»	Мужской, возмужало-зрелый.
116	От пикета H_4 0.90—1.03 м.	На СВ.	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, кисть — на тазе.	»	Женский, юношеский.
117	От пикета L_4 0.99—1.04 м.	На В (90°).	Незначительные остатки скелета.	»	Мужской, возмужалый.
118	От пикета L_4 0.97—0.98 м.	То же.	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях.	»	Женский, юношески-возмужалый.
118а	От пикета L_4 0.98—1.07 м.	На В (87°).	Положение скелета определяется с трудом, повидимому, вытянутое (находится под погребениями №№ 117, 118).	»	Мужской, взрослый.
119	От пикета L_5 0.80—0.87 м.	На В (85°).	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте.	»	Мужской, возмужалый.
120	От пикета L_6 1.05—1.18 м.	На В с отклонением к С (78°).	На правом боку, вытянутое, руки вытянуты и откинута вправо, левая кисть на тазе.	»	Мужской, зрелый.
121-122	От пикета L_6 0.90—0.95 м.	На В с отклонением к С (67°).	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях.	Двойное.	№ 121 — детский II; № 122 — детский I.
122а	От дневной поверхности 0.65 м.	—	Разрушенное.	Еди́нчное.	Детский II.

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
Интенсивная.	1 скребок и 1 резец в костяных оправах, 1 костяной наконечник, 2 сланцевых ножа, 1 кремневый нож, 3 клыка медведя, 65 резцов лося и 103 бобровых пластинки, 1 костяная пластинка с орнаментом зигзагами, 1 костяной кинжал.	Фрагменты черепа животного.	—	Могильная яма овальной формы, дно корытообразное.
0.04—0.05 м.	1 головной убор из бобровых пластинок, 9 костяных наконечников, 1 пластинка из роговика, 2 клыка медведя, 57 резцов лося, 33 бобровых пластинки, 1 костяная поделка.	Зубы волка.	—	На глубине 0.50 м. от поверхности могильная яма обложена кольцом довольно крупных камней.
Средняя.	1 клык медведя с остатками челюсти, 1 резец лося, 1 обломок костяной поделки, 1 челюсть молодого бобра, 1 проколка.	Челюсть бурого медведя, кости бобра, зубы волка, кости птицы.	—	Могильная яма имела вытянутую овальную форму.
Интенсивная.	1 кремневый отщеп с частичной ретушью, 1 сланцевое орудие (грузино?), 13 резцов лося.	Кости мелкого животного.	В одной могильной яме с № 118; № 117 более раннее.	Обнаружены отдельные кости третьего захоронения.
»	1 кварцевый наконечник стрелы, 4 кремневых отщепа, из которых один скребок, 1 отщеп сланца, 18 резцов лося, 3 бобровых пластинки.	То же.	—	—
До 0.08 м.	9 костяных, 1 кремневый и 8 кварцевых наконечников стрел, 2 сланцевых ножа, 1 наконечник из роговика, 2 кремневых отщепа, 4 клыка медведя, 2 обломка костяных наконечника, 30 резцов лося, 40 бобровых пластинок, 1 наконечник гарпуна.	—	—	—
Средняя; засыпка дна могильной ямы интенсивная.	5 сланцевых ножей, 4 клыка медведя, 2 кремневых отщепа, 13 резцов лося, 8 бобровых пластинок, 4 фрагмента костяных поделок.	Зуб лося и кости птицы.	—	Правая половина скелета разрушена.
0.05—0.10 м.	1 кремневый наконечник, 5 сланцевых ножей, 4 клыка медведя, 1 кремневый и 1 кварцевый отщепы, фрагменты костяных поделок.	—	—	—
Интенсивная.	№ 121 — 7 костяных наконечников и 4 обломка, 5 бобровых пластинок; № 122 — 1 бобровая пластинка.	—	Одновременное.	Сохранность костей плохая.
Средняя.	1 фрагмент костяной пластинки.	—	—	Могильное пятно неправильных овальных очертаний.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
123	От пикета Л ₆ 0.70 м.	—	Вертикальное, кости сползли вниз.	Единичное.	Женский, юношеский.
124	От пикета Л ₅ 0.74—0.85 м.	На В с отклонением к Ю (105°).	На спине, вытянутое.	»	Женский, возмужалый.
125	От пикета Л ₄ 0.69—1.78 м.	Лицом на ЮЗ (120°).	Вертикальное, кости сильно сползли вниз.	»	Мужской, зрелый.
126	От пикета Л ₄ 0.63—0.81 м.	На ЮВ (169°).	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Женский (?).
127	От пикета Б ₃ 0.66—0.73 м.	На В с отклонением к Ю (114°).	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	»	Женский, старческий.
128	От пикета К ₆ 0.61—0.64 м.	На СВ (60°).	На спине, вытянутое, голова слегка повернута направо, руки согнуты в локтях, кисти рук — на тазе.	»	Мужской, зрелый.
129	От пикета Ж ₄ 1 м.	—	Разрушенное.	—	—
130	От пикета З ₁ 0.84—0.86 м.	На В с отклонением к Ю (105°).	На спине, с небольшим поворотом на левый бок, череп повернут влево, руки вытянуты вдоль туловища.	Единичное.	Мужской, (?) старческий.
131	От пикета Ж ₄ 0.75—0.85 м.	На В (90°).	Разрушенное, повидимому, вытянутое.	»	Мужской, зрелый.
132	От пикета Ж ₄ 0.72—0.68 м.	На ЮВ (138°).	На спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, правая — вдоль туловища.	»	То же.
133	От пикета Ж ₄ 0.88—1.02 м.	На ЮВ (129°).	На спине, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях и откинута вправо.	»	Мужской, возмужалый.
134	От пикета Ж ₆ 0.73—0.78 м.	—	Костей скелета не сохранилось.	—	—
135	От пикета Ж ₇ 0.72—0.67 м.	На В (90°).	На спине, руки вытянуты вдоль туловища.	Единичное.	Мужской, зрелый.
136	От пикета Е ₇ 0.93—1.00 м.	На СВ (60°).	На спине, вытянутое, правая рука — вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, череп повернут вправо.	»	То же.

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залежание в общей могильной яме	Примечания
Интенсивная.	5 клыков медведя, 10 резцов лося, 36 бобровых пластинок.	—	—	Длина костяка 0.60 м.
»	2 резца лося и 2 бобровых пластинки.	—	—	Погребение разрушено
Средняя.	4 обломка костяных поделок, 83 резца лося, 1 поделка из хряща, 1 фрагмент челюсти бобра, 1 фаланга медведя.	Кости бобра и птицы.	—	Скелет под углом в 45°, со всех сторон обложен камнями.
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей плохая. Нижняя часть костяка разрушена поздней ямой.
Интенсивная.	Фрагмент костяной поделки, 90 резцов лося, 3 бобровых пластинки.	Кости животного, зуб бобра.	—	Сохранность костей плохая.
Слабая.	—	—	—	—
Интенсивная.	3 костяных подвески, 9 резцов лося, 2 бобровых пластинки, 1 костяная поделка.	—	—	Сохранилось лишь охристое пятно, в котором был 1 зуб.
0.04—0.06 м.	1 человеческая фигурка из рога, 1 кусок песчаника, 1 фрагмент костяной поделки, 1 резец лося и 1 бобровая пластинка.	Кости птицы.	—	Могильная яма имела корытообразную форму. В затылочной части черепа имеется отверстие — трепанация (?).
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей очень плохая. Могильная яма с корытообразным дном.
Очень слабая.	1 поделка из трубчатой кости, 20 резцов лося, 3 расколотые трубчатые кости.	Кости медведя (?) и волка.	—	Сохранность костей плохая.
Средняя.	2 кремневых наконечника, 1 клык медведя, 15 резцов лося, 1 костяное украшение из 27 обломков.	Зубы северного оленя.	—	—
Интенсивная.	1 костяная поделка, 2 клыка медведя, 39 резцов лося и 1 бобровая пластинка.	—	—	Длина дна могилы 0.75 м.
»	4 костяных наконечника и 10 обломков, 1 сланцевый нож, 2 клыка медведя, 1 отщеп сланца, 1 костяная проколка, 1 ложило, 1 костяная поделка.	—	—	Сохранность костей очень плохая.
Слабая.	1 заготовка под орудие типа топорика (в засыпи), 3 пластины из резцов бобра, 1 обломок костяного наконечника.	—	—	Сохранность костей очень плохая, могильная яма узкая.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головы	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
137	От пикета E ₆ 0.62—0.66 м.	На В.	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	Едиличное.	Мужской, взрослый.
138	От пикета Ж ₆ 0.78—0.71 м.	На В с отклонением к С.	На спине, вытянутое, руки — вдоль туловища, череп повернут на $\frac{3}{4}$ вправо.	»	Мужской (?).
139-140	От пикета E ₅ 0.80—0.93 м.	На ЮВ (120—126°).	№ 139 — на спине, вытянутое, голова повернута вправо, левая рука согнута в локте; № 140 — на спине, вытянутое, левая рука согнута в локте, правая — вдоль туловища, ноги сближены.	Двойное.	Мужской, старческий.
141	То же.	То же.	Сохранилось частично.	Едиличное.	Женский, возмужалый.
142	От пикета E ₃ 1.17—1.08 м.	На ЮВ (135°).	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук в области таза.	»	Мужской, зрелый.
143	От пикета E ₇ 0.83—0.76 м.	На В с отклонением к Ю (100°).	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, руки раскинуты.	»	Женский, зрелый.
144	От пикета E ₆ 0.83—0.88 м.	На В с отклонением к С (72°).	На спине, вытянутое, средняя часть несколько приподнята, череп повернут вправо, руки вдоль туловища.	»	То же.
145	От пикета D ₅ 0.77—0.80 м.	На СВ.	На правом боку, вытянутое, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук отнесены вперед, ноги плотно сжаты.	»	Мужской, зрелый.
146	От пикета E ₄ 0.73—0.77 м.	—	Разрушенное. Повидимому, на правом боку.	»	Женский, зрелый.
147	От пикета B ₄ 0.52—0.57 м.	На ЮЮВ (145°).	На спине, вытянутое.	»	Женский, возмужало-зрелый.
148	От пикета B ₃ 0.61—0.63 м.	—	Разрушенное. Сохранилось лишь несколько фрагментов костей.	»	Мужской (?), взрослый.
149	От пикета B ₃ 0.80—0.84 м.	На ЮЮВ(?). (150°).	Разрушенное.	»	Женский, зрелый.
150	От пикета B ₆ 0.67—0.66 м.	На В с отклонением к С (70°).	На спине, череп повернут вправо, левая рука согнута в локте, кисть — в области таза, правая вытянута вдоль туловища, кисть ее — на правом бедре.	»	Женский (?), зрело-старческий.
151	От пикета II ₅ 0.88—0.99 м.	На В с отклонением к Ю (110°).	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, правая плечевая кость смещена.	»	Мужской, зрелый.

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залежание в общей могильной яме	Примечания
Очень слабая.	1 кремневый нож, 4 поделки из кости, 2 резца лося.	—	—	Сохранность костей исключительно плохая.
Едва заметная.	1 сланцевый нож, 2 клыка медведя, 1 обломок костяной поделки, 3 резца лося, 12 бобровых пластинок.	Зубы северного оленя и кости птицы.	—	Сохранность костей исключительно плохая.
Интенсивная.	№ 139 — 1 резец лося и 1 костяной наконечник; № 140 — кинжаловидное орудие, 2 резца лося, 1 обломок костяного наконечника.	—	Одновременное.	Сохранность костей плохая.
»	1 костяной наконечник, 9 бобровых пластинок.	—	В одной могильной яме с № 139-140, но более раннее.	» » »
»	1 костяная проколка и 1 фрагмент костяного наконечника.	—	—	—
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
»	3 просверленных гальки, 1 костяная подвеска, 4 резца лося, 1 бобровая пластинка, 1 костяная поделка.	Зубы и клык волка, кости птицы.	—	Сохранность костей очень плохая.
»	9 костяных наконечников, 1 кремневый наконечник, 1 костяная проколка, 1 шлифовальная плитка (?), 2 бобровых пластинки.	Рог животного.	—	—
»	7 костяных подвесок, 6 обломков костяных поделок, 7 бобровых пластинок, 1 сланцевая галька.	Кости птицы.	—	—
Интенсивная.	1 костяной наконечник и 54 резца лося.	—	—	Сохранность костей очень плохая.
—	—	—	—	—
—	—	—	—	Сохранность костей исключительно плохая.
Интенсивная.	1 костяное острие — проколка (?) и 6 бобровых пластинок.	—	—	—
»	3 клыка медведя, 8 резцов лося.	—	—	Скопление костей, относящихся к другому погребению.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировна головой	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
152-153	От пикета P_6 0.69—0.84 м, 0.68—0.79 м.	На СВ (60—65°).	№ 152 — на спине, вытянутое, череп повернут вправо (к № 153), левая рука согнута в локте, правая — вдоль туловища; № 153 — на спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисть левой руки — в области таза, правой — на верхней части бедра.	Двойное, в общей могильной яме.	№ 152 — женский, зрелый; № 153 — мужской, зрелый.
154-155	От пикета $П_4$ 0.72—0.66— —0.75 м.	На В с отклонением к С (75°).	№ 154 — разрушенное, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук — в области таза; № 155 — разрушенное.	Двойное.	№ 154 — детский I—II; № 155 — детский I.
156	От пикета P_3 0.87—0.81 м.	То же.	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, руки согнуты в локтях.	Единое.	Женский (?), старческий.
157	От пикета T_3 0.84—0.88 м.	На В с отклонением к Ю (120°).	Разрушенное. Кости и вещи находятся во вторичном залежании.	»	Женский, возмужалый.
158	От пикета I_{23} 0.79—0.78 м.	То же.	На спине, вытянутое, череп повернут вправо, левая рука согнута в локте.	»	Мужской, зрелый.
159	От пикета Γ_{24} 0.72—0.63 м.	На В с отклонением к С (80°).	На спине, вытянутое, руки вдоль туловища.	»	То же.
160	От пикета T_{11} 0.66—0.67 м.	На ЮВ (135°).	На левом боку, ноги согнуты в тазобедренном сочленении под прямым углом и в коленях, левая рука согнута в локте и отнесена вперед.	»	» »
161-162	От пикета V_{11} 0.70—0.75 м.	На В с отклонением к С (75°).	№ 161 — на спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза; № 162 — остатки детского скелета вдоль правой руки погребения № 161.	Двойное.	№ 161 — женский, возмужалый; № 162 — детский.
163	От пикета B_{15} 0.57—0.63 м.	На В с отклонением к Ю (116°).	На спине, вытянутое, руки согнуты в локтях, кисти рук — в области таза.	Единое.	Мужской, возмужалый.
164	От пикета E_{23} 0.69—0.70 м.	На В с отклонением к Ю (112°).	На спине, вытянутое.	»	Мужской, старческий.
165	От пикета Γ_{23} 0.55 м.	—	Разрушенное, положение не прослеживается.	»	—

Степень засыпки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залежание в общей могильной яме	Примечания
Средняя.	№ 152 — костяная проколка; № 153 — 1 рукоять из рога с головой лося, 2 костяных накопечника, 1 резец лося и 1 бобровая пластинка.	№ 153 — 5 коренных зубов лося.	Одновременное.	—
Интенсивная.	—	—	»	—
»	1 кремневая пластинка с ретулью по краю — нож, 1 костяная проколка, 2 крупные гальки, 4 клыка медведя, 46 резцов лося, 3 бобровых пластинки, 2 фрагмента костяной пластинки.	2 фаланги животного.	—	—
Интенсивная.	2 сланцевых ножа, 1 обломок кремневой пластинки, 3 клыка медведя, 151 резец лося, 24 бобровых пластинки, обломки костяных острий.	Обломок рога и трубчатой кости животного, зубы лося, кости грызуна.	—	Видимо, разрушено в древности.
Слабая.	1 костяной наконечник и 1 костяное острие.	—	—	—
—	—	—	—	Погребение сильно пострадало от поздней ямы.
Средняя.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
Интенсивная.	№ 161 — 2 сланцевых ножа, 1 сланцевая круглая пластинка, 2 клыка медведя, 25 резцов лося, 2 бобровые пластинки, 1 фрагмент костяной поделки; № 162 — отсутствует.	3 кости грызуна.	Одновременное.	Сохранность костей исключительно плохая.
Слабая.	—	—	—	Сохранность костей плохая.
»	—	—	—	Сохранность костей исключительно плохая.
—	—	—	—	Повидимому, разрушено соседней ямой.

№ погребения	Глубина захоронения	Ориентировка головой	Положение скелета	Характер захоронения	Пол и возраст
166	От пикета Л ₈ 0.85—0.42 м.	—	Разрушенное, фрагменты костей.	Единичное.	—
167	От пикета А 0.78—0.93 м.	—	То же.	»	—
168	От дневной поверхности 0.45 м.	Повидимому, на В.	Разрушенное, кости в беспорядке.	»	—
169	От дневной поверхности 0.55—0.70 м.	На В.	На спине, вытянутое, руки — вдоль туловища.	»	—
170	От дневной поверхности 0.89 м.	То же.	Разрушенное, остатки двух погребений в обресе карьера.	Двойное.	—

Степень запытки охрой	Сопровождающий инвентарь	Остатки костей животных	Залегание в общей могильной яме	Примечания
—	—	—	—	—
Очень слабая.	—	—	—	Кости распространялись с СЗ на ЮВ.
Слабая.	1 обломок костяной поделки, 1 точильный брусок.	—	—	—
—	—	—	—	Сохранность костей исключительно плохая.
Слабая.	1 костяной наконечник.	—	—	—

ПОЛ И ВОЗРАСТ КОСТЯКОВ ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
(по определению М. М. Герасимова, Е. В. Жирова, В. П. Икимова)¹

№ погребения	Пол	Возраст	Примечания
2-	Женский (?).	—	} Детский — в области таза и между бедренными костями женского.
-2а	—	Детский.	
3-	Женский (?).	—	} Детский между костями ног женского.
3а	—	Детский.	
8-	Мужской (?).	—	} Совместное залегание, одновременное.
-9	Женский (?).	—	
15	Мужской (?).	—	
21	Мужской.	—	
26-	»	—	} Совместное залегание, одновременное.
-27-	»	—	
-28	»	—	
46	Мужской (?).	—	} Совместное залегание, одновременное.
49	Мужской.	Возмужалый.	
50	Женский (?).	—	
52	Женский.	Возмужалый.	
53	»	Зрелый.	
54	Мужской.	Старческий.	
55-	Женский.	Возмужалый.	
-56-	Мужской.	Зрелый.	
-57	Женский.	Возмужалый.	
58	Мужской.	Зрелый.	
59	»	»	
60	»	»	
62	Женский.	Варослый.	
63	Женский (?).	—	
64	»	Юношеский.	
65-	Мужской.	Старческий.	} Совместное залегание, одновременное.
-66	Женский.	Возмужалый.	
67	Мужской.	Старческий.	
68	Женский.	Зрелый.	
69	Мужской.	Возмужалый.	
70	—	Юношеский.	
71	Мужской.	Старческий.	
72	Женский.	Зрелый.	
73	Мужской.	Возмужалый.	
74	—	Юношеский.	
75	Мужской (?).	Молодой.	
76	Мужской.	Зрелый.	
76а	»	Возмужалый.	
78	Женский.	Старческий.	
79	Мужской.	Возмужалый.	
80-	—	Детский II.	} Совместное залегание, одновременное.
-81	Мужской.	Зрелый.	
82	Мужской (?).	—	

¹ Погребения, пол и возраст которых не определен антропологами, в таблицу не включены.

№ погребения	Пол	Возраст	Примечания
83	Женский.	Возмужалый.	
84-	—	Детский II.	} Совместное залегание, одновременное.
85-	Мужской.	Возмужалый.	
86	Женский.	Старческий.	
87	»	Юношеский.	
88	Мужской.	Взрослый.	
89	»	Зрелый.	
90	»	Старческий.	
91	Женский (?).	Взрослый.	
92	—	Детский II.	
93-	Женский.	Зрелый.	} Совместное залегание, одновременное.
94-	»	Возмужалый.	
95	»	Юношеский.	
96	Мужской.	Возмужалый.	
97	Женский.	Возмужалый (?).	
98	Мужской.	Зрелый.	
99	Мужской (?).	»	
100	Мужской.	Возмужалый.	
101	Женский.	»	
102	»	»	
103-	—	Детский I.	} Совместное залегание, одновременное.
104-	—	»	
105-	—	Детский.	
106	Женский.	Зрелый.	} Помимо того, найдены кости взрослого субъекта.
107	»	Возмужалый.	
108	Мужской.	»	
109	—	Детский II.	
110-	Женский.	Старческий.	} Совместное залегание, одновременное.
111-	»	Возмужалый.	
112	—	Взрослый.	
113	Мужской.	Зрелый.	
114	»	Возмужалый.	
115	»	Возмужало-зрелый.	
116	Женский.	Юношеский.	
117	Мужской.	Возмужалый.	
118	Женский.	Юношески-возмужалый.	
118a	Мужской.	Взрослый.	
119	»	Возмужалый.	
120	»	Зрелый.	
121-	—	Детский II.	} Совместное залегание, одновременное.
122-	—	Детский I.	
122a	—	Детский II.	
123	Женский.	Юношеский.	
124	»	Возмужалый.	
125	Мужской.	Зрелый.	
126	Женский (?).	—	
127	Женский.	Старческий.	
128	Мужской.	Зрелый.	
130	Мужской (?).	Старческий.	
131	Мужской.	Зрелый.	
132	»	»	
133	»	Возмужалый.	
135	»	Зрелый.	
136	»	»	
137	»	Взрослый.	
138	Мужской (?).	—	

№ погребения	Пол	Возраст	Примечания
139-	Мужской.	Старческий.	} Совместное залегание, одновременное.
-140	»	»	
141	Женский.	Возмужалый.	} Совместное залегание, одновременное.
142	Мужской.	Зрелый.	
143	Женский.	»	
144	»	»	
145	Мужской.	»	
146	Женский.	»	
147	»	Возмужало-зрелый.	
148	Мужской (?).	Взрослый.	
149	Женский.	Зрелый.	
150	Женский (?).	Зрело-старческий.	
151	Мужской.	Зрелый.	
152-	Женский.	»	} Совместное залегание, одновременное.
-153	Мужской.	»	
154-	—	Детский I—II.	} Совместное залегание, одновременное.
-155	—	Детский I.	
156	Женский (?).	Старческий.	} Совместное залегание, одновременное.
157	Женский.	Возмужалый.	
158	Мужской.	Зрелый.	
159	»	»	
160	»	»	
161-	Женский.	Возмужалый.	
-162	—	Детский.	
163	Мужской.	Возмужалый.	}
164	»	Старческий.	

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ФАУНА, ВСТРЕЧЕННАЯ В ОЛЕНЕОСТРОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ
(по определению В. В. Карачаровского)

№ п./п.	Вид животного	Количество особей	№ погребения	Число определенных остатков	Минимальное количество особей	Найденные кости	Примечания
1	Северный олень (Rangifer tarandus).	11	56	6	1	Зубы. Зубы и фрагменты челюсти. Кости. Коренные зубы. То же. » » » » (1 очень старая)	
			61	25	3		
			64	1	1		
			82	5	1		
			107	2	1		
			133	2	1		
			138	18	3		
			138	18	3		
2	Лось (Alces alces Og.)	11	5	25	2	Коренные зубы, фаланги, часть копыта. Зубы. Коренные зубы. Череп. Коренные зубы. Зубы. Коренные зубы. » »	Включено на основании полевого дневника. Включено на основании полевого дневника.
			25	—	1		
			64	1	1		
			67	3	1		
			97	9	3		
			119	1	1		
			153	5	1		
			157	—	1		
3	Бобр (Castor fiber).	14	5	3	1	Коренные зубы. Кости. Коренные зубы. Нижние челюсти бобра. Фрагмент челюсти с резцом. » » Кости. Фрагмент челюсти. Зуб.	Имеют отверстия, использованы в качестве подвесок. Включено на основании полевого дневника. Включено на основании полевого дневника.
			13	3	2		
			64	2	1		
			100	6	5		
			103	1	1		
			114	1	1		
			116	2	1		
			125	1	1		
			127	1	1		
			4	Волк (Canis lupus).	7		
74	2	1					
111	2	1					
115	6	1					
116	3	1					
132	2	1					
144	2	1					

№ п./л.	Вид животного	Количество особей	№ погребения	Число определенных остатков	Минимальное количество особей	Найденные кости	Примечания
5	Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i>).	4	57 68 116 132(?) 100	1 3 1 3	1 1 1 1	Коренной зуб. Зубы. Челюсть. Трубчатые расколотые кости.	
6	Собака (<i>Canis familiaris</i>).	2	25 59	1 1	1 1	Челюсть. Клык с нарезкой.	} Включено на основании определения В. И. Бибиковой.
7	Грызун.		157 161	1 1	1 1	Кости. Кости.	
8	Птицы.	Кости птиц, главным образом трубчатые, встречены в 25 погребениях: №№ 5, 14, 55, 56, 61, 64, 65, 66, 67, 69, 74, 82, 85, 92, 99, 100, 116, 119, 125, 130, 138, 144, 146. В погребениях №№ 58 и 87 кости птиц определены условно.					
9	Животные.	Неопределимые кости животных встречены в 14 погребениях: №№ 29, 39, 45, 46, 57, 97, 100, 108, 118, 127, 145, 156, 157, 161. В погребениях №№ 58 и 87 кости животных определены условно.					

СТОЯНКА НА ЮЖНОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ

В целях отыскания новой группы погребений в Оленеостровском могильнике в 1938 г. Н. Н. Чернягиным, руководившим работами, было заложено 4 разведочных траншеи на площадке, примыкающей к могильнику, но расположенной несколько ниже его (ближе к озеру).

На вскрытой площадке захоронений не оказалось, если не считать разрозненные обломки человеческих костей. В то же время здесь был обнаружен культурный слой, содержащий каменные орудия. Условия не позволили произвести тогда полных раскопок стоянки. Они не были продолжены и в последующие 15 лет. Работы возобновились на ней лишь в 1953 г., при посещении Оленьего острова Карельской экспедицией, имевшей разведочный характер.¹

В результате этих исследований был собран очень своеобразный каменный инвентарь и выяснена общая стратиграфия памятника. Однако весьма ограниченные масштабы работ² не позволяют сейчас ответить с полной определенностью на ряд вопросов, возникающих в связи с изучением данного памятника, чему в сильной степени способствует значительная оригинальность его материала.

Площадь раскопа, вскрытая в результате разведочных работ 1938 и 1953 гг., исчислялась около 70 кв. м. Следует полагать, что это составляет лишь незначительный процент к общей площади, занятой куль-

турным слоем стоянки.¹ На вскрытых участках удалось проследить следующую стратиграфию:

1. Дерновый слой — 0.05 м.
2. Подзолистый слой, очень рыхлый, светлорозового цвета, с большим количеством крупной гальки, содержащий культурные остатки. Средняя мощность его равняется 0.30 м. Местами наблюдаются западины слоя, до 0.70—0.75 м. Несмотря на тщательность наблюдений над глубиной залегания, находок каких-либо прослоек в культурном слое обнаружить не удалось, вследствие чего следует сделать вывод о его однородности.
3. Крупнозернистый гравий мощностью 0.06—0.10 м, с очень тонкими прослойками более мелкого и светлого гравия.
4. Подстилающим слоем повсюду являлся известняк.

Находки залегали в оподзоленном рыхлом слое, преимущественно в верхнем его горизонте, и состояли исключительно из каменных изделий, основную массу которых составляли отщепы и обломки. Число орудий и их заготовок очень невелико.

Материалом для орудий послужил светлосерый сланец, среди которого много кремнистого, роговик, кремь и кварцит. Все крупные орудия изготовлены из сланца, для выделки мелких использован кремь и кремнистый сланец. Орудия из кварца отсутствуют, эта порода представлена лишь немногочисленными отщепами и осколками небольших размеров; изделия из кварцита и песчаника единичны. Фаунистических остатков, изделий из кости и керамики обнаружено не было; отсутствовали и ка-

¹ С целью установления, полностью ли к настоящему времени исчерпана площадь могильника и стоянки.

² Исследование стоянки намечено провести в ближайшие годы.

¹ Исходя из того, что культурный слой с находками был обнаружен нами при зачистке ям и обрезов на значительном расстоянии от места раскопок, следует сделать заключение, что площадь стоянки была не менее 500 кв. м.

кие-либо следы очагов и жилых комплексов. Отчетливо выступающая однородность материала, заставляет рассматривать его как единое целое.

Переходя к краткому описанию инвентаря стоянки, следует заметить, что явно выраженных типов орудий имеется сравнительно немного. Некоторые изделия весьма неотчетливы по форме, что затрудняет определение их функционального назначения.

Наиболее отчетливо выраженными по форме и совершенными по технике обработки являются скребки, занимающие по численности первое место (14 экз.). Все скребки изготовлены на отщепе, невелики по размерам и тщательно отретушированы. Материалом для них послужил цветной кремль различных оттенков (10 экз.) и темный кремнистый сланец (4 экз.). Особого внимания заслуживают 4 скребка подчетырёхугольной формы, имеющие ретушь не по одному, а по двум и более краям (рис. 83, 1, 6, 8, 9). Один из них (рис. 83, 1) изготовлен на отщепе черного кремнистого сланца. Ретушь покрывает два противоположных края со спинки и частично один из краев со стороны брюшка. Второй скребок (рис. 83, 6), из темносерого кремня, имеет два рабочих края, расположенных под углом друг к другу, но на противоположных сторонах орудия: один со спинки, другой — с брюшка. Третий скребок, миниатюрного размера (рис. 83, 9), представляет собой кремневую пластинку красновато-коричневого цвета, имеющую следы предварительных сколов со спинки и мелкую ретушь по всем четырем краям с брюшка; наконец, четвертый экземпляр обработан с трех краев (рис. 83, 8).

Следует отметить также миниатюрный кремневый скребок округлой формы (рис. 83, 5), исключительно тщательно обработанный, и скребок из серого кремня с овальным рабочим краем (рис. 83, 7).

Наиболее отчетливо выражены три концевых скребка, изготовленных из ножевидных пластинок кремнистого сланца с ретушью на конце (рис. 83, 2—4). Кроме того, имеется два скребка, менее выраженных по форме (рис. 83, 11, 14).

По характеру обработки наиболее близко к скребкам стоят кремневые ножевидные пластинки — 6 экземпляров. Две из них мелкие, с ретушью по одному или двум длинным краям орудия (рис. 83, 12, 13), третья (рис. 83, 17) представляет собой часть

сравнительно крупной призматической пластинки из темного кремня с ретушью преимущественно по верхней части одного из краев (со стороны брюшка). На спинке прослеживаются заметные следы предварительных сколов.

Особого интереса заслуживает резчик из сероватого кремня, изготовленный из изогнутой ножевидной пластинки, срезанной под углом (рис. 83, 18). Мелкая тщательная ретушь, покрывающая рабочий конец орудия, придает ему известную остроту, а изогнутость пластинки — клювовидную форму. Вторая ножевидная пластинка, также служившая, по видимому, резчиком, имеет ретушь лишь по одной стороне, ближе к рабочему концу (рис. 83, 19). Наконец, следует указать на наличие двух сравнительно крупных ножевидных пластин с частичной ретушью по краю и на конце — резчики (рис. 83, 20 21).

Этим и ограничивается перечень орудий из кремня. Количество орудий из сланца очень невелико и они, за исключением немногих, мало выразительны. Наиболее отчетливыми являются топоры, представленные двумя целыми и одним обломанным экземпляром. Целый массивный полированный топор (рис. 84, 2) из серого сланца весьма совершенен по технике обработки. Вся внешняя поверхность его очень тщательно зашлифована и лишь тыльная часть обработана крупными сколами с целью сделать ее более тонкой и удобной для скрепления с рукояткой. На округлом рабочем крае видны мелкие выщербинки — следы употребления. Длина топора около 15 см, ширина лезвия 5.2 см, высота 3.5 см. Поперечное сечение округлое.

Второй топор сильно уплощен и имеет четырехугольное поперечное сечение. Форма его асимметрична (один край резко сужен к тыльной части), лезвие очень сильно сработано (рис. 84, 3).

Обломки топоров представляют собой тыльные части со следами сколов и зашлифовки.

Наиболее многочисленными являются заготовки преимущественно крупного размера. Одна из них (рис. 84, 4) представляет собой кирку русско-карельского типа, со следами многочисленных сколов, формирующих все три стороны орудия, одна из которых уплощена, а две другие округлы и сходятся под углом друг к другу. Следов

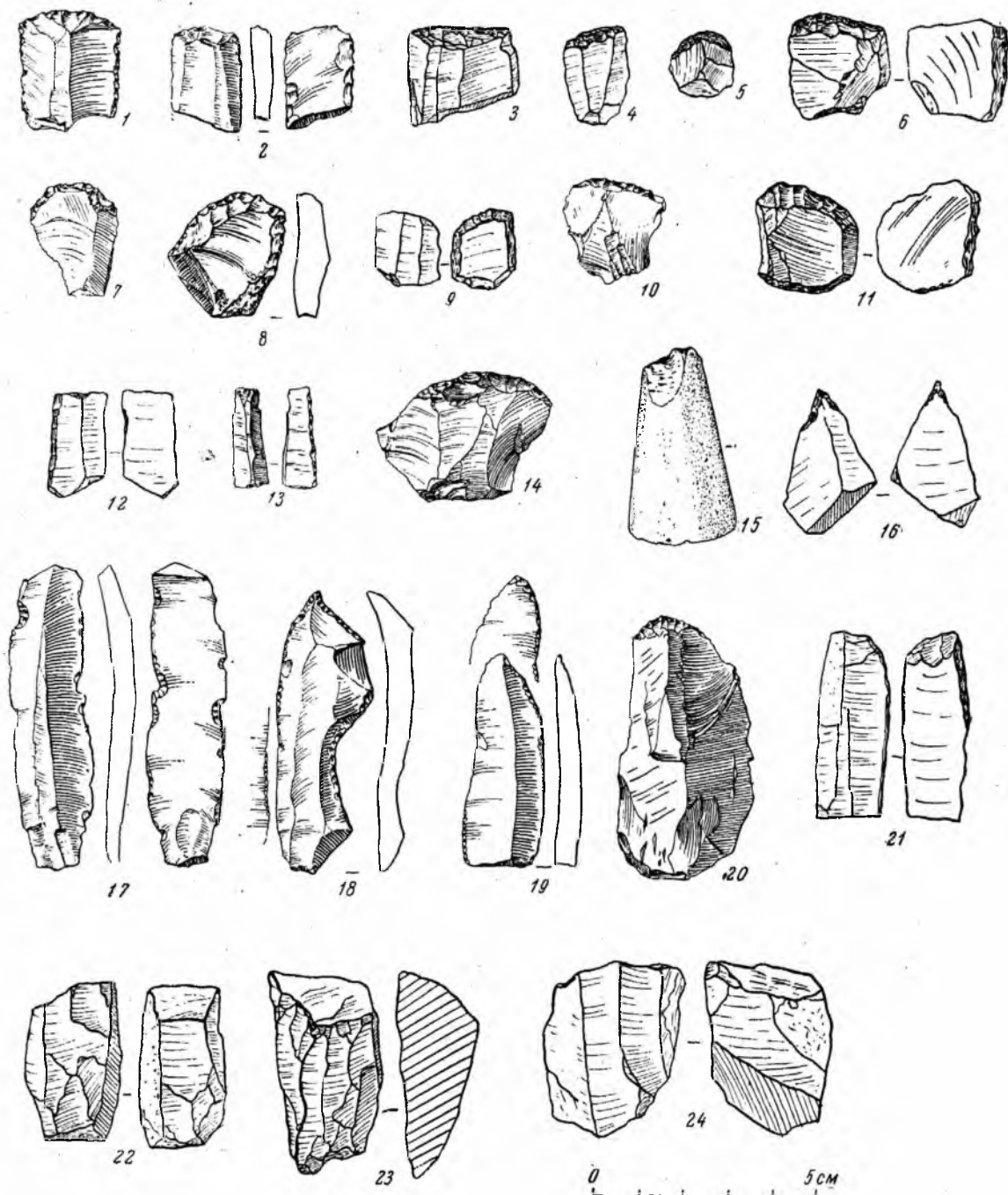

Рис. 83. Каменные орудия из стоянки на Б. Олесьем острове (1—24).

зашлифовки не прослеживается, на рабочем конце имеются сколы. Длина орудия 13 см, ширина 4.5 см, высота 3.5 см.

Второй экземпляр (рис. 84, 1) напоминает сланцевое долото, четырехугольное в се-

чении, со следами сколов, образующих острый край. Сработанности не наблюдается.

Следует отметить также заготовки под топоры (преимущественно тыльные части) и небольшой отщеп (рис. 83, 16) тре-

угольной формы с треугольным же поперечным сечением. Конец его обработан мелкой ретушью, формирующей острый край. Вероятнее всего, данное орудие служило

ляясь отбойниками или скребками, а в отдельных случаях и заготовками). К числу таких орудий следует отнести прежде всего две сланцевые гальки миндалевидной формы,

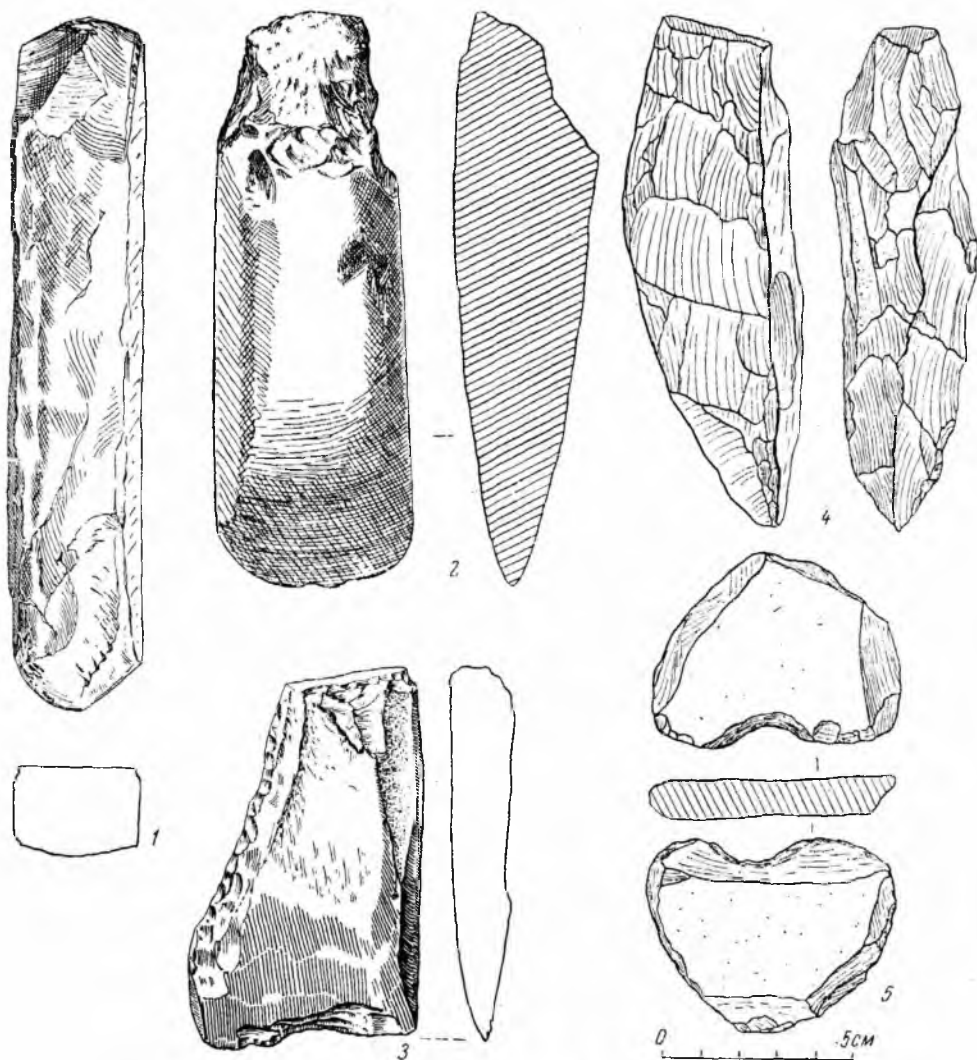

Рис. 84. Крупные каменные орудия из стоянки на Б. Оленьем острове (1—5).

проколкой. Длина ее 3.2 см, ширина 3.1 см, высота 0.9 см.

Среди остального материала, состоящего преимущественно из многочисленных крупных обломков и отщепов сланца, можно выделить ряд орудий случайных форм, назначение которых не всегда удается определить. Большинство из них служило, видимо, для временного употребления (яв-

уплощенные крупными сколами, сплошь покрывающими обе поверхности и края, а также две массивные сланцевые гальки, близкие по назначению к скребловидным орудиям. Одна из них подчетыреугольных очертаний, покрытая на большей части своей поверхности галечной коркой. Один край орудия обработан сколами и крупной ретушью (рис. 85, 8). Вторая галька с одной

стороны уплощена, а с другой по округлому краю имеет следы сколов (рис. 85, 4). Наконец, третья массивная сланцевая галька

Ряд массивных сланцевых отщепов также имеет следы предварительной обработки, на некоторых из них наблюдается частичная

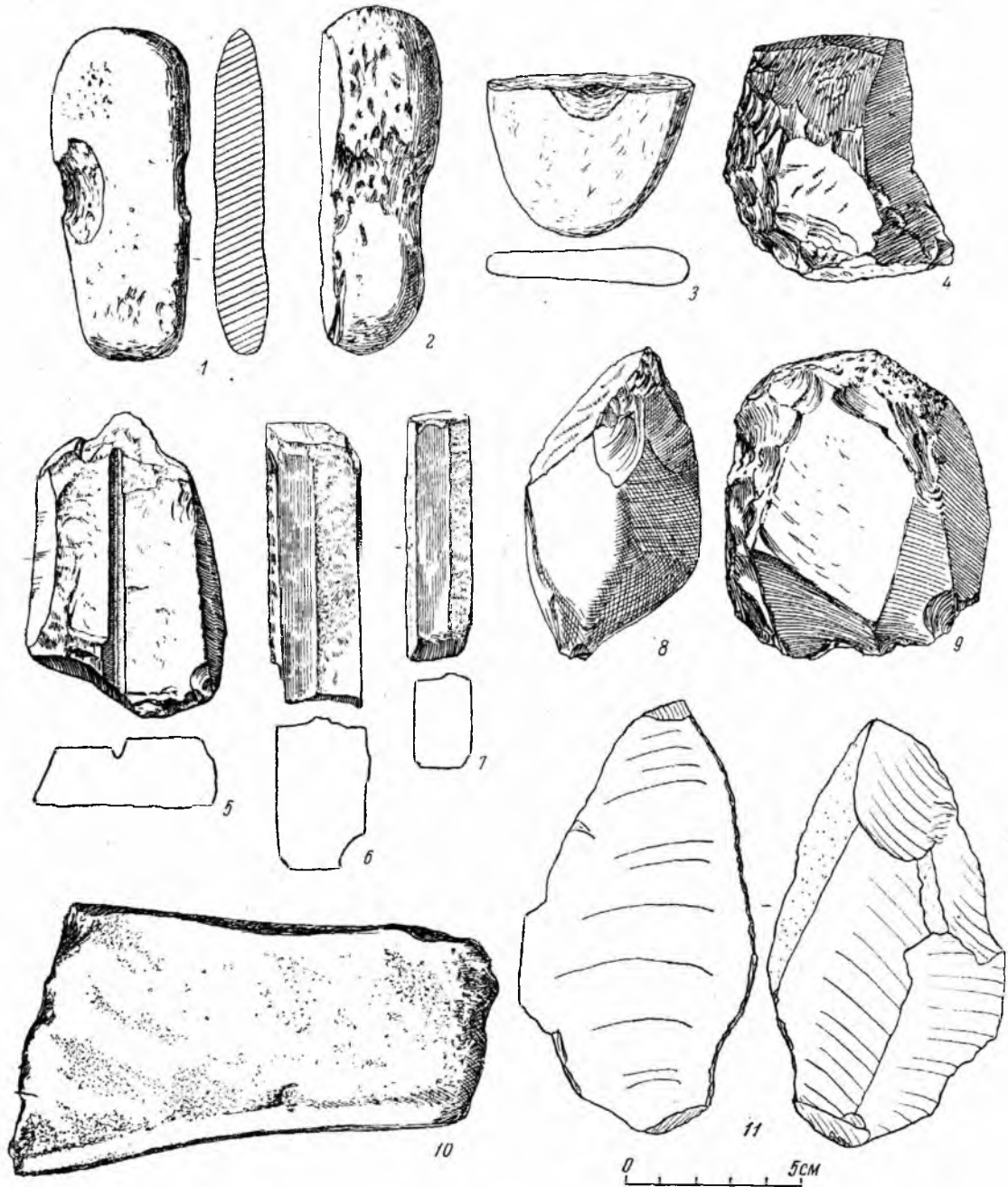

Рис. 85. Крупные сланцевые орудия и заготовки из стоянки на Б. Оленьем острове (1—11).

хранит на себе, помимо сколов, следы многочисленных ударов; вероятно, она служила отбойником (рис. 85, 9).

ретушь (рис. 85, 11). Однако определить назначение данных орудий не представляется возможным.

Обращают на себя внимание четыре гальки, служившие, повидимому, грузилами. Одна из них сланцевая, удлиненной формы, с подчетырехугольным поперечным сечением (рис. 85, 2). В средней части ее имеются сколы, образующие желобок, опоясывающий орудие (длина гальки 10 см, ширина 4.8 см, высота 3.5 см). Вторая, близкая к ней по форме, слегка уплощена (рис. 85, 1) и имеет выемки только с двух противоположных сторон. Наконец, встречены совсем плоские гальки треугольной формы, отличающиеся от первых лишь тем, что имеют выемку на одной стороне (рис. 84, 5).

К числу грузил следует отнести и очень сильно уплощенную, небольшого размера хорошо окатанную овальную гальку с углублениями, выбитыми с двух противоположных сторон. Окончательно отверстие не было пробито, повидимому, вследствие того, что галька сломалась (рис. 85, 3).

Из всех предметов, найденных на стоянке, только одну поделку можно рассматривать как украшение. Это обломок плоской шлифованной пластинки из мелкозернистого кварцита розовато-серого цвета, с овальным поперечным сечением и сильно сточенными краями (длина ее 4.3 см, ширина 2.4 и 1.3 см, высота 0.4 см; рис. 83, 15).

Кроме собственно орудий, на Оленеостровской стоянке имеются изделия вспомогательного назначения: точило, шлифовальная плита и камни со следами пиления.

Точило представляет собой плоскую плитку из красновато-коричневого песчаника (длина 10—11 см, ширина 8 см, высота 1.5 см; рис. 85, 10). Одна из широких сторон и узкие боковые грани сильно заглажены. От длительного употребления на широких плоских сторонах ее образовались овальные углубления.

Определенный интерес представляют три плоских куска сланца со следами пиления. В двух из них пропилен доведен примерно до середины бруска, после чего они были обломаны (рис. 85, 6, 7). Третий экземпляр пропилен по середине лишь частично. Малая ширина распила свидетельствует о незначительной толщине пилы (85, 5).

Рассматривая материал стоянки, нельзя не заметить, что среди многочисленных отбросов производства нуклеусов и нуклеидных обломков встречается весьма мало. Размер их невелик. Наиболее отчетливо

выраженными следует считать два небольших нуклеуса темносерого кремнистого сланца, напоминающие по форме призматические (рис. 83, 22—24). На одном из них конец, противоположный плоской ударной площадке, имеет следы сбитости, свидетельствующей о вторичном использовании нуклеуса в качестве отбойника (рис. 83, 23).

Третий нуклеус (также из темносерого кремнистого сланца) имеет на одном конце скошенную ударную площадку, тогда как второй конец сведен на конус.

Как уже указывалось выше, основную массу находок на стоянке составляли отщепы и осколки кремнистого сланца, роговика, а также частично кремня и кварца различной формы и размера.

При рассмотрении материалов стоянки естественно самым важным для нас вопросом является выявление сходства или различия ее материала с материалом могильника с целью установления их синхронности.

Подвергая анализу материал стоянки с этой точки зрения, мы вынуждены прийти к заключению об отсутствии сходства между ними. Прежде всего, как следовало из описания инвентаря, в Оленеостровском могильнике наиболее широко применяемой породой камня является кремень. Последний имеет очень высокое качество и специфическую расцветку — темносерый с темными пятнами или розовато-желтоватый. Кремень, встреченный на стоянке, отнюдь не обладает этими чертами. Прежде всего он совершенно иной по цвету (светлосерый и красноватый) и далеко не высокого качества. Розовато-желтый кремень здесь отсутствует. Не совпадают и формы кремневых орудий. Как мы могли видеть, орудия, изготовленные из ножевидных пластин, представлены в стоянке в виде единичных скребков, которые не характерны для могильника. Наконечники стрел, являющиеся наиболее типичными для инвентаря могильника, на стоянке отсутствуют.

Показательным в этом отношении следует считать и отсутствие на стоянке сланцевых ножей, столь обильно представленных в могильнике. Тип других сланцевых орудий, и прежде всего топоров, также совершенно иной, чем в могильнике.

Отсутствие на стоянке костяных орудий не позволяет в этом плане произвести сопоставление обоих памятников.

Таким образом, на основании материала со стоянки, имеющегося у нас в настоящее время, мы не можем установить черт сходства между стоянкой и могильником, несмотря на столь близкое соседство их друг с другом, а следовательно, не вправе считать их синхронными.

Учитывая наличие на территории стоянки раздробленных человеческих костей, разбитых в древности и находящихся во вторичном залегании, следует сделать вывод, что между существованием могильника и стоянки лежит весьма значительный отрезок времени. Последний должен быть достаточным для того, чтобы люди, поселившиеся на Оленьем острове (вероятно, лишь на короткое время), забыли о существовании здесь могильника или во всяком случае перестали бы на нем хоронить умерших.

Таким образом, стоянку на Оленьем острове следует считать более поздней, чем могильник.

К сожалению, более чем ограниченная площадь раскопок на стоянке не дает нам полноценного материала. По всей вероятности, при условии полного ее раскрытия и соответственного увеличения количества инвентаря возможно было бы гораздо точнее определить время ее существования. В данный момент решение этого вопроса затруднено, прежде всего вследствие отсутствия здесь керамики и орудий, типичных для карельских неолитических стоянок (за исключением заготовки под кирку русско-карельского типа). Следует только отметить, что характер ее материала не выходит из рамок неолита.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ИАЭ — Институт антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistys sen Aikakauskirja.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От автора	5
Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера (В. И. Равдоникас)	7
Формы обряда погребений	25
Инвентарь Оленеостровского могильника	63
Хозяйство и образ жизни	159
Некоторые данные об общественных отношениях	197
Искусство	213
Верования	228
Датировка могильника	247
Заключение	260

П р и л о ж е н и я I—V

<i>Приложение I.</i> Описание погребений	265
<i>Приложение II.</i> Сводная таблица погребений Оленеостровского могильника	390
<i>Приложение III.</i> Пол и возраст погребенных Оленеостровского могильника (по определению М. М. Герасимова, Е. В. Жарова, В. П. Якимова)	418
<i>Приложение IV.</i> Фауна, встреченная в Оленеостровском могильнике (по определению В. В. Карачаровского)	421
<i>Приложение V.</i> Стоянка на Южном Оленьем острове	423

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Л. Л. Викторова*
Технич. редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *Г. А. Рудницкая*

*

РИСО АН СССР № 104—81В. Подписано к печати
16/IV 1956 г. М-24344. Бумага 80 × 108/16. Бум.
л. 13¹/₂. Печ. л. 44.28. Уч.-изд. л. 43,67+11 вкл.
(2.27 уч.-изд. л.). Тираж 1500. Зак. № 381.
Цена 29 р. 70 к.

1-я Типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Столбец</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
45	Табл. 4, графа «Примечания»	2 сверху	обнажены	обнаружены
161	Правый	5—6 снизу	погребений №№ 57 и 153,	погребений №№ 56 и 153,
255	»	18 снизу	лесостепной	лесной
378	»	23 сверху	к кости	кости
389	»	5 снизу	разрушенное	разрушено

Н. Н. Г у р и н а. Оленеостровский могильник.

* 1016
242